
СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

из цикла «Темная Башня»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
THE DARK TOWER III:
The Waste Lands

Перевод с английского Т. Покидаевой

Оформление дизайн-студии «Три кота»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 17.08.17. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 31,92. Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3360.

Кинг, Стивен.

К41 Бесплодные земли: из цикла «Темная Башня» : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. Т. Покидаевой]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 605, [3] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-083370-2

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. В долгом и опасном пути его сопровождают люди из реального мира — мелкий воришка-наркоман и женщина с раздвоенным сознанием. Путникам противостоит могущественный колдун — «человек в черном», некогда предсказавший Роланду судьбу по картам Таро...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 1991
© Перевод. Т. Покидаева, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

С благодарностью посвящаю третий
том этой истории моему сыну
ОУЭНУ ФИЛИППУ КИНГУ

Кхеф, ка и ка-тет

Предисловие автора

«Бесплодные земли» — третья книга долгого повествования, навеянного и до какой-то степени основанного на поэме Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»*.

В первой книге, «Стрелок», повествуется о том, как Роланд, последний стрелок из мира, который «сдвинулся с места», преследует и наконец настигает человека в черном, колдуна по имени Уолтер, который обманом завоевал дружбу отца Роланда в те давние дни, когда мир не утратил еще своей целостности. Погоня за этим недочеловеком-чернокнижником не являлась конечной целью Роланда. Эта погоня была лишь, скажем так, еще одной дорожной вехой на пути к могучей и таинственной Темной Башне, что стоит в узле времени.

Кто такой Роланд? Каким был его мир до того, как «сдвинулся с места»? Что это за Башня и почему он так к ней стремится? Ответы есть, но они отрывочны. Ясно, что Роланд — своего рода рыцарь, одержимый мечтой удержать (или, может быть, восстановить) тот мир, который он помнит как «исполненный любви и света». Но насколько этот мир соответствует воспоминаниям Роланда, остается, однако, неясным.

Мы знаем, что Роланд рано прошел обряд инициации и получил право зваться мужчиной. Случилось это после того, как он обнаружил, что его мать стала любовницей Мартена, колдуна, который был много могущественнее Уолтера. Мы знаем, что Мартен специально подстроил так, чтобы Роланд узнал об

---

* В переводе на русский язык В. Давиденковой эта фраза звучит так: «Роланд до Замка Черного дошел».

измене матери, — подстроил, надеясь, что парень не выдержит испытания и его «изгонят на Запад», в пустынные земли. Мы знаем, что Роланд разрушил планы Мартена, с честью пройдя боевое крещение.

Еще мы знаем, что мир Роланда неким непостижимым образом тесно связан с нашим миром и что иной раз бывает возможно пройти из одного мира в другой.

На заброшенной дорожной станции у бывшей торной дороги, что пролегает через пустыню, Роланд встречается с мальчиком по имени Джейк, который погиб в нашем мире: кто-то столкнул его с тротуара на углу одной из улиц Манхэттена прямо под колеса автомобиля. Умирая, Джейк Чеймберз увидел, как над ним наклоняется человек в черном — Уолтер, — и очнулся уже в мире Роланда.

Как раз перед тем, как они настигают человека в черном, Джейк умирает опять... на этот раз потому, что Роланд, второй раз в жизни поставленный перед мучительным выбором, решается все же пожертвовать своим — в символическом смысле — сыном. Вынужденный выбирать между Башней и ребенком, Роланд отдает предпочтение Башне. Прежде чем упасть в пропасть, Джейк успевает сказать Роланду: «Тогда иди — есть и другие миры, кроме этого».

Последняя схватка, последнее противостояние Роланда и Уолтера происходит на запыленной голгофе, усыпанной разлагающимися костями. Человек в черном гадает Роланду на картах Таро, приоткрывая будущее. Особенное внимание Роланда привлекают три очень странные карты: Узник, Госпожа Теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Действие второй книги, «Извлечение троих», начинается на берегу Западного моря вскоре после того, как завершилась последняя схватка Роланда с Уолтером. Обессиленный стрелок просыпается в самый глухой час ночи и видит, что волны прилива вынесли на берег ползучих чудовищ — плотоядных омарообразных тварей. Прежде чем он успевает убраться за пределы их досягаемости, одна из ползучих тварей наносит Роланду серьезные раны. Стрелок лишается двух пальцев на правой руке. Вдобавок к этому твари оказываются ядовитыми. Роланд

возобновляет свой путь на север по берегу Западного моря, но яд начинает действовать... стрелок слабеет... может быть, уже умирает.

По пути ему попадаются три двери, стоящие прямо на берегу. Открыть их способен только Роланд, и никто другой. Все они открываются в наш мир — а точнее, в тот самый город, где когда-то жил Джейк. Трижды Роланд посещает Нью-Йорк, каждый раз попадая в новый отрезок времени, с целью спасения собственной жизни и извлечения тех таинственных троих, которые призваны стать его спутниками на пути к Башне.

Эдди Дин (Узник) — наркоман, пристрастившийся к героину в Нью-Йорке конца 80-х годов. Шагнув из своего мира через дверь на берегу, Роланд оказывается в сознании Эдди Дина, когда тот, подвизавшийся в качестве перевозчика кокаина у некоего Энрико Балазара, сидит в самолете, совершающем посадку в аэропорту имени Джона Кеннеди. В ходе их совместных рискованных похождений Роланду удается раздобыть себе немного антибиотика и перетащить Эдди Дина в свой мир. Эдди, наркоман, обнаруживший, что в мире, куда его перенес Роланд, никакой наркоты нет и в помине (равно как нет и жареных цыплят), само собой, не испытывает никакой буйной радости от здешних красот.

Вторая дверь выводит Роланда к Госпоже Теней, а если точнее, к двум женщинам, заключенным в одном теле. На этот раз Роланд оказывается в Нью-Йорке конца 60-х и сталкивается с юной активисткой, прикованной к инвалидному креслу, ярой поборницей гражданских прав черного населения Америки — Одеттой Холмс. Но под оболочкой Одетты таится еще одна женщина: коварная и преисполненная ненависти Детта Уокер. Когда Роланд перетаскивает эту женщину с двумя личинами в свой мир, ее пребывание там грозит самыми что ни на есть непредсказуемыми последствиями как для Эдди, так и для стрелка, который быстро теряет силы из-за своей болезни. Одетта уверена, что все с ней происходящее — либо сон, либо бред; Детта, чей разум не столь изощрен, но зато более груб и, если так можно выразиться, прямолинеен, не терзает себя долгими раздумьями, а полностью сосредоточивается на том, как бы

прикончить Роланда и Эдди, которые в ее глазах предстают как «белые мудилы», желающие только одного — поглумиться над чернокожей калекой.

За третьей дверью стрелка поджидает Смерть — Джек Морт, убийца-маньяк. Время действия — Нью-Йорк середины 70-х. С подачи Морта в жизни Одетты Холмс/Детты Уокер дважды происходили необратимые изменения, хотя ни та, ни другая об этом не знали. Морт, чей modus operandi* заключается в том, чтобы толкнуть свою жертву или сбросить что-нибудь ей на голову, за время своей безумной (и все же чрезвычайно осторожной) «деятельности» успел опробовать на Одетте и то, и другое. Когда Одетта была еще девочкой, он сбросил ей на голову кирпич, из-за чего она долго потом пролежала в коме, а злобная Детта Уокер, незримая сестра Одетты, появилась на свет. Многие годы спустя, в 1959-м, пути Одетты и Морта пересекаются вновь, на станции подземки в Гринвич-Виллидже, и на этот раз Морт сталкивает ее под колеса прибывающего поезда. И снова Одетта не погибает, вопреки ожиданиям Морта, но платит страшную цену: поезд отрезает ей ноги по колено. Только присутствие героического молодого доктора (или, быть может, уродливый, но неукротимый дух Детты Уокер) спасает ей жизнь... по крайней мере так это выглядит со стороны. Роланд усматривает в этом сплетении судеб не простое совпадение, а вмешательство чего-то гораздо более мощного: титанические силы, окружающие Темную Башню, похоже, пришли в движение и опять собираются воедино.

Роланд понимает, что Морт, вероятно, стоит в самом центре еще одной загадки, таящей в себе разрушительный для человеческого разума парадокс. Потому что в то время, когда в жизнь Морта входит стрелок, тот избирает в качестве очередной жертвы не кого иного, как Джейка, того самого мальчика, которого Роланд встретил на дорожной станции и потерял в пещерах под горной грядой. У Роланда не было причин сомневаться в рассказе Джейка о подробностях своей гибели в нашем мире, не было у него и причин сомневаться в том, что

---

* Modus operandi — способ действия *(лат.)*. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Джейка убил Уолтер. Джейк видел священника в облачении среди толпы, что собралась в том месте, где он умирал, и Роланд узнал по его описанию человека в черном. Сомнений быть не могло.

Он и сейчас в этом уверен: это был Уолтер, о да, вне всяких сомнений. *Но допустим, что это Джек Морт, а не Уолтер столкнул Джейка под колеса приближающегося «кадиллака».* Возможно ли такое? Роланд не может с уверенностью этого утверждать, но если так оно и было, то где Джейк сейчас? Что с ним стало? Умер он? Или жив? Затерялся где-то во времени? И если Джейк Чеймберз по-прежнему жив в своем мире в Манхэттене середины 70-х, *то почему Роланд помнит о нем, об их встрече тогда, на дорожной станции?*

Невзирая на этот смущающий факт, быть может, чреватый опасностью в будущем, Роланд с честью выдерживает испытание таинственными дверьми... и переносит троих в свой мир. Эдди Дин принимает мир Роланда потому, что влюбляется в Госпожу Теней. Детта Уокер и Одетта Холмс, две женщины из тройки Роланда, наконец обретают целостность, слившись в единую личность, некий сплав, в котором есть что-то от них обеих. Этот «гибрид» способен принять любовь Эдди и ответить ему взаимностью. Одетта Сюзанна Холмс и Детта Сюзанна Уокер становятся новой, *третьей* женщиной: Сюзанной Дин.

Джек Морт погибает в подземке под колесами все того же поезда — легендарного поезда А, который лет пятнадцать-шестнадцать назад отрезал ноги Одетте. Ну и Бог с ним, невелика потеря.

И впервые за долгие годы Роланд из Гилеада уже не одинок в своем поиске Темной Башни. Эдди и Сюзанна заменили Катберта и Алена, друзей его юности, которых давно уже нет в живых... но над Роландом довлеет проклятие нести боль и смерть всем своим близким. Проклятие — по-другому и не назовешь.

В «Бесплодных землях» нас ждет продолжение истории троих пилигримов, бредущих по землям Срединного мира. Дей-

ствие книги начинается по прошествии нескольких месяцев со дня последнего противостояния у третьей двери на берегу. Они уже проделали немалый путь в глубь материка. Время отдыха подошло к концу, настало время учения. Сюзанна учится стрельбе... Эдди — резьбе по дереву... стрелок узнает, что такое сходить с ума... постепенно.

(И еще одно замечание: мои читатели из Нью-Йорка сразу увидят, что в своей книге я несколько вольно обращаюсь с географией их родного города. Надеюсь, меня за это простят.)

Джейк:
СТРАХ В ГОРСТКЕ ПРАХА

_Ибо узнал лишь
Груду поверженных образов там, где солнце палит,
А мертвое дерево тени не даст, ни сверчок утешенья.
Ни камни сухие журчанья воды. Лишь
Тут есть тень, под этой красной скалой
(Приди же в тень под этой красной скалой),
И я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку;
Я покажу тебе ужас в пригоршне праха.

Т.С. Элиот. Бесплодная земля*

Земля больна, и стебель из нее
Встает, как прокаженный волос, сух.
От крови здесь любой побег набух,
И, словно черту отслужив свое,
Одер какой-то, впавший в забытье,
Стоит вдали, тощ, изможден и глух.

Роберт Браунинг.
Роланд до Замка Черного дошел**

— А это какая река? — полюбопытствовала Милисент.
— Это просто ручей. Ну, может, чуть больше, чем
просто ручей. Такая речушка... она называется Мертвая.
— Правда?
— Да, — сказала Уинифред, — правда.

Роберт Эйкман. Рука в перчатке

---

* Перевод А. Сергеева.
** Перевод В. Давиденковой.

Глава I

МЕДВЕДЬ И КОСТЬ

1

Сейчас она в третий раз упражнялась с боевыми патронами... и в первый раз училась вытаскивать револьвер из кобуры, которую получила от Роланда.

Теперь у них было достаточно боевых патронов; Роланд принес их больше трех сотен из того мира, где жили себе до поры до времени Эдди и Сюзанна Дин, пока стрелок не перебросил их в свой мир. Но при всем при том иметь в своем распоряжении кучу патронов еще не значит, что их можно тратить впустую. На самом деле как раз наоборот. Боги не любят мотов. Роланда так воспитали, сначала — отец, потом — Корт, его великий учитель, и Роланд по-прежнему верил, что так оно и есть. Боги накажут не сразу, но рано или поздно за все придется платить... и чем позднее наступит час расплаты, тем выше будет цена.

Сначала им и не нужно было растрачивать боевые патроны. Роланд стрелял уже столько лет, что, скажи он — сколько этой темнокожей красавице в инвалидной коляске, она бы просто ему не поверила. Поначалу он учил ее, лишь наблюдая за тем, как она держит прицел и имитирует стрельбу по мишеням. Она быстро училась. Они оба: и она, и Эдди — учились быстро.

Как он и подозревал, они оба родились стрелками.

Сегодня Роланд и Сюзанна пришли на поляну примерно в миле от лесного лагеря. Почти два месяца этот лес служил им временным домом. Дни проходили однообразно, и в этом была своя прелесть. Пока тело стрелка исцелялось, он учил Эдди и Сюзанну всему, чему должен был их научить: как стрелять и охотиться, как свежевать и потрошить добычу; как сначала растянуть, а потом выдубить и выделать шкурки убитых животных; как нужно использовать добычу, чтобы извлечь максимальную пользу; как определить стороны света, север — по Старой Звезде и восток — по Древней Матери; как услышать голос леса, где они находились сейчас, милях в шестидесяти к северо-востоку от Западного моря. Сегодня Эдди остался в лагере, так настоял Роланд. Он знал: дольше всего человек помнит уроки, которые постиг сам.

Но самый главный урок по-прежнему сохранял свое первостепенное значение: как поражать цель без промаха. Как убивать.

Поляну, куда пришли Роланд с Сюзанной, неправильным темным полукольцом окружали источающие благоухание хвойные деревья. С южной стороны был обрыв: три сотни футов крошащихся сланцевых выступов и изрезанных трещинами утесов, образующих этакую исполинскую лестницу. Ручеек кристально чистой воды вытекал из леса, пересекал поляну прямо по центру, через овраг, промытый в рыхлой земле и осыпающейся горной породе, и срывался вниз с обрыва.

Вода стекала по ступеням естественной лестницы серией маленьких водопадов, над которыми вздрагивали изумительные переливы радуг. Этот спуск вел к великолепной необозримой долине, густо заросшей елями. Было там и несколько вековых вязов, которые не давали молодой хвойной поросли задушить себя. Они возвышались, зеленые, пышные и величавые, — деревья, что были, наверное, старыми уже тогда, когда край, откуда пришел Роланд, только еще начинал отсчет своей истории. Роланд не сумел разглядеть ни единого признака, который указывал бы на то, что в этой долине когда-нибудь были лесные пожары, хотя по крайней мере несколько

молний наверняка сюда ударяло. И молнии — не единственная опасность. Когда-то, давным-давно, в незапамятные времена, в долине этой жили люди: за минувшие недели Роланд пару раз набредал на следы человеческого присутствия. Большей частью то были примитивные самодельные орудия, но среди них попадались осколки глиняной утвари, которую не выделаешь без огня. А огонь — это злая стихия, услада которому — ускользнуть из рук.

Над этим пейзажем, словно сошедшим с полотна живописца, изогнутой аркой раскинулось небо, безупречно чистое голубое небо, если не считать стайки ворон, что кружились в воздухе, что-то выкрикивая своими по-старчески хриплыми голосами. Они, похоже, были чем-то встревожены, как перед началом грозы. Роланд принюхался к воздуху и не уловил запаха дождя.

Слева от ручья громоздился здоровенный валун. Роланд поставил сверху шесть камешков, все — в прожилках слюды. Они поблескивали, как стеклышки, в теплом свете дня.

— Последняя попытка, — сказал стрелок. — Если кобура сидит неудобно... если хоть что-то мешает... то лучше сразу скажи. Мы пришли сюда не для того, чтобы зря тратить патроны.

Она язвительно на него покосилась, и на мгновение ему показалось, что он разглядел у нее в глазах призрак Детты Уокер. Как солнечный блик, подмигнувший со стального клинка.

— А что ты станешь делать, если мне действительно неудобно, но я тебе ничего не скажу? Если я буду мазать и не собью ни одного из этих шести? Тюкнешь меня по башке, как этот твой старый учитель?

Стрелок улыбнулся. За последние пять недель он улыбался чаще, чем за все предшествующие пять лет.

— При всем желании этого сделать я не смогу, и ты это прекрасно знаешь. Во-первых, мы тогда были детьми... пацанами, которые не прошли еще испытания и не стали мужчинами. Можно ударить ребенка, чтобы поправить его, но...

— В моем мире ударить ребенка — это проступок, который лучшие люди всегда осуждали, — сухо высказалась Сюзанна.

Роланд пожал плечами. Ему было трудно представить себе такой мир — разве не сказано в Великой Книге: «Не жалей розги, дабы не упустить ребенка»? — однако он все же не думал, что Сюзанна его обманывает.

— Ваш мир не сдвинулся с места, — сказал он только. — В нем все по-другому. Разве я сам этого не понимаю?

— По-моему, понимаешь.

— Во всяком случае, вы с Эдди уже не дети. Я совершил бы ошибку, если бы стал обращаться с вами как с малолетками. Если была нужда в испытании на зрелость, то вы уже его с честью прошли.

Хотя он не сказал этого вслух, но про себя подумал о том, чем все закончилось там, на берегу, когда она тремя выстрелами разнесла трех омарообразных тварей, не дав им растерзать и его самого, и Эдди. Увидев ее ответную улыбку, он решил, что она сейчас думает о том же.

— Ну так что ты намерен делать, если я все шесть раз промажу?

— Я посмотрю на тебя. Вот так. Мне кажется, этого будет достаточно.

Она мгновение подумала и кивнула:

— Да, наверное.

Потом еще раз проверила ружейный ремень. Он был перекинут через ее грудь, как плечевая портупея (Роланду эта конструкция больше напоминала лямку докера). С виду эта вещь казалась весьма простенькой, но им потребовалась не одна неделя проб и ошибок, чтобы приладить ремень как следует, — пришлось хорошо поработать портняжной иглой. Сам ремень и револьвер с сандаловой рукоятью, что торчала из древней промасленной кобуры, раньше принадлежали стрелку. Он их носил на правом бедре. Последние пять недель он мучительно свыкался с мыслью о том, что ему больше уже никогда не придется носить кобуру справа. Спасибо омарам. Волей-неволей пришлось стать левшой.

— Ну и как оно? — спросил он еще раз.

На этот раз Сюзанна рассмеялась.

— Роланд, этот старый ремень, наверное, ни на ком раньше так хорошо не держался. Так мы что будем делать: стрелять или сидеть тут и слушать вороний концерт в поднебесье?

Ощущение было такое, как будто под его кожей шевелятся тонкие колючие пальчики. Роланд напрягся. Наверное, Корт чувствовал то же самое, несмотря на всю его грубость и всегдашнее непробиваемое выражение. Ему хотелось, чтобы у нее все получилось... ему было *нужно*, чтобы у нее получилось. Но показывать этого было нельзя. Это могло привести к катастрофе.

— Повтори еще раз, Сюзанна, что мы с тобой проходили.

Она вздохнула, притворившись рассерженной... но когда заговорила, насмешливая улыбка стерлась сама собой, а красивое лицо стало серьезным. И из ее уст он снова услышал древний катехизис, но слова его воспринимались по-новому. Он никогда раньше не думал, что ему доведется услышать эти слова от женщины. Но как естественно они звучали... и в то же время как-то странно, едва ли не угрожающе.

— «Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я целюсь глазом.

Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я стреляю рассудком.

Я убиваю не выстрелом из револьвера...»

Она запнулась и указала на камешки, блистающие вкраплениями слюды.

— Я не буду никого убивать... это же просто *камешки*.

Ее выражение — чуть надменное, чуть шаловливое — говорило о том, что она ждет, когда Роланд начнет на нее сердиться. Может быть, даже придет в ярость. Однако Роланд и сам когда-то испытывал то, что она переживала сейчас; он не забыл, что стрелки-новички обычно капризны и горячи, постоянно взвинченны и способны огрызнуться в самый неподходящий момент... и он открыл в себе неожиданные способности. Понял, что может учить. И более того, ему нравится учить.

Иногда Роланд ловил себя на мысли о том, что он задается вопросом: а как было с Кортом — так же? Да, наверное, так же.

Теперь вороны начали хрипло кричать и из чащи леса. Роланд машинально отметил, что крики стали тревожными и больше не походили на вопли ссорящихся пернатых: похоже, их что-то вспугнуло. Однако ему сейчас было чем занять свои мысли, чтобы думать еще и о том, что могло напугать ворон, так что он просто переключился и вновь сосредоточил все внимание на Сюзанне. Сейчас нельзя расслабляться, иначе он рисковал нарваться еще на одну, на этот раз не столь игривую колкость. И кого надо будет за это винить? Кого же, как не учителя? Разве не он учил ее огрызаться и показывать зубы? Учил их обоих? Разве в этом не весь он, стрелок: вдруг взбрыкнуть, сорвать пару правил строгого ритуала и переврать несколько стройных нот катехизиса? Разве он (или она) — не сокол в человеческом обличье, натасканный на то, чтобы клевать по команде?

— Нет, — сказал он, — это не камни.

Она приподняла бровь и снова заулыбалась. Теперь, когда Сюзанна поняла, что он не станет орать на нее, как это частенько случалось, когда она капризничала или делала что-то не так, замешкавшись, в ее глазах снова мелькнул этот насмешливый блеск — солнечный зайчик на стали, — который ассоциировался у Роланда с Деттой Уокер.

— Правда? — Насмешка в ее голосе была по-прежнему добродушной, но Роланд чувствовал: если сейчас он даст ей малейшее послабление, насмешка станет злобной. Она уже вся напряглась и начала выпускать коготки.

— Да, это не камни, — также с насмешкой ответил он, опять улыбаясь, но теперь улыбка его стала суровой. — Сюзанна, ты помнишь *беложопых мудил?*

Улыбка женщины стала медленно угасать.

— *Беложопых мудил* из Оксфорд-Тауна?

Улыбка погасла.

— Ты помнишь, что эти *беложопые мудилы* сотворили с тобой и твоими друзьями?

— Это была *не я*, — отозвалась она, — а другая женщина. — Но в глазах у нее застыло угрюмое выражение. Он не любил, когда она так смотрела, и в то же время ему нравился этот взгляд. Это был *правильный* взгляд, говоривший о том, что растопка уже разгорелась и скоро займутся большие поленья.

— Да. Это была другая. Нравится это тебе или нет, там была Одетта Сюзанна Холмс, дочь Сары Уокер Холмс. Не ты нынешняя, а та женщина, которой ты *была* тогда. Помнишь пожарные шланги, Сюзанна? Помнишь золотые зубы? Ты видела их, как они сверкали, когда тебя и твоих друзей поливали из шлангов в Оксфорде? Как сверкали зубы, когда над вами хохотали?

Она им рассказывала об этом и еще о многом другом в долгие-долгие ночи, пока догорал костер. Стрелок понимал далеко не все, но слушал внимательно. Слушал и запоминал. В конце концов боль — это тоже орудие. Иногда самое лучшее.

— Что с тобой, Роланд? С чего вдруг ты решил мне напомнить весь этот вздор?

Теперь угрюмые ее глаза загорелись опасным огнем. Роланду они напомнили глаза Алена, когда неизменно добродушного Алена что-то все-таки выводило из себя.

— Камни — это те люди, — сказал он мягко, — которые заперли тебя в камере, где ты обмочилась. Люди с собаками и дубинками. Которые называли тебя черномазой дырой.

Он указал на камни, проведя пальцем слева направо.

— Это тот, кто ущипнул тебя за грудь и рассмеялся. Это тот, кто сказал, что тебя надо раздеть и проверить, не прячешь ли ты чего в заднице. Вот это тот, кто обозвал тебя шимпанзе в платье за пять сотен долларов. Вон тот колотил по колесам твоей коляски своей дубинкой, пока тебе не стало казаться, что этот грохот сведет тебя с ума. Вон тот назвал твоего друга Лео гомиком-коммунякой. А этот последний, Сюзанна, это Джек Морт.

— Да. Эти камни. *Эти ублюдки.*

Теперь она задышала неровно и быстро, грудь ее судорожно вздымалась и опадала под ружейным ремнем с наполненным под завязку патронташем. Она больше уже не смотрела на Роланда. Она впилась взглядом в камни с вкраплениями слю-

ды. Где-то вдалеке раздался треск — упало дерево. В небе опять завопили вороны. Погруженные в свою игру, которая больше уже не была игрой, ни Роланд, ни Сюзанна этого не замечали.

— Да? — выдохнула она. — Правда?

— Правда. А теперь повтори еще раз, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и смотри больше не ошибись.

На этот раз слова сорвались с ее губ, точно ледышки. Рука ее на подлокотнике инвалидной коляски легонько дрожала, точно двигатель, работающий на холостых оборотах.

— «Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я целюсь глазом».

— Хорошо.

— «Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я стреляю рассудком».

— Так было всегда, Сюзанна Дин.

— «Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, которая убивает выстрелом, забыла лицо своего отца.

Я убиваю сердцем».

— *Тогда УБЕЙ их ради отца своего!* — закричал Роланд. — *УБЕЙ ИХ!*

Правая ее рука сорвалась с подлокотника кресла и молнией метнулась к кобуре. В мгновение ока левая рука опустилась и легла на курок — быстро и плавно, как взмах крылышка колибри. Шесть раз прогремели выстрелы, прокатившись эхом по долине, и на вершине валуна остался стоять только один камешек из шести.

В первое мгновение никто из них не произнес ни слова — казалось, у обоих перехватило дыхание, — пока над долиной замирало эхо. Даже вороны притихли, по крайней мере на время.

Стрелок нарушил гулкую тишину двумя бесстрастными, но вместе с тем весьма выразительными словами:

— Очень хорошо.

Сюзанна смотрела на сжимаемый ею револьвер, как будто видела его впервые. От дула вверх поднималась тоненькая струй-

ка дыма, безупречно прямая в безветрии. Чуть погодя Сюзанна медленно засунула револьвер обратно в кобуру.

— Хорошо, но еще не отлично, — проговорила она наконец. — Один раз я промазала.

— Да? — Роланд подошел к валуну, снял с него оставшийся камешек, сначала сам поглядел на него, а потом бросил ей.

Она поймала его левой рукой. Он с одобрением отметил, что правую она держит возле кобуры. Она стреляла лучше, чем Эдди, и у нее получалось естественнее, но именно этот урок она усвоила все же не так быстро. Если бы она была с ними во время той перестрелки в ночном клубе у Балазара, она бы, наверное, врубилась быстрее. Но теперь и она, кажется, научилась. Она пригляделась к камню и заметила сбоку бороздку глубиной почти в одну пятую дюйма.

— Ты его лишь зацепила, — сказал стрелок, — но все-таки зацепила, а иногда большего и не нужно. Если подрезать противника, сбить ему прицел... — Он секунду помедлил. — Чего ты так на меня уставилась?

— А ты что, не знаешь? Ты правда не знаешь?

— Нет. Твой разум часто закрыт для меня, Сюзанна.

В его голосе не было и намека на готовность защищаться, и Сюзанна досадливо мотнула головой. Быстрые перепады ее настроения, выдававшие личность неординарную, иной раз его раздражали донельзя. Ее же из себя всегда выводила его кажущаяся неспособность скрывать свои мысли — он всегда говорил то, что думал. Она в жизни еще не встречала такого прямодушного человека.

— Хорошо, — вымолвила она. — Я скажу тебе, Роланд, почему я так на тебя уставилась. Потому что ты гнусно меня обманул. Ты сказал, что *не станешь* меня лупить, что *не сможешь* меня отдубасить, даже если я промахнусь все шесть раз... но ты либо лжец, либо просто болван, а я *знаю,* что ты не болван. Ударить ведь можно и не рукой, и мы... наша раса... об этом знаем. Там, откуда я родом, у нас был один стишок: «Пусть камни и трости переломают мне кости...»

— «...но на ваши насмешки мне наплевать», — закончил Роланд.

— Ну, мы немного не так говорим, но смысл тот же. Не важно, как именно это сказать. Но то, что ты сделал, неспроста называется «устроить разнос». Ты меня *ранил* словами, Роланд... и, глядя сейчас мне в глаза, будешь утверждать, что не хотел ничего такого?

Она выпрямилась в своем кресле, уставившись на Роланда с этаким дерзким, вызывающим любопытством, и Роланд еще подумал — не в первый раз, — что «белые мудилы» из мира Сюзанны были либо отчаянными храбрецами, либо конченными идиотами, раз решились встать ей поперек дороги, и даже не важно, что она инвалид в коляске. А, побывав в ее мире, Роланд на опыте убедился, что смельчаков там раз, два и обчелся.

— Честно сказать, я не думал об этом. Мне было плевать, больно тебе или нет, — спокойно ответил он. — Ты показала зубки и готовилась уже цапнуть, так что пришлось сунуть тебе в пасть палку. И это сработало... верно?

На лице у нее застыло болезненное изумление.

— Ах ты, *гад!*

Вместо ответа он вытащил у нее из кобуры револьвер, неловко открыл барабан тремя пальцами, что остались на правой руке, и принялся перезаряжать его левой рукой.

— Из всех своевольных, высокомерных...

— Тебе *нужно* было рассвирепеть и показать зубы, — продолжал Роланд все тем же бесстрастным тоном. — Если бы этого не случилось, ты бы точно промазала, действуя рукой и револьвером вместо глаза, рассудка и сердца. Разве это обман? Разве в высокомерии дело? Думаю, нет. По-моему, Сюзанна, из нас двоих этого высокомерия больше в тебе. По-моему, это ты, а не я, больше склонна к обману и всяким вывертам. И меня это не задевает. Даже наоборот. Стрелок без зубов — не стрелок.

— Черт возьми, никакой я не стрелок!

Он пропустил ее реплику мимо ушей; он мог позволить себе эту роскошь. Если она — не стрелок, то он тогда — козлик.

— Если бы мы тут в игрушки играли, я бы и вел себя соответственно. Но мы не играем. Мы...

Он поднес левую руку к виску и на мгновение умолк. Она заметила, что кончики пальцев его дрожат.

— Роланд, с тобой все в порядке?

Он медленно опустил руку, поставил барабан на место и вложил револьвер обратно в ее кобуру.

— Да, все нормально.

— Нет, не нормально. Я не раз уже замечала. И Эдди тоже. Все началось почти сразу же, как только мы свернули с пляжа. Что-то с тобой не так. И по-моему, это прогрессирует.

— Все со мной так.

Она протянула руку и прикоснулась к его руке. Ее гнев остыл, по крайней мере пока. С серьезным видом она заглянула ему в глаза.

— Мы с Эдди... это не наш мир, Роланд. Без тебя мы здесь погибнем. У нас есть твои револьверы, и мы теперь умеем хорошо стрелять, ты нас научил, но мы все равно здесь погибнем. Ты... ты нам нужен. Так что скажи мне, пожалуйста, что не так. Позволь *нам* попытаться помочь тебе.

Роланд был не из тех людей, которые способны понять себя до конца, впрочем, он никогда к этому и не стремился; ему было чуждо само определение самосознания (не говоря уже о самоанализе). Его путь — путь действия: быстро свериться со своими инстинктами, механизм которых оставался всегда для него загадкой, и, как говорится, полный вперед. Из всех троих он был наиболее безупречно «устроен», человек, чья глубинная романтическая сердцевина скрывалась под незатейливой упаковкой инстинкта и прагматизма. Вот и сейчас он на мгновение заглянул в себя, прислушался к своему инстинкту и решил рассказать ей все. Да, с ним творилось неладное. В самом деле. Что-то было не так с его рассудком. Что-то столь же простое, как и его бесхитростная натура, и столь же странное, как и жуткая жизнь скитальца, которую он вынужден был вести из-за этой своей натуры.

Он открыл было рот, собираясь произнести: «Я скажу тебе, что не так, Сюзанна. В трех словах. Я схожу с ума», — но тут со скрежещущим треском в лесу повалилось еще одно дерево. На этот раз ближе к поляне, и теперь Роланд с Сюзанной не были заняты поединком двух воль, замаскированным под урок стрельбы. Они оба услышали треск падающе-

го ствола, хриплые крики ворон, и оба отметили про себя то, что дерево упало совсем близко от их лагеря.

Сюзанна бросила взгляд в направлении звука.

— Эдди! — проговорила она, уставившись на стрелка широко распахнутыми испуганными глазами.

И тут вдруг из гущи леса донесся вопль — громогласный крик ярости. Упало еще одно дерево, потом еще. Шум поднялся такой, как будто там стреляли из миномета. *Сухой лес,* — сказал себе Роланд. — *Мертвые деревья.*

— *Эдди!* — на этот раз она закричала. — Я не знаю, что это, *но оно рядом с Эдди!* — Сюзанна схватилась руками за колеса своей коляски и принялась ее разворачивать, тяжело преодолевая сопротивление почвы.

— Нет времени. — Роланд подхватил ее под мышки и поднял с коляски. Ему и раньше неоднократно приходилось тащить ее на себе — и ему, и Эдди — в тех местах, где нельзя было проехать на инвалидной коляске, но она все равно поразилась, в который раз, его сверхъестественной быстроте. Вот она сидит у себя в коляске, заказанной в конце 1962-го в лучшей нью-йоркской ортопедической клинике, а буквально через секунду уже восседает на шее Роланда, точно этакая деваха на стадионе, подающая сигнал к овациям, сжимая крепкими бедрами его шею, а он, сцепив руки в замок, поддерживает ее за поясницу. Он побежал, шурша подошвами по усыпанной хвоей земле, прямо по колее, прочерченной шинами ее коляски.

— Одетта! — В минуту стресса Роланд, сам того не сознавая, обратился к ней по имени, под которым впервые узнал ее. — Только не вырони револьвер! Во имя отца своего!

Теперь он мчался, лавируя среди деревьев. Паутина теней и пятна солнечного света сменялись у них на лицах в подвижной мозаике. Дорога шла под гору. Сюзанна левой рукой отбивалась от ветвей, норовящих спихнуть ее с плеч Роланда, а правую держала на рукояти древнего револьвера.

Миля, — твердила она себе. — *За сколько можно пробежать милю? Да еще если нестись сломя голову? Наверное, быстро, если только он не навернется на этих иголках... но, может быть, все*

равно слишком долго. Господи, только бы с ним ничего не случилось... с моим Эдди.

И как бы в ответ на ее безмолвные призывы снова раздался рев невидимого пока зверя. Оглушительный, точно гром. Точно рок.

2

Он был самым громадным созданием в этом краю, который когда-то носил название Больших Западных лесов, и самым древним. Исполинские вязы в долине были всего лишь тоненькими черенками, когда медведь явился сюда из туманных пределов Внешнего мира, точно жестокий король-скиталец.

Когда-то в Западных лесах жили древние люди (это на их поселения в долине набредал Роланд в течение последних недель), но они все бежали отсюда в страхе перед исполинским бессмертным медведем. Когда древние обнаружили, что у них появился незваный сосед в этом краю, куда они тоже пришли издалека, они попытались его убить, но стрелы их лишь разъярили зверя, не причинив ему ощутимого вреда. Но самое страшное, он в отличие от других лесных тварей отнюдь не пребывал в неведении относительно источника его боли и мук — он был умнее даже хищных котов, что обитали в песчаных холмах на Западе. Этот медведь знал, откуда исходят стрелы. Он *знал*. И за каждую отметину в плоти под своей косматой шкурой он лишал жизни троих-четверых, а то и с полдюжины древних: женщин, если ему удавалось до них добраться, если же не удавалось, тогда — детей; воинами же зверь откровенно пренебрегал, и то было предельное унижение для людей.

И вот, когда древние поняли истинную природу зверя, они отказались от мысли его убить, ибо то был не зверь, а воплощенный демон... или тень божества. Они назвали его Миа, что на их языке означало: «мир под покровом другого мира». И вот теперь, после восемнадцати, если не больше, столетий безраздельного своего правления в Западных лесах, могучий зверь ростом в семьдесят футов умирал. Быть может, причиной тому

явился крошечный, микроскопический организм, который проник в его тело вместе с едой или питьем; быть может, время и возраст взяли свое; но скорее всего причиной явилось и то, и другое вместе. Впрочем, значение уже имела не сама причина, а ее конечный результат: размножающаяся с невероятной скоростью колония паразитов, опустошающих легендарный мозг. После стольких веков его расчетливый жестокий ум не выдержал, и Миа лишился рассудка.

Медведь снова почуял людей, которые вторглись в его заповедный лес; он здесь царил, и как бы безбрежны ни были просторы, если что-то действительно важное случалось на территории царства Миа, очень скоро он узнавал об этом. На этих людей он не стал нападать, просто ушел подальше от них. Не потому, что боялся, а потому, что ему не было дела до них, как, впрочем, и им — до него. Но тут активизировались паразиты, и безумие стало нарастать, он вдруг решил, что это древние снова явились тревожить его, что это вернулись охотники со своими капканами и ловушками и поджигатели леса, вернулись, чтобы приняться за старое. И вот, лежа в последней своей берлоге, в тридцати милях от поселения новоприбывших, слабея день ото дня, он пришел к мысли, что древние все-таки отыскали средство, которое свалило его: яд.

На этот раз он явился не мстить за какие-то мелкие раны, он пришел уничтожить их всех, прежде чем их медленный яд прикончит его... и пока Миа до них добирался, все его мысли исчезли, растворившись в багряной ярости, в жужжании некоего поселившегося в его голове существа, которое раньше исполняло свою работу в тишине и спокойствии, и в жутковато-обворожительном запахе, что вел его прямо к лесному лагерю трех пилигримов.

Исполинский медведь, настоящее имя которому было, конечно, не Миа, продирался по лесу, точно ходячее здание — косматая башня с налитыми кровью сверкающими глазами, пылающими жаром и безумием. Его громадная голова, увенчанная гирляндой из отломанных веток и хвойных иголок, непрестанно раскачивалась из стороны в сторону. Время от времени он чихал, разражаясь приглушенным взрывом — АП-ЧХИ! —

и из ноздрей у него вылетали извивающиеся белесые паразиты. Лапы с загнутыми когтями в три фута длиной рвали деревья на части. Шел он на задних лапах, и там, где ступал по мягкой земле, оставались глубокие следы. От него пахло свежим хвойным бальзамом и застарелым прокисшим дерьмом.

А тварь у него в голове корчилась и вопила, вопила и корчилась.

Медведь неуклонно шел по почти безупречной прямой к лагерю тех, кто отважился возвратиться в его леса. Из-за них у него в голове поселилась эта темная неунимающаяся боль. Древние или новые это люди, они все равно умрут. Иной раз, проходя мимо иссохшего дерева, исполинский медведь чуть отступал от прямого курса, чтобы сбить мертвый ствол наземь. Ему нравился сухой взрывной треск падающих стволов. Когда гниющее дерево грохалось оземь или зависало, запутавшись в кронах других деревьев, медведь шел дальше сквозь косые лучи солнечного света, затуманенного облачками древесных опилок.

3

Уже два дня Эдди Дин занимался резьбой по дереву — в последний раз он пытался что-нибудь вырезать лет этак в двенадцать и с тех пор больше за это не брался. Он помнил только, что тогда ему нравилось это занятие, и думал, что и теперь у него получится. Всего Эдди, конечно, не помнил, но было одно ясное воспоминание: Генри, его старший брат, не терпел, когда Эдди работал по дереву.

«Вы посмотрите на этого паиньку! — говорил тогда Генри. — Что мы сегодня творим, мой сладенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой пиписки? Или рогатку, словно ты собираешься выйти на кроликов, как большие ребята? О-о-о... КРАСОТУЛЯ какая!»

Генри никогда не говорил Эдди прямо, мол, бросай, брат, это тупое занятие. Нет чтобы подойти к нему и сказать напрямик: «Может, ты прекратишь это дело, братец? Видишь ли, у тебя хорошо получается, а когда у тебя что-нибудь хорошо получается, это выводит меня из себя. Потому что, пойми меня

правильно, братец, именно *от меня* ждут, что я буду умелым парнишкой, у которого все-все выходит. От меня. Генри Дина. Но я знаю, братишка, что мне надо делать. Я лучше буду тебя дразнить. Потому что если я прямо тебе скажу: «Не делай этого больше, это выводит меня из себя», то ты решишь еще, будто бы у меня с головой не все в порядке. Но дразнить я тебя могу. Так поступают все старшие братья, верно? Не станем и мы нарушать традицию. Я буду дразнить тебя и выставлять тебя дураком, пока ты... мать твою... не ПЕРЕСТАНЕШЬ! О'кей?»

Конечно, отнюдь *не о'кей*, далеко не о'кей, но так уж повелось в доме Динов: частенько все было, как хотел Генри. И до недавнего времени Эдди думал, что это нормально: не о'кей, но *нормально*. А это две, как говорится, большие разницы. И было две причины, почему Эдди все это казалось нормальным. Одна причина — явная, другая — скрытая.

Очевидная причина заключалась в том, что Генри было поручено «присматривать» за Эдди, когда миссис Дин уходила на работу. Причем «присматривал» он все время, потому что когда-то у братьев Дин была сестра, если вы понимаете, о чем идет речь. Если бы она не погибла, она была бы на четыре года старше Эдди и на четыре же года моложе Генри, но в том-то и загвоздка: она погибла. Когда Эдди было два года, ее задавила машина. Водитель был пьян. А она просто стояла и наблюдала за игрой в классики...

Еще ребенком Эдди часто вспоминал сестру, когда по телеку Мел Аллен комментировал матчи по бейсболу. Когда кто-то кого-нибудь подсекал, Мел орал дурным голосом: «Срань господня, он его замочил! УВИДИМСЯ В СЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕ!» Так и этот пьяный водила замочил Глорию Дин, срань господня, увидимся в следующей передаче. Сейчас Глория пребывала на небесах, в горней выси, и случилось это не потому, что ей просто не повезло, что власти штата Нью-Йорк почему-то не отобрали водительские права у этого ублюдка после его третьего ДТП, и даже не потому, что Бог в этот момент отвлекся, чтобы подобрать с полу упавший орешек. Это случилось из-за того (как миссис Дин частенько потом говорила сво-

им сыновьям), что никого не было рядом, чтобы «присмотреть» за Глорией.

Задача Генри и заключалась в том, чтобы с Эдди ничего подобного не произошло. Это как работа, и Генри ее исполнял, но ему было трудно. В этом Генри и миссис Дин полностью соглашались друг с другом. Они оба частенько в два голоса напоминали Эдди о том, чем жертвует ради него старший брат, оберегая от пьяных водителей, всяких шизов и наркоманов и даже от злобных инопланетян из «летающих тарелок» и реактивных капсул, которые могут спуститься с небес, чтобы похитить и забрать с собой маленьких ребят вроде Эдди Дина. Так что не стоило лишний раз выводить Генри из себя, ибо ему и так приходилось несладко под грузом тяжкой ответственности. Если Эдди вдруг начинал делать что-то такое, из-за чего Генри бесился, ему надо было немедленно прекратить. Так Эдди расплачивался со старшим братом за то, что тот тратил время, «присматривая» за ним. Если глядеть на все с такой точки зрения, то выходило, что делать что-нибудь лучше Генри — это просто несправедливо по отношению к нему.

Но была еще одна, скрытая, причина («мир под покровом другого мира», можно сказать и так), причем более веская, ибо никто не решился бы высказать ее вслух: Эдди не мог позволить себе быть лучше Генри в чем бы то ни было потому, что его старший брат большей частью был вообще ни на что не способен... разумеется, за исключением «присмотра» за Эдди.

Генри научил Эдди играть в баскетбол на игровой площадке неподалеку от их многоквартирного дома, в задавленном цементом предместье, где горизонт закрывали манящие, как мечта, башни Манхэттена и всем заправлял его величество Достаток. Эдди был на восемь лет младше Генри и физически помельче брата, но когда он выходил с мячом на бугристую, растрескавшуюся цементную площадку, все движения, казалось, отзывались шипением в его нервных окончаниях. Прирожденный игрок, он был проворнее, но это еще не самое страшное. Самое страшное заключалось в том, что он был *лучше* Генри. Если бы он не сумел понять этого по результатам

их игр, он бы понял все по уничижительным взглядам, которые Генри метал в его сторону на площадке, и еще по тому, как Генри больно ударял его кулаком по руке на пути домой. Эти тычки надо было принимать за дружеские подтрунивания старшего брата... «Еще парочку для испытания на прочность!» — весело выкрикивал Генри, а потом — бац-бац! — выставив один сустав, бил кулаком прямо Эдди в бицепс... но эти удары ощущались не как шутки. А как предупреждения. Как будто Генри ему говорил: *Лучше тебе не дурачить меня и не выставлять меня идиотом, братец, когда ты несешься к корзине; не забывай — я за тобой «присматриваю»*.

То же самое повторялось и с чтением... и с бейсболом... с «освобождением пленных»... с математикой... и даже, смешно сказать, со скакалкой, игрой для девчонок. То, что он все это делал лучше или мог сделать лучше, Эдди приходилось держать в строгой тайне. Потому что он, Эдди, младший. Потому что Генри «присматривает» за ним. Но самое важное всегда просто: Эдди скрывал свое превосходство, потому что Генри был замечательным братом и Эдди его обожал.

4

Два дня назад, пока Сюзанна освежевывала подбитого кролика, а Роланд готовил ужин, Эдди ушел в лес, что южнее лагеря. Там он набрел на оригинальный отросток, торчащий из пня недавно упавшего дерева. Странное чувство — должно быть, то самое, которое называется déjà vu, — вдруг охватило его. Эдди поймал себя на том, что тупо пялится на деревяшку, похожую на грубо сработанную дверную ручку. Потом он смутно осознал, что во рту у него пересохло.

Через пару секунд он наконец сообразил, что *смотрит* на деревяшку, а *видит* внутренний двор за домом, где они с Генри жили... чувствует под седалищем теплый цемент, а от мусорной кучи из-за угла тянет вонью отбросов. В его памяти в одной руке он держал деревянный брусок, а в другой — перочинный ножик. Отросток на пне разбудил в его душе воспоминания о том коротком периоде, когда он буквально влюбился

резьбу по дереву. Просто память об этом была упрятана так глубоко, что Эдди даже не сразу понял, о чем думает.

Больше всего ему нравилось еще до начала разботы *зримо представлять* себе будущую вещь. Иной раз он видел машину, иной раз — тележку. Кошку или собаку. Однажды, помнится, он увидел лицо какого-то идола... наверное, из тех жутких каменных монолитов на острове Пасхи, фотография которых попалась ему как-то в выпуске журнала «Нэшнл джиогрэфик». Тогда у него в самом деле вышло нечто особенное. Игра заключалась в том, чтобы выяснить, сумеешь ли ты освободить от излишков дерева то, что видишь, не испортив фигурки. Это редко ему удавалось, но если быть очень-очень осторожным, иной раз получалось вполне приемлемо.

Внутри отростка на пне что-то таилось. Эдди подумал, что ножом Роланда ему, наверное, удастся освободить большую часть скрытой фигурки: такого острого и удобного инструмента у него раньше не было.

Нечто внутри деревяшки терпеливо ждало кого-то — такого, как Эдди! — способного разглядеть и выпустить это «нечто» на волю.

Вы посмотрите на этого паиньку! Что мы сегодня творим, мой сладенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой писписки? Или рогатку, словно ты собираешься выйти на кроликов, как большие ребята? О-о-о... КРАСОТУЛЯ какая!

Ему внезапно стало стыдно, точно он сделал что-то дурное; у него возникло острое чувство, будто он владеет тайной и ее надо скрыть любой ценой. А потом он вдруг вспомнил — в который раз, — что Генри Дина, в последние годы заделавшегося величайшим мудрецом и выдающимся наркоманом, давно уже нет в живых. Эта мысль до сих пор не утратила своей убойной силы, так или иначе она неизменно болезненно отзывалась в нем то виной, то печалью, то яростью. В тот день, за двое суток до того, как по зеленому коридору леса к ним в лагерь пришел исполинский медведь, мысль о смерти брата принесла совершенно новые, даже удивительные ощущения. Эдди почувствовал облегчение и какую-то неземную радость.

Он стал свободен.

Эдди попросил у Роланда на время нож. Осторожно срезал торчащий на пне отросток дерева, потом вернулся в лагерь, уселся под деревом и принялся вертеть деревяшку так и этак, глядя не *на* нее, а *внутрь ее*.

Сюзанна закончила наконец с кроликом. Мясо отправили в котелок над костром. Шкурку она растянула на двух деревянных колышках, привязав сыромятными ремнями от дорожного мешка Роланда. Попозже, уже после ужина, Эдди займется ее выделкой. А пока суд да дело, Сюзанна легко скользнула, опираясь на руки, к Эдди, который сидел, привалившись спиной к вековой сосне. Роланд колдовал над котелком с крольчатиной, засыпая туда какие-то непонятные — и, несомненно, божественные на вкус — лесные коренья и травы.

— Что делаешь, Эдди?

Эдди вдруг поймал себя на том, что отчаянно сопротивляется нелепому порыву спрятать кусок древесины у себя за спиной.

— Ничего, — выдавил он. — Подумал, может быть, у меня выйдет что-нибудь вырезать. — Чуть погодя он добавил: — Хотя если честно, то я никогда особым умением не отличался. — Прозвучало это так, как будто он пытался ее утешить.

Она озадаченно на него посмотрела. Казалось, она собирается что-то сказать, но потом лишь пожала плечами и больше не стала к нему приставать. Сюзанна никак не могла взять в толк, почему Эдди стыдится заниматься резьбой — ее отец, например, посвящал этому весь свой досуг, — но если Эдди нужно будет поговорить об этом, он сделает это, когда придет время.

Эдди и сам понимал, что вина его — чувство нелепое и бессмысленное, и все-таки ему было удобнее и спокойнее заниматься резьбой, когда он оставался в лагере один. Похоже, старые привычки не так-то просто изжить. Одолеть героин — это просто игрушки по сравнению с тем, чтобы одолеть комплексы детства.

Когда Роланд с Сюзанной уходили — поохотиться, пострелять, пройти очередной урок в своеобразной школе стрелка, — Эдди принимался за свою деревяшку с удивительной сноров-

кой и нарастающим удовольствием. Да, он не ошибся: внутри таилась другая форма, простая, незамысловатая, и нож Роланда высвобождал ее с мастерской, даже жутковатой легкостью. Эдди уже поверил, что на этот раз у него все получится, так что и рогатка окажется вполне дельным оружием. Само собой, никакого сравнения с револьверами Роланда, и все-таки у него будет что-то сделанное своими руками. *Что-то свое.* Эта мысль его грела.

Когда в воздух с испуганным криком поднялись первые вороны, Эдди их не услышал. Он уже мечтал — надеялся, — что очень скоро ему попадется кусок древесины с луком, заключенным внутри.

5

Эдди услышал приближение медведя раньше, чем Роланд с Сюзанной, но не намного: он был погружен в глубокую сосредоточенность, всегда сопутствующую творческому импульсу в его наиболее сладостные и сильные моменты. Раньше почти всегда он подавлял в себе эти импульсы, но на этот раз творчество поглотило его целиком. Эдди стал добровольным пленником своего порыва.

Из этой сладкой задумчивости его вывел не грохот падающих деревьев, а серия выстрелов из револьвера 45-го калибра, донесшихся с южной стороны. Он с улыбкой поднял голову и откинул со лба волосы рукой, обсыпанной стружками. В это мгновение, когда он сидел, прислонившись к высокой сосне, на поляне, что стала им домом, а на лице у него трепетал золотисто-зеленый свет, льющийся сквозь ветви деревьев, он был необыкновенно красивым: молодой человек с непослушными черными волосами, норовящими упасть на его высокий лоб, молодой человек с сильным, подвижным ртом и ореховыми глазами.

Он бросил взгляд на второй револьвер Роланда, что висел на ружейном ремне на ближайшей ветви, и спросил себя, а давно ли Роланд уходил куда-либо без своего легендарного револьвера на поясе. За этим вопросом сами собой возникли еще два.

Сколько лет этому человеку, который извлек их с Сюзанной из их мира и времени? И, самое важное, что с ним сейчас происходит?

Сюзанна ему обещала выяснить это сегодня... если только она будет стрелять хорошо и если Роланд не психанет. Впрочем, Эдди не думал, что Роланд ей скажет — по крайней мере вот так вот сразу, — но пришло время дать знать этой старой образине: *они* видят, что *что-то* не так.

— Бог даст, будет вам и водица, — сказал Эдди вслух и вернулся к своей резьбе. На губах у него играла едва заметная улыбка. Оба они постепенно набираются от Роланда его прибауток... а он — от них. Как будто они стали вдруг половинками одного...

Где-то в лесу, совсем близко, упало дерево. В мгновение ока Эдди вскочил, сжимая в одной руке недоделанную рогатку, в другой — острый нож Роланда, и повернул голову в сторону звука, напряженно всматриваясь в чащу леса. Сердце бешено колотилось в груди, все пять чувств пришли наконец в боевую готовность. Что-то ломилось сквозь заросли к лагерю. Теперь Эдди явственно слышал его приближение: что-то продиралось прямиком через подлесок, и Эдди еще про себя отметил с горьким изумлением, что спохватился он, кажется, поздновато. Откуда-то из глубин сознания поднялся тоненький голосок... так, мол, тебе и надо. За то, что он делает что-то лучше Генри, за то, что выводит Генри из себя.

С натужным треском упало еще одно дерево. Теперь Эдди увидел, как в просвете между стволами в неподвижном воздухе взметнулось облако древесных опилок. Тварь, повалившая дерево, вдруг взревела — у Эдди все внутри похолодело от этого рева.

Громадный мудила.

Эдди выронил недоделанную рогатку и метнул нож Роланда в ствол сосны футах в пятнадцати слева. Перевернувшись два раза в воздухе, нож вонзился в древесину до середины клинка. Эдди выхватил Роландов револьвер, что висел на ружейном поясе на ближайшем кусте, и взвел курок.

Остаться или бежать?

Однако он быстро понял, что задаваться таким вопросом сейчас — непозволительная для него роскошь. Мало того, что тварь была громадной, она была еще и быстрой. Теперь уже поздно спасаться бегством. К северу от поляны среди стволов деревьев уже возникла исполинская фигура. Выше ее были только верхушки самых высоких деревьев. И она надвигалась прямо на Эдди, не отрывая от него горящих глаз и изрыгая из мощной глотки яростные вопли.

— О Боже, по-моему, мне абзац, — прошептал Эдди. Еще одно дерево накренилось, пошло трещинами, точно мраморная плита, и повалилось на землю, подняв облако пыли и хвойных иголок. Он шел прямо к поляне, медведь размером с Кинг-Конга, и под шагами его дрожала земля.

Что будешь делать, Эдди? — раздался в сознании голос Роланда. — *Думай, соображай! Это — твое единственное преимущество перед зверем. Думай! Что нужно делать?*

Эдди не допускал, что сумеет убить эту тварь. Может быть, из базуки и получилось бы, но уж из револьвера 45-го калибра вряд ли. Он мог бы попробовать убежать, но почему-то его не покидала уверенность, что этот зверь, если захочет, может двигаться очень быстро. Мысленно он просчитал свои шансы закончить жизнь, превратившись в мокрое место под тяжелой лапой здоровенного медведя, вышло — пятьдесят на пятьдесят.

Ну и что мы выбираем? Открыть пальбу прямо сейчас или все же попробовать смыться, причем нестись надо так, как будто тебе задницу облили скипидаром?

А потом ему вдруг пришло в голову, что есть еще и третий путь. Можно залезть на дерево.

Он повернулся к сосне, у которой сидел, вырезая свою рогатку. Высоченное вековое дерево — наверное, самое высокое в этой части леса. Нижние его ветки распростерлись над лесным настилом пушистым зеленым навесом футах в восьми над землей. Эдди осторожно отпустил курок, сунул револьвер за ремень на брюках, потом подпрыгнул, схватился обеими руками за ветку и отчаянно подтянулся. Исполинский медведь уже вывалился на поляну, оглашая окрестности яростным ревом.

Ему не составило бы никакого труда размазать маленького человечка по нижним веткам сосны, раскрасив хвою безвкусным узором из внутренностей Эдди Дина, если бы на него вдруг не напал очередной мощный приступ чиханья. Проходя по поляне, гигантский медведище наступил на золу догорающего костра, подняв в воздух черное облако пепла и гари, и тут согнулся почти пополам, уперев передние лапы в бока, — в это мгновение он стал похож на болезненного старика в меховом пальто, подхватившего насморк. Он чихал непрерывно — АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! — а из носа и пасти его сыпались белесые паразиты, поселившиеся у него в мозгу. Горячая струя мочи потекла у него между ног и зашипела, попав на раскиданные угольки.

Эдди не стал терять драгоценные мгновения. Он полез вверх по стволу, что твоя обезьяна, помедлив только однажды, чтобы убедиться, что револьвер Роланда надежно держится за ремнем его брюк. Он был охвачен паническим ужасом, почти убежденный, что ему пришел конец (а чего еще ждать теперь, когда рядом нет Генри, чтобы за ним «присмотреть»?), но в голове у него все равно продолжали звучать отголоски сумасшедшего смеха. *Загнали парнишку на дерево,* — думал он. — *Как вам такой поворот событий, болельщики и фанаты? И кто загнал-то? Медвезилла.*

Громадная тварь снова подняла голову. Существо у нее в голове уловило мерцание и блики солнечных лучей, а потом устремилось к сосне, по которой карабкался Эдди. Медведь поднял могучую лапу и подался вперед, намереваясь сбить Эдди, как шишку. Лапа проехалась по суку, на котором стоял Эдди Дин, как раз в то мгновение, когда он перебрался на ветку выше, и содрала с его ноги ботинок, разлетевшийся в клочья.

Все о'кей. Можешь взять и второй, уважаемый Медведятина, если хочешь, — подумал Эдди. — *Я все равно собирался сменить ботинки, а то они совсем уже поизносились.*

Медведь взревел и ударил снова, прорывая глубокие раны в древней коре, кровоточащие чистой смолой. Эдди продолжал карабкаться вверх. Теперь ветви стали потоньше. Он отва-

жился глянуть вниз и уставился прямо в мутные глаза медведя. Далеко внизу поляна превратилась в мишень, центром которой был круг тлеющих угольков костра.

— Не попал, волосатый муди... — начал было Эдди, но тут медведь, запрокинув морду, опять чихнул. Эдди обдало влажной струей горячих соплей с мелкими белыми червячками. Их были тысячи. Они отчаянно корчились у него на рубашке, на руках, на лице и шее.

Эдди вскрикнул от неожиданности и отвращения. Он принялся стряхивать червяков с глаз и губ, потерял равновесие и едва успел вцепиться рукой в ближайшую ветку. Другой рукой он принялся стряхивать с себя эту червивую слизь, стараясь очиститься как можно лучше. Медведь заревел и снова ударил по дереву. Сосна покачнулась, как корабельная мачта в шторм... но отметины от когтей остались на этот раз в семи футах ниже той ветки, на которой сейчас примостился Эдди.

Он понял, что черви гибнут — наверное, начали гибнуть, как только покинули зараженное болото внутри тела чудовища. При этой мысли он несколько взбодрился и снова полез наверх. Поднявшись еще на двенадцать футов, он остановился, не решаясь лезть выше. Ствол сосны, футов восемь в диаметре у основания, здесь, наверху, сузился едва ли не до восемнадцати дюймов. Эдди распределил свой вес между двумя ветвями, но он чувствовал, как они пружинят и гнутся под ним. Отсюда, с высоты вороньего гнезда, открывался вид на просторы леса и на западные холмы, волнообразным ковром распростершиеся внизу. При других обстоятельствах Эдди не отказал бы себе в удовольствии насладиться изумительной панорамой.

Смотри, мама, я на вершине мира, — подумал он и осторожно глянул вниз, на запрокинутую медвежью морду, и вдруг на мгновение утратил способность связно мыслить, все растворилось в элементарном изумлении.

Что-то вырастало из черепа зверя... что-то похожее на радиолокатор.

Странное приспособление рывком повернулось, отбросив солнечный зайчик, и Эдди расслышал тоненькое жужжание. В

свое время у Эдди было несколько старых машин — из тех, что продаются в салонах подержанных автомобилей с рекламками типа МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ! ЗДЕСЬ ЕСТЬ ДЛЯ ВАС КОЕ-ЧТО ИНТЕРЕСНЕНЬКОЕ! на лобовом стекле, — и это жужжание напоминало ему свист подшипников, которые надо срочно сменить, пока они окончательно не полетели.

Медведь издал долгий утробный рык. Изо рта у него потекли ошметки желтоватой пены с червями. Если бы Эдди не видел раньше, как выглядит конченое безумие (а он считал, что на это «сокровище» он насмотрелся вдоволь, достаточно вспомнить Детту Уокер, сучку и стерву мирового класса), то теперь ему выпал бы шанс восполнить этот пробел... спасибо еще, что эта рожа была сейчас в добрых тридцати футах под ним, а смертоносные когти, как бы чудовище ни силилось, не дотягивали до ног его футов пятнадцать. И в отличие от тех мертвых деревьев, которые чудовище повалило, пробираясь к поляне, эта сосна, полная жизненных сил, не поддавалась его напору.

— Безнадега, приятель, — тяжело выдохнул Эдди и, стерев пот со лба липкой от медвежьих соплей рукой, швырнул сгусток слизи прямо зверю в морду.

Но тут существо, которое древние называли Миа, обхватило обеими лапами дерево и принялось его трясти. Эдди что есть силы впецился в ствол, сощурив глаза в упрямые щелки. Сосна закачалась, как маятник.

6

Роланд остановился на краю поляны. Сюзанна, сидевшая у него на плечах, уставилась, не веря своим глазам, на ту сторону открытого пространства. У сосны, где они с Роландом буквально три четверти часа назад оставили Эдди, теперь стояло косматое чудище. Сквозь завесу ветвей и темно-зеленых иголок виднелась лишь часть исполинского тела. Второй ружейный ремень Роланда валялся у чудища под ногами. Сюзанна заметила, что кобура пуста.

— Господи, — пробормотала она.

Медведь заорал, точно обезумевшая баба-кликуша, и принялся трясти дерево. Ветви задрожали, как под ураганным ветром. Сюзанна подняла глаза и разглядела маленькую фигурку почти у самой верхушки. Эдди жался к стволу, который качался туда-сюда. У нее на глазах одна рука его соскользнула и взметнулась снова, ища точку опоры.

— *Что будем делать?* — прокричала Сюзанна Роланду. — *Он сейчас его скинет! Что будем делать?*

Роланд попытался найти решение, но его опять охватило это странное состояние — в последнее время оно ни на мгновение не отпускало его, но, как видно, в стрессовой ситуации ему стало гораздо хуже. Ощущение было такое, словно рассудок его раздвоился. В его сознании поселилось как бы два человека, и у каждого были свои, отдельные от другого, воспоминания, а когда эти двое начали препираться, причем каждый из них упирал на то, что именно его память — истинная, стрелку показалось, что его разрывает надвое. Он сделал отчаянную попытку примирить этих двоих, и ему это удалось... по крайней мере пока.

— Это один из двенадцати! — прокричал он в ответ. — Из двенадцати Стражей! *Наверняка* это он! Но я думал, что все они...

Медведь снова взревел. Теперь он уже колошматил по дереву, словно этакий энергичный боксер. Отломанные ветки летели ему под лапы и ложились там беспорядочной грудой.

— *Что?* — прокричала Сюзанна. — *Что ты хотел сказать?*

Роланд закрыл глаза. В сознании у него надрывался голос: «Мальчика звали Джейк!» Другой голос орал в ответ: «НЕ БЫЛО никакого мальчика! Мальчика НЕ БЫЛО, и ты сам это знаешь!»

«Убирайтесь, вы оба!» — прорычал про себя Роланд, а потом выкрикнул вслух:

— Стреляй, Сюзанна! Стреляй ему прямо в зад! А когда он повернется, целься в такую штуку у него на голове! Она похожа...

Медведище вновь завопил. Он прекратил колошматить по дереву и опять взялся его трясти. Теперь верхушка ствола отвечала ему гулким зловещим треском.

Когда рев чудовища чуть поутих, Роланд прокричал:

— Похожа на шляпу! Маленькую такую стальную шляпу! Стреляй прямо в нее, Сюзанна! Только, пожалуйста, не промахнись!

Внезапно ее обуял безграничный ужас... и к нему примешалось еще одно чувство, которого она меньше всего ожидала: ощущение сокрушительного одиночества.

— *Нет! Я промахнусь! Стреляй лучше ты, Роланд!* — Она выхватила револьвер из своей кобуры, намереваясь отдать его Роланду.

— Я не могу! — крикнул он. — У меня не тот угол прицела! Придется, Сюзанна, стрелять тебе! Вот настоящее испытание, и ты должна его выдержать с честью!

— *Роланд...*

— *Сейчас он свернет верхушку!*— взревел стрелок. — *Ты что, не видишь?!*

Сюзанна уставилась на револьвер в своей руке, потом бросила сумрачный взгляд через поляну на исполинского медведя, едва видимого в клубах хвойных иголок. Подняла глаза. Эдди качался туда-сюда, как метроном. Скорее всего у него был с собой второй револьвер Роланда, но Эдди не мог им воспользоваться, иначе он просто свалился бы с ветки, как перезрелая груша. Да и вряд ли бы он попал в цель.

Она подняла револьвер. Внутри все скрутило от страха.

— Держи меня крепко, Роланд. Если ты меня не удержишь...

— Обо мне не беспокойся!

Она дважды нажала на спусковой крючок, стреляя так, как учил ее Роланд. Оглушительный грохот выстрелов перебил треск раскачиваемого ствола, точно два четких удара хлыста. Две пули вошли в левую ягодицу зверюги меньше чем в двух дюймах друг от друга.

Медведь завопил, в его вопле смешались боль, изумление и ярость. Из-под плотной завесы ветвей и иголок вынырнула здоровенная лапа, шлепнула по больному месту, потом оторвалась, вся в алой влаге, и снова исчезла из виду. Сюзанна представила, как под пологом ветвей чудище изучает свою окровавленную лапу. Потом вдруг раздался резкий шорох и хруст: это гро-

мадный медведь развернулся кругом, одновременно опускаясь на все четыре лапы, чтобы броситься на новоявленного врага с максимальной скоростью. Сюзанна увидела его морду, и сердце ее упало. Вся морда в пене; глазищи горят, как фонари. Косматая голова наклонилась налево... потом направо... и замерла прямо, нацелившись на Роланда, который стоял, широко расставив ноги и крепко держа Сюзанну Дин у себя на плечах.

С оглушительным ревом медведь рванулся в атаку.

7

Повтори, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и на этот раз не ошибись.

Медведь могучим прыжком бросился прямо на них... как взбесившийся фабричный агрегат, покрытый ради смеха поеденным молью ковром.

Она похожа на шляпу! Такую маленькую стальную шляпу!

Она увидела эту штуку... но, на ее взгляд, на шляпу она была не похожа. Скорее — на радар, уменьшенную версию тех устройств, какие показывают в новостях в сюжетах о том, как приборы дальнего радиолокационного обнаружения обеспечивают безопасность страны, дабы простые граждане могли спать спокойно и не бояться русских ядерных ракет. По своему размеру «радар» был больше камней, по которым она стреляла сегодня, но и до цели было гораздо дальше. Пятна тени и света пестрели повсюду, мешая целиться.

Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я не сумею!

Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я промахнусь! Я знаю, что промахнусь!

Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, которая убивает выстрелом...

— Стреляй! — выкрикнул Роланд. — Стреляй, Сюзанна!

Она еще не успела взвести курок, но уже знала, что пуля вонзится в цель, направленная не чем иным, как отчаянным ее

желанием попасть. Страх отступил. Осталась только холодная отстраненность и еще время подумать: *Так вот что он чувствует. Господи... как он это выдерживает?*

— Я убиваю сердцем, мудила, — сказала она, и в руке у нее громыхнул Роландов револьвер.

8

Серебристая штуковина вращалась на стальном стержне, всаженном в череп медведя. Пуля Сюзанны ударила прямо по центру радара, и он разлетелся сотней сверкающих на солнце осколков. Сам стержень исчез в неожиданной вспышке синего пламени, которое прошло по нему до самого гнездовища и на мгновение словно бы обхватило медвежью морду по бокам.

Тот пронзительно взвыл от боли и поднялся на задние лапы, судорожно молотя воздух передними. Потом закружился на месте, махая передними лапами, словно стремясь взлететь. Пасть широко раскрылась, но на этот раз из его глотки вырвался не могучий рев, а жуткая трель, больше похожая на завывание сирены воздушной тревоги.

— Хорошо. — Голос Роланда звучал устало. — Хороший был выстрел.

— Все? Больше не надо стрелять? — неуверенно спросила Сюзанна. Медведь продолжал бродить кругами, но теперь его заносило в сторону и сгибало пополам. Он запнулся о маленькое деревце, отскочил, едва не упал, а потом снова пошел кружить.

— Не надо, — сказал Роланд; обхватив Сюзанну за талию, приподнял ее и усадил на землю. Вся операция заняла полсекунды. Эдди начал медленно спускаться, но Сюзанна этого не замечала — она не сводила взгляда с великана-медведя.

Как-то раз под Мистиком, штат Коннектикут, она видела в океанариуме китов. Они были гораздо крупнее этого косматого чудища, но то морские животные, а если взять только животных суши, зверюги больше этой Сюзанна в жизни не встречала. И медведь, без сомнения, умирал. Его оглушительный рев превратился в какие-то влажные всхлипы, и, хотя глаза его были

открыты, он, похоже, ослеп: мотался по лагерю, не разбирая дороги, опрокидывая рейки, на которых были растянуты добытые шкурки, топча шалашик, который Сюзанна делила с Эдди, сбивая молоденькие и сухие деревья. Струи дыма вились вокруг стального штыря в голове медведя, как будто от выстрела у него воспламенились мозги.

Эдди добрался до нижней ветки сосны, спасшей, если так можно сказать, ему жизнь, и уселся верхом на нее, дрожа всем телом.

— Матерь Божия, Пречистая Дева Мария, — выдохнул он. — Вот смотрю и глазам не ве...

Медведь развернулся к нему. Эдди проворно соскочил с ветки и со всех ног помчался к Сюзанне с Роландом. Медведь, похоже, его не заметил: шатаясь как пьяный, он подошел к сосне, послужившей убежищем Эдди, попытался схватиться за ствол, но промахнулся и тяжело упал на колени. Теперь его всхлипы сменились новыми звуками. Эдди они напомнили грохот громадного двигателя, разваливающегося на части.

Громадное тело скрутило судорогой, выгнуло дугой. Медведь вскинул передние лапы и, словно взбесившись, вонзил острые когти себе же в морду. Брызнула кровь, кишащая червяками. Чудовище грохнулось оземь, так что земля содрогнулась, и больше не пошевелилось. После стольких веков исполинский медведь, которого древние называли Миа — «мир под покровом другого мира», — все же нашел свою смерть.

9

Эдди поднял Сюзанну и, прижимая ее к себе липкими от медвежьих соплей руками, крепко поцеловал. От него пахло потом и сосновой смолой. Она прикоснулась к его щекам, к его шее, провела руками по влажным волосам. У нее вдруг возникло безумное желание потрогать его везде, чтобы убедиться, что он живой, настоящий.

— Он едва меня не зацепил, — бормотал Эдди. — Как в луна-парке на каком-нибудь сумасшедшем аттракционе. Но какой был выстрел! Господи, Сьюз... ну ты дала!

— Я очень надеюсь, что мне никогда не придется больше повторить ничего подобного, — сказала она, но некий голос в самых глубинах ее души воспротивился. Этот голос твердил, что она ждет не дождется, когда можно будет нечто подобное повторить. Он был холодным, этот протестующий голос. Таким холодным.

— Что... — начал Эдди, поворачиваясь к Роланду, но Роланда уже не было рядом. Он медленно приближался к поверженному медведю, который лежал на земле косматыми коленями кверху. Откуда-то из глубин нутра зверя доносились приглушенные вздохи и бульканье... это кончался завод его внутренностей.

Роланд увидел свой нож, вонзенный в ствол дерева неподалеку от исполосованной сосны, которая спасла Эдди жизнь. Вытащил его, начисто вытер лезвие полой рубахи из мягкой оленьей кожи, которая заменила старую, изорванную в лохмотья, ту, что была на нем, когда они ушли с пляжа. Стрелок стоял рядом с медведем и смотрел на него с изумлением и жалостью, мысленно обращаясь к нему:

Привет, незнакомец. Привет, старый друг. Я раньше не верил в твое существование. Вот Ален, наверное, верил... Катберт, я знаю, верил... Катберт, он верил во все... а я всегда был практичен и трезв. Я думал, что ты всего-навсего детская сказка... еще один из тех ветров, что носились в пустой голове моей старой нянюшки и вырывались из ее рта, не умолкающего ни на мгновение. Но ты все время был здесь, беглец из прошлого, как та колонка на дорожной станции, как те машины в тоннелях под горной грядой. Может быть, недоумки-мутанты, боготворящие эти сломанные останки, — потомки тех самых людей, которые жили в этом лесу когда-то и которым пришлось бежать, спасаясь от твоего гнева? Я не знаю и никогда уже не узнаю... но мне кажется, что я прав. Да. А потом я пришел со своими друзьями... новыми хорошими друзьями, которые с каждым днем напоминают все больше и больше старых закадычных моих друзей. Мы пришли, очертив магический круг вокруг себя и всего, к чему мы прикасались, соткали отравленную нить, и вот ты лежишь, бездыхан-

ный, у наших ног. Мир опять сдвинулся с места, и на этот раз, старый друг, ты остался за бортом.

Тело чудовища все еще излучало сильный тошнотворный жар. Червяки-паразиты лезли целыми ордами у него изо рта и изорванных в клочья ноздрей и почти сразу же умирали. По обеим сторонам от медвежьей головы росли белесые кучки воскового цвета.

Эдди медленно подошел к исполинскому телу. Сюзанну он нес, прижимая к бедру, как матери носят детей.

— Что это было, Роланд? Ты знаешь?

— Он назвал его, кажется, Стражем, — сказала Сюзанна.

— Да, — медленно проговорил ошеломленный Роланд. — Я думал, что их давно нет, что по-другому и быть не может... если они вообще когда-нибудь существовали... я хочу сказать, наяву, а не в старых сказках.

— Одно я знаю точно: зверь был невменяемым, — сказал Эдди.

Роланд чуть улыбнулся.

— Если бы ты прожил на свете две-три тысячи лет, ты бы тоже, наверное, стал невменяемым.

— Две-три тысячи лет... О Господи!

— Неужели это медведь? — спросила Сюзанна. — В самом деле медведь? А это что у него такое? — Она указала на какую-то штуку типа квадратной металлической бирки на задней лапе медведя. Она почти заросла косматой спутанной шерстью. Они могли бы ее и не заметить, если бы не солнечный блик, загоревшийся на гладкой поверхности из нержавеющей стали.

Эдди встал на колени и нерешительно потянулся к бирке, прислушиваясь к приглушенному щелканью, по-прежнему доносящемуся из самых глубин нутра поверженного исполина. Помедлил, взглянув на Роланда.

— Смелее, — подбодрил его стрелок. — С ним все кончено.

Эдди раздвинул густую шерсть и наклонился поближе. Слова, выдавленные на металле, давно стерлись и стали трудноразличимы, но, приложив некоторые усилия, Эдди сумел разобрать их:

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ
Гранитный Город
Северо-восточный коридор

Проект 4 СТРАЖ
Серия # AA 24123 CX 755431297 L 14
Класс/Разновидность МЕДВЕДЬ ШАРДИК

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ЗАМЕНА СУБЪЯДЕРНЫХ КЛЕТОК

— Господи, это же *робот,* — выдавил Эдди.

— Не может быть, — возразила Сюзанна. — Когда я выстрелила в него, у него пошла *кровь.*

— Возможно, но у обычных медведей радар из башки не растет. И, насколько я знаю, медведи, как правило, не живут две-три тысячи лет... — Он вдруг замолчал, бросив взгляд на Роланда, а когда снова заговорил, в его голосе явственно слышались нотки протеста. — Что ты делаешь, Роланд?

Роланд не ответил; ему не было необходимости отвечать, что он делает. И так все ясно: ножом выковыривает медведю глаз. Проделал он все это быстро, аккуратно и четко. Лишь мельком взглянув на медленно вытекающий желеобразный коричневый шар, наколотый на кончик ножа, Роланд стряхнул его, отбросив в сторону. Из зияющего отверстия показались еще червяки, поползли было вниз по медвежьей морде, но почти сразу же умерли.

Стрелок склонился над глазницей Шардика, исполинского сторожевого медведя, и заглянул туда.

— Идите сюда, посмотрите, вы оба, — позвал он чуть погодя. — Я покажу вам одно чудо из прежних времен.

— Опусти меня, Эдди, — сказала Сюзанна.

Он сделал, как она просила, и Сюзанна, опираясь на кисти и бедра, проворно подползла к стрелку, склонившемуся над косматой медвежьей мордой. Эдди присоединился к ним. Почти минуту все трое смотрели в молчаливом изумлении; воца-

рившуюся тишину нарушали только хриплые выкрики ворон, что кружились в небе.

Несколько струек густой умирающей крови вытекло из глазницы. И все же Эдди заметил, что это не просто кровь. Вместе с кровавой жижей вытекла жидкость, распространявшая знакомый запах — запах бананов. А в сплетении тонких жилок, образующих глазницу, виднелась матовая паутинка каких-то струн. А за ними, в темных глубинах глазницы, мерцала красная искорка. Она освещала крошечную квадратную пластину, покрытую странными серебристыми загогулинами... Микросхема!

— Это не медведь, это гребаный аппарат «SONY».

Сюзанна подняла глаза.

— Что?

— Ничего. — Эдди повернулся к Роланду. — А если я туда влезу, со мной ничего не будет?

Роланд пожал плечами.

— Думаю, нет. Если в теле его и таился демон, то он теперь улетел.

Эдди протянул мизинец, готовый в любую секунду отдернуть руку, если почувствуется хоть малейший разряд электричества. Прикоснулся сначала к остывающей плоти внутри глазницы размером едва ли не с бейсбольный мяч, потом — к одной из этих непонятных струн. Только это была не струна, а очень тонкая стальная нить. Эдди вытащил палец. Красная искорка подмигнула еще раз напоследок и погасла уже навсегда.

— Шардик, — пробормотал Эдди. — Мне это имя знакомо, но что-то я не могу припомнить. Тебе, Сьюз, оно ничего не говорит?

Она лишь молча покачала головой.

— Самое странное... — Эдди беспомощно рассмеялся. — У меня оно почему-то с кроликами ассоциируется. Бредятина, правда?

Роланд встал. Суставы в его коленях громко хрустнули.

— Надо перенести лагерь, — объявил он. — Земля здесь испорчена. Та поляна, куда мы ходим стрелять, она как раз...

Он сделал пару нетвердых шагов, но вдруг ноги его подкосились, и Роланд повалился на землю, сжимая руками голову, упавшую на грудь.

10

Эдди с Сюзанной испуганно переглянулись, и Эдди рванулся к Роланду.

— Что с тобой, Роланд?

— *Был* мальчик, — отрешенно проговорил стрелок. Помедлил мгновение, чтобы сделать вдох, и добавил: — *Не было* никакого мальчика.

— Роланд? — Сюзанна приобняла его за плечи. Его била дрожь. — Роланд, что с тобой?

— Мальчик, — сказал Роланд, глядя на нее невидящими глазами. — Это мальчик. *Всегда* мальчик.

— *Какой* мальчик? — Эдди в отчаянии перешел на крик. — *Какой* мальчик?

— Тогда, значит, иди, есть и другие миры, кроме этого, — сказал Роланд и потерял сознание.

11

В ту ночь они долго сидели без сна у большого костра, разведенного Эдди с Сюзанной на поляне, которую Эдди именовал «наше стрельбище». Открытая с одного края, эта поляна не подошла бы для зимнего лагеря, но сейчас, когда в мире Роланда по-прежнему царило лето, здесь вполне можно было расположиться.

Ночное небо выгнулось над их головами черным сводом, испещренное даже не звездами, а целыми галактиками. Прямо на юге, на той стороне реки тьмы, в которую превратилась теперь долина, Эдди увидел Древнюю Матерь, встающую над далеким невидимым горизонтом. Он покосился на Роланда. Тот сидел, съежившись, у костра, кутаясь в три меховые шкуры, хотя ночь была теплой, а пламя жарко разгорелось. Рядом стояла тарелка с нетронутым ужином. А в руке Роланд сжимал кость.

Эдди опять посмотрел на небо, вспоминая легенду, что рассказал им с Сюзанной стрелок за долгие дни перехода от пляжа по холмам, а потом — по дремучему лесу, где они теперь обрели временное пристанище.

Еще до начала времен, рассказывал Роланд, Старая Звезда и Древняя Матерь — оба юные, страстные и влюбленные — сочетались браком. Но однажды они разругались, и ссора эта была ужасна. Древняя Матерь (которая в те незапамятные времена звалась своим настоящим именем — Лидия) застала Старую Звезду (а его настоящее имя — Апон) с прелестной юной девой по имени Кассиопея. Это был настоящий семейный скандал со швырянием посуды, выцарапыванием глаз и таскaнием за волосы. Один из брошенных в запале глиняных горшков стал Землей; отбитый черепок — Луной; уголек из их кухонной печи — Солнцем. В конце концов боги вмешались в драку, пока Апон и Лидия, ослепленные гневом, не уничтожили мироздание, которое только еще зародилось. Кассиопею, бойкую красотку, из-за которой, собственно, и началась вся эта заваруха («Ну да, — ввернула тогда Сюзанна, — всегда виновата женщина»), изгнали, положив ей отныне и присно качать небесные качели, сотканные из звезд. Но даже такая крутая мера проблемы не разрешила. Лидия готова была простить и начать все снова, но в упрямом Апоне взыграла гордость («Ну да, — высказался тогда Эдди, — во всем виноват мужик»). Так они и расстались, и теперь суждено им вечно смотреть друг на друга, исходя ненавистью и томлением, через звездную бездну, в которую рухнуло их супружество. Уже три миллиарда лет, как их не стало, Лидии и Апона, она превратилась в Древнюю Матерь, он — в Старую Звезду. Она — на юге, а он — на севере, и оба тоскуют, и оба стремятся друг к другу... но оба слишком горды, чтобы первыми сделать шаг к примирению... а Кассиопея качается на своих звездных качелях, качается и смеется над ними.

Эдди вздрогнул: кто-то легонько коснулся его руки. Сюзанна.

— Надо бы разговорить его, — сказала она вполголоса. — Пойдем?

Эдди отнес ее к костру, осторожно опустил на землю рядом с Роландом по правую руку, а сам уселся по левую. Роланд поднял голову, сначала взглянул на Сюзанну, потом — на Эдди.

— Как вы близко, однако, ко мне подсели, — заметил он. — Прямо любовники... или тюремщики.

— По-моему, тебе пора кое-что нам рассказать. — Грудной голос Сюзанны звучал чисто и мелодично. — Если мы, Роланд, тебе друзья — а так, наверное, оно и есть, нравится это тебе или нет, — то пора уже относиться к нам как к друзьям. Скажи нам, что с тобой происходит...

— ...и чем мы можем тебе помочь, — закончил за нее Эдди.

Роланд тяжело вздохнул.

— Я даже не знаю, с чего начать. У меня так давно не было ни друзей... ни чего-то, что я мог бы им рассказать...

— С медведя начни, — подсказал Эдди.

Сюзанна подалась вперед и прикоснулась к челюстной кости, которую Роланд держал в руках. Эта штука ее пугала, но она все равно прикоснулась к ней.

— А закончи ею.

— Да. — Роланд поднял кость на уровень глаз, пару секунд посмотрел на нее и уронил себе на колени. — Мы обязательно поговорим о ней. Как же иначе? К ней-то все и сходится.

Но сначала он заговорил про медведя.

12

— Эту историю мне рассказали, когда я был маленьким, — начал Роланд. — Когда мир был юным, на Земле жили древние, великий народ. Это были не боги, но люди, наделенные знанием богов. Они сотворили двенадцать Стражей, чтобы те охраняли двенадцать Врат, ведущих из этого мира в другие миры. Иной раз мне говорили, что Врата эти — явления естественные, как созвездия на небе или бездонная пропасть, которую мы называли Драконьей Могилой, ибо каждые тридцать — сорок дней оттуда извергались могучие клубы пара. Но были люди — одного я помню до сих пор, главный повар в отцовском замке, его звали Хакс, — которые утверждали, что

Врата создали сами древние еще в те времена, когда петля непомерной их гордости не затянулась у них же на шее и они не исчезли с лица земли. Хакс говорил, что создание двенадцати Стражей явилось последним деянием древних, последней попыткой исправить то зло, которое они причинили друг другу и всей земле.

— Врата, — задумчиво пробормотал Эдди. — *Двери*, ты хочешь сказать. То есть мы снова вернулись к тому же. А эти двери в другие миры, они все открываются в мир, откуда пришли мы со Сьюз? Как те, что мы видели на берегу?

— Я не знаю, — сказал Роланд. — На каждую вещь, что я знаю, приходится сотня вещей, о которых я даже понятия не имею. Вам... вам обоим... придется с этим смириться. Мы говорим, что мир сдвинулся с места. Это как будто отлив на море... отступающая волна, что оставляет после себя лишь обломки крушения... обломки, которые иногда выглядят точно карта.

— Но есть у тебя какие-то догадки?! — воскликнул Эдди с таким неприкрытым пылом, что стрелку стало ясно: Эдди еще не оставил надежды вернуться в свой мир... и в мир Сюзанны. Даже теперь.

— Не приставай к нему, Эдди, — тихо проговорила Сюзанна. — Человек не предполагает.

— Нет... иногда все-таки предполагает, — возразил Роланд, удивив их обоих. — Когда ему ничего другого, кроме догадки, не остается. Но мой ответ будет: нет. Я не думаю... *не предполагаю*... что эти Врата как-то связаны с дверьми на пляже. И я не стал бы предполагать, что они открываются в «куда» и «когда», которые мы с вами могли бы узнать. Мне кажется, двери на пляже... открывавшиеся в ваш мир... они как ось в центре детских качелей. Вы себе представляете, что это?

— Такая качающаяся доска? — переспросила Сюзанна и показала руками: вверх-вниз.

— Да! — Роланд как будто обрадовался, что они знают. — Вот именно. На одном конце этих качелей...

— Качалки, — улыбнувшись, поправил Эдди.

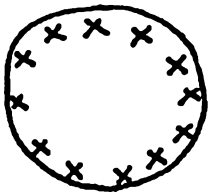
— Да. На одном конце — мое *ка*. На другом — *ка* человека в черном, Уолтера. Двери — центр, созданный напряже-

нием между двумя противостоящими судьбами. А Врата, о которых я вам говорю, — это творение людей, которые были гораздо могущественнее, чем Уолтер, или ваш покорный слуга, или наша команда из трех человек.

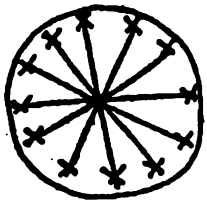
— Ты хочешь сказать, — нерешительно уточнила Сюзанна, — что Врата, которые стерегут эти самые Стражи, они *вне ка?* За пределами *ка?*

— Я хочу сказать то, что я в это верю. — Роланд улыбнулся — мимолетный изгиб губ в отблесках от костра. — Это моя *догадка.*

Он на мгновение замолчал, потом подхватил с земли прутик, расчистил немного места, раздвинув ковер из сосновых иголок, и нарисовал на земле такую картинку:

— Круг — это мир. Такой, каким мне его обрисовали, когда я был маленьким. Крестики — это Врата, образующие кольцо по его вечному краю. Если соединить их по парам с помощью шести линий... вот так...

Он поднял глаза.

— Видите, линии пересекаются в центре?

Эдди почувствовал вдруг, как его руки покрылись гусиной кожей. Во рту пересохло.

— Это то, что я думаю, Роланд? Это?..

Роланд кивнул. Его удлиненное, изборожденное морщинами лицо стало суровым и жестким.

— В этом узле расположен Великий Портал, так называемые тринадцатые Врата, которые правят не только этим отдельным миром, но всеми мирами вместе.

Он ткнул в центр круга.

— Это Темная Башня, которую я ищу всю жизнь.

13

— У каждого из двенадцати меньших Врат древние поставили по Стражу, — подытожил Роланд. — В детстве я мог перечислить их всех в стишках, которым меня научила няня — и повар Хакс, — но когда оно было, детство? Давным-давно. Помню, Медведь там был, ясное дело... Рыба... Лев... Летучая Мышь. И еще Черепаха... очень важная Черепаха...

Стрелок запрокинул голову к звездному небу и, задумавшись, наморщил лоб. А потом суровые его черты озарились вдруг лучезарной улыбкой, и Роланд продекламировал нараспев:

Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине.
В ее мыслях неспешных — весь мир и все мы,
Для любого — частичка ее доброты.
Она слышит все клятвы и все примечает,
Она знает, кто врет, но подскажет едва ли.
Она любит землю, и любит моря,
И даже такого задиру, как я.

Роланд мечтательно хмыкнул.

— Ему меня Хакс научил. Напевал, помню, замешивая глазурь для торта, а потом дал мне ложку с остатками облизать: такие тягучие капельки. Странная штука — память. Но когда я повзрослел, я перестал верить в Стражей, то есть в то, что они существуют на самом деле, — я стал думать о них как о неких

символах, а не как о реальных созданиях. Однако, похоже, я ошибался.

— Я назвал его роботом, — сказал Эдди, — но это был не совсем робот. Сюзанна права... роботы не истекают кровью, если в них всадить пулю. Наверное, это был киборг. Так у нас называется существо, состоящее частью из плоти и крови, а частью — из механической и электронной аппаратуры. Есть один фильм... мы же тебе говорили о фильмах и о кино?

Улыбнувшись, Роланд кивнул.

— Ну так вот, фильм называется «Робот-полицейский», и его главный герой мало чем отличается от медведя, которого пристрелила Сюзанна. Но откуда ты знал, куда надо было стрелять?

— Я кое-что еще помню из старых сказок. Хакс в свое время немало мне их рассказал. Если бы не он, ты бы, Эдди, сейчас переваривался у медведя в желудке. В вашем мире, если ребенок чего-то не понимает, вы ему говорите, чтобы он надел свою думалку, то есть пошевелил мозгами?

— Да, — сказала Сюзанна. — Говорим.

— И мы тоже. Так вот, выражение это произошло из легенды о Стражах. У людей мозги в голове, а у Стражей — на голове. В такой шляпе. — Стрелок поднял глаза — у него был отрешенный взгляд человека, погруженного в свои мысли, и опять улыбнулся. — Только эта штуковина не похожа на шляпу, верно?

— Нет, — согласился Эдди. — Но все равно эта ваша легенда оказалась достаточно точной, чтобы спасти наши филейные части.

— Теперь мне уже кажется, что я с самого начала искал кого-нибудь из Стражей, — продолжал Роланд. — Когда мы отыщем Врата, которые охранял этот Шардик — а теперь это нам не составит труда, надо просто вернуться по его следам, — у нас наконец будет правильный курс, которого мы и станем держаться. Надо лишь встать спиной к Вратам и идти прямо вперед. К центру круга... к Башне.

Эдди открыл было рот, чтобы сказать нечто вроде: «Отлично, давай побеседуем об этой Башне. Давай наконец разберем-

ся с ней раз и навсегда... что это такое, чем она так для тебя важна и, самое главное, что с нами будет, когда мы все-таки до нее доберемся», — но потом передумал. Еще не время — пока. Надо дать Роланду возможность прийти в себя, превозмочь эту боль, что терзает его неотвязно. Не сейчас, когда только отблески от костра сдерживают натиск ночи.

— Теперь мы подходим к другой проблеме, — продолжал Роланд с горечью в голосе. — Я наконец-то определился, нашел свой путь... после стольких лет... но в то же время, мне кажется, я теряю рассудок. Ощущение такое, как будто он распадается, словно земляная дамба, размываемая дождем. Это мне наказание за то, что я допустил смерть парнишки. Мальчика, которого не было. И это тоже *ка*.

— Что за мальчик, Роланд? — спросила Сюзанна.

Роланд взглянул на Эдди.

— *Ты* знаешь?

Тот покачал головой.

— Но я же тебе про него говорил. То есть я о нем бредил, когда после заражения мое состояние стало резко ухудшаться и я чуть не умер. — Тут вдруг голос стрелка сделался на полоктавы выше. Он так хорошо копировал голос Эдди, что Сюзанна невольно поежилась от какого-то суеверного ужаса. — «Если ты не заткнешься сейчас же, Роланд, если не прекратишь поминать этого чертова ребятенка, я тебе сделаю кляп из твоей же рубашки! Меня уже рвет — не могу больше слышать о нем!» Помнишь, Эдди?

Эдди задумался. Во время их долгого и мучительного перехода по пляжу от двери с надписью УЗНИК к другой, с надписью ГОСПОЖА ТЕНЕЙ Роланд о чем только не говорил, упомянув, кажется, не одну сотню имен в своем горячечном сбивчивом монологе: Ален, Корт, Жами де Курри, Катберт (его стрелок вспоминал чаще всего), Хакс, Мартин (или Мартен?), Уолтер, Сюзан, какой-то парень с вообще уже жутким именем — Золтан. В конце концов Эдди устал слушать обо всех этих людях, которых он в жизни не видел (и до которых ему не было никакого дела), в то время его занимали свои проблемы, причем они вовсе не ограничивались хронической героиновой

недостаточностью и глобальным нарушением связи с миром людей. И, уж если по-честному, он тоже тогда доставал Роланда своими «бредовыми сказками» о том, как они с Генри выросли вместе и вместе заделались наркоманами.

Но Эдди никак не мог вспомнить, чтобы он грозился заткнуть Роланду рот, если тот не прекратит болтать о каком-то ребенке.

— Неужели не помнишь? — переспросил Роланд. — Вообще ничего?

Что-то такое мелькнуло? Какое-то щекочущее прикосновение, как то ощущение déjà vu, которое он испытал, увидев рогатку, сокрытую в отростке на пне? Эдди попробовал удержать это чувство, но оно тут же прошло. Он решил, что ему показалось, поскольку он очень *хотел* припомнить. Из-за Роланда, которому сейчас было так плохо.

— Нет, — сказал он. — Извини, дружище.

— Но я же тебе *говорил*. — Голос Роланда был тих и спокоен, но за этим спокойствием билась настойчивость, словно пульсирующая алая нить. — Мальчика звали Джейк. Я пожертвовал им... я убил его... чтобы добраться до Уолтера и заставить его говорить. Я убил его там, под горами.

— Ну, может быть, так все и было. — Теперь Эдди чувствовал себя увереннее. — Но ты мне рассказывал по-другому. Ты говорил, что ты шел под горами один, то есть не шел, а ехал на какой-то там идиотской дрезине. Пока мы с тобой шли по пляжу, ты мне всю плешь проел, Роланд. О том, как это жутко, когда ты совсем один.

— Да, я помню. Но я еще помню, как я рассказывал и про мальчика тоже, как он сорвался с моста в ту пропасть. У меня как бы две памяти, и разрыв между ними сводит меня с ума. Рассудок мой рвется на-двое.

— Ничего не понимаю, — встревоженно проговорила Сюзанна.

— Я сам еще только начал въезжать, — сказал Роланд.

Он встал, чтобы подбросить в костер еще дров — сноп искр взметнулся сияющим вихрем в ночное небо, — потом снова сел между ними.

— Я вам сейчас расскажу, как оно было на самом деле... а потом расскажу, чего не было... но *должно было* быть. Я купил мула в Прайстауне, и когда мы добрались до Талла, последнего городка на границе с пустыней, тот был еще полон сил...

14

И стрелок рассказал им обо всем. Эдди один раз уже слышал его историю, только не целиком, а отдельными фрагментами, но он все равно жадно внимал, стараясь не упустить ни единого слова, как и Сюзанна, которая узнала это все впервые. Он рассказал им про бар с бесконечной игрой в «Не зевай» в уголке, про тапера по имени Шеб, про женщину Элли со шрамом на лбу... и про Норта, травоеда, который умер и которого воскресил к некоему мрачному подобию жизни человек в черном. Он рассказал и про Сильвию Питтстон, воплотившую в себе все религиозное безумие, и про последнюю апокалипсическую бойню, когда он, Роланд-стрелок, перебил все население Талла: и мужчин, и женщин, и детей.

— Господи всемогущий! — глухо воскликнул Эдди, и голос его дрожал. — Теперь я понимаю, Роланд, почему ты так поиздержался с патронами.

— Умолкни! — буркнула Сюзанна. — Пусть он закончит!

Роланд продолжал тем же спокойным, чуть отрешенным тоном. Рассказал, как отправился через пустыню после того, как миновал хижину последнего поселенца, молодого мужчины со спутанными волосами до пояса, цвета спелой земляники. Рассказал, как мул все-таки сдох и ручной ворон юного поселенца, Золтан, выклевал мулу глаза.

Он рассказал им о долгих днях и коротких ночах в пустыне. Как он шел, держа курс по остаткам кострищ Уолтера, и как пришел, умирая от жажды, к дорожной станции.

— Там было пусто. Всегда было пусто — с тех самых дней, когда наш громадный медведь только еще заступал на вахту. Там я переночевал и отправился дальше. Это — как оно было... но я вам сейчас расскажу другую историю.

— О том, чего не было, но должно было быть? — уточнила Сюзанна.

Роланд кивнул.

— В этой вымышленной истории... небылице... стрелок по имени Роланд встречает мальчика по имени Джейк. На дорожной станции. Этот мальчик — из вашего мира, из вашего города, Нью-Йорка, и из времени где-то между Эддиным 1987-м и 1963-м Одетты Холмс.

Эдди жадно подался вперед.

— А есть в этой истории дверь, Роланд? Дверь с надписью МАЛЬЧИК или что-нибудь в этом роде?

Роланд покачал головой.

— Дверью для мальчика была смерть. Мальчик шел в школу, когда какой-то мужчина — я думаю, это был Уолтер — столкнул его на проезжую часть под колеса машины. Он слышал, как человек этот еще сказал что-то вроде: «Дайте пройти, пропустите меня, я священник». И Джейк *увидел* его — на какой-то миг, — а потом оказался уже в моем мире.

Стрелок умолк на мгновение, глядя в огонь.

— Сейчас я на минуту прерву свой рассказ о парнишке, которого не было, и вернусь к тому, что случилось на самом деле, хорошо?

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, и Эдди сделал рукой слабый жест, смысл которого выражался примерно так: «После вас, дорогой мой Альфонс».

— Как я уже говорил, на станции не было никого. Пусто. Но там была водяная колонка, она все еще работала. На задах конюшен, где когда-то держали сменных лошадей для карет. Я нашел ее по звуку, но я все равно бы нашел ее, даже в полной тишине. Я *чувствовал запах* воды, понимаете? Когда ты так долго идешь по пустыне, умирая от жажды, ты нутром чуешь воду. Я напился, потом завалился спать. Проснувшись, я снова пил. Мне хотелось выпить всю воду, которая там была... это как лихорадка, как жар. То лекарство, что ты принес мне из вашего мира — *астин,* — штука хорошая, Эдди, но есть такой жар, который не унять никаким снадобьем. Я знал: мое тело нуждается в отдыхе, но мне пришлось призвать всю свою волю,

чтобы остаться там на ночь. Наутро я себя чувствовал отдохнувшим и свежим. Наполнил свои бурдюки и отправился дальше. *Я ничего там не взял — только воду.* Это самое главное в том, что случилось на самом деле. Я ничего не взял.

Тут Сюзанна заговорила своим самым ласковым и рассудительным голосом а-ля Одетта Холмс:

— Ну хорошо, так оно было на самом деле. Ты наполнил свою бурдюки и отправился дальше. А теперь расскажи нам о том, чего не было, Роланд.

Стрелок на мгновение выпустил челюстную кость из рук, сжал кулаки и потер глаза — такой странный ребяческий жест. Потом снова схватился за кость, словно бы для того, чтобы придать себе мужества, и продолжал:

— Я загипнотизировал мальчика, которого не было. С помощью одного из моих патронов. Я давно обучился этому трюку:.. у Мартена, как ни странно... у придворного колдуна моего отца. Мальчик поддался легко. Пребывая в гипнотическом трансе, он мне рассказал обо всех обстоятельствах своей гибели, я вам про них уже говорил. Когда я выудил из него достаточно — дальше было уже нельзя, иначе я мог причинить ему боль, — я велел ему спать и по пробуждении забыть обо всем. О том, как он умер.

— Да уж, кому, интересно, хотелось бы помнить такое? — пробормотал Эдди.

Роланд кивнул.

— Это точно: кому? Транс его сам собой перешел в здоровый естественный сон. Я тоже лег спать. Когда мы проснулись, я сказал парню, что мне нужно поймать человека в черном. Он понял, о ком я: Уолтер тоже ночевал на этой дорожной станции. Джейк его испугался и спрятался. Я думаю, Уолтер знал, что он там, но сделал вид, будто не знает. Это его устраивало. Он мне оставил парнишку как капкан.

— Я спросил, нет ли на станции чего поесть. Я был уверен, что есть. Мальчик выглядел вполне здоровым: таков климат пустыни, в нем все сохраняется лучше, — но чтобы жить, надо есть. У мальчика было немного вяленого мяса, и еще он сказал мне, что там есть подвал. Сам он туда не спускался. Сказал, что

боится. — Стрелок умолк на мгновение, окинув Эдди с Сюзанной вдруг помрачневшим взглядом. — И правильно делал, скажу я вам, что боялся. Я нашел там еду... но еще я наткнулся на Говорящего Демона.

Эдди уставился на кость в руках у Роланда широко распахнутыми глазами. Оранжевый свет от огня плясал на древних ее изгибах и колдовских обнаженных зубах.

— Говорящий Демон? Ты хочешь сказать, *эта* штука?..

— Нет. Да. И да, и нет. Выслушайте до конца, и вы все поймете.

Он рассказал им о нечеловеческих стонах, что доносились из-под земли в самом дальнем углу подвала; о струйке песка между древними плитами каменной кладки в стене. Как в стене открылась дыра, и он подошел к ней, а Джейк кричал сверху, чтобы он вылезал.

Он приказал Демону говорить... и Демон заговорил, голосом Элли, той женщины со шрамом на лбу, у которой был в Талле бар. *По Отстойнику проходи не спеша, стрелок. Пока ты идешь с мальчиком, человек в черном держит душу твою в своих руках.*

— По Отстойнику, ты сказал? — вздрогнув, переспросила Сюзанна.

— Да. — Роланд внимательно на нее посмотрел. — Это название о чем-то тебе говорит, я прав?

— Да... и нет.

Она колебалась. Частично из-за того, догадался ли Роланд, что ей не хотелось вообще говорить о вещах, для нее болезненных. Но в большей степени потому, что ей не хотелось запутывать дальше и без того запутанную историю опрометчивыми рассуждениями о том, чего она сама не знала. И это вызвало у него восхищение. Она вызвала у него восхищение.

— Говори только то, в чем уверена, — сказал он. — И ни слова больше.

— Хорошо. Отстойник — место, известное Детте Уокер. Она о нем знала, она о нем *думала*. Отстойник — это на сленге. Она подслушала, как о чем-то таком говорили взрослые, сидя на крыльце, дуя пиво и вспоминая о прежних денечках. Этим сло-

вом называли место испорченное или бесполезное. Или и то, и другое вместе. Что-то в этом Отстойнике было такое — в самом *понятии* о нем, — что влекло к себе Детту. Только не спрашивайте меня что. Когда-то я, вероятно, знала. Но больше не знаю. Не хочу знать.

— Детта украла у Синей Тетушки китайское блюдце — из тех, что мои папа с мамой подарили ей на свадьбу — и отнесла его в этот Отстойник, ее Отстойник, чтобы разбить. Этим местом она выбрала мусорную свалку. Большую такую помойку. Уже потом, позже, она иной раз цепляла парней в придорожных закусочных.

На мгновение Сюзанна умолкла, понурив голову и крепко сжав губы. Потом подняла глаза и продолжала:

— *Белых* парней. Они приводили ее на стоянку, сажали к себе в машину, а она их дразнила, ну, вы понимаете, распаляла и убегала. Эти стоянки... они тоже были Отстойником. Детта играла с огнем, но она была тогда молода и проворна, и ей нравились эти опасные игры. Позже, в Нью-Йорке, она делала вылазки в магазины... но об этом вы знаете. Оба. Всегда в хорошие магазины: «Мейси», «Гимбел», «Блюмингдейл» — и воровала там всякие побрякушки. И каждый раз, когда она собиралась в такой «загул», она говорила себе: «Сегодня я собираюсь в Отстойник. Что-нибудь слямзить у этих белых ублюдков. Что-то действительно дельное, а потом разломаю все к фигам».

Она снова умолкла, глядя в огонь. Губы ее дрожали. А когда она вновь подняла глаза, Эдди с Роландом заметили влажный блеск — слезы.

— Да, я плачу, но пусть это вас не обманет. Я помню, как я это делала, и помню, что мне это *нравилось*. Я плачу, наверное, потому, что знаю: если бы обстоятельства не изменились, я бы так продолжала и дальше.

Роланд, похоже, вновь обрел что-то от прежней своей безмятежности, почти сверхъестественного своего спокойствия.

— У нас дома была поговорка, Сюзанна: «Мудрый вор процветает всегда».

— Что мудрого в том, чтобы красть дешевые безделушки? — резко проговорила Сюзанна.

— Тебя хоть раз поймали?

— Нет...

Роланд развел руками, словно бы говоря: «Ну вот видишь».

— То есть для Детты Уокер Отстойник — это какое-то нехорошее место? — уточнил Эдди. — Я правильно понял? Потому что оно ощущалось дурным.

— И дурным, и хорошим одновременно. В этих местах была сила... там она... *заново создавала* себя, если так можно сказать... хотя это были *потерянные* места. Но ведь это никак не связано с призрачным мальчиком Роланда, правда?

— Может, и нет, — сказал Роланд. — Видишь ли, здесь у нас, в этом мире, тоже есть Отстойник. И у нас это тоже сленг. Но значения очень близки.

— И что оно у вас значит? — уточнил Эдди.

— Все зависит от конкретного места и ситуации. Оно может значить помойку. Или бордель. Или игорный дом. Или то место, куда приходят жевать бес-траву. Но самое распространенное его значение также и самое простое.

Он внимательно посмотрел на Сюзанну и Эдди.

— Отстойником мы называем такие места, где ничего нет. Отстойник — это бесплодные земли. Мертвые земли.

15

На этот раз Сюзанна подбросила в костер побольше дров. Не мигая, на юге сияла Древняя Матерь. Еще со школы Сюзанна знала: раз не мигает, значит, это планета, а не звезда. *Венера?* — спросила она себя. — *Или здешняя Солнечная система тоже другая, как и все в этом мире?*

Снова ее охватило чувство нереальности происходящего... что все это — сон. Просто сон.

— Давай дальше, — сказала она. — Что было потом, когда этот голос предупредил тебя насчет мальчика и Отстойника?

— Я запустил руку в дыру в стене, откуда сочился песок, как меня и учили делать, если вдруг нечто подобное произой-

дет со мной. Вынул оттуда челюсть... не эту... другую. Она была больше. Намного больше. Принадлежала, вне всяких сомнений, кому-то из древних.

— И куда она делась? — тихо спросила Сюзанна.

— В одну из ночей я отдал ее мальчику. — Отблески пламени раскрасили щеки стрелка оранжевыми жаркими пятнами и плящущими тенями. — Как оберег... своего рода талисман. Потом, когда я почувствовал, что она свою службу уже сослужила, я ее просто выбросил.

— Тогда чья это челюсть, Роланд? — спросил Эдди.

Роланд поднес кость к глазам, задумчиво и долго смотрел на нее, потом уронил руку.

— Позже, после Джейка... после того, как его не стало... я настиг все-таки человека в черном.

— Уолтера, — уточнила Сюзанна.

— Да. У нас был разговор... *долгий* разговор. Где-то на его середине я уснул, а когда проснулся, Уолтер был мертв. Мертв уже сотню лет, если не больше. От него ничего не осталось — лишь кости, и так было, наверное, справедливо, раз уж мы пришли в место костей.

— Да уж, действительно долго вы с ним говорили, — сухо заметил Эдди.

При этом Сюзанна слегка нахмурилась, но Роланд лишь кивнул.

— Долго, — бросил он, глядя в огонь.

— Ты отправился в путь на рассвете и в тот же день, вечером, вышел к Западному морю. А ночью на берег повылезли эти омары, так? — спросил Эдди.

Роланд снова кивнул.

— Да. Но прежде чем я покинул то место, где мы с Уолтером говорили... или грезили... или что мы там делали, я не знаю... я забрал себе это. — Он поднял челюсть повыше, и оранжевый отсвет снова сверкнул на ее зубах.

Челюсть Уолтера. От этой мысли Эдди весь похолодел. ***Кость из черепа человека в черном. Вспомни это, Эдди, мой мальчик, в следующий раз, когда ты начнешь убеждать себя, что Роланд скорее всего самый обычный парень. Все это время***

он таскал с собой кость человека, точно этакий... людоедский трофей. Го-о-осподи.

— Я даже помню, о чем я подумал, когда ее брал, — продолжал Роланд как ни в чем не бывало. — Я хорошо это помню. Это, быть может, единственное за все время воспоминание, которое не раздвоилось. Я подумал: «Что-то я просчитался, не стоило мне выкидывать ту кость, что сама пришла ко мне в руки, когда я нашел парнишку. Но ее мне заменит эта». А потом я услышал смех Уолтера — недобрый смех. И его голос тоже.

— И что он сказал? — подалась вперед Сюзанна.

— «Слишком поздно, стрелок. Слишком поздно... теперь удача изменит тебе — отныне и до конца вечности... таково твое *ка*».

16

— Ну хорошо, — высказался наконец Эдди. — В суть парадокса я въехал. Память твоя разделилась...

— Не разделилась, а *раздвоилась*.

— Ладно, пусть раздвоилась. Это почти одно и то же.

Эдди поднял с земли прутик и начертил на песке:

Потом указал на линию слева:

— Вот твоя память до того момента, когда ты пришел на дорожную станцию, — одна линия, видишь?

— Да.

Эдди указал на линию справа.

— А это — после того, как ты выбрался из-под гор и пришел к тому месту костей, где тебя дожидался Уолтер. Тоже одна линия.

— Да.

Эдди обвел середину рисунка неровным кружком:

— Вот что тебе нужно сделать, Роланд: огородить эту двойную линию. Окружи ее мысленно крепким высоким забором и просто забудь. Потому что это ничего *не значит* и ничего *не меняет*. Этого нет. Все *прошло*...

— Но оно не прошло. — Роланд поднял руку с челюстью. — Если все мои воспоминания о Джейке ложные — а я знаю, что так и есть, — *тогда почему она у меня?* Я взял ее, чтобы заменить ту, другую, которую выкинул — а ту, что я выкинул, я нашел в подвале, на дорожной станции, — но я-то знаю, что *не спускался в подвал!* И не разговаривал с Демоном! Я ушел со станции один. Взял только воду и *больше ничего!*

— Роланд, послушай меня. — Эдди вдруг посерьезнел. — Если кость, что сейчас у тебя в руках, ты взял на станции, тогда дело другое. Но разве не может быть так, что все это было галлюцинацией: дорожная станция, мальчик и Говорящий Демон, — и в таком случае, возможно, ты забрал челюсть Уолтера, потому что...

— Это не было галлюцинацией. — Роланд поднял на них глаза, светлые, словно выцветшие голубые глаза испытанного солдата, и вдруг сделал то, чего ни Сюзанна, ни Эдди никак от него не ожидали... Эдди мог бы поклясться, что Роланд и сам до последней секунды не думал, что он это сделает.

Он бросил челюсть в огонь.

17

Первое мгновение она просто лежала посреди костра — выбеленная реликвия, оскаленная в призрачной полуухмылке. Потом неожиданно вспыхнула алым — ослепительный красный свет залил поляну. Эдди с Сюзанной вскрикнули одновременно, прикрывая руками глаза, чтоб защитить их от обжигающе-яркой вспышки.

Челюсть стала меняться. Не плавиться в пламени, а *меняться*. Зубы, торчавшие вкривь и вкось, как покосившиеся надгробия, стали сближаться. Мягкий изгиб верхней дуги распрямился и резко укоротился, как будто ввалившись.

Руки Эдди безвольно упали на колени. Затаив дыхание, он не отрываясь смотрел на кость, которая не была уже костью. Зубы ее превратились в три перевернутые буквы V. Та, что посередине, была чуть больше, чем две по краям. И вдруг Эдди увидел, во что кость тщится превратиться, точно так же, как он разглядел рогатку, сокрытую в отростке на пне.

Это был ключ.

Запомни, как он выглядит, запомни форму, — пронеслась в голове Эдди лихорадочная мысль. — *Ты должен запомнить. Должен.*

Он отчаянно вглядывался в костер. Три V, средняя — больше и глубже, чем две по краям. Три зубца... тот, что ближе к внешнему краю, имеет завиток, напоминающий обуженную строчную букву S...

А потом форма в пламени изменилась снова. Кость, которая стала подобием ключа, как бы поглотила сама себя, представ в виде полураспустившегося бутона с сияющими лепестками, темными и бархатистыми, словно безлунная летняя полночь. На мгновение Эдди увидел розу — торжествующую алую розу, которая могла расцвести на рассвете самого первого в мире дня, — образец бездонной, неувядающей красоты, неподвластной времени. Глаза его жадно смотрели на это чудо, а сердце раскрылось ему навстречу. Как будто вся жизнь на свете и вся любовь восстали внезапно из мертвой кости — в этом пламени, что победно воссияло в своей первозданной дерзости, утверждая: отчаяние — это мираж, смерть — это просто сон.

Роза! — Мысли Эдди неслись, обгоняя друг друга. — *Сначала — ключ, потом — роза! Открой глаза и смотри! Так начинается путь к Темной Башне!*

Неожиданно треск огня превратился в какой-то натужный кашель. Взметнулся сноп искр. Сюзанна вскрикнула и подалась назад, сбивая с платья оранжевые крупинки. Пламя могучим потоком рванулось к звездному небу. Эдди не шелохнулся. Он сидел, поглощенный видением, завороженный, попав в самую колыбель чуда, великолепного и ужасающего, не замечая искр, плящущих у него на коже. И тут пламя потухло. Все стало как прежде.

Ни кости.

Ни ключа.

Ни розы.

Помни, — сказал он себе. — *Помни розу... и форму ключа.*

Сюзанна рыдала от ужаса и потрясения, но Эдди не сразу ее успокоил: сначала, пока не забыл, поднял прутик и вывел дрожащей рукой на сырой земле:

18

— Ты зачем это сделал? — спросила наконец Сюзанна. — Ради Бога, зачем... и что это было вообще?

Прошло пятнадцать минут. Костер почти догорел; разбросанные угольки либо были растоптаны, либо погасли сами. Эдди молча сидел, обнимая жену; Сюзанна тихонько сидела рядом, прислонившись спиной к его груди. Роланд улегся на бок и, подтянув колени к груди, уныло смотрел на оранжево-красные угольки. Как понял Эдди, ни Сюзанна, ни Роланд не видели, как кость изменялась в огне. Они видели только, как она раскалилась в пламени, а Роланд еще видел, как она взорвалась (или скорее лопнула, провалившись в себя? Эдди воспринял это именно так), и ничего больше. По крайней мере так думал Эдди. Роланд, случалось, хранил непроницаемое молчание и ни с кем не делился своими соображениями, переваривая все в себе. И тогда из него нельзя было вытянуть ни слова. Эдди знал это по горькому опыту. Сначала он хотел рассказать им, что видел — или *думал,* что видел, — но, как следует поразмыслив, решил пока промолчать. Пока.

От самой кости вообще ничего не осталось — даже осколочка.

— Мне так велел внутренний голос, — ответил Роланд. — Голос моего отца; *всех* моих отцов. Когда этот голос звучит в тебе, не повиноваться ему — и немедленно — просто немыслимо. Так меня учили. Но почему, я сказать не могу... по край-

ней мере сейчас. Я знаю только, что кость сказала свое последнее слово. Все это время я носил ее с собой, чтобы услышать его.

Или увидеть, — добавил про себя Эдди. И снова: — *Помни. Помни розу. И форму ключа.*

— Она нас едва не спалила! — В голосе Сюзанны смешались усталость и раздражение.

Роланд покачал головой.

— Мне кажется, она была вроде тех фейерверков, которые запускают вельможи на новогодних празднествах. Горит, шипит и пугает, но не представляет опасности.

Эдди вдруг пришла одна мысль.

— Слушай, Роланд, а это твое раздвоение сознания... оно не прошло? Когда кость взорвалась или что там с ней произошло?

Он был почти уверен, что так и было: во многих фильмах, которые он смотрел, подобная грубая шоковая терапия почти всегда приводила к положительному результату. Но Роланд лишь покачал головой.

Сюзанна заерзала в объятиях Эдди.

— Ты говорил, будто что-то начал понимать.

Роланд кивнул.

— Да, наверное. Если только я не ошибаюсь... Я тревожусь за Джейка. Где бы он ни был, *когда бы* он ни был, я боюсь за него.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Эдди.

Роланд встал, дотянулся до своей скатки шкур и принялся их расстилать, готовя постель.

— Не многовато ли для одной ночи волнений и разговоров? Пора спать. Утром мы вернемся по следу медведя и поглядим, нет ли там Врат, которые его поставили охранять. А по дороге я вам расскажу все, что знаю и что, как мне кажется, произошло... и теперь еще происходит...

С тем он закутался в старое одеяло и недавно выделанную оленью шкуру, улегся подальше от костра и больше не проронил ни слова.

Эдди с Сюзанной легли вдвоем. Убедившись, что стрелок спит, они занялись любовью. Роланд, однако, не спал и все слышал, а когда все закончилось, слышал и их тихий разговор, который в основном шел о нем. Он еще долго лежал без сна и смотрел в темноту даже после того, как они умолкли, а дыхание их сравнялось в едином ритме.

Хорошо быть молодым, — думал он. — *И любить. Даже на этом погосте, в который теперь превратился их мир, быть молодым и любить — хорошо.*

Наслаждайтесь, пока еще можно. Ибо смерть еще повстречается впереди. Мы вышли пока к ручью крови. Но он, несомненно, приведет нас к кровавой реке. А река — к океану. В этом мире могилы зияют и мертвые не обретают покоя.

Когда восточная часть неба окрасилась дымкой рассвета, он закрыл наконец глаза. И заснул. И ему снился сон про Джейка.

19

Эдди тоже снился сон. Снилось ему, что он снова в Нью-Йорке. Идет по Второй авеню с книгой в руке.

Во сне весна была в самом разгаре. На улице тепло, весь город — в цвету... и тоска по родному дому вонзалась в него, как рыболовный крючок в живой рыбий рот, глубоко-глубоко. *Наслаждайся чудесным сном,* — говорил он себе, — *и продли его, сколько сумеешь. Смакуй его, впитывай... потому что ближе, чем сейчас, к Нью-Йорку тебе уже не подойти. Домой возврата нет, Эдди. Эта часть твоей жизни закончилась. Все.*

Он поглядел на книгу у себя в руке и вовсе не удивился, обнаружив, что это «Домой возврата нет» Томаса Вулфа. На темно-красной обложке были выдавлены три фигуры: ключ, роза и дверь. Он на мгновение остановился, открыл книгу и прочел первую строчку. *Человек в черном пытался укрыться в пустыне,* — писал Вулф, — *а стрелок преследовал его.*

Захлопнув книгу, Эдди направился дальше. Было, наверное, около девяти утра. Ну, может быть, полдесятого. Движение на Второй авеню пока еще не стало интенсивным. Такси,

сигналя, переезжали от перекрестка к перекрестку, и блики весеннего солнца играли на их лобовых стеклах и ярко-желтых кузовах. На углу Второй и Пятьдесят второй какой-то бродяга попросил у него подаяния, и Эдди сунул ему книжку в темно-красной обложке. Опять без всякого изумления он обнаружил, что бродяга этот не кто иной, как Энрико Балазар. Он сидел по-турецки у входа в лавку чудес. КАРТОЧНЫЙ ДОМ — оповещала вывеска в витрине, под которой стояла башня из карт Таро, увенчанная фигуркой Кинг-Конга. Из головы обезьяны торчал миниатюрный радиолокатор.

Эдди прошел дальше, дорожные знаки лениво проплывали мимо. Эдди знал, куда держит путь. Понял, как только увидел его — маленький магазинчик на углу Второй и Сорок шестой.

Да, — сказал он себе. Волной накатило чувство огромного облегчения. — *Туда мне и надо. Именно туда.* — В витрине висели окорока и сыры. ТОМ И ДЖЕРРИ. ДЕЛИКАТЕСЫ — сообщала вывеска. — СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ЗАКАЗАХ К БАНКЕТАМ И ПРАЗДНИКАМ!

Пока Эдди стоял, разглядывая витрину, из-за угла вырулил очередной знакомец. Джек Андолини собственной персоной в костюме-тройке цвета ванильного мороженого и с черной тростью в левой руке. Половина лица у него отсутствовала, ободранная клешнями омарообразных чудищ.

Заходи, Эдди, — бросил Джек мимоходом. — *Чего стоишь? В конце концов есть и другие миры, и этот гребаный поезд идет через все.*

Не могу, — отозвался Эдди. — *Дверь заперта.* — Он не понимал, откуда ему известно, что дверь закрыта, но он это знал. Без тени сомнений.

Дад-а-чум, дуд-а-чи, не переживай, у тебя есть ключ, — буркнул Джек не оглядываясь. Эдди опустил глаза и увидел, что у него действительно есть ключ: этакая примитивная штуковина с тремя зазубринами, похожими на перевернутые буквы V.

Весь секрет в этом маленьком s-образном завитке на конце последнего зубца — в нем-то и весь секрет, — подумал он и, шагнув под навес «Деликатесов» от Тома и Джерри, вставил ключ в замок. Ключ повернулся легко. Эдди открыл дверь и, пере-

ступив через порог, вышел в открытое поле. Оглянувшись через плечо, он увидел поток машин на Второй авеню, а потом дверь захлопнулась и упала плашмя. Теперь за ней не было ничего. Вообще ничего. Эдди опять оглянулся, обозревая новую обстановку, и вдруг его охватил ужас. Он увидел безбрежное поле такого густого багряного цвета, как будто здесь прогремела великая битва и на землю пролилось столько крови, что земля не смогла ее всю впитать.

И только потом Эдди понял, что это не кровь, а розы.

Уже знакомое чувство, в котором слились воедино радость и торжество, нахлынуло снова. Казалось, еще немного — и сердце взорвется в груди. Торжествуя, Эдди вскинул над головой руки, сжатые в кулаки... и вдруг застыл — с поднятыми руками.

Багровое поле раскинулось на многие мили, а у самого горизонта стояла Темная Башня — безмолвная каменная колонна, — взметнувшаяся так высоко, что Эдди едва различал в небесах ее шпиль. Основание ее, утопающее в алых ликующих розах, поражало своими внушительными, исполинскими размерами, и все же могучая Башня, пронзающая небеса, казалась изящной и легкой. Он представлял ее абсолютно черной, но камень был скорее цвета гари. По восходящей спирали темнели узкие окна-бойницы; под окнами бесконечным пролетом тянулась винтовая каменная лестница, уходя все выше и выше. Темно-серым восклицательным знаком, вколоченным в землю, вздымалась Башня над полем кроваво-красных роз. Над ней голубой аркой выгнулось небо, украшенное белыми облаками, похожими на плывущие в синеве корабли. Бесконечным потоком плыли они над шпилем Темной Башни.

Какое величие! — изумился Эдди. — *Какое великолепие... и какая тайна!* Но чувство радости и торжества отступило, сменившись непонятным недомоганием и ощущением обреченности. Он огляделся и вдруг с ужасом сообразил, что стоит в тени Башни. Нет, не просто стоит — он как бы заживо под ней похоронен.

Он закричал, но крик его утонул в золотом трубном гласе могучего рога. Он обрушился с вершины Башни и, казалось,

заполнил собой весь мир. И пока эта нота предостережения неслась над кровавым полем, из окон Башни излилась тьма. Вырвавшись наружу, чернота растеклась по небу вялыми клубами, но вскоре они слились воедино, образуя растущее темное пятно — даже не тучу, а черную опухоль, нависающую над землей. Вот она уже заполонила все небо. И тут он увидел, что это не туча, и даже не опухоль, а *фигура*... сумрачная исполинская фигура, устремленная к тому месту, где он сейчас стоял. Не было смысла бежать, спасаясь от этого зверя, вырастающего в небесах над полем роз: он все равно его схватит и унесет с собой. Унесет в Темную Башню, и больше ему никогда не вернуться в мир света.

Два провала открылись во тьме, и ужасные нечеловеческие глаза, каждый величиной едва ли не с Шардика, исполинского медведя, что лежал теперь мертвым в лесу, взглянули сверху на Эдди. Красные... как розы, как кровь.

В ушах у него гремел мертвый голос Джека Андолини: *Тысячи миров, Эдди — десятки тысяч! — и этот поезд идет через все. Если сумеешь его запустить. А если все же сумеешь, значит, твои заморочки только еще начинаются, потому что эту машину потом хрен отключишь.*

Голос Джека вдруг стал механическим и монотонным. *Потом хрен отключишь, Эдди, мой мальчик, лучше поверь мне на слово, хрен...*

— ...ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ — ОДИН ЧАС ШЕСТЬ МИНУТ!

Там, во сне, Эдди спрятал лицо в ладонях, защищая глаза...

20

...и, подскочив рывком, очнулся возле остывшего кострища, глядя на мир сквозь растопыренные пальцы. А голос все грохотал — бездушный голос офицера полицейского наряда, ревущего свои команды по матюгальнику:

— ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ, ОПАСНОСТИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ!

ПЯТЬ СУБЪЯДЕРНЫХ КЛЕТОК ПАССИВНЫ, ДВЕ СУБЪЯДЕРНЫЕ КЛЕТКИ — В ФАЗЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ КЛЕТКА ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ДВА ПРОЦЕНТА ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ КЛЕТКИ ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ! ПОВТОРЯЮ, ДАННЫЕ КЛЕТКИ ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ! ПОДОТЧЕТНЫЙ УЧАСТОК ДЛЯ СЕВЕРНОГО ЦЕНТРА ПОЗИТРОНИКИ! ПОЗЫВНЫЕ 1-900-44! КОД ДАННОЙ СИСТЕМЫ — «ШАРДИК». ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА! ПОВТОРЯЮ, ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА!

Голос затих. Эдди увидел, что Роланд стоит на краю поляны, а Сюзанна сидит на его согнутой в локте руке. Оба они не отрываясь смотрели в ту сторону, откуда раздавался голос, и когда запись включилась по новой, Эдди наконец сумел встряхнуться, освобождаясь от леденящих остатков ночного кошмара. Он встал и присоединился к Роланду с Сюзанной, не переставая дивиться: это сколько ж веков назад было записано сообщение, запрограммированное на самовключение, но только в случае полной поломки системы.

— ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ — ОДИН ЧАС ПЯТЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ...

Эдди легонько коснулся руки Сюзанны, и она обернулась к нему.

— И давно оно балаболит?

— Минут пятнадцать. Тебя было не добудиться. Дрых, как сус... — Она вдруг умолкла, не договорив. — Эдди, выглядишь ты ужасно! Ты не заболел?

— Нет. Просто видел плохой сон.

Роланд внимательно посмотрел на него, так что под этим взглядом Эдди почувствовал себя неуютно.

— Иногда сны бывают вещими, Эдди. Этот, часом, не из таких?

Эдди подумал мгновение и покачал головой.

— Я не помню.

— Что-то я сомневаюсь, что ты не помнишь.

Эдди пожал плечами и выдавил слабую улыбку.

— Сомневайся себе на здоровье. А как ты себя чувствуешь, Роланд?

— Тоже погано. — Голубые глаза стрелка по-прежнему пристально изучали Эдди.

— Прекратите, — вмешалась Сюзанна вроде бы бодрым голосом, но Эдди все-таки уловил скрытые нотки нервозности. — Вы оба. У меня есть дела поважнее, чем смотреть, как вы тут скачете и пытаетесь пнуть друг друга, все равно как дети, когда разыграются в «Две дрожалки». И особенно сегодня, сейчас, когда этот дохлый медведь так орет, что весь лес трясется.

Стрелок кивнул, но не сводя глаз с Эдди.

— Хорошо... но ты, Эдди, уверен, что ничего не хочешь мне рассказать?

Эдди уже начал подумывать о том, чтобы действительно рассказать. О том, что он видел в огне костра. О том, что было во сне. Но, еще раз поразмыслив, решил промолчать. Может быть, из-за розы в пламени или из-за багряного изобилия роз, окрасивших алым безбрежное поле во сне. Он понимал, все равно ему не передать словами то, что видели его глаза и чувствовало его сердце: слова обесценят увиденное. И потом, для начала ему хотелось обдумать все самому.

Но помни, — снова сказал он себе... только голос в сознании у него прозвучал совсем не похоже на его собственный голос. Он был глубже, старше — этот чужой голос. — *Помни розу... и форму ключа.*

— Я потом.

— Что ты потом? — переспросил Роланд.

— Расскажу. Когда это станет действительно важным, ну, ты понимаешь, я все расскажу. Вам обоим. Сейчас это пока не так важно. Так что, если мы все-таки едем куда-нибудь, Шан, старик, то седлай.

— Шан? Кто такой Шан?

— Об этом я тоже тебе расскажу потом. Как-нибудь. А теперь пора двигать.

Они свернули лагерь, упаковали свои пожитки и отправились в путь. Сюзанна забралась к себе в коляску. Эдди вдруг преисполнился твердой уверенности, что дорога им предстоит не такая уж долгая.

21

Однажды, когда Эдди еще не увлекся своим героином так, чтобы все остальное напрочь перестало его интересовать, они с друзьями смотались в Нью-Джерси на концерт двух металлических групп — «Чумной нарыв» и «Жертвы радиации» — в «Медоулендсе». Так вот, Эдди казалось, что грохот от «Чумного нарыва» был только чуточку громче, чем рев повторяющегося сообщения, доносящегося из нутра поверженного медведя, хотя он и не был уверен на все сто процентов. Еще в полумиле от поляны, где валялся медведь, Роланд не выдержал, остановился и оторвал шесть небольших лоскутков от своей старой рубашки. Скатав шарики, странники затолкали их в уши и только тогда пошли дальше. Но даже подобная мера не особенно защитила их от непрестанных раскатистых звуков.

— ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! — проревело в медведе, когда они ступили на поляну. Зверь лежал там же, где и свалился, у подножия сосны, куда забирался Эдди, — поверженный колосс с раздвинутыми ногами и коленями, нацеленными в небеса, точно лохматая женщина-великанша, которая умерла при родах. — ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ — СОРОК СЕМЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ...

«Да уж, не представляет, — бурчал про себя Эдди, подбирая разбросанные шкурки из тех немногих, которые остались более-менее целыми после атаки медведя и его метаний в предсмертной агонии. — Еще как представляет. *Большую* опасность. Для моих бедных ушей». Он поднял с земли ружейный пояс и молча отдал его Роланду. Рядом валялся кусок деревяшки, из которого он вырезал рогатку. Эдди поднял и его и засунул в кармашек на спинке коляски Сюзанны. Стрелок медленно обернул вокруг талии широкий кожаный пояс и завязал сыромятные ремешки.

— ...В ФАЗЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ КЛЕТКА ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ОДИН ПРОЦЕНТ ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ КЛЕТКИ...

Сюзанна держалась поближе к Эдди. Он передавал ей шкурки, а она их запихивала в большую сумку у себя на коленях, которую сшила сама. Когда они уложили последнюю, Роланд похлопал Эдди по плечу и передал ему заплечный мешок с засоленной олениной (в трех милях от их лагеря, вверх по ручью, Роланд набрел на естественный соляной лизунец). Точно такой же мешок уже висел за плечом у Роланда. Другое плечо оттягивал его кошель — переворошенный и снова набитый всякой всячиной до отказа.

С ближайшей ветки свисала странной конструкции упряжь грубой ручной работы из прошитой стежками оленьей кожи. Роланд подхватил ее, пару секунд подержал в руках, а потом перекинул за спину и закрепил концы под грудной клеткой. Сюзанна скорчила кислую мину, и Роланд это увидел. Впрочем, он ничего не сказал — все равно он не смог бы перекричать медведя, даже если бы заорал во весь голос, — а только сочувственно пожал плечами и развел руками: *Нам она может понадобиться, ты же знаешь.*

В ответ она тоже пожала плечами. *Знаю... но это не значит, что я в восторге.*

Стрелок указал пальцем через поляну. Там две покосившиеся ободранные ели отмечали то место, где Шардик, которого здесь называли когда-то Миа, вывалился на поляну.

Эдди наклонился к Сюзанне, сложил большой и указательный палец в колечко и вопросительно приподнял брови. *О'кей?*

Она кивнула, но прижала ладони к ушам. *О'кей... только давай выбираться отсюда, пока я окончательно не оглохла.*

Странники двинулись через поляну. Эдди толкал перед собой коляску с Сюзанной, держащей на коленях сумку, набитую шкурками. Кармашек на спинке коляски был тоже набит до отказа, так что Эддина деревяшка была не единственным его содержимым.

За их спинами медведь продолжал громыхать своим последним обращением к миру, сообщая, что полное отключение системы произойдет через сорок минут. Эдди не чаял уже дождаться. Сломанные ели, склонившиеся друг к другу, образовывали грубое подобие ворот, и Эдди подумал: *Вот*

где Роландов путь к Темной Башне начинается по-настоящему, по крайней мере — для нас.

Он снова вспомнил свой сон — долгая спираль окон, распускающих черные флаги тьмы; тьмы, что нависла зловещим пятном над нескончаемым полем роз, — и когда они проходили под покосившимися стволами, его вдруг охватила дрожь.

22

Им удалось проехать с коляской намного дальше, чем Роланд смел надеяться. Многовековые напластования опадавшей хвои древних елей выстлали землю толстым ковром, заглушающим рост подлеска. У Сюзанны были сильные руки — сильнее, чем у Эдди, хотя Роланд был уверен, что уже скоро в этом они сравняются, — и она без труда толкала коляску по относительно ровному лесному настилу. Когда же дорогу им преграждали деревья, поваленные медведем, Роланд брал Сюзанну на руки, а Эдди перетаскивал коляску через препятствие.

Сзади — расстояние едва-едва приглушало могучий грохот — медведь сообщил, надрывая свой механический глас, что рабочая мощность последней субъядерной клетки уже почти на исходе.

— Надеюсь, сегодня тебе не придется задействовать эту чертову упряжь! — прокричала Сюзанна стрелку.

Роланд согласился с ней, но не прошло и четверти часа, как земля под ногами резко пошла под уклон и в старый лес нагло полезли деревья поменьше и помоложе: ольха, береза и даже несколько чахлых и низкорослых кленов, упрямо цепляющихся за почву в поисках опоры. Ковер из иголок стал тоньше, и колеса коляски Сюзанны теперь начали задевать за низкий плотный кустарник, разросшийся между деревьев. Его тонкие веточки так и норовили вцепиться в спицы из нержавеющей стали. Эдди подналег всем своим весом на ручки, и так им удалось продвинуться еще на четверть мили вперед. Но потом спуск стал круче, а земля под ногами — мягче.

— Пора залезать на закорки, сударыня, — объявил Роланд.

— Давай попробуем на коляске еще чуть-чуть, а? Вдруг дальше будет полегче...

Роланд покачал головой.

— Если поедешь в коляске по этой горе... как там у вас говорится, Эдди?.. Провернешься?

— Навернешься, Роланд. Словечко из беспутной моей подзаборной юности.

— Ну ладно, как его там ни переиначивай, означает оно «расшибить себе голову». Так что, Сюзанна, давай забирайся.

— Я ненавижу, когда мне тычут, что я калека, — раздраженно пробормотала Сюзанна, но все же позволила Эдди вытащить себя из коляски и подсадить в упряжь за спиной Роланда. Усевшись как следует, она взялась за рукоять Роландова револьвера.

— Не хочешь взять себе этого малыша? — спросила она Эдди.

Он покачал головой.

— У тебя получается лучше. И ты это знаешь не хуже меня.

Она что-то буркнула и поправила ружейный ремень, чтобы при необходимости было сподручнее достать револьвер правой рукой.

— Я вас, ребята, задерживаю, вот что я знаю... но если мы все-таки случайно набредем на какой-нибудь старый добрый асфальт, тут я вас сделаю — не угонитесь.

— Не сомневаюсь, — сказал Роланд... и вдруг склонил голову набок, прислушиваясь. Лес окутала тишина.

— Мистер Медведь наконец-то заглох, — объявила Сюзанна. — Слава Богу.

— Мне казалось, у него еще есть семь минут, — вставил Эдди.

Роланд поправил ремешки упряжи.

— У него, наверное, часы поотстали за последние пять сотен лет.

— Ты действительно думаешь, он такой древний, Роланд?

Роланд кивнул.

— Это как минимум. А теперь и его не стало... последнего из двенадцати Стражей.

— Спроси меня, очень ли я убиваюсь по этому поводу, — сострил Эдди, и Сюзанна рассмеялась.

— Тебе удобно? — спросил у нее Роланд.

— Нет, у меня уже болит задница, но ничего — терпимо. Только ты постарайся, пожалуйста, не уронить меня, ладно?

Роланд молча кивнул и направился вниз по склону. Эдди поплелся следом, толкая перед собой пустую коляску и стараясь при этом не очень сильно громыхать колесами о камни, что стали теперь попадаться у них на пути. Точно большие белые костяшки, торчали они из земли. Теперь, когда медведь наконец заткнулся, Эдди все чаще и чаще ловил себя на мысли о том, что в лесу как-то уж слишком тихо... Он чувствовал себя героем одного из тех старых фильмов про джунгли, где полно людоедов и здоровенных свирепых горилл.

23

Найти медвежий след было легко, а вот идти по нему, как выяснилось, не очень. Миль через пять после поляны он завел их в болотистую низину, хорошо еще не в настоящую топь. К тому времени, когда дорога опять пошла в гору и земля стала потверже, вылинявшие джинсы Роланда намокли почти по колено, а сам он дышал тяжело и хрипло. И все же он был в лучшей форме, чем Эдди, которому приходилось тащить коляску Сюзанны по вонючей стоячей воде.

— Самое время нам отдохнуть и чуть-чуть подкрепиться, — объявил Роланд.

— Господи, наконец-то, — выдавил Эдди, помогая Сюзанне слезть со спины Роланда и усаживая ее на поваленный ствол с глубокими отметинами от когтей. Сам он плюхнулся рядом.

— Ты мне всю коляску измызгал, мой белый мальчик, — сказала Сюзанна. — Я все про тебя пропишу в отчете.

Приподняв бровь, он взглянул на нее.

— На ближайшей же автомойке я все исправлю. Собственноручно тебя провезу. Я даже смажу сцепление этой чертовой колымаги, о'кей?

Она улыбнулась.

— Ловлю тебя на слове, красавчик. За тобой свидание.

Вокруг талии Эдди был обернут один из Роландовых бурдюков. Он похлопал по нему ладонью.

— О'кей?

— Да, — отозвался Роланд. — Только немного на этот раз. Каждому по глотку — и вперед. Чтобы не было судорог.

— Роланд, Зоркий Разведчик из Страны Оз. — Эдди хихикнул, снимая бурдюк.

— Что за Оз?

— Такая вымышленная страна из фильма, — пояснила Сюзанна.

— И не только из фильма, — поправил Эдди. — Мой брат Генри читал мне истории про Страну Оз. Я тебе как-нибудь расскажу, Роланд.

— Было бы здорово, — отозвался стрелок серьезно. — Мне бы хотелось узнать побольше о вашем мире.

— Оз в общем-то не наш мир. Как сказала Сюзанна, это вымышленная страна...

Роланд протянул каждому по куску солонины, завернутой в какие-то широкие листья.

— Когда хочешь скорее узнать о каком-нибудь новом месте, изучи для начала его легенды и сказки. Я бы послушал про эту Страну Оз.

— О'кей. Это тоже своего рода свидание. Сьюз расскажет тебе про Дороти, и Тото, и про Железного Дровосека, а я — обо всем остальном. — Он откусил кусок мяса и закатил глаза от удовольствия. Оно впитало в себя запах листьев, в которые было завернуто, и вкус получился изумительный. Эдди жадно прикончил порцию, и все это время, пока он ел, в желудке у него деловито урчало. Теперь, отдышавшись, он себя чувствовал великолепно. Мышцы его тела потихоньку наливались силой, и все его части были ладно пригнаны друг к другу.

Не волнуйся, — сказал он себе. — *К вечеру будешь выжат как лимон. Похоже, Роланд намерен идти, пока я не свалюсь на месте.*

Сюзанна ела не так жадно, как Эдди, запивала каждый второй-третий кусочек глотком воды и поворачивала мясо в руках, обкусывая его по краям.

— Вчера вечером мы не договорили, — обратилась она к Роланду. — Ты сказал, что кое-что начинаешь уже понимать... насчет непреодолимого раздвоения твоей памяти.

Роланд кивнул.

— Да. Мне кажется, обе ее половины истинны. Хотя одна — чуть-чуть правдивее, чем другая, но это не значит, что эта вторая — лжет.

— По мне, так, Роланд, это полная белиберда, — вставил Эдди. — Либо тот мальчик Джейк был там на станции, либо нет.

— В этом и заключается парадокс... что-то утверждается и отрицается одновременно. И пока это противоречие как-то не разрешится, моя память так и будет оставаться раздвоенной. Это само по себе уже плохо, но что самое гадкое — разрыв между этими половинами все больше расширяется. Я это чувствую. Но... не знаю, как выразить.

— А в чем, ты думаешь, причина? — спросила Сюзанна.

— Я вам уже говорил, что парнишку столкнули под колеса машины. *Столкнули*. А кто из известных нам типов имел привычку толкать людей под всякие штуки?

Лицо Сюзанны озарилось вдруг пониманием.

— Джек Морт. Ты хочешь сказать, это *он* столкнул мальчика под машину?

— Вот именно.

— Но ты говорил, что это сделал человек в черном, — возразил Эдди. — Твой приятель Уолтер. Ты говорил, мальчик видел *его*... какого-то мужика, похожего на священника. Ты говорил, мальчик слышал, как тот сказал: «Пропустите меня, я священник». Или я, может быть, ошибаюсь?

— О да, Уолтер был там. Они *оба* были там, и оба столкнули Джейка.

— Кто-то принес торазин и смирительную рубашку, — продекламировал Эдди. — Наш Роланд, бедняжка, немного тронулся умом.

Роланд не обратил внимания на язвительные слова; он начал уже понимать, что дурацкие шутки Эдди — это своеобразный способ справляться со стрессовой ситуацией. Катберт поступал почти так же... как и — по-своему — Сюзанна... и Ален тоже.

— Но меня больше всего раздражает то, — продолжал он невозмутимо, — что я должен был *знать*. Я ведь был у него *внутри*, у Джека Морта, я имел доступ ко всем его мыслям, как это было с тобой, Эдди, и с тобой, Сюзанна. Я *видел* Джейка, когда был внутри Морта. Видел глазами Морта, *и я знал, что Морт хочет столкнуть его*. Мало того — я ему *помешал*. Всего-то и надо было войти в его тело. Он даже не понял, что его отвлекло. Он был полностью сосредоточен на Джейке и подумал, что я — это какая-то муха, севшая ему на шею.

Эдди начал кое-что понимать.

— То есть если он тогда не столкнул Джейка, значит, Джейк и не умирал. А если он не умирал, стало быть, его не было здесь, в этом мире. А если его не было в этом мире, ты никак не мог встретить его на станции. Правильно?

— Правильно. Я еще даже подумал тогда, что, если Джек Морт собирается убить Джейка, мне бы не надо во все это лезть. Чтобы не сотворить этот самый парадокс, который терзает меня теперь, разрывая надвое. Но я не мог не вмешаться. Не мог. Я... я...

— Ты не мог снова убить парнишку, — закончил за него Эдди. — Каждый раз, когда я уже начинаю думать, что ты такой же бездушный, как тот электронный медведь, ты поражаешь меня неожиданным проявлением нормальных человеческих чувств. Черт возьми.

— Прекрати, Эдди, — тихо сказала Сюзанна.

Эдди взглянул на стрелка, который сидел, склонив голову, и поморщился.

— Ладно, прости меня, Роланд. Моя мама частенько мне говорила, что я сначала что-нибудь сдуру ляпну и только потом подумаю, что я такое сказал.

— Да все нормально. Был у меня один друг... у него тоже язык с головой не дружил.

— Катберт?

Роланд кивнул. Он долго смотрел на свою искалеченную правую руку, потом сжал двупалую ладонь в кулак, отозвавшийся болью, вздохнул и снова поднял глаза. Где-то в зарослях леса заливался жаворонок.

— Но в одном я уверен. Даже если бы я не вошел тогда в Джека Морта, он *все равно* не стал бы толкать Джейка в тот день. Почему? Это *ка-тет*. С тех самых пор, когда умер последний мой друг... из тех, с кем мы начали этот поход... я в первый раз оказался опять в самом средоточии *ка-тета*.

— Квартета? — озадаченно переспросил Эдди.

Стрелок покачал головой.

— «Ка»... обычно под этим словом подразумевают «судьбу», хотя его истинное значение гораздо сложнее, Эдди, и его трудно определить однозначно, как и почти все слова Высокого Слога. А «тет» — это группа людей, объединенных единой целью. Например, мы трое — тет. А «ка-тет» — это место, где жизни многих сведены судьбой воедино.

Как в «Мосту Святого Людовика»*, — пробормотала Сюзанна.

— Как? — переспросил Роланд.

— Такая история про людей, которые умерли вместе... они шли по мосту, и он обвалился. Это известная в нашем мире книга.

Роланд кивнул, что он понял.

— В данном случае *ка-тет* связал Джейка, Морта и меня. И не было там никакой ловушки, как мне показалось сначала, когда я понял, кого Джек Морт избрал своей следующей жертвой, потому что *ка-тет* изменить нельзя. Над ним не властна наша воля. Но *его* можно *увидеть, узнать и понять*. Уолтер видел, и Уолтер знал. — Стрелок ударил себе по бедру кулаком и с горечью воскликнул: — Как он, наверное, про себя хохотал, когда я наконец до него добрался!

— Давай вернемся к тому, что могло бы случиться, если бы ты не вмешался и не перепутал все планы Морта в тот день, когда он преследовал Джейка, — перебил его Эдди. — Ты гово-

---

* Повесть американского писателя Торнтона Уайлдера (1897—1975).

рил, если бы ты ему не помешал, его остановило бы что-то другое. Я правильно понял?

— Да... потому что в *тот* день Джейку не было суждено умереть. Быть может, тот день уже *близился*... но он еще не настал. Я это чувствовал. Может, как раз перед тем, как толкнуть Джейка, Морт бы заметил, что кто-то за ним наблюдает. Что кто-то совсем незнакомый готов вмешаться. Или...

— Или там был легавый, — подсказала Сюзанна. — Он мог заметить легавого. Не в том месте и в неподходящее время.

— Да. Внешняя причина — посланник *ка-тет* — не имеет значения. Я по личному опыту знаю, что Морт, старый лис, был хитер. Если бы он вдруг почуял, что в чем-то произошел хоть малейший сбой, он бы тихо смылся, залег бы в нору и дождался другого дня. И я знаю кое-что еще. Он охотился исподтишка. Маскировался. В тот день, когда он сбросил кирпич на голову Одетты Холмс, на нем были вязаная шапка и свитер на пару размеров больше. Он оделся как пропойца-подзаборник, потому что кирпич он кидал из здания, где ночевали такие вот забулдыги. Вам понятно?

Они закивали.

— А спустя годы, в тот день, когда он толкнул тебя под поезд, Сюзанна, он был одет как рабочий-строитель. На нем был большой желтый шлем, который он про себя называл «твердой шапкой»... и еще он себе прилепил фальшивые усы. То есть в тот день, когда он собрался бы действительно толкнуть Джейка, *он бы оделся как священник*.

— Господи, — прошептала Сюзанна. — Человек, толкнувший его в Нью-Йорке, — это Джек Морт, а тот, кого мальчик видел на станции, стало быть, этот твой старый приятель, за которым ты гнался, — Уолтер.

— Да.

— Но мальчик думал, что это один и тот же мужик, потому что оба они были в черных похожих одеждах?

Роланд кивнул.

— Они даже внешне похожи, Джек Морт и Уолтер. Не то чтобы как братья, я не это имел в виду, но они оба были высокого роста, с темными волосами и очень бледными лицами.

И учитывая тот факт, что Джейк видел Морта единственный раз, когда уже умирал, а Уолтера тоже только однажды, находясь при этом в странном незнакомом месте, перепуганный до полусмерти, вполне простительно и понятно, что он ошибся. Если во всей ситуации и присутствовал некий осел, так это я, ваш покорный слуга, потому что мне следовало соображать быстрее.

— И Морт бы не понял, что его используют? — спросил вдруг Эдди. Раздумывая о собственном опыте, о своих переживаниях и диких мыслях, вызванных Роландом в его сознании, Эдди не понимал, как такое вообще могло быть, чтобы Морт не знал... но Роланд лишь покачал головой.

— Уолтер всегда действовал очень коварно, незаметно и, если так можно сказать, утонченно. Морт бы решил, что идея одеться священником принадлежит целиком ему... так мне кажется. Он бы не различил голоса чужака — Уолтера, — что шепотом подсказывал из глубин сознания, как ему следует поступить.

— Джек Морт, — выдавил Эдди. — Каждый раз этот Джек Морт.

— Да... но не без помощи Уолтера. Но как бы там ни было, я все равно спас Джейку жизнь. Когда я заставил Морта спрыгнуть с платформы подземки под поезд, я все изменил.

— Но если этот Уолтер мог так вот запросто, когда ему вздумается, проходить в наш мир... может, через какую-то дверку для личного пользования... разве не мог он использовать и кого-то другого, чтобы толкнуть твоего парнишку? — спросила Сюзанна. — Если он сумел подсказать Морту одеться священником, он с тем же успехом мог бы привлечь и кого-то еще... что, Эдди? Чего головой мотаешь?

— Потому что мне кажется, Уолтер этого не хотел. А хотел он другого. Именно того, что как раз сейчас и происходит... чтобы Роланд терял рассудок, постепенно сходил с ума. Я не прав?

Роланд кивнул.

— Но даже если бы Уолтер хотел смерти Джейка, у него все равно бы уже ничего не вышло, — продолжал Эдди. — Потому

что он умер задолго до того дня, когда Роланд нашел эти двери на берегу. Когда Роланд вошел в третью дверь и в сознание Джека Морта, старина Уолтер давно почил в бозе.

Сюзанна подумала и кивнула.

— Да, понимаю... по-моему. Все эти путешествия во времени здорово с панталыку сбивают, а?

Роланд принялся укладывать все, что вынул, обратно в сумку.

— Пора двигать дальше.

Эдди встал и закинул свой мешок за плечо.

— Зато тебе есть чем утешиться, — повернулся он к Роланду. — Ты... или этот твой *ка-тет*... сумели все-таки спасти парня.

Роланд сосредоточенно перевязывал узлы упряжи. Когда же он поднял глаза, Эдди невольно попятился от их чистоты и прозрачности.

— Правда? — хрипло выдавил стрелок. — Ты действительно так считаешь? Я постепенно схожу с ума, пытаясь жить, примирив между собой две разные версии одной реальности. Я поначалу еще надеялся, что одна из них потихоньку сотрется из памяти, только этого не происходит. Как раз наоборот: обе эти версии проявляются у меня в голове все четче и четче, и противостояние между ними грозит разразиться уже настоящей войной. Так что лучше скажи мне, Эдди, как, по-твоему, должен себя чувствовать *Джейк?* Каково это — *знать, что в одном мире ты умер, а в другом продолжаешь жить?*

Снова запел свою песню жаворонок, но никто из них этого не заметил. Эдди смотрел в вылинявшие голубые глаза, горящие на бледном лице стрелка, и не знал, что ответить.

24

В ту ночь они разбили лагерь на поляне в пятнадцати милях к востоку от того места, где остался мертвый медведь. Измотанные, они заснули, как только легли (даже Роланд проспал всю ночь, хотя его сны были похожи на бешеный карнавал кошмаров), и проснулись на следующий день на рассвете.

Эдди молча развел костер и лишь взглянул на Сюзанну, когда в зарослях неподалеку раздался выстрел.

— Завтрак, — коротко констатировала она.

Три минуты спустя Роланд вернулся в лагерь со шкуркой, перекинутой через плечо. На ней покоился свежевыпотрошенный и уже освежеванный кролик. Сюзанна молча его приготовила. Странники поели и отправились дальше.

Эдди пытался представить себе, каково это: помнить о собственной смерти. Все утро эта мысль не давала ему покоя.

25

А вскоре после полудня они вышли к участку леса, где почти все деревья были повалены или выкорчеваны из почвы, а кустарник буквально размазан по земле — впечатление было такое, что когда-то давно здесь неистово бушевал ураган.

— Мы почти добрались, — объявил Роланд. — Теперь уже близко. Он тут все порушил, чтобы расчистить обзор. Наш приятель-медведь не любил сюрпризов. Он был здоровенный, но не любезный.

— А он не оставил, случайно, сюрпризов *нам?* — полюбопытствовал Эдди.

— Может быть, — улыбнулся Роланд, похлопав его по плечу. — Но если даже и так, это будут *старенькие* сюрпризы.

Здесь им пришлось сбавить темп. Большинство из поваленных деревьев, преграждавших дорогу, были старыми, даже древними — многие превратились в труху, мешаясь с землей, из которой их выдернули когда-то, — но тем не менее еще оставалось немало завалов, значительно осложнявших продвижение вперед. Даже если бы все трое были физически полноценными, такой переход все равно представлял бы немалые трудности, а ведь ситуацию усугубляло и то, что Роланду приходилось тащить на себе Сюзанну, так что поход превратился в настоящее испытание на выносливость и выдержку.

Местами раскиданные деревья и расплющенный кустарник полностью перекрывали медвежий след, и это тоже задерживало странников. До полудня они шли, ориентируясь по глу-

боким отметинам когтей на стволах, четким и ясным, как проложенная меж деревьев тропа. Но здесь, в самом начале пути, гнев исполинского зверя не разыгрался еще в полную силу, и отметины эти пропали. Роланд медленно прокладывал дорогу, высматривая испражнения в кустах и клочки шерсти на коре поваленных деревьев, через которые перебирался медведь. День уже близился к вечеру, когда они наконец миновали эти лесные руины, — и прошли всего-то три мили!

Эдди уже опасался, что они не выберутся оттуда до темноты и им придется заночевать в этом жутком месте, не пробуждающем в нем ничего, кроме чувства гадливости, но, когда он совсем уже было отчаялся, они вышли наконец на опушку леса, заросшую редкой ольхой. Впереди за деревьями в каменном своем ложе журчал ручей. За спиной заходящее солнце пролило воспаленный багряный свет на разоренный участок леса, который они только что миновали. В гаснущем свете дня стволы упавших деревьев обернулись перекрестием черных линий, напоминающих китайские иероглифы.

Роланд объявил привал и снял со спины Сюзанну. Потянувшись как следует, он упер руки в бока и немного размялся, покрутив корпусом вправо и влево.

— Здесь, что ли, заночуем? — с облегчением осведомился Эдди.

Роланд покачал головой.

— Отдай ему свой револьвер, Сюзанна.

Она сделала, как он велел, лишь вопросительно на него посмотрела.

— Пойдем, Эдди, со мной. Мы уже совсем рядом. Место, ради которого мы пришли... оно на той стороне этой окаймленной ольхой опушки. Нам надо взглянуть. И еще кое-что сделать.

— Но почему ты решил...

— Послушай.

Эдди прислушался. Только теперь он вдруг сообразил, что из-за деревьев доносится гул механизмов и что он его уже слышит некоторое время.

— Но мне не хотелось бы оставлять Сюзанну.

— Мы далеко все равно не пойдем, а голосище у нее будь здоров. К тому же если и существует опасность, то она впереди... так что мы будем между ней и Сюзанной.

Эдди нерешительно посмотрел на Сюзанну.

— Идите... но постарайтесь вернуться быстрее. — Она оглянулась назад, задумчиво глядя туда, откуда они пришли. — Не знаю, есть у них тут муравьи или нет, но у меня *ощущение*, что есть.

— Мы вернемся еще засветло, — пообещал Роланд и, не проронив больше ни слова, направился к зарослям ольхи. Помедлив мгновение, Эдди поплелся следом.

26

Углубившись в ольховую рощицу ярдов этак на пятнадцать, Эдди вдруг сообразил, что они с Роландом идут по тропинке — ее, вероятно, за многие годы протоптал для себя медведь. Деревья клонились над ними, образуя живой тоннель. Теперь гул механизмов стал громче, и Эдди начал уже различать его отдельные составляющие. Например, глухое, низкое гудение. Эдди не столько слышал его, сколько ощущал: он чувствовал под ногами слабую вибрацию, словно где-то под землей работал большой агрегат. Мерный гул прорезали, как царапины, скрежещущие перекрестные звуки: *вжик-вжик-бдзжж.*

Прильнув губами к самому уху Эдди, Роланд проговорил:

— Лучше нам тут не шуметь.

Они прошли еще ярдов пять, и Роланд снова остановился. Вытащил из кобуры револьвер и дулом его отодвинул ветку, что свисала под тяжестью листьев, окрашенных отблесками заката. Сквозь открывшийся просвет Эдди выглянул на поляну, где все эти долгие годы жил исполинский медведь на своей оперативной базе, откуда он время от времени делал вылазки и грабительские набеги, сея ужас и опустошение.

Здесь не было ни травы, ни подлеска: вытоптанная земля уже давно ничего не родила. Из-под основания каменной стены высотой в пять десятков футов выбивался ручей и тек по поляне в форме наконечника стрелы. На их стороне ручья, при-

слонившись одним боком к стене, стоял металлический куб высотой футов в девять. Закругленная его крыша напомнила Эдди вход на станцию подземки. Передняя стенка была раскрашена по диагонали чередующимися желтыми и черными полосами. Земля на поляне была не черной, как в лесу, а какого-то странного серого цвета пыли. Кругом были разбросаны кости, и тут Эдди понял, что серая эта почва вовсе не земля, как он решил поначалу, а тоже кости, только такие древние, что они давно рассыпались в прах.

И в этой серой пыли что-то двигалось... какие-то штуки, которые, собственно, и издавали тот самый режущий ухо скрежет. Четыре... нет, пять штуковин. Какие-то небольшие металлические устройства, самое крупное — размером со щенка колли. Роботы, понял Эдди, или что-то на них похожее. Было у них кое-что общее, так что медведю, вне всяких сомнений, они служили только для одного... сверху у каждого быстро вертелось по крошечному радару.

Еще вам, пожалуйста, «думалки». Что же это за мир такой, Господи?! — спросил себя Эдди.

Самое крупное из устройств напомнило Эдди игрушечный трактор, который ему подарили на день рождения, когда ему исполнилось шесть или семь лет. Оно деловито ползало по поляне, и его гусеницы поднимали крошечные облачка костяной пыли. Второе походило на крысу из нержавеющей стали. Третье — на змею из стальных сегментов; оно извивалось и горбилось в пыли. Они двигались, образуя неровный круг, на той стороне ручья. Ходили кругами по глубокой колее, за столько лет выдолбленной в земле. Эдди вспомнились карикатуры из номеров «Сатердей ивнинг пост», которые мама зачем-то складывала в передней и не разрешала выбрасывать: обеспокоенные, нервно курящие мужики ходят туда-сюда по ковру, вытаптывая в ворсе лысые дорожки, в ожидании, когда их женушки благополучно разрешатся от бремени.

Когда глаза его попривыкли к незамысловатой географии поляны, Эдди увидел, что разномастных этих уродцев не пять, а гораздо больше. Он разглядел еще как минимум дюжину, а ведь их могло быть и больше, скрытых под костяными остан-

ками прежних медвежьих трапез. Разница только в том, что те, остальные, не двигались. В течение веков эти «вельможи» из механической свиты царя-медведя потихоньку умирали один за другим, пока их не осталось лишь пять... да и они уже доживали свой век, судя по этому нездоровому ржавому скрежету. И в особенности змея... уже еле-еле ползет следом за механической крысой. Устройство, что двигалось за ней по пятам — этакий стальной чурбан на коротких лапах, — то и дело налетало на замешкавшуюся змеюку и как будто подталкивало ее вперед: мол, давай, мать твою, пошевеливайся.

Эдди все задавался вопросом, в чем заключалась их функция. Что не защитная — это ясно; медведь был «устроен» так, что был в состоянии сам себя защитить. Эдди даже не сомневался: если бы они повстречались с Шардиком, когда тот был в расцвете сил, он бы шутя разжевал их и выплюнул. Всех троих. Может быть, эти мелкие роботы находились при нем как ремонтная бригада, или разведчики, или посланцы-курьеры. Он допускал, что они могли быть опасны, но только когда дело касалось самозащиты... или защиты хозяина. С виду они вполне мирные, невоинственные.

На самом деле было в них что-то жалкое. Почти все из былой команды давно повымерли, хозяин тоже закончил земное существование, и Эдди почему-то не сомневался, что им — оставшимся — это известно. Они излучали отнюдь не угрозу, а некую странную, нечеловеческую печаль. Древние, поизносившиеся, они продолжали свое бесполезное теперь движение по кругу на этой Богом забытой поляне по проторенной колее, которую сами проложили в земле, и Эдди даже казалось, что он ловит обрывки их мыслей, мечущихся, бессвязных: *Горе нам, горе нам... что теперь? Зачем мы теперь, когда Его больше нет? Кому еще мы нужны теперь, когда Его больше нет? Горе нам, горе нам...*

Тут что-то дернуло Эдди за ногу, и он едва не вскрикнул от неожиданности и страха. Развернулся, вскинув Роландов револьвер, и увидел, что это Сюзанна — глядит на него снизу вверх широко распахнутыми глазами. Эдди с облегчением вздохнул и осторожно отпустил взведенный курок, поставив его на мес-

то. Потом встал на колени, положил руки Сюзанне на плечи, поцеловал ее в щеку и прошептал в самое ухо:

— Я едва тебе голову не прострелил... твою глупенькую головку... что ты здесь делаешь?

— Тоже хочу посмотреть, — прошептала она в ответ, ни капельки не смутившись, потом взглянула на Роланда, присевшего перед ней на корточки. — И мне там одной стало страшно.

Пробираясь ползком сквозь кустарник, она оцарапала руки до крови, однако Роланд про себя отметил, что, если захочет, Сюзанна может двигаться тихо, будто призрак, — даже он не услышал, как она к ним подобралась. Вынув из заднего кармана джинсов чистый лоскут (последний от старой его рубахи), он вытер капельки крови с ее ладоней и рук и промакнул небольшой порез у нее на лбу.

— Ну так смотри, — сказал он одними губами. — Ты, по-моему, заслужила.

Наклонившись, Роланд раздвинул ветви кустарника на уровне глаз Сюзанны. Она восхищенно уставилась на поляну. Стрелок терпеливо дождался, когда она вдоволь наглядится, и отпустил ветки, которые снова сомкнулись.

— Мне их жалко, — шепнула она. — Звучит как бред сумасшедшего, да?

— Вовсе нет, — прошептал Роланд в ответ. — Их пути для нас странны, но это создания великой печали. Они тоже по-своему страдают. Эдди как раз собирался их вырубить, чтоб прекратить их мучения.

Эдди отчаянно замотал головой.

— Да, собирался... если только ты не намерен просидеть тут всю ночь на своих, как ты выражаешься, «причиндалах». Целься в шляпки. Эти вертящиеся штуковины.

— А если я промахнусь? — в ярости прошипел Эдди.

Роланд пожал плечами.

Эдди встал и с явною неохотой опять взвел курок Роландова револьвера. Сквозь сплетение ветвей смотрел он на эти жалкие сервомеханизмы, кружащие по своей одинокой бесцельной орбите. *Все равно как щенков стрелять,* — мрачно подумал

он. И тут вдруг увидел, как один из них — тот, что похож на коробку с ножками — выпустил из середины «брюха» уродливое с виду орудие типа клещей и ущипнул замешкавшуюся змею. Та издала удивленный жужжащий всхлип и рванулась вперед. Ходячая коробка втянула клещи назад.

Ну... может быть, не совсем как стрелять щенков, — решил Эдди. Покосился на Роланда. Тот смотрел на него без всякого выражения, скрестив руки на груди.

Ты выбрал не самое подходящее время, чтобы преподать мне урок, старина.

Эдди вспомнил, как Сюзанна стреляла в медведя. Сначала в мохнатую задницу, потом, когда тот пошел на них с Роландом, прямо в сенсорное устройство у него на башке. Разнесла его в щепки. Ему даже стало немного за себя стыдно. И было еще кое-что: в глубине души он хотел расстрелять их, как хотел разобраться тогда с Балазаром и его командой уродов в «Падающей башне». Побуждение, может быть, тошнотворное, но не лишенное некоторой привлекательности: *Посмотрим сейчас, чья возьмет... поглядим.*

Да, побуждение, без сомнения, тошнотворное.

Представь, что ты в тире и хочешь выиграть для своей подружки плюшевую собаку, — сказал он себе. — *Или плюшевого медвежонка.* Он уже начал прицеливаться в ходячую коробку, как вдруг Роланд взял его за плечо. Эдди в раздражении обернулся к нему.

— Повтори, что мы с тобой проходили, Эдди. Только не ошибись.

Эдди в сердцах зашипел сквозь зубы, разъяренный вмешательством, но Роланд твердо смотрел на него, так что Эдди пришлось сделать глубокий вдох и попытаться очистить свой разум от всего постороннего: от натужного скрежета механизмов, круживших по этой поляне так долго, от спазмов и боли в мышцах, от сознания того, что Сюзанна рядом, наблюдает за ним, опершись о ладони, что она ближе к земле, и если вдруг он промахнется, а механическому устройству вздумается нанести ответный удар, она станет ближайшей мишенью.

— «Я стреляю не рукой; тот, кто стреляет рукой, забыл лицо своего отца».

Это какая-то глупая шутка, — подумал он. Он не узнал бы своего папашу, даже столкнись он с ним нос к носу на улице. Но все-таки Эдди чувствовал, что слова помогают ему: прочищают рассудок и укрепляют нервы. Он не знал, сможет ли из него получиться стрелок, настоящий... хотя имел смутное подозрение, что вряд ли, несмотря на то что он прекрасно себя проявил в той перестрелке у Балазара... Но одно он знал наверняка: какой-то частице его души нравилась эта спокойная и отрешенная холодность, что всегда нисходила на него, когда Эдди произносил слова древнего катехизиса, которому его обучил стрелок... Холодность и еще новое ощущение мира, вдруг приобретшего необычайную захватывающую ясность. Хотя другая частица его души с той же ясностью осознавала, что это тоже своего рода наркотик, смертельный наркотик, мало чем отличающийся от героина, который погубил Генри и едва не убил и его самого, но это ни капельки не умаляло напряженного, будто звенящего удовольствия от момента. Оно билось в нем, как провода электропередачи, вибрирующие от сильного ветра.

— «Я целюсь не рукой; тот, кто целится рукой, забыл лицо своего отца.

Я целюсь глазом.

Я убиваю не выстрелом из револьвера; кто убивает выстрелом, забыл лицо своего отца».

А потом — он и сам сначала не понял, как это его угораздило — Эдди вдруг выступил из-под прикрытия деревьев и произнес в полный голос, обращаясь к роботам, ковыляющим на той стороне поляны:

— *«Я убиваю сердцем»*.

Они застыли на месте, остановив бесконечное свое кружение. Один зажужжал на высокой ноте. Может быть, это была тревога... или предупреждение? Крошечные блюдца радаров повернулись на звук его голоса.

Эдди открыл огонь.

Сенсоры разлетались, точно глиняные летающие мишени, один за другим. В сердце Эдди уже не было места для жалости... только эта отрешенная холодность и еще знание, что он уже не остановится, не сможет остановиться, пока вся работа не будет закончена.

Грохот от выстрелов громовыми раскатами прокатился по сумеречной поляне, отдавшись эхом от обветшалой каменной стены. Стальная змея пару раз кувыркнулась и задергалась в серой пыли. Самое крупное из устройств — то, что напомнило Эдди игрушечный трактор — попыталось спастись бегством, но замешкалось, выбираясь из колеи. Выстрел Эдди снес его радар напрочь. «Трактор» врылся в землю квадратным носом, из пазов, где крепились стеклянные его глаза, слабой струйкой излилось голубое пламя.

Эдди промахнулся лишь раз — по сенсору крысы из нержавеющей стали. С тонким писком, похожим на писк комара, пуля отскочила от металлической спинки. Крыса выскочила из колеи, обежала полукругом своего сотоварища в виде коробки с ножками, который шел за змеей, и бросилась через поляну со скоростью прямо-таки удивительной, издавая какие-то гневные лязгающие звуки. Когда расстояние между ними существенно сократилось, Эдди разглядел у нее во рту длинные острые иголки. Не зубы, а именно иголки, толстые, как для швейной машинки. Крыса ощетинилась, щелкнув пастью. *Да,* — сказал себе Эдди, — *как выясняется, эти штуковины на щенков совсем не похожи.*

— *Прикончи ее, Роланд!* — в отчаянии закричал он, но, оглянувшись, увидел, что Роланд по-прежнему стоит, скрестив руки на груди, с этаким невозмутимым и отрешенным лицом, словно бы погруженный в раздумья над шахматной задачей или предающийся сладостным воспоминаниям о старых любовных письмах.

Радар на спине у крысы вдруг на мгновение остановился, потом чуть изменил направление и нацелился прямо на Сюзанну Дин.

Остался один патрон, — сказал себе Эдди. — *Если я промахнусь, эта дрянь обдерет ей лицо.*

Но вместо того чтобы стрелять, он шагнул вперед и со всей силы пнул крысу ногой. Сегодня он был не в ботинках, а в мокасинах, пошитых из оленьей кожи, так что удар отдался по ноге до колена. Крыса с писклявым скрежетом покатилась, переворачиваясь в пыли, и остановилась, приземлившись на спину. Дюжина коротких механических ножек заходили туда-сюда, точно поршни. Каждая заканчивалась острым стальным когтем. Когти эти проворачивались на шарнирах размером с карандашный ластик.

Из брюха робота высунулся стальной стержень, и крыса перевернулась на ножки. Эдди опустил револьвер Роланда, не поддаваясь мгновенному искушению придержать его свободной рукой. Так, может быть, в его мире учат стрелять легавых, но для этого мира подобный прием вовсе не подходил. *Когда забываешь про револьвер, когда ощущение такое, что ты стреляешь не им, а пальцем,* — как-то сказал им Роланд, — *считай, что ты почти выиграл.*

Эдди нажал на спусковой крючок. Крошечный радар, который опять завертелся в поисках врага, исчез в голубой вспышке пламени. Крыса издала сдавленный звук — хлюп! — и завалилась на бок. Мертвая.

Эдди повернулся к Роланду. Сердце готово было вырваться из груди. Он был взбешен — такой жгучей ярости он не испытывал с того самого дня, когда осознал, что Роланд намерен держать его в этом чужом мире, пока не найдет свою чертову Башню и не попытается одолеть ее... иными словами, пока все они, может быть, не превратятся в жратву для червей.

Приставив дуло револьвера — с пустым барабаном — к груди стрелка, он прохрипел, не узнавая собственного голоса:

— Если бы здесь оставался еще патрон, ты бы мог уже не волноваться об этой гребаной своей Башне.

— Прекрати, Эдди! — резко проговорила Сюзанна.

Он посмотрел на нее.

— Она подбиралась *к тебе,* Сюзанна, и вряд ли с дружественными намерениями.

— Но она до меня не добралась. *Ты* ее порешил, Эдди. Ты *ее* порешил.

— Только не благодаря ему. — Эдди хотел было убрать револьвер в кобуру, но тут осознал, почувствовав еще большее раздражение, что у него нет портупеи. Ремень с кобурой был у Сюзанны. — Ему и его урокам. Его проклятым *урокам.*

Выражение легкой заинтересованности, появившееся на лице Роланда, вдруг изменилось. Его взгляд метнулся куда-то поверх левого плеча Эдди.

— ЛОЖИСЬ! — крикнул он.

Эдди не стал задавать лишних вопросов. Смущение и гнев как рукой сняло. Он упал лицом вниз, успев еще заметить, как левая рука Роланда молнией метнулась к кобуре на боку. *Господи,* — подумал Эдди, падая на землю, — *БЫТЬ ТАКОГО НЕ МОЖЕТ, люди не могут так быстро действовать. Я сам не пентюх какой-нибудь, но по сравнению с Сюзанной я просто копуша, а она по сравнению с ним — что твоя черепаха, которая пытается ползти вверх по стеклу...*

Что-то пронеслось у него над головой — какая-то гадость, визжащая в механической злобе, вырвала у него на лету клок волос. Потом раздалось три выстрела — три громовых раската. Это Роланд стрелял с бедра. Пронзительный визг прекратился. Существо, похожее на здоровенную механическую летучую мышь, шлепнулось на землю между тем местом, где лежал ничком Эдди, и тем, где находились Сюзанна с Роландом. Одно перепончатое, покрытое ржавым налетом крыло слабо ударилось оземь, словно в ярости из-за упущенного шанса, и затихло, уже неподвижное.

Роланд направился к Эдди, ступая легко и неслышно в своих старых растрескавшихся ботинках. Протянул руку. Эдди принял ее, и Роланд помог ему встать. Падая, Эдди ударился и сбил дыхание и не мог сейчас говорить. *Может быть, это и к лучшему... а то каждый раз, когда я раскрываю пасть, я обязательно ляпаю что-нибудь не то.*

— Эдди! Ты как, в порядке? — Сюзанна уже направлялась к нему. Он же стоял, склонив голову и согнувшись едва ли не пополам, пытаясь восстановить дыхание.

— Ага. — Слово далось ему не без труда. Он заставил себя встать прямо. — Только прическу она мне подпортила.

— Она притаилась среди деревьев, — сказал Роланд. — Я сам поначалу ее не заметил. В сумерках свет обманчив. — Он мгновение помолчал и добавил все тем же спокойным и мягким тоном: — Ей ничто не грозило, Эдди. Сюзанне то есть.

Эдди кивнул. Только теперь он по-настоящему осознал, с какой скоростью может действовать Роланд. Да он мог бы съесть гамбургер и выпить молочный коктейль, а потом уже браться за револьвер, и у него бы еще оставалась пара секунд в запасе.

— Ну хорошо. Давай скажем так, что я просто не одобряю твою педагогическую методику, о'кей? Но извиняться я не собираюсь, так что, если ты ждешь извинений, лучше не обольщайся сразу.

Роланд наклонился к Сюзанне, приподнял ее и принялся очищать ее одежду и волосы с этакой терпеливой нежностью, как мать отряхивает комбинезончик своему драгоценному чаду, когда тот, заигравшись, извозится в пыли и грязи на заднем дворе.

— Никто и не ждет от тебя извинений. Мне они не нужны. Позавчера мы с Сюзанной уже говорили об этом. Правда, Сюзанна?

Она кивнула.

— Роланд считает, что ученику иной раз вовсе не повредит добрый пинок по ребрам. Чтобы из него получился потом настоящий стрелок.

Эдди оглянулся разок на поверженных роботов и принялся медленно смахивать костяную пыль со штанов и рубашки.

— А что, если, Роланд, дружище, я скажу тебе, что не хочу становиться стрелком?

— Тогда я скажу, что желания твои сейчас мало что значат. — Роланд смотрел на металлический киоск, притулившийся у каменной стены, как будто утратив всяческий интерес к поднятой теме. Эдди не раз наблюдал подобное. Когда речь заходила о том, что будет, могло бы быть или должно быть, Роланд всегда терял интерес.

— *Ка?* — В голосе Эдди послышалась прежняя горечь.

— Все правильно. *Ка.* — Роланд подошел к полосатому киоску и провел рукой по желтым и черным линиям. — Мы отыскали Врата... одни из двенадцати врат, что опоясывают мир по краю... один из шести путей к Темной Башне. И это тоже *ка.*

27

Эдди сходил за коляской Сюзанны. Вызвался сам, никто его не просил: просто ему вдруг захотелось побыть одному, поразмыслить, взять себя в руки. Теперь, когда он отстрелялся и напряжение спало, все мышцы его тела судорожно вибрировали. Его била неудержимая дрожь, и он не хотел, чтобы Роланд с Сюзанной видели его в таком состоянии, — и даже не потому, что они могли бы принять эту дрожь за страх, а потому, что могли распознать ее истинную причину: предельное возбуждение. Ему это понравилось. Даже притом, что летучая мышь едва не сняла с него скальп, ему это понравилось.

Хренотень какая-то, приятель. И ты сам это знаешь.

Но в том-то и заключалась проблема, что он не знал. Только что Эдди столкнулся лицом к лицу с тем же самым, что открыла для себя Сюзанна, когда пристрелила медведя: можно сколько угодно твердить о том, что тебе не хочется становиться стрелком, быть стрелком, как тебе надоело шляться по этому шизонутому миру, где, кажется, кроме тебя и твоих двух товарищей, нет ни единого человеческого существа, что больше всего тебе хочется оказаться сейчас на углу Сорок второй и Бродвея, стоять там, щелкать пальцами, подзывая лоточника, есть хот-дог с соусом «чили», включить плейер, слушать «Creedence Clearwater Revival» и глазеть на девчонок, сексапильных нью-йоркских девчонок в мини-юбках, с длинными ногами и пухлыми чертыхающимися губками. Ты можешь талдычить обо всем этом до посинения, но себя все равно не обманешь. Сердцем ты знаешь, что тебе это нравится. Он *ловил кайф,* паля по шагающим электронным зверюгам, по крайней мере пока держал в руках револьвер, превратившийся в этакого портативного «громовержца» для личного пользования. Он испытал удовольствие, пнув робота-крысу, хотя ноге было боль-

но, а сам он перепугался до полусмерти. И, как бы дико оно ни звучало, даже то, что он перепугался, только добавило ему кайфа.

Все это само по себе уже гадко, но Эдди сегодня узнал про себя кое-что еще: если прямо сейчас перед ним вдруг возникнет волшебная дверь и откроется обратно в Нью-Йорк, он, может быть, и не вернется туда. Во всяком случае, пока не увидит своими глазами эту чертову Темную Башню. Он уже начал подозревать, что болезнь Роланда заразная.

Так, пихая коляску Сюзанны сквозь густые заросли ольхи, кляня на чем свет стоит тонкие ветки, что норовили ударить его по лицу и задеть глаза, Эдди нашел силы признаться себе кое в чем, а переварив, это все принять, и сделанные им открытия несколько остудили его разгоряченную кровь. *Просто мне хочется посмотреть, она такая же, как в моем сне, или нет,* — думал он. — *Увидеть воочию нечто подобное... это будет действительно здорово.*

И тут в голове у него прозвучал иной голос. *Зуб даю, остальные его друзья — ну эти, со странными именами, как у рыцарей Круглого Стола при дворе короля Артура, — зуб даю, они тоже похожее переживали что-то, Эдди. А теперь они все мертвы. Все до единого.*

Он узнал этот голос, нравилось ему это или нет. Голос принадлежал Генри. Вот почему Эдди было так трудно его не слушать.

28

Держа Сюзанну на правом бедре, Роланд стоял перед металлическим кубом, напоминающим запертый на ночь вход на станцию подземки. Оставив коляску на краю поляны, Эдди тоже подошел. Здесь, ближе к кубу, гул и вибрация под ногами стали гораздо громче, то есть механизм, этот гул издающий, располагался либо внутри коробки, либо под ней. Эдди казалось, что он его воспринимает не слухом, а каждой клеточкой мозга или даже нутром.

— Значит, это одни врата из тех самых двенадцати. И куда они открываются, Роланд? В Диснейленд?

Роланд покачал головой.

— Я не знаю куда. Может, вообще в никуда... или во все. В этом мире есть много, чего я не знаю... вы это, наверное, уже поняли. А многое из того, что я знал, изменилось.

— Потому что мир сдвинулся с места?

— Да. — Роланд взглянул на него. — Знаешь, это не просто такой оборот. Мир действительно сдвинулся с места... он и сейчас еще сдвигается, только быстрее. И все здесь приходит в упадок, ветшает... разваливается на части... — Он пнул механический трупик ходячей коробки, как бы подчеркивая свои слова.

Эдди вдруг вспомнил круглую схему, которую Роланд чертил на земле.

— И, стало быть, это край света? — спросил он едва ли не робко. — Я хочу сказать, место как место. Ничего особенного. — Он хохотнул. — Я так себе представлял, что должна быть какая-то пропасть... только что-то ее не видать.

Роланд покачал головой.

— Это не тот край света, а просто такое место, откуда выходит один из Лучей. Во всяком случае, меня так учили.

— Лучей? — переспросила Сюзанна. — Что еще за Лучи?

— Древние не создавали мир... они его *воссоздали*. Кое-кто из сказителей утверждает, что Лучи спасли мир; кое-кто убежден, что они заключают в себе семена разрушения. Их создали древние. Это такие линии... они *удерживают... и связуют...*

— Ты, случайно, не о магнитных полях говоришь? — осторожно осведомилась Сюзанна.

Лицо Роланда, вечно суровое и угрюмое, вдруг словно бы просветлело и стало совсем другим, новым и удивительным, и Эдди подумал, что он теперь знает, каким будет Роланд, когда *дойдет наконец* до своей Темной Башни.

— Да! И об этом тоже... и еще о гравитации... и о надлежащем соотношении размера, пространства и измерения. Лучи — это силы, которые все это скрепляют.

— Добро пожаловать к нам в психушку с физическим уклоном! — буркнул Эдди, понизив голос.

Сюзанна не обратила на него внимания.

— А Темная Башня? Она типа базового генератора? Главный источник энергии для Лучей?

— Я не знаю.

— Но зато знаешь, что мы сейчас в точке А, — сказал Эдди. — Если мы будем отсюда идти по прямой, то в конце концов мы придем к противоположным Вратам — назовем их точкой С — на том краю света. А посередине отрезка АС расположена точка В. Центральная точка. Темная Башня.

Стрелок кивнул.

— И долго придется идти? Ты, случайно, не в курсе?

— Нет, знаю только, что долго. Она далеко, и с каждым днем все дальше. Расстояние растет.

Эдди нагнулся, чтобы рассмотреть ходячую коробку. Потом он выпрямился и взглянул на Роланда.

— Не может такого быть. — Тон его походил на увещевания взрослого, который пытается убедить ребенка, что в шкафу у него нет никакого маленького домового, что такого *не может* быть, потому что домовых вообще не бывает. — Миры *не растут,* Роланд.

— Правда? В детстве, Эдди, я помню, у нас во дворце были карты. Одну я запомнил. Называлась она «Великие королевства Западной Земли». Была там и моя страна, Гилеад. И Низинные феоды — в тот год, когда я получил свои револьверы, там уже шла гражданская война. И холмы, и пустыня, и горы, и Западное море. По этой карте от Гилеада до моря расстояние было неблизким — тысяча, если не больше, миль, — *однако, чтобы его пройти, мне понадобилось целых двенадцать лет.*

— Но это же невозможно, — испуганно выпалила Сюзанна. — Даже если ты все эти мили прошел пешком, все равно это много — двенадцать лет.

— Ну, если учесть, что тебе приходилось не раз останавливаться, чтобы отправить домой открытки и выпить пивка... — начал Эдди, но Роланд с Сюзанной его просто проигнорировали.

— Я не пешком добирался. Почти всю дорогу я ехал верхом, — сказал Роланд. — Меня то и дело... задерживали, ска-

жем так... но я старался зря время не тратить. Чтобы убраться подальше от Джона Фарсона, который начал мятеж, опрокинувший мир, где я вырос, и который спал и видел, как бы снести мне башку и водрузить ее на кол у себя на дворе, — должен признать, у него были на то причины, поскольку я и мои друзья перебили весь «цвет» его шайки... и, потом, я кое-что спер у него, очень ему дорогое.

— Что, Роланд? — не сдержал любопытства Эдди.

Роланд покачал головой.

— Это совсем другая история... может быть, я расскажу, но потом... или вообще никогда. Сейчас важно не это. Вдумайтесь: я прошел не одну сотню миль — *много* сотен. Потому что мир увеличивается, растет.

— Такого просто не может быть, — настойчиво повторил Эдди, но его все равно трясло. — Бывают землетрясения... наводнения... приливы на море, отливы... ну, я не знаю...

— *Послушай!* — Роланд, кажется, начал уже выходить из себя. — Посмотри, оглянись вокруг! Что ты видишь? Мир, который неумолимо замедляет свой ход, как детский волчок, пусть даже пока он набирает обороты, и вам не понятно, как он движется. Да хотя бы на то посмотри, что ты сейчас подстрелил. Посмотри, Эдди, пожалуйста, ради отца своего посмотри!

Он отступил на два шага к ручью, поднял с земли металлическую змею, быстро ее осмотрел и перекинул Эдди, который поймал ее левой рукой. Она переломилась надвое прямо у него в руке, и одна половина упала на землю.

— Видишь? Видишь, она истощилась, от нее ничего не осталось. Все эти странные существа, на которых мы тут набрели, умирали уже. Если бы мы не пришли, они все равно бы накрылись, и очень скоро. И медведь этот тоже.

— Медведь, похоже, был чем-то болен, — вставила Сюзанна.

Стрелок кивнул.

— Да, паразиты. Они поселились в его органическом теле. Но почему не раньше? Почему только сейчас?

Сюзанна в ответ промолчала.

Эдди внимательно изучал половинку змеи. В отличие от медведя она представляла собой целиком искусственную конструкцию — существо, скроенное из металла, электронных цепей и ярдов (если не миль) проводов, тоненьких, как паутинка. Однако Эдди сумел разглядеть струпья ржавчины на нержавеющей стали. Причем не только на внешних сегментах, но и внутри. Было и еще какое-то влажное пятно. Либо вытекло масло, либо вода просочилась снаружи. Кое-где эта влага разъела проводку, а на крошечных платах размером с ноготь большого пальца зеленела какая-то гадость, похожая с виду на мох.

Эдди перевернул половинку змеи пузом вверх. На стальной пластинке ясно читалось имя производителя: «Северный Центр позитроники». Стоял также серийный номер, но имени не было. *Может быть, слишком это незначительное устройство, чтобы давать ему имя,* — решил он про себя. — *Простой вращающийся щуп, время от времени применяемый в качестве очистительной клизмы для старикана-медведя, или предназначенный для нормализации работы его кишечника, или еще для чего-нибудь в равной степени гадкого.*

Отшвырнув змею, Эдди вытер руки о штаны.

Роланд поднял с земли устройство, смахивающее на игрушечный трактор. Дернул за гусеницу. Та с легкостью оторвалась, обдав ботинки стрелка облачком ржавой пыли.

— Все в этом мире либо тихо издыхает, либо разваливается на части, — произнес он, отбрасывая «трактор» прочь. — А силы, которыми держится этот мир — и не только в пространстве, но и во времени и в размере, — тоже исчерпывают себя. Об этом мы знали еще детьми, но мы и представить себе не могли, каким будет время конца. Да и откуда нам было знать? И вот я живу в эпоху заката, и мне кажется, что она наступила не только для нашего мира. Но и для вашего тоже, Сюзанна и Эдди. И, быть может, еще для миллиарда миров. Лучи теряют первоначальную свою мощь. Не знаю, причина ли это или просто очередной симптом, но я знаю, что это так. Идите сюда! Ближе! Прислушайтесь!

Когда Эдди приблизился к металлическому кубу в косую черную с желтым полоску, на него вдруг нахлынули воспоми-

нания, яркие и неприятные — в первый раз за долгие годы он вспомнил про ветхое старое здание в Датч-Хилле, примерно в миле от микрорайона, где они с Генри родились и выросли. Обветшалое это строение, которое местные ребятишки называли «Большим особняком», стояло посреди пустыря, заросшего сорной травой, который когда-то, наверное, был ухоженной лужайкой, на Райнхолд-стрит. И не было в округе ни одного мальчишки, который не знал бы истории о привидениях, связанной с особняком. Приземистый, словно бы придавленный крутой крышей, этот дом, казалось, сердито глядел на прохожих из густой тени, что отбрасывали свесы крыши. Стекол в окнах, само собой, не было: их с безопасного расстояния повыбивали камнями мальчишки, — но никто не отважился расписать стены дома или устроить там импровизированный ночной клуб или тир. Но самым странным и непонятным был факт самого его существования: никто не поджег его ради того, чтобы получить страховку, или хотя бы ради удовольствия посмотреть, как он будет гореть. Мальчишки шептались, что в доме живут привидения, и как-то раз Эдди с Генри специально пришли на ту улицу, чтобы своими глазами увидеть объект этих невероятных слухов (хотя маме Генри сказал, что они идут с друзьями в кондитерскую), и им показалось, что в доме действительно есть привидения. В таком месте должны быть. Разве он сам не почувствовал некую силу, чужую и явно недружелюбную, что просочилась из пустых темных окон этого викторианского особняка — окон, как будто уставившихся на него пристальным неподвижным взглядом буйнопомешанного? Разве какой-то едва уловимый ветерок не шевельнул волоски у него на руках? Разве он не преисполнился вдруг интуитивной уверенности, что стоит ему шагнуть внутрь, как массивная дверь тут же за ним захлопнется, замок закроется сам, а стены начнут сближаться, стирая в порошок косточки мертвых мышей, чтобы раздавить и его?

Дом с привидениями.

И теперь, приближаясь к металлическому кубу, Эдди снова почувствовал эту смесь тайны и злобной угрозы. По ногам и рукам побежали мурашки. Волосы на затылке вдруг встали дыбом,

точно шейное оперение надувшегося индюка. Он ощутил, как его овевает все тем же еле заметным ветерком, хотя ни один листок на деревьях, окружающих поляну, даже не шелохнулся.

Но он все-таки подошел к металлической двери (ибо это была та же дверь, только запертая, и для таких, как он, Эдди, она останется запертой навсегда — ради того ее здесь и поставили) и прижался к ней ухом, закрыв глаза.

Ощущение было такое, как будто он с полчаса назад принял неслабую дозу ЛСД, и вот теперь зелье начало потихоньку действовать. Странные цвета расплылись в темноте перед его закрытыми глазами. Эдди почудились голоса. Они звали его из ветвящихся коридоров, словно из недр каменных глоток, — длинных таких коридоров, освещенных рядами трубчатых ламп. Когда-то эти электрические факелы изливали свое яркое свечение повсюду, но теперь они едва тлели тусклым голубым огнем. Он почувствовал пустоту... запустение... опустошение... смерть.

Ровный гул механизмов не прекращался, но теперь в нем проскальзывал новый ритм, сбивчивый, грубый... или ему это просто почудилось? Какой-то отчаянный глухой стук в общем гуле, как аритмия больного сердца? И еще складывалось ощущение, что агрегат, этот звук издающий, пусть даже намного более сложный, чем тот, что был внутри у медведя, потихоньку выбивается из рабочего своего ритма.

— Все умолкает в чертогах мертвых, — неожиданно для себя прошептал Эдди срывающимся слабым голосом. — Все — забвение в каменных залах мертвых. Узрите ступени, во тьму уводящие; узрите палаты, в руинах лежащие. Вот владение мертвых, где паутину прядут пауки и вращение светочей замирает, и светочи гаснут один за другим.

Роланд рывком оттащил Эдди от двери, и тот уставился на стрелка невидящими помутневшими глазами.

— Хватит, — сказал Роланд.

— Какую бы гадость они туда ни напихали, она, кажется, выходит из строя, верно? — услышал Эдди собственный голос. Этот дрожащий голос доносился до него как будто издалека.

Он все еще чувствовал силу, излучаемую металлическим кубом. И эта сила звала его.

— Нет, — отозвался Роланд. — Ничто в моем мире сейчас не работает так хорошо, как эта, говоря твоими словами, гадость.

— Если вы, парни, хотите остаться тут на ночь, придется вам обойтись без моего приятного общества. — В пепельных отблесках сумерек лицо Сюзанны казалось размытым пятном. — Я вас подожду за рощицей, там же и заночую. Здесь мне что-то не нравится. Не нравятся ощущения от этой штуковины.

— Мы все заночуем за рощицей, — успокоил ее Роланд. — Пойдем.

— Хорошая мысль, — заключил Эдди. По мере того как они удалялись от куба, гул механизмов начал понемногу стихать. Эдди буквально физически ощущал, как слабеет сила, его захватившая, хотя она по-прежнему манила, звала исследовать сумрачные коридоры, лестницы, уводящие в темноту, и палаты, в руинах лежащие, где паутину плетут пауки и огоньки на контрольных приборах гаснут один за другим.

29

В ту ночь Эдди опять снился сон. Он снова шагал по Второй авеню к магазинчику деликатесов «Том и Джерри», что на углу Второй и Сорок шестой. Из колонок у музыкального магазина, мимо которого он проходил, неслась песня «Роллинг стоунз»:

Я вижу красную дверь и хочу
ее выкрасить в черный,
Никаких больше красок, я хочу,
чтобы все стало черным,
Мимо проходят девицы в ярких летних цветах,
Я верчу головой до темноты в глазах...

Он пошел дальше. Мимо магазина «Твои отражения», что между Сорок девятой и Сорок восьмой. Увидел свое отражение в одном из зеркал на витрине и подумал, что выглядит очень

неплохо, намного лучше, чем в последние несколько лет, — патлы, правда, чуть-чуть отмахали, но в остальном вполне даже прилично. Загорелый, подтянутый парень. Вот только прикид... м-да, ребята. Этакий яппи*. Синий блейзер, белая рубашка, темно-красный галстук, серые костюмные брюки... у него в жизни такого нарядца не было.

Кто-то потряс его за плечо.

Эдди попытался зарыться поглубже в сон. Ему не хотелось просыпаться сейчас. Сначала он собирался дойти до «Тома и Джерри», открыть своим ключом дверь и еще раз прогуляться по полю роз. Ему хотелось увидеть все это снова: бесконечный багряный простор, синюю арку неба, белые облака, похожие на плывущие в вышине корабли, и Темную Башню. Да, он боялся тьмы, что жила внутри этой таинственной небывалой колонны, — тьмы, алчущей поглотить любого, кто отважится подойти слишком близко, — но все равно он хотел посмотреть на нее еще раз. Ему *было нужно* увидеть ее.

Но рука, что трясла его за плечо, не исчезла, как он очень надеялся. Сон начал тускнеть, запахи выхлопных газов на Второй авеню растворились в дыму костра — теперь уже слабом, потому что костер почти догорел.

Разбудила его, как выяснилось, Сюзанна. Эдди сел и обнял супругу одной рукой. Они устроились на ночлег на дальней окраине ольховой рощи в пределах слышимости ручья, что журчал на поляне, усыпанной костяной пылью. Роланд спал по ту сторону круга из тлеющих угольков, что остались от выгоревшего костра, — спал беспокойно. Отбросив в сторону одеяло, он лежал, подтянув колени едва ли не к самой груди. Он снял свои тяжелые ботинки, и его голые ступни казались бледными, узкими и беззащитными. На правой ноге недоставало большого пальца — его отхватило омарообразное чудище, искалечившее Роланду еще и правую руку.

Он что-то бормотал во сне, повторяя снова и снова одну невнятную фразу. Вскоре до Эдди дошло, что это та самая фраза,

---

* Яппи — молодой профессионал с высшим образованием. В системе ценностей яппи главное место занимают карьера и материальное благополучие.

которую Роланд пробормотал тогда на поляне, где Сюзанна пристрелила медведя, прежде чем потерять сознание. *Тогда иди — есть и другие миры,* кроме этого. Роланд на мгновение затих, а потом вскрикнул, зовя парнишку по имени:

— Джейк! Где ты? *Джейк!*

Столько отчаяния, столько горечи слышалось в этом крике, что Эдди даже стало жутко. Он еще крепче обнял Сюзанну и прижал ее к себе. Она вся дрожала, хотя ночь была теплой.

Стрелок перевернулся на спину. Звездный свет отразился в открытых его глазах.

— *Джейк, где ты?* — спросил он, взывая к ночи. — *Вернись!*

— Господи, Сьюз... он, по-моему, опять тронулся. Что будем делать?

— Не знаю. Но ты как хочешь, а я не могу больше все это слушать. Он как будто не здесь. Вообще нигде. Вдали от всего.

— Тогда иди, — пробормотал Роланд, снова переворачиваясь на бок и подтягивая колени к груди, — есть и другие миры, кроме этого. — Он на мгновение умолк, а потом грудь его всколыхнулась, и стрелок выкрикнул имя парнишки долгим, леденящим кровь воплем. Где-то в лесу раздался сухой шелест крыльев: это взлетела птица и устремилась подальше — туда, где тихо.

— Есть какие-то соображения? — В широко распахнутых глазах Сюзанны блестели слезы. — Может быть, надо его разбудить?

— Я не знаю. — Взгляд Эдди упал на Роландов револьвер, единственный, у него оставшийся, который стрелок носил на левом боку. Он лежал, убранный в кобуру, на аккуратно сложенной шкуре рядом с Роландом, так чтобы до него было легко дотянуться. — Мне кажется, я не решусь, — добавил он через силу.

— Он, наверное, сходит с ума.

Эдди кивнул.

— Что же нам делать, Эдди? *Что делать?*

Эдди не знал. Как-то раз антибиотики из его мира помогли стрелку, остановили обширное заражение, вызванное ядовитым укусом омарообразного гада; теперь Роланд снова страдал от об-

ширного заражения, только Эдди не думал, что в природе существует такое лекарство, которое может его исцелить на этот раз.

— Не знаю, Сьюз. Ложись рядом со мной.

Обнимая Сюзанну, он укрылся меховой шкурой, и вскоре дрожь ее прекратилась.

— Если он сходит с ума, он может наброситься на нас, — тихо проговорила она.

— Я тоже об этом думал. — Неприятная эта мысль ассоциировалась у него с образом медведя с его красными, налитыми злобой глазами (хотя в самых глубинах тех алых провалов мелькнуло замешательство, или Эдди это только показалось?) и смертоносными когтями. Эдди опять бросил взгляд на заряженный револьвер, лежащий так близко к здоровой руке Роланда; вспомнил о том, с какой скоростью Роланд извлек его из кобуры, отражая атаку механической летучей мыши, — так быстро, что Эдди и не заметил движения. Если стрелок помутится рассудком и если безумие его изберет своей целью их с Сюзанной, шансов спастись у них точно не будет. То есть вообще никаких.

Эдди прижался лицом к теплой шее Сюзанны и закрыл глаза.

А вскоре Роланд затих. Эдди приподнял голову и оглянулся. Роланд как будто заснул. И выглядел как обычно. Сюзанна тоже спала. Эдди нежно поцеловал ее в мягкий холмик груди и снова закрыл глаза.

Нет уж, приятель, держись. Сегодня ты долго еще не заснешь.

Но эти два дня они топали без передыху, и Эдди смертельно устал. Его уносило... куда-то... прочь.

Обратно в тот сон, — думал он, улетая. — *Хочу туда... на Вторую авеню... обратно к «Тому и Джерри». Хочу снова туда.*

Однако сон не вернулся в ту ночь.

30

На рассвете они быстро позавтракали, перепаковали и перераспределили поклажу и вернулись на клиновидную поляну. В чистом утреннем свете она смотрелась не так угрюмо, но все же все трое старались держаться подальше от металличес-

кого куба с предупредительными желто-черными полосами. Если Роланд и помнил что-нибудь из дурных снов, что донимали его в ту ночь, виду он не подавал. Обычную утреннюю работу он выполнил, как всегда, молча, пребывая в этакой флегматичной задумчивости.

— Отсюда нам надо идти по прямой... Как ты думаешь это осуществить на практике? — спросила Сюзанна стрелка.

— Если легенды не врут, то проблем быть не должно. Помнишь, вчера ты спросила о магнитных полях?

Она кивнула.

Порывшись в своем кошеле, Роланд достал небольшой квадратик из старой кожи с длинной блестящей иголкой, продетой посередине.

— Компас! — воскликнул Эдди. — Нет, ты точно разведчик!

Роланд покачал головой.

— Нет, это не компас. Я знаю, конечно, что такое компас, но в последний раз я его видел несколько лет назад. Я узнаю направление по солнцу и звездам. Даже в нынешние времена этот способ меня не подводит.

— Даже в нынешние времена? — нервно переспросила Сюзанна.

Роланд кивнул.

— Стороны света тоже меняют свое положение.

— Господи, — выдохнул Эдди, пытаясь представить себе такой мир, где север тихонько сдвигается на восток или на запад, но у него ничего не вышло. Его даже чуть затошнило, как с ним бывало всегда, когда он смотрел вниз с большой высоты.

— Это просто иголка, но иголка из стали, и она нам послужит не хуже компаса. Мы пойдем по Лучу, и иголка укажет нам путь. — Роланд снова порылся в сумке и достал грубой работы глиняную чашу с трещиной на одном боку. Чашу эту Роланд нашел на развалинах древнего поселения и аккуратно заделал трещину сосновой смолой. Отойдя к ручью, он зачерпнул воды и вернулся туда, где сидела Сюзанна в своей коляске. Осторожно поставив чашу на подлокотник, стрелок дождался, пока вода

в ней перестанет рябить, и опустил в воду иголку. Она легла на дно и застыла там неподвижно.

— Вау! — высказал Эдди свое восхищение. — Круто! Я бы пал пред тобой ниц, Роланд, но не хочу портить складки на брюках!

— Я еще не закончил. Держи чашку, Сюзанна, и постарайся, чтобы она не сдвинулась.

Она сделала, как он сказал, а Роланд, взявшись за ручки коляски, медленно покатил ее по поляне. Не доезжая двенадцати футов до двери, он осторожно развернул коляску на сто восемьдесят градусов, так что Сюзанна была теперь к двери спиной.

— Эдди! — позвала она. — Иди посмотри!

Эдди склонился над глиняной чашкой. Вода уже начинала сочиться сквозь смоляную замазку, но игла медленно поднималась на поверхность. Вот она уже вынырнула и закачалась спокойно, как пробка, указывая направление по прямой от Врат у них за спиной в самую чащу древнего леса.

— Срань господня... плавучая иголка. Теперь я действительно видел все.

— Держи чашку, Сюзанна.

Роланд медленно сместил коляску чуть вправо от куба. Иголка дрогнула, закачалась и опять опустилась на дно. Но как только стрелок вернул коляску в первоначальное положение, она поднялась на поверхность, указывая направление.

— Была бы у нас металлическая стружка и лист бумаги, — сказал Роланд, — я бы вам показал. Стружка, насыпанная на бумагу, растянулась бы в линию, и линия эта указала бы в том же самом направлении.

— А когда мы отойдем от Врат? — спросил Эдди. — Она тоже будет указывать направление?

Роланд кивнул.

— И не только она. Мы сможем *увидеть* и сам Луч.

Сюзанна оглянулась через плечо, случайно задев локтем чашку. Вода всколыхнулась. Иголка дернулась, потеряв направление... но тут же вернулась в первоначальное положение.

— Не туда, — сказал Роланд. — Сейчас оба смотрите вниз... Эдди — под ноги, Сюзанна — себе на колени.

Они сделали, как он велел.

— Когда я скажу вам поднять глаза, смотрите прямо вперед. По направлению иголки. Только не вглядывайтесь: пусть глаза смотрят сами. Понятно? Давайте!

Они подняли головы. В первое мгновение Эдди не увидел ничего особенного — все тот же дремучий лес. Он попытался расслабиться... и вдруг увидел. Так он прежде узрел рогатку, сокрытую в отростке на пне. Теперь он понял, почему Роланд велел им не вглядываться. «Отпечаток» невидимого Луча, проходящего сквозь пространство, лежал буквально на всем, что попадало в поле излучения, хотя сам Луч был едва различим. Иголки сосен и елей указывали его направление. Кустарник рос под небольшим углом, наклонившись в сторону Луча. Деревья, которые повалил медведь, расчищая себе поле зрения, не все попадали вдоль этой скрытой «дорожки» — что уводила на юго-восток, если только Эдди не изменило чувство пространственной ориентации, — но большинство из них все же легли по Лучу, как будто сила, исходящая от Врат, *толкала* их в том направлении. И было еще кое-что: то, как тени ложились на землю. Солнце вставало сейчас на востоке, и тени, само собой, указывали на запад, но если смотреть точно на юго-восток, куда указывала иголка в чашке, можно было разглядеть странный теневой узор типа «елочки», но опять же лишь вдоль Луча.

— Кажется, я *что-то* вижу, — с сомнением проговорила Сюзанна, — но...

— Смотри на тени! *На тени,* Сьюз!

Вдруг глаза у нее широко распахнулись, и Эдди понял, что она тоже все это видит.

— Господи! Точно! Вот же он, вот! Как пробор в волосах!

Теперь, когда Эдди увидел его, он уже больше не мог потерять этот затененный проход сквозь дикие дебри, подступающие к поляне, прямую, едва различимую «дорожку» — путь Луча. Внезапно он осознал, какой мощной должна быть сила, обволакивающая его (или, возможно, проходящая сквозь него,

как рентгеновские лучи), и едва переборол себя, чтобы не отшатнуться в сторону.

— Слушай, Роланд, а мне оно не грозит импотенцией, а?

Роланд лишь улыбнулся, пожав плечами.

— Это как ложе реки, — изумилась Сюзанна. — Давно пересохшей реки... оно заросло, и его теперь едва видно... но все-таки видно. Этот узор из теней, он не изменится, если мы будем держаться «дорожки» Луча, верно?

— Нет, — сказал Роланд. — Тени меняются вместе с солнцем, движущимся по небу, но так или иначе Луч будет видно. Он проходит здесь тысячи лет, быть может, *десятки* тысяч. Посмотрите на небо!

Они подняли глаза к небу. В вышине белые перистые облака тоже выстроились вдоль луча, сложившись узором-«елочкой»... и они — те, что оказывались над силовой «дорожкой» — плыли по небу быстрее, чем остальные. Их уносило на юго-восток. Как будто их что-то толкало по направлению к Темной Башне.

— Видите? Ему подвластны даже облака.

По небу летела стайка каких-то птиц. Попав в лучевой поток, они тоже свернули на юго-восток. Эдди глядел и не верил своим глазам. Выбравшись за пределы узкого силового коридора, птицы вернулись на первоначальный курс.

— Ну ладно, — вымолвил Эдди. — Кажется, нам пора двигать. Путь в тысячу миль начинается с одного шага, равно как и в тысячу лет и так далее.

— Подождите минутку. — Сюзанна смотрела на Роланда. — Ведь нам не тысячу миль предстоит протопать. Теперь уже нет, я права? А сколько, Роланд? Пять тысяч миль? Десять?

— Точно не знаю. Но далеко.

— И как ты думаешь это осуществить на практике, когда вам приходится вечно таскаться с моей треклятой коляской? При самом удачном стечении обстоятельств мили три в день по этим Отстойникам мы пройдем, но не больше, и тебе это известно.

— Мы нашли путь, — спокойно ответил Роланд, — и пока что этого достаточно. Быть может, настанет такое время, Сю-

занна Дин, когда нам придется идти быстрее, чем тебе хотелось бы.

— Да неужели? — Она одарила Роланда свирепым взглядом, и оба — и Роланд, и Эдди — заметили, как опасно блеснули ее глаза... глаза Детты Уокер. — У тебя тут поблизости припаркована гоночная машина? Если да, было бы недурно найти под нее еще и автотрассу!

— Земля и путь, по которому мы пойдем, изменятся. Так бывает всегда.

Сюзанна махнула рукой, мол, лапшу мне не вешай.

— Знаешь, кого ты мне сейчас вдруг напомнил? Мою старую маму. «Бог поможет» — была любимая ее фраза.

— А что, разве Он не помогает? — на полном серьезе спросил стрелок.

Она в изумлении уставилась на него, на мгновение не найдясь что ответить, потом запрокинула голову и рассмеялась.

— Ну, зависит, наверное, от того, как посмотреть. Но знаешь, Роланд, что я тебе скажу? Если все это — Божья помощь, мне бы тогда не хотелось на собственной шкуре изведать, что произойдет, если Он от нас отвернется.

— Ну давайте пойдем отсюда, — не вытерпел Эдди, — и чем скорее, тем лучше. Мне здесь не нравится. — Но он сказал не всю правду. На самом деле ему не терпелось скорее ступить на эту скрытую тропу, этот потаенный путь. С каждым шагом он будет чуть ближе к тому полю роз и к Башне, над ним царящей. Он вдруг понял — и сам удивился, — что намерен увидеть Башню, дойти до нее... или же умереть на пути.

Мои поздравления, Роланд, — подумал он про себя. — *У тебя получилось. Ты меня обратил в свою веру. Можно сказать «Аминь».*

— Прежде чем мы пойдем... — Роланд нагнулся и развязал сыромятный ремешок у себя на левом бедре. Потом медленно расстегнул свой ружейный пояс.

— Что еще за чушь? — спросил Эдди.

Роланд снял пояс и протянул его Эдди.

— Ты знаешь, зачем я сейчас это делаю. — Голос его был спокоен и тверд.

— Эй, приятель, забери его обратно! — Эдди вдруг захлестнула волна самых противоречивых чувств. Он сжал кулаки, но все равно ощущал, как дрожат пальцы. — Ты соображаешь, что ты *делаешь?*

— Я помаленьку теряю рассудок. Пока эта рана во мне не затянется — если она вообще может зарубцеваться, — мне не стоит его носить. И ты это знаешь.

— Возьми, Эдди, — тихо проговорила Сюзанна.

— Если бы вчера у тебя не было этой чертовой штуки, когда на меня налетела та дрянь вроде летучей мыши, я бы сейчас уже был на том свете.

Стрелок молчал, продолжая протягивать Эдди свой единственный теперь револьвер. Вся поза его говорила о том, что он будет стоять так весь день, если возникнет в том необходимость.

— Ну хорошо! — Эдди сорвался на крик. — Черт возьми, *хорошо!*

Он грубо вырвал ружейный ремень из руки Роланда и резким движением застегнул его у себя на поясе. Наверное, он сейчас должен испытывать облегчение... разве вчера ночью, глядя на этот самый револьвер, лежащий так близко к Роланду, он не думал о том, что может произойти, если Роланд действительно съедет с катушек? Они оба с Сюзанной об этом думали. Но облегчения он не испытывал. Только страх, и вину, и еще странную, мучительную печаль, слишком глубокую даже для слез.

Без своих револьверов Роланд выглядел так непривычно.

Так неестественно.

— О'кей? Ну а теперь, когда у бестолочей-недоучек есть по револьверу, а учитель остался совсем безоружным, можем мы наконец идти? А если что-то большое попрет на нас из кустов, ты, Роланд, всегда можешь швырнуть в него нож.

— Ах да! Я совсем забыл. — Роланд достал из сумки свой нож и протянул его Эдди рукоятью вперед.

— Но это уже *полный бред!* — закричал Эдди.

— *Жизнь* — это тоже бред.

— Ага, напиши эту мудрую мысль на почтовой открытке и отошли ее в долбаный «Ридерз Дайджест». — Эдди засунул нож Роланда себе за пояс и вызывающе поглядел на стрелка. — *Теперь-то* мы можем идти?

— Еще одна вещь... — начал Роланд.

— Боже милостивый!

Роланд чуть улыбнулся.

— Это я пошутил.

У Эдди аж челюсть отвисла. Сюзанна снова расхохоталась. Ее смех, точно звон колокольчиков, рассыпался в утренней тишине.

31

Почти все утро они выбирались из «зоны массового опустошения», произведенного исполинским медведем в целях самозащиты, но идти по Лучу было чуть-чуть полегче, и когда странники снова оказались в лесу, миновав обширный участок поваленных деревьев и разросшегося подлеска, они развили вполне приличную скорость. Ручеек, берущий начало из-под каменной стены на поляне возле Врат, сопровождал их справа веселым журчанием. По пути он вобрал в себя несколько ручейков поменьше, и теперь его плеск стал настойчивее. Были здесь и зверюшки — путники слышали, как они шуршат в зарослях. А дважды они увидели издалека оленей, пасущихся небольшими группками. Один из них, самец с благородными раскидистыми рогами на гордо вскинутой голове, весил, наверное, добрых три сотни фунтов. Вскоре местность опять пошла в гору, и ручей свернул в сторону от тропы. А ближе к вечеру Эдди кое-что увидел.

— Может быть, остановимся? Передохнем минуточку?

— А в чем дело? — спросила Сюзанна.

— Да, — сказал Роланд. — Если хочешь, давай остановимся.

Внезапно Эдди снова почувствовал близость Генри, его присутствие, словно тяжелый груз лег на плечи. *Нет, вы посмотрите на этого паиньку. Он что, чего-то там углядел в этой*

чурке? Опять собирается что-нибудь вырезать? Да? Ну разве не КРАСОТУЛЯ?

— Вообще-то это необязательно. Я хочу сказать, ничего такого. Я просто...

— ...кое-что увидел, — закончил за него Роланд. — Уж не знаю, чего ты там углядел, но прекращай свой словесный понос, бери, что увидел, и двинем дальше.

— Да нет, ничего. Правда... — Эдди почувствовал, что краснеет, и попытался отвести взгляд от ясеня, что привлек его внимание.

— Нет, *чего*. Там что-то такое, что тебе нужно, и это вовсе не «ничего». Если *тебе* это нужно, Эдди, значит, *и нам* тоже. А вот что нам не нужно, так это мужик, который не может избавиться от бесполезного груза своих давних воспоминаний.

Теплая кровь, прилившая к лицу, обернулась жаром. Еще мгновение Эдди стоял, опустив пылающее лицо и сверля взглядом свои мокасины. Ощущение было такое, что Роланд заглянул ему прямо в сердце своими как будто вылинявшими голубыми глазами воина.

— Эдди? — осторожно спросила Сюзанна. — Что там такое, дорогой?

Ее голос придал Эдди мужества, которого ему так не хватало. Стряхнув с себя оцепенение, он шагнул к тонкому деревцу, на ходу вынимая из-за пояса нож Роланда.

— Может быть, ничего, — буркнул он и заставил себя добавить: — А может быть, кое-что. Если я его не запорю, действительно что-то выйдет.

— Ясень — дерево благородное и наделенное силой, — заметил Роланд, но Эдди едва ли его услышал. Насмешливый, глумящийся голос Генри затих; вместе с ним исчез и стыд. Эдди думал теперь только о ветке, что притянула к себе его взгляд: утолщенная и чуть выпирающая у ствола. Утолщение это имело несколько необычную форму... как раз такую, какая ему и нужна.

Ему виделась форма ключа, таящаяся внутри, — ключа, который явился ему на мгновение в огне, прежде чем горящая кость изменилась снова и обернулась розой. Три переверну-

тых V, центральная — глубже и шире, чем две по краям. И s-образная загогулина на конце. Ключ к разгадке.

Дуновение сна снова прошелестело в сознании: *Дад-а-чум, дуд-а-чи, не волнуйся, у тебя есть ключ.*

Может быть, — подумалось ему. — *Но на этот раз я постараюсь, чтобы все получилось как надо. На все сто процентов, без дураков.*

Очень осторожно он срезал ветку и укоротил узкий конец. Осталась толстая ясеневая болванка длиной в девять дюймов. В руке она ощущалась тяжелой и живой — невероятно живой и готовой раскрыть свою тайну... человеку, достаточно ловкому и искусному, чтобы выманить этот секрет.

Вот только такой ли он человек? И имеет ли это значение?

Эдди Дин был уверен, что на оба вопроса ответ будет «да».

Здоровая левая рука стрелка легла ему на плечо.

— По-моему, ты знаешь один секрет.

— Может быть.

— Не поделишься с нами?

Эдди покачал головой.

— Сейчас лучше не нужно. Потом.

Роланд задумался и кивнул.

— Хорошо. Я задам тебе только один вопрос, и мы больше не будем к этому возвращаться. У тебя нет, случайно, каких-то мыслей насчет того, как можно справиться... с этой моей проблемой?

Про себя Эдди подумал: *Так вот явно он ни разу еще не высказывал это отчаяние, что терзает его, пожирая заживо,* — но вслух сказал только:

— Не знаю. Сейчас я еще не уверен. Но я очень на это надеюсь, дружище. Правда.

Роланд кивнул и отпустил руку Эдди.

— Спасибо. У нас есть еще добрых два часа до заката... надо ими воспользоваться, как считаешь?

— Я — за.

Они двинулись дальше. Роланд вез на коляске Сюзанну, а Эдди шагал впереди, держа в руках деревяшку с ключом, сокрытым внутри. Казалось, дерево дышит теплом, исполненным силы и тайны.

32

В тот же вечер, сразу после ужина, Эдди снял с пояса нож стрелка и занялся резкой. Нож этот, на удивление острый, казалось, вообще никогда не затупится. В свете костра Эдди трудился медленно и осторожно, переворачивая кусок древесины и с удовольствием наблюдая, как из-под его уверенных рук выползают ровные завитки стружки.

Сюзанна легла на спину, подложив руки под голову, и смотрела на звезды, неспешно кружащиеся в черном небе.

Роланд отошел к самой границе лагеря, за пределы отблесков костра, и встал там, прислушиваясь к голосам безумия, что снова терзали его измученный и смятенный разум.

Мальчик был.

Не было никакого мальчика.

Был.

Нет.

Был...

Он закрыл глаза, приложив холодную ладонь ко лбу, ноющему от боли, и спросил себя, сколько он еще выдержит, прежде чем лопнет, как изношенная тетива лука.

О Джейк, — взмолился он про себя. — *Где ты теперь? Где ты?*

А над ними, в ночной вышине, Старая Звезда и Древняя Матерь, взойдя к назначенным им местам, смотрели с тоской друг на друга через усыпанные звездной крошкой обломки древнего своего неудавшегося супружества.

Глава II

КЛЮЧ И РОЗА

1

В течение трех недель Джейк — Джон Чеймберз храбро боролся с безумием, постепенно к нему подступающим. Все эти недели он себя чувствовал как последний пассажир на тонущем корабле, налегающий на рычаг трюмовой помпы в отчаянной борьбе за жизнь, пытающийся удержать корабль на плаву, пока не закончится шторм, небо не прояснится и не подоспеет помощь... откуда-нибудь. *Откуда угодно.* 29 мая 1977 года, за четыре дня до начала летних каникул, он наконец примирился с тем фактом, что помощи ждать неоткуда. Пришло время сдаться — позволить шторму забрать и его.

Роль пресловутой соломинки, что переломила хребет верблюду, исполнило экзаменационное сочинение по английскому.

Джон Чеймберз — Джейк для трех-четырех мальчишек, которые были почти что его друзьями (если бы папа об этом узнал, он бы точно рассвирепел не на шутку), — заканчивал свой первый год в школе Пайпера. Хотя ему было уже одиннадцать и ходил Джейк в шестой класс, он был маленьким для своих лет, и почти все, кто видел его в первый раз, думали, что ему лет девять, а то и восемь. Честно сказать, еще год назад его часто вообще принимали за девочку, пока он не устроил дома большой скандал, так что мама в конце концов согласилась на то,

чтобы он постригся коротко. С отцом, разумеется, у него не было никаких проблем насчет стрижки. Папа лишь улыбнулся этой своей тяжеловесной улыбочкой из нержавеющей стали и сказал примерно следующее: *Малышу просто хочется быть похожим на морского пехотинца, Лори. Тем лучше.*

Для папы он никогда не был Джейком и только изредка — Джоном. Обычно же просто «моим малышом».

Прошлым летом (в то лето как раз американцы справляли двухсотлетнюю годовщину Декларации независимости — все было в знаменах и флагах, а в нью-йоркской гавани теснились громадные корабли) отец популярно ему объяснил, что школа Пайпера — это черт-возьми-самая-лучшая-школа-в-стране-для-мальчика-твоего-возраста. Тот факт, что Джейка приняли в эту черт-возьми-самую-самую-школу, не имел ничего общего с деньгами, объяснял Элмер Чеймберз... вернее, почти *настаивал*. Обстоятельством сим он ужасно гордился, хотя даже тогда, в десять лет, Джейк уже подозревал, что без кругленькой суммы там все-таки не обошлось, просто отец выдавал желаемое за действительное, чтобы при случае где-нибудь на коктейле этак невзначай обронить: «Мой малыш? О, он учится в «Пайпере». Лучшая-черт-возьми-школа-в-стране-для-мальчика-его-возраста. Туда, знаете ли, не пролезешь, потрясая тугим кошельком; для Пайпера главное, есть у тебя что-нибудь в голове или нет. Либо у тебя мозги, либо гуляй, парнишка».

Джейк тогда уже понимал, что в яростном жерле бурлящего разума Элмера Чеймберза грубые куски графита желаний и мнений частенько сплавлялись в алмазы, которые папочка гордо именовал фактами... или, в обстановке неофициальной, фактунчиками. Его любимая фраза, произносимая с этаким благоговением и при всяком удобном случае, как вы, наверное, уже догадались, была: *Факт в том, что...*

Факт в том, что никто не поступит в школу Пайпера из-за денег, — сказал ему папа в то лето, когда Америка отмечала двухсотлетнюю годовщину своей Декларации независимости, — лето синего неба, летящих флагов и больших кораблей, лето, оставшееся в памяти Джейка прекрасным и светлым, потому что тогда еще он не начал сходить с ума и все проблемы его

заключались в том, сумеет он или нет проявить себя с самой лучшей стороны в школе Пайпера, в этом рассаднике молодых дарований. *В таких школах, как эта, смотрят только на то, что ты сам собой представляешь.* — Перегнувшись через стол, Элмер Чеймберз постучал сына по лбу своим твердым, желтым от никотина пальцем. — *Понимаешь меня, малыш?*

Джейк только молча кивнул. С отцом вовсе не обязательно разговаривать, потому что папа ко всем относится точно так же — включая сюда и жену, — как к своим подчиненным и обслуживающему персоналу на телестудии, где он отвечал за составление программ передач и был признанным мастером «убойной силы», что на жаргоне телевизионщиков означает талант добиваться стопроцентного успеха у зрителя. При общении с папой требовалось только слушать, в нужных местах кивать, и тогда очень скоро он от тебя отставал.

Хорошо, — продолжал отец, закуривая очередную из восьмидесяти ежедневных сигарет «Кэмел». — *Значит, мы понимаем друг друга. Тебе придется как следует потрудиться, но я уверен, ты сможешь. Если бы ты ничего не мог, они бы нам этого не прислали.* — Он взял со стола письмо на фирменном бланке школы Пайпера — официальное уведомление о том, что Джейк принят — и потряс им с таким свирепым триумфом, как будто то был не листок бумаги, а какая-нибудь зверюга, которую он собственноручно подстрелил в диких джунглях и теперь собирался содрать с нее шкуру и съесть. — *Так что старайся. Учись на «отлично». Чтобы мы с мамой тобой гордились. Закончишь год на одни пятерки, считай, что поездка в Диснейленд тебе уже обеспечена. Ради этого стоит стараться, да, малыш?*

И Джейк постарался. Учился он на «отлично» по всем предметам (по крайней мере так было до трех последних недель). Папа с мамой, наверное, им гордились, хотя видел он их крайне редко, так что судить было трудно. Обычно, когда он приходил из школы, дома не было никого, кроме Греты Шоу — домоправительницы, — так что Джейку приходилось показывать дневник ей, а потом потихоньку прятать его в самом темном и дальнем углу. Иной раз Джейк листал свой дневник с одними пятерками, задаваясь вопросом, нужны они кому-нибудь или

нет. Ему бы очень этого *хотелось,* но у него были большие сомнения.

В этом году он уже вряд ли поедет в обещанный Диснейленд.

Скорее всего он поедет в психушку.

Утром 29 мая, ровно в 8.45, едва он прошел сквозь двойные двери вестибюля школы Пайпера, Джейку явилось жуткое видение. Он увидел отца в его офисе на Рокфеллер-Плаза, 70. Перегнувшись через стол, с неизменной сигаретой в уголке рта, он что-то выговаривал одному из своих подчиненных сквозь клубы голубого дыма. За окном как на ладони распростерся Нью-Йорк, но гул громадного города не проникал в кабинет, защищенный двумя слоями толстого термостекла.

Факт в том, что никто не пролезет в Саннивейлскую лечебницу из-за денег, — отчитывал папа беднягу-служащего с мрачным удовлетворением. Перегнувшись чуть дальше через стол, отец постучал своего собеседника пальцем по лбу. — *В такие места тебя пустят только в том случае, если в твоем выдающемся котелке что-то действительно повредится. Так и случилось с моим малышом. Но он все равно очень старается, очень. Лучше всех плетет эти их гребаные корзины, как мне сказали. А когда его выпустят... если выпустят... он поедет в одно интересное место. Поедет...*

— ...на дорожную станцию, — выдавил Джейк, прикоснувшись дрожащей рукой ко лбу. Голоса возвращались снова. Орущие, спорящие голоса, которые сводили его с ума.

Ты умер, Джейк. Тебя задавила машина — и ты умер.

— Не будь идиотом! Смотри... видишь этот плакат? Написано: ЗАПОМНИ СВОЙ ПЕРВЫЙ ПИКНИК В ШКОЛЕ ПАЙПЕРА. У них что, на том свете, бывают школьные пикники?

Не знаю насчет пикников, но я точно знаю, что тебя задавила машина.

— Нет!

Да. Случилось это 7 мая в 8.25 утра. А через минуту ты был уже мертв.

— Нет! Нет! Нет!

— Джон?

Он оглянулся, перепугавшись до полусмерти. Перед ним стоял мистер Биссетт, преподаватель французского, и вид у него был встревоженный. За спиной у него в коридоре все остальные ученики уже проходили в актовый зал на общее утреннее собрание. Если кто-то из них изредка и отмачивал шутку, дурачась, то уж благим матом не орал никто. Должно быть, этим ребятам — как и самому Джейку — родители тоже прожужжали все уши о том, как крупно им повезло, что их приняли в школу Пайпера, куда никого не принимают за деньги (хотя плата за обучение составляет $22 000 в год) и где смотрят только на то, есть у тебя в черепушке мозги или нет. Вероятно, многим из учеников самой-самой-школы тоже были обещаны увеселительные поездки, если они будут прилично учиться. Вероятно, некоторые родители этих счастливчиков даже сдержат свои обещания. Вероятно...

— Джон, ты как себя чувствуешь? — спросил мистер Биссетт.

— Хорошо, — сказал Джейк. — Спасибо. Сегодня я заспался немного. Наверное, еще не проснулся как следует.

Мистер Биссетт улыбнулся, расслабившись.

— Со всеми бывает.

Только не с моим папой. Мастер «убойной силы» никогда не позволит себе заспаться.

— Ты готов к своему экзамену по французскому? — спросил мистер Биссетт. — Voulez-voux examiner à moi cette midi?*

— Думаю, да, — бодро ответил Джейк, хотя, если честно, он просто не знал, готов ли он к экзамену. Он даже не помнил, готовился он по французскому или нет. В те дни для него почти все перестало иметь значение... все, кроме этих голосов в голове, сводящих его с ума.

— Хочу еще раз тебе сказать, Джон, что я очень тобой доволен. Я хотел сказать то же твоим старикам, но они не пришли на родительский вечер...

— Они очень заняты, — сказал Джейк.

Мистер Биссетт кивнул.

---

* Хочешь сдать мне экзамен сегодня днем? *(фр.)*

— Ну так вот, ты меня очень порадовал. Я просто хотел, чтобы ты это знал... и я очень надеюсь, что на следующий год ты продолжишь заниматься французским и мы снова с тобой увидимся.

— Спасибо.

А про себя Джейк подумал, что бы сказал сейчас мистер Биссетт, если бы услышал такое: *Но мне кажется, что на следующий год я при всем желании не смогу заниматься французским, разве что только заочно, если в старом добром Саннивейле школьникам разрешают учиться заочно.*

В дверях актового зала появилась Джоанна Франкс, школьный секретарь, со своим серебряным колокольчиком в руке. В школе Пайпера все звонки давали вручную. Джейк допускал, что в глазах родителей сие обстоятельство имело особое очарование. Сладкие воспоминания о маленьком школьном здании из красного кирпича и все такое. А его самого это бесило. И особенно в последнее время, когда звон серебряного колокольчика болезненно отдавался прямо в мозгу...

Долго я так не выдержу, — сказал он себе в отчаянии. — *Мне очень жаль, но, по-моему, я схожу с ума. То есть я действительно схожу с ума.*

Заметив мисс Франкс, мистер Биссетт повернулся к дверям, потом снова к Джейку.

— У тебя все в порядке, Джон? А то в последнее время ты, кажется, чем-то обеспокоен. Что-то тебя тревожит?

Джейка обезоружила неподдельная доброта в голосе преподавателя, но он тут же представил себе, как будет выглядеть мистер Биссетт, если он сейчас скажет ему: *Да. Меня кое-что тревожит. Один небольшой, черт возьми, фактунчик. Видите ли, я тут недавно умер и попал в другой мир. А там умер снова. Вы мне скажете, что такого не может быть, и вы будете правы, и я знаю, что вы, безусловно, правы, но в то же время я знаю, что вы ошибаетесь. Так оно все и было. Я умер. Действительно умер.*

Но если бы он залепил такое, сейчас мистер Биссетт уже бы названивал Элмеру Чеймберзу, а Саннивейлская лечебница показалась бы Джейку воистину райским местечком после всего того, что ему выскажет папа по поводу переучившихся

школьников, затеявших вдруг отпускать идиотские замечания как раз накануне экзаменационной недели. По поводу мальчиков, что выкидывают номера, о которых отцу потом будет стыдно упомянуть за ленчем или на коктейле. По поводу сыновей, которые-позволяют-себе...

Джейк заставил себя улыбнуться мистеру Биссетту.

— Просто немного волнуюсь перед экзаменами.

— Все ты сдашь, — ободряюще подмигнул ему мистер Биссетт.

Мисс Франкс зазвонила в свой колокольчик, объявляя начало утреннего собрания. Джейк едва не поморщился — каждый его перезвон больно бил по ушам и проносился в мозгу точно маленькая ракета.

— Пойдем, — сказал мистер Биссетт, — а то опоздаем. Нехорошо было бы опоздать в первый день экзаменационной недели, верно?

Они проскользнули в зал мимо мисс Франкс и ее грохочущего колокольчика. Мистер Биссетт поспешил к ряду кресел, гордо именуемому преподавательскими хорами. В школе Пайпера было немало таких остроумных названий: актовый зал называли общей палатой, обеденный перерыв — свободным часом, седьмые и восьмые классы — непревзойденными мальчиками и девочками, а ряд откидных кресел на сцене у пианино (по которому мисс Франкс скоро вдарит с таким же немилосердным остервенением, с каким сейчас звонит в колокольчик), само собой, именовался преподавательскими хорами. Все это тоже в честь старой доброй традиции. Если бы вы были любящими родителями, осознающими, что драгоценное ваше чадо вкушает в общей палате свой ленч в течение свободного часа, а не просто жует себе сандвич с тунцом в столовке, вы бы, наверное, тоже пребывали в блаженной уверенности, что в области среднего образования у нас все О'КЕЙ.

Джейк уселся в свободное кресло подальше от сцены и окунулся в поток утренних объявлений. В мозгу у него поселился непроходящий ужас, заставлявший Джейка чувствовать себя подопытной крысой, попавшей в крутящийся барабан. Он попытался убедить себя, что еще настанут лучшие, светлые вре-

мена, но как бы ни тщился он заглянуть в будущее, впереди ему виделась только тьма.

Его здравый рассудок был точно корабль, идущий ко дну.

Мистер Харли, директор школы, поднялся на кафедру и выдал краткую речь насчет исторической значимости начавшейся сегодня экзаменационной недели с упором на то, что оценки, которые выставят ученикам, явятся еще одним важным шагом на Великой Дороге Жизни. Он проникновенно вещал о том, что школа очень рассчитывает на своих славных питомцев, *он* лично рассчитывает на них и их родители тоже на них рассчитывают. Он, правда, не упомянул в этой связи весь свободный демократический мир, но дал однозначно понять, что так оно и есть. Закончил он сообщением о том, что на время экзаменационной недели все звонки отменяются (первая и единственная за все утро хорошая новость для Джейка).

Мисс Франкс, которая давно уже томилась за пианино, взяла первый призывный аккорд. Ученики — семьдесят мальчиков и пятьдесят девочек, все в опрятных и строгих костюмах, свидетельствующих о безупречном вкусе и стабильном финансовом положении их родителей — поднялись, как один, и грянули школьный гимн. Машинально выпевая слова, Джейк размышлял о том странном месте, в котором очутился после смерти. Он поначалу подумал, что это ад... потом, правда, засомневался, но когда заявился тот страшный дядька в черном плаще с капюшоном, все сомнения рассеялись, обернувшись уверенностью.

А потом пришел тот, другой, человек. Которого Джейк почти полюбил.

Но он дал мне упасть. Он убил меня.

Он почувствовал, как затылок его и лопатки покрылись неприятной испариной.

Горды мы за школу Пайпера,
С честью несем ее знамя.
Не забудем девиз alma mater:
Пайпер, умри, но сделай!

Господи, что за дерьмовая песня, — подумал Джейк, и ему вдруг пришло в голову, что отцу бы она понравилась.

2

Первым в расписании стоял письменный экзамен по английскому. Единственный экзамен, проходящий не в классе — им на дом задали сочинение. Обычное сочинение объемом от полутора до четырех тысяч слов на тему «Как я понимаю правду». Мисс Эйвери, их училка, предупредила, что оценка за это экзаменационное сочинение за четверть определит общую табельную оценку за семестр.

Джейк вошел в класс и сел за свою парту в третьем ряду. Всего у них в классе было одиннадцать учеников. Джейку вспомнился прошлый сентябрь, первый учебный день — именуемый, разумеется, ориентирующим, — когда мистер Харли с гордостью им сообщил, что у них в «Пайпере» самое-высокое-соотношение-«учитель-ученик»-из-всех-лучших-частных-средних-школ-на-Востоке, при этом он время от времени потрясал кулаком, как бы подчеркивая значимость именно этого обстоятельства. Правда, на Джейка сие откровение не произвело особенного впечатления, но он передал речь директора папе, полагая, что папа действительно «впечатлится». И Джейк не ошибся.

Он открыл свою школьную сумку, осторожно достал голубую папку с экзаменационным сочинением и положил ее на парту, собираясь еще раз проверить ошибки, но тут его взгляд случайно упал на дверь слева. Он, разумеется, знал, что ведет она в гардероб и сегодня ее закрыли, потому что на улице двадцать один градус тепла и вряд ли кто-нибудь из учеников придет в пальто или плаще. За дверью нет ничего, только ряд медных крючков на стене и длинный резиновый коврик для обуви на полу, и еще в дальнем углу несколько ящиков с канцелярскими принадлежностями — мел, тетради для письменных экзаменационных работ и тому подобное.

Ничего интересного.

Но Джейк все равно поднялся из-за парты — папка с его сочинением так и осталась лежать нераскрытой — и подошел к двери. Он слышал, как шепчутся между собой одноклассники, слышал шелест страниц — это они проверяли свои сочинения

на предмет неправильного употребления определения или корявой фразы, которые могли оказаться роковыми, — но все эти звуки доносились как будто издалека.

Все его внимание было приковано к двери.

В течение последних дней десяти, когда голоса у него в голове стали громче, двери начали оказывать на него пленяющее, гипнотическое воздействие — любые двери. Только за последнюю неделю он открыл и закрыл дверь между своей спальней и коридором верхнего этажа, наверное, раз пятьсот, а между спальней и ванной — не меньше тысячи. И каждый раз, когда он брался за дверную ручку, у него перехватывало дыхание, надежда и предвкушение теснились в груди, как будто решение его проблемы скрывалось за этой или за той дверью и он обязательно его найдет... рано или поздно. Но каждый раз дверь открывалась в обычную ванную, в коридор, или на улицу, или куда-нибудь еще.

В прошлый четверг он вернулся домой из школы, бросился на кровать и заснул — сон, похоже, остался последним его пристанищем. Не считая того обстоятельства, что, когда он проснулся три четверти часа спустя, он не лежал там, где заснул, в кровати, а стоял у стены рядом с книжным шкафом и сосредоточенно рисовал на обоях дверь. Хорошо еще карандашом, и ему потом удалось стереть ластиком большую часть своего «произведения».

Вот и сейчас, подойдя к двери в гардероб, он снова почувствовал этот наплыв надежды, от которого у него кружилась голова и перехватывало дыхание, убежденность, что дверь распахнется не в темную раздевалку, где нет ничего, кроме стойких запахов зимы: фланели, резины и влажного меха, — а в какой-то другой мир, где он снова сможет обрести цельность. Горячий, головокружительный свет ляжет на пол классной комнаты расширяющимся треугольным клином, и он увидит там птиц, кружащих в бледно-голубом небе цвета *(его глаз)* старых линялых джинсов. Ветер пустыни взъерошит ему волосы и высушит нервную испарину на его лбу.

Он войдет в эту дверь и исцелится.

Повернув ручку, Джейк открыл дверь. Внутри была лишь темнота и ряд тускло мерцающих медных крючков на стене. Чья-то забытая варежка одиноко лежала у стопки тетрадей для экзаменационных работ.

Сердце Джейка упало, и внезапно ему захотелось спрятаться в этой темной комнате с ее горькими запахами зимы и меловой пыли — потрогать варежку, пристроиться где-нибудь в уголке под медными крючками на резиновом коврике, куда зимой ставят обувь, и сидеть там, засунув в рот большой палец, подтянув колени к груди, закрыв глаза и... и...

Он сумел себя перебороть.

Эта мысль была такой заманчивой и *утешающей*. Придет конец его страхам, смятению и неуверенности. От последнего Джейк страдал больше всего — его донимало настойчивое ощущение, что вся его жизнь превратилась в этакий лабиринт из кривых зеркал.

Но у Джейка Чеймберза был сильный характер — как и у Эдди, и у Сюзанны, — внутренний несгибаемый стержень, который излучал теперь холодный голубоватый свет, точно маяк во тьме. Он не сдастся так просто. Быть может, в итоге он сойдет с ума, но бороться будет до последнего. Он не позволит безумию себя одолеть.

Никогда! — в ярости думал он. — *Никогда! Ни...*

— Я смотрю, ты там в гардеробе увлекся инвентаризацией, Джон, школьное имущество надо, конечно, беречь, но, может, ты все-таки к нам вернешься, когда закончишь, — проговорила у него за спиной мисс Эйвери своим сухим, неизменно вежливым голосом.

Джейк отвернулся от двери. По классу прошел смешок. Мисс Эйвери стояла за своим столом, легонько поглаживая журнал длинными тонкими пальцами. Лицо ее оставалось спокойным и, как всегда, интеллигентным. Сегодня она пришла в синем костюме, а волосы зачесала назад и уложила в пучок, как обычно. Со стены из-за ее плеча на Джейка хмуро взирал портрет Натаниеля Готорна*.

---

* Натаниел Готорн (1804—1864) — американский писатель-романтик, автор исторических и фантастических произведений.

— Простите, — пробормотал Джейк, закрывая дверь. И тут же ему захотелось открыть ее снова, просто на всякий случай, чтобы еще раз проверить... а вдруг тот, другой, мир с его жарким солнцем и безбрежным простором пустыни все-таки будет там.

Но он не поддался порыву. Отошел от двери и направился к своей парте. Петра Джессерлинг тихонько шепнула ему:

— Возьми *меня* тоже в следующий раз. — В глазах у нее плясали веселые огоньки. — Когда тебе будет на что посмотреть.

Джейк рассеянно улыбнулся и сел на место.

— Спасибо, Джон. — Голос мисс Эйвери оставался все так же бесконечно доброжелательным и спокойным. — А сейчас, дети, пока вы не начали проверять свои экзаменационные сочинения, которые, я в том нимало не сомневаюсь, все будут хорошими и каждое в чем-то особенным, я вам раздам список литературы, рекомендованной министерством образования для летнего домашнего чтения, и скажу пару слов хотя бы о некоторых из представленных там изумительных книг...

Попутно она протянула небольшую стопку отпечатанных на мимеографе листов Дэвиду Сарри. Тот принялся их раздавать, а Джейк открыл свою папку, чтобы еще раз перечитать, что он там накатал на тему «Как я понимаю правду», причем с искренним интересом, потому что он просто не помнил о том, как вообще писал это самое сочинение... ни как писал сочинение, ни как готовился к экзамену по французскому.

С изумлением и нарастающим беспокойством смотрел он на титульный лист. Заглавие — «КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ. Сочинение Джона Чеймберза» было аккуратно напечатано по центру страницы, тут все в порядке, но под ним он зачем-то приклеил две фотографии. На одной была дверь, скорее всего, решил Джейк, дом № 10 по Даунинг-стрит в Лондоне*, на второй — большущий электровоз. Цветные фотки, вырезанные, вне всяких сомнений, из иллюстрированного журнала.

Зачем я их сюда налепил? И когда?

Джейк перевернул страницу и тупо уставился на первый лист своего экзаменационного сочинения, не веря тому, что

---

* По этому адресу располагается резиденция премьер-министра Великобритании.

он видит, и ничего не понимая. А потом, когда сквозь пелену потрясения пробились первые искорки понимания, его обуял настоящий ужас. Это все-таки произошло — теперь все *увидят,* что он рехнулся.

3

КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ.
Сочинение Джейка Чеймберза

Я покажу тебе страх в горстке праха.
Т.С. Элиот. Мясник

Моей первой мыслью было,
что он каждым словом мне лжет.
Роберт Браунинг. Солнечный танец

Стрелок — вот правда.
Роланд — вот правда.
Узник — вот правда.
Госпожа Теней — правда.
Узник и Госпожа поженились. Вот правда.
Дорожная станция — правда.
Говорящий Демон — правда.
Мы вошли в тоннель под горами, и это правда.
Под горами были чудовища. И это правда.
Один держал между ног шланг бензоколонки «АМОКО» и притворялся, что это его член. Это правда.
Роланд позволил мне умереть. Вот правда.
Я люблю его до сих пор.
Это правда.

— И еще очень важно, чтобы вы все прочли «Повелителя мух»*, — продолжала мисс Эйвери своим чистым, но каким-то безликим голосом. — А когда вы прочтете, вы должны будете поразмыслить и постараться ответить на некоторые вопросы.

* Роман английского писателя Уильяма Голдинга (1911—1993).

Хорошая книга всегда как загадка, за которой скрывается много других загадок, а это действительно очень хорошая книга... одна из лучших, написанных во второй половине двадцатого века. Во-первых, подумайте и ответьте, какой символический смысл заключен в образе раковины. Во-вторых...

Далеко. Далеко-далеко. Трясущейся, нетвердой рукой Джейк перевернул страницу своего экзаменационного сочинения, оставив на первом листе темное пятнышко пота.

Когда дверь нельзя открыть? Когда она распахнута.
Это правда.
Блейн — это правда.
Блейн — это правда.
Что это такое: о четырех колесах и воняет? Мусорная машина. И это правда.
Блейн — это правда.
Не сводить с Блейна глаз. Блейн — это боль. Вот правда.
Я уверен, что Блейн опасен, и это правда.
Что это такое: черная, белая и вся красная? Зебра, краснеющая от смущения. Вот правда.
Блейн — это правда.
Я хотел бы вернуться, и это правда.
Мне придется вернуться, и это правда.
Если я не вернусь, я сойду с ума. Это правда.
Но я не сумею вернуться домой, пока я не найду камень, розу и дверь. Это правда.
Чу-Чу — это поезд, и это правда.
Чу-чу, чу-чу.
Чу-чу, чу-чу, чу-чу.
Чу-чу, чу-чу, чу-чу, чу-чу.
Я боюсь. Это правда.
Чу-чу.

Джейк медленно поднял голову. Сердце бешено колотилось в груди — так сильно, что с каждым его ударом перед глазами у Джейка начинали плясать яркие огни, точно после фотовспышки.

Он явственно представил себе, как мисс Эйвери отдает сочинение папе с мамой. Рядом с мисс Эйвери с грустным видом стоит мистер Биссетт, а она говорит своим чистым,

но безликим голосом: «Ваш мальчик очень серьезно болен. Если нужны доказательства, почитайте его экзаменационное сочинение».

«Я заметил еще, что в последние три недели Джон сам не свой, — добавляет мистер Биссетт. — Иногда он как будто испуган и все время слегка заторможен... отрешен, если вы понимаете, что я имею в виду. Je pense John est fou... comprenez-vous*?»

«Может быть, — это опять мисс Эйвери, — у вас дома в доступном месте хранятся какие-нибудь седативные препараты, которые Джон потихоньку от вас принимает?»

Насчет седативных препаратов Джейк не был уверен, но доподлинно знал, что у папы в нижнем ящике стола припрятано несколько граммов кокаина. И отец, без сомнения, решит, что там-то Джейк и «попасся».

А теперь я скажу пару слов насчет книги «Уловка-22»**, — продолжала мисс Эйвери. — Для шести-, семиклассников эта книга действительно сложная, но она все равно вам покажется изумительной, надо только настроить себя на ее *специфическое очарование*. Если вам так удобнее, можете воспринимать ее как комедию сюрреализма.

Только мне не хватало читать подобное, — подумал угрюмо Джейк. — *Я в чем-то схожем живу... и это отнюдь не комедия.*

Он обратился к последней странице своего экзаменационного сочинения. На ней не было ни единого слова, только еще одна вырезка из журнала, аккуратно приклеенная посередине листа, — фотография падающей Пизанской башни, заштрихованная черным карандашом. Темные восковые линии переплетались в безумных изгибах и петлях.

Раскрасил ее, вероятно, сам Джейк... больше некому.

Но он не помнил, как делал это.

Совершенно не помнил.

Теперь он представил себе, что ответит отец мистеру Биссетту: «Fou. Да, мальчик определенно fou. Ребенок, которому выпала исключительная возможность проявить себя в школе

---

* По-моему, Джон — сумасшедший... понимаете? *(фр.)*

** Роман американского писателя Джозефа Хеллера (1923—1999).

Пайпера, а он пустил ее псу под хвост, ДОЛЖЕН БЫТЬ fou, вы со мной согласны? Ну... предоставьте это мне, а уж я разберусь. Справляться с проблемами — это моя работа. И я уже знаю решение. Саннивейл. Ему надо какое-то время пожить в Саннивейле, заняться... не знаю... плетением корзин и прийти в себя. Вы не волнуйтесь, ребята, за нашего мальчика. Он может, конечно, сбежать... но ему не укрыться».

Неужели его действительно отправят в дурдом, когда выяснится, что у него крыша поехала? Джейк, кажется, знал ответ. Уж будьте уверены! У себя в доме отец не потерпит какого-то полоумного, пусть даже им будет его родной сын. Его увезут — не обязательно в Саннивейл; но там, куда его заботливо поместят, непременно будут решетки на окнах и здоровенные дядьки в белых халатах и ботинках на каучуковой подошве, с крепкими мышцами, настороженными глазами и набором шприцев для подкожного впрыскивания искусственных снов.

А знакомым они скажут, что я уехал, — размышлял Джейк. Голоса у него в голове умолкли, заглушенные волной нарастающей паники. — *Уехал на год в Модесто, погостить у тети с дядей... или в Швецию в рамках программы обмена учениками... или отправился на космическую орбиту чинить там спутник. Мама очень расстроится... будет плакать... но потом все же смирится. У нее есть любовники, чтобы ее развлечь... к тому же она всегда соглашается с ним, с отцом. Она... они... я...*

Джейк вдруг почувствовал, как из горла его рвется крик, и плотно сжал губы, чтобы удержать его. Опять тупо уставился на безумные черные штрихи — эти пляшущие изломы поверх фотографии Пизанской башни — и сказал себе: *Мне нужно отсюда уйти. Сейчас же.*

Он поднял руку.

— Да, Джон, в чем дело? — Мисс Эйвери смотрела на него с выражением мягкого раздражения, которое приберегала специально для учеников, вздумавших прервать ее в самый неподходящий момент.

— Если можно, я на минуточку выйду, — пробормотал Джейк.

Вот вам, пожалуйста, очередной пример «Пайпер-речений». Ученикам школы Пайпера не «нужно в туалет», они не «ходят в уборную» или, упаси Боже, «справляют нужду». Предполагается, что все пайперовские питомцы — создания столь совершенные, что просто не могут растрачивать себя на производство побочных продуктов в своем изысканно тихом и плавном скольжении по жизни. Время от времени кто-то из них спрашивает разрешения «на минуточку выйти», и это все.

Мисс Эйвери вздохнула.

— А тебе очень нужно, Джон?

— Да, мэм.

— Ну хорошо, иди. Но возвращайся быстрее.

— Да, мисс Эйвери.

Он встал, закрыл папку, хотел было забрать ее, но потом передумал. Так не пойдет. Мисс Эйвери тут же заинтересуется, зачем ему брать с собой в туалет экзаменационное сочинение. Надо было их вынуть из папки, эти чертовы страницы, и потихоньку убрать в карман... но еще до того, как просить разрешения выйти. А теперь уже поздно.

Джейк направился по проходу к двери, оставив папку на парте, а портфель на полу под столом.

— Надеюсь, все выйдет нормально, Чеймберз, — шепнул ему Дэвид Сарри и фыркнул в кулак.

— Прекрати болтать, Дэвид, — едва ли не рявкнула мисс Эйвери, теперь уже по-настоящему рассердившись, и весь класс покатился со смеху.

Джейк на мгновение помедлил у двери в коридор, а когда взялся за ручку, в душе его вновь затеплились уверенность и надежда: *Сейчас это произойдет — обязательно произойдет. Стоит мне распахнуть эту дверь, и за ней будет солнце пустыни. Его свет ворвется сюда, а в лицо мне дохнет сухим ветром. Я войду туда и больше уже никогда не увижу этот дурацкий класс.*

Он открыл дверь, но за ней был лишь коридор. Все тот же школьный коридор. Однако кое в чем Джейк оказался прав: ему больше уже никогда не пришлось увидеть класс мисс Эйвери.

4

Кажется, Джейк немного вспотел. Он медленно шел по сумрачному коридору, стены которого были отделаны деревом, мимо дверей. Он бы, наверное, открыл их все, если бы не прозрачные стекла, вставленные в каждую. Вот французский класс мистера Биссетта, второй год обучения. Вот кабинет мистера Кнофа — «Введение в геометрию». В обоих классах ученики сидели, зажав в руках карандаши и ручки, склонившись над тетрадями в синих обложках для экзаменационных работ. Заглянув в класс мистера Харли «Ораторское искусство и культура речи», Джейк увидел, как Стэн Дорфман — один из тех знакомых ребят, которые были для Джейка почти друзьями — встает, готовясь произнести свою экзаменационную речь. Выглядел Стэн перепуганным до смерти, хотя на самом-то деле он и понятия не имел о том, что такое страх — настоящий страх, — а вот Джейк мог бы много чего интересного рассказать ему в этой связи.

Я умер.

Нет, я не умер.

Умер.

Не умер.

Умер.

Нет.

Проходя мимо двери с надписью ДЛЯ ДЕВОЧЕК, он распахнул ее, ожидая увидеть там чистое небо пустыни и синюю дымку на горизонте — горы, но увидел всего лишь Белинду Стивенс. Она стояла у раковины и, сосредоточенно глядя в зеркало, выдавливала на лбу прыщ.

— Господи, ты чего? — всполошилась она.

— Прости. Просто ошибся дверью. Думал, здесь будет пустыня.

— Чего?

Но Джейк уже отпустил дверь, и она плавно закрылась благодаря пневматической пружине. Обойдя питьевой фонтанчик, он открыл дверь с надписью ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ. Ту самую дверь, он уверен, он знает, дверь, через которую он вернется...

Три писсуара блеснули безупречной, без единого пятнышка, белизной под лампами дневного света. Последние капли стекли в слив раковины, и затычка торжественно встала на место. И все.

Джейк закрыл дверь и пошел дальше по коридору, громко стуча каблуками. По пути заглянул в канцелярию, но увидел там только мисс Франкс. Она самозабвенно разговаривала по телефону, раскачиваясь взад-вперед на своем вращающемся стуле и накручивая на палец прядь волос. На столе перед ней стоял серебряный колокольчик. Джейк подождал, пока она отвернется от двери, и тихонечко проскользнул мимо. А уже через тридцать секунд он стоял под сияющим утренним солнцем позднего мая.

Я стал прогульщиком... я сачканул. Джейк и сам не поверил. Даже тревога, паника и смятение не смогли заглушить его крайнего — искреннего — изумления вследствие столь неожиданного поворота событий. *Минут через пять, когда я не вернусь из сортира, мисс Эйвери отправит кого-нибудь, чтобы проверить... и тогда все раскроется. Все узнают, что я сачканул, что я смылся с экзамена.*

Тут он вспомнил, что папка с его сочинением осталась лежать на парте.

Они прочтут его и подумают, что я спятил. Fou. Да, все правильно. Так они и подумают. Потому что я в самом деле спятил.

А потом у него в голове зазвучал другой голос. Голос того человека с глазами воина... который носил два больших револьвера на широких ружейных ремнях очень низко на бедрах. Холодный, суровый голос... но были в нем утешение и тепло.

Нет, Джейк, — говорил Роланд. — *Ты не спятил. Ты не можешь понять, что с тобой происходит, тебе сейчас страшно, но ты не рехнулся, и не надо бояться ни тени своей, что за тобой шагает утром, ни тени вечерней своей, что встает пред тобой. Просто нужно найти путь обратно домой, вот и все.*

— Но куда мне идти? — прошептал Джейк. Он стоял сейчас на Пятьдесят шестой между Парком и Мэдисон и смотрел на снующие мимо автомобили. Проехал автобус, оставив после

себя едкий шлейф выхлопных газов. — Куда мне идти? Где эта чертова *дверь?*

Но голос стрелка уже замер.

Джейк повернул налево, к Ист-Ривер, и слепо пошел вперед. Он понятия не имел куда. Ни малейшего представления. Он мог только надеяться, что ноги сами приведут его в нужное место... в хорошее место... как недавно они его завели в плохое.

5

Это случилось три недели тому назад.

Нельзя даже сказать: «Началось три недели назад», потому что, когда «началось», это предполагает некоторое последующее развитие, а его не было. Развивались только *голоса.* Каждый из них настаивал на своем варианте реальности все решительнее и жестче, но все остальное именно «случилось», в одно мгновение.

Он вышел из дома в восемь утра — он всегда выходил пораньше, когда погода была хорошей, чтобы пройтись пешком, а май в этом году выдался просто чудным. Папа уже отбыл на телестудию, мама еще не вставала, а миссис Грета Шоу, обосновавшись на кухне, пила кофе и читала свою «Нью-Йорк пост».

— До свидания, Грета, — сказал он ей. — Я пошел в школу.

Она махнула ему рукой, не отрываясь от газеты.

— Счастливо, Джонни.

Все как всегда. Еще один день жизни.

И так продолжалось еще двадцать пять минут. А потом все изменилось. Уже навсегда.

Он шел по улице (в одной руке школьная сумка, в другой — пакет с завтраком) и глазел на витрины. За двенадцать минут до конца жизни — какой Джейк всегда ее знал — он на минутку остановился перед витриной «Брендио», где манекены в меховых шубах и стильных костюмах застыли в позах непринужденной беседы. Думал он только о том, как днем, после школы, пойдет в кегельбан. 158 — его рекорд. Очень неплохо для

мальчика его возраста. Он мечтал когда-нибудь заняться этим всерьез и стать профессиональным игроком (если бы папа узнал об *этом*, он бы тоже рассвирепел не на шутку).

Но все ближе и ближе мгновение, когда разум его неожиданно помутится.

Он перешел через Тридцать девятую. До рокового мгновения осталось чуть меньше семи минут. На Сорок первой ему пришлось подождать у светофора, пока не зажжется зеленый — ИДИТЕ. Осталось четыре с половиной минуты. Джейк помедлил у книжного магазина, что на углу Пятой и Сорок второй. Именно в этот миг, когда привычной размеренной жизни ему осталось чуть более трех минут, Джейк Чеймберз ступил под сень той невидимой силы, которую Роланд называл *ка-тетом*.

Постепенно его захватило какое-то странное, неприятное ощущение. Поначалу ему показалось, что кто-то за ним наблюдает, но очень быстро он понял, что это не так... или не совсем так. У него было такое чувство, что все это с ним уже происходило... как будто начал сбываться давнишний сон, который почти забылся. Он думал, что странное чувство сейчас пройдет, но оно не прошло. Оно стало только сильнее, и постепенно к нему примешалось еще кое-что... неподдельный ужас.

Впереди, на ближайшем углу Пятой и Сорок третьей, возился чернокожий торговец в смешной панаме, устанавливая тележку с напитками.

Это тот самый, который сейчас закричит: «Господи, да его же убило!» — подумал Джейк.

С той стороны к переходу приближалась толстая тетенька с блюмингдейловским пакетом в руке.

Она выронит свой пакет. Выронит его, поднесет руки ко рту и завизжит. Пакет раскроется, и внутри будет кукла, запеленутая в красное полотенце. Я увижу ее с дороги, когда буду лежать на проезжей части, а кровь просочится ко мне в штаны и разольется вокруг маленьким озерцом.

Сразу за тучной женщиной шел долговязый дядька, одетый в серый шерстяной костюм и с «дипломатом» в руке.

Его стошнит прямо себе на ботинки. Он уронит портфель, и его стошнит прямо на ботинки. Что со мной происходит?

Но ноги сами несли его к переходу — как раз зажегся зеленый, и толпа устремилась через улицу оживленным тесным потоком. Где-то сзади, неуклонно приближаясь к нему, шел священник-убийца. Джейк это знал, как знал он и то, что сейчас уже зажжется красный и руки священника протянутся к нему, чтобы толкнуть... но он даже не смог оглянуться. Как в кошмарном сне, когда понимаешь, что тебе угрожает опасность, но сделать ничего не можешь, потому что события во сне тебе неподвластны.

Осталось пятьдесят три секунды. Впереди чернокожий торговец открыл дверцу сбоку тележки.

Сейчас он достанет бутылочку «Йо-Хо», — подумал Джейк. — *Бутылку — не банку. Встряхнет и осушит одним глотком.*

Торговец достал из тележки бутылочку «Йо-Хо», энергично ее встряхнул и сковырнул крышку.

Осталось сорок секунд.

Сейчас переключится светофор.

Белая надпись ИДИТЕ погасла. Красными вспышками замерцала — СТОЙТЕ. А где-то там, менее чем в полуквартале отсюда, большой синий «кадиллак» вырулил в проулок между Пятой и Сорок третьей. Джейк это *знал*, как знал он и то, что на водителе — тучном мужчине — будет синяя шляпа, точно такого оттенка, как и его машина.

Сейчас я умру!

Ему так хотелось выкрикнуть это вслух — этим прохожим, не подозревающим ни о чем, — но челюсть как будто свело. Ноги сами собой несли его к переходу. Надпись СТОЙТЕ перестала мерцать и загорелась своим ровным красным предупреждением. Торговец сунул пустую бутылку из-под «Йо-Хо» в урну на углу. Толстая тетка на той стороне встала на краю тротуара, держа фирменный пакет за ручки. Мужчина в сером костюме встал сразу за ней. Осталось всего восемнадцать секунд.

Пора показаться фургону со склада игрушек, — подумал Джейк.

Подпрыгивая на выбоинах в асфальте, мимо проехал большой фургон с надписью ТУКЕР. ИГРУШКИ ОПТОМ и картинкой с радостным «Джеком-дергунчиком» на борту. Джейк знал: у него за спиной человек в черном пошел быстрее, сокращая расстояние между ними... вот он уже тянет свои длинные руки. Но и теперь Джейк не смог оглянуться — как нельзя оглянуться в кошмарном сне, когда что-то ужасное начинает хватать тебя сзади.

Беги! Если не можешь бежать, то садись и держись за дорожный знак «Стоянка запрещена»! Делай что хочешь, только не стой как овца. Не дай этому произойти!

Но он был бессилен это остановить. Впереди, на самом краю тротуара, стояла девушка в белом свитере и черной юбке. Слева от нее — парнишка-чикано* с включенным радиоприемником. Как раз заканчивалась композиция Донны Саммер. Следующей песней, Джейк знал, будет песня «Доктор Любовь» группы «Кисс».

Сейчас они расступятся...

Не успел Джейк закончить мысль, как девушка отошла на шаг вправо. Парнишка-чикано — влево. Между ними образовалось место для одного человека. Предательские ноги Джейка сами сделали шаг вперед. Осталось девять секунд.

Отблеск ясного майского солнца сверкнул на фирменном значке «кадиллака». Джейк знал, что это седан «де вилль» 1976 года. Шесть секунд. «Кадиллак» несся вперед. Сейчас для машин должен зажечься красный, и толстый мужик в «де вилле» — в синей шляпе с пером за лентой — собирался проскочить, чтобы не ждать потом на перекрестке. Три секунды. За спиной Джейка человек в черном рванулся вперед. В радиоприемнике молодого чикано кончилась композиция «Я люблю, крошка, любить тебя» и началась «Доктор Любовь».

Две секунды.

«Кадиллак» перестроился в крайнюю правую полосу — ближнюю к тротуару — и устремился на всех парах к переходу, скалясь убийственной усмешкой.

---

* Чикано — американец мексиканского происхождения.

Одна секунда.

У Джейка перехватило дыхание.

Сейчас.

— Ой! — сумел только выкрикнуть Джейк, когда сильные руки ударили его в спину, толкая... толкая на улицу, под машину... выталкивая из жизни...

За одним небольшим исключением — *не было* никаких рук.

Но Джейк все равно пошатнулся и стал падать вперед, судорожно размахивая руками. Губы сложились в черный ноль страха. Парень-чикано резко подался вперед, схватил Джейка за руку и дернул его назад.

— Осторожней, маленький герой, — сказал он. — А то размажет тебя по дороге на полквартала.

«Кадиллак» пролетел мимо. Джейк еще мельком увидел водителя — толстого дядьку в синей шляпе, — а потом его и след простыл.

И вот тогда оно и случилось: его как будто разорвало надвое, и стало два Джейка. Один лежал на проезжей части и умирал. Второй стоял на углу, в тупом потрясении глядя на светофор, где СТОЙТЕ переключилось опять на ИДИТЕ, и поток пешеходов устремился по переходу как ни в чем не бывало... как будто вообще ничего не случилось... И действительно ничего не случилось.

Я жив! — ликовала одна половина его сознания.

Нет, я умер! — возражала другая. — *Меня сбила машина. Они все столпились вокруг меня, а человек в черном, который меня толкнул, говорит: «Пропустите меня, я священник».*

Тошнотворной волной накатила слабость, превращая его сознание в колышущийся раскрытый парашют. Проходя мимо толстой женщины, Джейк тайком заглянул к ней в пакет — на него смотрели ясные голубые глаза большой куклы, запеленутой в красное полотенце, — точно как он предвидел. Женщина проплыла мимо. Чернокожий торговец не кричал: «Господи, да его же убило!» — а продолжал заниматься своей тележкой, беззаботно насвистывая песенку Донны Саммер, которая только что прозвучала по радио у парнишки-чикано.

Джейк оглянулся, лихорадочно высматривая в толпе священника, который не был священником. Его там не оказалось.

Джейк застонал.

Перестань! Что с тобой происходит?

Джейк не знал. Знал он только одно: сейчас он должен лежать на проезжей части и умирать, пока толстая тетка кричит, мужчина в сером костюме блюет на свои ботинки, а человек в черном протискивается сквозь толпу.

И для одной половины его сознания так оно все и было.

Опять накатила слабость. Джейк бросил пакет с завтраком на тротуар и как можно сильнее ударил себя по лицу. Какая-то женщина, проходящая мимо, как-то странно на него посмотрела. Джейк, однако, не обратил на нее внимания. Оставив свой завтрак лежать на асфальте, он шагнул на переход, не замечая надписи СТОЙТЕ, которая вновь начала мигать на светофоре. Но это уже не имело значения. Смерть подступила к нему совсем близко... и прошла мимо, даже не оглянувшись. Так не должно было случиться — и на каком-то глубинном уровне своего сознания Джейк понимал это, — но так оно все и было.

Быть может, теперь он уже никогда не умрет. Будет жить вечно.

От этой мысли ему опять захотелось кричать.

6

К тому времени когда Джейк добрался до школы, в голове у него слегка прояснилось, и он погрузился в занятия, пытаясь убедить себя, что ничего не случилось, что все абсолютно нормально. Может быть, что-то такое, немного странное, и было, своего рода психическое озарение, мгновенный прорыв в одну из возможных будущих жизней, ну и что с того? Подумаешь, большое дело! Мысль в чем-то даже крутая — подобные штуки очень любят печатать в этих бульварных газетках, посвященных всему таинственному и потустороннему, которыми зачитывается Грета Шоу — но только тогда, когда она твердо уверена, что мамы Джейка нет дома, — изданиях типа «Национальный опрос» или «Внутреннее око». Только в этих газет-

ках подобные озарения всегда сродни боевому ядерному удару — женщине снится сон, что самолет, на котором ей предстоит лететь, разбивается, и она обменивает билет... или какой-нибудь парень видит во сне, что один ублюдок посадил его брата на иглу, и так оно и выходит на самом деле. Вот это действительно кое-что. Но когда этот психопрорыв связан со знанием того, какую песню будут играть по радио, что в блюмингдейловском пакете у толстой тетки лежит кукла, завернутая в красное полотенце, а уличный торговец собирается выпить бутылочку «Йо-Хо» — бутылочку, а не банку, — чего из-за этого так волноваться?

Забудь, — сказал он себе. — *Все уже кончилось.*

Хорошая мысль за одним небольшим исключением: на третьем уроке Джейк понял, что ничего не закончилось — все только еще начиналось. Он тихо-мирно сидел на уроке алгебры, смотрел на доску, где мистер Кноф решал простенькое уравнение, и вдруг с ужасом осознал, что память раздвоилась, разделившись на два не связанных между собой потока. Ему было странно воспринимать в себе эту новую цепь воспоминаний — точно смотришь на вереницу непонятных предметов, медленно проплывающих перед тобой по поверхности мутных вод.

Я нахожусь сейчас в месте, которого я не знаю. То есть я его узнаю... узнал бы, если бы тот «кадиллак» меня сбил. Это дорожная станция... но другой «я», находящийся там, об этом еще не знает. Он знает только то, что это где-то в пустыне и там нет людей. Никого. Я плачу там, потому что мне страшно. Я боюсь, что оказался в аду.

В три часа пополудни, когда Джейк пришел на Мид-Таунлейнс, он выяснил, что на заднем дворе за конюшней есть действующая колонка, где можно попить. Вода была очень холо́дной, и в ней чувствовался сильный привкус минеральных солей. Вскоре он войдет в дом и обнаружит там в бывшей кухне скудный запас вяленого мяса. В этом он был уверен, как был уверен и в том, что торговец на углу возьмет бутылочку, а не банку «Йо-Хо» и что у куклы, выглядывающей из блюмингдейловского пакета, голубые глаза.

Он как будто вспоминал будущее.

В тот день Джейк выбил только две партии. Одну с результатом 96, вторую — 87. Тимми у себя за конторкой лишь мельком глянул на его лист, сложил его пополам и покачал головой.

— Сегодня ты, чемпион, что-то не в лучшей форме.

— Если бы вы только знали, — пробурчал Джейк.

Тимми присмотрелся к нему повнимательнее.

— Ты хорошо себя чувствуешь? А то ты и в самом деле какой-то бледный.

— Я, по-моему, заболеваю. Где-то, наверное, подхватил заразу. — И Джейк не солгал. По крайней мере сам он был уверен, что что-то такое действительно подхватил.

— Придешь домой, сразу же ложись в постель, — посоветовал Тимми. — И пей больше жидкости, только ни с чем не мешай... джин, водка, в общем, сам разберешься.

Джейк улыбнулся.

— Наверное, так я и сделаю.

Он медленно поплелся домой. Вокруг него простирался Нью-Йорк в своем самом соблазнительном обличье — теплый майский день, серенада предвечерних улиц, где на каждом углу — музыкант, деревья все в цвету, и у прохожих хорошее настроение. Джейк все это видел, но он видел и то, что таилось по ту сторону реальности: как он прятался в сумраке кухни, пока на заднем дворе человек в черном, точно оскаленный пес, жадно пил из колонки... как рыдал от облегчения, когда этот страшный черный человек — или, может быть, призрак — ушел, не заметив его... как забылся глубоким сном, когда село солнце и звезды зажглись, точно льдинки, в багровом небе пустыни.

У него был свой ключ. Закрыв за собой дверь их двухэтажной квартиры, Джейк сразу пошел на кухню, чтобы чего-нибудь съесть. Скорей по привычке, поскольку есть ему не хотелось. Он уже собирался открыть холодильник, как вдруг взгляд его остановился на двери в кладовую и внезапно Джейк понял, что дорожная станция — и весь тот, другой, странный мир, которому он теперь принадлежит, там, за этой самой дверью. Всего-то и нужно перешагнуть порог и соединиться с тем Джей-

ком, который уже существует там. И тогда память его перестанет двоиться... голоса у него в голове умолкнут, стихнет этот их бесконечный спор, умер он или нет сегодня в 8.25 утра.

Обеими руками Джейк толкнул дверь в кладовку, на лице у него заиграла уже улыбка радости и облегчения... и тут он замер на месте, услышав крик миссис Шоу, стоявшей на невысокой стремянке у дальней стены кладовой. От испуга она уронила жестяную банку с томатной пастой, которую только что сняла с полки. Банка грохнулась об пол. Миссис Шоу покачнулась, и Джейк рванулся вперед, чтобы успеть поддержать ее, пока она тоже не сверзилась на пол и не присоединилась к томатной пасте.

— Святые угодники! — задохнулась она, схватившись за живот. — Как ты меня напугал, Джонни!

— Простите, я не хотел. — Он сказал это искренне, но это не значит, что он не был горько разочарован. Всего лишь кладовка. Вот так. А ведь он был уверен...

— А ты почему вообще здесь? У тебя же сегодня кегельбан! Я так рано тебя не ждала... еще час как минимум. У меня даже покушать тебе не готово, так что обеда сейчас не жди.

— Ну и ладно. Я все равно не особенно голоден. — Джейк поднял с пола банку, которую она уронила.

— Не сказала бы, если судить по тому, как ты сюда вломился, — проворчала миссис Шоу.

— Мне показалось, я слышал, как что-то скребется. Решил, что мышь. Но это, наверное, были вы.

— Уж наверное, я. — Она осторожно слезла со стремянки и забрала у него банку. — У тебя что-то вид нездоровый, Джонни. Ты не гриппуешь, случайно? — Она потрогала его лоб. — Кажется, температуры нет, но это еще ничего не значит.

— Я, наверное, просто устал. — А про себя Джейк подумал: *Если бы только это.* — Вы не волнуйтесь. Попью чего-нибудь, посмотрю пока телевизор, и все пройдет.

Миссис Шоу неопределенно хмыкнула.

— Были сегодня оценки? Хочешь мне показать? Если да, то давай быстрее — мне еще обед готовить.

— Сегодня нет. — Джейк вышел из кладовой, взял в холодильнике банку содовой и ушел в гостиную. Включив «Обывателей Голливуда», он сел на диван и безучастно уставился на экран, а в голове у него продолжали звучать голоса и проявлялись новые воспоминания о том, другом, запыленном мире.

7

Папа с мамой и не заметили даже, что с ним творится что-то неладное, — а папа вообще пришел домой в полдесятого, — но Джейк был этому только рад. Он лег в постель в десять и еще долго лежал без сна, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шуму города за окном: визг тормозов, гудки автомобилей, завывание сирен.

Ты умер.

«Но как же я умер, когда вот он я — здесь, у себя в кровати, живой и здоровый?»

Это еще ничего не значит. Ты умер, и ты это знаешь.

Да, он знает. Но страшнее всего, что он знает и то, и другое.

Я не знаю, какой из двух голосов говорит сейчас правду, но одно я знаю точно: долго я так не выдержу. Так что умолкните оба. Прекратите немедленно и оставьте меня в покое. О'кей? Я вас очень прошу. Пожалуйста.

Но голоса не смолкали. Очевидно, они не могли замолчать. Джейку вдруг пришло в голову, что ему надо встать — *прямо сейчас* — и открыть дверь в ванную. И тот, иной, мир будет там. Как и дорожная станция, и он сам, другой, съежившийся под старой попоной в конюшне, пытающийся заснуть, не понимающий, что происходит.

Я бы сказал ему... — в возбуждении думал Джейк, сбрасывая одеяло. Он понял теперь, куда ведет эта дверь рядом с его книжным шкафом — больше не в ванную, нет: она откроется в мир, пахнущий жаром, пурпурным шалфеем и страхом в горстке праха, мир, укрытый сейчас сумрачным крылом ночи. — *Я бы сказал ему... но мне не нужно ему ничего говорить... потому что я буду В НЕМ... я буду ИМ!*

Не зажигая света, он бросился через темную комнату, едва не смеясь от облегчения, распахнул заветную дверь и...

И ничего. Просто ванная. Его ванная с афишей Марвина Гея в рамочке на стене и полосатой тенью жалюзи на кафельном полу.

Он еще долго стоял на пороге, пытаясь справиться с этим разочарованием, что встало в горле комом. Только оно не желало его отпускать. И оно было горьким.

Оно было горьким.

8

С того дня прошло три недели, и в памяти Джейка они растянулись точно зловещий и мрачный район трущоб — кошмарный, заброшенный мертвый край, где нет ни покоя, ни отдохновения, ни исцеления от боли. Он наблюдал — подобно беспомощному узнику, наблюдающему за разграблением города, которым он правил когда-то, — как гнется здравый его рассудок под непрестанным нажимом этих призрачных голосов и иллюзорных воспоминаний, и ничего не мог с этим поделать. Сперва Джейк еще не терял надежды, что память его перестанет двоиться, когда он дойдет в своих воспоминаниях до критической точки, где человек по имени Роланд позволил ему упасть в пропасть с моста в недрах гор, — только этого не случилось. Все вернулось к началу и закрутилось по новой, как кассета на магнитофоне, включенная на автореверс, будет играть и играть бесконечно, пока либо не гикнется магнитофон, либо кто-нибудь не придет и его не вырубит.

По мере того как углублялась эта ужасная пропасть в его раздвоившейся памяти, в восприятии Джейком его более-менее реальной жизни — жизни нью-йоркского мальчика — появлялось все больше провалов. Он помнил, что ходил в школу, а по выходным — в кино, что неделю назад (или две?) его с родителями пригласили на воскресный обед, но все это он помнил так, как человек, перенесший малярию, вспоминает потом самый тяжелый период своей болезни: все окутано тьмой, люди кажутся тенями, голоса превращаются в эхо и перекры-

вают друг друга, а такое обыденное и простое действие, как, скажем, съесть сандвич или купить банку коки в автомате напитков в спортзале, превращается в подвиг, стоящий многих усилий. Джейк прошел через эти дни в фуге воющих голосов и двоящихся воспоминаний. Его одержимость дверями — любыми дверями — с каждым днем только усугублялась; по-настоящему он никогда не терял надежды, что какая-то из дверей все же откроется в мир стрелка. И удивляться тут особенно нечему, ведь это была его единственная надежда.

Но сегодня игра закончилась. И Джейк проиграл. К чему все, впрочем, и шло. Все равно шансы его на победу равнялись нулю с самого начала. И сегодня он сдался. Смылся с экзамена. Понурив голову, Джейк вслепую шагал на восток по скрещению улиц, не зная, куда он идет и что будет делать, когда дойдет.

9

Часам к девяти Джейк потихоньку стал выбираться из этой все застилающей пелены и начал воспринимать окружающее. Оказалось, что он стоит на углу Лексингтон-авеню и Пятьдесят четвертой и не может припомнить, как он сюда забрел. Только теперь он заметил, какое сегодня погожее ясное утро. Утро 7 мая, того дня, когда он начал сходить с ума, тоже было прекрасным, но сейчас было в десять раз лучше — сегодня, когда весна оглянулась назад и увидела лето, стоящее рядом, совсем-совсем близко, красивое, сильное, с дерзкой улыбкой на загорелом лице. Яркие блики солнца плясали на стеклянных стенах высотных зданий; даже тени прохожих были густыми и четкими. Прозрачное голубое небо сияло над головой, расчерченное легкими штрихами перистых облаков.

Чуть дальше по улице шло строительство. У дощатого забора, отгораживающего площадку, стояли два бизнесмена в дорогих, безупречного покроя костюмах. Они смеялись, что-то передавая друг другу. Джейку стало любопытно, и он подошел поближе. Бизнесмены, как выяснилось, играли в «крестики-нолики», расчертив на заборе поле дорогой ручкой «Марк Кросс».

Ею же отмечали и ходы. *Во дают!* — подумал Джейк. Когда он к ним подходил, один из игроков как раз поставил последний нолик в верхней правой клетке и прочертил жирную диагональ через все поле.

— Опять я продулся всухую! — сказал его друг, с виду какой-нибудь администратор высокого ранга, или преуспевающий адвокат, или биржевой маклер экстра-класса, потом отобрал у приятеля ручку «Марк Кросс» и расчертил на заборе очередное поле.

Первый бизнесмен — тот, кто выиграл — повернул голову влево. Увидел Джейка и улыбнулся.

— Хороший денек, да, малыш?

— Точно, — ответил Джейк в восторге оттого, что он именно так и думает.

— В такой день не хочется киснуть в школе, ага?

Теперь Джейк рассмеялся по-настоящему. Школа Пайпера, где обычный ленч называют «свободным часом» и где ты иной раз «выходишь на минутку» вместо того, чтобы просто отлить, отодвинулась вдруг далеко-далеко.

— А вы понимаете.

— Не хочешь сыграть? А то Билли и в школе не мог меня сделать на этом, и до сих пор ему это не удается.

— Оставь парня в покое, — сказал второй бизнесмен, передавая приятелю ручку «Марк Кросс». — На этот раз я тебя сделаю. — Он подмигнул Джейку, и Джейк подмигнул в ответ, сам себе удивляясь. Он пошел дальше, оставив дяденек за игрой. Ощущение, что сейчас должно произойти что-то очень хорошее — или, быть может, уже происходит, — продолжало крепнуть. Джейк, казалось, не шел, а летел вперед, не касаясь ногами асфальта.

На светофоре на углу зажглось ИДИТЕ, и Джейк стал переходить Лексингтон-авеню. Посередине улицы он остановился так резко, что какой-то мальчик-посыльный на велосипеде едва на него не наехал. Да... это был изумительный весенний денек. Но Джейк сейчас чувствовал себя так хорошо вовсе не потому. Вовсе не потому воспринимал он сейчас окружающее так неожиданно ясно и полно, не потому преис-

полнился твердой уверенности, будто с ним должно произойти что-то замечательное.

Голоса в голове умолкли.

Умолкли не навсегда — каким-то образом он это знал, — но сейчас они исчезли. Вот только почему?

Перед мысленным взором Джейка предстала такая картина: комната, в комнате двое спорщиков. Сидят за столом друг против друга и что-то доказывают друг другу с нарастающим ожесточением. Потихоньку они перегибаются через стол, их разгоряченные лица сближаются — они брызжут в лицо друг другу слюной. Спор грозит перерасти в потасовку. Но тут они слышат какой-то грохот, похожий на барабанную дробь, и торжественные, праздничные звуки фанфар. Спорщики прекращают орать и глядят, озадаченные, друг на друга.

Это что? — спрашивает один.

Не знаю, — отвечает второй. — *Вроде какой-то парад.*

Они подходят к окну и действительно видят внизу парад. Оркестранты в военной форме маршируют по улице, чеканя шаг. Отблески солнца горят на их трубах. Хорошенькие девушки, участницы парада, вертят дирижерскими жезлами и важно вытягивают свои длинные загорелые ножки. Автомобили с открытым верхом утопают в цветах. В автомобилях — всякие знаменитости. Улыбаются, машут ручками.

Двое непримиримых спорщиков глядят из окна, позабыв о своем жарком споре. Они к нему еще вернутся, уж будьте уверены, но пока что они стоят рядом, плечом к плечу, точно лучшие друзья, и смотрят на проходящий парад...

10

Раздался резкий гудок. Джейк испугался, и мысленная картинка — красочная, как яркий сон — пропала. Он сообразил, что так и стоит посередине проезжей части Лексингтон-авеню, а зеленый свет сменился на красный. Он в испуге оглянулся, ожидая увидеть синий «кадиллак», несущийся на него, но водитель, который сигналил, сидел за рулем желтого открытого «мустанга» и вместо того, чтобы орать на Джейка, мило ему

улыбался. Впечатление было такое, что сегодня в Нью-Йорке все нанюхались веселящего газа.

Джейк помахал водителю и со всех ног устремился на ту сторону улицы. Водитель «мустанга» покрутил пальцем у виска — ты, мол, парень, того, не в себе, — потом помахал в ответ и уехал.

Пару мгновений Джейк постоял на углу, подставляя лицо теплому майскому солнцу, улыбаясь и наслаждаясь ощущением ясного дня. Наверное, так себя чувствуют заключенные, приговоренные к смертной казни, когда узнают, что им дали временную отсрочку.

Голоса молчали.

Вопрос только в том, что это был за парад, отвлекший внимание яростных спорщиков? Может быть, просто необыкновенная красота этого майского утра?

Джейк, однако, не думал, что только это. Странное ощущение *знания* снова охватывало его, пронизывая насквозь, как и три недели назад, когда он подходил к переходу на углу Пятой и Сорок шестой. Но тогда, 7 мая, это было предчувствие неотвратимой судьбы, приготовившей ему гибель. А теперь ощущение было радостным, исполненным доброты, сродни предвкушению чуда. Как будто... как будто...

Белизна. Слово пришло само и зазвенело в сознании чистейшей нотой безупречной и неоспоримой истины.

— Белизна! — воскликнул он вслух. — Приход Белизны!

Он зашагал вдоль Пятьдесят четвертой и, дойдя до угла Пятьдесят четвертой и Второй, вступил снова под сень *ка-тета.*

11

Он повернул направо, остановился, в задумчивости развернулся и пошел назад, до угла. Да, все правильно: ему нужно сейчас на Вторую... только надо опять перейти на ту сторону. Когда на светофоре зажглось ИДИТЕ, он бегом пересек проезжую часть и снова свернул направо. Это чувство, ощущение (*Белизны*) правильности происходящего, становилось все сильнее. Джейк едва ли не обезумел от радости и облегчения. Теперь с ним все будет о'кей. На этот раз — никакой ошибки. Джейк

был уверен, что уже очень скоро он встретит людей, которых начнет узнавать, как узнал тогда толстую тетку с пакетом и торговца напитками на углу, и будет знать наперед о том, что они собираются делать.

Но вместо этого он вышел к книжному магазину.

12

МАНХЭТТЕНСКИЙ РЕСТОРАН ДЛЯ УМА — сообщала вывеска в витрине. Джейк подошел к входной двери. Там висела черная доска, какие обычно вывешивают под меню в забегаловках и кафешках, и на ней было написано белым мелом:

СЕГОДНЯ В МЕНЮ
ОСОБЫЕ БЛЮДА ДНЯ

Из Флориды! Свежезажаренный Джон Д. Макдоналд.
В твердой обложке № 3 — $2.50.
В мягкой обложке № 9 — $5.00.

Из Миссисипи! Уильям Фолкнер, жаренный
на сковороде.
В твердой обложке — свободная цена.
В мягкой обложке «Винтидж Лайбрари» —
75 центов за штуку.

Из Калифорнии! Реймонд Чандлер вкрутую.
В твердой обложке — свободная цена.
В мягкой обложке № 7 — $5.00.

УТОЛИТЕ СВОЙ КНИЖНЫЙ ГОЛОД!
ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Джейк вошел в магазин, с радостью сознавая, что в первый раз за последние три недели он открыл дверь, не изнывая при том от безумной надежды найти за ней тот, другой, мир. Ти-

хонько звякнул колокольчик. Джейка окутал мягкий, пряный запах старых книг — запах, как это ни странно, похожий на возвращение домой.

Внутри тоже присутствовал ресторанный лейтмотив. Хотя все четыре стены были увешаны книжными полками, зал был разделен пополам длинной стойкой, какие обычно бывают в кафе. На половине, ближайшей к дверям, стояло несколько маленьких столиков и при них — стулья с проволочными спинками. На трех из них были представлены «блюда дня»: романы о Тревисе Маги Джона Д. Макдоналда, романы из серии о Филипе Марло Реймонда Чандлера, книги из саги о Сноупсах Уильяма Фолкнера. Небольшая табличка на столе Фолкнера сообщала: «Имеются в продаже редкие первые издания — спрашивайте у продавца». Еще одна надпись, на стойке, была предельно простой и краткой: ВОЗЬМИТЕ И ПОЛИСТАЙТЕ! Парочка покупателей именно этим и занималась. Они сидели у стойки, потягивали кофеек и читали. Джейк подумал, что он еще в жизни не видел такого чудесного книжного магазина.

Вопрос только в том, почему он сюда пришел? Была это просто удача или его привело сюда мягкое, но все же настойчивое ощущение, что он идет по некой тропе — невидимой, как силовой луч, — которая изначально предназначалась ему и которую он должен был отыскать?

Один взгляд на столик слева — и Джейк знал ответ.

13

Там были выставлены детские книжки. Места на столике было не много, так что на нем поместилось чуть больше дюжины книг: «Алиса в Стране Чудес», «Хоббит», «Том Сойер» и все в том же роде. Джейка привлекла книжка, предназначенная, очевидно, для самых маленьких. На ярко-зеленой обложке пыхтел, взбираясь на гору, паровозик с веселой рожицей, стилизованной под человеческое лицо. Его скребок, очищающий путь от завалов (ярко-розового цвета), расплывался в счастливой улыбке, а сияющие головные огни-глаза, казалось, зовут Джейка Чеймберза открыть книжку и прочесть ее всю.

«Чарли Чу-Чу» — сообщало название. Текст и рисунки Берил Эванз. Джейк вдруг вспомнил свое экзаменационное сочинение: фотографию локомотива, приклеенную на титульном листе, и повторяющееся «Чу-Чу» в конце.

Он взял книжку со столика и вцепился в нее так, как будто она могла улететь, если бы он не держал ее крепко-крепко. Повнимательнее присмотревшись к обложке, Джейк вдруг понял, что почему-то не доверяет улыбке на рожице Чарли Чу-Чу. *Выглядишь ты счастливым, но мне кажется, это всего лишь маска,* — подумал он. — *Ты несчастлив. И Чарли, по-моему, не настоящее твое имя.*

Мысль, конечно, бредовая, сумасшедшая мысль, но *ощущалась* она абсолютно нормальной. Нормальной и *правильной.*

Там же, на столике с детской литературой, стояла еще одна книжка, заинтересовавшая Джейка, — в потрепанной бумажной обложке, разорванной в одном месте и подклеенной скотчем, который теперь пожелтел от времени. На обложке мальчик и девочка с озадаченными лицами стояли под стайкой вопросительных знаков, парящих над их головами. Называлась она «Загадки, шарады и головоломки для всех и каждого!». Имени автора не было.

Сунув «Чарли Чу-Чу» под мышку, Джейк взял со столика книгу загадок. Открыв наугад, он прочел:

Когда дверь нельзя открыть?

— Когда она распахнута, — пробормотал он вслух. Лоб вдруг покрылся испариной... руки... все тело. — Когда она *распахнута!*

— Нашел что-нибудь для себя, сынок? — спросил тихий ласковый голос.

Обернувшись, Джейк увидел толстого дяденьку в белой рубашке с открытым воротом. Он стоял, опираясь на стойку и держа руки в карманах стареньких габардиновых брюк. Очки для чтения он поднял на лоб. Они очень забавно смотрелись на сияющем куполе его лысой головы.

— Да. — Джейк почему-то разволновался. — Вот эти две. Они продаются?

— Все, что здесь есть, продается, — сказал толстый дяденька. — Я бы и здание тоже, наверное, выставил на продажу, если бы оно мне принадлежало. Но, увы, я всего лишь его арендую. — Он протянул руку за книгами, но Джейк на мгновение замешкался, не желая выпускать книжки из рук. Потом с неохотой передал их продавцу. Где-то в глубине души он был готов к тому, что этот дядька сейчас убежит вместе с ними, и если он это сделает... если только попробует убежать... Джейк перехватит его, вырвет книжки и смоется. Потому что ему очень *нужны* эти книжки.

— О'кей, посмотрим, что ты там выбрал, — сказал толстяк. — Да, кстати, меня зовут Тауэр*. Келвин Тауэр. — Он протянул Джейку руку.

Джейк выпучил на него глаза и невольно сделал шаг назад.

— *Что?*

Толстяк пристально на него посмотрел.

— Келвин Тауэр. Какое из сказанных мной слов есть на твоем языке богохульство, о Гиборин-Скиталец?

— Чо?

— Я хочу сказать, вид у тебя такой, как будто тебя мешком пыльным тюкнули, парень.

— Ой... простите. — Он пожал большую и мягкую руку мистера Тауэра, очень надеясь, что тот не станет его расспрашивать, что да как. Имя действительно «зацепило» его, но почему, он не знал. — А я Джейк Чеймберз.

— Хорошее имя, дружище. Почти как у героя того вестерна... такого, знаешь, бравого парня, который врывается в Черные Вилы, штат Аризона, шутя очищает город от всех бандюг и скачет, свободный и вольный, дальше. По-моему, что-то из Уэйна Д. Оуверхолсера. Только ты, Джейк, похоже, не вольный стрелок. Похоже, ты просто решил прогулять занятия в честь хорошей погоды.

— А-а... нет. У нас каникулы с прошлой пятницы.

Тауэр улыбнулся.

— Угу. Ну да, точно. И ты хочешь себе прикупить эти две? Знаешь, так иногда забавно, что люди выбирают. Вот ты, на-

* Tower — башня *(англ.)*.

пример. Я бы дал голову на отсечение, что ты фанат Роберта Говарда, пришел подыскать себе что-нибудь из изданий Дональда М. Гранта — из тех, что с иллюстрациями Роя Кренкеля. Мечи, обагренные кровью, крепкие мускулы, и Конан-Варвар, прорубающийся сквозь орду стигийцев.

— Звучит неплохо, на самом деле. Просто эти... я их для младшего брата беру. У него день рождения на той неделе.

Келвин Тауэр опустил очки со лба на нос и внимательно присмотрелся к Джейку.

— Правда? А мне показалось, что ты — единственный ребенок в семье. Единственный ребенок, мне мнилось, я вижу его, как он приветствует день ухода — тихого, без прощания, — когда Владычица Мая трепещет в зеленом своем одеянии у кромки лесистой долины Июня.

— Что, я не понял?

— Не важно. Весна всегда навевает на меня уильям-каупе-ровские* настроения. Люди — существа странные, но интересные, парень... я прав?

— Да, наверное, — осторожно ответил Джейк. Он никак не мог сообразить, нравится ему этот странный дяденька или нет.

Один из посетителей магазина — из тех, кто читал за стойкой — развернулся на своем табурете. В одной руке он держал чашку кофе, в другой — потрепанный томик «Чумы»** в мягкой обложке.

— Хватит, Кел, пудрить парню мозги. Прекрати умничать и продай ему эти книжки, — сказал он. — До Судного дня мы, наверное, успеем еще доиграть нашу партию в шахматы, если ты поторопишься.

— Торопливость претит моей тонкой натуре, — невозмутимо парировал Кел, но все же открыл «Чарли Чу-Чу», чтобы взглянуть на цену, проставленную карандашом на форзаце. — Не новая уже книжка, но этот отдельно взятый экземпляр на удивление хорошо сохранился. Детишки обычно чего только не вытворяют с любимыми книжками. По-хорошему, она стоит двенадцать «зеленых»...

---

* Уильям Каупер (1731—1800) — английский поэт.

** Роман французского писателя Альбера Камю (1913—1960).

— Обдирает по-черному, — вставил мужчина, читавший «Чуму», и второй рядом с ним рассмеялся. Келвин Тауэр пропустил эту реплику мимо ушей.

— ...но мне не хотелось бы так тебя разорять в такой чудный день. Пусть будет семь баксов. Плюс, конечно, налог. Загадки можешь забрать за так. Считай это скромным подарком мальчишке, который седлает коня и несется исследовать новые земли в последний день настоящей весны.

Джейк достал кошелек и открыл его не без тревоги, опасаясь, что там окажется не более трех-четырех «зеленых». Однако сегодня ему везло. Пятерка и три по доллару. Он отдал деньги Тауэру. Тот небрежно сунул купюры в карман, а из другого достал сдачу мелочью.

— Хочешь, побудь еще, Джейк. Раз уж ты все равно здесь, присядь у стойки и выпей чашечку кофе. Ты глазам своим не поверишь, как я сейчас разобью в пух и прах жалкую староиндийскую защиту нашего уважаемого Эрона Дипно.

— Надейся! — воскликнул мужчина, читавший «Чуму». Вероятно, Эрон Дипно.

— Я бы с радостью, только я не могу. Я... мне нужно еще в одно место зайти.

— О'кей. Счастливой дороги, если только она не в школу.

Джейк улыбнулся.

— Нет... не в школу. Это дорога к безумию.

Тауэр от души рассмеялся и снова поднял очки на лоб.

— Неплохо сказано! Очень даже неплохо! Может быть, в конечном итоге наше юное поколение вовсе не катится в ад, а, Эрон? Что скажешь?

— Катится-катится, будь уверен, — сказал Эрон. — Этот мальчик — просто счастливое исключение из общего правила. Может быть.

— Не обращай внимания на старого циника-пердуна, — вздохнул Келвин Тауэр. — Отправляйся в дорогу, Гиборин-Скиталец. Эх, где мои десять-одиннадцать лет! В такие чудные дни, как сегодня, я часто мечтаю стать снова мальчишкой.

— Спасибо за книжки, — сказал ему Джейк.

— Нет проблем. Мы для этого тут и сидим. Заходи как-нибудь.

— Обязательно.

— Теперь ты знаешь, где нас найти.

Да, — подумалось Джейку. — *Знать бы еще, где найти себя.*

14

Выйдя из магазина, он встал посреди улицы и открыл книгу загадок на первой странице, где было коротенькое псевдонаучное предисловие.

Загадки — возможно, древнейшая из старых игр, в которую мы играем и по сей день, — так оно начиналось. — *Еще в Древней Греции боги и богини поддразнивали друг друга при помощи хитроумных загадок, а в школах Древнего Рима ими пользовались повсеместно как учебным материалом. Даже в Библии есть несколько замечательных загадок. Одна из самых известных — та, которую загадал филистимлянам Самсон в день своей свадьбы:*

«Из едущего вышло едомое,
и из сильного вышло сладкое».

Он загадал эту загадку «тридцати брачным друзьям» на свадьбе, уверенный, что они не сумеют ее разгадать. Но те запугали жену Самсона и уговорили ее вызнать у мужа ответ. Самсон пришел в ярость, и за то, что они над ним так посмеялись, он перебил их всех — в старые времена люди относились к загадкам гораздо серьезнее, чем теперь!

Да, кстати, ответ на загадку Самсона — и на все остальные загадки, приведенные в этой книге — вы найдете в последней главе. Но прежде чем заглянуть туда, сначала попробуйте догадаться сами, такая у нас к вам просьба!

Джейк обратился к последней главе, почему-то заранее зная, что никаких там ответов нет. И точно: за страницей с надписью ОТГАДКИ было лишь несколько рваных краев, и сразу за ними — форзац. Кто-то вырвал все страницы с отгадками.

Джейк на мгновение задумался. А потом, подчиняясь неожиданному порыву, который был вовсе и не порывом, а чем-то другим, непонятным, он вернулся в «Манхэттенский ресторан для ума».

Келвин Тауэр поднял голову, оторвавшись от шахматной доски.

— Ты передумал, Гиборин-Скиталец, и решил все-таки выпить кофе?

— Нет. Я просто хотел спросить, вы не знаете, случайно, ответ на одну загадку.

— Давай посмотрим. — Тауэр сделал ход пешкой.

— Ее загадал Самсон. Такой сильный дядька из Библии, что ли? Загадка такая...

— «Из едущего вышло едомое, — продекламировал Эрон Дипно, развернувшись к Джейку на табурете, — и из сильного вышло сладкое». Эта?

— Да, эта. Вы, случайно, не знаете...

— О-о, когда-то я увлекался музыкой. Вот послушай. — Запрокинув голову, он пропел мелодичным и сильным голосом:

Самсон и лев сошлись в бою,
Самсон взгромоздился на спину льву.
Львы, как известно, добычу терзают когтями,
А Самсон льва прикончил голыми руками!
Вот лев поверженный на земле лежит,
И рой пчел-медоносов над ним кружит.

Эрон подмигнул Джейку и вдруг рассмеялся, увидев его изумление.

— Ты получил свой ответ, дружок?

Джейк смотрел на него широко распахнутыми глазами.

— Вау! Хорошая песенка! Вы откуда ее узнали?

— Эрон знает их все, — сказал Тауэр. — Он шатался по Бликер-стрит еще до того, как Боб Дилан выучился извлекать из своего «Хонера» и другие ноты, кроме открытой соль. По крайней мере он так утверждает.

— Это старый спиричуэл*, — пояснил Эрон Джейку, а потом повернулся обратно к Тауэру. — Кстати, мой пухлик, вам шах.

— Не так быстро. — Тауэр сделал ход слоном. Эрон тут же его «скушал». Тауэр что-то буркнул себе под нос... что-то, подозрительно похожее на «у, блядь».

— Значит, отгадка — лев, — сказал Джейк.

Эрон покачал головой.

— *Половина* отгадки. Загадка Самсона *двойная*, мой юный друг. Одна половина отгадки — лев, вторая — мед. Понимаешь?

— Да, по-моему.

— О'кей. Тогда вот тебе еще. — Эрон на мгновение прикрыл глаза, а потом продекламировал нараспев:

Нету ног, но на месте она не стоит,
Ложе есть, но она не спит,
Не котел, но бурлит,
Не гроза, но гремит.
Нету рта, но она никогда не молчит.

— А ты хитрый, — подмигнул Тауэр Эрону.

Джейк задумался было, но потом покачал головой. Он мог бы подумать подольше — ему очень нравилась эта игра в загадки и хотелось побыть здесь еще, — но его подгоняло настойчивое ощущение, что ему надо идти. У него еще есть одно дело на Второй авеню.

— Сдаюсь.

— Нет, сдаваться нельзя, — возразил Эрон. — Можно сдаваться, когда речь идет о *современных* загадках. Но *настоящие* загадки — это не просто шутка, малыш. Это задачи, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Подумай еще. Если все-таки ничего не надумаешь, приходи сюда. Как раз будет повод зайти. Если еще нужен повод, то знай: этот толстяк умеет готовить отличный кофе.

— О'кей, — сказал Джейк. — Спасибо. Я зайду обязательно.

---

* Спиричуэл — негритянская духовная песня.

Но как только он вышел на улицу, им завладело одно неприятное чувство: Джейк понял, что больше уже никогда не вернется в «Манхэттенский ресторан для ума».

15

Джейк медленно шел вдоль по Второй авеню, держа в левой руке свои новые приобретения. Поначалу он еще бился над этой загадкой: «Нету ног, но на месте она не стоит; ложе есть, но она не спит», — но мало-помалу ее оттеснило нарастающее ожидание. Казалось, все чувства его обострились как никогда: асфальт как будто искрился миллионом сверкающих крапинок, каждый вдох был насыщен тысячью смешанных ароматов, и в каждом звуке, который он слышал, ему мнились иные, потаенные, отголоски. Наверное, то же чувствуют собаки перед сильной грозой или землетрясением — Джейк был уверен, что так оно и есть. Но только предчувствие приближающегося события было хорошим, как будто то, что должно сейчас произойти, обязательно уравновесит весь этот ужас, приключившийся с ним три недели назад. И с каждой секундой это предчувствие становилось сильнее.

И вот теперь, когда Джейк подошел совсем близко к месту грядущего события, где все должно разрешиться, его опять охватило то странное ощущение, как будто он знает все наперед.

Какой-то бродяга попросит меня дать денежку, и я высыплю ему мелочь от сдачи, которую дал мне мистер Тауэр. Потом я набреду на музыкальный магазин. Дверь будет открыта, чтобы шел свежий воздух, а внутри будут играть «Роллинг стоунз». Потом я увижу свое отражение в зеркалах.

Машин на Второй авеню было все еще немного. Такси, сигналя вовсю, проворно лавировали между медлительными легковушками и фургонами. На лобовых стеклах и ярко-желтых их кузовах играли блики веселого майского солнца. Ожидая у светофора, когда загорится зеленый, Джейк заметил бродягу на углу Второй и Пятьдесят второй. Тот сидел прямо на тротуаре,

привалившись спиной к кирпичной стене маленького ресторанчика. Подойдя ближе, Джейк разглядел, что ресторан называется «Чав-чав».

Чу-Чу, — невольно подумалось Джейку. — *Вот правда.*

— Хотя бы 25 центов? — устало спросил бродяга, и Джейк ссыпал не глядя ему на колени всю сдачу из книжного магазина. Теперь, точно как по расписанию, он услышал «Роллинг стоунз»:

Я вижу красную дверь
и хочу ее выкрасить в черный,
Никаких больше красок, я хочу,
чтобы все стало черным...

Джейк увидел теперь — без всякого удивления, — что магазин называется «Башня выдающихся записей».

Похоже, сегодня у нас массовая распродажа башен.

Джейк шел вперед. Дорожные знаки и вывески плыли мимо, как будто в туманном сне. В квартале между Сорок девятой и Сорок восьмой располагался один магазинчик. Он назывался «Твои отражения». Джейк повернул мимоходом голову. Все, как он и предвидел. Он знал, что так будет: дюжина Джейков в дюжине зеркал — дюжина мальчиков, маленьких для своего возраста, одетых в аккуратные школьные костюмы — синие блейзеры, белые рубашки, темно-красные галстуки, серые брюки. В школе Пайпера не было обязательной строгой формы, но определенные негласные правила существовали, и родители учеников неуклонно им следовали, одевая своих драгоценных чад.

Теперь школа казалась такой далекой. Такой «давнишней».

Внезапно Джейк понял, куда он идет. Понимание это прорвалось на поверхность его сознания, точно родник освежающей чистой воды, бьющий из-под земли. *К лавке деликатесов,* — сказал он себе. — *Во всяком случае, так она смотрится с виду — простой магазинчик деликатесов. Только на самом деле это вовсе не магазин — это проход в другой мир. В тот мир. Его мир. Правильный мир.*

Джейк уже не мог терпеть. Он побежал, жадно глядя вперед. На переходе через Сорок седьмую горел красный свет, но Джейк даже не посмотрел на светофор: спрыгнув с тротуара, он шустро понесся по белым полоскам «зебры», едва ли взглянув налево. Раздался визг тормозов и скрежет покрышек. Какой-то фургон резко остановился, когда Джейк пронесся перед самым его капотом.

— Эй! У тебя как с головой? — прокричал водитель, но Джейк даже и не поглядел в его сторону.

Еще только один квартал.

Джейк поднажал. Теперь он мчался как угорелый. Галстук сбился набок и трепыхался за левым плечом. Волосы развевались, отброшенные со лба назад. Мягкие кожаные ботинки молотили по тротуару. Прохожие, кто изумленно, кто просто с любопытством, косились на Джейка, но он не обращал внимания на эти взгляды. Как не обратил он внимания на рассерженный окрик водителя на переходе.

Вот здесь... на углу. Рядом с магазинчиком канцтоваров.

Впереди показался какой-то дядька в темно-коричневой рабочей форме с длинной тележкой, нагруженной картонными ящиками. Джейк перепрыгнул через нее, как через барьер, вскинув руки. Ни дать ни взять бег с препятствиями. Заправленная рубашка выбилась сзади из брюк и торчала теперь из-под синего блейзера, точно краешек детского фартучка. Приземлившись с той стороны тележки, Джейк чуть не врезался в коляску с ребенком, которую катила перед собой молодая пуэрториканка. Он обогнул ее с ходу, в точности как полузащитник, закрывший брешь в линии защиты и спасший тем самым свои ворота.

— Где пожар, молодой человек? — полюбопытствовала пуэрториканка, но Джейк даже и не взглянул в ее сторону. На всех парах он пронесся мимо магазинчика канцтоваров с блокнотами, ручками и калькуляторами в витрине.

Дверь! — твердил он себе, ликуя. — *Сейчас я ее увижу! И что потом? Буду стоять и смотреть? Да ни в жизни! Я пройду*

через эту дверь... а если она вдруг заперта, я ее просто снесу с пете...

Тут он обнаружил, что добрался уже до угла Второй и Сорок шестой, и наконец остановился, буквально затормозил, проехав на каблуках. Он стоял посреди тротуара, дыша тяжело и со свистом, стиснув руки в кулаки. Волосы снова упали ему на лоб влажными от испарины прядями.

— Нет. — Он едва не расплакался. — *Нет!* — Но это неистовое, полубезумное отрицание не изменило того, что он видел. Вернее, того, что не видел. Смотреть, собственно, и не на что было. Деревянный забор, а за забором — пустырь, замусоренный и заросший сорняками.

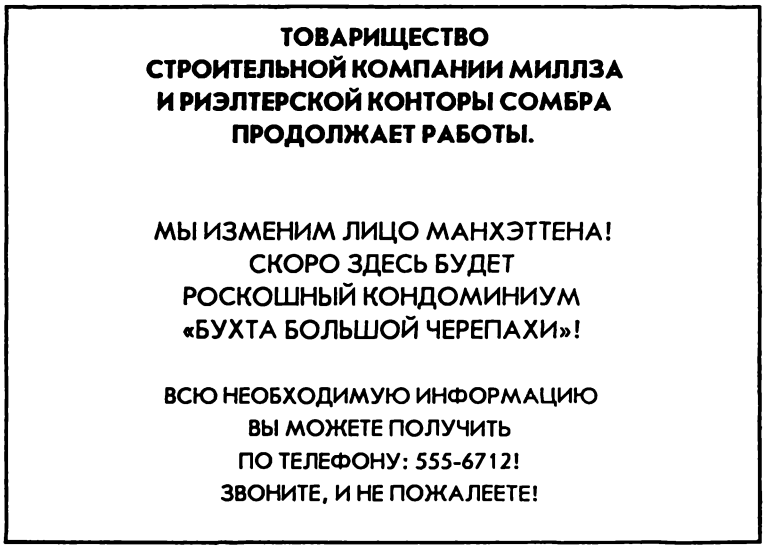
Дом, который когда-то стоял здесь, давно снесли.

16

Минуты две Джейк стоял неподвижно перед дощатым забором, тупо глядя на захламленный пустырь за ним. Губы его скривились. Он буквально физически ощущал, как тает надежда, как испаряется его *непоколебимая уверенность,* сменяясь отчаянием, горше которого он еще в жизни не знал.

Очередная ложная тревога, — подумал Джейк, когда прошло первое потрясение и он снова обрел способность думать. — *Очередная ложная тревога. Очередной тупик. Давно засохший колодец. Теперь опять появятся голоса, и как только это произойдет, я, наверное, закричу. И это нормально. О'кей. Потому что мне уже надоело. Я не выдержу больше. Мне надоело сходить с ума. Если так вот и сходят с ума, то пусть это случится быстрее, сейчас, пусть меня заберут в дурдом и что-нибудь вколют такое, чтобы я отрубился совсем. Я сдаюсь. Это конец всему. Бобик сдох.*

Но голоса не вернулись... пока еще нет. И теперь, когда Джейк снова обрел способность размышлять над увиденным, он наконец осознал, что пустырь за забором не так уж и пуст, как ему показалось сначала. Посреди этой мертвой свалки, заросшей сорной травой, стоял большой щит с надписью:

Скоро здесь будет? Вполне вероятно... но были у Джейка свои сомнения на этот счет. Буквы на рекламном щите повыцвели, а сам щит немного прогнулся. Поверх слов «Роскошный кондоминиум «Бухта Большой Черепахи» какой-то мастер настенной росписи по имени БАНГО СКАНК оставил долгую о себе память посредством баллончика-распылителя с синей краской. *Интересно,* — подумал Джейк, — *проект просто отсрочили или он тихо сдох сам собой?* Он почему-то вдруг вспомнил, как недели, наверное, две назад папа беседовал по телефону со своим консультантом по капиталовложениям. Орал на него благим матом, чтобы тот даже не думал ни о каком дальнейшем инвестировании.

— Мне наплевать, какая у вас там заманчивая информация о налогах и предполагаемых сделках! Да хоть растакая! — едва не вопил отец (как Джейк уже понял, это был, в общем-то, папин нормальный тон, когда он обсуждал деловые вопросы, — обстоятельство это объяснялось, быть может, отчасти наличием у папы в столе «кокаиновых залежей»). — Каждый раз, ког-

да они там предлагают что-то действительно сногсшибательное, обязательно жди подвоха!

Забор, огораживающий пустырь, доходил Джейку до подбородка. Все доски были увешаны объявлениями и афишами: Оливия Ньютон-Джон на «Радио-Сити», рок-группа «G.Gordon Liddy» вместе с «Пещерами» выступают в каком-то там клубе в Ист-Виллидже, фильм «Война зомби», который уже прошел ранней весной. Через определенные промежутки к доскам забора были прибиты непременные таблички ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН, но большинство из них было заклеено сверху вычурными афишами. Чуть подальше имелось еще одно произведение в стиле граффити — краска, как видно, когда-то была ярко-красной, но теперь она выцвела и приобрела пепельно-розовый оттенок, какой бывает у роз, расцветающих в конце лета. Какой-то детский стишок. Джейк смотрел на него как зачарованный, широко распахнув глаза. Он даже прочел его шепотом вслух:

Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе!
Она держит мир у себя на спине!
Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.

Источник этого странного поэтического произведения (если не его смысл) был для Джейка вполне ясен. В конце концов этот район восточной оконечности Манхэттена называется Бухтой Большой Черепахи. Но это не объясняло ни того непонятного обстоятельства, что по спине Джейка вдруг побежали мурашки, ни этого явственного ощущения, неожиданно его охватившего, что он нашел еще один указатель на каком-то волшебном, потаенном пути.

Расстегнув рубашку, Джейк сунул две книги, которые только что приобрел, за пазуху. Потом огляделся, убедился, что никто на него не смотрит, и, опершись двумя руками о забор, подтянулся, перекинул одну ногу, другую и спрыгнул по ту сторону. При этом левой ногой он угодил прямо на груду беспо-

рядочно сваленных кирпичей. Они, естественно, заскользили под ним. Лодыжка его подвернулась, и всю ногу пронзила боль. Джейк с грохотом упал прямо на кирпичи и вскрикнул одновременно от боли и неожиданности, когда они врезались ему в ребра, точно грубые крепкие кулаки.

Сначала он даже и не пытался встать, а просто лежал, дожидаясь, когда восстановится сбитое от удара дыхание. Вряд ли он как-то серьезно ушибся, но ногу он подвернул — это точно. Теперь лодыжка скорее всего распухнет. Домой он вернется хромая. Придется, однако, сжать зубы и потерпеть: денег на «тачку» нет.

Ты что, в самом деле собрался вернуться домой? Да тебя там живьем съедят.

Может быть. А быть может, и нет. Впрочем, насколько ему кажется, особого выбора у него нет. Но у него еще будет время об этом подумать. Сейчас он намерен исследовать этот пустырь, что притянул его, как магнит стальную стружку. Джейк вдруг понял, что ощущение силы, разлитой вокруг, не пропало. Наоборот, оно стало еще сильнее. И вряд ли она исходила только от этого пустыря. Что-то здесь происходило. Что-то особенное. Очень важное. Даже в самом воздухе чувствовалась вибрация, как будто по нему растекались волны энергии, источаемые самой громадной электростанцией в мире.

Только поднявшись на ноги, Джейк увидел, как он удачно упал. Упади он чуть в сторону, он бы попал прямо на кучу битого стекла и скорее всего очень сильно порезался.

Это, наверное, от витрины, — подумал Джейк. — *Когда здесь еще был магазинчик деликатесов, в ней выставлялись сыры и колбасы. Стоишь на улице и смотришь. Их еще подвешивали на веревках.* — Джейк не знал, откуда он это знает. Он просто доподлинно знал.

Задумчиво оглядевшись по сторонам, Джейк отошел от забора чуть дальше в глубь пустыря. Ближе к середине участка, едва заметный под буйно разросшимися сорняками, на земле валялся какой-то рекламный щиток. Опустившись на колени, Джейк поднял его и стряхнул с него грязь. Буквы давно выцвели, но их еще можно было прочесть:

ТОМ И ДЖЕРРИ. ДЕЛИКАТЕСЫ.
СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ЗАКАЗАХ
К БАНКЕТАМ И ПРАЗДНИКАМ!

А внизу той же красной-выцветшей-до-розовой краской из баллончика-распылителя кто-то вывел загадочную фразу: В ЕЕ МЫСЛЯХ — ВЕСЬ МИР, В ЕЕ МЫСЛЯХ — ВСЕ МЫ.

Вот оно, это место, — сказал себе Джейк. — *О да.*

Он уронил щит на землю, поднялся и медленно пошел дальше в глубь пустыря, внимательно глядя по сторонам. С каждым шагом ощущение присутствия некой силы крепло. Все, что он видел, — сорняки, осколки стекол, груды битого кирпича — было как будто пронизано этой безудержной силой. Даже пустые пакетики из-под хрустящей картошки казались красивыми, а пустую пивную бутылку солнечный свет превратил в сосуд коричневого огня.

Джейк очень четко осознавал каждый свой вдох, свет солнца, который ложился на все золотым покровом. Внезапно он понял, что стоит на пороге великой тайны. Его била дрожь. Наполовину от страха, наполовину от удивления, смешанного с восторгом.

Оно все здесь. Все. Все по-прежнему здесь.

Сорняки льнули к его ногам. Репей налип на носки. Поднявшийся ветерок зашелестел упаковкой из-под печенья. Солнечный луч отразился сверкающим бликом, и на мгновение обычная упаковка словно бы преисполнилась внутренним сиянием, жутким и прекрасным одновременно.

— Все по-прежнему здесь, — повторил Джейк вслух, не зная о том, что лицо его тоже сейчас преисполнилось собственным внутренним светом. — Все здесь.

Теперь ему слышался звук, вернее, Джейк его слышал с самого начала, как только ступил на пустырь. Какой-то удивительный, торжественный гул, в котором сквозили невыразимое одиночество и невыразимая красота. Так, наверное, плачет ветер над пустынной равниной, только звук был живым. Точно хор тысячи голосов, слившихся в единую могучую от-

крытую ноту. Джейк огляделся по сторонам и вдруг понял, что видит *лица* — в сплетении сорняков, в ветках кустарника, даже в грудах битого кирпича. *Лица*.

— Вы кто? — прошептал Джейк. — *Кто* вы?

Ответа он не получил, но ему показалось, что за этим звенящим хором он слышит иные звуки: грохот конских копыт по сухой пыльной земле, громы выстрелов и из сумрака — голоса ангелов, славу поющих. Ему представлялось, что лица, которые он различал во всем, поворачивались к нему, когда он проходил. Они словно бы наблюдали за ним, но Джейк чувствовал, что за пристальным их вниманием не скрывается злых намерений. Отсюда ему была видна Сорок шестая и даже одно крыло резиденции ООН на Первой авеню, но это уже не имело значения... весь *Нью-Йорк* побледнел и сделался прозрачным, точно оконное стекло.

Гул нарастал. Уже не тысяча — миллион голосов вздымались могучим хоралом, восставая из бездонного колодца Вселенной. Теперь Джейк уже различал имена, хотя, может быть, это только ему чудилось. Одно имя, кажется, было Мартен. Другое — Катберт. Еще одно — Роланд... Роланд из Гилеада.

Были там и имена, и бессвязный гул разговора — десятки тысяч историй, сплетенных в одну, но над всем царил этот могучий, набирающий силу звон, вибрация, наполнявшая его разум ослепительно белым светом. И Джейк вдруг понял — и радость была столь огромной, что грозила взорвать его изнутри, — чей это голос. Голос *Согласия*. Голос *Белизны*. Голос *Вечности*. Великий хорал утверждения, выпевающий песнь свою на пустыре. Для него.

А потом, в низких зарослях репейника, Джейк увидел ключ... а за ключом еще — розу.

17

Ноги его подкосились, и он упал на колени. Смутно, словно бы издалека, Джейк осознал, что плачет. Он слегка обмочился, но и это он осознавал едва ли. Не вставая с колен, он

прополз вперед и потянулся за ключом, лежащим в зарослях репейника. Форма ключа показалась ему знакомой. Он, кажется, уже видел один такой — в своих снах:

Он подумал еще: *Маленькая s-образная загогулина на конце — вот в чем секрет.*

Как только он сжал ключ в руке, голоса загремели, слившись в один гармоничный аккорд триумфа. Джейк закричал, и крик его утонул в этом хоре. Ключ у него на ладони вспыхнул вдруг белым светом, и по руке его, казалось, прошел мощный электрический разряд. Он как будто схватился за оголенный провод под напряжением, но боли не было.

Он положил ключ между страницами «Чарли Чу-Чу». Пристальнее вглядевшись в розу, Джейк неожиданно осознал, что *настоящий* ключ — это она. Ключ ко всему. Он прополз чуть вперед, чтобы взять ее. Лицо его излучало свет. Глаза полыхали, как два провала, заполненных голубым огнем.

Роза росла посреди островка травы — странной багровой травы.

Когда Джейк потянулся к ней, бутон стал раскрываться прямо у него на глазах, обнажая темно-красные пылающие глубины. Лепесток раскрывался за лепестком, и каждый горел своим собственным тайным огнем. Джейк никогда не видел такого чуда, ничего, до такой степени напоенного ликующей жизнью.

Как только он протянул к ней руку — решительно, без колебаний, — хор голосов принялся выпевать его имя... и в сердце Джейка закрался предательский страх. Холодный как лед и тяжелый как камень.

Что-то было не так. Теперь Джейк ощущал какой-то вибрирующий диссонанс... как царапина, безобразная и глубокая, на бесценном полотне великого мастера, как жар, снедающий больного изнутри, под хладной кожей его лба.

Как червяк. Червяк, вгрызающийся в сердцевину плода. И еще — тень. Та, что таится за следующим поворотом дороги.

А потом перед ним раскрылась самая сердцевина розы, взорвавшись желтым слепящим светом, и волна изумления, смешанного с восторгом, тут же смыла все страхи. Джейк поначалу подумал, что это всего лишь пыльца, пусть и исполненная сверхъестественного сияния, которым здесь было пронизано все. Но, нагнувшись поближе, он разглядел, что этот круг пламенеющей желтизны в сердцевине цветка — никакая вообще не пыльца, а *солнце. Настоящее солнце:* кузница чистого света, горящего в сердцевине розы, что растет посреди багровой травы.

Снова вернулся страх. Даже не страх уже — неподдельный ужас. *Все правильно,* — вдруг подумалось Джейку. — *Пока здесь все правильно, но оно может пойти не так — по-моему, уже пошло. Мне дали почувствовать это. В той мере, в какой я мог выдержать это «не так». Но только что? И чем я могу помочь?*

Как червяк, проникающий глубже и глубже.

Джейк ощущал ее, эту пульсацию, точно биение больного и злобного сердца — непримиримого недруга безмятежного великолепия розы, вносящего вопиющий разлад в стройный хор голосов, которые так его успокоили и помогли ему воспрянуть духом.

Наклонившись еще ближе к розе, Джейк увидел, что солнце там, в сердцевине ее, не одно, что их много, солнц... быть может, все солнца Вселенной сияли сейчас в этом исполненном жизни, но все-таки хрупком сосуде из пламенеющих лепестков.

Там был целый мир. И этому миру грозила опасность.

Зная, что прикоснуться к этому полыхающему микрокосму почти наверняка означает смерть, и все же не в силах противиться искушению, Джейк протянул руку к сияющей сердцевине. В этом его жесте не было ни любопытства, ни ужаса — только одно невыразимое никакими словами стремление защитить розу.

18

Поначалу, едва придя в себя, Джейк осознал только то, что прошло много времени и что голова у него буквально раскалывается от боли.

Что случилось? Меня тюкнули по башке и ограбили?

Перевернувшись, он сел. Новый взрыв боли пронзил голову. Джейк осторожно потрогал свой левый висок. На пальцах осталась кровь. Взглянув вниз, он увидел кирпич, что валялся в траве. Один его сбитый угол был подозрительно алым.

Если бы угол был острый, я бы сейчас уже находился на том свете или лежал бы в коме.

Взглянув на свое запястье, Джейк с удивлением обнаружил, что часы его на месте. «Сейко». Не то чтобы очень уж дорогие, но, как правило, в этом городе не бывает такого, чтобы ты, задремав на заброшенном пустыре, проснулся потом, что называется, при своем добре. И не важно, дорогие на тебе «игрушки» или не очень, всегда отыщется кто-нибудь, кто с удовольствием освободит тебя от них. Но на этот раз ему, похоже, повезло.

Уже четверть пятого. Он пролежал здесь в отключке почти шесть часов. Папа, возможно, уже сообщил в полицию о пропаже сына, и его сейчас ищут. Однако для Джейка это уже не имело значения. Ему казалось, что он вышел из школы Пайпера тысячу лет назад, хотя это было не далее как сегодня утром.

Джейк поплелся к забору, что отгораживал эту заброшенную площадку от Второй авеню, но остановился на полпути.

Что же *все-таки* произошло?

Мало-помалу память вернулась к нему. Он перелез через забор. Поскользнулся и подвернул лодыжку. Наклонившись, Джейк потрогал ее и сморщился от боли. Да... так оно все и было. А дальше?

Что-то волшебное.

Он осторожно, на ощупь пробирался по воспоминаниям, отыскивая это «что-то», как дряхлый старик пробирается через темную комнату. Все тогда преисполнилось внутренним светом. Все — даже пустые пакеты и пивные бутылки. Потом появились какие-то голоса... они пели в могучем хоре и рас-

сказывали истории... тысячи голосов, перекрывавших друг друга и оттого невнятных.

— И *лица,* — пробормотал он вслух. Вспомнив о лицах, Джейк с опаской огляделся по сторонам. Никаких лиц. Груды битого кирпича оставались всего лишь грудами кирпича, сорняки — сорняками. Никаких лиц, и все же...

...и все-таки они были. Были. Тебе вовсе не померещилось.

Он сам в это верил. Он не мог уже ухватить сущность вспоминаемого, всю меру его безупречности и красоты, но он знал одно: то, что случилось, случилось на самом деле. Просто память о тех мгновениях, что предшествовали его долгому обмороку, была сродни фотографиям, сделанным в самый счастливый день жизни. Ты помнишь, каким он был, этот день, — пусть не все, но ведь что-то ты помнишь, — но фотографии все равно остаются какими-то невыразительными и безжизненными.

Джейк оглядел заброшенный пустырь — лиловые сумерки уходящего дня уже подкрадывались, затеняя свет, — и подумал: *Я хочу, чтобы все вернулось. Господи, как я хочу, чтобы все вернулось таким, как было.*

И тут он увидел розу. Она росла посреди небольшого участка багровой травы рядом с тем местом, где он упал. Сердце бешено заколотилось в груди. Джейк снова рванулся туда, не обращая внимания на боль, пронзавшую при каждом шаге больную ногу, и упал перед ней на колени, как истово верующий пред алтарем. Наклонился вперед, широко распахнув глаза.

Это же просто роза. Всего лишь роза. И трава...

Теперь Джейк увидел, что трава не багровая, нет. Травинки *испачканы* красным, но под этими подтеками цвет был нормальным. Зеленым. Приглядевшись получше, Джейк разглядел неподалеку еще одно пятно на траве — синего цвета. Справа, на листьях репейника, пестрели брызги красной и желтой краски. Пустые банки из-под краски нашлись сразу же за кустами репейника, сваленные в небольшую кучу. На этикетках стояло название фирмы. «Glidden Spred Satin».

Вот так вот. Всего лишь пятна краски. А тогда у тебя в голове все смешалось, вот тебе и привиделось...

Ерунда.

Он знал, что он видел тогда и что видит сейчас.

— Маскировка, — сказал он вслух. — Все это было здесь. *Все-все.* И... оно здесь по-прежнему.

Теперь, когда в голове у него прояснилось, он снова почувствовал эту спокойную, гармоничную силу, что исходила здесь отовсюду. Хор голосов продолжал звучать по-прежнему мелодично, только теперь как-то смутно, словно бы издалека. Вглядевшись в кучу битого кирпича и остатков старой штукатурки, Джейк увидел едва различимое лицо, в ней сокрытое. Лицо женщины со шрамом на лбу.

— Элли? — спросил он шепотом. — Вас зовут Элли, правда?

Ответа не было. Лицо исчезло. Осталась одна неприглядная куча штукатурки и кирпича.

Джейк опять посмотрел на розу и увидел теперь, что она не темно-красного цвета, что живет в самой сердцевине пылающей печи, а бледно-розового, словно присыпанного пылью. Очень красивая, но все-таки не совершенная. Кое-где лепестки пожухли и свернулись — их омертвевшие края побурели. Роза эта была не такая, какими обычно торгуют в цветочных лавках. Те выращивают специально, эта же была дикой.

— Ты очень красивая, — сказал он и протянул руку, чтобы снова ее коснуться.

И хотя не было ветра, роза склонилась навстречу его руке. Джейк лишь на мгновение прикоснулся к ее лепесткам — гладким, бархатистым и таким дивно живым, — и хор призрачных голосов стал будто громче.

— Тебе плохо, роза?

Ответа, конечно, он не получил. Едва он убрал руку, роза, склонившаяся к нему, снова качнулась и встала на прежнее место — посреди залитой краской сорной травы в своем тихом, забытом великолепии.

Разве розы сейчас цветут? — удивился Джейк. — *Вроде бы еще рано. Впрочем, разве что дикие розы? Но почему эта дикая роза выросла на пустыре? И почему только одна? Почему нет других?*

Он так и стоял на четвереньках, завороженно глядя на розу, пока вдруг не сообразил, что может стоять так до самого вечера (если вообще не всю жизнь) и все равно не приблизится ни на йоту к разгадке тайны, в ней заключенной. В какой-то миг он увидел ее настоящую, как и все остальное на этой заброшенной, замусоренной площадке, — увидел ее без маски, без обманчивых покровов. Ему очень хотелось увидеть ее такой снова, но одного желания было мало.

Пора возвращаться домой.

Только теперь Джейк увидел, что те две книги, которые он купил утром в «Манхэттенском ресторане для ума», валяются тут же рядом. Он поднял их с земли. И тут из «Чарли Чу-Чу» выскользнул какой-то серебристый предмет и упал на траву. Джейк, стараясь не особенно напрягать больную ногу, нагнулся, чтобы поднять его. Хор голосов снова как будто стал громче, но лишь на мгновение, а потом опять замер на самом пороге слышимости.

— Значит, и это тоже было взаправду, — пробормотал Джейк себе под нос, провел большим пальцем по тупым зарубкам на ключе: по трем бесхитростным V-образным впадинкам и завитку в форме буквы «S» на конце — и, затолкав ключ поглубже в передний карман брюк, опять захромал к забору.

Он уже было собрался перелезать на ту сторону, как вдруг его озарила ужасная мысль.

Роза! А вдруг кто-то сюда забредет и сорвет ее?

Он так испугался, что даже невольно издал тихий стон. Повернувшись, он сразу увидел ее, хотя теперь розу накрыла тень от ближайшего здания, — бледно-розовый цветок в полумраке, ранимый, прекрасный и одинокий.

Я не могу бросить ее одну — я должен остаться, чтобы ее охранять!

Но тут в сознании его прозвучал голос, голос того человека, с которым он повстречался когда-то в пустыне, на заброшенной станции, в той, другой, странной жизни: *Никто не сорвет ее и не растопчет. Никто. Ни один варвар. Потому что тупые его глаза просто не вынесут вида ее красоты. Ей*

ничто не грозит. Она способна сама себя защитить от таких напастей.

Джейк испытал неподдельное облегчение.

А можно мне снова прийти сюда и посмотреть на нее?— спросил он у этого голоса-призрака. — *Когда мне будет плохо или если вернутся те голоса и снова станут меня донимать? Можно мне будет прийти сюда и посмотреть на нее, чтобы немного утешиться?*

На этот раз голос ему не ответил. Джейк весь внутренне замер, прислушиваясь, но ничего не услышал. Засунув «Чарли Чу-Чу» и «Загадки» за пояс брюк — которые, как он теперь рассмотрел, были все в грязи и репейнике, — он схватился за край забора, подтянулся на руках и, перевалившись через верх, спрыгнул на тротуар Второй авеню, внимательно следя за тем, чтобы весь вес пришелся на здоровую ногу.

Движение на улице — и машин, и пешеходов — стало теперь оживленнее: закончился рабочий день, и все спешили по домам. Кое-кто из проходящих мимо с удивлением покосился на мальчика в грязных брюках, разорванном блейзере и расстегнутой рубашке, неуклюже перелезавшего через забор, но таких было не много. Люди в Нью-Йорке привыкли к тому, что периодически кто-то из горожан выкидывает, скажем так, странные номера.

Пару мгновений Джейк постоял на месте, преисполненный чувством потери. Постепенно до него дошло, что голоса, донимавшие его на протяжении трех недель и вдруг прекратившиеся сегодня, продолжали хранить молчание. Все-таки это уже кое-что.

Он поглядел на дощатый забор, и ему сразу бросился в глаза стишок, намалеванный красной когда-то краской. Может быть, потому, что теперь краска стала такого же цвета, как роза.

— «Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе, — пробормотал Джейк вслух. — Она держит мир у себя на спине». — Он невольно поежился. — Господи, ну и денек!

Оторвав взгляд от забора, он медленно захромал по направлению к дому.

19

Портье внизу, наверное, позвонил им в квартиру, как только Джейк вошел в подъезд: когда двери лифта раскрылись на пятом этаже, отец уже ждал его в холле. Элмер Чеймберз был в поношенных, вылинявших джинсах и ковбойских сапогах на высоких каблуках. Так его природные пять футов десять дюймов роста увеличивались до целых шести футов. Папа стригся «ежиком», и его черные волосы, как обычно, дыбом стояли на голове. Сколько Джейк себя помнил, отец всегда выглядел так, как будто он только что оправился от сильнейшего потрясения. Едва Джейк вышел из лифта, Чеймберз-старший схватил его за руку.

— Ты посмотри на себя! — Отец обвел Джейка внимательным взглядом, который охватывал все: и испачканное лицо, и грязные руки, и кровь, засохшую у него на виске и щеке, извозюканные брюки, разорванный блейзер и репейник, прилипший к галстуку точно диковинная авангардистская заколка. — Давай быстро домой! Где ты, черт возьми, шлялся? Твоя мать чуть с ума не сошла!

Не дав сыну и слова сказать в ответ, отец затащил Джейка в квартиру. В коридорчике между столовой и кухней стояла, словно бы дожидаясь Джейка, Грета Шоу. Она ободрила его осторожным сочувственным взглядом и исчезла, прежде чем «мистер» успел ее углядеть.

Мама сидела в своем кресле-качалке. Увидев Джейка, она поднялась — поднялась, *не вскочила,* равно как и не бросилась к сыну через весь холл, дабы покрыть его поцелуями и засыпать упреками. Заметив рассеянный мамин взгляд, Джейк решил, что с полудня она уже накачалась валиумом. Как минимум три таблетки. Может быть, все четыре. Его родичи — оба — свято верили в лучшую жизнь, достигаемую при посредстве высокоразвитой химии.

— У тебя *кровь!* Где ты был? — Вопрос был задан обычным голосом с хорошо поставленным произношением выпускницы колледжа Вассара. Можно было подумать, что она обращается просто к знакомому, с которым приключилось легкое ДТП.

— Я гулял, — сказал он.

Папа, теряя терпение, грубо его встряхнул. К такому Джейк не был готов. Он пошатнулся и тяжело наступил на поврежденную ногу. Ее снова пронзила боль, и Джейк вдруг взбесился. Отец ведь так взъелся не потому, что Джейк без всякого объяснения смылся из школы, оставив на парте дурацкое сочинение, — он психует из-за того, что сынок набрался наглости и нарушил ко всем чертям его драгоценный «режим».

До этого времени Джейк испытывал по отношению к отцу только три чувства: смущение, страх и своего рода робкую, стыдливую любовь. Теперь же он понял, что чувств было пять, но последние два, до поры подавляемые, проявились лишь сейчас. Гнев. Отвращение. И к этим новым, весьма неприятным чувствам примешивалась неизбывная тоска по родному дому — по его настоящему дому. Это чувство сейчас захватило его целиком, затуманив все другие. Он смотрел на пылающие щеки отца, на его вздыбившийся «ежик», но ему представлялся пустырь за дощатым забором. Ему так хотелось вернуться туда, чтобы смотреть на розу и слушать хор призрачных голосов. *Здесь все не мое,* — думал он. — *Отныне. Меня ждут другие дела. Вот только бы знать какие.*

— Отпусти меня, — выдавил он.

— Что ты сказал? — Глаза отца широко распахнулись от изумления. Сегодня, заметил Джейк, глаза его были буквально налиты кровью. Похоже, хорошо приложился к своему волшебному порошку. Сейчас, наверное, не самое лучшее время с ним препираться, но неожиданно Джейк осознал, что он все равно пойдет на конфликт. Он не позволит отцу обращаться с собой, как с мышью, попавшей в зубы кота-садиста. Только не сегодня. И, быть может, уже никогда. Джейк вдруг понял простую вещь. Причина его раздражения и гнева проста: он не может им *рассказать* о том, что с ним произошло — и продолжает происходить. Они сами закрыли все двери.

Но у меня есть ключ, — вдруг подумалось Джейку. Он безотчетно потрогал его через ткань кармана и неожиданно вспомнил конец того странного стихотворения:

Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.

— Я сказал: отпусти меня, — повторил он. — Я ногу подвернул. Ты мне делаешь больно.

— Я тебе сейчас сделаю по-настоящему больно, если ты не...

Джейк как будто почувствовал внезапный прилив некой силы. Он схватил руку, что сжимала его предплечье, и резко ее стряхнул. У папы челюсть отвисла.

— Я на тебя *не работаю,* — сказал Джейк. — Я твой *сын,* если ты помнишь. А если ты вдруг забыл, посмотри фотографию на своем столе.

Верхняя губа Чеймберза-старшего поползла вверх, обнажая безупречные зубы из лучшей металлокерамики. На две трети усмешка его состояла из изумления, но на одну треть — из ярости.

— Не смейте так со мной разговаривать, мистер... где, черт возьми, уважение к отцу?

— Даже не знаю. Наверное, я его потерял по дороге домой.

— Ты целый день где-то шлялся, без разрешения ушел, мать твою, а теперь стоишь тут и грубишь отцу...

— Прекратите! Вы оба! Немедленно прекратите! — воскликнула мама. Несмотря на громадную дозу транквилизатора, в ее голосе явственно слышались истеричные нотки. Казалось, она вот-вот расплачется.

Отец протянул было руку, собираясь опять схватить Джейка, но потом, кажется, передумал. Наверное, причиной тому послужила удивительная сила, с которой сын только минуту назад сбросил его — отца! — руку. Или причина была еще проще: взгляд Джейка.

— Я хочу знать, где ты был.

— Я сказал уже. Я гулял. И больше я вам *ничего* не скажу.

— Хрен моржовый! Сюда звонил ваш директор. И учитель французского *приходил.* Они оба хотели с тобой поговорить. Задать тебе пару вопросов! Я, черт возьми, тоже хочу задать тебе пару вопросов, и хочу, чтобы ты мне *ответил!*

— Ты весь грязный, — заметила мама и спросила едва ли не робко: — Тебя не ограбили, Джонни? Тебя что, избили... ограбили?

— Никто его не ограбил, — проревел Элмер Чеймберз. — Ты что, не видишь, часы на нем.

— Но у него же кровь.

— Да все нормально, мам. Это я просто ударился.

— Но...

— Я иду спать. Я ужасно устал. Если вы все же хотите об этом поговорить, то давайте утром, о'кей? Завтра, быть может, у нас получится. Но сегодня мне просто нечего вам сказать.

Отец шагнул к нему, протянув руку.

— *Нет, Элмер!* — Мама едва ли не закричала.

Но Чеймберз-старший пропустил ее реплику мимо ушей и схватил Джейка сзади за блейзер.

— Нет, ты так от меня не уйде... — начал было он, но Джейк резко развернулся и вырвался. Разошедшийся шов на правом рукаве с треском разъехался окончательно.

Под пылающим взглядом сына отец отступил. Лицо его, только что искаженное гневом, вдруг словно потухло, и на нем появилось теперь выражение, очень похожее на страх. «Пылающий взгляд» — это не просто метафора; глаза Джейка как будто действительно загорелись огнем. Мама бессильно вскрикнула, зажала рукой рот и, отступив на два шага, безвольно упала обратно в кресло-качалку.

— *Оставь... меня,* — отчеканил Джейк.

— Что с тобой *происходит?* — Теперь голос отца стал едва ли не грустным. — Что такое с тобой происходит? Ничего никому не сказав, ты уходишь из школы в первый экзаменационный день, являешься домой к ночи, весь грязный... и ведешь себя, будто ты спятил.

Вот оно — *и ведешь себя, будто ты спятил.* Этого он и боялся — с того самого дня, как возникли голоса три недели назад. Ужасного обвинения. Но теперь, когда это произошло, Джейк вдруг обнаружил, что оно не так страшно — вообще нестрашно, — может быть, потому, что сам для себя он уже все решил.

Да, что-то с ним произошло. И все еще происходит. Но он не спятил. Нет. Во всяком случае, пока.

— Утром мы поговорим, — повторил он опять и направился через столовую в коридор. На этот раз отец не пытался его остановить. Остановил его обеспокоенный мамин голос:

— Джонни... с тобой все в порядке?

Что на это ответить? Да? Нет? Или — и да, и нет? Или — ни то, ни другое? Но голоса прекратились, а это уже кое-что. Сказать по правде, это уже немало.

— Мне уже лучше, — выдавил он наконец. Спустился вниз к себе в комнату и решительно закрыл за собой дверь. Этот звук захлопнувшейся за спиной двери, отгородившей его от всего мира, принес Джейку несказанное облегчение.

20

Он еще постоял у двери, прислушиваясь. Голос матери был едва различим. Голос отца раздавался чуть громче.

Мама что-то сказала насчет крови и доктора.

Отец сказал, что малыш в порядке. Единственное, что с ним не в порядке, так это словесный понос, но с этим он справится сам.

Мама что-то сказала о том, чтобы он успокоился.

Отец ответил, что он спокоен.

Мама сказала...

Отец ответил.

Она сказала... блам-блам-блам. Джейк по-прежнему их любил — несмотря ни на что, он был в этом уверен, — но теперь с ним случилось что-то, и это «что-то» влекло за собой неминуемую цепь событий, которым еще предстояло произойти.

Почему? Потому что с розой творилось что-то неладное. И еще, может быть, потому, что ему так хотелось играть, скакать и прыгать... и снова увидеть *его* глаза, голубые, как небо над дорожной станцией.

Джейк медленно подошел к столу, снимая на ходу блейзер. Пиджак являл собой плачевное зрелище: один рукав был оторван едва ли не полностью, подкладка свисала, как вялый па-

рус в мертвый штиль. Повесив блейзер на спинку стула, Джейк уселся и выложил на стол две новые книги. Последние полторы недели он очень плохо спал, но сегодня, как ему казалось, он будет спать хорошо. Давно он так не уставал. Может быть, завтра утром, когда он проснется, он будет знать, что делать.

Раздался легкий стук в дверь. Джейк настороженно повернулся в ту сторону.

— Это миссис Шоу, Джон. Могу я войти на минутку?

Он улыбнулся. Миссис Шоу — ну конечно же. Родичи выслали ее посредником. Или, может быть, «переводчиком» будет более точно.

«Сходите к нему, — наверное, сказала мама. — Вам он расскажет, что с ним такое. Я — его мать, вот этот мужчина с налитыми кровью глазами и мокрым носом его отец, а вы — всего-навсего домоправительница, но вам он расскажет то, чего не расскажет нам. Потому что вы с ним общаетесь чаще, чем мы, и, может быть, вы говорите на его языке».

У нее будет поднос, — подумал еще Джейк и, по-прежнему улыбаясь, пошел открывать дверь.

Миссис Шоу действительно держала поднос. На подносе были два сандвича, большой кусок яблочного пирога и стакан шоколадного молока. Она смотрела на Джейка с тревогой, словно бы опасаясь, что он набросится на нее и укусит. Джейк заглянул ей через плечо, но родителей поблизости не наблюдалось. Он представил себе, как они оба сидят в гостиной, беспокойно прислушиваясь.

— Я подумала, ты захочешь чего-нибудь перекусить, — сказала миссис Шоу.

— Да, спасибо. — Сказать по правде, ему ужасно хотелось есть; он с утра ничего не ел, только позавтракал. Он посторонился, освобождая проход. Миссис Шоу вошла в комнату (еще раз с опаской взглянув на него) и поставила поднос на стол.

— Ой, вы посмотрите! — Она взяла в руки «Чарли Чу-Чу». — У меня точно такая же книжка была, когда я была маленькой. Ты сегодня ее купил, Джонни?

— Да. Родители вас попросили узнать, где я был?

Она только молча кивнула. Не хитрила, не притворялась. Это ее работа. Как приготовить поесть или вынести мусор. *Можешь мне рассказать, если хочешь,* — говорило ее лицо. — *А можешь и промолчать. Ты мне нравишься, Джонни, я очень хорошо к тебе отношусь, но все это — только твои проблемы. Я всего лишь работаю здесь, а сегодня я и так задержалась на час сверх положенного.*

Это красноречивое выражение ее лица его не обидело. Наоборот, успокоило. Для него миссис Шоу была еще одним знакомым человеком, почти что другом, но все-таки не совсем... Но теперь Джейк подумал, что она чуточку ближе к определению «друг», чем кто-либо из его школьных приятелей, и много ближе, чем мама и папа. По крайней мере миссис Шоу была человеком честным. Она не пыталась как-то извернуться. Все это определялось счетом в конце каждого месяца, но, когда она делала сандвичи, она *всегда* срезала с хлеба корку.

Джейк схватил сандвич и откусил здоровенный кусок. С сыром и копченой колбасой. Его любимый. Еще одно очко в пользу миссис Шоу: она знает все, что он любит. Вот мама, скажем, до сих пор пребывает в уверенности, что он любит кукурузу в початках и ненавидит брюссельскую капусту.

— Скажите им, что у меня все нормально. А папе еще передайте, что я извиняюсь за то, что ему нагрубил. Мне действительно очень жаль.

Если честно, он ни капельки не жалел об этом, но отцу нужно было одно — его извинение. И только. Когда миссис Шоу передаст ему слова Джейка, папа расслабится и снова станет твердить себе старую ложь: он исполнил отцовский свой долг, и теперь все хорошо. Все хорошо, прекрасная маркиза.

— Я немножечко, кажется, переучился, готовясь к экзаменам, — пробубнил он с набитым ртом, — и утром сегодня все это наконец проявилось. Я словно оцепенел. Мне нужно было немедленно выйти на воздух, иначе я бы, наверное, задохнулся. — Он прикоснулся к засохшей кровяной корке на лбу. — Что до этого, то скажите, пожалуйста, маме, ничего страшного, правда-правда. Меня не ограбили, не избили. Просто случайно ударился. Совершенно по-глупому. Там какой-то рабо-

чий толкал тележку, и я в нее въехал башкой. Получил всего-навсего пустяковую царапину. В глазах не двоится. Даже голова теперь не болит.

Миссис Шоу кивнула.

— Теперь я, кажется, понимаю... все эти пижонские школы с их высокими требованиями к ученикам и всем прочим. Ты немножечко испугался, Джонни. Ничего в этом стыдного нет. Но в последние пару недель ты действительно ходишь словно сам не свой.

— Теперь все будет в порядке. Мне только, наверное, придется переписать сочинение по английскому, но это...

— Ой! — воскликнула миссис Шоу, и на лице ее вдруг отразился испуг. Она положила на место «Чарли Чу-Чу» и повернулась к Джейку. — Я едва не забыла! Твой учитель французского приходил и оставил тебе записку. Сейчас принесу.

Она вышла из комнаты. Джейк надеялся, что не очень встревожил мистера Биссетта — тот был действительно классным мужиком, — но, наверное, все же встревожил, раз уж он заявился лично. Чтобы учитель доблестной школы Пайпера лично пришел домой к ученику... такое, должно быть, случается нечасто. Что там, интересно, в записке от мистера Биссетта? Джейк попробовал угадать. Скорее всего приглашение на беседу с мистером Хотчкиссом, школьным психиатром. Еще сегодня утром он бы, наверное, испугался. Но не сейчас.

Сейчас только роза имела значение.

Прикончив первый сандвич, Джейк набросился на второй. Миссис Шоу оставила дверь открытой, и он слышал, как она говорила с родителями. Судя по голосам, они оба слегка успокоились. Джейк глотнул молока и взялся за яблочный пирог. Через пару минут вернулась миссис Шоу. С такой знакомой синей папкой в руках.

Джейк понял вдруг, что, как выясняется, он избавился не от всех своих страхов. Теперь и ученики, и учителя — все узнали, но сейчас поздно что-либо менять. Уже ничего не исправишь. Однако это не значит, будто ему очень приятна мысль, что все теперь знают: Джейк Чеймберз рехнулся. Что все о нем шепчутся.

Сверху к папке канцелярской скрепкой был прикреплен небольшой белый конверт. Джейк вытащил его и, открывая, взглянул на миссис Шоу.

— Как там родители?

Она улыбнулась.

— Твой папа велел мне спросить, почему ты просто ему не сказал, что у тебя обычный экзаменационный мандраж. Он признался, что с ним тоже такое бывало, когда он учился в школе.

У Джейка челюсть отвисла. Отец никогда не принадлежал к тому сорту людей, которые предаются воспоминаниям, начинающимся со слов: «Знаешь, когда я был маленьким...» Джейк попытался представить себе отца мальчишкой с тяжким клиническим случаем экзаменационного мандража, но ничего у него не вышло — он сумел только вызвать весьма неприглядный образ сварливого карлика в свитерочке с эмблемой Пайпера, в сделанных на заказ ковбойских сапогах, с черными волосами «ежиком», торчащими во все стороны.

Записку, как выяснилось, написал сам мистер Биссетт:

Дорогой Джон.

Бонни Эйвери мне сказала, что ты ушел прямо с экзамена. Она очень за тебя переживает, и я тоже переживаю, хотя мы оба не раз наблюдали подобное, и особенно во время экзаменов. Хочу тебя попросить. Завтра, когда придешь в школу, сразу зайди ко мне, хорошо? Не бывает неразрешимых проблем. Вместе мы все решим. Если тебя угнетают экзамены — а я хочу повторить, что такое случается повсеместно, — можно будет устроить так, чтобы их перенесли. Самое главное — это твое здоровье. Позвони мне сегодня вечером, если захочешь. Мой телефон: 555-7661. До полуночи я буду ждать твоего звонка.

Знай, что ты всем нам очень симпатичен и что мы на твоей стороне.

A votre sante,
Х. Биссетт

Джейку хотелось расплакаться. Значит, кому-то он небезразличен, и это здорово. Мистер Биссетт прямо об этом пишет. Но было в записке еще кое-что, невысказанное, хотя от этого не менее замечательное: теплота, и сочувствие, и еще искренняя попытка понять и утешить.

Внизу была нарисована небольшая стрелка. Джейк перевернул листок и прочитал:

Да, кстати, Бонни Эйвери просила меня передать тебе это — прими поздравления!

Поздравления? Что, черт возьми, все это значит?

Он раскрыл синюю папку. К первой странице его сочинения был прикреплен скрепкой листок бумаги. Бланк с надписью: КАБИНЕТ БОНИТЫ ЭЙВЕРИ. С нарастающим изумлением Джейк прочел аккуратные строчки слегка заостренных букв, написанных авторучкой:

Джон!

Харви, я в этом не сомневаюсь, выразит наше всеобщее беспокойство — а он это умеет, — поэтому позволь мне сразу же перейти к твоему экзаменационному сочинению. Я прочла его и выставила оценку во время первого же «окна». Сочинение поразительно оригинальное, самобытное и превосходит все ученические работы, которые мне доводилось читать за последние несколько лет. Это твое нагнетание повтора («вот правда», «и это правда») — очень живой прием, но прием — он и есть прием. Истинная ценность сочинения, как мне показалось, в его символическом плане, определяемом поначалу двумя зрительными картинками — двери и поезда — на титульном листе и находящем блестящее развитие дальше, уже непосредственно в тексте. Символический план достигает своего логического завершения в зрительном образе «Темной Башни», который я понимаю как твое утверждение того, что общепринятые устремления не только фальшивы, но и опасны.

Я не претендую на понимание всех символов (например, «Госпожа Теней» или «стрелок»), но по прочтении становится ясно, что сам себя ты видишь «Узником» (школы, общества и т.д.), а

всю систему образования — «Говорящим Демоном». Быть может, «Роланд» и «стрелок» — одна и та же фигура, наделенная неограниченной властью? М.б., это твой отец? Меня до того заинтриговала такая возможность, что я даже специально поинтересовалась в досье, как зовут твоего отца. Оказалось, что Элмер, но я также заметила, что средний инициал между его именем и фамилией — Р.

Я нахожу данный образ предельно дерзким и вызывающим. Или, может быть, это имя — некий двойной символ, образ, навеянный одновременно фигурой отца и поэмой Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»? Большинству наших учеников я даже не стала бы задавать этот вопрос, но я знаю твою страсть к чтению!

Во всяком случае, твое сочинение произвело на меня неизгладимое впечатление. Ученики средних классов часто, случается, обращаются к форме так называемого «потока сознания», но им очень редко удается этот поток контролировать. Ты же проделал выдающуюся работу по соединению приема «потока сознания» с языком символов.

Браво!

Свяжись со мной, когда решишь «вернуться», — хочется обсудить с тобой возможность опубликования твоего сочинения в первом выпуске ученического литературного журнала на будущий год.

Б. Эйвери

P.S. Если сегодня ты ушел с экзамена из-за того, что тебе вдруг показалось, будто я неспособна понять сочинение такой неожиданно богатой образности, надеюсь, мне удалось рассеять твои сомнения.

Джейк открепил листок, открыв титульный лист поразительно оригинального и богатого образами сочинения. Там, обведенная красным кружком, стояла оценка мисс Эйвери: А+*. Ниже она написала еще: ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!

Джейк рассмеялся.

---

* А — высшая отметка в американских школах.

Весь сегодняшний день — этот долгий, ужасный, запутанный, опьяняющий, страшный, загадочный день — свелся к приступу безудержного, раскатистого смеха. Джейк повалился на стул, запрокинув голову и прижав обе руки к животу. Из глаз брызнули слезы. Он смеялся до хрипоты и уже почти было прекращал хохотать, когда его взгляд случайно падал на какую-нибудь строку из доброжелательного критического разбора мисс Эйвери, и он заливался по новой. Он не заметил даже, как отец подошел к его двери, постоял там, озадаченно и настороженно глядя на сына, и ушел, покачав головой.

Наконец Джейк начал осознавать, что миссис Шоу так и сидит у него на кровати, глядя на него с этакой дружелюбной беспристрастностью, за которой едва проглядывало неподдельное любопытство. Он попытался заговорить, но слова утонули в новом взрыве смеха.

Надо бы прекратить, — сказал он себе. — *Иначе я просто умру. У меня будет удар, или сердечный приступ, или что там еще бывает...*

А потом ему вдруг подумалось: *Интересно, а что она вывела из «чу-чу, чу-чу»?* — И он опять разразился смехом.

Наконец спазмы смеха начали потихоньку сходить на нет, сменяясь нервным хихиканьем. Джейк вытер слезящиеся глаза и сказал:

— Извините, миссис Шоу, — это просто... ну... я получил за свое экзаменационное сочинение «А с плюсом». Оно очень богато... об... образно...

Он не сумел закончить. Его опять согнуло пополам от смеха. Снова пришлось схватиться руками за живот — он болел нестерпимо.

Миссис Шоу встала на ноги, улыбаясь.

— Замечательно, Джон. Я очень рада, что все так хорошо повернулось, и я уверена, что твои папа с мамой тоже будут довольны. Уже очень поздно... придется, наверное, сказать портье, чтобы он вызвал мне такси. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, миссис Шоу, — не без усилия выдавил Джейк, стараясь сдержать приступ смеха. — Спасибо вам.

Как только миссис Шоу вышла за дверь, он снова расхохотался.

21

В течение следующего получаса к нему — по отдельности — заглянули родители. Они оба действительно поутихли, а «А с плюсом» за сочинение, похоже, еще прибавило им спокойствия. Когда они заходили, Джейк сидел за столом, якобы глядя в открытый учебник французского. На самом деле он, ясное дело, туда не смотрел и смотреть не желал. Он ждал, когда папа с мамой уйдут и он наконец сможет спокойно рассмотреть книги, которые купил сегодня. Ему не давала покоя мысль, что *настоящий* экзамен еще впереди. Ему надо сдать его — обязательно. Во что бы то ни стало!

Где-то в четверть десятого к нему в комнату заглянул отец.— минут через двадцать после того, как ушла мама, которая пробыла у него недолго и так ничего толком и не сказала. В одной руке Элмер Чеймберз держал сигарету, в другой — стакан с остатками виски. Вид у него был не просто спокойным, а прямо-таки блаженным. *Может быть,* — равнодушно подумал Джейк, — *папа сделал неслабый набег на мамины залежи валиума.*

— С тобой все в порядке, малыш?

— Да. — Для папы он снова стал маленьким славным мальчиком, который всегда держит себя в руках. Теперь, когда он смотрел на отца, глаза его больше не пылали. Это были обычные, матовые, без блеска, глаза.

— Я хотел сказать, ты прости, что так получилось. Не сердись на меня, хорошо? — Папа вообще не умел извиняться. Он это делал нечасто, и получалось у него плохо. Джейку даже стало немного его жалко.

— Да все нормально.

— Тяжелый день, — сказал папа, сделав неопределенный жест рукой с пустым стаканом. — Может, просто забудем о том, что было? — Он произнес это так, как будто сия великая и логичная мысль только-только пришла ему в голову.

— Я уже все забыл.

— Хорошо. — В папином голосе явственно слышалось облегчение. — Тебе, по-моему, пора спать. Завтра утром тебе предстоит объясняться, да и экзамены в самом разгаре.

— Да, — сказал Джейк. — Как мама?

— Отлично. Отлично. Я иду к себе в кабинет. Много накопилось работы.

— Папа?

Отец настороженно оглянулся.

— А у тебя какое второе имя?

По выражению папиного лица Джейк понял, что отец лишь взглянул на оценку, не удосужившись даже прочесть сочинение, не говоря уже о записке от мисс Эйвери.

— У меня его нет. Просто инициал, как у Гарри С. Трумэна. Только у меня — Р. А что это ты вдруг спросил?

— Просто так, любопытно.

Ему удалось сохранить спокойствие, пока отец не ушел... но как только за папой закрылась дверь, Джейк упал на кровать и зарылся лицом в подушку, чтобы заглушить очередной приступ неудержимого смеха.

22

Когда Джейк убедился, что приступ прошел (хотя в горле еще щекотало и иной раз остатки смеха прорывались наружу), а папа вплотную засел у себя в кабинете со своими неизменными сигаретами, виски, бумагами и небольшим пузырьком белого порошка, он вернулся за стол, включил лампу и открыл «Чарли Чу-Чу». Мельком глянув на страницу с выходными данными, он обнаружил, что в первый раз книжка вышла в 1952-м, а он сегодня себе приобрел экземпляр четвертого издания. Джейк заглянул в конец, но не нашел никакой информации об авторе Берил Эванз.

Вернувшись к началу, Джейк внимательно рассмотрел картинку — у́лыбающийся светловолосый мужчина с гордым видом выглядывает из кабины старомодного паровоза — и начал читать.

* * *

«Боб Брукс служил машинистом в железнодорожной компании «Срединный мир», на линии Сент-Луис — Топика. Такого хорошего машиниста не было больше нигде. Он был лучшим, а Чарли был лучшим из поездов!

Чарли «Большой Мальчик-402» — это, к вашему сведению, паровоз. И паровоз, надо сказать, с характером. Только машинист Боб имел право сидеть у него в кабине и давать гудок. Каждый знал, как гудит гудок Чарли — ВУУУ-УУУУ, — и когда он разносился веселым эхом над степями Канзаса, всякий, кто слышал его, говорил:

«Это едет наш Чарли, и с ним машинист Боб. Быстрее их нет никого между Сент-Луисом и Топикой!»

Только заслышав гудок, ребятня высыпала во двор, чтобы в который раз поглядеть, как Чарли и машинист Боб проносятся мимо. Машинист Боб всегда улыбался детишкам и махал им рукой. Дети тоже ему улыбались и махали в ответ.

Машинист Боб знал один секрет. Он, единственный из людей, знал, что Чарли Чу-Чу живой. То есть по-настоящему. Однажды, когда они возвращались из Топики в Сент-Луис, машинист Боб услышал, как кто-то поет, очень тихо, почти неслышно.

— А ну, кто здесь со мной в кабине? — строго спросил машинист».

— Тебе бы надо сходить к психиатру, машинист Боб, — пробормотал Джейк, переворачивая страницу. На следующей картинке машинист Боб, наклонившись над автоматической топкой Чарли Чу-Чу, с любопытством заглядывал под нее. *Интересно,* — подумалось Джейку, — *а кто ведет поезд и смотрит, чтобы коровы* (не говоря уже о ребятишках) *случайно не выскочили на пути, пока Боб ищет «зайцев» в кабине. Как видно, знания Берил Эванз о поездах были крайне скудны.*

«Не волнуйся, — раздался вдруг тихий и хрипловатый голос. — Это всего лишь я.

— Кто это — я? — переспросил машинист Боб все тем же суровым, серьезным голосом. Потому что он по-прежнему думал, что кто-то решил над ним подшутить.

— Чарли, — сказал тихий хрипловатый голос.

— Как бы не так! — сказал Боб. — Поезда не разговаривают человеческим голосом! Я, может быть, много чего не знаю, но уж это я знаю точно! Если ты Чарли, тогда давай сам погуди в свой гудок, ты это должен уметь!

— Ну конечно! — сказал тихий хрипловатый голос, и тут же раздался веселый гудок, прокатившийся эхом над простором Миссури: ВУУУ-УУУУ.

— Батюшки! — воскликнул машинист Боб. — Это *действительно* ты!

— Я же тебе говорил, — сказал Чарли Чу-Чу.

— Почему же я раньше не знал, что ты живой? — спросил машинист Боб. — Почему ты со мной никогда не разговаривал?

И тогда Чарли Чу-Чу пропел Бобу песенку своим тихим хрипловатым голосом:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик
И таким навсегда останусь.

Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не пробьет мой час.

— А ты будешь еще со мной разговаривать? — спросил Боб. — Мне бы очень хотелось.

— Мне тоже, — сказал Чарли. — Ты мне нравишься, машинист Боб.

— Ты тоже мне нравишься, Чарли, — сказал машинист Боб и теперь уже сам дал гудок, просто чтобы показать, как он счастлив.

ВУУУ-УУУУ! Так громко и весело Чарли еще *никогда* не гудел, и все, кто слышал гудок, вышли на улицу — посмотреть».

* * *

Иллюстрация к этим последним словам повторяла рисунок с обложки. На всех предыдущих картинках (исполненных в грубой, чуть примитивной манере, которая напоминала рисунки из любимой «младенческой» книжки Джейка «Майк Маллиган и его паровая машина») паровоз был всего-навсего паровозом — бездушной штуковиной, хотя и, безусловно, интересной для мальчишек 50-х, для которых, собственно, и предназначалась книжка. А на этой, последней картинке паровоз приобрел явные человеческие черты. Глаза, рот, улыбка. Джейку опять стало жутко, несмотря на улыбку Чарли и на весьма неуклюжий слог этого, в общем-то, милого рассказа.

Он не доверял этой улыбке.

Джейк открыл свое экзаменационное сочинение и пробежал глазами по строчкам. *Я уверен, что Блейн опасен,* — прочел он. — *И это правда.*

Он закрыл папку, на мгновение задумался, барабаня пальцами по столу, потом снова взялся за «Чарли Чу-Чу».

«Машинист Боб и Чарли провели вместе много счастливых дней, о многом успели поговорить. Машинист Боб жил один, и Чарли стал ему настоящим другом — первым с тех давних пор, как жена Боба умерла в Нью-Йорке.

Но однажды, когда Боб с Чарли вернулись к себе в депо в Сент-Луисе, на месте стоянки Чарли их поджидал новенький тепловоз. И какой еще тепловоз! 5000 лошадиных сил! Сцепки из нержавеющей стали! Моторы из Ютики, штат Нью-Йорк, изготовленные на специальном заводе! А наверху, сразу за генератором, торчали три ярко-желтых вентилятора для охлаждения радиатора.

— Это что? — встревоженно спросил машинист Боб, но в ответ Чарли только пропел свою песенку, и голос его был совсем-совсем тихим и хриплым, как никогда:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик
И таким навсегда останусь.

Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не пробьет мой час.

Тут подошел мистер Бриггз, начальник депо.

— Это очень красивый тепловоз, мистер Бриггз, — сказал машинист Боб, — но вам придется убрать его с места Чарли. Чарли нуждается в профилактике, его нужно смазать — и прямо сегодня.

— Чарли больше не нужно смазывать, машинист Боб, — с грустью проговорил мистер Бриггз. — Ему на замену прислали вот этот новенький тепловоз, Берлингтон-Зефир. Когда-то Чарли был лучшим локомотивом в мире, но теперь он состарился и котел у него подтекает. Боюсь, Чарли пришло время уйти на покой.

— Ерунда! — Машинист Боб буквально вышел из себя! — Чарли еще полон сил! Я срочно пошлю телеграмму в главное ведомство железнодорожной компании «Срединный мир»! Я самому президенту пошлю телеграмму, мистеру Раймонду Мартину! Я его знаю — он вручал мне награду за хорошую службу, а мы потом с Чарли катали его дочурку. Я дал еще ей погудеть, и Чарли старался — гудел для нее громко-громко!

— Мне очень жаль, Боб, — сказал мистер Бриггз, — но это сам мистер Мартин и заказал новый тепловоз.

И он не соврал. Так оно все и было. И Чарли Чу-Чу отогнали в самый дальний конец депо Сент-Луиса, где он тихо ржавел в сорняках. Теперь на путях между Топикой и Сент-Луисом раздавалось уже не привычное ВУУУ-УУУУ, а УУУХХХ-УУУХХХ! нового Берлингтон-Зефира. Чарли больше уже не гудел. Мыши свили гнездо на сиденье в кабине, где когда-то так гордо сидел машинист Боб, глядя на проносящийся мимо пейзаж; а в трубе теперь жили ласточки. Чарли было очень грустно и одиноко. Он скучал по стальным путям, и по яркому синему небу, и по безбрежным просторам степей. Иногда, поздно ночью, он думал об этом и тихо плакал темными масляными слезами. От слез заржавел его головной прожектор, но

Чарли было уже все равно, потому что теперь прожектор уже не включали.

Мистер Мартин, президент железнодорожной компании «Срединный мир», написал в Сент-Луис письмо и предложил машинисту Бобу перейти на новый Берлингтон-Зефир. «Это очень хороший локомотив, машинист Боб, — писал мистер Мартин. — Новенький, полный сил. Только представьте себе, как вы его поведете! Это машина для вас. Из всех машинистов «Срединного мира» вы — лучший. Моя дочка Сюзанна просила вам передать, что она не забыла, как вы разрешили ей погудеть в гудок Чарли».

Но машинист Боб ответил на это, что, если ему нельзя больше ездить с Чарли, он вообще прекращает водить поезда. «Я не сумею понять этот новенький чудный тепловоз, — написал он в ответ, — а он не сумеет понять меня».

Боб устроился чистить моторы в сент-луисском депо. Он был машинистом, а теперь сделался чистильщиком. Так к нему и обращались: чистильщик Боб. Другие же машинисты, водившие новые дизельные поезда, иной раз подсмеивались над ним. «Вы посмотрите на этого старого дуралея! — так они говорили. — Он не может понять простой вещи, что мир изменяется, мир не стоит на месте!»

Иногда, поздно ночью, машинист Боб приходил потихонечку в дальний конец депо, где стоял Чарли Чу-Чу на ржавых рельсах запасных путей, которые стали теперь его домом. Его колеса опутали сорняки; головной прожектор проржавел и стал совсем-совсем темным. Машинист Боб всегда разговаривал с Чарли, но Чарли все реже и реже ему отвечал. Бывало, Чарли молчал в течение многих ночей подряд.

И вот однажды, одной такой ночью, Бобу пришла в голову страшная мысль. «Чарли, ты что, умираешь?» — спросил он, и Чарли ответил, совсем-совсем тихо и хрипло:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик
И таким навсегда останусь.

Но теперь, когда больше уже нельзя
Мчаться под синим небом, как в первый раз,
Тут, наверно, тихонько зачахну я,
И скоро пробьет, чу-чу, мой час».

Джейк долго смотрел на картинку, иллюстрирующую этот не совсем неожиданный поворот событий. При всей грубости исполнения рисунок все-таки отражал настроение отрывка. Чарли выглядел старым, заброшенным и несчастным. Машинист Боб стоял с таким видом, как будто он только что потерял лучшего друга — последнего друга, который, согласно рассказу, у него еще оставался в жизни. Джейк представил себе, как, дочитав до этого места, дети по всей Америке сокрушаются и горюют, и ему вдруг пришло в голову, что в детских книжках на удивление *много* подобных вещей — вещей, которые задевают и ранят чувства. Гензель и Гретель, потерявшиеся в лесу. Олениха, мама Бэмби, убитая охотником. Смерть Старого Крикуна. Детей легко напугать и задеть, легко заставить их плакать, и подобный подход, кажется, породил во многих писателях странное увлечение садизмом... включая, как видно, и Берил Эванз.

Но внезапно Джейк понял, что *его* не гнетет и совсем не печалит «высылка» Чарли на заросший сорной травой пустырь в самом глухом уголке депо в Сент-Луисе. Наоборот. *Хорошо,* — думал он. — *Там ему самое место. Он потому что опасен. Пусть там себе и гниет. И слезам его веры нет... «Крокодиловы слезы», так их, кажется, называют.*

Дальше он читал быстро, по диагонали. Разумеется, все закончилось хорошо, хотя в детской памяти этот момент отчаяния в самом глухом уголке депо останется, без сомнения, гораздо дольше, чем счастливый конец, — таково вообще свойство памяти, и тем более детской: помнить плохое и забывать о хорошем.

Мистер Мартин, президент железнодорожной компании «Срединный мир», лично приехал с Сент-Луис, чтобы посмотреть, как там идут дела. Помимо этого, он собирался съездить на новеньком Берлингтон-Зефире в Топику, где его дочка, став-

шая пианисткой, давала в тот вечер свой первый сольный концерт. Только Зефир завести не сумели. Похоже, в топку попала вода.

(Это, случайно, не ты налил воду в дизельный бак, машинист Боб? — спросил себя Джейк. — *Зуб даю, это ты, старина!)*

А все остальные поезда были в рейсе! Что же делать?

«Кто-то легонько подергал мистера Мартина за руку. Это был чистильщик Боб, только он не был сейчас похож на чистильщика моторов. Он снял свой рабочий комбинезон, забрызганный маслом, и надел чистую спецодежду и свою старую фуражку машиниста.

— Чарли здесь, на запасном пути, — сказал он. — Он довезет вас до Топики, мистер Мартин. И вы успеете на концерт вашей дочки, Чарли всегда и везде успевал.

— Этот древний паровоз? — усмехнулся мистер Мартин. — Да он и до завтрашнего утра не доберется до Топики.

— Нет, Чарли сможет! — настаивал машинист Боб. — Я знаю, он сможет! Ведь ему не придется тащить вагоны! Понимаете, я в свободное время чистил ему двигатель и котел, так что он готов ехать.

— Ладно, давайте попробуем, — сказал мистер Мартин. — Мне было бы жаль пропустить первый концерт Сюзанны!

Чарли действительно был готов: машинист Боб наполнил тендер свежим углем, бока раскаленной топки аж раскраснелись от жара. Боб помог мистеру Мартину подняться в кабину и впервые за долгие годы вывел Чарли со ржавых запасных путей на основную магистраль. Разогнавшись, он потянул за веревку гудка, и Чарли выдал свой прежний бодрый и смелый клич: ВУУУ-УУУУ.

Услышав знакомый гудок, детишки всего Сент-Луиса высыпали на улицу, чтобы поглядеть на ржавый и старенький паровоз, который снова отправился в путь по рельсам.

— Смотрите! — кричали они. — Это Чарли! Чарли Чу-Чу вернулся! Ура-а-а!

Они все махали ему руками, а Чарли, пуская веселые струйки пара, выехал из городка и помчался вперед, набирая

скорость и гудя в свой гудок. Сам, как в прежние времена: ВУУУУУ-УУУУУУУУУУУ!

Чух-чух, — выбивали колеса Чарли!

Пух-пух, — пыхтел дым в трубе!

Вжих-вжих, — тарахтел транспортер, доставляющий уголь в топку!

Снова вперед! Полный сил! Гип-гип-ура! Тру-ля-ля! Никогда раньше Чарли не ездил так быстро! Пейзаж проносился мимо одной расплывчатой полосой! По сравнению с Чарли машины, несущиеся по шоссе 41, казалось, стояли на месте!

— О-го-го! — вскричал мистер Мартин, подбросив в воздух шляпу. — Вот это я понимаю, Боб, всем локомотивам локомотив! И почему мы списали его, не знаю! Как вам удается подавать уголь на транспортер при такой скорости?

Машинист Боб лишь улыбнулся в ответ; он-то знал, что Чарли *сам загружает топку.* А за *чух-чух, пух-пух* и *вжих-вжих* он еще различал прежнюю песенку Чарли, его тихий хрипловатый голос:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик
И таким навсегда останусь.

Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не пробьет мой час».

Чарли доставил мистера Мартина в Топику вовремя, тот (*конечно*) успел на концерт своей дочки, и Сюзанна ужасно обрадовалась (*конечно*), увидев старого друга Чарли, а потом они все вместе вернулись в Сент-Луис, и всю дорогу Сюзанна гудела в гудок. Мистер Мартин предложил Чарли и Бобу работу — катать ребятишек в новеньком парке аттракционов «Срединный мир», что в Калифорнии, и там они пребывают и по сей день, катают смеющихся ребятишек туда-сюда по волшебному миру, сотканному из огней, музыки и здорового, доброго веселья. Ма-

шинист Боб стал седым, и Чарли уже не такой разговорчивый, как бывало, но оба еще полны сил, и иной раз детишки слышат, как Чарли поет свою песню тихим хрипловатым голосом.

КОНЕЦ

— Не задавай мне дурацких вопросов, в дурацкие игры я не играюсь, — пробормотал Джейк, разглядывая последнюю картинку. На ней Чарли Чу-Чу тащил за собой два пассажирских вагончика, набитых смеющимися и довольными детьми, от «русских горок» до «чертова колеса». В кабине, понятно, сидел машинист Боб, тянул за веревку гудка и улыбался — счастья полные штаны. Предполагалось, наверное, что улыбка его выражает великую радость, но Джейку она показалась ухмылкой безумца. Оба — и Чарли, и машинист Боб — походили на сумасшедших... И чем дольше Джейк вглядывался в лица детей на картинке, тем явственнее ему казалось, что за довольным их выражением проглядывает гримаса ужаса. *Остановите, пожалуйста, этот поезд,* — словно бы говорили эти лица. — *Мы хотим сойти с этого живого паровоза. Пожалуйста.*

И быть паровозом счастливым, чу-чу, пока не пробьет мой час.

Джейк закрыл книгу и задумчиво на нее уставился. Потом, выждав какое-то время, открыл ее снова, взял ручку и принялся обводить в тексте слова и фразы, которые как будто притягивали его сами.

Железнодорожная компания «Срединный мир»... машинист Боб... тихий хрипловатый голос... ВУУУ-УУУУ... настоящий друг — первый с тех давних пор, как жена Боба умерла в Нью-Йорке... мистер Мартин... мир меняется, мир не стоит на месте... Сюзанна...

Джейк отложил ручку. *Почему* эти слова и фразы притягивают его? Насчет Нью-Йорка еще понятно, но остальные? И уж если на то пошло, почему *эта книжка?* Одно он знал твердо: ему было нужно иметь ее у себя. Если бы сегодня у него в кошельке не оказалось денег, он бы, наверное, просто схватил ее и убежал. *Но почему?* У него возникло странное ощущение,

будто он — стрелка компаса. Стрелка не знает, где север и почему ее тянет в том направлении, нравится это ей или нет, она просто указывает туда. И по-другому она не может.

Сейчас Джейк уверен был только в одном: он ужасно устал. Если он в скором времени не переберется в постель, то уснет прямо здесь, за столом. Он уже снял рубашку, и тут его взгляд снова упал на обложку «Чарли Чу-Чу».

Эта улыбка. Он ей не доверял.

Ну ни капельки.

23

Джейк надеялся, что уснет тут же, как только ляжет, но сон не пришел. Вместо сна возвратились те жуткие голоса и снова затеяли свой бесконечный спор, умер он или нет. Они не давали ему заснуть. Наконец он не выдержал: сел на постели, крепко зажмурил глаза и сжал кулаками виски.

Прекратите! — выкрикнул он про себя. — *Прекратите немедленно! Вы молчали весь день, так что молчите и дальше!*

Я замолчу, если он согласится со мной, что я умер, — рассерженно выдал один.

Я замолчу, если он соизволит взглянуть вокруг и признать, что я, черт возьми, очень даже живой, — отозвался второй.

Джейк не мог уже сдерживать крик — он встал комом в горле, как спазм тошноты. Еще немного, и он прорвется... Джейк решительно открыл глаза. Его взгляд случайно упал на брюки, небрежно брошенные на спинку стула, и внезапно ему пришла в голову одна мысль. Он встал с постели и залез в правый передний карман брюк.

Серебряный ключ никуда не делся. Он был по-прежнему там. И как только Джейк прикоснулся к нему, голоса затихли.

Скажи ему, — вдруг подумалось Джейку, хотя он понятия не имел, кому это надо сказать. — *Скажи ему, пусть возьмет ключ. Стоит только взять ключ, и голоса умолкнут.*

Он вернулся в постель, не прошло и трех минут, как он заснул, сжимая ключ в кулаке.

Глава III

ДВЕРЬ И ДЕМОН

1

Эдди уже засыпал, как вдруг у него над ухом раздался явственный голос: *Скажи ему, пусть возьмет ключ. Стоит только взять ключ, голоса умолкнут.*

Он рывком сел, бешено оглядываясь по сторонам. Рядом с ним крепко спала Сюзанна. Значит, это не она.

И похоже, никто другой. Они уже восемь дней шли по лесу по «дорожке» Луча и остановились в ту ночь на дне глубокой расщелины в небольшой и закрытой со всех сторон долине. Слева бурлила лесная речка. Текла она в ту же сторону, куда держала путь наша тройка: на юго-восток. Справа местность резко шла вверх крутым склоном, густо заросшим сосной и елью. Пустынный край. Никого. Только Сюзанна, спящая рядом. И бодрствующий Роланд, сидящий на берегу лесной речки, у самой воды, кутаясь в одеяло и глядя во тьму.

Скажи ему, пусть возьмет ключ. Стоит только взять ключ, голоса умолкнут.

Эдди задумался в нерешительности, но всего лишь на мгновение. Рассудок Роланда сейчас балансировал на зыбкой грани и явно клонился не в ту сторону. И, что хуже всего, никто не знал этого лучше, чем сам Роланд. На данном этапе Эдди уже был готов ухватиться за любую — любую! — соломинку.

Он залез под импровизированную подушку из сложенной в несколько раз оленьей шкуры и достал маленький сверток. Подходя к Роланду, Эдди встревожился не на шутку: стрелок не заметил его, пока он не встал в четырех шагах от его неприкрытой спины. А ведь было такое время — и не так, между прочим, давно, — когда Роланд узнавал о том, что Эдди проснулся, еще до того, как тот успевал сесть. Просто по звуку дыхания.

Даже тогда, на морском берегу, он держался лучше, а ведь в те дни он кончался от яда этой омарообразной твари, его укусившей, — угрюмо подумал Эдди.

Роланд наконец повернулся к нему. Глаза у стрелка блестели, и это был блеск усталости и боли. Но тут присутствовало еще кое-что. За блеском в глазах Роланда Эдди не видел, но чувствовал нарастающее смятение, грозившее уже наверняка обернуться безумием, если и дальше ничего не предпринимать. Сердце Эдди защемило от жалости.

— Не спится? — спросил Роланд. Он говорил очень медленно, словно через силу.

— Я вроде уже засыпал, но потом вдруг проснулся. Послушай...

— По-моему, я скоро умру. — Роланд поднял глаза на Эдди. Теперь глаза его больше не сияли. Они походили на два глубоких, темных, будто бездонных, колодца. Смотреть в эти глаза было жутко. Эдди невольно поежился, не столько даже от слов Роланда, сколько от этого странного и пустого взгляда. — И знаешь, Эдди, что я надеюсь найти там, в конце, куда сходятся все пути?

— Роланд...

— Тишину. — Роланд устало вздохнул. — Просто тишину. Этого будет достаточно. Чтобы все это... кончилось.

Он сжал кулаками виски, и Эдди подумалось вдруг: *Я недавно уже это видел. Точно такой же жест. Сжатые кулаками виски. Только я видел кого-то другого. Кого? Где?*

Бред какой-то. Уже месяца два он вообще никого не видел, кроме Роланда и Сюзанны. Но все равно ощущение было подлинным.

— Роланд, я тут кое-что делаю, — сказал Эдди.

Роланд кивнул. Его губы тронула призрачная улыбка.

— Я знаю. И что же? Ты уже можешь раскрыть свой секрет?

— Он тоже, наверное, как-то связан с этим *ка-тетом*.

Пустота в глазах Роланда тут же сменилась задумчивостью. Он внимательно поглядел на Эдди, но ничего не сказал.

— Вот смотри. — Эдди принялся разворачивать сверток.

Ни к чему хорошему это не приведет! — прорвался внезапно голос Генри. Такой громкий и явственный, что Эдди невольно сморщился. — *Просто поделка дурацкая — идиотская деревяшка! Да он со смеху лопнет, когда увидит! Над тобой же и будет смеяться! Скажет: «Нет, вы поглядите только! Наш малявка чего-то там выстругал?»*

— Заткнись, — буркнул Эдди себе под нос.

Стрелок в недоумении приподнял брови.

— Это я не тебе.

Роланд кивнул, как будто ни капельки не удивившись.

— Твой брат часто тебя донимает, да, Эдди?

Эдди на мгновение застыл, изумленный. Он даже про сверток забыл. А потом все-таки улыбнулся, однако улыбка вышла не слишком приятной.

— Теперь реже, чем раньше, Роланд. Спасибо, Господи, и за малые милости.

— Да, — сказал Роланд. — Слишком много их, голосов, тяжким грузом лежащих на сердце... ну да ладно, что там у тебя, Эдди? Пожалуйста, покажи.

Эдди достал ясеневый брусок. Почти законченный ключ выступал из куска деревяшки, точно женская голова — из носа древнего парусника... или рукоять меча — из каменной глыбы. Эдди и сам не знал, насколько точно удалось воспроизвести форму ключа, который явился ему в огне (и не узнает, наверное, до тех пор, пока не найдет нужный замок), но все же надеялся, что достаточно точно. Уверен Эдди был только в одном: это лучшее, что он вырезал из дерева. Пока.

— Боги всевышние, Эдди, красивая штука! — с чувством воскликнул Роланд, казалось, избавившись от обычной апатии, в последнее время его охватившей. В его голосе, прежде вялом

и даже безжизненном, теперь звучали нотки глубокого, чуть удивленного уважения. Никогда раньше Эдди не слышал, чтобы Роланд говорил таким тоном. — Ты закончил уже? Похоже, что еще нет, правильно?

— Да... не совсем. — Эдди провел большим пальцем по третьей зарубке и по s-образному завитку на конце. — Нужно еще доработать вот эту впадинку и подправить чуть-чуть завиток на конце. Не знаю, откуда у меня такая уверенность, я просто знаю, что мне еще нужно сделать.

— Это и есть твой секрет. — Это был не вопрос.

— Да. Мой секрет. Знать бы еще какой.

Роланд повернул голову в сторону. Проследив за направлением его взгляда, Эдди увидел Сюзанну. При этом он испытал несказанное облегчение из-за того, что не он, а Роланд первым услышал, что Сюзанна проснулась.

— Что это вы, мальчики, припозднились? Чем занимаетесь? Сплетничаете помаленьку? — Увидев в руке у Эдди ключ, Сюзанна кивнула, довольная. — Я все думала, когда же ты все-таки соберешься нам его показать. А знаешь, мне нравится. Симпатично. Не знаю, зачем он и что с ним делать, но выглядит, черт побери, мило.

— Значит, ты и сам еще не представляешь, какую дверь он откроет? Или должен открыть? — спросил Роланд у Эдди. — Это в твой *кхеф* не входило?

— Нет... но он, может, на что-нибудь и сгодится, пусть даже он пока не закончен. — Эдди протянул ключ стрелку. — Я хочу, чтобы он был у тебя.

Роланд даже не шевельнулся, чтобы взять ключ. Он только внимательно посмотрел на Эдди.

— Почему?

— Потому что... ну... потому что мне, кажется, кто-то сказал, чтобы я отдал его тебе.

— Кто?

Этот твой мальчик, — подумал вдруг Эдди, и как только мысль эта пришла к нему, он понял, что это правда. — *Твой треклятый мальчишка.*

Но вслух он этого не сказал. Ему вообще не хотелось упоминать сейчас про мальчугана. Иначе Роланд мог опять съехать с катушек.

— Не знаю. Но мне кажется, стоит попробовать.

Роланд медленно протянул руку, чтобы взять ключ. Едва только он прикоснулся к нему, ключ как будто зажегся вспышкой яркого света, но лишь на долю секунды, так что Эдди не был уверен даже, что он вообще это видел. Может, это было всего лишь отражение звездного света.

Роланд сжал в руке ключ, «вырастающий» из деревяшки. Поначалу лицо его оставалось бесстрастным. Потом он вдруг нахмурился и склонил голову набок, как будто прислушиваясь.

— Что такое? — спросила Сюзанна. — Ты слышишь...

— Тс-с-с! — Растерянность на лице Роланда постепенно сменилась искренним изумлением, смешанным с восхищением. Он посмотрел на Сюзанну, потом снова на Эдди. Глаза его переполнялись, казалось, каким-то великим чувством, как кувшин, погруженный в источник, наполняется чистой водой.

— Роланд? — Эдди почему-то встревожился. — С тобой все в порядке?

Роланд что-то прошептал, но Эдди не расслышал, что именно.

Сюзанна выглядела испуганной. Она в отчаянии посмотрела на Эдди, как будто спрашивая: *Что ты с ним сделал?*

Эдди взял ее за руки.

— Все, по-моему, нормально.

Роланд так крепко сжал в кулаке деревянный ключ, что на мгновение Эдди даже испугался, как бы стрелок его не сломал, но дерево было крепким, а ключ Эдди вырезал толстым. Стрелок тяжело вздохнул; кадык его приподнялся и беспомощно опустился, как будто он силился что-то сказать и не мог. А потом Роланд вдруг запрокинул голову и выкрикнул в небеса чистым и сильным голосом:

— ИХ БОЛЬШЕ НЕТ! ГОЛОСОВ! ИХ НЕТ!

Он опять повернулся к ним, и тут Эдди увидел такое, чего он не рассчитывал увидеть за всю свою жизнь, даже если б она растянулась на тысячу лет.

Роланд из Гилеада плакал.

2

Этой ночью, впервые за долгие месяцы, стрелок спал крепко и без сновидений — спал, зажав в руке деревянный ключ, который еще надо было закончить.

3

А там, в другом мире, но под сенью того же *ка-тета,* Джейку Чеймберзу снился сон — самый яркий и самый живой из всех когда-либо ему снившихся.

Он шел по древнему лесу, пробираясь сквозь непролазные заросли — сквозь мертвую зону поваленных деревьев и колючих кустов, что так и цеплялись ему за штанины и норовили сорвать с ног кроссовки. Потом он выбрался к редкой рощице молодых деревьев (ольхи, как ему показалось, или, быть может, бука... в конце концов он был городским мальчиком и плохо разбирался в деревьях; наверняка же знал только одно: на одних растут листья, а на других — иголки) и обнаружил тропинку. Зашагал по ней, чуть ускорив шаги. Впереди виднелась какая-то поляна.

Но еще до поляны Джейк остановился, заметив справа камень, похожий на указатель. Он даже сошел с тропы, чтобы получше его рассмотреть. На камне были выдолблены буквы, но они давным-давно стерлись, так что их уже невозможно было разобрать. В конце концов Джейк закрыл глаза (раньше он никогда так в снах не делал) и принялся водить пальцами по буквам, точно слепой, читающий азбуку Брайля. В темноте, перед закрытыми веками, буквы выстроились в предложение, загоревшееся голубым светом:

ЗНАЙ, ПУТНИК,
ДАЛЬШЕ — СРЕДИННЫЙ МИР.

Джейк, спящий в своей постели, подтянул колени к груди. Рука, сжимавшая ключ, лежала сейчас под подушкой, и там она сжалась крепче.

Срединный мир, — подумалось Джейку во сне. — *Ну конечно. Сент-Луис и Топика, Страна Оз и Всемирная выставка. И Чарли Чу-Чу.*

Там, во сне, он открыл глаза и зашагал к поляне, маячившей за деревьями. Она была вымощена старым потрескавшимся асфальтом. В самом центре ее желтел блеклый круг, очерченный когда-то яркой краской. Джейк понял, что это баскетбольная площадка, до того еще, как заметил другого мальчика. Он стоял в самом дальнем ее конце, у штрафного круга, и упорно бросал в корзину пыльный старый мяч фирмы «Уилсон». Мяч всякий раз попадал точно в кольцо, на котором не было сетки. Кольцо крепилось к некой странной конструкции, похожей на закрытую на ночь будку у входа в подземку. Ее дверь пересекали косые полосы. Желтые попеременно с черными. Из-за будки — или, может быть, из-под нее — доносился размеренный гул каких-то мощных механизмов. Этот звук почему-то встревожил Джейка. Даже напугал.

Не наступи на роботов, — выкрикнул, не оборачиваясь, мальчишка, кидающий мяч. — *Они, по-моему, все дохлые, но на твоем месте я бы не стал рисковать.*

Джейк огляделся вокруг и увидел разбросанные по всей площадке обломки странных механизмов. Один походил на крысу, другой — на летучую мышь. А почти у него под ногами валялась ржавая механическая змея, разломанная на две части.

Ты — это, СЛУЧАЙНО, не я? — спросил Джейк, сделав еще один шаг по направлению к мальчику с мячом «Уилсон», но прежде чем тот обернулся к нему, Джейк уже понял, что это не так. Мальчик был выше его и крупнее. И старше. Лет тринадцати как минимум. Волосы у него были темнее, а когда он поглядел на Джейка, тот увидел, что глаза у мальчишки ореховые. У Джейка же были голубые глаза.

А ты сам как думаешь? — спросил незнакомый мальчишка и, ударив мячом о землю, передал пас Джейку.

Нет. Нет, конечно, — выдавил Джейк извиняющимся тоном. — *Просто в последние три недели со мной творится что-то странное. Меня как будто надвое раздирает.* — Он пристукнул мячом об асфальт и швырнул его в корзину почти с середины поля. Мяч описал в воздухе высокую дугу и бесшумно упал, пролетев через кольцо. Джейк был в восторге... но вместе с тем он боялся. И он даже понял, чего боится: того, что может сказать ему этот странный чужой мальчишка.

Я знаю, — сказал странный мальчик. — *Трудное времечко ты пережил, а?* — На нем были вылинявшие хлопчатобумажные шорты в полоску и желтая футболка с надписью: В СРЕДИННОМ МИРЕ НЕ ЗНАЮТ СКУКИ. Повязанный на лбу зеленый платок не позволял челке падать на глаза. — *И перед тем как все образуется, сначала станет еще хуже.*

Что это за место? Куда я попал? — спросил Джейк. — *И кто ты?*

Это Врата Медведя... но и Бруклин одновременно.

Такой ответ, казалось бы, не имел смысла, и все-таки смысл в нем был. Джейк даже напомнил себе, что так всегда и бывает в снах, вот только сон этот был очень странным. Он не был похож на сон.

А кто я такой, это не важно, — сказал незнакомый мальчишка и бросил мяч через плечо, не глядя. Мяч взлетел высоко в воздух и попал точно в кольцо. — *Я просто должен тебя проводить, вот и все. Я тебя отведу туда, куда тебе нужно прийти, покажу тебе то, что тебе нужно увидеть, но тебе надо будет вести себя осторожно, потому что я сделаю вид, будто мы незнакомы. Но если поблизости есть незнакомые люди, Генри обычно психует. А когда он психует, к нему лучше не подходить. К тому же он тебя старше. Сильнее.*

Кто это — Генри?

Не важно. Просто ты постарайся, чтобы он тебя не заметил. Тебе нужно только идти за нами... и не терять нас из виду. А потом, когда мы уйдем...

Мальчик внимательно посмотрел на Джейка. В глазах его жалость мешалась со страхом. Внезапно Джейк осознал, что мальчишка как будто тает... сквозь желтую его футболку уже начинали проглядывать черные с желтым полоски на двери будки.

А как я тебя найду? — Джейк вдруг испугался, что этот мальчишка исчезнет — растает, — не успев рассказать ему все, что ему нужно знать.

Без проблем, — отозвался тот. Голос его прозвучал точно похожее на колокольный звон странное эхо. — *Садись в подземку и поезжай до Бруклина. Там ты меня и найдешь.*

Нет, не найду! — в панике выкрикнул Джейк. — *Бруклин большой! Там столько людей живет... сто тысяч, наверное!*

Теперь незнакомый мальчишка превратился в туманный, призрачный силуэт. Только ореховые его глаза не исчезли. Они остались, как улыбка Чеширского кота в «Алисе». Они смотрели на Джейка с сочувствием и тревогой. *Без проблем,* — повторил он. — *Ключ ты нашел. Розу тоже. Точно так же найдешь и меня. Сегодня, Джейк, после обеда. Часа в три. Да, в три часа — в самый раз. Только тебе нужно действовать осторожно и быстро.* — Он замолчал на мгновение, призрачный мальчик со стареньким баскетбольным мячом, что лежал у прозрачной его ноги. — *Мне уже пора... было приятно с тобой познакомиться. Похоже, ты парень что надо, не зря же он любит тебя. Однако опасность еще существует. Будь осторожен... и действуй быстро.*

Подожди! — крикнул Джейк и бросился через площадку к исчезающему мальчишке. На бегу он споткнулся об одного из разломанных роботов. О того, что был похож на игрушечный детский трактор. Не устояв на ногах, Джейк упал на колени, разодрав штаны. Не обращая внимания на жгучую боль, он продолжал кричать: *Подожди! Ты мне не все еще рассказал! Ты должен мне много чего рассказать! Объяснить, почему это все происходит! И почему — со мной?!*

Из-за Луча, — отозвался мальчишка, который теперь превратился лишь в пару парящих в пространстве глаз. — *И еще из-за Башни. В конечном итоге все служит ей, Темной Башне,*

даже Лучи. Думаешь, ты какой-то особенный? Думаешь, ты отличаешься чем-то?

Джейк рывком вскочил на ноги.

А его я найду, стрелка?

Я не знаю, — ответил мальчик. Теперь голос его звучал словно издалека, за тысячу миль отсюда. — *Я знаю только одно: ты должен попробовать. Тут, если честно, выбора у тебя нет.*

Мальчишка исчез. Баскетбольная площадка посреди дикого леса теперь опустела. Все затихло, остался лишь гул механизмов под будкой, но Джейку не нравился этот звук. Что-то в нем было не то, и Джейку вдруг почему-то подумалось, что неполадки и сбои этого механизма как-то воздействуют и на розу. Или, может быть, наоборот. Все здесь взаимосвязано, странным образом сплетено воедино.

Он поднял с асфальта старый потертый мяч и бросил его в корзину. Мяч попал точно в кольцо... и пропал.

Река, — выдохнул напоследок голос незнакомого мальчика. Голос легкий, как дуновение ветерка. Голос, идущий словно бы ниоткуда и отовсюду. — *Ответ на загадку: река.*

4

Джейк проснулся с первым молочным лучом рассвета, но встал не сразу, а лежал в постели, глядя в потолок. Он думал о том мужчине в «Манхэттенском ресторане для ума», Эроне Дипно, который шатался по Бликер-стрит еще тогда, когда Боб Дилан только выучился извлекать верхнюю ноту соль из своей старой гитары. Эрон Дипно загадал Джейку загадку.

Нету ног, но на месте она не стоит,
Ложе есть, но она не спит,
Не котел, но бурлит,
Не гроза, но гремит,
Нету рта, но она никогда не молчит.

Теперь он знал ответ. Река. У реки нет ног, но она не стоит на месте, у реки есть ложе, она бурлит и гремит, стало быть, никогда не молчит. Ответ подсказал ему мальчик из сна.

И тут Джейк вдруг вспомнил еще кое-что из того, что говорил ему Эрон Дипно: *Это лишь половина ответа. Загадка Самсона двойная, мой юный друг.*

Джейк посмотрел на часы у кровати. Двадцать минут седьмого. Пора вставать, если он собирается выйти из дома до того, как проснутся родители. На сегодня школа отменяется; Джейк подумал, что, будь его воля, он бы вообще отменил ее, может быть, навсегда.

Отбросив в сторону одеяло, Джейк опустил ноги на пол и вдруг увидел, что у него оцарапаны обе коленки. Причем царапины свежие. Вчера, когда он упал, поскользнувшись на кирпичах, он ушибся левым боком, а потом еще стукнулся головой о кирпич, когда хлопнулся в обморок возле розы, но на колени он точно не падал.

— Это случилось во сне, — прошептал Джейк вслух и, как ни странно, не удивился. Он принялся быстренько одеваться.

5

Из самого дальнего угла шкафа, из-под груды старых кроссовок без шнурков и кипы комиксов про Человека-паука, Джейк извлек свой старенький ранец, с которым ходил еще в начальную школу. Лучше, наверное, сразу отбросить коньки, чем заявиться в школу Пайпера с ранцем — *так — фи — примитивно и так поплебейски, мой дорогой,* — и как только Джейк взял его в руки, на него вдруг накатила волна ностальгии по тем, былым, временам, когда жизнь казалась такой простой.

Он сунул в ранец чистую рубашку, чистую пару джинсов, смену белья, несколько пар носков. Потом уложил еще «Чарли Чу-Чу» и «Загадки». Прежде чем сунуться в шкаф, Джейк положил ключ на стол, и голоса тут же вернулись обратно, однако звучали они приглушенно, словно издалека. К тому же он твердо знал, что теперь в его силах прогнать их снова, стоит только взять ключ. Поэтому нечего было тревожиться.

Ну вот. Кажется, все, — сказал он себе, глядя в ранец. Даже с книгами места осталось достаточно. — *Что еще?*

Вроде бы ничего... но тут он вдруг понял, что едва не забыл одну вещь.

6

В кабинете отца пахло дымом от сигарет и отдавало душком честолюбия.

Надо всем тут царил исполинских размеров письменный стол из тикового дерева. Прямо напротив него на стене, которая в кабинетах обычно отводится под книжные полки, располагались три телеэкрана «Мицубиси». Каждый из них был настроен на один из трех конкурирующих каналов, и по ночам, когда отец поздно засиживался у себя, они выдавали все «новейшие достижения противника», но чисто зрительно — звук отец выключал.

Шторы были задернуты, и Джейку пришлось включить настольную лампу. Он страшно нервничал. Еще бы — без спросу вломиться к отцу в кабинет! Если бы папа проснулся сейчас и застал его здесь (а такое не исключено; независимо от того, как Элмер Чеймберз поздно ложился и сколько пил накануне, он всегда спал очень чутко и вставал спозаранку), он бы здорово распсиховался. Что значительно осложнило бы Джейку задачу: незаметно уйти из дому. И это, как говорится, были бы только цветочки. Чем он быстрее уберется отсюда, тем лучше.

Ящик стола оказался заперт, но Джейк знал, где хранится ключ. Отец и не делал из этого тайны. Джейк выудил ключ из-под книги записей, открыл третий ящик и, просунув руку между папок, нащупал холодный металл.

В коридоре скрипнула половица. Джейк застыл. Прошло несколько секунд, но скрип больше не повторился. Джейк вытащил пистолет, который папа держал у себя для «домашней обороны», — автоматический «ругер» 44-го калибра. В тот день, когда папа купил пистолет, он его с гордостью продемонстрировал Джейку — это было два года назад. При этом папа остался глух к истерическим просьбам жены убрать «эту штуку» подальше, пока никто не пострадал.

На боку пистолета Джейк нашел кнопку, освобождающую зажим обоймы. С тихим щелчком, который в погруженной в молчание квартире прозвучал оглушительным грохотом, она выпала прямо ему на ладонь. Джейк опять с опаской оглянул-

ся на дверь, а потом принялся изучать обойму. Заряжена полностью. Он собрался было вставить ее обратно, но передумал. Одно дело — держать заряженный пистолет в закрытом ящике стола, совсем другое — разгуливать с ним по Нью-Йорку.

Он уложил пистолет на самое дно ранца, снова залез в третий ящик и вытащил из-за папок полупустую коробку с патронами. Джейк вспомнил, что одно время отец упражнялся в стрельбе в тире полицейского участка на Первой авеню, но потом потерял к этому интерес.

Снова скрипнула половица. Надо бы убираться отсюда немедленно — от греха подальше.

Но, пересилив себя, Джейк вынул из ранца рубашку, расстелил ее на отцовском столе и завернул в нее и обойму, и коробку с патронами. Потом уложил этот сверток в рюкзак и закрыл рюкзак на замок. Он собрался уже уходить, как вдруг его взгляд случайно задержался на небольшой стопке почтовой бумаги рядом с корзинкой для исходящей/входящей документации. Поверх стопки лежали зеркальные солнечные очки, папины любимые. Джейк взял лист бумаги, потом, немного подумав, забрал и очки. Положил их в нагрудный карман, вынул тонкую «золотую» ручку из подставки письменного прибора и написал сразу под шапкой на фирменном бланке: *Дорогие папа и мама.*

Тут он остановился и, нахмурившись, уставился на обращение. Хорошо, а что дальше? Что он, собственно, собирается им сообщить? Что он их любит? Это правда, но этого мало — из этой, пусть главной, истины торчит много других, не таких приятных, точно стальные спицы, воткнутые в клубок. Что он будет по ним скучать? Он и сам не знал, правда это или нет, и это было ужасно. Что он очень надеется, что *они* будут скучать *по нему?*

Внезапно он понял, в чем суть проблемы. Если бы он собирался уйти только на день, на сегодня, он бы нашелся, что написать. Но Джейк был почти уверен: это будет не день, не неделя, не месяц и даже не три летних месяца школьных каникул. Он вдруг понял, что на этот раз, стоит ему только выйти из этой квартиры, он больше уже никогда не вернется сюда.

Он хотел уже скомкать листок бумаги, но потом все-таки передумал и написал: *Пожалуйста, поберегите себя, ваш любящий Дж.* Вышло, конечно, коряво, но это хотя бы что-то.

Вот и славно. А теперь хватит уже испытывать судьбу — пора сваливать.

Так он и сделал.

В квартире царила едва ли не мертвая тишина. Джейк на цыпочках перебрался через гостиную, напряженно прислушиваясь. Но услышал он только дыхание спящих родителей: тихое — мамы, легонько сопящей во сне, и звучные носовые рулады отца, каждый вдох которого завершался высоким и тонким присвистом. Когда Джейк вышел в прихожую, на кухне включился холодильник. Джейк на мгновение замер на месте, сердце бешено заколотилось в груди. В следующий миг он уже был у двери. Стараясь по возможности не шуметь, Джейк отпер дверь и, выйдя за порог, тихонько прикрыл ее за собой.

Легонько щелкнул замок. Как только это произошло, у Джейка как будто камень с души упал, вдруг его охватило предвкушение чего-то важного. Он не знал, что его ждет впереди. У него были причины предполагать, что это будет опасное приключение, но ему было всего-то одиннадцать лет, и он не умел еще сдерживать свой восторг. Перед ним лежал дальний путь — тайный путь в глубину неизвестной страны. Ему откроются многие секреты, если только он сможет понять их... и если ему повезет. Он вышел из дома в лучах рассвета, и впереди его ждали невероятные приключения.

Если я выстою и буду искренним, я опять увижу розу, — сказал он себе, вызывая лифт. — *Я это знаю... и еще я увижу его.*

От одной только мысли он преисполнился пылом и рвением, граничащими с настоящим экстазом.

Три минуты спустя Джейк вышел из-под козырька, нависающего над подъездом дома, в котором он прожил всю жизнь. Помедлив мгновение, он повернул налево. Выбор его не казался случайным, да он и не был таким. На юго-восток, вдоль «дорожки» Луча, шагал Джейк, возобновивший свой прерванный поиск Темной Башни.

7

С того дня, когда Эдди отдал Роланду свой незаконченный ключ, минуло уже двое суток. Странники — разгоряченные, потные, измотанные и все трое явно не в настроении — продрались через особенно густые заросли не в меру разросшегося кустарника и молодого подлеска и обнаружили две еле заметные тропинки, бегущие параллельно под сенью переплетающихся ветвей старых деревьев, теснившихся по другую сторону. Пристально приглядевшись, Эдди решил, что это вовсе не две тропинки, а след от древней, давно заброшенной дороги. Кустарник и чахлые деревца выросли беспорядочной перегородкой вдоль выпуклой части ее поперечного профиля. Старая колея — две вдавленные полосы, заросшие травой — оказалась достаточно широкой и вполне подходила под кресло-коляску Сюзанны.

— Гип-гип-ура! — закричал Эдди. — Это надо обмыть!

Роланд кивнул, снял с себя бурдюк с водой, который носил обернутым вокруг пояса, и сначала протянул его Сюзанне — она сидела на своей «упряжи» у него за спиной. При каждом движении стрелка у него под рубашкой легонько покачивался деревянный ключ, отданный ему Эдди. Роланд повесил его на шею на сыромятном шнурке. Сюзанна глотнула воды и передала бурдюк Эдди. Напившись, Эдди принялся раскладывать кресло-коляску. Он давно успел возненавидеть это громоздкое и неуклюжее сооружение, которое ему приходилось последнее время тащить на себе; точно громадный железный якорь, оно висело на них тяжким грузом, существенно их задерживая. Но сохранилась коляска неплохо, не считая разве что парочки сломанных спиц. Бывали дни, когда Эдди казалось, что это чертово креслице переживет их всех. Теперь, однако, его опять можно было использовать по назначению... хотя бы какое-то время.

Эдди помог Сюзанне выбраться из ремней и сесть в коляску. Она закинула руки за голову и от души потянулась, сморщившись от удовольствия. Эдди с Роландом расслышали даже, как хрустнули, расправившись, ее позвонки.

Чуть впереди из зарослей леса высунул морду зверь, похожий на помесь барсука с енотом. Он уставился на путешественников своими большими, с золотым ободком глазами, дернул острой усатой мордочкой, словно бы говоря: «Ну и ну! Ничего себе!», важно прошлепал через дорогу и скрылся в зарослях леса на той стороне. Эдди успел рассмотреть его хвост — длинный и скрученный, точно покрытая мехом пружина.

— Это что за зверюга, Роланд?

— Ушастик-путаник.

— Его едят?

Роланд покачал головой.

— Мясо жесткое. Кислое. *Я бы лучше собаку съел, честное* слово.

— А ты что, их ел? — полюбопытствовала Сюзанна. — Я имею в виду собак.

Роланд кивнул, не вдаваясь в подробности. Эдди вдруг вспомнилась фраза из одного старого фильма с участием Пола Ньюмена: «Да, леди, совершенно верно — ешь собак и живешь как собака».

Где-то в ветвях весело заливались птицы. Вдоль дороги тянуло легким ветерком. Эдди с Сюзанной разом подставили лица этому приятному дуновению и улыбнулись, взглянув друг на друга. Эдди снова — в который раз — осознал, как он ей благодарен, да, это всегда страшновато, когда есть кто-то, любимый тобой... но и прекрасно тоже.

— А кто проложил здесь дорогу? — спросил Эдди Роланда.

— Люди, которых давным-давно нет, — отозвался тот.

— Те же самые люди, что сделали все эти чашки и блюда, которые мы находили? — уточнила Сюзанна.

— Нет... другие. Как я понимаю, когда-то по этой дороге ходили экипажи, и если она еще не заросла окончательно после стольких лет, выходит, она была немаловажной... кто знает, может быть, это остатки Великого Тракта. Если ее раскопать, мы бы, возможно, дорылись до гравия или вообще до дренажной системы. И раз уж мы здесь, я предлагаю немного перекусить.

— Еда! — в неподдельном восторге воскликнул Эдди. — Вынимай все, что есть! Цыпленок по-флорентийски! Полинезийские креветки! Парная телятина, жаренная с грибами и...

— Уймись, белячок, — толкнула его локтем Сюзанна.

— Не могу, — весело отозвался Эдди, — у меня слишком богатое воображение.

Роланд снял с плеча свой мешок и, склонившись над ним, принялся выкладывать их скромный обед из вяленого мяса, завернутого в листья оливкового цвета. Эдди с Сюзанной знали уже, что по вкусу они слегка напоминают шпинат, только гораздо острее.

Эдди подкатил кресло с Сюзанной поближе, и Роланд передал ей три «стрелецких голубца», как обозвал их Эдди. Без лишних слов она принялась за еду.

Повернувшись обратно к стрелку, Эдди увидел, что вместе с тремя кусочками мяса в листьях Роланд протягивает ему кое-что еще. Ясеневый брусок с ключом, «вырастающим» из него. Роланд снял его с кожаного шнурка, который так и остался висеть у него на шее, свободно болтаясь.

— Эй, ты чего? — Эдди не понял. — Я же тебе его дал!

— Когда я снимаю его, голоса возвращаются, но теперь словно бы издалека, — объяснил Роланд. — Теперь я могу с ними справиться сам. Если честно, я слышу их даже тогда, когда он у меня... но, знаешь, как голоса людей, которые переговариваются негромко на соседнем холме. Это, наверное, потому, что ключ еще не закончен. Ты за него и не брался эти два дня, пока я его носил.

— Ну... ты же носил его, и я не хотел...

Роланд ничего не сказал, он только пристально посмотрел на Эдди своими выцветшими голубыми глазами, и взгляд его был исполнен терпения учителя.

— Ну хорошо, — сдался Эдди. — Я просто боюсь его запороть. Теперь ты доволен?

— Если верить твоему брату, ты всегда все запарывал... правда? — вдруг спросила Сюзанна.

— Сюзанна Дин, выдающаяся женщина-психолог всех времен и народов! Ты не поняла, в чем твое истинное призвание, дорогая моя.

Его неприкрытый сарказм не обидел Сюзанну. Приподняв бурдюк с водой на локте — так южане пьют из кувшина, — она сделала жадный глоток.

— Но все равно я права? Или нет?

Эдди подумал вдруг о рогатке, которую он тоже так до сих пор и не закончил, во всяком случае, пока, и только пожал плечами, не сказав ни слова.

— Ты должен закончить его, — мягко проговорил Роланд. — Мне кажется, близится время, когда он тебе понадобится.

Эдди открыл было рот, но потом передумал. Легко сказать — «должен закончить»! Постороннему человеку легко, но ни Роланд, ни Сюзанна не поняли, кажется, самого главного. На этот раз Эдди не мог ограничиться ни семьюдесятью, ни восьмьюдесятью, ни девяноста восьмью с половиной процентами. Нет. А если он все же запорет работу, он не сможет на этот раз просто так выкинуть неудавшуюся поделку и напрочь о ней забыть. Во-первых, он больше не видел здесь ясеневых деревьев с того самого дня, когда срезал вот эту ветку. Но самое главное, он понимал: тут уже или все, или ничего. Середины нет. Если он сейчас напортачит с ключом пусть даже самую малость, ключ, когда дело дойдет до того, чтобы отпереть нужную дверь, просто не повернется в замочной скважине. И эта маленькая загогулина на конце... она все не давала ему покоя. Вроде бы ничего сложного нет, но если изгиб будет хоть чуточку отличаться...

В таком виде, в каком он сейчас, он действительно никуда не годится, и ты это знаешь.

Эдди вздохнул, пристально глядя на ключ. Да, хотя бы что-то он знает наверняка. Он должен закончить свою работу. Должен хотя бы попробовать. Его боязнь все испортить будет очень ему мешать. Но придется ему перебороть свой страх и все равно попытаться. Может быть, у него и получится. Одному Богу известно, сколько пришлось ему испытать и побороть в себе за все эти недели, что прошли с того памятного поворотного дня,

когда Роланд ворвался в его сознание на борту самолета, заходящего на посадку в аэропорту Джона Кеннеди. Уже то, что он жив и находится в здравом рассудке, само по себе достижение немалое.

— Ты пока поноси его, — сказал Эдди, протянув ключ обратно Роланду. — Вечером, после ужина, я за него возьмусь.

— Обещаешь?

— Ага.

Роланд кивнул, забрал ключ и снова повесил его на шнурок на шее. Ему пришлось повозиться с узлом, но Эдди все же заметил, как ловко, пусть даже и медленно, стрелок управляется правой рукой, а ведь на ней не хватает двух пальцев. Воистину поразительна человеческая способность приспосабливаться ко всему!

— Что-то такое должно случиться. Да? — вдруг спросила Сюзанна. — И уже скоро.

— С чего это ты взяла? — Эдди внимательно на нее посмотрел.

— Послушай, Эдди, ведь мы как бы спим с тобой вместе, и для меня не секрет, что тебе теперь каждую ночь снятся сны. Иногда ты во сне разговариваешь. Вряд ли тебя донимают кошмары, но в одном я уверена: что-то в башке у тебя происходит.

— Да. Что-то там происходит. Знать бы еще, что именно!

— В снах таится великая сила, — заметил Роланд. — Ты вообще ничего не помнишь, что тебе снилось в последнее время?

Какое-то время Эдди молчал в нерешительности.

— Кое-что помню, — выдавил он наконец. — Но они очень сумбурные, эти сны. Часто мне снится, что я снова мальчишка. Школьник. Вот это я помню. Уроки закончились. Мы с Генри режемся в баскетбол на старой площадке, что была на Марки-авеню. Сейчас там здание суда для несовершеннолетних правонарушителей. Я хочу, чтобы Генри сводил меня в одно место в Датч-Хилле. К одному старому дому. Местные называли его особняком. И все говорили, что в доме живут привидения. Может, они там и жили, не знаю. Знаю только, что там было страшно. То есть *по-настоящему* страшно.

Эдди покачал головой, погрузившись в воспоминания.

— Впервые за столько лет я почему-то вспомнил про особняк, когда мы были на той поляне, у медвежьего логова, и я прислонился башкой к этой дурацкой будке. Не знаю... быть может, поэтому мне и начали сниться сны.

— Но ты не уверен, — сказала Сюзанна.

— Вот именно. Мне кажется, то, что со мной происходит, гораздо сложнее, чем просто какие-то воспоминания.

— А вы с братом ходили в то место? — спросил Роланд.

— Да... я его уговорил.

— Что-нибудь там с вами произошло?

— Ничего. Но мне все равно было страшно. Мы постояли там и посмотрели на дом, а потом Генри начал меня дразнить... говорил, что заставит меня войти и взять там какой-нибудь сувенирчик на память, что-то вроде того... но я знал, что он просто так шутит. Пугает меня. Потому что он сам был напуган не меньше меня.

— И это все? — напирала Сюзанна. — Тебе просто снится то место? Дом с привидениями? Особняк? Как вы туда идете?

— Нет, не только. Появляется кто-то еще... только он не подходит, а держится поодаль. Я его вижу во сне, всегда вижу, но... как бы это сказать... краем глаза, ну вы понимаете? И твердо знаю одно: мы должны делать вид, будто мы незнакомы.

— А в тот день, когда вы ходили туда, там действительно кто-то был? — поинтересовался Роланд, пристально глядя на Эдди. — Или он только во сне появляется, этот «кто-то»?

— Не помню уже. Это было давно. Мне тогда было не больше тринадцати. Как я мог все запомнить?

Роланд молчал.

— Ну хорошо, — сдался в конце концов Эдди. — Да. Мне кажется, он там *был*. Какой-то мальчишка со спортивной сумкой или рюкзаком за плечами, я точно не помню. И в солнцезащитных очках, явно ему больших. Такие, знаете, с зеркальными стеклами.

— И кто это был? — спросил Роланд.

Эдди надолго задумался. У него еще оставался последний «голубец а-ля Роланд», но аппетит вдруг пропал.

— Мне кажется, это тот мальчик, с которым ты встретился на дорожной станции, — выдавил он наконец. — Мне кажется, это твой старый друг Джейк шел за нами в тот день, когда мы с Генри отправились в Датч-Хилл. По-моему, он за нами следил. Потому что ему тоже слышатся голоса, так же, как и тебе, Роланд. И еще потому, что мы с ним видим друг друга во сне, я — его, он — меня. У нас общие сны. И, мне кажется, все то, что я помню якобы из прошлой жизни, на самом деле происходит сейчас, только во времени Джейка. Парень пытается возвратиться сюда. Он скоро отважится на последний шаг, и если я не закончу к этому времени ключ или вдруг не сумею доделать его, как нужно, тогда не исключено, что он погибнет.

— Может быть, у него есть свой ключ, — задумчиво проговорил Роланд. — Возможно такое, как ты считаешь?

— Да, мне кажется, у него есть ключ. Только этого мало. — Тяжело вздохнув, Эдди убрал последний свой «голубец» в карман. На потом. — Но он, по-моему, этого не знает.

8

Они пошли дальше, по левой колее. Эдди с Роландом сменяли друг друга, толкая по очереди коляску, в которой сидела Сюзанна. Коляска подпрыгивала на ухабах, ее то и дело швыряло из стороны в сторону, и время от времени им приходилось приподнимать коляску, чтобы перетащить ее через камни, торчавшие из земли точно старые почерневшие зубы. Но они все равно продвигались быстрее, чем всю последнюю неделю. Дорога шла в гору. Раз оглянувшись через плечо, Эдди увидел, что лес у них за спиной постепенно уходит вниз широкими уступами наподобие ступеней пологой лестницы. Вдалеке на северо-западе виднелась лента воды, стекавшей по скалам, прорезанным сетью глубоких трещин. С удивлением Эдди понял, что это то самое место, которое они окрестили своим «стрельбищем». Теперь оно почти скрылось из виду в мареве сонного летнего дня.

— Смотри, куда едешь, парниша! — резко окликнула его Сюзанна. Эдди опять повернулся вперед. Как раз вовремя, что-

бы не въехать коляской в Роланда. Тот, как выяснилось, остановился и внимательно вглядывался в гущу кустарника слева от колеи.

— Предупреждаю: еще раз подобное повторится, и я у вас отбираю водительские права, — съязвила Сюзанна.

Эдди, следящий за направлением взгляда Роланда, пропустил ее реплику мимо ушей.

— Что там такое?

— Сейчас поглядим. — Роланд повернулся, приподнял Сюзанну с коляски и усадил ее себе на бедро.

— Опусти тетку обратно, силач... дама сама в состоянии передвигаться. И не хуже вас, мальчики, если хотите знать.

Роланд осторожно опустил Сюзанну на заросшую травой колею. Эдди внимательно вглядывался в чащу леса. День уже близился к вечеру, и свет его пробивался сквозь паутину переплетенных теней, но вскоре ему показалось, что он что-то видит. Внимание Роланда, похоже, привлек большой серый камень, едва различимый за буйной порослью дикого винограда и ползучих побегов.

С подлинно змеиной грацией Сюзанна скользнула в заросли у края дороги. Роланд и Эдди последовали за ней.

— Указатель какой-то, да? — Опираясь на руки, Сюзанна внимательно изучала прямоугольную каменную плиту. Когда-то камень стоял вертикально, но теперь пьяно склонился набок, точно древнее покосившееся надгробие.

— Да. Дай мне нож, Эдди.

Передав ему нож, Эдди присел на корточки рядом с Сюзанной. Роланд тем временем принялся остервенело срезать побеги дикого винограда, оплетавшие каменную плиту. Под ними открылись стершиеся буквы, выбитые в камне. Стрелок не успел очистить и половины, а Эдди уже догадался, что там написано:

ЗНАЙ, ПУТНИК,
ДАЛЬШЕ — СРЕДИННЫЙ МИР.

9

Сюзанна первой нарушила затянувшееся молчание.

— И что это значит? — тихо спросила она, и в ее голосе явственно слышался благоговейный страх. Взгляд ее возвращался опять и опять к серому каменному постаменту.

— Это значит, что первый этап пути мы почти прошли, — ответил Роланд с лицом задумчивым и серьезным, возвращая нож Эдди. — Мы и дальше, я думаю, будем держаться этой древней проезжей дороги, вернее, если так можно сказать, она будет держаться нас. Она тоже идет по пути Луча. Уже скоро мы выйдем из леса. Я ожидаю больших перемен.

— А что еще за Срединный мир? — спросил Эдди.

— Одно из самых великих и самых больших королевств, чье владычество в прежние времена было почти безграничным на этой земле. Царство надежды, знания и света — всего, за что и мы тоже боролись в нашей стране, пока ее не накрыла тьма. Когда-нибудь, если у нас будет время, я расскажу вам все древние саги... по крайней мере те, которые знаю. Из них, как из множества нитей, сплетен гобелен сказаний. Очень красивый и очень печальный. Как повествуется в древних легендах, когда-то у самой границы Срединного мира стоял большой город... не меньше, наверное, чем ваш Нью-Йорк. Сейчас он, должно быть, лежит в руинах. А то, может статься, даже и руин от него не осталось. Но там могут быть люди... или чудовища... или и те, и другие. Так что нам надо держаться настороже.

Он протянул вперед искалеченную правую руку и прикоснулся к надписи на камне.

— Срединный мир, — медленно произнес стрелок. — Кто бы мог подумать...

Он не договорил, но Эдди понял, что он хотел сказать.

— И с этим уже ничего не поделаешь, да?

Стрелок покачал головой.

— Ничего.

— *Ка,* — неожиданно обронила Сюзанна, и оба, Роланд и Эдди, пристально на нее посмотрели.

10

До заката еще оставалось, наверное, часа два, и странники, не тратя времени даром, отправились дальше. Дорога по-прежнему пролегала на юго-восток, вдоль Луча, только теперь в нее влились еще две дорожки поменьше, тоже густо заросшие травой. Вдоль второй, сбоку, тянулись остатки когда-то высокой каменной стены, теперь обвалившейся и покрытой мхом. Неподалеку, среди руин, расположились ушастики. Дюжина толстых зверюг. Они, не таясь, наблюдали за путниками любопытными глазками с золотым ободком. Эдди еще подумал, что они чем-то напоминают присяжных, у которых уже готов смертный приговор подсудимому.

Дорога теперь стала шире, четче. Дважды они прошли мимо строений, давно заброшенных и опустевших. Второе здание, сказал Роланд, когда-то, наверное, было мельницей. Сюзанна сказала, что выглядит оно жутковато. Там, должно быть, живут привидения.

— Я бы не удивился, — ответил на это стрелок таким спокойным и даже небрежным тоном, что Эдди с Сюзанной действительно стало жутко.

Наконец совсем стемнело, и им поневоле пришлось остановиться. Лес заметно поредел. Бриз, овевавший их своим легким дуновением весь день, теперь превратился в мягкий, теплый ветер. Впереди дорога по-прежнему поднималась в гору.

— Дня через два доберемся до гребня, — сообщил Роланд, — тогда и увидим.

— Что мы увидим? — спросила Сюзанна, но Роланд только плечами пожал в ответ.

В тот вечер Эдди снова занялся резьбой, не ощущая, однако, истинного вдохновения. Былая уверенность и настоящая радость, которыми он преисполнился в тот знаменательный день, когда из куска древесины начали проступать первые очертания ключа, теперь иссякли. Пальцы казались какими-то оцепенелыми и неуклюжими. Впервые за эти последние месяцы он с тоской подумал о том, как бы было кстати вколоть себе порцию героина. Совсем немножко. Какая-нибудь пятидолла-

ровая упаковочка — и никаких проблем с этим дурацким ключом. За полчаса бы его закончил.

— Ты чему улыбаешься, Эдди? — спросил Роланд. Он сидел с той стороны костра; между ними в причудливом танце трепетали низкие языки пламени, волнуемые ветром.

— А я что, улыбаюсь?

— Да.

— Просто подумал, какими тупыми иной раз бывают люди... оставь их в комнате с шестью дверями, а они все равно будут биться о стену лбом. А потом еще возмущаться по этому поводу.

— Когда боишься того, что ты можешь увидеть за дверью, биться о стену, наверное, безопаснее, — предположила Сюзанна.

Эдди кивнул.

— Может быть.

Он работал неторопливо, пытаясь увидеть в дереве точную форму ключа — и особенно эту маленькую загогулину на конце, — но очень скоро он понял, что нужный образ, казалось бы, намертво запечатленный в его сознании, потускнел.

Прошу тебя, Господи, помоги мне, пожалуйста. Не дай мне его запороть, — мысленно взмолился Эдди, в глубине души все-таки опасаясь, что он уже начал его запарывать. Наконец он сдался, вернул ключ (который за вечер практически не изменился) стрелку, улегся, укрывшись одной из шкур, и буквально минут через пять погрузился опять в этот сон про парнишку на баскетбольной площадке, что на старой Марки-авеню.

11

Джейк вышел из дома примерно без четверти семь, так что ему предстояло убить где-нибудь больше восьми часов. Он поначалу решил сразу спуститься в подземку и доехать до Бруклина, но потом рассудил, что это не самая лучшая мысль. На окраине мальчик, который внаглую прогуливает занятия, привлечет больше внимания, чем в центре огромного города, но с другой стороны, если ему и вправду придется еще *поискать* то

место и мальчика из его сна, с которым он должен там встретиться, то надо бы побеспокоиться об этом заранее.

Без проблем, — сказал тогда мальчик в желтой футболке с зеленой повязкой на лбу. — *Ключ ты нашел. Розу тоже. Точно так же найдешь и меня.*

Загвоздка, однако, в том, что Джейк не помнил уже, как ему удалось найти ключ и розу. Он помнил лишь радость и чувство уверенности, переполнявшие его сердце и разум. Оставалось только надеяться, что это повторится опять. А тем временем он продолжал идти. Верный способ привлечь к себе в Нью-Йорке нежелательное внимание — это без дела стоять на месте.

Он прошелся пешком почти до Пятой авеню, потом повернул обратно и вернулся назад, но уже по соседней улице, ближе к центру, ориентируясь по светофорам (может быть, он подсознательно понимал, что они тоже служат Лучу). Около десяти часов Джейк обнаружил, что вышел к художественному музею «Метрополитен» на Пятой авеню, разгоряченный, усталый, подавленный. Ему очень хотелось пить, но он не стал покупать себе лимонад — денег было немного, и он не хотел тратить их понапрасну. Перед уходом он опустошил до последнего цента копилку, но сумму набрал смехотворную: долларов восемь плюс-минус несколько центов.

Перед входом в музей выстроилась группа школьников. Должно быть, их привели на экскурсию. Наверное, бесплатная средняя школа, решил Джейк. Одеты так же небрежно, как сегодня оделся он сам. Никаких тебе блейзеров от Пола Стюарта, никаких галстуков и джемперов, никаких простеньких с виду юбочек, которые стоят сто двадцать пять баксов в бутиках типа «Мисс Юное Очарование» или «Твинити». Все одеты, что называется, по-молодежному. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, Джейк пристроился к группе ребят и прошел вместе с ними в музей.

Вся экскурсия заняла час с четвертью. Джейку она понравилась. В музее, главное, было тихо. И еще там работали кондиционеры. И картины были красивые. Особенно Джейку понравилось небольшое собрание Фредерика Ремингтона из се-

рии «Дикий Запад». И большая картина Томаса Харта Бентона: по бескрайним равнинам мчался в Чикаго пускающий дым паровоз, а на полях, подступающих к самым путям, стояли в комбинезонах и соломенных шляпах фермеры и провожали его глазами. Двое учителей, сопровождавших экскурсию, не заметили Джейка до самого конца. Только уже на выходе симпатичная негритянка в строгом синем костюме, похлопав Джейка по плечу, поинтересовалась, кто он такой.

Джейк не заметил, как она к нему подошла. На мгновение он похолодел. А потом, не задумываясь о том, что он делает, Джейк сунул руку в карман и зажал в кулаке серебряный ключ. В голове сразу же прояснилось. Джейк моментально успокоился.

— Мой класс там, наверху, — улыбнулся он чуть виновато. — У нас занятие по современному искусству, но мне больше нравится то, что здесь, потому что это настоящие картины. Так что я... ну, понимаете...

— Смылся? — подсказала учительница. Уголки ее рта задрожали, как будто она едва сдерживала улыбку.

— Я бы лучше сказал, что ушел по-французски, тихонько, без долгих прощаний. — Слова произносились как будто сами, без участия Джейка.

Школьники удивленно таращились на него, но на этот раз их учительница от души рассмеялась:

— Ты либо вообще не знал, либо забыл, но во французском Иностранном легионе дезертиров расстреливали на месте. Так что, мой юный друг, возвращайся скорее туда, где твой класс.

— Да, мэм. Спасибо. Они все равно уже скоро закончат.

— А из какой ты школы?

— Из «Академии Марки», — выпалил Джейк не задумываясь.

Он поднимался по лестнице, прислушиваясь к бестелесному эху шагов и приглушенных голосов, звучавших под куполом круглого зала, и все думал, с чего бы он это сказал. Он в жизни не слышал о школе с таким названием — «Академия Марки».

12

Какое-то время он постоял в холле верхнего этажа, но вскоре заметил, что на него то и дело со все возрастающим любопытством поглядывает одна из музейных служащих. Джейк решил, что ждать дальше нет смысла — оставалось надеяться только на то, что класс, к которому он пристраивался, уже ушел.

Джейк посмотрел на часы, изобразив на лице изумленное выражение, которое, как он надеялся, означало бы что-то вроде: «О Господи! Как я опаздываю!» — и торопливо спустился вниз. Класс — и симпатичная учительница-негритянка, которая рассмеялась, когда он упомянул уход по-французски — уже ушел. Джейк решил, что ему тоже пора уходить. Он еще погуляет немного по улице — медленно, чтобы не так чувствовалась жара, — а потом сядет на поезд подземки.

На углу Бродвея и Сорок второй он задержался у стойки с хот-догами и из скудных запасов наличности купил себе один. Чтобы поесть, Джейк присел на ближайшую лестницу у здания банка, и это, как оказалось, было грубейшей ошибкой с его стороны.

К нему направился полицейский. Казалось, он занят только своей дубинкой, которую сосредоточенно вертел в руке — этак ловко и замысловато. Но едва поравнявшись с Джейком, легавый быстро сунул дубинку за пояс и повернулся к нему.

— Привет, парень. Чего сидим? В школе сегодня свободный день?

Джейк уже доедал сосиску, но последний ее кусок вдруг застрял в горле. Да уж, везет как утопленнику... если слово «везение» здесь вообще уместно. Здесь, на Таймс-сквер, в самом средоточии «грязной» Америки, где табунами шатаются проститутки, толкачи, наркоманы и попрошайки, полицейский, не обращая внимания на них, вяжется почему-то к нему.

Джейк не без труда проглотил застрявший в горле кусок сосиски.

— У нас уже начались экзамены, — принялся он объяснять. — Сегодня был только один. Я его первым сдал, и меня отпустили. — Джейк умолк на мгновение, вдруг сообразив,

что ему очень не нравится этот внимательный, пристальный взгляд полицейского. — Мне разрешили уйти, — неуверенно добавил он.

— Я так и понял. Есть у тебя какие-нибудь документы?

У Джейка екнуло сердце. Неужели его папа с мамой уже позвонили в полицию? С учетом вчерашнего это вполне вероятно. При обычных обстоятельствах полиция вряд ли бы стала искать пропавшего ребенка, тем более что отсутствовал Джейк только полдня, но его папа — большая шишка на телевидении, и он всегда с гордостью упоминал о своих многочисленных связях. Джейк не думал, что у полицейского есть его фотография... но его имя он мог запомнить.

— Ну... — нерешительно начал Джейк, — ...у меня с собой только ученический проездной. На автобус маршрута Срединного мира. Других документов нет.

— Какого такого Срединного мира? Впервые слышу. Это где? В Куинсе?

— Центрального маршрута, я хотел сказать, — быстро поправился Джейк. Господи, что он такое болтает? Это же совсем в другой стороне... — Знаете? На Тридцать третьей?

— Ага. Ну давай, проездной тоже сойдет. — Легавый протянул руку.

Какой-то черный с неопрятными длинными патлами, рассыпающимися по плечам его канареечно-желтого пиджака, оглянулся на них.

— Заберите его, офицер, — весело гаркнул он. — Заберите его, мелкого беложопого пакостника! Выполняйте свой долг!

— Заткнись, Эли, и дуй отсюда, — процедил полицейский свозь зубы, даже не обернувшись к нему.

Эли расхохотался, продемонстрировав несколько золотых зубов, и отправился восвояси.

— А почему вы у него не просите документы? — невинно полюбопытствовал Джейк.

— Потому что сейчас меня больше интересуешь ты. Давай-ка, сынок, свой билет.

То ли родители сообщили уже в полицию и легавый знал его имя, то ли просто почувствовал что-то неладное — и это,

наверное, вовсе не удивительно, поскольку во всем этом жутком районе Джейк был единственным белым мальчишкой, который явно не искал себе приключений. Но, как ни крути, вывод отсюда один: идея присесть тут и съесть сосиску была, очевидно, не самой удачной. Но ведь он стер ноги и, черт возьми, по-настоящему проголодался — проголодался.

Ты меня не остановишь, — подумал Джейк. — *Я не позволю тебе меня сцапать. Сегодня мне надо быть в Бруклине, у меня там назначена встреча... И я попаду туда. Попаду.*

Вместо того чтобы достать бумажник, Джейк сунул руку в карман, вытащил ключ и показал его полицейскому. Солнечные лучи, отразившись от серебристой поверхности, заплясали кружочками света на лбу и щеках легавого. Тот вытаращил глаза.

— Эй! — выдохнул он. — Это что у тебя, малыш? Дай-ка мне.

Он потянулся к ключу, но Джейк отвел руку подальше. Круги отраженного света подрагивали на лице полицейского, словно гипнотизируя его.

— А вы что, так не можете прочитать? — спросил Джейк. — Обязательно вам его забирать?

— Нет, зачем же?

Выражение любопытства стерлось с лица полицейского. Широко раскрытыми глазами он завороженно, не отрываясь, смотрел только на ключ. Но взгляд его не был пустым. Джейк прочел в нем изумление и нежданную радость. *Это все я,* — вдруг подумалось Джейку. — *Где бы я ни появился, повсюду я приношу радость и свет. Вопрос только в том, что мне теперь делать?*

Молодая женщина в ярко-красных вызывающих туфлях на шпильках в добрых три дюйма (явно не библиотекарша, судя по тем же туфлям, шелковым зеленым шортам и прозрачной блузке) прошла мимо, энергично виляя задом. Сначала она посмотрела на легавого, потом — на Джейка. Ей, должно быть, стало любопытно, на что так таращится полицейский. Увидев ключ, она так и застыла на месте с отвисшей челюстью. Рука ее сама потянулась вверх и замерла у горла. Сзади на нее налетел

мужчина и разразился длинной гневной тирадой насчет того, что, мол, нечего тут торчать столбом посреди дороги. Молодая женщина — явно не библиотекарша — не обратила на него внимания, хотя в другой ситуации она бы, наверное, нашлась что ответить. Теперь Джейк заметил, что вокруг него собралось уже человек пять. И все смотрели на ключ точно так же, как иной раз прохожие наблюдают за ловким «наперсточником», обдирающим на углу какого-нибудь легковерного простофилю.

Тоже мне, конспиратор фигов, — подумал Джейк. Взглянув поверх плеча легавого, он заметил на той стороне вывеску аптеки. «Аптека Денби. Торговля со скидкой», — сообщала вывеска.

— Меня зовут Том Денби, — сообщил он полицейскому. — На этой льготной карте так и написано. Том Денби. Верно?

— Все верно, — выдохнул полицейский, потерявший к Джейку всяческий интерес. Теперь его занимал только ключ. Пятнышки отраженного света по-прежнему плясали на его лице.

— Вы ведь не Тома Денби искали, да?

— Да, — подтвердил полицейский. — Я вообще это имя впервые слышу.

Уже с полдюжины человек столпились вокруг полицейского, и все смотрели в немом изумлении на серебряный ключ в руке Джейка.

— Я, значит, могу идти?

— Что? Ах да! Да, конечно... иди себе с Богом!

— Спасибо.

Однако Джейк на мгновение застыл в нерешительности, не зная, *как* он пойдет. Его окружала толпа молчаливых зомби, и с каждым мгновением она росла. Сначала люди, наверное, подходили, чтобы узнать, в чем дело, но, увидев серебряный ключ, замирали как вкопанные и таращились на него.

Джейк поднялся на ноги и начал медленно отходить по ступенькам вверх, держа ключ перед собой, словно дрессировщик, защищающийся табуретом от подступающих к нему львов. Лишь поднявшись на широкую бетонную площадку

на самом верху, он убрал ключ обратно в карман, развернулся и побежал.

Остановился он только раз, на самом дальнем конце площадки. Остановился и оглянулся. Застывшая группа людей, которые так и стояли вокруг того места, где только что сидел Джейк, постепенно возвращалась к жизни. Они озадаченно переглядывались и расходились. Легавый растерянно посмотрел налево, потом направо, потом задрал голову и уставился в небо, словно стараясь вспомнить, как он вообще здесь очутился и что собирался делать. Джейк увидел достаточно. Самое время искать ближайшую станцию подземки и уносить ноги в Бруклин, пока не случилось еще чего-нибудь.

13

Без четверти два он поднялся из подземки и встал на углу Кастл и Бруклин-авеню, глядя на здание башни и дожидаясь, когда к нему снова придет это чувство уверенности, что направляло его в тот раз, — что-то вроде способности «вспоминать» будущее. Но оно не пришло. То есть вообще *ничего* не пришло. Он был всего лишь мальчишкой, самым обычным мальчишкой, стоящим на жарком бруклинском перекрестке, а у его ног, точно усталый щенок, примостилась короткая тень.

Ну вот, я приехал... и что теперь?

Ни малейшего представления.

14

Странники поднялись наконец на вершину высокого пологого холма и остановились там, глядя на юго-восток. Долгое время они молчали. Дважды Сюзанна порывалась заговорить, но не произносила ни слова. В первый раз в жизни эта всегда языкастая женщина не нашлась что сказать.

Внизу простиралась равнина, бескрайняя, разморенная золотыми лучами летнего солнца. Высокие сочные травы изумрудно-зеленого цвета. Рощи деревьев с широкими кронами и прямыми стройными стволами. Сюзанна однажды видела та-

кие деревья в рекламном фильме какого-то туристического агентства. Фильм был про Австралию.

Дорога, которой они все это время держались, огибала холм и с противоположной его стороны опять устремлялась — прямая, будто струна — на юго-восток: яркая белая линия в буйной зелени трав. Дальше на западе, в нескольких милях отсюда, мирно паслось небольшое стадо каких-то крупных животных. С виду они походили на буйволов. На востоке виднелся лес, вдающийся искривленным мысом в зеленое море равнины. Эта темная полоса непролазных зарослей походила на сжатую в кулак руку, выброшенную вперед.

Сюзанна вдруг поняла, что в этом же направлении тянулись все трещины в камне и все ручьи, попадавшиеся им на пути. Ручьи были притоками полноводной реки, что вытекала из леса и потом тихо и плавно несла свои сонные воды под летним солнцем к восточному краю мира. Большая река, широкая — мили, наверное, две от берега до берега.

И еще с холма был виден город.

Он безжизненно лежал прямо пред ними — подернутое легкой дымкой скопление башен и шпилей, возносящихся над горизонтом. Эти словно сложенные из воздуха бастионы могли находиться за сотню, две сотни, четыреста миль отсюда. Воздух этого мира казался невообразимо прозрачным, и определить расстояние на глаз здесь было трудно. Почти невозможно. Только одно знала Сюзанна наверняка: вид этих далеких, размытых в солнечном мареве башен переполнял ее тихим восторгом, и немым изумлением... и глубокой щемящей тоской по Нью-Йорку. *Я бы, наверное, все отдала, чтобы еще раз увидеть Манхэттен с моста Трайборо,* — вдруг подумалось ей.

Она сама улыбнулась нежданной мысли. Потому что Сюзанна знала, что это неправда. Правда была в другом. Теперь она ни на что уже не променяет Роландов мир. Ее пьянили его пустынные просторы и таинственная тишина. Но самое главное, с ней рядом человек, которого она любит. Дома, в Нью-Йорке, во всяком случае, в том Нью-Йорке, каким он был в ее время, их союз стал бы поводом для вечных насмешек и злобного раздражения, всякий, кому не лень, любой идиот отпус-

кал бы в их адрес оскорбительные замечания и грязные шуточки: чернокожая женщина двадцати шести лет и ее белый любовник, который на три года младше ее и имеет к тому же привычку шепелявить, когда возбужден или взволнован. Ее белый любовник, который недавно совсем освободился от пагубного своего пристрастия к наркоте. А ведь еще месяцев восемь назад он таскал за плечами громадную обезьяну. А здесь, в мире Роланда, никто не смеется над ними, никто их не поддевает. Никто не тычет в них пальцем. Здесь нет никого. Только Роланд, Эдди и она — трое последних стрелков.

Она взяла Эдди за руку, ей было приятно чувствовать ее успокаивающее тепло.

— Это, наверное, река Сенд, — тихо проговорил Роланд, указав на широкую полосу воды. — Вот уж не думал, что мне доведется ее увидеть... Если честно, я даже не верил, что она вообще существует. Как и Стражи с Вратами.

— Здесь так красиво, — вымолвила Сюзанна, не в силах оторвать взгляд от этих необозримых просторов, что пролегали до самого горизонта, дремлющих в колыбели роскошного лета. Взгляд ее то и дело скользил по густой тени деревьев, растянувшейся, казалось, на многие мили по этой зеленой равнине, озаренной лучами клонящегося к горизонту солнца. — Такими, наверное, были и наши Великие равнины, пока там не обосновались первые поселенцы... еще до того, как пришли индейцы. — Свободной рукой она указала туда, где полоска Великого Тракта сужалась в единую точку. — А это твой город. Да?

— Да.

— Выглядит вроде бы ничего, — сказал Эдди. — Разве такое возможно, Роланд? Чтобы он до сих пор сохранился? Ваши древние строили так основательно?

— В наше время возможно все, — отозвался Роланд, но голос его прозвучал не особенно убедительно. — Но лучше все-таки не обольщаться, Эдди, и не тешить себя надеждой.

— Что? Да я, в общем, и не обольщаюсь. — Однако Эдди сейчас покривил душой. В сердце Сюзанны этот размытый в солнечном мареве город пробудил щемящую тоску по дому; у

Эдди же вспыхнула искра надежды. Если город стоит, если он до сих пор сохранился — а он сохранился, это же ясно, — там могут быть люди. Настоящие люди, а не чокнутые уроды, потерявшие человеческий облик, которые встретились Роланду в недрах гор. Люди в городе могли быть (*американцами, — прошептало его подсознание*) разумными и готовыми оказать им посильную помощь; они, возможно, даже подскажут усталым путникам, как им добраться до цели... и как избежать смерти на этом пути. Перед мысленным взором Эдди предстала такая заманчивая картина (навеянная, должно быть, фильмами типа «Последнего звездного воина» и «Темного кристалла»): совет суровых, но справедливых старцев, городских старейшин, подносит им яства, приготовленные лучшими поварами из продуктов, извлеченных из неистощимых городских кладовых (или выращенных в садах, защищенных стеклянными куполами от пагубного воздействия окружающей среды), а пока они с Роландом и Сюзанной вкушают изысканные блюда, а проще сказать — набивают желудки, почтенные старцы им все растолкуют: что их ждет впереди и что все это значит. А на прощание они им подарят подробный атлас автомобилиста, одобренный Американской автомобильной ассоциацией, с отмеченной красным фломастером самой удобной дорогой к Башне.

Эдди не знал выражения deus ex machina*, но все-таки понимал — дорос уже до понимания, — что такие гостеприимные мудрецы существуют исключительно в сказочных комиксах и фильмах для детей. Но ему все равно не давала покоя пьянящая мысль, что где-то в этом пустынном опасном мире сохранился анклав древней цивилизации — страна мудрых добрых эльфов, которые им расскажут и разъяснят, что, черт возьми, делать дальше. А сказочные очертания города на этом подернутом легкой дымкой горизонте лишь придавали ему уверенности, что такое хотя бы не исключено. Но даже если там никого нет, если жители города давным-давно сгинули, умерли от какой-то страшной эпидемии или погибли в великой войне с применением химических ядов, им все равно обя-

* Букв. «бог из машины», т.е. неожиданная развязка, происходящая благодаря случайности или вмешательству сверхъестественных сил.

зательно нужно зайти в этот город... он мог послужить им хотя бы как склад всяких полезных вещей — этакая гигантская база снабжения сухопутных войск и военно-морского флота, где они разживутся всем необходимым для долгого и многотрудного путешествия, которое, а в этом Эдди ни капельки не сомневался, ждет их впереди. К тому же Эдди был, что называется, «городским ребенком», он родился и вырос в городе, и один только вид этих высоких домов и башен придал ему бодрости и поднял настроение.

— Ну хорошо! — Эдди хотелось смеяться. — Полный вперед! Навстречу великим мудрым эльфам!

Сюзанна озадаченно на него покосилась. Но при всем том она улыбалась.

— С чего бы ты так возбудился, мой мальчик?

— Просто так. Ни с чего. Не обращай на меня внимания. Мне просто не терпится поскорее отправиться в путь. Что скажешь, Роланд? Ты не хочешь...

Но что-то в лице стрелка — за внешним его спокойствием неуловимый намек на какую-то смутную и печальную грезу — заставило Эдди прерваться на полуслове. Он умолк и приобнял Сюзанну за плечи, как будто хотел защитить ее.

15

Роланд лишь мельком взглянул на город на горизонте, а потом его взгляд случайно упал на нечто, находящееся гораздо ближе к холму, на вершине которого странники стояли сейчас, и стрелка вдруг охватила тревога. Дурное предчувствие. Он уже видел такое раньше. И в последний раз, когда это случилось, с ним был Джейк. Роланд вспомнил, как они выбрались наконец из пустыни и направились дальше, по следам человека в черном, через холмы к горам. Путь был нелегким, но там зато появилась опять вода. И трава.

Как-то ночью стрелок проснулся и обнаружил, что Джейка нет рядом. Из ивовой рощи, где протекал ручей, доносились какие-то вопли, сдавленные и отчаянные. Кричал Джейк. К тому времени, когда Роланд продрался сквозь заросли на по-

ляну, сокрытую в роще, крики мальчика стихли. Роланд нашел его. Джейк стоял точно в таком же месте, что виднелось сейчас за холмом впереди. Место древних камней, место жертвоприношений, место, где обитает оракул... и провидит под давлением силы... и убивает, когда выпадает возможность.

— Роланд? — встревожился Эдди. — В чем дело? Что-то не так?

— Видишь вон там? — указал Роланд пальцем. — Говорящий круг. Эти высокие штуки — стоящие камни. — Роланд вдруг поймал себя на том, что во все глаза смотрит на Эдди, с которым встретился в первый раз в пугающей, но удивительной воздушной карете в том, другом, странном мире, где стрелки носят синюю форму, есть в изобилии сахар, бумага и чудесные снадобья вроде астина. На лице Эдди сейчас появилось какое-то странное выражение... как будто он знал наперед, что с ним будет. И знание это его не обрадовало. Свет надежды, зажегшийся у него в глазах при виде города на горизонте, теперь угас, и взгляд его стал тусклым и сумрачным. Так, наверное, приговоренный к смерти преступник смотрит на виселицу, на которой его должны вздернуть.

Сначала Джейк, теперь Эдди, — подумал стрелок. — *Беспощадно великое колесо, что раскручивает наши жизни. Описав полный круг, оно всегда возвращается к той же точке.*

— Вот черт! — В голосе Эдди, вырывающемся из пересохшего горла, явственно слышался страх. — Знаешь, по-моему, именно там твой парнишка попытается перебраться сюда.

Стрелок кивнул.

— Вполне вероятно. Эти места опасны, но они *притягательны.* Я уже как-то спасал его из такого же точно круга. Провидица, хранившая этот круг, едва не убила его.

— Но откуда ты *знаешь?*— спросила у Эдди Сюзанна. — Ты видел сон?

Эдди лишь покачал головой.

— Сам не знаю. Но как только Роланд показал на эти дурацкие камни... — Он на мгновение умолк и внимательно посмотрел на стрелка. — Нам надо спуститься туда. И как можно скорее. — В его голосе перемешались неистовый пыл и страх.

— Это случится сегодня? — спросил Роланд. — Ночью?

Эдди опять покачал головой и облизал вдруг пересохшие губы.

— Не знаю. Я не уверен. Сегодня? Сегодня вряд ли. Время... здесь оно не такое, как там, где сейчас твой парнишка. Оно движется медленнее в его мире. Может быть, завтра. — Если до этого Эдди еще удавалось справляться с паническим страхом, вдруг его охватившим, то теперь он прорвался наружу. Неожиданно он повернулся и схватил Роланда за грудки, скомкав рубаху стрелка своими холодными влажными пальцами. — Мне нужно было закончить ключ, а я его не закончил. И я должен был сделать еще кое-что, но я понятия не имею, что именно. Так что теперь, если мальчик погибнет, это будет *моя вина!*

Роланд оторвал руки Эдди от своей рубахи.

— Возьми себя в руки.

— Роланд, ты не понимаешь...

— Я понимаю, что нечего хныкать и ныть. Так все равно ничего не решишь. Я понимаю, что ты забыл лицо своего отца!

— Я тебя умоляю! Что за бред ты опять несешь?! Да меня, если хочешь знать, вообще не гребет мой папаша! — выкрикнул Эдди, впадая в истерику, и Роланд влепил ему добрую оплеуху. Звук удара был точно треск сломанной ветки.

Голова Эдди дернулась в сторону; он широко распахнул глаза, как будто не веря случившемуся, и ошарашенно уставился на Роланда. Потом медленно поднял руку и прикоснулся к наливающемуся кровью отпечатку ладони на своей щеке.

— Ах ты, *гад!* — прошептал он. Рука легла на рукоять револьвера на левом бедре. Сюзанна попробовала перехватить руку Эдди, но он оттолкнул ее.

Готовься, учитель, — сказал себе Роланд. — *Сейчас тебе предстоит преподать ему очередной урок. Только на этот раз от этого урока зависит и моя жизнь, и его.*

Где-то вдали, в тишине, хрипло прокаркала ворона, и Роланду вдруг вспомнился его сокол. Давид. Теперь *Эдди* был его соколом... и ему — точно так же, как когда-то Давиду — нельзя

давать ни малейшего послабления, иначе он просто ничтоже сумняшеся вырвет наставнику глаз.

Или вцепится в глотку.

— Хочешь меня застрелить? Чтобы все кончилось так... Ты этого хочешь, Эдди?

— Знаешь, приятель, меня уже заколебал этот твой репертуарчик. — Слезы и ярость туманили Эдди взор.

— Ты не закончил ключ. Потому что, как тебе кажется, ты боишься его закончить. Но это не так. Ты боишься другого. Ты боишься однажды понять, что не сможешь его закончить. Ты боишься спуститься к стоящим камням, но не из-за того, что с тобой может случиться, когда ты войдешь в их круг. Ты боишься, что там ничего не случится. Не большой мир страшит тебя, Эдди, а маленький мир, что внутри тебя. Ты забыл лицо своего отца. Так что давай. Застрели меня, если тебе хватит смелости. Мне надоело смотреть, как ты вечно плачешься.

— Прекрати! — закричала Сюзанна, не выдержав. — Ты что, не видишь, что он это сделает?! Что ты сам *вынуждаешь* его это сделать?!

Роланд пристально на нее посмотрел.

— Я только хочу, чтобы он принял решение. Сам. — Он опять повернулся к Эдди, и лицо его в сети глубоких морщин было суровым и непреклонным. — Ведь тебе удалось освободиться от призрака героина. И тень брата больше не донимает тебя, мой друг. Теперь тебе остается одно: освободиться от собственной тени. Если тебе хватит смелости. Так что давай. Освободись или убей меня. Выбирай. *И покончим уже со всем этим.*

На мгновение ему показалось, что Эдди именно так и поступит и все закончится прямо здесь, на вершине холма, под безоблачным летним небом, неподалеку от города, призрачной тенью встающего на горизонте. Но тут вдруг у Эдди дернулась щека. Твердая линия губ смягчилась, они задрожали. Он убрал руку с сандаловой рукояти Роландова револьвера. Грудь его судорожно поднялась... раз... другой... третий. Из горла вырвался сдавленный полустон-полукрик, исполненный ужаса и отчаяния. Эдди шагнул к Роланду, нетвердо, как будто вслепую.

— Да, мать твою, я боюсь! Неужели ты не понимаешь, Роланд? Я боюсь!

Ноги его подкосились, и он начал падать. Роланд успел подхватить его и крепко прижал к себе, чувствуя запах потной и грязной кожи, запах страха и слез.

Еще пару мгновений стрелок постоял, обнимая дрожащего Эдди, потом отстранился и повернул его лицом к Сюзанне. Эдди упал на колени рядом с ее коляской, устало свесив голову. Она положила ладонь ему на затылок и прижала голову Эдди к своему бедру.

— Иногда я тебя ненавижу, — с горечью проговорила она, обращаясь к Роланду.

Роланд сдавил кулаками виски.

— Я сам себя иногда ненавижу.

— Но тебя это не останавливает тем не менее?

Роланд не ответил. Он посмотрел на Эдди, который полулежал на земле, прижавшись щекой к бедру Сюзанны и зажмурив глаза. Лицо его выражало вселенскую скорбь и отчаяние. Роланд не без труда подавил в себе подступающую усталость, справившись с искушением перенести это во всех отношениях полезное и «приятное» обсуждение на какой-нибудь другой день. Если Эдди не ошибся, то другого дня у них может *не быть*. Джейк готов. Почти уже решился на последний шаг. А Эдди было предначертано судьбой встретить мальчика в этом мире. Сыграть роль этакой повивальной бабки. И если Эдди не будет готов, Джейк может погибнуть на входе, как погибает новорожденный, когда материнская пуповина обвивается вокруг его шеи во время схваток.

— Вставай, Эдди.

В первый миг Роланду показалось, что Эдди так и будет лежать, скорчившись на земле и пряча лицо у бедра женщины. Если так, все потеряно... и это тоже ка. Но Эдди встал. Пусть медленно, нехотя, но он встал. Все его тело — голова, плечи, руки и волосы — безвольно обвисло. Но он все же поднялся. И это только начало.

— Посмотри на меня.

Сюзанна встревоженно зашевелилась, но на этот раз промолчала.

Эдди медленно поднял голову и дрожащей рукой убрал прядь волос, упавшую на глаза.

— Он твой и должен быть у тебя. Я сделал ошибку. Мне не стоило брать его у тебя, какой бы она ни была, моя боль. — Стрелок рывком сорвал с шеи шнурок с ключом и протянул его Эдди. Тот потянулся за ним, как во сне, но руку Роланд разжал не сразу. — Ты постараешься сделать, что должен? Что нужно сделать? Ты обещаешь?

— Да, — выдохнул Эдди почти неслышно.

— Ты ничего мне не хочешь сказать?

— Мне, наверное, нужно попросить прощение за свой страх. — В голосе Эдди было что-то ужасное. У Роланда вдруг защемило сердце. Потому что он, похоже, знал причину: сейчас Эдди прощался с детством, болезненно, трудно. Этого не увидишь, но Роланду казалось, что он слышит какие-то слабые всхлипы. Плач уходящего детства. Он изо всех сил старался остаться глухим.

Еще одна жертва во имя Башни. Мой счет растет, как давний счет пьяницы в кабаке, а время, когда мне придется платить по нему, приближается с каждым днем. Вот только сумею ли я расплатиться?

— Мне не нужно твоих извинений, и уж тем более за страх, — сказал он. — Кем бы мы были без страха? Уже не людьми, а бешеными псами с пеной на морде и засохшим на лапах дерьмом.

— Тогда что тебе нужно? — Эдди снова сорвался на крик. — Ты и так забрал все... все, что я мог тебе дать! Нет, даже больше, потому что я все-таки извинился в конце... ты забрал у меня даже это, последнее! *Что тебе надо еще от меня?*

Роланд молча держал в руке ключ — их шанс спасти Джейка Чеймберза. Он не сказал больше ни слова. Он только смотрел в глаза Эдди, а над зеленым простором равнины сияло солнце, и под солнцем поблескивала река Сенд, отливая сероватой синевой. Где-то вдали, в золотых угасающих отблесках летнего дня, снова прокаркала ворона.

Прошло какое-то время. Постепенно взгляд Эдди Дина преисполнился пониманием.

Роланд кивнул.

— Я забыл лицо... — Эдди запнулся. Понурил голову. Тяжело сглотнул. Снова поднял глаза на стрелка. То, что объединяло их прежде и едва не умерло сегодня, вернулось опять — Роланд это увидел. Все, что было между ними плохого, ушло. Здесь, на этом открытом ветрам холме, залитом солнечным светом, на краю бытия все плохое ушло навсегда. — Я забыл лицо своего отца, стрелок... и я молю даровать мне прощение.

Роланд разжал ладонь и отдал ключ тому, кому предназначено было владеть им, ибо так предрешило *ка*.

— Не говори так, стрелок, — вымолвил Роланд Высоким Слогом. — Твой отец зрит тебя... он тебя любит... и я тебя тоже люблю.

Эдди взял ключ, крепко зажал его в кулаке и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Пойдемте, — выдавил он, и они стали спускаться по долгому склону холма к равнине, что простиралась под ними до самого горизонта.

16

Джейк медленно шел по Кастл-авеню, мимо пиццерий, баров и винных погребков, где старушенции с недоверчивыми физиономиями самозабвенно чистили картошку и выжимали сок из помидоров. Ремни ранца натерли подмышки. Ноги болели. Он прошел под цифровым термометром, который показывал восемьдесят пять градусов по Фаренгейту*. А Джейку казалось, что все сто пять**.

Впереди на Кастл-авеню с боковой улицы вырулила полицейская машина. Джейк неожиданно заинтересовался витриной магазина садового инвентаря. Он встал спиной к улице и стоял так до тех пор, пока в стекле не проплыло черно-белое отражение. Как только машина проехала, он двинулся дальше.

---

* Около тридцати градусов по Цельсию.

** Около сорока градусов по Цельсию.

Эй, Джейк, старина, и куда же ты, собственно, направляешься?

Ни малейшего представления. Он твердо знал только одно: мальчишка, которого он сейчас ищет — мальчишка с зеленой повязкой на лбу и в желтой футболке с надписью В СРЕДИННОМ МИРЕ НЕ ЗНАЮТ СКУКИ, — где-то близко, но что из того? Иголка в большом стоге сена, каким был для Джейка Бруклин.

Он миновал переулок, где стены домов были испещрены надписями краской из аэрозольных баллончиков. В основном именами: ЭЛЬ-ТЬЯНТЕ-91, ГОНСАЛЕС СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, МАЙК-ФУРГОН, — но среди них попадались слова и фразы, имеющие хоть какой-то смысл, пусть и неясный. Взгляд Джейка наткнулся на две такие.

РОЗА — ЭТО РОЗА — ЭТО РОЗА —

было написано на кирпичной стене ярко-красной когда-то краской, которая стала теперь пепельно-розовой — цвета той розы, распустившейся на пустыре, где когда-то стоял магазинчик деликатесов «Том и Джерри». Чуть ниже густой синей краской — она казалась едва ли не черной — кто-то вывел совсем уже странное обращение:

Я МОЛЮ ДАРОВАТЬ МНЕ ПРОЩЕНИЕ.

Что еще за ерунда? — призадумался Джейк. Он не знал. Быть может, какая-то фраза из Библии... но надпись буквально тянула его к себе, завораживала, как гипнотический взгляд змеи птицу. Наконец он сумел оторвать взгляд от стены и пошел дальше, медленно и задумчиво. Была уже почти половина третьего. Тень под ногами его начала удлиняться.

Впереди него медленно шел старик, опираясь на суковатую палку и стараясь держаться поближе к домам, в теньке. Его карие глаза перекатывались за толстыми стеклами старомодных очков, точно два здоровенных яйца.

— Молю даровать мне прощение, сэр, — крикнул Джейк ему в спину, не сознавая, что он говорит, и даже не слыша своего голоса.

Старик обернулся и уставился на него, моргая от удивления и испуга.

— Не приставай ко мне, мальчик. — Он приподнял свою клюку и неуклюже замахнулся ею на Джейка.

— Вы случайно не знаете, сэр, есть здесь где-нибудь поблизости школа, называется «Академия Марки»? — выпалил Джейк первое, что пришло в голову. Прозвучало, конечно, глупо, но ничего лучше он не придумал.

Старик медленно опустил клюку — ему, наверное, польстило обращение «сэр» — и вытаращился на Джейка с рассеянным интересом, в котором сквозило некоторое безумие, свойственное дряхлым старикам, впавшим в маразм.

— А почему ты не в школе, мальчик?

Джейк устало усмехнулся. Опять та же песня.

— У нас экзамены. А сюда я пришел, чтобы увидеться с другом. Он в «Академии Марки» учится. Простите, если я вас потревожил.

Он осторожно обошел старика (очень надеясь, что тому не придет в голову шлепнуть его напоследок клюкой по заднице — так, на счастье) и добрался почти до угла, как вдруг старик завопил ему вслед:

— Эй, мальчик! Мальчи-и-и-и-ик!

Джейк обернулся.

— Нету здесь никакой «Акидемии Марки», — сообщил старик. — Я тут живу уже двадцать два года. Если б была, я бы знал. Марки-авеню, да, есть. Но никакой такой «Акидемии».

От неожиданного возбуждения у Джейка скрутило живот. Он развернулся и шагнул обратно к старику, который тут же приподнял клюку, принимая оборонительную позицию. Джейк немедленно остановился, так, чтобы их разделяла полоса безопасности хотя бы футов в двадцать.

— А где она, сэр? Марки-авеню? Вы мне не подскажете?

— А чего ж, подскажу, — отозвался старик. — Говорю же тебе, я тут уже двадцать два года живу. В двух кварталах отсюда.

Возле кинотеатра. «Маджестик» он называется, повернешь налево. Только тут нет никакой «Акидемии Марки». Никакой такой «Акидемии».

— Спасибо, сэр! Спасибо!

Джейк развернулся и поглядел вперед. Да, все правильно — в двух кварталах отсюда над тротуаром нависал типовой козырек кинотеатра. Он рванулся туда сломя голову, но, подумав как следует, рассудил, что не надо бы лишний раз привлекать внимание, и перешел с бега на шаг. Быстрый шаг.

Старик проводил его взглядом.

— *Сэр!*— в замешательстве пробормотал он себе под нос. — *Сэр,* однако!

Фыркнув от смеха, он двинулся дальше.

17

С наступлением сумерек путники остановились. Стрелок выкопал неглубокую яму и развел в ней костер. Им не нужно было готовить ужин, но им нужен был свет. Эдди требовался свет. Чтобы закончить ключ.

Стрелок оглянулся и увидел одну Сюзанну — темный силуэт на фоне темнеющего аквамаринового неба. Эдди поблизости не наблюдалось.

— Где он? — спросил Роланд.

— Он там, на дороге. Не трогай его сейчас, Роланд... он сегодня и так от тебя натерпелся.

Роланд кивнул, склонился над ямой и высек искру, чиркнув огнивом по кремню. Костер разгорелся быстро. Стрелок подкинул туда еще хворосту и сел ждать, когда придет Эдди.

18

А Эдди сидел на земле в полумиле от лагеря, посередине Великого Тракта. Сидел по-турецки, держа незаконченный ключ в руках, и смотрел на вечернее небо. Впереди вспыхнула искра и загорелся огонь. Эдди сразу же понял, что делает Роланд... и почему. Он опять поднял глаза к темному небу. Ни-

когда в жизни не чувствовал он себя так одиноко. Никогда в жизни он так не боялся.

Небо было *огромным* — Эдди не доводилось еще видеть столько бескрайнего пространства, столько чистой, ничем не запятнанной пустоты. По сравнению с этим безбрежным небом он чувствовал себя маленьким и ничтожным, и это казалось правильным. Он занимал слишком незначительное место в мироздании.

Мальчик был уже близко. Эдди, похоже, знал, где сейчас Джейк и что он собирается делать. Одна только мысль об этом наполняла его изумлением, для выражения которого не было слов. Сюзанна пришла из 1963 года. Сам он — из 1987-го. А между ними... Джейк. Пытающийся совершить переход. Пытающийся снова родиться, но уже в другом мире.

Мы с ним встречались, — подумал Эдди. — *Должны были встречаться, и мне кажется, я помню... что-то такое. Как раз перед тем, как Генри ушел в армию, да? Он учился тогда на курсах при Бруклинском политехническом институте и ходил во всем черном: черные джинсы, черные мотоциклетные ботинки со стальными носками, черные футболки с закатанными рукавами. Стиль а-ля Генри Джеймс Дин. Доморощенный форсила. Я всегда его так называл про себя, но упаси Боже вслух, иначе он бы взъелся на меня.*

Тут Эдди вдруг сообразил, что то, чего он дожидался, сидя здесь в одиночестве на дороге и размышляя, уже случилось: на небе показалась Старая Звезда. Скоро — через пятнадцать минут или, может быть, и того меньше — вокруг нее загорится целая россыпь созвездий, но пока что в девственной тьме сияла она одна.

Эдди медленно поднял ключ перед глазами так, чтобы звезда оказалась в центральной зарубке, и прочел старое заклинание своего мира, которому его научила мама. Помнится, они опускались вдвоем на колени перед открытым окном и читали, глядя на первую звездочку, что загоралась на небе в вечерней тьме над крышами и пожарными лестницами Бруклина:

— Вижу первую звезду, по секрету ей шепну: у меня, звезда ночная, есть желание одно, я тебе его доверю, пусть исполнится оно.

Старая Звезда мерцала в зарубке ключа — бриллиант, пойманный в ясеневую ловушку.

— Дай мне мужества, — попросил Эдди. — Это мое желание. Дай мне силы закончить в конце концов эту штуковину, черт бы ее побрал.

Он еще пару минут посидел на дороге, потом медленно поднялся и пошел к лагерю. Там он уселся поближе к костру, молча достал нож стрелка и принялся за работу, не перекинувшись словом ни с Роландом, ни с Сюзанной. Тонкие завитки стружки слетали с s-образного кончика. Эдди работал быстро, вертя ключ к руках то одной, то другой стороной, время от времени закрывая глаза и проводя большим пальцем по деревянным бороздкам. Он старался не думать о том, что будет, если не выйдет нужной формы, — это бы наверняка его парализовало.

Роланд с Сюзанной сидели тут же, у него за спиной, и молча наблюдали за ним. Наконец Эдди выпрямился и отложил нож. Пот ручьями стекал по лицу.

— Этот твой мальчик, — обратился он к Роланду. — Джейк. Храбрый, наверное, пацан.

— Под горами он вел себя храбро, — отозвался Роланд. — Боялся, конечно, но виду не подавал.

— Жаль, что я так не могу.

Роланд пожал плечами.

— У Балазара ты дрался отважно, а ведь у тебя отобрали одежду. Всегда очень трудно сражаться голым, но ты сумел. И неплохо.

Эдди попытался припомнить подробности упомянутой перестрелки в ночном клубе, но все в сознании его сливалось в какое-то расплывающееся пятно: только дым, шум и свет, пробивавшийся через стену беспорядочными перекрестными лучами. Стену, наверное, разворотили выстрелы из автоматов. Да, скорее всего. Но он не решился бы утверждать это наверняка.

Он поднял ключ вверх, чтобы на фоне костра четко обозначились все его зарубки, и долго держал его так, приглядываясь в основном к s-образному завитку на конце. Вроде ключ вышел точно таким же, каким Эдди помнил его из сна и из того мимолетного видения в огне... и все же ему не давало покоя смутное *ощущение* «чего-то не того». Почти такой же, но не совсем.

Это все из-за Генри. Опять. Из-за всех этих лет, в течение которых ты был «чего-то не того». Ты его сделал, приятель... и сделал по высшему классу. Просто Генри внутри тебя не желает признать это.

Эдди тщательно завернул ключ в кусочек кожи.

— Все. Я закончил. Не знаю, насколько идеально я с ним справился, но я сделал все, что мог. — Теперь, когда Эдди закончил ключ и ему больше не надо было об этом думать, он вдруг ощутил какую-то странную пустоту в душе. Бесцельную и бессмысленную.

— Поешь чего-нибудь, Эдди? — тихо спросила Сюзанна.

Вот твоя цель, — сказал он себе. — *Вот он, твой смысл. Сидит с тобой рядом, сложив на коленях руки. Вся цель и весь смысл, которые есть у тебя и были...*

Но тут в его сознании возникло нечто — возникло в один миг. Не сон... не видение...

Не видение и не сон. Это память. Так уже было и вот опять... ты вспоминаешь будущее.

— Мне нужно сначала еще кое-что сделать. — Эдди поднялся на ноги.

С той стороны костра Роланд свалил в кучу охапку хвороста для растопки. Перерыв ее всю, Эдди нашел подходящую сухую палку длиной чуть больше двух футов и толщиной в четыре дюйма, вернулся с ней на прежнее место возле самого костра и снова достал нож Роланда. На этот раз он работал быстрее. Никаких творческих вывертов. Просто заострил палку с одного конца наподобие колышка для палатки.

— Мы до рассвета сумеем выйти? — спросил он стрелка. — Мне кажется, мы должны прийти к этому кругу как можно скорее.

— Конечно. Если нужно, мы можем выйти и раньше. Правда, я не хотел бы идти в темноте... по ночам говорящие камни небезопасны... но надо — значит, надо.

— Судя по твоему выражению, старина, эти камушки небезопасны в любое время, — сказала Сюзанна.

Эдди отложил нож. Земля, которую Роланд выкопал, роя яму для костра, лежала кучкой у его правой ноги. Острым концом своей палки Эдди вывел в сырой земле знак вопроса. Знак вышел четким.

— Ну вот, — заключил он, стирая его. — Теперь все.

— Пожалуйте кушать, — сказала Сюзанна.

Эдди честно попытался что-нибудь проглотить, но есть ему не хотелось. Когда же он наконец уснул, примостившись к теплому боку Сюзанны, сон его был неглубоким, но зато без видений. Сквозь сон Эдди слышал непрекращающийся вой ветра, и ему представлялось, что он летит вместе с ним высоко в ночи, прочь от дневных забот и тревог, а Древняя Матерь со Старой Звездой невозмутимо мерцают над ним, обдавая космическим холодом его щеки.

В четыре утра Роланд его разбудил.

19

— Пора, — сказал Роланд.

Эдди сел. Рядом с ним, растирая ладонями заспанное лицо, поднялась Сюзанна. Едва в голове у него прояснилось со сна, Эдди весь преисполнился неудержимым пылом.

— Да. Идемте, и побыстрее.

— Он уже близко, да?

— Очень близко. — Эдди встал на ноги, приподнял Сюзанну и усадил ее на коляску.

В ее взгляде читалась тревога:

— А мы успеем?

Эдди кивнул.

— Но впритык.

Три минуты спустя они снова брели по Великому Тракту, что призрачно мерцал в темноте. А еще через час, когда небо

окрасилось первыми проблесками зари, разгорающейся на востоке, путники начали различать далеко впереди монотонный ритмичный гул.

Барабаны, — подумал Роланд.

Машины, — подумал Эдди. — *Какие-то механизмы.*

Сердце, — сказала себе Сюзанна. — *Огромное сердце, больное... оно еще бьется... и оно в этом городе, куда нам предстоит войти.*

Прошло два часа. Странный звук замер так же внезапно, как и появился. В небе начали скапливаться облака — безликие белые облака с рваными очертаниями. Сначала они затянули солнце, потом все небо. До круга стоящих камней оставалось еще миль пять. В пасмурном утреннем свете, не дающем тени, камни чернели, как зубы поверженного чудовища.

20

В КИНОТЕАТРЕ «МАДЖЕСТИК» — НЕДЕЛЯ СПАГЕТТИ-ВЕСТЕРНА! —

прочитал Джейк на выцветшем потрепанном рекламном щите, выставленном на углу Бруклин- и Марки-авеню. —

ДВЕ КЛАССИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ СЕРДЖИО ЛЕОНЕ*! НЕМНОГО ЗАЖИГАТЕЛЬНОГО СЕКСА ПЛЮС ЗЛОДЕЙСТВА И УЖАСЫ! БИЛЕТЫ НА ВСЕ СЕАНСЫ — 99 ЦЕНТОВ.

В кассе сидела симпатичная девушка с миленькими белокурыми кудряшками и, пожевывая жвачку, с интересом читала одну из бульварных газеток, от которой так тащится миссис Шоу. В приемнике у нее надрывались «Лед Зеппелин». Слева от кассы, на щите для афиш, красовался огромный портрет Клинта Иствуда.

---

* Серджио Леоне — итальянский кинорежиссер, создатель так называемого итальянского вестерна, или спагетти-вестерна.

Джейк знал, что ему надо спешить — было уже почти три, — но он все-таки задержался на пару минут у входа в киношку, глядя на плакат под грязным потрескавшимся стеклом. На Иствуде был мексиканский плед. В зубах — сигара. Один край пестрого пончо перекинут небрежно через плечо, приоткрывая на поясе револьвер. Глаза бледно-голубые, точно вылинявшие. Глаза стрелка.

Это не он, — осадил себя Джейк. — *Но почти он. В основном из-за глаз... глаза очень похожи. Почти такие же.*

— Ты дал мне упасть, — сказал он вслух, обращаясь к стрелку на стареньком плакате... к стрелку, который не был Роландом. — Тогда я умер из-за тебя. А что будет на этот раз?

— Эй, малыш, — окликнула Джейка блондинка в кассе. Он даже вздрогнул от неожиданности. — Билетик берем или как?

— Не, — сказал Джейк. — Я эти фильмы уже смотрел.

Он прошел дальше и повернул налево, на Марки-авеню.

Он ждал, когда снова появится это странное ощущение — как бы *воспоминание о будущем.* Но оно не пришло. Улица так и осталась всего лишь улицей, самой обычной: жаркая, залитая солнцем, с жилыми домами по обеим сторонам. Их унылый песчаный цвет почему-то ассоциировался у Джейка с тюремными коридорами. На улице не было никого, кроме нескольких молодых мамаш, неспешно прогуливавшихся парами по тротуару, толкая перед собой коляски и лениво переговариваясь друг с другом. Было не по сезону жарко. Слишком жарко для мая. Слишком жарко для прогулок.

Что я ищу? Что?

За спиной у него раздался хриплый смех. Мужской смех. За ним последовал рассерженный женский окрик:

— Сейчас же отдай!

Джейк подскочил на месте, почему-то решив, что сердитый этот окрик предназначался ему.

— Отдай, Генри! Я не шучу!

Оглянувшись, он увидел двух парней. Одному было лет восемнадцать, другой был намного моложе... лет двенадцати-тринадцати. При виде этого второго мальчишки сердце у Джейка

подпрыгнуло и будто перевернулось. Вместо полосатых шортов на мальчике были «вельветки» зеленого цвета, но желтую его футболку Джейк узнал тут же. К тому же под мышкой пацан держал старенький баскетбольный мяч. И хотя он стоял спиной, Джейк сразу понял, что мальчишку из сна он нашел.

21

Как выяснилось, кричала та самая симпатяшка со жвачкой из кассы. Старший из двух ребят — такой уже взрослый с виду, что его вполне можно было назвать мужчиной, одетый в черные джинсы и в черную же футболку с закатанными рукавами — отобрал у нее газету и держал ее над головой, ухмыляясь.

— А ты подпрыгни за ней, Марианна! Прыгай, девочка, прыгай!

Девушка из кассы сердито уставилась на него. Щеки ее раскраснелись.

— Отдай, Генри! Хватит дурачиться. Отдай, кому говорю! *Идиот!*

— Нет, ты только послушай, Эдди! — возмутился старший. — *Как* она обзывается! Нехорошо, юная леди! — Продолжая ухмыляться, он помахал газетой перед самым носом у девушки, но так, чтобы она не сумела ее отобрать, и Джейк внезапно все понял. Они возвращались вдвоем — хотя, судя по разнице в возрасте, если только Джейк не ошибся, учились они в разных школах, — и старший подошел к кассе, делая вид, будто хочет сказать блондинке что-то важное и интересное, потом протянул руку через окошко и быстро выхватил у нее газету.

Джейку уже приходилось видеть лица, как у этого старшего парня, — такие рожи бывают у пацанов, считающих верхом веселья облить кошке хвост зажигательной смесью или скормить голодной бродячей собаке хлебный шарик с рыболовным крючком внутри. Это они забавляются тем, что дергают на уроке девчонок за бретельки бюстгальтеров, а потом начинают изображать этакую оскорбленную невинность — «Кто? Я? Да вы что,

как можно?!», — когда кто-то из девочек все же не выдержит и пожалуется преподавателю. Таких в школе Пайпера было не много, но все-таки они были. Такие, наверное, есть в каждой школе, разве что в школе Пайпера они одеваются подороже. Но лица у них такие же. В прежние времена говорили, что с такой рожей виселицы не избежать.

Марианна все же подпрыгнула, чтобы достать газету, которую парень в черной футболке и черных джинсах свернул в трубочку. Но в последний момент он отвел руку в сторону и шлепнул блондинку газетой по голове, как строгий хозяин шлепает пса, напрудившего на ковер. Теперь у девушки потекли слезы... не из-за газеты, а из-за обиды и унижения. Лицо ее так раскраснелось, что казалось — оно горит.

— Ну и забирай ее! — закричала она. — На здоровье! Читать, я знаю, ты не умеешь, так хотя бы картинки посмотришь!

Она повернулась, чтобы снова сесть за кассу.

— Отдай, ну чего ты, на самом деле? — тихонько сказал младший мальчик — «знакомый» Джейка.

Старший протянул девушке свернутую в трубочку газету. Та быстро ее схватила, и даже на расстоянии в тридцать футов Джейк отчетливо расслышал звук рвущейся бумаги.

— Скотина ты, Генри Дин! — крикнула девушка. — Какая же ты скотина!

— Подумаешь, было бы из-за чего психовать. — В голосе Генри слышалась искренняя обида. — Уже и пошутить нельзя, все такие нежные. Да и порвалась она в одном месте... вполне еще можно читать. Ладно тебе, улыбнись. Чего ты набычилась?

Джейк подумал еще: все правильно. Как и следовало ожидать. Пацаны вроде этого Генри никогда не умеют вовремя остановиться. Всегда, даже в самых что ни на есть идиотских шутках, они заходят чуть дальше, чем следовало бы... а потом искренне удивляются, не понимая, почему кто-то на них орет. И все у них сводится к одному: «А чо я такого сделал?» Или: «Ты, что ли, шуток не понимаешь?» Или: «Да ладно тебе, улыбнись, чо психуешь?»

А ты-то зачем с ним, дружище? — Джейк действительно этого не понимал. — *Если ты на моей стороне, что у вас может быть общего с этим придурком?*

Но как только младший повернулся к нему лицом, Джейк сразу все понял. Черты у старшего были грубее, и вся рожа к тому же в прыщах, но в остальном сходство было поразительным. Они, стало быть, братья.

22

Джейк развернулся и прогулочным шагом направился вдоль по улице впереди двух ребят. Засунув дрожащую руку в нагрудный карман, он извлек отцовские темные очки и кое-как водрузил их на нос.

За спиной у него голоса становились все громче, как будто кто-то включил приемник и медленно увеличивал громкость.

— Зачем ты так с ней, Генри? Она же обиделась.

— Ей это нравится, Эдди, — самодовольно ответил Генри голосом умудренного опытом человека, который знает о жизни все. — Когда станешь постарше, поймешь.

— Но она же плакала.

— В глаз, наверное, что-то попало, — философски заметил Генри.

Они подошли совсем близко. Джейк вжался в стену ближайшего дома, низко опустив голову и засунув руки в карманы джинсов. Он не знал, почему так важно, чтобы его не заметили. Он знал только одно: это важно. Не из-за Генри, нет. Из-за младшего...

Младший не должен меня запомнить, — вдруг подумалось ему. — *Не знаю почему, но не должен.*

Они прошли мимо, не обратив на него внимания. Младший — Генри звал его Эдди — шел ближе к проезжей части, обводя мяч вдоль канавы.

— Но это же было смешно, согласись! — говорил Генри. — Старушка Марианна подпрыгивает за газетой. Ап! Ап!

Эдди поднял глаза на брата. Наверное, хотел посмотреть на него с укоризной... но все же не выдержал и рассмеялся. В лице

его было столько любви, искренней и безграничной, что Джейк понял сразу: Эдди многое простит брату, пока наконец не решит, что игра не стоит свеч. Что это все бесполезно.

— Так мы идем? — спросил Эдди. — Ты обещал, что мы сходим. После школы.

— Я сказал: *может быть*. Думаешь, мне охота туда переться? Не ближний все-таки свет. Да и мать, наверное, уже дома. Может, лучше домой пойдем? Телек посмотрим.

Они были уже на десять шагов впереди.

— Нет, давай сходим. Ты *обещал!*

Сразу за домом, вдоль которого шли сейчас братья, начинался забор с открытыми воротами. Джейк вытаращил глаза. Потому что за этим забором была баскетбольная площадка. Та самая, что приснилась ему прошлой ночью; во всяком случае, очень похожая. Во сне ее окружали деревья. На самом деле деревьев не было и в помине. Не было и той странной будки в желтую с черным косую полоску. Но площадку Джейк узнал сразу. Тот же потрескавшийся асфальт. Та же разметка — выцветшие желтые линии.

— Ну... может быть. Я не знаю. — Джейк понял, что Генри просто издевается над младшим братом. Дразнит его. А вот Эдди этого не понимал. Он сейчас думал только о предстоящем походе в то место, куда ему так хотелось попасть. — Давай пока поиграем немножко, а я подумаю.

Выхватив мяч из рук брата, он неуклюже провел его по площадке и бросил в кольцо. Мяч ударился в щит выше цели и отскочил, даже не задев кольца. *Генри, может быть, и мастак отбирать у девчонок газеты,* — подумал Джейк, — *но на баскетбольной площадке ему делать нечего.*

Эдди прошел через ворота, остановился, чуть не доходя до площадки, расстегнул свои «вельветки» и стал их снимать. Под брюками у него оказались те самые полосатые шорты, в которых он был во сне Джейка.

— Ух ты, какие штанишки! — воскликнул Генри. — Ну разве не *пре-елесть?!* — Он дождался, пока Эдди, снимая брюки, не встанет на одну ногу, и запустил в него баскетбольным мячом. Эдди все-таки удалось отбить мяч, тем самым избавляя

себя от малоприятной перспективы ходить с расквашенным носом, но при этом он потерял равновесие и неловко упал на асфальт. Хорошо еще, не порезался, хотя мог бы: вдоль всей площадки, отсвечивая в солнечных лучах, валялись осколки битого стекла.

— Не надо, Генри. Перестань, — сказал он, но без упрека в голосе. Джейк понял, что Эдди давно уже свыкся с тем, что брат измывается над ним как хочет, и замечал подобные его выходки только тогда, когда Генри глумился над кем-то другим... тоже слабым и беззащитным — вроде юной блондинки в кассе.

— Де дадо, Генли. Пелестань, — передразнил его Генри.

Эдди поднялся на ноги и выбежал на площадку. Мяч ударился о забор и отскочил назад к Генри. Тот попытался провести мяч мимо младшего брата, но Эдди молниеносно, даже изящно выставил руку вперед и перехватил мяч. Легко нырнув под протянутую, бьющую по воздуху руку Генри, он рванулся к корзине. Сердито нахмурившись, Генри бросился вдогонку, но с тем же успехом он мог бы прилечь отдохнуть. Эдди подпрыгнул, согнув ноги в коленях и прижимая ступни друг к другу, и уложил мяч в корзину. Генри схватил его на лету и повел к боковой линии.

Зря ты, Эдди. Не стоило этого делать, — подумал Джейк. Он внимательно наблюдал за играющими, встав у самого начала забора. Место казалось достаточно безопасным. Пока. Джейк был в темных очках. Все-таки маскировка. К тому же мальчики так увлеклись игрой, что, подойди к ним сейчас сам президент Картер, они бы, наверное, его не заметили. Впрочем, Джейк сомневался, что Генри знает, кто такой президент Картер.

Он думал, что Генри станет обзываться, может быть, даже даст брату пинка за отобранный мяч, но он, кажется, недооценил хитрость Эдди. Генри сделал обманный маневр, который не ввел бы в заблуждение и матушку Джейка, но Эдди как будто поддался на трюк. Генри бросился мимо брата к щиту, в нарушение всех правил почти что не выпуская мяча из рук. Джейк был уверен, что Эдди запросто мог бы догнать его и отобрать мяч, но тот специально отстал. Генри швырнул мяч в корзину —

так же неловко, как в первый раз, — и мяч опять отскочил от щита. Эдди подхватил его... и дал ему выскользнуть из рук. Генри этим воспользовался. Повернувшись к щиту, он опять бросил мяч. На этот раз он попал.

— Один — один, — выдохнул, запыхавшись, Генри. — Игра до двенадцати?

— Как всегда.

Джейк увидел достаточно. Игра пойдет, как говорится, очко в очко, но Генри все-таки выиграет. Эдди приложит к этому все усилия. И не только из-за того, чтобы избежать очередной головомойки. Выиграв, Генри придет в благодушное настроение и скорее согласится пойти туда, куда так упорно зовет его Эдди.

Эй, парень, похоже, твой младший братишка давно уже вертит тобой как хочет; управляется, как скрипач-виртуоз со скрипкой, а тебе даже и невдомек.

Он отошел немного назад, пока дом, что стоял на северном углу двора, не закрыл обзор. Теперь Джейк не видел уже братьев Дин, а они его. То есть они и раньше его не заметили, но лучше все-таки лишний раз на виду не маячить. Прислонившись к стене, Джейк слушал глухие удары мяча об асфальт. Вскоре Генри уже пыхтел, точно Чарли Чу-Чу, взбирающийся на крутой холм. Он, должно быть, заядлый курильщик. Такие парни, как Генри, всегда курят.

Игра продолжалась около десяти минут. Когда Генри провозгласил наконец победу, на улице появились и другие ребята. Наверное, в ближайшей школе закончились занятия. Проходя мимо Джейка, кое-кто покосился на него с нескрываемым любопытством.

— Хорошо сыграно, Генри, — заметил Эдди.

— Неплохо, — отозвался, тяжело дыша, Генри. — А ты снова купился на старый финт.

А то как же, — подумал Джейк. — *И еще долго, наверное, будет покупаться, пока не прибавит в весе фунтов восемьдесят. А потом он, наверное, очень тебя удивит.*

— Да, я опять, кажется, лопухнулся. Слушай, Генри... может, все-таки сходим туда. Ну *пожалуйста*.

— А чо не сходить? Давай.

— *Ура!* — радостно завопил Эдди. Затем раздался звонкий шлепок. Должно быть, Эдди ударил брата ладонью о поднятую ладонь. — Как клево!

— Тогда поднимись домой. Скажи матери, мы вернемся в полпятого, в крайнем случае — без пятнадцати. Только ни слова про особняк. А то с ней удар приключится. Она тоже верит, что там живут привидения.

— Может, сказать ей, что мы идем к «Дьюи»?

Генри задумался. В разговоре образовалась пауза.

— Не. Она может проверить... позвонить миссис Банковски. Скажи лучше... скажи, что мы пойдем в «Дали». Что нам захотелось по «Худси Рокетс». Она поверит. И стрельни у нее пару баксов.

— Денег она не даст. Осталось два дня до зарплаты.

— Ерунда. Постараешься — выудишь. Ну давай, иди.

— Хорошо. — Но Джейк не услышал шагов. — Генри?

— Чо? — Раздраженно.

— А там *правда* живут привидения, в особняке? Как ты думаешь?

Джейк бочком пододвинулся ближе к площадке. Его, конечно, могли заметить, но пришлось рискнуть: ему надо было услышать ответ.

— Не. Привидениий вообще *не бывает*... только в дурацких фильмах.

— А-а. — В голосе Эдди явственно слышалось облегчение.

— Но если и есть одно завалящее в этом городе, — продолжал Генри (увидев, что Эдди уже не боится, ему, наверное, захотелось поиздеваться над младшим братом, подумал Джейк), — тогда оно точно в особняке. Говорят, пару лет назад туда зашли два пацана, просто чтобы проверить себя, слабо им или нет, а потом легавые нашли их там с перерезанными глотками. В их телах не осталось ни капли крови. Но вокруг крови не было. Понимаешь? Крови не было.

— Правда? — выдохнул Эдди.

— А то. Но это еще не все.

— А что еще?

— У них волосы были седые, то есть совсем седые. — Голос Генри, долетевший до Джейка, звучал торжественно и серьезно. Ему показалось даже, что на этот раз Генри вовсе не дразнит брата, что он сам верит каждому своему слову. (Кроме того, Джейк не думал, что у Генри хватило бы ума выдумать что-то подобное.) — У обоих. И глаза у них были открыты. Широко-широко. Как будто они перед смертью увидели самое страшное привидение в мире.

— Ладно, хорош заливать, — вставил Эдди, но в его голосе явственно слышался страх.

— Ты еще не передумал?

— Конечно, нет. К тому же мы ведь не собираемся... ну, подходить слишком близко.

— Тогда иди скажи матери. И постарайся все-таки выудить у нее пару баксов. Мне надо купить сигарет. И занеси этот дурацкий мяч!

Джейк попятился и укрылся в ближайшем подъезде в тот самый момент, когда Эдди вышел с площадки.

Но тут, к несказанному ужасу Джейка, мальчик в желтой футболке направился в его сторону. О-о-о! — в испуге подумал Джейк. — *А что, если это его подъезд?*

Так и вышло. Джейк успел лишь повернуться к панели звонков и принялся сосредоточенно изучать список жильцов. Эдди Дин прошел мимо него. Так близко, что Джейк почувствовал запах пота от его разгоряченного напряженной игрой тела. Он не столько даже увидел, сколько почувствовал любопытный взгляд Эдди, брошенный на ходу в его сторону. Затем Эдди прошел в коридор и направился к лифтам. В одной руке он держал свои школьные брюки, в другой — баскетбольный мяч.

Сердце бешено колотилось у Джейка в груди. Оказалось, что в жизни следить за кем-то гораздо сложнее, чем в детективных романах, которые он иной раз почитывал. Перейдя через улицу, он прошел на полквартала вперед и остановился в проулке между двумя домами. Отсюда были видны и подъезд дома, где жили братья, и вход на площадку. Теперь на ней собрались ребятишки. В основном малышня. Генри стоял, прислонившись к забору, и со скучающим видом курил сигарету. Время от времени,

когда кто-нибудь из малышни пробегал слишком близко, он лениво выставлял ногу, и до того, как вернулся Эдди, ему удалось подловить троих. С двумя первыми все обошлось, но третий упал, растянувшись во весь рост, и сильно ударился лбом об асфальт. С ревом поднявшись, малыш убежал. Лоб его был весь в крови. Генри швырнул ему вслед окурок и радостно расхохотался.

Тоже мне весельчак, — угрюмо подумал Джейк.

После этого малыши поумнели и старались теперь держаться от Генри подальше. Он вышел с площадки и не спеша направился к подъезду, где минут пять назад скрылся Эдди. Только он подошел, дверь распахнулась, и на улицу выскочил Эдди. Он переоделся. В джинсы и свежую футболку. На лоб повязал платок — тот самый, зеленый, который Джейк видел на нем во сне. Эдди победно размахивал двумя долларовыми бумажками, зажатыми в руке. Генри выхватил деньги и что-то спросил у брата. В ответ Эдди кивнул, и они пошли.

Джейк направился следом за ними, выдерживая расстояние в полквартала.

23

Они стояли в высокой траве на обочине Великого Тракта, глядя на говорящий круг.

Стонхендж. — Подумав об этом, Сюзанна невольно поежилась. — *Вот на что это похоже. На Стонхендж.*

Хотя густая трава, покрывавшая всю равнину, росла и у подножия высоких серых монолитов, внутри круга камней земля была голой. Только какие-то белые предметы валялись на ней тут и там.

— Что это? — спросила Сюзанна, почему-то понизив голос. — Камни?

— Присмотрись повнимательнее, — сказал Роланд.

Она так и сделала. Это были не камни, а кости. Наверное, кости каких-то зверюшек. Она очень на это надеялась.

Эдди переложил заостренную палку в левую руку, вытер о рубашку вспотевшую ладонь правой и снова взял палку в правую руку. Он открыл было рот, но в горле у него пересох-

ло, и он не сумел ничего сказать. Эдди откашлялся и попробовал еще раз:

— По-моему, мне нужно войти в этот круг и кое-что нарисовать на земле.

Роланд кивнул.

— Прямо сейчас?

— Нет, но скоро. — Он заглянул Роланду в глаза. — Там что-то есть, да? Что-то, чего мы не можем увидеть.

— Сейчас его нет, — отозвался Роланд. — Во всяком случае, мне так *кажется*. Но оно придет, привлеченное нашим *кхефом* — нашей жизненной силой. И оно постарается нас не пустить. Оно будет охранять свой круг. Верни мне револьвер, Эдди.

Эдди снял с себя ружейный ремень, отдал его Роланду и повернулся опять к кругу стоящих камней высотой футов в двадцать, не меньше. Да, там действительно что-то есть. Или было. Эдди чувствовал его запах. В сознании его всплыли образы сырой штукатурки, трухлявых диванов и старых гниющих матрасов. Затхлая вонь. Знакомый запах.

Особняк... там точно так же воняло, я помню. В тот день, когда я все-таки уговорил Генри сходить в Датч-Хилл, на Райнхолд-стрит, к особняку.

Роланд застегнул пряжку на поясе и наклонился, чтобы закрепить кобуру на бедре.

— Нам может понадобиться Детта Уокер, — сказал он, поднимая голову и глядя в упор на Сюзанну. — Она здесь?

— Эта сучка всегда ошивается где-то поблизости, — сморщила нос Сюзанна.

— Хорошо. Эдди там нужно кое-что сделать, и кому-то из нас надо будет его прикрыть... я еще точно не знаю кому. Это логово демона. Демоны хоть и не люди, но у них тоже есть разделение полов. Пол — их оружие, но и слабость тоже. Сейчас нам не важно, какого пола демон там обитает. В любом случае он нападет на Эдди. Чтобы защитить свой круг. Чтобы домом его не воспользовался посторонний. Ты меня понимаешь?

Сюзанна кивнула. Эдди как будто не слушал. Засунув сверток с ключом за пазуху, он смотрел сейчас как завороженный в самый центр говорящего круга.

— У нас сейчас нет времени подбирать мягкие и приличные выражения, — продолжал Роланд, — в общем, кому-то из нас...

— Кому-то из нас надо будет трахаться с ним... или с ней, чтобы он или она не добрались до Эдди, — закончила за него Сюзанна. — Они, эти демоны, никогда не упустят возможность потрахаться на халяву. Ты мне это хотел сказать?

Роланд кивнул.

В глазах Сюзанны вспыхнули угрожающие огоньки. Теперь это были глаза Детты Уокер, умные и недобрые, горящие предвкушением крутой забавы. Даже голос ее стал как будто ниже. Теперь в нем явственно проступало протяжное южное произношение «девчонки с плантаций» — фирменный знак Детты Уокер:

— Если демон — девица, ее дрючишь ты. Если — мужик, я беру его на себя. Правильно я понимаю?

Роланд опять кивнул.

— А если он может и так, и этак? Что *тогда,* умник?

Губы Роланда скривились в подобие слабой улыбки.

— Тогда мы вместе его оприходуем. Главное, не забудь...

Эдди вдруг пробормотал тихим далеким голосом:

— Не все затихло в чертогах мертвых. Берегись, спящий уже просыпается. — Он повернулся к Роланду и посмотрел на него испуганными затравленными глазами. — Там чудовище.

— Демон...

— Нет. Там *чудовище.* Между дверями... между двумя *мирами.* Оно ждет. *И оно открывает глаза.*

Сюзанна испуганно покосилась на Роланда.

— Держись, Эдди, — сказал Роланд. — Верь в себя.

Эдди сделал глубокий вдох.

— Я буду держаться, пока оно не собьет меня с ног. Итак, начинается. Я пошел. Мне пора.

— Мы все идем. — Выгнув спину, Сюзанна сползла с коляски. — Если этому демону хочется перепихнуться, я покажу

ему класс. Такой сладенькой девочки он в жизни еще не имел. Будет ему настоящий перепихон. На всю жизнь, голубчик, запомнит.

Как только они вошли в круг камней, начался дождь.

24

Едва Джейк увидел это место, он сразу понял две вещи. Во-первых, он уже видел его в своих снах, но настолько кошмарных, что потом, просыпаясь, он их не помнил вообще, как будто разум не позволял ему вспоминать их. А во-вторых, это место буквально дышало убийством, безумием и смертью. Он встал на дальнем углу Райнхолд-стрит и Бруклин-авеню, ярдах в семидесяти от Генри и Эдди Динов, но и на таком расстоянии Джейк ощущал некую силу, исходящую от особняка. Как будто этот старый заброшенный дом, не обращая внимания на братьев, тянул к нему невидимые жадные руки. Джейк представил себе эти страшные руки с когтями. Острыми и безжалостными.

Он меня чует. Он хочет заполучить меня. И я не могу от него убежать. Войти туда — смерть... но не войти — безумие. Потому что где-то там, внутри, есть дверь. Она заперта, но у меня есть ключ. И мне не на что больше надеяться. Мое единственное спасение там, за дверью.

Джейк с замиранием сердца глядел на особняк. Было в нем что-то явно ненормальное. Точно зловещая опухоль, дом мрачно чернел посреди неухоженного двора, буйно заросшего сорной травой.

Братья Дин прошли не спеша по Бруклину — все-таки девять кварталов, к тому же в такую жару — и добрались наконец до района, который, судя по вывескам магазинов, назывался Датч-Хилл. Остановились они перед самым особняком. (Джейк отставал от них на полквартала.) Видимо, дом много лет простоял пустым, но, что удивительно, почти не пострадал от вандализма. Джейк сразу увидел, что когда-то это пустое строение действительно было особняком — здесь, наверное, жила большая семья какого-нибудь состоятельного торговца. В те дав-

ние дни он, вероятно, был белым, но теперь стены его посерели и вообще потеряли цвет. Стекла, естественно, были повыбиты, старый забор — весь исписан, но сам дом сохранился в неприкосновенности.

Он как будто весь съежился под лучами жаркого солнца — дряхлый дом-призрак под шиферной крышей на вершине пригорка посреди замусоренного двора. Джейку он почему-то напомнил собаку: злую собаку, которая притворяется, будто спит. Крутой скат крыши, точно нахмуренный лоб, нависал над крыльцом. Доски крыльца покоробились и растрескались. Ставни — когда-то зеленые — криво лепились к пустым, без стекол, окнам. Кое-где даже висели древние занавески, покачиваясь на ветру, точно ошметки облезшей кожи. Слева от дома в глубь двора тянулась решетка для вьющихся растений. Она держалась благодаря вовсе не гвоздям, а тому, что вся заросла густым диким вьюном неприглядного вида. Рядом с лужайкой и на двери Джейк заметил таблички, но он стоял далеко и не мог прочитать, что на них было написано.

Дом был *живым*. Джейк это знал... чувствовал. В покосившихся досках и просевшей крыше, в черных глазницах окон ощущалось присутствие живого разума. От одной только мысли о том, чтобы приблизиться к этому страшному месту, Джейк буквально похолодел. Что же тогда говорить о том, чтобы войти внутрь. Но ему все же придется войти. Придется. В ушах стоял низкий гул, навевающий дремоту — так гудят пчелы в улье жарким летним днем, — и на мгновение Джейк испугался, что сейчас потеряет сознание. Он закрыл глаза... и в сознании его явственно прозвучал голос. Его голос.

Ты должен войти туда, Джейк. Это «дорожка» Луча, путь к Темной Башне. Время сделать решительный шаг. Время для твоего Перехода. Держись, верь в себя и иди ко мне.

Страх не прошел, но ужасающее ощущение нарастающей паники все-таки отпустило. Джейк открыл глаза и увидел, что он — не единственный, кто почувствовал силу и темный разум, исходящие от этого мрачного места. Эдди тоже старался держаться подальше от изгороди. На мгновение он повернулся к Джейку лицом, и тот увидел его глаза под зеленой повязкой

на лбу, широко распахнутые и тревожные. Старший брат грубо схватил его за руку и потащил к ржавым воротам, но как-то несмело, с опаской. Вряд ли Генри хотел таким образом напугать Эдди: каким бы ни был Генри тупоголовым, ему, как и Эдди, тоже не слишком нравился особняк.

Они отступили на пару шагов и остановились, глядя на дом. Джейк не слышал, о чем они говорили, но голоса их звучали испуганно и растерянно. Джейк вдруг вспомнил, что сказал ему Эдди во сне: *Но опасность все-таки существует. Будь осторожен... и действуй быстро.*

Реальный Эдди — стоящий напротив особняка на той стороне улицы — внезапно повысил голос, так что Джейк сумел разобрать слова.

— Пойдем домой, Генри? Пожалуйста. Мне здесь не нравится, — выдавил он умоляющим тоном.

— Сопляк трусливый, — процедил Генри сквозь зубы, но Джейку все-таки показалось, что в его голосе слышалось явное облегчение. — Ладно, пойдем, хрен с тобой.

Они отвернулись от дряхлого дома, который весь будто сжался, притаившись за ветхим забором, и зашагали по улице в сторону Джейка. Он невольно попятился и лихорадочно огляделся, ища укрытие. Так и не высмотрев ничего подходящего, он уставился на витрину унылого маленького магазинчика под названием «Подержанная бытовая техника Датч-Хилл» и проследил за тем, как Генри и Эдди, чьи тусклые призрачные отражения наложились на выставленный в витрине допотопный пылесос фирмы «Хувер», перешли через Райнхолд-стрит.

— Ты уверен, что там не живут привидения? — спросил Эдди, когда они вышли на тротуар на стороне Джейка.

— Знаешь, что я тебе скажу? Теперь, когда я снова его увидел, я ни в чем уже не уверен.

Не глядя на Джейка, они прошли мимо прямо у него за спиной.

— А ты бы вошел туда? — спросил Эдди у брата.

— Ни за что, — быстро ответил Генри. — Даже за миллион не вошел бы.

Они свернули за угол. Оторвавшись от витрины, Джейк быстро дошел до угла и осторожно выглянул. Они возвращались тем же путем, каким и пришли сюда. Два брата. Бок о бок. Генри, сгорбившись как старикан, плелся, еле передвигая ноги в своих дерьмоступах, подбитых сталью, а Эдди шагал рядом с легкой естественной грацией. Их дружные тени, длинные и растянувшиеся по улице — дело близилось к вечеру, — сливались в одну.

Они идут домой, — вдруг подумал Джейк. Ему в жизни не было так одиноко. Одиночество накатило на него такой могучей волной, что ему она показалась сокрушительной. — *Дома они сядут ужинать, сделают вместе уроки, потом поспорят, какую программу смотреть по телеку, и лягут спать. Генри, может быть, и говнюк, но у этих двоих есть жизнь, своя жизнь... которая имеет смысл... и они возвращаются к ней. Интересно, они понимают, как им повезло? Эдди, наверное, понимает.*

Джейк отвернулся, поправил ремни ранца и перешел на ту сторону Райнхолд-стрит.

25

Вдруг Сюзанна почувствовала какое-то движение на пустынных лугах за пределами круга камней: шелестящий вздох, мимолетный шепот.

— Что-то сюда идет. — Она вся напряглась. — Уже скоро оно будет здесь.

— Будьте осторожнее, — сказал Эдди, — но не давайте ему до меня добраться. Вы меня поняли? Не давайте ему подойти ко мне.

— Я тебя слышу, Эдди. Не переживай. Занимайся своим делом.

Эдди кивнул. Опустившись на колени в самом центре каменного круга, он выставил перед собой заостренную палку, пристально к ней пригляделся, словно пытаясь определить на глаз, хорошо ли она заточена, потом опустил ее, как будто довольный, и начертил на земле четкую прямую линию.

— Роланд, ты присмотри за ней...

— Хорошо, Эдди. Если смогу.

— ...но не давайте ему до меня добраться. Джейк уже идет. К нам идет маленький полоумный засранец.

Теперь Сюзанна увидела, как густая трава к северу от говорящего круга раздвинулась вдоль темной линии, образовав борозду голой земли, нацеленную в самый центр каменного кольца. Туда, где сейчас находился Эдди.

— Приготовься, — сказал Роланд. — Он сразу бросится на Эдди. И кому-то из нас надо будет устроить ему небольшую засаду.

Сюзанна приподнялась на обрубках ног, точно змея, выползающая из корзины факира. Руками, сжатыми в жесткие кулаки, она подпирала горящие щеки. Глаза ее так и пылали.

— Я готова, — тихо проговорила она и вдруг закричала: — *Иди ко мне, сладенький! Поторопись, а то девочка ждет! Ноги в руки и дуй сюда. Не пожалеешь!*

Дождь стал как будто сильнее, когда демон, живущий в круге, ворвался в каменное кольцо с оглушительным ревом. Сюзанна успела еще ощутить его напряженную и безжалостную мужскую сущность — как будто в лицо ей пахнуло запахом джина и можжевельника, таким едким, что на глаза навернулись слезы, — а потом демон бросился к центру круга. Она закрыла глаза и потянулась к нему. Не телом и даже не разумом, а всей своей женской силой, заключенной в ее естестве: *Эй, красавец мужчина! Куда это ты разогнался? Я здесь!*

Демон развернулся мгновенно. Она всем нутром ощутила его изумление... и его первобытный голод, требовательный, как пульсирующая артерия. Он накинулся на нее, как насильник-маньяк, поджидающий жертву в темном закоулке.

Застонав, Сюзанна подалась назад. На шее у нее вздулись вены. Платье ее натянулось, облепив грудь и живот, как под порывом ветра, а потом начало рваться в клочья. Она слышала скрежет неистового дыхания, идущего словно бы ниоткуда, как будто ею решил овладеть сам воздух.

— Сьюз! — крикнул Эдди и стал подниматься с колен.

— *Нет!* — закричала она в ответ. — *Делай что должен! Не отвлекайся! Кажется, я подцепила этого мудака... и я разберусь с ним сама! Прямо здесь! А ты давай, Эдди! Помоги пацану! Помоги...* — Ледяной холод ударил в нежную плоть между ее ног. Она застонала, упала на спину... но потом, оттолкнувшись рукой, вызывающе подалась чуть вперед и вверх. — *Пусть он пройдет! Помоги ему!*

Эдди растерянно поглядел на Роланда. Тот лишь молча кивнул. Он опять посмотрел на Сюзанну, и в его глазах была темная боль и страх, что чернее боли, но потом медленно отвернулся от них обоих и снова упал на колени. Не обращая внимания на холодные струи дождя, бьющие по рукам и затылку, он вытянул заостренную палку вперед и принялся чертить на размокшей земле четкие линии и углы. Роланд сразу же понял, что он рисует.

Дверь.

26

Джейк протянул руку и толкнул старую потрескавшуюся калитку. Она открылась с противным скрипом, провернувшись на ржавых петлях. От калитки к крыльцу вела дорожка, выложенная кирпичом. Дорожка к двери. Дверь была наглухо заколочена досками.

Джейк подошел к крыльцу медленно, словно нехотя. Сердце стучало в груди, отдаваясь отчаянной азбукой Морзе в горле. Между раскрошенными кирпичами дорожки густо выросли сорняки. Джейк явственно слышал, как они шелестят о штанины джинсов. Все чувства его обострились, как будто кто-то настроил его восприятие на более высокую частоту. *Ты же не собираешься заходить туда, правда?* — дрожал в голове у него срывающийся от паники голос.

И ответ, сам собой возникший в сознании, был абсолютно безумным и все же единственно правильным и здравым: *Все служит Лучу.*

Табличка на лужайке гласила:

ПРОХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН!
ЗА НАРУШЕНИЕ ШТРАФ
В СООТВЕТСТВИИ
С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ!

Надпись же на пожелтевшем листочке бумаги, прибитом к одной из досок на заколоченной двери, была еще более категоричной:

РЕШЕНИЕМ УПРАВЛЕНИЯ
ПО ЖИЛИЩНЫМ ВОПРОСАМ
ГОРОДСКОГО СОВЕТА
СТРОЕНИЕ ПРИЗНАНО НЕГОДНЫМ
ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ.

Джейк помедлил у нижней ступеньки крыльца, пристально глядя на дверь. Там, на заброшенном пустыре, ему слышались голоса... и теперь голоса зазвучали снова. Только на этот раз вместо ликующей песни это был хор проклятых — бормотание безумных угроз и столь же безумных посулов. В хоре этом сливались тысячи голосов, и все-таки Джейку казалось, что голос один. Голос дома. Голос какого-то чудовищного привратника, пробуждающегося наконец от беспокойного долгого сна.

Джейк только теперь подумал об отцовском «ругере». Он даже решил его вытащить и держать наготове — просто на всякий случай, — но потом рассудил, что не стоит. Если что-то произойдет, он все равно не поможет. У него за спиной по Райнхолдстрит проезжали машины, какая-то тетка кричала дочке, чтобы та прекратила тискаться с парнем и быстро несла белье домой, но рядом с ним был другой мир... мир, где всем заправляет какое-то мрачное существо, против которого пули бессильны.

Верь в себя, Джейк... держись.

— Хорошо, — прошептал он, и голос его сорвался. — Хорошо, я попробую. Но на этот раз ты меня не бросай... лучше не надо.

Медленно, очень медленно он поднялся по ступенькам крыльца к заколоченной двери.

27

Старые доски давно прогнили, гвозди заржавели. Джейк схватился за верхнюю доску у самого перекрестия и резко рванул. Она оторвалась с противным скрипом, точно таким же, как скрип калитки. Джейк зашвырнул ее через перила крыльца на древнюю клумбу, теперь заросшую только пыреем и сорной травой. Наклонившись, он взялся за нижнюю доску... и замер.

Из-за двери послышался глухой рык — рев голодного зверя, вожделенно брызжущего слюной на дне бетонного колодца. Джейк почувствовал, как на лбу и щеках выступил липкий пот. Ему стало дурно. Он так испугался, что на какой-то миг перестал ощущать реальность происходящего: он как будто превратился в призрачный персонаж кошмарного сна, который снится кому-то другому.

Там, за дверью, звучал злобный хор. Там таился невидимый враг. Его голос вытекал наружу, как липкий сироп.

Джейк дернул нижнюю доску. Она поддалась легко.

Ну конечно. Он хочет, чтобы я вошел. Он, кажется, изголодался, и в меню у него я значусь первым блюдом.

Неожиданно в памяти всплыло стихотворение, которое как-то прочла на уроке мисс Эйвери. По ее утверждению, в нем говорилось о бедственном положении современного человека, который утратил все свои корни и традиции, но теперь Джейк решил, что все было проще. Поэт, наверное, здесь бывал и видел этот жуткий дом:

Я покажу тебе то, чего ты не видел доселе,
Нечто, совсем не похожее на твою тень,
что за тобою шагает утром,
Или на тень твою вечером,
что встает пред тобой,
Я покажу тебе...

— Я покажу тебе страх в горстке праха, — пробормотал Джейк вслух, берясь за дверную ручку. И едва он прикоснулся к ней, как его вновь охватило знакомое чувство уверенности и

несказанного облегчения... то самое чувство, когда ты знаешь наверняка, что на этот раз дверь откроется в другой мир, где небо не тронуто дымом заводских труб, а на горизонте, подернутый синеватой дымкой, маячит не горный кряж, а прекрасный и незнакомый город.

Запустив руку в карман, он сжал серебряный ключ в кулаке, надеясь, что дверь заперта и можно будет воспользоваться ключом. Но дверь оказалась незапертой. Она отворилась со ржавым скрипом. Ошметками ссыпалась ржавчина с ветхих петель. Запах тлена ударил в лицо, как кулак: отсыревшее дерево, рыхлая штукатурка, гниющие ткани, разлагающаяся древняя набивка. И был еще один запах — запах звериного логова. Пропитавшийся сыростью коридор уводил во тьму впереди. Слева к сумраку верхнего этажа поднималась кривая расшатанная лестница. Отвалившиеся перила валялись, разбитые в щепки, на полу в коридоре, но Джейк был не настолько наивен, чтобы пытаться уверить себя, будто среди этих мрачных обломков он не видит еще одной вещи. Там, вместе с хламом и мусором, были также и кости — кости мелких животных. Хотя кое-что выглядело не совсем похоже на кости животных, но приглядываться Джейк не стал, иначе ему не достало бы мужества идти дальше в глубь дома. Он помедлил на входе, пытаясь взять себя в руки, чтобы сделать первый шаг. В глухой тишине что-то тихонько стучало. Быстро и твердо. Джейк не сразу сообразил, что это стучат его зубы.

Почему никто меня не остановит? — в отчаянии думал он. — *Почему никто из прохожих не крикнет мне с улицы: «Эй ты! Туда нельзя... ты, что ли, читать не умеешь, умник?»*

Но он и сам знал почему. Потому что прохожие на Райнхолд-стрит старались держаться той стороны улицы. Те же, кто шел по этой, старались как можно быстрее пройти мимо мрачного дома.

Но даже если кто-нибудь из прохожих посмотрит сюда, он все равно меня не увидит, потому что на самом деле меня здесь нет. Не знаю, к добру это или нет, но меня уже нет в моем мире. Мой Переход уже начался. Впереди меня ждет его мир. А это...

А это ад между мирами.

Джейк шагнул в коридор... и закричал, когда дверь у него за спиной захлопнулась, точно врата склепа. Да, закричал, но ни капельки не удивился.

Он уже ничему не удивлялся.

28

Давным-давно, в стародавние времена, жила-была одна женщина. Молодая такая женщина. Звали ее Детта Уокер. Частенько наведывалась Детта Уокер в придорожные забегаловки и дешевенькие закусочные на Риджлайн-роуд, что в предместье Натли, и на шоссе 88, на том его отрезке, что тянулся от линии электропередачи за Эмхаем. В те времена у нее еще были ноги, и, как поется в одной славной песне, она знала, что с ними делать. Обычно она надевала дешевое платье в обтяжку, похожее с виду на шелковое, только, конечно, не шелковое, и танцевала с белыми парнями, пока музыканты на маленькой сцене наяривали что-то типа «Двойной удар любви моей крошки» или «Хиппи-хиппи шейк». Иногда Детта Уокер цепляла кого-то из этих парней и соглашалась пойти с ним в машину на автостоянке. Там она распаляла его (никто не умел целоваться более страстно, чем Детта Уокер, да и коготками работать она была мастерица), пока он совсем уже не забалдевал... а потом: «Не пошел бы ты, мальчик... туда?» И что было дальше? Ну, в этом-то все и дело. В этом, как говорится, и вся игра. Одни распускали сопли и начинали ее упрашивать — тоже, знаете ли, вариант, но так себе... ничего выдающегося. Другие бесились и психовали, и это было гораздо забавнее.

И хотя Детте Уокер за ее выкрутасы не раз давали затрещины, устраивали трепку, ставили синяки под глазом, а как-то на стоянке у «Красной мельницы» ее так пнули под зад, что она растянулась на парковочной площадке, — никто ни разу ее не изнасиловал. Они все уходили ни с чем... как еще говорится, с синими яйцами... все до единого, недоумки. То есть, по шкале ценностей Детты Уокер, она всегда оставалась победительницей. Королевой. Королевой чего, может быть, спросите вы? А

ничего. *Их* королевой. Королевой всех этих коротко стриженных, закомплексованных, никчемных белых мудил.

Но теперь все пошло по-другому.

При всей ее дьявольской изобретательности «кинуть» демона, обитающего в говорящем круге, оказалось совсем не просто. Да что непросто?! Немыслимо. Невозможно. Здесь, в круге, не было дверных ручек, чтобы схватиться в последний момент, не было дверцы, которую можно открыть, чтобы выбраться из машины — которой, собственно, тоже не было — и укрыться в ближайшем подъезде, успев напоследок отвесить пощечину, расцарапать ублюдку рожу, а то и врезать коленом по яйцам, если он, тугодум, не поймет с первого раза.

Демон набросился на нее, навалился... а потом, не успела она и моргнуть, *он* вошел в нее.

Она не могла его видеть, но чувствовала, как *он* прижимает ее к земле. Она не видела *его* рук, но, и невидимые, они делали свое дело — платье ее разорвалось в клочья. А потом все ее тело пронзила боль. Боль застала ее врасплох. Ощущение было такое, как будто ее распороли. Она закричала от невыносимой боли и растерянности. Эдди, прищурившись, оглянулся.

— Я в порядке! — выкрикнула она. — Продолжай, Эдди! Забудь обо мне! Я в порядке!

Но она солгала. В первый раз с той великой поры, когда Детта Уокер, тринадцати лет, вышла на «битву полов», она проигрывала сражение. Мерзкий и алчный холод вторгся в нее... как будто трахаешься с сосулькой, честное слово.

Смутно, как будто сквозь пелену, она увидела, как Эдди опять отвернулся и принялся рисовать на размокшей земле. Лицо его, только что выражавшее теплоту и тревогу, снова застыло в холодной, ужасной сосредоточенности, которую она иногда ощущала в нем. Ну что ж, так и должно быть, правда? Она сама попросила его продолжать, забыть о ней и вытащить мальчика в этот мир. Она тоже участвовала, как могла, в Переходе Джейка. Она сама согласилась на это, и поэтому нечего ей обижаться на этих мужчин, которые, собственно, и не выкручивали ей руки, заставляя отдаться демону, и все же... когда ледяной холод пронзил ее, а Эдди отвернулся, она на какой-то

ужасный миг возненавидела их обоих. Сейчас, будь у нее возможность, она бы с большим удовольствием открутила им яйца.

А потом рядом с ней оказался Роланд. Его сильные руки легли ей на плечи, и хотя Роланд не произнес ни слова, она все равно услышала его: *Не сопротивляйся. Борьбой тебе его не одолеть, он все равно победит... а ты погибнешь. Секс и пол — это его оружие, Сюзанна, но и слабое место тоже.*

Да. Секс — их слабое место. *Всегда.* Разница только в том, что сейчас ей придется пожертвовать большим... но, наверное, так и должно быть. Кто знает, быть может, в конечном итоге она сумеет заставить этого маньяка-демона *заплатить* ей сполна.

Она заставила себя расслабить бедра. В ту же секунду они разметались в стороны, вжатые в мокрую землю невидимым телом. Она запрокинула голову, подставляя лицо дождю, который теперь лил во всю мощь, и почувствовала, как над нею склонилось невидимое лицо. Она буквально физически ощущала взгляд ненасытных глаз — взгляд, жадно поглощающий каждое движение ее искаженного болью лица.

Она занесла руку, словно намереваясь ударить, влепить пощечину... но вместо этого обняла насильника за шею. Ей показалось, что она зачерпнула горсть затвердевшего дыма. И он в самом деле подался назад, удивленный ее неожиданной лаской, или это ей только почудилось? Используя шею демона как рычаг, она резко рванулась вверх, оторвав таз от земли. Одновременно она еще шире развела ноги. Швы на платье, еще худобедно державшиеся, разошлись окончательно. Господи, ну и громила!

— Ну давай! — прохрипела она. — Думаешь, это ты меня трахаешь?! А вот и хрен. Это я тебя трахаю, въехал, мальчик? Я тебе покажу, малыш. Ты такого еще не видел. Задрючу до смерти, так и знай!

Она почувствовала, как по алчному телу демона прошла дрожь. В какой-то момент он даже попробовал оторваться от нее. Наверное, чтобы собраться с силами.

— Куда же ты, золотце? — Она сжала бедра, не давая ему уйти. — Веселье только еще начинается. — Она изогнулась,

подавшись вперед, и вжалась в невидимое тело демона. Свободную руку она закинула ему за шею и, сплетя пальцы, выгнула спину, как будто в экстазе. Ее бедра ходили туда-сюда. Руки сжимали осязаемую пустоту. Она дернула головой, откинув со лба прядь волос, мокрых от дождя и пота. Ее губы раскрылись в акульей усмешке.

Отпусти меня! — прогремел голос в ее сознании, но она все же почувствовала, как невидимый обладатель бесплотного голоса, может быть, сам того не желая, отвечает на ее страстные телодвижения.

— Ни фига, дорогуша! Ты первый все это затеял... вот сейчас и получишь, чего хотел. — Она снова подалась вперед, вцепившись в него и яростно сосредоточившись на леденящем холоде, что пронзал ее тело. — Уж я растоплю эту твою сосульку, мой зайчик, и что ты тогда будешь делать? — Ее бедра вздымались и опадали, вздымались и опадали. Она сжала их еще крепче, безжалостно, жестко. Закрыла глаза. Впилась ногтями в невидимую шею, молясь про себя, чтобы Эдди заканчивал побыстрее.

Потому что она не знала, надолго ли ее хватит.

29

Задача в общем-то не такая и сложная, — убеждал себя Джейк, — *где-то в этом ужасном сыром доме есть закрытая дверь. Именно та дверь. Нужно только найти ее.* Но в этом-то и состояла вся сложность, потому что он чувствовал, как просыпается существо, обитающее в этом доме. Хор бессвязных голосов потихоньку сливался в единый звук — какой-то глухой, дребезжащий шепот.

И он приближался.

Справа была дверь. Открытая дверь. Рядом с ней кто-то приколотил к стене выцветший дагерротип, изображавший повешенного. Мертвец на картинке болтался, как гнилой плод на высохшем дереве. За дверью виднелась комната. Когда-то там располагалась кухня. Печь убрали, но у дальней стены на вздутом блеклом линолеуме все еще стоял холодильник — допо-

топной конструкции агрегат с круглой морозильной камерой наверху. Его дверца была распахнута. Внутри засохла какая-то черная гадкая масса, издававшая резкий запах. Часть ее вытекла и разлилась по полу лужей, давным-давно превратившейся в запекшуюся корку. Дверцы кухонных шкафов тоже были открыты. В одном из них Джейк разглядел, наверное, самую древнюю в мире банку консервированных моллюсков. Из другого торчала голова дохлой крысы. Джейку показалось, что белесые ее глаза шевелятся. Присмотревшись получше, он понял, что в пустых ее глазницах копошатся черви.

Что-то свалилось ему на голову. Вскрикнув от неожиданности, Джейк схватился за волосы и снял с себя что-то мягкое и кругленькое, на ощупь похожее на покрытый щетиной резиновый мячик. «Мячик» цеплялся за волосы, и Джейку пришлось потрудиться, чтобы его отодрать. Оказалось, что это паук с раздувшимся брюшком цвета свежего синяка. Паук с тупой злобой вылупился на Джейка. Джейк отшвырнул его от себя. Паук врезался в стену — брюхо его лопнуло от удара — и повис на ней, слабо дергая лапами.

Второй паук шлепнулся ему на шею. Джейк почувствовал болезненный укол — это паук укусил его чуть ниже того места, где перестают расти волосы. Он со всех ног бросился прочь из кухни обратно в коридор, запнулся об обвалившиеся перила, брякнулся на пол и почувствовал, как паук у него на шее лопнул. Его влажные внутренности — липкие, скользкие — потекли между лопатками Джейка, как теплый яичный желток. Только теперь Джейк увидел, что пауков на кухне полно. Одни свисали с потолка на невидимых ниточках паутины, точно живые грузики отвесов; другие шлепались на пол с хлопающим звуком и, быстро перебирая лапами, неслись через порог в коридор, к Джейку, словно им не терпелось его поприветствовать.

Не переставая кричать, Джейк вскочил на ноги. Он почувствовал, как что-то рвется у него в сознании, словно перетершаяся веревка. Наверное, это его рассудок полетел в пропасть безумия. Джейк решил, что сошел с ума. Если до этого он еще как-то держался, то сейчас уже окончательно пал духом. На карту поставлено многое, если не все... но у Джейка уже не ос-

талось сил. Больше ему не выдержать. Он ринулся к выходу, чтобы сбежать, пока еще можно... если можно... но слишком поздно сообразил, что в панике повернул не в ту сторону и бежит сейчас вовсе не к выходу, а еще дальше в глубь особняка.

Он очутился в комнате, слишком просторной для гостиной или, скажем, столовой. Больше всего она смахивала на бальный зал. С обоев на Джейка глядели эльфы в зеленых остроконечных шапочках со странными плутоватыми улыбочками. У дальней стены одиноко стоял покрытый плесенью диван. В центре зала на покоробившемся паркете валялась разбитая люстра. Среди рассыпанных стеклянных бусинок и пыльных подвесок свернулась кольцами ржавая цепь. Обогнув на бегу этот разгром, Джейк испуганно оглянулся через плечо, но пауков не увидел. Если бы не эта липкая гадость, все еще стекающая по спине, он бы, наверное, решил, что ему это все померещилось.

Вновь устремившись вперед, он резко затормозил, проскользив по паркету, перед высокой нишей с полуоткрытой двустворчатой дверью. За дверью тянулся еще один коридор, а в конце коридора виднелась закрытая дверь с позолоченной ручкой. На двери было написано — или вырезано — одно слово:

МАЛЬЧИК

Под дверной ручкой Джейк разглядел филигранной работы серебряную пластину с замочной скважиной.

Я нашел ее! Я наконец-то ее нашел! — Джейк был не в силах сдержать восторга. — *Вот она! Эта дверь!*

У него за спиной неожиданно раздался глухой треск, похожий на стон, как будто весь дом начал разваливаться на части. Джейк оглянулся и окинул тревожным взглядом бальный зал. Дальняя стена разбухала, выгибаясь внутрь комнаты и толкая перед собой ветхий диван. Обои дрожали на стенах, эльфы рябили в бредовой пляске. Местами обои порвались и завернулись в трубочку, словно резко отпущенные шторы-жалюзи. Штукатурка вздулась и выпятилась, как живот бере-

менной женщины. Из-под нее явственно доносился хруст ломающихся деревянных перегородок, принимающих новые, пока еще скрытые формы. А стон все нарастал. Только теперь он походил больше на злобное рычание.

Джейк смотрел, как зачарованный, не в силах отвести взгляд.

Штукатурка, однако, не треснула, как того следовало ожидать, и не разлетелась ошметками в стороны: казалось, она превратилась в какую-то эластичную субстанцию... а стена продолжала вздуваться белым пузырем, с которого свисали обрывки обоев. На поверхности пузыря проступали теперь какие-то холмы, ущелья и долины. Неожиданно Джейк осознал, что перед ним возникает лицо — громадное лицо, вырастающее из стены. Как будто кто-то пытался пройти сквозь мокрую простыню.

Раздался громкий треск. От раздувающейся стены оторвался кусок деревянной решетки, и образовавшаяся дыра превратилась в зрачок единственного глаза. Чуть ниже стена словно скорчилась в судорогах, и получился оскаленный рот с рядом кривых клиновидных зубов. Клочья обоев свисали, как слюни, с губ и десен.

Одна гипсовая рука вырвалась из стены, волоча за собой браслет сгнившей электропроводки, схватила диван и отшвырнула его в сторону, оставив на темной его обивке призрачно-белые отпечатки. Пальцы согнулись — деревянная решетка под штукатуркой опять затрещала, и на кончиках белых пальцев выросли длинные когти в острых зазубринах по краям. Теперь лицо уже полностью отделилось от стены. Единственный деревянный глаз уставился на Джейка. Прямо над глазом жуткой татуировкой точно по центру лба все еще корчился в диком танце обойный эльф. С рвущимся треском тварь, отделившаяся от стены, начала продвигаться вперед. Дверь в коридор сорвалась с петель и превратилась в перекошенное плечо. Единственная рука одноглазого чудища волочилась по полу, царапая доски паркета и разбрасывая фонтаны стеклянных осколков упавшей люстры.

Джейк стряхнул с себя оцепенение. Развернувшись, он выскочил через двустворчатую дверь во второй коридор и побежал по нему сломя голову, пытаясь нащупать в кармане ключ. Ранец бился о спину. Сердце бешено колотилось в груди, словно вышедший из-под контроля мотор. За спиной у него ревело чудовище, отрывающееся от стены особняка. И хотя в его рыке не было слов, Джейк и так понял, что оно тщится ему сказать, чтобы он остановился, что бежать все равно бесполезно, что он никуда от него не уйдет. Весь дом, казалось, ожил. Все наполнилось эхом ломающихся перегородок и балок. Дребезжащий безумный голос невидимого привратника был как будто повсюду.

Наконец Джейк нащупал в кармане ключ. Но когда он его вынимал, ключ зацепился бородкой за ткань подкладки и выскользнул из влажных от пота пальцев.

Ключ упал на пол, подпрыгнул и исчез в щели между двумя покоробившимися досками.

30

— У парня, похоже, проблемы! — услышала Сюзанна крик Эдди, но голос его донесся как будто издалека. У нее самой были сейчас проблемы... но она уже не сомневалась, что сумеет справиться с ними, несмотря ни на что.

Уж я растоплю эту твою сосульку, мой сладенький, — пообещала она демону. — *Я ее растоплю, и что ты тогда будешь делать?*

Растопить этот холод ей не удалось, но кое-что *изменить* она все же сумела. Да, эта гадость, ее пронзающая, не доставляла ей ни малейшего удовольствия, но жуткая боль прошла. И холод тоже исчез. Демон попался в капкан и не мог уже освободиться. И держала она его вовсе не телом. Роланд сказал ей, что пол — это оружие демона, но и слабое место тоже, и он, как всегда, оказался прав. Да, демон ею овладел, но и *она* овладела *им*. Сюзанне это все напоминало те зловредные китайские трубочки, куда суешь палец, а вытащить потом не мо-

жешь. Причем чем сильнее ты дергаешь, тем крепче палец застревает.

Она цеплялась за эту мысль, как утопающий — за соломинку. Ничего другого ей просто не оставалось. Все остальные ее мысли как будто смело, а ведь ей нужно было удерживать это рыдающее, перепуганное, злобное существо в тисках его же свирепой и все же беспомощной похоти. Оно металось, рвалось и дрожало внутри ее тела, умоляя ее отпустить его, и в то же время оно использовало ее плоть с неистовой жадностью и напором. И она его не отпускала. Не могла отпустить.

А что будет, когда я все-таки отпущу его? — промелькнула отчаянная, жуткая мысль. — *Когда я его отпущу, чем он отплатит мне? Чем?*

Она не знала.

31

Дождь лил сплошной пеленой, угрожая превратить земляную площадку внутри говорящего круга в море грязи.

— *Натяните что-нибудь над моей дверью!* — закричал Эдди. — *Иначе дождь ее просто смоет!*

Поглядев на Сюзанну, Роланд увидел, что она все еще борется с демоном. Глаза ее были полузакрыты, губы стиснуты в жесткой гримасе. Роланд не видел демона и не слышал его, но ощущал его яростные и испуганные метания.

Эдди в сердцах повернулся к нему.

— *Ты что, оглох?* — Лицо его было залито дождем. — *Накрой чем-нибудь эту чертову дверь и ПОЖИВЕЕ, пока не поздно!*

Роланд вытащил из сумки первую попавшуюся шкуру и взялся обеими руками за края. Расставив руки как можно шире, он склонился над Эдди, соорудив над ним импровизированный навес. На заостренный конец палки в руках Эдди налипла грязь. Он вытер ее о рукав, оставив на нем полосу цвета горького шоколада, и снова склонился над своим рисунком. Нарисованная им дверь по размерам была поменьше, чем дверь на той стороне барьера — там, где был Джейк, — в соотношении

примерно три к четырем, но все же Джейк смог бы пройти сквозь нее... если только ключи подойдут.

Ты, наверное, хотел сказать, если у него есть ключ, — осадил себя Эдди. — *Допустим, он его потерял, уронил куда-нибудь... или дом его к этому принудил, что тогда?*

Под кружком, изображавшим дверную ручку, он нарисовал пластину, потом помедлил немного, как будто в раздумье, и вывел по центру пластины знакомые очертания замочной скважины:

Тут он снова задумался. Ему нужно еще что-то сделать... но что? Он никак не мог сосредоточиться. Ощущение было такое, что у него в голове бушевал ураган, только вместо сараев, летних уборных и крыш курятников этот вихрь кружил и гнал прочь его мысли.

— Ну давай же, мой сладкий, давай! — кричала Сюзанна у него за спиной. — Что-то быстро ты выдохся! Что случилось? А я-то подумала, ты у нас вроде как племенной жеребец. Слабо тебе, мальчик?

Мальчик. Вот оно!

Крепко сжав в руке палку, Эдди тщательно вывел на верхней панели двери одно слово: МАЛЬЧИК. Едва он закончил последнюю букву, рисунок вдруг изменился. Круг, нарисованный на потемневшей от влаги земле, потемнел еще больше... и поднялся над землей, превратившись в блестящую черную дверную ручку. А из нарисованной замочной скважины — в том месте, где только что все было бурой грязью — пролился блеклый свет.

Сзади Сюзанна опять закричала на демона, чтобы он не отлынивал и наяривал круче, но, судя по голосу, сама она тоже уже выдыхалась. Скоро силы оставят ее. Очень скоро.

Стоя на коленях, Эдди склонился к земле, точно истовый мусульманин, воздающий хвалу Аллаху, заглянул в замочную

скважину, которую сам же и нарисовал, и увидел свой мир и тот страшный дом, посмотреть на который они приходили с Генри в мае 1977-го, не зная (хотя даже тогда Эдди что-то такое почувствовал), что за ними следит мальчишка из другой части города.

Он увидел коридор. И Джейка. Джейк стоял на четвереньках, отчаянно дергая половицу. И что-то к нему приближалось... что-то ужасное. Эдди видел его и не видел... как будто какая-то часть сознания *не желала* воспринимать увиденное, потому что один только вид этого страшного существа неминуемо привел бы его к пониманию, а понимание — к безумию.

— *Быстрее, Джейк!* — закричал он в замочную скважину. — *Ради Бога, быстрее!*

Точно пушечный выстрел, гром вспорол небо над каменным кругом, и дождь обернулся градом.

32

Когда ключ свалился в щель, Джейк на мгновение застыл как вкопанный, глядя на узкую трещинку между досками.

Как это ни странно, ему вдруг ужасно захотелось спать.

Так не должно было быть. Это нечестно, — подумал он. — *Это явно уже перебор. Я больше не выдержу... ни минуточки, ни секунды. Сейчас я на все плюну и лягу под этой дверью, поудобнее устроюсь и буду спать... сразу засну, мгновенно... и когда оно схватит меня и проглотит, я, наверное, даже и не проснусь.*

Но тут тварь, рвущаяся из стены, взревела. Джейк поднял глаза, и порыв его плюнуть на все и сдаться тут же иссяк, сметенный волной ужаса. Теперь чудище уже окончательно отделилось от стены — громадная гипсовая голова с единственным деревянным глазом и загребущая гипсовая лапа с острыми когтями. Куски деревянной обшивки торчали из белого черепа во все стороны — так детишки рисуют волосы на голове человечков. Тварь увидела Джейка, раскрыла пасть, обнажив деревянные зубы, и снова взревела. Из разверзшейся пасти пахнуло известковой пылью, как сигаретным дымом.

Джейк упал на колени и заглянул в щель в полу. Там, в темноте, совсем близко, ключ заманчиво поблескивал серебром, но щель была слишком узкой, так что он даже не мог просунуть туда пальцы. Ухватившись за половицу, Джейк изо всех сил рванул ее на себя. Гвозди, ее удерживающие, заскрипели... но половица осталась на месте.

Сзади послышался грохот и звон. Джейк оглянулся. Рука, размером больше его самого, подхватила упавшую люстру и отбросила ее в сторону. Ржавая цепь, на которой когда-то висела люстра, взвилась в воздух, как хлыст пастуха, и грохнулась на пол с тяжелым стуком. Сама же люстра просвистела у Джейка над головой; грязное стекло с лязгом билось о древнюю медь цепи.

Голова стража-привратника, насаженная на единственное кривое плечо с загребущей рукой, зависнув над полом, устремилась вперед. Остатки стены, из которой она появилась, обрушились, взметнув облако пыли. Но тут же обломки ее поднялись, превратившись в костлявую спину чудовища.

Страж-привратник увидел, что Джейк глядит на него как завороженный, и вроде бы усмехнулся. При этом из сморщенных его щек повылезли деревянные щепки. Щелкая пастью, чудище волочило свое тело через бальный зал в завесе пыли. Его громадная лапа опустилась среди обломков, нащупывая добычу, и сорвала с петель одну из створок двери, что открывалась из зала во второй коридор.

Ни жив ни мертв, Джейк закричал и снова рванул половицу. Она осталась на месте, но зато в голове у него зазвучал голос стрелка:

Не ту, Джейк! Попробуй другую!

Он отпустил половицу, которую только что дергал, и схватился за вторую, с другой стороны щели. И в это мгновение раздался еще один голос. Именно раздался. Джейк услышал его не в сознании, как голос стрелка. Голос был настоящим и доносился он из-за двери... той самой двери, которую он так долго искал. С того самого дня, когда его не задавила машина.

— Быстрее, Джейк! Ради Бога, быстрее!

Когда Джейк дернул вторую доску, она поддалась настолько легко, что он едва не свалился на спину.

33

На той стороне улицы, почти напротив особняка, в дверях магазина подержанных бытовых приборов стояли две женщины. Та, что постарше, была владелицей магазина. Она как раз провожала единственную покупательницу, когда раздался оглушительный грохот рушащихся стен и ломающихся балок. Едва это случилось, две женщины разом обняли друг друга, не понимая, почему и зачем они это сделали, и молча застыли, как дети, дрожащие в темноте, когда из сумрака раздается какой-то неведомый пугающий звук.

Чуть дальше по улице трое мальчишек, спешащих на стадион Малой лиги Датч-Хилла, застыли на месте и вытаращились на дом, напрочь забыв о тележке, набитой бейсбольной «оснасткой». Водитель грузовичка, доставляющего товары на дом, встал на обочине, заглушил мотор и выбрался из кабины, чтобы посмотреть, что происходит. Из ближайшего супермаркета «Уголок Генри» и бара «Датч-Хилл-паб», дико озираясь по сторонам, высыпали на улицу клиенты.

Теперь задрожала и почва, и тонкие трещинки начали расползаться по Райнхолд-стрит.

— Землетрясение, что ли? — крикнул водитель грузовичка, обращаясь к женщинам, застывшим в дверях магазина подержанных бытовых приборов, но дожидаться ответа не стал: запрыгнул назад в кабину, схватился за руль и умчался прочь, вырулив на левую сторону улицы, чтобы держаться подальше от рушащегося дома — эпицентра толчков.

Весь дом, казалось, вваливается внутрь. Доски ломались, срывались с фасада и падали ливнем щепок на заросший бурьяном двор. С крыши сыпался водопад грязной черно-серой черепицы. Раздался оглушительный треск, больно бьющий по ушам, и по самому центру особняка пошла длинная зигзагообразная трещина. Сначала в этом проломе исчезла входная дверь, а потом туда стали проваливаться и стены. Дом как будто заглатывал сам себя.

Младшая из женщин у магазина — покупательница — резко освободилась из объятий старшей.

— Вы как хотите, а я подобру-поздорову пойду, — выдавила она и бегом бросилась прочь, не оглядываясь назад.

34

Странным горячим ветром потянуло по коридору, едва пальцы Джейка сомкнулись вокруг серебряного ключа. Ветер сдувал со лба влажные от пота пряди волос. Теперь — на каком-то глубинном, скорее инстинктивном уровне — Джейк понял, что это за место и что сейчас происходит. Страж-привратник, хранящий волшебную дверь, таился не только в доме... он сам *был* домом: каждой доской и черепицей, каждым подоконником и карнизом. Он спал до поры. Но теперь он проснулся и вышел на свет, обретая свою фантастически беспорядочную материальную форму. И он намеревался «зацапать» Джейка и не дать ему пустить в дело ключ. За громадной белой головой и скошенным согбенным плечом Джейку были видны бальный зал и коридор за ним. По коридору и залу летели обломки досок и разбитая черепица, вырванные провода и осколки стекла — даже тяжелая входная дверь и обвалившиеся перила лестницы. Весь этот строительный мусор лепился к разбухающему телу стража — бесформенного и уродливого великана из штукатурки, который ломился вперед, пытаясь добраться до Джейка своей безобразной лапищей.

Джейк резко выдернул руку из щели в полу. Вся рука была покрыта здоровенными копошащимися жуками. Он ударил ею о стену, чтобы стряхнуть эту гадость, и в ужасе закричал: стена разверзлась у него под ладонью, а потом попыталась стиснуть его запястье. Он еле успел отдернуть руку. Не тратя времени даром, Джейк развернулся и вставил серебряный ключ в замочную скважину на пластине под дверной ручкой.

Чудовище снова взревело, но теперь голос его утонул в благозвучном пении, которое Джейк узнал сразу же: он уже слышал его на заброшенном пустыре, но тогда оно было тихим, как будто во сне. Теперь же оно прозвучало несомненным победным гимном. Знакомое чувство уверенности — всепоглощающей и непоколебимой — вновь охватило его, и на этот раз он знал твердо: нового разочарования не будет. Все это звучало в ликующем голосе... других подтверждений ему не требовалось. Это был голос розы.

Коридор утонул в полумраке: громадная лапища стража, сорвав с петель и вторую створку двойной двери, высунулась в коридор и закрыла собой и без того тусклый свет. В открывшемся проломе показался белесый лик. Единственный глаз впился в Джейка безумным взглядом. Пальцы с острыми когтями поползли к нему, точно лапы гигантского паука.

Джейк повернул ключ — по руке будто прошел электрический заряд. Он услышал тяжелый приглушенный стук: это сдвинулся внутренний засов. Джейк схватился за ручку, со всей силы ее повернул и рванул дверь на себя. Дверь распахнулась. Увидев, что там, на той стороне, Джейк вскрикнул от страха и изумления.

Сверху донизу, от края до края дверной проем был забит землей. Корни торчали оттуда, как пучки проводов. В этом прямоугольнике сырой грязи копошились белесые черви, такие же ошарашенные, как и сам Джейк. Одни спешили зарыться обратно в норы, другие просто беспорядочно расползались в стороны, словно бы в недоумении, куда подевалась земля, которая только что была тут, под ними. Один червяк плюхнулся прямо Джейку на кроссовки.

Еще пару мгновений замочная скважина оставалась на месте, отбрасывая тонкий лучик мутного белого света Джейку на рубашку. За ней — так близко, так недостижимо — шумел дождь и гремел глухой гром, перекатываясь по бескрайнему небу. Но тут и замочную скважину тоже забила земля, а на лодыжке Джейка сомкнулись громадные пальцы стража.

35

Роланд бросил шкуру, быстро вскочил и побежал к Сюзанне. Теперь градины били Эдди по лицу, но он не чувствовал боли.

Стрелок же подхватил Сюзанну под мышки и подтащил ее — соблюдая по возможности осторожность — поближе к Эдди.

— Когда я скажу, ты отпустишь его, Сюзанна! — прокричал он. — Ты понимаешь? *Только когда я скажу!*

Эдди не видел этого и не слышал. Слышал он лишь слабые крики Джейка с той стороны двери.

Пришло время испробовать ключ.

Вытащив ключ из-за пазухи, Эдди вставил его в нарисованную замочную скважину и попробовал повернуть. Ключ не шелохнулся. Не сдвинулся даже на миллиметр. Эдди в отчаянии запрокинул голову, подставив лицо под хлещущий град, не обращая внимания на твердые ледяные крупинки, что били по лбу, по щекам и губам, оставляя царапины и кровоподтеки.

— НЕТ! — Он едва не завыл. — БОЖЕ, ПРОШУ ТЕБЯ, НЕТ!

Но Бог не ответил на его мольбы; только гром прогремел в небесах, и вспышка молнии вспорола тучи, гонимые ветром.

36

Джейк рванулся вверх, уцепившись за свисающую с потолка цепь для люстры, и вырвал ногу из цепкой лапы привратника. Оттолкнувшись от спрессованной в дверном проеме земли, он отлетел чуть назад, а потом снова вперед, как Тарзан, качающийся на лиане. Приблизившись к лапище стража, он на лету подтянул ноги к груди и изо всех сил ударил по тянущимся к нему пальцам. Штукатурка осыпалась, обнажив грубо сбитый деревянный решетчатый каркас. Страж взревел, и в бешеном его вопле алчность мешалась с яростью. Но даже сквозь оглушительный этот рев Джейк расслышал, как с пугающим грохотом рухнул дом, как дом Ашеров в рассказе Эдгара По.

Точно маятник, он качнулся на цепи в обратную сторону, ударился о глыбу утрамбованной земли, загромождавшей дверной проем, и опять отлетел назад. Страж опять попытался его ухватить, и опять Джейк лягнул его на лету, но на этот раз ногу пронзила боль. Привратник все-таки зацепил его деревянным когтем. Обратно Джейк полетел уже без одной кроссовки.

Он попытался подтянуться повыше, ближе к потолку. Кажется, получилось. Но тут прямо над головой раздался глухой треск, и на его лицо — потное, обращенное к потолку — посыпалась мелкая пыль штукатурки. Потолок начал проседать; звено за звеном цепь потихоньку выскальзывала из крепления. Из

конца коридора донесся какой-то хруст: стражу все-таки удалось просунуть громадную голову через пролом в стене.

Заходясь диким криком, Джейк беспомощно летел навстречу этой зловещей башке.

37

Внезапно панический страх отпустил. Как будто мантия ледяного спокойствия окутала Эдди — та самая мантия, под которой так много раз укрывался Роланд из Гилеада. Единственная броня истинного стрелка... все, что ему нужно. И едва это произошло, у Эдди в сознании зазвучал голос. В течение последних месяцев три голоса донимали его неотступно: голос матери, голос Роланда и, конечно же, голос Генри. Но сейчас — с несказанным облегчением — он узнал собственный голос, и, что самое главное, звучал он спокойно, бесстрашно и рассудительно.

Ты видел абрис ключа в огне, потом ты увидел его опять, в ветке ясеня, и оба раза ты видел его абсолютно точно. Но потом сам надел шоры страха себе на глаза. Сними их. Просто сними и вглядись еще раз. Быть может, еще не поздно, даже сейчас не поздно.

Смутно он осознал, что стрелок стоит рядом и пристально на него смотрит; так же смутно услышал, что Сюзанна пока еще продолжает кричать, распаляя демона, и голос ее, хоть и слабеющий, был по-прежнему дерзким. Так же смутно с другой стороны двери до него доносился крик Джейка, крик ужаса... или боли?

Эдди отрешился от всего этого. Вытащив деревянный ключ из замочной скважины нарисованной двери, которая теперь стала настоящей, он максимально сосредоточился и стал смотреть на него, пытаясь восстановить в памяти ощущение невинного и искреннего восторга, который ему доводилось испытывать в детстве, — восторга единственно оттого, что в бесформенном и бессмысленном хаосе ему удалось разглядеть законченную, безупречную форму. И тут Эдди увидел его, то место, где он немного напортачил, причем так яв-

ственно, что сам удивился: как он раньше этого не замечал. *Я, наверное, и вправду ослеп,* — сказал он себе. Разумеется, это был s-образный изгиб на конце ключа. Вторая впадинка чуть толстовата. Совсем чуть-чуть.

— Нож, — коротко бросил он и протянул руку, как хирург в операционной. Роланд без слов вложил нож в протянутую ладонь.

Эдди зажал кончик лезвия между большим и указательным пальцами правой руки и склонился над ключом, не обращая внимания на градины, бьющие по его незащищенной шее. Теперь он четко видел, каким в точности должен быть ключ — во всей его изумительной и неоспоримой реальности.

Он сделал надрез.

Один.

Осторожно.

Тончайшая полупрозрачная стружка ясеневого дерева свернулась в колечко на первом выступе s-образного изгиба на конце ключа.

Из-за двери снова послышался крик Джейка Чеймберза.

38

Цепь с треском сорвалась, и Джейк грохнулся на пол, приземлившись на коленки. Страж-привратник издал ликующий рык. Гипсовая рука ухватила Джейка за бедра и потащила назад по коридору. Он попытался упереться ногами в пол, но ничего у него не вышло. В тело впились щепки и ржавые гвозди. Ощущение было не из приятных. Рука стража сжала его еще крепче, продолжая тащить прочь от двери.

Похоже, лицо чудовища все же застряло в дверном проеме на выходе в коридор, словно пробка в бутылке. Усилия, которые стражу пришлось приложить, чтобы добраться сюда, изменили его недоразвитые черты, придав ему новый облик. Теперь он походил на жуткого тролля-урода. Пасть зияла, готовая поглотить мальчика. Джейк в отчаянии шарил в кармане, пытаясь нащупать ключ, который должен помочь ему как та-

лисман-оберег, как последнее уже средство, но, разумеется, ключ остался в двери.

— *Ах ты, сукин сын!* — закричал он и, собравшись с силами, резко подался назад, выгнув спину, точно олимпийский чемпион по прыжкам в воду. Обломки досок впились ему в ягодицу, точно пояс, сделанный из гвоздей, но Джейку было уже все равно. И тут он почувствовал, как его джинсы заскользили по бедрам вниз и хватка чудовища на мгновение ослабла.

Джейк сделал еще рывок. Рука безжалостно сжалась. Джинсы Джейка сползли уже до колен, а сам он хлопнулся спиной об пол. Хорошо еще, ранец смягчил силу удара. Рука разжалась на миг — страж приготовился ухватить свою жертву повыше и понадежнее. Джейк, однако, успел подтянуть колени к груди, и когда лапища чудища начала снова смыкаться вокруг него, резко выбросил ноги вперед. В ту же секунду рука рванула к себе. Случилось именно то, на что и надеялся Джейк: чудовище стянуло с него джинсы (вместе с оставшейся кроссовкой), а он оказался свободным, по крайней мере на какое-то время. Он увидел, как страшная лапа согнулась в запястье из досок и крошащейся штукатурки и затолкала добычу в пасть. Дальше смотреть он не стал — не тратя времени даже на то, чтобы встать, он на четвереньках пополз обратно к дверному проему, забитому влажной землей, не обращая внимания на то, что в ладони его и коленки врезаются осколки стекла от упавшей люстры. Он думал лишь об одном: как бы ему доползти до ключа.

Он почти добрался до двери, как вдруг страшная лапа опять ухватила его за голые ноги и потащила назад.

39

Ключ наконец-то обрел свою точную форму.

Эдди опять вставил ключ в замочную скважину и попробовал его повернуть. В первый миг ключ не сдвинулся с места... а потом поддался ему. Эдди услышал, как щелкнул замок, как отошла задвижка. И как только это произошло, ключ у него в руке, исполнив свое предназначение, переломился

надвое. Обеими руками Эдди схватился за темную отполированную дверную ручку и потянул на себя. Он явственно ощутил, как на невидимой оси повернулась огромная тяжесть. Как руки его наливаются безграничной силой. Ощутив эту силу, он понял, что два разделенных мира неожиданно соприкоснулись и что между ними открылся проход.

На мгновение ему стало плохо. Закружилась голова. Он потерял чувство ориентации. Но едва заглянув в открывшийся проем, Эдди понял, в чем дело: хотя он смотрел вниз — вертикально, — то, что было за дверью, ему виделось в горизонтальной перспективе. Больше всего это было похоже на хитрый оптический трюк, созданный с помощью призм и зеркал. А потом Эдди увидел Джейка. Что-то тащило его прочь от двери по коридору, усыпанному штукатуркой и осколками стекла. Он упирался локтями в пол. Ноги его были плотно зажаты в какой-то здоровой и страшной лапище. А в самом конце коридора зияла ужасная пасть, готовая поглотить Джейка, — пасть, клубящаяся непонятным белесым туманом, который мог быть либо дымом, либо пылью.

— *Роланд!* — закричал Эдди. — Роланд, он его сцапа...

Сильный удар отшвырнул его в сторону.

40

Сюзанна почувствовала, как ее приподняло в воздух и завертело. Мир превратился в расплывчатую карусель: стоящие камни, серое небо, сырая земля, усыпанная крупными градинами... и прямоугольная дыра в земле, похожая на крышку какого-то люка. Из этой дыры неслись жуткие крики. В теле ее рвался и бесновался демон, желая лишь одного: бежать, — но не в силах уже от нее оторваться, пока Сюзанна сама не отпустит его.

— *Давай!* — кричал Роланд. — *Отпускай его, Сюзанна! Ради отца своего, отпускай его! НУ!*

Она сделала, как он велел.

Не без помощи Детты Уокер Сюзанна соорудила в сознании у себя что-то вроде ловушки — силка из сплетенных ни-

тей, — и теперь она просто мысленно обрезала эти нити. В ту же секунду демон оторвался от нее, и на мгновение ее охватило странное ощущение ужасающей пустоты, тут же сменившееся облегчением, к которому примешалось, однако, еще одно чувство, мрачное и омерзительное: чувство, что ее осквернили.

В тот момент, когда тяжесть невидимой плоти перестала давить на Сюзанну, ей удалось мельком увидеть его — нечеловеческое существо вроде ската с громадными загнутыми на концах крыльями и с чем-то похожим на жуткий изогнутый крюк внизу. Она увидела/ощутила, как демон пронесся над темной дырой в земле. Увидела Эдди, который запрокинул голову, широко распахнув глаза. Увидела, как Роланд раскинул руки, пытаясь схватить демона.

Вес невидимой плоти отбросил стрелка назад. Он едва устоял на ногах: пошатнулся, но все-таки выпрямился, крепко сжимая в руках пустоту.

Продолжая бороться с невидимым существом, Роланд спрыгнул в дверной проем и исчез.

41

Внезапно сумрачный коридор особняка озарился ослепительным белым светом; крупные градины застучали по стенам, запрыгали по разломанным доскам пола. Джейк услышал какие-то непонятные крики и увидел стрелка, появившегося в дверном проеме. Он не прошел через дверь, а скорее спрыгнул, как будто откуда-то сверху. Сцепив руки в замок, он держал их перед собой, словно сжимая кого-то в объятиях.

Джейк почувствовал, что его ступни погружаются стражу в пасть.

— *Роланд!* — закричал он. — *Помоги мне, Роланд!*

Пальцы стрелка разжались, и в то же мгновение руки его широко разлетелись в стороны. Его отшвырнуло назад. Джейк почувствовал, как острые зубы стража вонзаются ему в ноги, готовые рвать плоть на куски и дробить кости... а потом что-то огромное и невидимое пронеслось у него над головой, как по-

рыв сильного ветра. Зубы тут же убрались. Рука, сжимавшая его ноги, ослабила хватку. Он услышал, как из пыльных глубин глотки стража рвется жуткий крик боли с изумлением пополам, но крик почти сразу затих, словно чудовище подавилось им.

Роланд схватил Джейка и поднял его на ноги.

— Ты пришел! — закричал Джейк. — Все-таки ты пришел!

— Да, я пришел. Милостью всевышних богов и отвагой друзей, я пришел.

Страж у них за спиной заревел опять. Джейк расплакался от облегчения и страха. Теперь дом стонал и скрипел, как корабль, застигнутый бурей. Обломки досок и крошащаяся штукатурка сыпались отовсюду. Схватив Джейка в охапку, Роланд бросился к двери. Мечущаяся вслепую рука привратника задела его по ноге. Стрелок отлетел к стене. Стена, как живая, попробовала удержать его. Роланд отскочил от нее подальше, развернулся на ходу и достал револьвер. Почти не целясь, он дважды выстрелил в руку. Один из уродливых пальцев стража рассыпался в пыль. Лицо привратника поменяло цвет, превратилось из белого в лилово-черное, тусклое, как будто чудовище задыхалось, — невидимое существо, отпущенное Роландом, рванувшись вперед на безумной скорости, влетело привратнику в глотку и заткнуло ее собой, не успев даже сообразить, что, собственно, происходит.

Роланд снова бросился к двери. И хотя никакого видимого барьера как будто не существовало, он встал на пороге как вкопанный, словно наткнувшись на плотную сеть, неразличимую глазом.

А потом он почувствовал, как руки Эдди хватают его за волосы и тянут, но не вперед, а вверх.

42

Они вынырнули во влажный воздух и в пелену града, как новорожденные — из материнской утробы. В роли повивальной бабки выступил, как и было предсказано Роландом, Эдди. Он лежал, растянувшись на влажной земле, вжавшись в грязь

грудью и животом, и, опустив обе руки в дверной проем, тянул Роланда за волосы.

— Сьюз! Помоги мне!

Она подползла к нему, просунула руку в дыру и подхватила Роланда под подбородок. Он поднимался наверх, запрокинув голову. Его губы кривились от боли и напряжения.

Вдруг Эдди почувствовал, как что-то порвалось. Одна рука его освободилась. В ней осталась лишь прядь густых, тронутых сединой волос Роланда.

— Он сейчас упадет!

— Нет, сукин сын... *не уйдешь!* — выдавила Сюзанна и рванула так, как будто намеревалась свернуть Роланду шею.

Из дверного проема в центре говорящего круга показались две маленькие руки и схватились за край. Как только Роланд освободился от веса Джейка, ему удалось упереться локтем о край дыры, и уже через мгновение он выбрался на поверхность. А Эдди тем временем схватил Джейка за руки и вытащил его наверх.

Джейк повалился на спину, пытаясь отдышаться.

Эдди повернулся к Сюзанне, крепко обнял ее и стал целовать: в лоб, в щеки, в шею... Он смеялся и плакал одновременно. Она теснее прижалась к нему, дыша тяжело и надрывно... но при этом она улыбалась, довольная, и гладила мокрые волосы Эдди.

Из дыры у них под ногами черным потоком изливались звуки: вопли, удары, завывание и визг.

Не поднимая головы, Роланд отполз подальше от дверного проема. Его волосы торчали клочьями во все стороны. По щекам текли струйки крови.

— Закрой дверь! — заорал он на Эдди. — Ради отца своего, шевелись!

Эдди лишь сдвинул дверь с места, а тяжелые невидимые пружины сделали остальное. Дверь захлопнулась, глухо ударившись о землю, отрезав все звуки, идущие с той стороны. Буквально на глазах у Эдди четкие очертания двери расплылись, опять превратившись в размытые линии в мокрой грязи. Дверная ручка утратила свою объемность и опять стала кругом, на-

рисованным на земле. Там, где мгновение назад была замочная скважина, осталась только неровная впадина, из которой торчала щепка, как рукоять меча — из камня.

Сюзанна бережно помогла Джейку сесть.

— С тобой все в порядке, мой сладкий?

Он посмотрел на нее затуманенным взором.

— Да, по-моему. А он где? Стрелок? Мне у него кое-что нужно спросить.

— Я здесь, Джейк. — Роланд встал на ноги. Шатаясь как пьяный, он подошел к Джейку и, усевшись с ним рядом на корточки, прикоснулся рукой к его щеке, как будто не веря, что мальчик действительно здесь.

— На этот раз ты не дашь мне упасть?

— Нет, — сказал Роланд. — Ни за что. Никогда.

Но в самых темных глубинах души стрелок помнил о Башне. И он усомнился.

43

Град обернулся ливнем, которому, казалось, не будет конца, однако на севере за пеленой клубящихся туч Эдди увидел проблески голубого неба. Буря скоро закончится, но все же не раньше, чем они все промокнут до нитки.

Но ему было уже все равно. Никогда в жизни Эдди не чувствовал себя так спокойно; никогда раньше не знал он такого умиротворения, когда на фоне предельной опустошенности пребываешь ты в мире с самим собой. Это безумное приключение еще далеко не закончилось — он даже подозревал, что оно только еще начинается, — но сегодня они одержали победу в решающей битве.

— Сьюз? — Он убрал мокрые волосы, закрывавшие ей лицо, и заглянул в ее изумительные темные глаза. — Ты как, в порядке? Он тебе сделал больно?

— Немножко да, но теперь это все позади. Сдается мне, демон там или не демон, Детта Уокер, эта сучка, так и осталась непревзойденной воительницей придорожных закусочных.

— Ты это о чем?

Она ехидно усмехнулась.

— Да так, о своем... теперь уже ни о чем... слава Богу. А ты-то как, Эдди? Нормально?

Эдди прислушался, но не услышал злорадного голоса Генри. Ему почему-то казалось, что голос брата умолк навсегда.

— И даже более чем. — Он рассмеялся, заключая ее в объятия. Через ее плечо он увидел, что осталось от двери: несколько расплывшихся линий и углов. Скоро дождь смоет и их.

44

— Как вас зовут? — спросил Джейк у женщины без ног. Только теперь до него дошло, что в отчаянной схватке с привратником он лишился штанов, и ему стало неловко. Он поспешно натянул низ рубашки, закрывая трусы. Впрочем, уж если на то пошло, от ее платья тоже мало что осталось.

— Сюзанна Дин, — назвалась она. — А как тебя зовут, я уже знаю.

— Сюзанна, — задумчиво повторил Джейк. — А ваш отец, случайно, не владеет железнодорожной компанией?

На секунду Сюзанна замешкалась в изумлении, не зная, что ей на это ответить, а потом запрокинула голову и рассмеялась.

— Нет, малыш, не владеет! Он был дантистом. Кое-что изобрел и на этом разбогател. А почему ты спросил?

Джейк не ответил. Он внимательно смотрел на Эдди. Теперь, когда его страх прошел, взгляд Джейка снова стал не по-детски спокойным и даже оценивающим — точно таким, каким помнил его Роланд еще по дорожной станции.

— Ну привет, Джейк, — сказал Эдди. — Рад тебя видеть, дружище.

— Привет, — сказал Джейк. — Сегодня я вас уже видел, но вы тогда были намного моложе.

— Я был намного моложе еще минут десять назад. С тобой все в порядке?

— Да, — отозвался Джейк. — Пару царапин себе заработал, но это так, пустяки. — Он огляделся по сторонам. — Я смотрю, поезда вы еще не нашли.

Это был не вопрос.

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, но Роланд лишь покачал головой:

— Пока нет.

— А голоса? Ваши исчезли?

Роланд кивнул.

— Да. А твои?

— Мои тоже. Я снова целый. Мы оба.

Они посмотрели друг другу в глаза, разом поддавшись одному и тому же порыву, и когда Роланд обнял Джейка, неестественное самообладание мальчика вдруг рассыпалось в прах, и он разрыдался — это был плач уставшего, но теперь успокоенного ребенка, который давно потерялся, долго скитался по свету один-одинешенек, многое пережил, но в конце концов все же вернулся домой, где ему хорошо, где он в полной безопасности. Когда Роланд заключил Джейка в объятия, тот тоже обнял стрелка за шею и сжал ее точно стальными тисками.

— Я никогда тебя больше не брошу. — Теперь Роланд плакал тоже. — Клянусь именем всех моих предков: *я тебя больше никогда не брошу.*

И все-таки сердце его — пожизненный пленник ка, наблюдательный и молчаливый — приняло слова клятвы не только с трепетом и изумлением, но и с сомнением тоже.

Лад:
ГРУДА ПОВЕРЖЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

Глава IV

ГОРОДОК И КА-ТЕТ

1

Наутро четвертого дня после того, как Эдди втащил его через дверь между двумя мирами, Джейк, лишившийся брюк и кроссовок, но сохранивший ранец и жизнь, проснулся от того, что кто-то теплый и влажный тыкался ему в лицо.

Случись что-то подобное в предыдущие дни, он наверняка перебудил бы всех жуткими воплями, потому что все эти три дня его мучила лихорадка, а во сне преследовали кошмары, где неизменно присутствовал страж-привратник из особняка. В этих снах брюки Джейка не соскальзывали у него с ног, привратник не отпускал его и запихивал каждый раз в пасть, и страшные зубы смыкались, обрушиваясь на него, как прутья решетчатых ворот, перегораживающих вход в старый средневековый замок. От этих снов Джейк просыпался с беспомощным стоном, весь дрожа.

Лихорадка случилась из-за укуса того гадкого паука. На второй день Роланд обследовал место укуса на его шее, обнаружил, что ранка не заживает, а, наоборот, становится хуже, и, коротко посовещавшись с Эдди, дал Джейку какую-то розовую таблетку.

— Каждый день, всю неделю, тебе придется глотать по четыре таких, — сказал он.

Джейк с сомнением поглядел на таблетку.

— Это что?

— *Чефлет,* — попытался выговорить Роланд, потом раздраженно взглянул на Эдди. — Скажи ему, как оно называется. *До сих* пор не могу его произнести.

— Кефлекс. Можешь не сомневаться, Джейк. Мы его раздобыли в Нью-Йорке, в старом добром Нью-Йорке, в аптеке, имеющей государственную лицензию. Роланд сожрал гору этих таблеток, и ничего с ним не стало, здоров как конь. Да и внешне немного похож, не находишь?

Джейк буквально опешил.

— А откуда у вас лекарство из Нью-Йорка?

— Это долгая история. — Роланд не стал вдаваться в подробности. — В свое время ты все узнаешь, а пока просто прими таблетку.

Джейк так и сделал. Подействовал кефлекс быстро. Уже через двадцать четыре часа воспаленная красная опухоль вокруг укуса начала бледнеть и спадать, а теперь прошла и лихорадка.

Кто-то теплый снова уткнулся ему в лицо, и Джейк рывком приподнялся, широко раскрыв глаза.

Существо, которое вылизывало ему щеку, поспешно отступило на пару шажков. Это был ушастик-путаник, но Джейк об этом не знал: он никогда раньше не видел такую зверюшку. Этот был далеко не такой упитанный, как те, которых путники встречали раньше. Его шкурка, черная с серыми полосами, потускнела, свалялась и местами вытерлась. На одном боку темнел сгусток старой запекшейся крови. И хотя черные глазки с золотым ободком глядели на Джейка с опаской, зверюшка миролюбиво помахивала хвостом. Джейк расслабился. Конечно, из всякого правила есть исключения, но существо, так забавно машущее хвостом, по крайней мере пытающееся это сделать, наверное, не очень опасное.

Рассвет еще только забрезжил на темном небе. Было около половины шестого утра. Точнее Джейк определить не мог: его цифровые часы «Сейко» здесь не работали... то есть не то чтобы совсем не работали, но вели себя очень странно. Когда он взглянул на них в первый раз после того, как попал в этот

мир, часы показывали 98.71.65 — время, которого не существует. Вскоре Джейк сообразил, что часы идут не вперед, а назад. Если бы цифры менялись на них с постоянной скоростью, он бы как-то сумел еще приспособиться, но часы словно взбесились. Иногда цифры менялись с обычной скоростью, во всяком случае, Джейк считал ее таковой (чтобы это проверить, он произносил слово «Миссисипи» между изменениями секундной индикации), а потом вдруг останавливались секунд на десять, а то и на двадцать, так что Джейк начинал уже думать, что «Сейко» его приказали долго жить, но тут показатели снова менялись на несколько цифр разом.

Джейк рассказал о загадочном их поведении Роланду и показал ему часы, думая, что тот удивится, но Роланд лишь мельком взглянул на них, потом кивнул и безнадежно махнул рукой, заметив только, что часы, да, хороши, но в нынешние времена от подобных приборов не много толку. Но Джейк все равно не хотел их выбрасывать, пусть они даже были совсем бесполезны... потому что часы напоминали ему о той, прошлой жизни, от которой у Джейка и так мало что осталось.

В данный момент, если верить часам, было 40.62 среды, четверга и субботы в марте и декабре одновременно.

Утренний туман был очень густым: на расстоянии в пятьдесят — шестьдесят футов мир просто-напросто исчезал. Если сегодняшний день будет таким же, как три предыдущих, солнце проглянет часа через два в виде призрачного белого диска, а к половине десятого день станет ясным и жарким. Джейк огляделся. Его спутники (он пока еще не решался назвать их друзьями) все еще спали под одеялами из шкур: Роланд — рядом с ним, Эдди с Сюзанной — с той стороны погасшего костра.

Он опять повернулся к зверьку, который его разбудил. Больше всего существо походило на помесь енота с сурком и заодно немножечко с таксой.

— Как поживаешь, малыш? — спросил он тихонько.

— *Ыш!* — мгновенно отозвался ушастик, не сводя с Джейка встревоженных глаз. Голос его, глуховатый и низкий, больше всего походил на лай — голос английского футболиста, у которого простужено горло.

Джейк даже вздрогнул от неожиданности. Ушастик-путаник, испуганный резким движением мальчика, отбежал еще на пару шагов назад. Джейку показалось, что тот сейчас бросится наутек, но зверек остановился и еще энергичнее замахал хвостом, продолжая с опаской разглядывать Джейка своими большими черными глазами с золотым ободком. Усы на его острой мордочке мелко подрагивали.

— Он все еще помнит людей, — раздался голос за спиной у Джейка. Он обернулся и увидел, что Роланд проснулся. Стрелок сидел, опершись локтями о колени и свесив длинные руки между ног, и смотрел на ушастика с неподдельным интересом, которого наполовину не удостоились часы Джейка.

— Это кто? — спросил Джейк, понизив голос, чтобы не вспугнуть животное. Он был очарован. — Какие красивые у него глаза!

— Ушастик-путаник.

— *Утаник!* — выдал зверек, отступая еще на шаг.

— Он разговаривает!

— Ну, не то чтобы разговаривает. Ушастики лишь повторяют, что слышат, по крайней мере так было раньше. Я уже многие годы такого не слышал. А этот приятель, похоже, изголодался. Пришел, наверное, чем-нибудь поживиться.

— Он лизал мне лицо. Можно, я его покормлю?

— Только учти, мы потом от него не избавимся, — строго сказал Роланд, но затем улыбнулся и щелкнул пальцами. — Эй! Ушан!

Зверек на удивление точно воспроизвел звук щелчка. Казалось, он щелкает язычком по небу.

— *Эй!* — повторил он своим хриплым голосом. — *Эй, Шан!* — И замахал хвостом еще пуще.

— Подойди к нему и чего-нибудь дай, — сказал Роланд Джейку. — Помню, один старый конюх говорил, что хороший ушастик приносит удачу. Этот, по-моему, хороший.

— Да, — согласился Джейк. — И по-моему, тоже.

— Когда-то ушастики были совсем ручными, то есть их приручали, и каждый барон держал их с полдюжины при своем замке или в поместье. В общем, они ни на что не годятся в хозяй-

стве, разве что крыс ловить да забавлять детишек. Они очень преданные животные, во всяком случае, так было раньше, хотя в этом смысле с собаками им не сравниться. А дикие особи — настоящие стервятники, питающиеся падалью. Они не опасны, но могут доставить немало хлопот.

— *Опот!* — воскликнул ушастик, глядя встревоженно то на стрелка, то на Джейка.

Джейк медленно залез в ранец, стараясь не делать резких движений, чтобы не вспугнуть зверька, вынул оттуда остатки «стрелецкого голубца» и бросил кусочек ушастику. Тот отскочил, слабо, по-детски вскрикнув, и повернулся к ним задом, демонстрируя пушистый, закрученный штопором хвост. Джейк решил, что зверек убежит, и немного расстроился, но ушастик остановился и с сомнением оглянулся через плечо.

— Ну давай, — подбодрил его Джейк. — Кушай, малыш.

— Ыш, — буркнул ушастик, но не сдвинулся с места.

— Дай ему время, — сказал Роланд. — Мне кажется, он не уйдет.

Ушастик потянулся, подняв кверху длинную и на удивление изящную шею. Черный носик задергался, уловив запах пищи. Зверек осторожно приблизился к угощению, и Джейк заметил, что он немного прихрамывает. Ушастик понюхал «голубец», а потом, ловко поддев его лапой, отделил оленину от листа, в который было завернуто мясо. Проделал он это очень аккуратно, едва ли не торжественно. Вытащив кусок мяса, зверек проглотил его одним махом и поднял голову, глядя на Джейка.

— Ыш! — сказал он.

Джейк рассмеялся. Ушастик снова отпрыгнул назад.

— Отощала зверюга, — пробормотал сонный Эдди у них за спиной. При звуке нового голоса ушастик мигом развернулся и скрылся в тумане.

— Вы его напугали! — произнес Джейк с укоризной.

— Ну извини, — сказал Эдди, приглаживая ладонью всклокоченную после сна шевелюру. — Знай я раньше, что это твой друг, я бы ему предложил кофе с булкой.

Роланд похлопал Джейка по плечу.

— Он вернется.

— Вы думаете?

— Если с ним ничего не случится, то да. Мы же его покормили, верно?

Не успел Джейк ответить, как снова раздался грохот барабанов. Они слышали этот странный ритм уже третье утро подряд и дважды по вечерам, когда день тонул в сумерках: глухой, монотонный гул, доносящийся со стороны города. В это утро, однако, звук был более четким, пусть и столь же непонятным, как и прежде. Джейк успел уже возненавидеть его. Ему все представлялось, что где-то там, под покровом густого, безликого утреннего тумана, бьется сердце какого-то исполинского зверя.

— Ты так и не знаешь, Роланд, что это такое? — спросила Сюзанна. Она тоже уже проснулась. Завязала волосы в хвост и сворачивала теперь одеяло, под которым они с Эдди спали.

— Нет. Но скоро, по-моему, мы все узнаем.

— Весьма обнадеживающе, — кисло заметил Эдди.

Роланд поднялся.

— Пойдемте. Не будем зря тратить время.

2

Уже час они шли по дороге. Туман начал рассеиваться. Коляску Сюзанны они толкали по очереди, причем труд этот был не из легких — теперь на пути все чаще и чаще попадались большие неровные булыжники. Вскоре небо прояснилось, и стало жарко. Очертания города проступили на горизонте, на юго-востоке, во всей красе. Джейку казалось, что город этот мало чем отличается от Нью-Йорка, хотя, с другой стороны, вряд ли там есть очень высокие небоскребы. Если он, как и почти все в мире Роланда, пришел в запустение, отсюда — издалека — этого было не разглядеть. Как и Эдди, Джейк постепенно преисполнился молчаливой и робкой надеждой на то, что там будут люди и что они им окажут помощь... или хотя бы накормят горячим.

По левую руку, милях, наверное, в тридцати — сорока, виднелась широкая полоса воды — река Сенд. Над ней стаями кру-

жили птицы. Время от времени то одна, то другая, сложив крылья, камнем падала вниз. Вероятно, за рыбой. Медленно, но верно река и дорога сближались, хотя точка их пересечения находилась по-прежнему вне поля зрения.

Теперь впереди показались и другие строения. Большинство походило на фермы, однако все они, похоже, стояли пустыми. Некоторые постройки совсем разрушились, но, судя по виду, скорее от времени, нежели от «огня и меча», и это последнее обстоятельство лишний раз подтверждало надежды Эдди и Джейка — надежды, которые оба держали в секрете, опасаясь насмешек. На равнинах паслись небольшие стада незнакомых косматых животных. Они старались держаться вдали от дороги и подходили к ней только тогда, когда им нужно было ее перейти, причем дорогу звери перебегали галопом, как стайка детишек, которые боятся машин. Джейк нашел, что они очень напоминают бизонов... вот только у некоторых было по две головы. Когда он сказал об этом Роланду, тот кивнул и заметил:

— Мутанты.

— Как те под горами? — В голосе Джейка явственно слышался страх. Мальчик понимал, что если уж он даже сам это заметил, то стрелок и подавно, но он ничего не мог с собой поделать: слишком яркими были воспоминания об их бесконечном кошмарном пути по тоннелю на дрезине.

— Здесь, как мне кажется, мутанты вымирают. А существа под горами продолжают вырождаться, становясь все уродливее.

— А там? — Джейк указал на город. — Там тоже будут мутанты или все-таки... — Он умолк; он и так подошел слишком близко к тому, чтобы высказать затаенную свою надежду.

Роланд пожал плечами.

— Я просто не знаю, Джейк. Я бы сказал тебе, если б знал.

Они как раз проходили мимо пустого строения — когда-то здесь наверняка была ферма — со следами давнего пожара. *Вполне может быть, что из-за молнии,* — подумал Джейк и тут же задался вопросом, что именно он сейчас делает или пытается сделать: подобрать подходящее объяснение или же обмануть себя.

Роланд, словно прочтя его мысли, приобнял Джейка за плечи.

— Гадать все равно бесполезно, Джейк, — сказал он. — Что бы здесь ни случилось, это все произошло давным-давно. Вон смотри. — Он указал рукой. — Там, наверное, был загон для скота. И что теперь от него осталось? Несколько палок торчит из травы и все.

— Мир сдвинулся с места?

Роланд лишь молча кивнул.

— А люди? Они ушли в город, да?

— Одни, наверное, ушли, — сказал Роланд. — А другие по-прежнему здесь.

— Что?! — испуганно обернулась к нему Сюзанна.

Роланд кивнул.

— Уже два дня за нами следят. Не то чтобы много в этих старых развалинах, но кое-кто из людей обретается, это точно. И таких будет все больше. Когда подойдем ближе к цивилизованному миру, убедитесь сами. — Он на мгновение умолк и поправился: — Вернее, к тому, что когда-то было цивилизованным миром.

— А как вы их вычислили? — спросил Джейк, сгорая от любопытства.

— Я их учуял. По запаху. Видел несколько огородов, скрытых за зарослями сорняков. Их сеют нарочно, чтобы скрыть посадки от посторонних глаз. И еще видел одну ветряную мельницу в роще. Она работала. Но самое главное, это чувство... как тень на лице вместо света солнца. Вы тоже скоро почувствуете, вот увидите.

— А как по-твоему, они не опасны? — спросила Сюзанна. Они как раз приближались к большому ветхому строению. Когда-то, наверное, там был склад или, может быть, деревенский рынок. Сюзанна с тревогой покосилась на здание. Рука ее безотчетно легла на рукоять револьвера, который она носила в кобуре на груди.

— А незнакомый пес будет кусаться? — ответил Роланд вопросом на вопрос.

— А попроще нельзя? — вставил Эдди. — Меня, знаешь, Роланд, просто бесит, когда ты заводишь свои дзэн-буддийские штучки.

— Выражение такое. Не знаю, значит, — пояснил Роланд. — А кто такой этот Дзэн Буддист? Такой же умный, как я?

Эдди долго смотрел на Роланда, но потом все же решил, что это, наверное, стрелок так шутит. Кстати, шутил Роланд крайне редко.

— Ладно, кончай дурака валять. — Прежде чем отвернуться, Эдди успел заметить, как дернулся уголок рта Роланда. Он уже взялся за ручки на спинке коляски Сюзанны, как вдруг что-то его отвлекло. — Эй, Джейк! — позвал он, присмотревшись получше. — Кажется, ты приобрел друга!

Джейк обернулся и вдруг весь расплылся в улыбке. Сзади, ярдах в сорока, тощий ушастик-путаник с усердием вышагивал следом за ними, припадая на одну лапу и нюхая на ходу молодую траву, что проросла между крошащимися булыжниками дороги.

3

В пути прошел уже не один час. И вот Роланд объявил привал и велел всем приготовиться.

— К чему приготовиться? — уточнил Эдди.

Роланд лишь пристально на него посмотрел.

— Ко всему.

Было, наверное, часа три пополудни. Они остановились у точки пересечения Великого Тракта с долгой грядой пологих холмов, что протянулась по диагонали через равнину, точно складка на одеяле — самом большом одеяле в мире. Дорога вела вниз по склону и через самый настоящий городок. Первый у них на пути. Похоже, поселение это давно опустело... но Эдди держал в голове их сегодняшний утренний разговор. Он не забыл, что сказал Роланд. И вопрос стрелка *«А незнакомый пес будет кусаться?»* уже не казался ему «дзэн-буддийскими штучками».

— Джейк?

— Чего?

Эдди кивком указал на «ругер», который торчал из-за пояса Джейковых джинсов — запасной пары, которую он запихал в рюкзак, уходя из дома.

— Может быть, я заберу пистолет себе?

Джейк вопросительно поглядел на Роланда, но стрелок только пожал плечами, как бы желая сказать: «Решай сам».

— О'кей. — Джейк вытащил из-за пояса пистолет и отдал его Эдди. Потом расстегнул ранец и достал со дна заряженную обойму. Почему-то он вспомнил, как лазил за ней в отцовский стол — она лежала за грудой папок, — но теперь все это казалось таким невозможно далеким. Вспоминая о жизни в Нью-Йорке и днях ученичества в школе Пайпера, Джейк как будто смотрел в перевернутый бинокль.

Эдди взял у него обойму, внимательно осмотрел со всех сторон, вставил ее в рукоятку «ругера», проверил предохранитель и сунул пистолет себе за пояс.

— Слушайте очень внимательно и запоминайте, — сказал Роланд. — Если там, в поселении, действительно кто-то живет, то скорее всего это будут одни старики. И еще неизвестно, кто кого больше испугается: мы — их или они — нас. Молодых здесь давно уже нет. А у тех, кто остался, вряд ли есть при себе оружие, я имею в виду огнестрельное... вполне может статься, что они в жизни не видели револьверов, таких, например, как у нас... разве что на картинках из старых книжек. Так что не делайте никаких угрожающих жестов. И не забывайте одно хорошее детское правило: говорить следует только тогда, когда к тебе непосредственно обращаются.

— А как насчет луков со стрелами? — осведомилась Сюзанна.

— Да, у них могут быть луки. Равно как дубины и копья. Это не исключено.

— И не забудь еще камни, — мрачно заметил Эдди, глядя вниз на скопление деревянных домишек. Поселение у дороги походило на город-призрак, но кто стал бы за это ручаться? — А если у них там напряг с камнями, на дороге булыжников хватит на всех.

— Да уж, — согласился Роланд, — всегда что-нибудь да найдется. Но сами в драку мы лезть не будем... всем ясно?

Они все кивнули, мол, ясно.

— А не проще вообще обойти его стороной? — предложила Сюзанна.

Роланд рассеянно кивнул, не сводя глаз с поселения внизу. Ближе к центру городка Великий Тракт пересекался с другой дорогой, и обветшалые домики у перекрестка походили на цель в центре оптического прицела.

— Проще. Но мы пойдем прямо. Ходить в обход — дурная привычка. Втянуться легко, но зато потом трудно избавиться. Идти напрямик всегда лучше, если, конечно, нет явных причин для того, чтобы этого не делать. В данном случае я не вижу таких причин. И если там правда есть люди... что ж, оно, может, и к лучшему. А вдруг мы узнаем что-нибудь ценное. Главное, как-то их разговорить.

Сюзанна отметила про себя, что Роланд как-то изменился, и не только потому, что теперь его не донимали призрачные голоса. *Таким он, наверное, был в те дни, когда сам шел на битву и вел в сражение своих людей, когда ему было за что воевать, когда его окружали друзья,* — решила она. — *Он был таким до того, как мир сдвинулся с места и сам он сдвинулся вместе с ним, отправившись в погоню за этим Уолтером. Он был таким до того, как Великая Пустошь вывернула его наизнанку и сделала каким-то отчужденным, странным.*

— Может быть, они знают, что это за барабанный бой? — сказал Джейк.

Роланд снова кивнул.

— Все, что они могут знать — и в особенности про город, — может очень нам пригодиться, и все же не стоит надеяться на подсказку людей, которых, возможно, там вовсе и нет.

— Знаешь, что я тебе скажу, — вдруг вмешалась Сюзанна. — Я бы точно не стала высовываться, если бы увидела на дороге такую компашку, как наша. Четверо незнакомцев, трое вооружены... Мы, наверное, похожи на банду головорезов из твоих древних историй, Роланд... как ты их там называл?

— Лиходеи. — Ладонь стрелка легла на сандаловую рукоять револьвера. — Но не родился еще лиходей, у которого было б такое оружие. — Он еще крепче сжал рукоять, приподнимая револьвер, так что тот наполовину высунулся из кобуры. — И если в этом селении есть кто-то, кто еще помнит старые времена, то они должны знать. Пойдемте.

Джейк обернулся. Положив острую мордочку на короткие передние лапы, ушастик улегся прямо посреди дороги и тихонько ждал, внимательно глядя на людей.

— Ыш! — позвал Джейк.

— Ыш! — эхом отозвался ушастик и мгновенно вскочил.

Они направились вниз по пологому склону. Впереди — четверо путников. Следом за ними — Ыш.

4

Два здания на окраине городка были сожжены дотла; остальная часть города, сплошь покрытого пылью, оказалась нетронутой. Они прошли по центральной улице, мимо заброшенного извозчичьего двора по левую руку, по правую руку осталось какое-то здание, которое когда-то давно было, наверное, рынком, и оказались в собственно городе, если можно назвать городом около дюжины обветшалых домишек, лепящихся по обеим сторонам дороги и разделенных узенькими переулочками. Вторая дорога — грунтовый тракт, заросший густой травой, — тянулась через весь городок с северо-востока на юго-запад.

Поглядев вдоль дороги на северо-восток, в направлении реки, Сюзанна еще подумала: *Когда-то по здешней реке, наверное, ходили баржи, а дальше по этой дороге должна быть пристань и, быть может, еще один городок — даже и не городок, а скопление харчевен и баров у пристани. Последняя торговая точка, а дальше баржи с товарами шли прямо в город. А по дороге ездили туда и обратно крытые повозки. Как давно это было?*

Ответа она не знала — но, судя по жалкому состоянию городка, было это давным-давно.

Где-то неподалеку противно и монотонно скрипела ржавая дверная петля. С равнины дул ветер — в одном из домов незакрепленная ставня тоскливо билась о стену.

Перед домами имелись специальные поручни, чтобы привязывать лошадей или вьючных животных. Большинство из них были сломаны. В прежние времена вдоль домов проходил дощатый тротуар, но доски давно уже сгнили, и через проломы и дыры теперь пучками пробивалась сорная трава. Таблички и вывески на домах повыцвели, но кое-какие из них еще можно было прочесть. Надписи были сделаны на некой варварской вариации английского. *Должно быть,* — решила Сюзанна, — *это и есть пресловутая низкая речь, о которой упоминал Роланд.* ЗЕРНО И КОРМ — сообщала одна из вывесок. Наверное, имелось в виду: «Зерно и фураж». На фасаде соседнего здания под неуклюжим изображением буйвола, развалившегося в траве, было написано: ОТДОХНУТЬ, ВЫПИТЬ, ПОКУШАТЬ. Дверь в заведение, слегка покосившаяся от времени, легонько покачивалась на ветру.

— Это что, как бы салун? — шепотом проговорила Сюзанна. Она и сама толком не поняла, с чего вдруг понизила голос. Просто ей показалось, что даже нормальный голос будет звучать здесь не очень уместно, все равно что песенка под аккомпанемент банджо на похоронах.

— Был, — отозвался Роланд, и хотя он сказал это не шепотом, голос его все равно прозвучал как-то тихо и задумчиво. Джейк шагал рядом с ним, нервозно оглядываясь по сторонам. Чуть позади — теперь не далее чем в десяти ярдах, — быстро перебирая лапками, топал Ыш. Зверек с любопытством разглядывал старые здания. Голова его, точно маятник, болталась из стороны в сторону.

Теперь и Сюзанна почувствовала, что кто-то за ними следит. Именно об этом неприятном ощущении недавно говорил Роланд: как будто тень скрыла солнечный свет.

— Здесь кто-то *есть?* — прошептала она.

Роланд только кивнул.

На северо-восточном углу перекрестка стоял большой дом, тоже с вывеской. Сюзанна сумела ее разобрать: ПРИСТАНИ-

ЩЕ И НОЧЛЕГ. Не считая церквушки с покосившейся колокольней, это был самый высокий здесь дом. Целых три этажа. Подняв голову кверху, Сюзанна успела заметить белое пятно — наверняка чье-то лицо, — промелькнувшее в пустом, без стекол, окне. Ей вдруг захотелось убраться отсюда как можно скорее. Но Роланд шагал не спеша, причем явно нарочно, и она, кажется, знала почему. Если они сейчас станут спешить, они тем самым покажут наблюдателям, затаившимся где-то неподалеку, что им здесь страшно... что с ними можно справиться. Но как бы там ни было...

На перекрестке улицы расширялись, образуя городскую площадь, которая давно заросла сорной травой. В самом центре ее одиноко торчал изъеденный временем столбовой камень, а над ним на проржавевшем тросе висела какая-то металлическая коробка.

Роланд — Джейк не отходил от него ни на шаг — приблизился к камню. Следом за ним подошел и Эдди, толкая перед собой коляску с Сюзанной. В спицах коляски шуршала трава. Ветерок трепал прядь волос на виске Сюзанны. Где-то вдалеке продолжал стучать ставень и скрипела дверная петля. Сюзанна невольно поежилась и убрала прядь с лица.

— Быстрей бы отсюда смотаться, — сказал ей Эдди, понизив голос. — Жутковатое место.

Сюзанна кивнула. Оглядев площадь, она опять живо себе представила, как здесь все было в базарный день. Она как будто увидела это воочию: толпы народа на тротуарах... городские матроны с корзинами на руке пробираются сквозь толпу, состоящую в основном из извозчиков, торговцев и небрежно одетых матросов с барж (она понятия не имела, откуда вообще взяла эти баржи, но ей почему-то казалось, что так оно все и было)... телеги, загромождающие городскую площадь... повозки, ползущие по немощеной дороге, поднимая клубы желтой пыли... погонщики, понукающие лошадей (*быков, это были быки*) кнутами. Она словно *видела* их: телеги с перекинутыми поверх них пыльными кусками брезента, прикрывающими тюки с мануфактурой или пирамиды пропитанных смолой бочек. Видела этих быков, запряженных в телеги по

два, — терпеливые, невозмутимые, они подергивали ушами, отгоняя надоедливых мух, кружащих над их огромными головами. Она слышала голоса, и смех, и грохот кабацкого пианино, на котором наяривали разухабистые вещицы типа «Девчонки из Буффало» или «Милашка Кэти».

Я как будто уже здесь жила... в другой жизни, — подумалось вдруг Сюзанне.

Стрелок склонился над камнем, рассматривая надпись.

— Великий Тракт, — прочитал он вслух. — Лад, сто шестьдесят колес.

— Колес? — переспросил Джейк.

— Древняя мера длины.

— Ты слышал когда-нибудь об этом Ладе? — спросил у Роланда Эдди.

— *Возможно,* — отозвался стрелок. — Когда был совсем маленьким.

— Лад, гад, разлад... ничего себе рифмочки, — пробурчал Эдди. — Нехороший знак, тебе не кажется?

Джейк обошел столбовой камень и встал с восточной его стороны.

— Речная дорога, — сообщил он. — Правда, написано както странно, но все равно понять можно.

Эдди занялся изучением западной стороны камня.

— Здесь написано: «Джимтаун, сорок колес». Слушай, Роланд, а не там ли, случайно, родился Уэйн Ньютон?

Роланд в недоумении уставился на него.

— Все, я заткнулся. — Эдди кивнул ему и театрально закатил глаза.

На юго-западном углу площади стояла единственная в городке каменная постройка — приземистое запыленное здание в форме куба с ржавыми решетками на окнах. *Наверное, городской суд и тюрьма по совместительству,* — решила Сюзанна. Подобные здания она не раз видела у себя на юге; добавить только у входа косую разметку для парковки автомобилей — и будет один к одному. На его фасаде красовалась какая-то надпись, выведенная давно поблекшей желтой краской. Сюзанна сумела ее прочитать. И хотя она не совсем уловила смысл, ей

вдруг еще сильнее захотелось убраться отсюда подобру-поздорову — подальше от этого странного места. МЛАДЫ МРУТ, — сообщала надпись.

— Роланд! — окликнула она, и когда тот повернулся, указала на желтые буквы. — Что это значит?

Он прочел надпись на каменном здании и покачал головой:

— Без понятия.

Сюзанна опять огляделась по сторонам. Ей показалось, что площадь стала как будто меньше, а здания чуть сдвинулись к центру, нависая над ними.

— Может, двинем отсюда?

— Сейчас.

Роланд нагнулся и поднял с дороги обломок булыжника, выковырнув его из мостовой. Задумчиво взвешивая камешек на ладони, он поглядел, точно прицеливаясь, на металлическую коробку, что висела над столбовым камнем. И только когда стрелок отвел руку, готовясь к броску, Сюзанна — с секундным опозданием — сообразила, что он сейчас собирается сделать.

— Нет, Роланд! — выкрикнула она и невольно поморщилась. Ей самой стало не по себе от звука собственного испуганного голоса.

Не обращая на нее внимания, Роланд швырнул камень в коробку. Бросок, как всегда, вышел точным — камень с глухим металлическим лязгом врезался в самый центр коробки. Внутри ее что-то щелкнуло, послышался звук заработавшего часового механизма, и из прорези на боку выскочил металлический зеленый флажок, весь покрытый ржавчиной. Звякнул колокольчик. Большими черными буквами на флажке было написано: ИДИТЕ.

— Будь я проклят! — искренне изумился Эдди. — Светофор, мать твою, не иначе! Интересно, а если еще раз вдарить по этой штуке, она что, выкинет красный флажок, мол, СТОЙТЕ?

— Мы не одни, — невозмутимо заметил Роланд и указал на квадратное здание, которое Сюзанна приняла за городской суд. Из него вышли мужчина и женщина и спускались теперь по

каменным ступеням. *Ты выиграл пупса, Роланд,* — подумала про себя Сюзанна. — *Они оба такие древние, старше Господа Бога.*

Мужчина был одет в вытертый комбинезон, на голове у него красовалась невероятных размеров соломенное сомбреро. Женщина, в домотканом платье и шляпке с полями козырьком, шла рядом с ним, опираясь рукой о голое загорелое плечо мужчины. Когда они подошли поближе, Сюзанна увидела, что женщина слепая и что зрения она лишилась при страшных обстоятельствах: на месте глаз у нее остались лишь неглубокие глазницы, затянутые рубцами кожи. Выглядела она смущенной и перепуганной одновременно.

— А если они лиходеи, Си? — воскликнула слепая. Ее надтреснутый голос дрожал. — Убьют нас сейчас, будешь ты виноват, так и знай!

— Помолчи пока, Мерси, — бросил в ответ старик. Оба они говорили с ярко выраженным акцентом, так что Сюзанна с трудом разбирала слова. — Не лиходеи они, уймись. Я же тебе говорю, с ними млад... а лиходеи не шастают с младами.

Несмотря на слепоту, женщина сделала было движение, стремясь оторваться от своего провожатого. Она была явно напугана. Старик тихо выругался и поймал ее за руку.

— Да успокойся ты, Мерси! Прекрати, я тебе говорю! Еще упадешь чего доброго и расшибешься, черт возьми!

— Мы вам не сделаем ничего плохого, — крикнул Роланд так, чтобы они услышали. Он перешел на Высокий Слог, и при первых же звуках его голоса в глазах старика промелькнул недоверчивый огонек. Женщина повернулась в их сторону, обратив к Роланду незрячие свои глазницы.

— Стрелок! — не сдержал восклицания старик. Его голос срывался и дрожал от возбуждения и восторга. — Боже милостивый, стрелок! Я знал, что так будет! Я знал!

Он бегом бросился к ним через площадь, волоча за собой старуху. Она беспомощно семенила следом, и Сюзанна вся напряглась, опасаясь, что слепая вот-вот упадет. Однако первым упал старик, тяжело грохнувшись на колени, а она растянулась с ним рядом, больно ударившись о булыжники Великого Тракта.

5

Джейк почувствовал, как что-то лохматое ткнулось ему в лодыжку. Поглядев вниз, он увидел, что к ноге его жмется Ыш, перепуганный, как никогда. Джейк осторожно присел и погладил Ыша по голове — чтобы успокоить зверька и успокоиться самому. Шерсть у ушастика оказалась на удивление шелковистой, приятной и мягкой на ощупь. Поначалу ему показалось, что Ыш сейчас бросится наутек, но тот лишь поднял свою острую мордочку, лизнул Джейка в ладонь и снова тревожно уставился на старика со старухой — двух новых людей. Мужчина пытался помочь слепой встать, но пока безуспешно. Она только дергалась и мешала ему, в явном смятении ворочая головой, как будто не понимая, что с ней такое случилось.

Старик, которого звали Си, при падении разбил руки в кровь, но он, кажется, этого не замечал. Оставив тщетные свои попытки поднять старуху, он снял сомбреро и прижал его к груди. Джейк решил, что оно по размерам не уступает здоровенной корзине емкостью этак в бушель*.

— Добро пожаловать к нам, стрелок! — закричал древний старец. — Вот уж воистину добрая встреча! А я было думал, что все ваше племя давно исчезло с лица земли, но я, слава Богу, ошибся!

— Спасибо за добрый прием, — отозвался стрелок на Высоком Слоге и осторожно взял слепую старуху за руки чуть выше локтей. Она на мгновение вся сжалась, но тут же расслабилась и позволила ему помочь ей встать. — Надень шляпу, старче. Солнце сегодня печет.

Старик так и сделал и замер на месте, не отрывая сияющих глаз от Роланда. Джейк даже не понял сначала, почему вдруг заблестели глаза старика, но потом он увидел — от слез.

— Стрелок! Я *говорил* тебе, Мерси! Я сказал тебе сразу, как только увидел у них эти железные штуки, из которых палят!

— Так они не лиходеи? — переспросила старуха, как будто не веря своим ушам. — Ты уверен, что не лиходеи, Си?

---

* Американский бушель равен 35,2 л.

Роланд повернулся к Эдди:

— Проверь как следует предохранитель и дай ей потрогать Джейков револьвер.

Эдди вытащил из-за пояса «ругер», проверил предохранитель и осторожно вложил пистолет в руки слепой старухи. Та судорожно сглотнула, едва не выронила пистолет, но все-таки удержала и, изумленно его ощупав, повернулась лицом к старику.

— Револьвер! — прошептала она. — Святые угодники...

— Ну, так себе штучка, — нарочито небрежно ответил старик на ее восторги, отобрал у нее пистолет и вернул его Эдди. — А вот у стрелка револьвер *настоящий,* и еще второй, тот, у женщины. Кстати, у женщины темная кожа, как у людей из Гарлана, если верить рассказам батюшки.

Ыш пронзительно тявкнул. Джейк оглянулся. К ним направлялись по улице еще люди — человек пять или шесть. Как Си и Мерси, все они были глубокими стариками, а одна из них — согбенная старуха с клюкой, похожая на ведьму из сказки — выглядела невероятно древней. Когда они подошли поближе, Джейк обратил внимание на двух мужчин, неразличимо похожих друг на друга. Близнецы. Длинные пряди седых волос ниспадали на плечи их латаных-перелатаных домотканых рубах. Кожа у них была белой, как новая простыня, глаза — розовыми.

Альбиносы, — подумал Джейк.

Как видно, главной у них была древняя «ведьма» с клюкой. Опираясь о палку, она подошла к небольшому отряду Роланда, не сводя с них пытливого взгляда зеленых, как изумруды, глаз. Губ ее почти не было видно: они ввалились в беззубый рот. Ветер, дувший с равнин, шевелил край старой шали у нее на плечах. Наконец взгляд ее остановился на Роланде.

— Ну здравствуй, стрелок! Добрая встреча воистину! — Она обратилась к нему на Высоком Слоге, и Джейк, как, впрочем, и Эдди с Сюзанной, прекрасно ее понимал, хотя можно было предположить, что в их собственном мире речь ее показалась бы им, наверное, набором бессмысленных звуков. — Добро пожаловать на Речной Перекресток!

Еще когда она только приблизилась, Роланд снял шляпу и теперь поклонился старухе, трижды коснувшись горла искалеченной правой рукой.

— Благодарю тебя, Древняя Матерь.

В ответ старуха хихикнула, но смех ее был чистым и искренним, и вдруг до Эдди дошло, что Роланд одновременно отпустил очень удачную шутку и сделал лестный комплимент. Теперь и он тоже, вслед за Сюзанной, подумал о том, что постепенно Роланд становится самим собой. *Вот каким он когда-то был... вот как держался с людьми. Ну хотя бы отчасти так.*

— Ты, может быть, и стрелок, но под одежей своей ты просто еще один глупый мужчина, — высказалась старуха, переходя на низкую речь.

Роланд опять поклонился.

— При виде такой красоты я всегда просто дурею, мать.

На этот раз старуха буквально разразилась хриплым смехом. Ыш в страхе прижался к ноге Джейка. Один из близнецов-альбиносов рванулся вперед поддержать старуху, которая покачнулась, давясь от смеха, на каблуках своих стоптанных пыльных туфель. Однако она сумела сама сохранить равновесие и надменно взмахнула рукой — мол, не лезь. Альбинос поспешно ретировался.

— Далеко, стрелок, держишь путь? — Она буквально впилась в него взглядом своих проницательных глаз. Когда она говорила, сморщенный рот с ввалившимися губами едва открывался.

— Да, — отозвался Роланд. — Мы ищем Темную Башню.

Все остальные лишь озадаченно переглянулись, но старуха, резко подавшись назад, сделала охранительный знак от дурного глаза — не в их сторону, как заметил Джейк, а на юго-восток, вдоль «дорожки» Луча.

— Жаль мне было услышать такое! — воскликнула она. — Ибо никто из ушедших на поиски этого черного пса не вернулся назад! Так говорил мне мой дед; а ему то же самое говорил его дед! Никто!

— *Ка,* — спокойно проговорил стрелок, как будто этим все объяснялось... и только теперь Джейк потихоньку начал понимать, что для Роланда так оно и есть.

— Да, — согласилась старуха, — черный пес *ка!* Ну что ж, стрелок, делай что должен и, пока жив ты, иди по дороге своей и умри, когда она тебя выведет на поляну среди деревьев. Но прежде чем двинуться дальше, не откажись разделить с нами трапезу. Откушайте с нами. Ты и верные твои рыцари.

Роланд опять поклонился.

— Давно не делили мы трапезу с кем-то еще, Древняя Матерь. Долго мы здесь не задержимся, но угощение ваше примем с удовольствием и благодарностью.

Повернувшись ко всем остальным обитателям городка, старуха проговорила надтреснутым, но звучным голосом, и от слов, ею сказанных, — от их смысла, а не от тона, — Джейк невольно поежился, чувствуя, как по спине у него побежали мурашки:

— Радуйтесь, люди, ибо вы зрите теперь возвращение света! После дней темных и *темных путей в мир опять возвращается* свет! Пусть ваши сердца преисполнятся им, этим светом. Поднимите склоненные головы, ибо то, чего ждали вы, наступило: колесо *ка* сделало очередной оборот!

6

Старуха, которую звали тетушка Талита, провела их через площадь в церковку с покосившимся шпилем — церковь Крови Господней, о чем сообщала выцветшая табличка на заросшей сорной травой лужайке. Поверх названия была еще одна надпись, сделанная зеленой когда-то краской, теперь почти совсем поблекшей: СМЕРТЬ СЕДОВЛАСЫМ.

Она провела их через полуразрушенную церквушку, торопливо ковыляя по центральному проходу между рассохшимися и перевернутыми скамьями, вниз по лестнице в кухню, так разительно отличавшуюся от царящего наверху запустения, что Сюзанна даже заморгала от удивления, не веря своим глазам. Здесь все было вычищено до блеска. Деревянный пол — очень старый, но любовно натертый мастикой, — казалось, светился

собственным внутренним светом. Огромная черная печь занимала весь угол. Как видно, ее содержали в идеальном порядке, а дрова, аккуратно уложенные в небольшой нише из кирпича, были тщательно отобраны и хорошо просушены.

По дороге к ним присоединились еще две старухи и древний старик с деревянной ногой, ковылявший на костылях. Женщины тут же занялись делом: двое принялись доставать из кухонных шкафов продукты, третья открыла заслонку печи и поднесла длинную серную спичку к уже уложенным в топке дровам, четвертая распахнула еще одну дверь и спустилась по узкой короткой лестнице в подвальчик — по всей видимости, холодильный погреб. Тем временем тетушка Талита провела остальных в какой-то просторный зал на задах церковного здания. Она только махнула клюкой в направлении двух трехногих столов, что стояли в углу накрытые чистыми, но обтрепавшимися от старости скатертями, и старики-альбиносы тут же принялись сражаться с одним из них, пытаясь сдвинуть стол с места.

— Давай, Джейк, поможем, — предложил Эдди.

— Нет! — резко бросила тетушка Талита. — Мы, конечно, тут все старики, но мы еще сами справляемся! Пока еще сами, мой юный друг!

— Не лезь, — процедил Роланд.

— Надорвутся ведь, старые дурни, — буркнул Эдди себе под нос, однако покорно последовал за остальными, оставив двоих альбиносов возиться с тяжелым столом.

Эдди поднял Сюзанну с коляски и пронес ее на руках через заднюю дверь. При виде того, что оказалось за этой дверью, у нее даже дыхание перехватило. Они очутились в прелестном саду. Цветы на ухоженных клумбах горели, как факелы, в мягкой зеленой траве. Кое-какие Сюзанна узнала: ноготки, флоксы и циннии, — но большинство цветов было ей незнакомо. Она засмотрелась на очень красивый цветок с ярко-синими лепестками. Слепень уселся на лепесток... в тот же миг лепесток свернулся, прижав пойманное насекомое.

— Ого! — выдохнул Эдди, озираясь по сторонам. — Ну прям Сады Буша!

— Это единственное здесь место, — пояснил Си, — которое мы стараемся сохранить в прежнем виде. Таким, каким все здесь было раньше, в старые времена, до того, как мир сдвинулся с места. И мы его прячем от всех, кто сюда наезжает... от седовласых, и младов, и лиходеев. Они все здесь сожгут, если узнают об этом... а нас просто прикончат. Они ненавидят все хорошее и красивое — все как один ненавидят. В этом они все похожи, ублюдки.

Слепая старуха дернула его за руку — мол, замолчи.

— Правда, в последнее время никто сюда больше не наезжает, — заметил старик с деревянной ногой. — Давненько уж никого не было. Поближе к городу держатся, да. Там есть все, что им нужно, наверное. И слава Богу.

Близнецы-альбиносы с трудом выволокли стол на улицу. Следом за ними семенила старуха — одна из тех, что остались на кухне, — то и дело покрикивая на братьев, чтобы те пошевеливались и убирались с дороги к чертям собачьим. Она держала в обеих руках по большому глиняному кувшину.

— Садись, стрелок, — пригласила тетушка Талита, проведя рукой по высокой траве. — Все садитесь.

От сотни разнообразных запахов у Сюзанны слегка закружилась голова. У нее даже возникло такое чувство, что это все происходит во сне, а не на самом деле. Она никак не могла поверить в существование этого райского уголка, тщательно скрытого от чужих глаз за осыпающимся фасадом мертвого городка.

В дверях появилась еще одна женщина с целым подносом стаканов и кубков разномастных, но зато безупречно чистых; они сияли на солнце, как горный хрусталь. Сначала она предложила поднос Роланду, потом тетушке Талите, Эдди, Сюзанне и последнему — Джейку. Когда все взяли себе по стакану, первая женщина наполнила их золотистой темной жидкостью из кувшинов.

Роланд склонился к Джейку, который сидел, поджав под себя ноги, рядом с овальной клумбой ярко-зеленых цветов. Ыш устроился рядом с ним.

— Ты, Джейк, много не пей, — сказал Роланд, понизив голос. — Чуть-чуть отхлебни, чтобы их не обидеть. Иначе нам придется тебя выносить... это *граф* — крепкое яблочное пиво.

Джейк кивнул.

Талита приподняла свой стакан, и, как только Роланд поднял свой, Эдди, Сюзанна и Джейк последовали его примеру.

— А как же все? — шепотом спросил Эдди.

— Им нальют после нас, — так же тихо ответил Роланд. — А теперь помолчи.

— Не одаришь ли нас добрым словом, стрелок? — спросила тетушка Талита.

Стрелок встал на ноги, приподняв стакан. Склонил голову, словно в раздумье. Немногочисленные обитатели городка, собравшиеся в саду, наблюдали за ним с уважением и, как показалось Джейку, с некоторой опаской. Но вот Роланд поднял голову.

— Я хочу выпить за землю и за дни, что минули на этой земле, — сказал он. Голос его звучал хрипло и немного дрожал от переполнявших его чувств. — Я хочу выпить за изобилие и достаток, что были тогда, и за друзей, которых уже нет в живых. Хочу выпить за добрых людей и радушное гостеприимство. Это ли не великий дар, Древняя Матерь?

Старуха расплакалась, и все-таки Джейк увидел, что лицо ее засияло счастливой улыбкой... и на мгновение она как будто помолодела, сбросив груз лет. Джейк смотрел на нее в изумлении, преисполнившись вдруг неожиданным и безмерным счастьем. В первый раз с того достопамятного мгновения, когда Эдди протащил его через дверь между двумя мирами, он почувствовал, что тень стража-привратника, накрывшая сердце его черной тучей, больше его не гнетет.

— Да, стрелок! — выдохнула старуха. — Хорошо сказано! Воистину это великий дар, и да увидим мы все это снова! — Она подняла стакан и залпом его осушила. Как только стакан ее опустел, Роланд выпил тоже. Сюзанна и Эдди последовали его примеру, хотя все-таки выпили не до дна.

Джейк тоже пригубил крепкий напиток и с удивлением обнаружил, что он ему нравится — хмельной, но не горький, как

он ожидал, а сладковатый и терпкий, как сидр. Однако хватило и одного глотка, чтобы пиво ударило в голову, и Джейк предусмотрительно отставил стакан в сторону. Ыш понюхал напиток, отпрянул и ткнулся мордочкой в ногу Джейка.

Старики, собравшиеся в саду — последние жители Речного Перекрестка, — зааплодировали. Многие плакали, как тетушка Талита, не стыдясь своих слез. Из кухни извлекли еще стаканы — уже не такие благородные, а самые простые, впрочем, пригодные для питья — и обнесли всех собравшихся. Началось застолье. Радостное застолье под открытым бескрайним небом долгого летнего дня.

7

Эдди решил, что еда, которой его потчевали в этот день, была самой вкусной из всего, что он пробовал со времен мифических пиров детства, когда у тебя день рождения и мама готовит и подает к столу все твои самые любимые лакомства: мясной рулет с жареной картошкой, запеченную кукурузу и дьявольски вкусный пирог с ванильным мороженым.

Одно только разнообразие выставленных перед ними блюд — в особенности после стольких месяцев, когда им приходилось питаться исключительно мясом омаров, вяленой олениной и какими-то горькими травами, безопасными, по утверждению Роланда, для жизни — значительно увеличивало удовольствие от еды, но Эдди не считал, что это была единственная причина. Джейк, как заметил Эдди, тоже налег на яства (не забывая каждые пару минут подкидывать лакомые кусочки ушастику, свернувшемуся у его ног), а ведь он пробыл здесь, в этом мире, всего лишь неделю.

Чего только не было на столе! Огромные миски с тушеным мясом (как выяснилось, мясом буйволов) с подливкой и соусом из овощей, подносы со свежей выпечкой, глиняные горшочки с белейшим сливочным маслом, тарелки с какими-то листьями, по вкусу похожими на шпинат... но не совсем. Эдди в жизни не был ярым любителем зелени, но как только он попробовал эти листья, оторваться уже не смог. Он перепробовал

все, однако это зеленое чудо было просто вне конкуренции. Сюзанна тоже не отставала, то и дело подкладывая себе «шпинатику». Вчетвером путники опустошили три здоровые тарелки с листьями.

Когда пришло время десерта, старые женщины и альбиносы-братья убрали обеденные тарелки, отнесли их на кухню и вернулись оттуда с двумя немалых размеров блюдами, на которых высокими горками были уложены пироги, и большой миской взбитых сливок. От пирога исходил такой сладостный аромат, что Эдди решил, будто он уже умер и очутился в раю.

— Сливки только из молока буйволиц, — извиняющимся тоном произнесла тетушка Талита. — Коров ни одной не осталось... последняя сдохла лет тридцать назад. Молоко буйволиц — не особенный деликатес, но все-таки лучше, чем ничего.

Как выяснилось, пирог был с начинкой из ежевики. Эдди в жизни не ел ничего вкуснее. Он уплел три куска, откинулся на спинку стула, звучно рыгнул, не успев прикрыть рот ладонью, и виновато огляделся по сторонам.

Мерси, слепая, весело рассмеялась.

— А я слышала! Слышала! Кто-то благодарит нашего повара, тетушка!

— Ну да, — подтвердила, смеясь, тетушка Талита. — Еще как.

Две женщины, что накрывали на стол, снова вернулись из кухни. Одна несла дымящийся кувшин, другая — поднос, уставленный керамическими чашками с толстыми стенками.

Тетушка Талита сидела во главе стола, Роланд — по правую руку от нее. Наклонившись, он что-то шепнул ей на ухо. Она внимательно его выслушала — при этом улыбка ее слегка увяла, — потом кивнула.

— Си, Билл и Тилл, — распорядилась она, — вы втроем оставайтесь здесь. Нам надо немного потолковать со стрелком и его друзьями, ибо они собираются выйти в дорогу сегодня же вечером. Остальные пока могут выпить свой кофе на кухне, чтобы не было лишнего шума и суеты. И перед тем как уйти, не забудьте о наших законах гостеприимства!

Билл и Тилл, близнецы-альбиносы, остались сидеть за столом. Все остальные поднялись, выстроились в шеренгу, и каждый из них по очереди подошел к путникам. Проходя мимо, они пожимали Сюзанне и Эдди руку, а Джейка чмокали в щеку. Мальчик принимал этот знак уважения с завидным достоинством, но Эдди все же заметил, что Джейк удивлен и растерян.

Приблизившись к Роланду, старики опускались перед ним на колени и прикасались к сандаловой рукояти его револьвера, который он носил в кобуре на левом бедре. Роланд клал руки им на плечи и целовал каждого в лоб. Последней к нему подошла Мерси. Обняв стрелка обеими руками, она потянулась губами к его щеке и наградила его влажным звонким поцелуем.

— Благослови тебя Бог, стрелок! Благослови и храни! Если б я только могла тебя видеть!

— Мерси, как ты себя ведешь! — осадила ее тетушка Талита, быть может, немного резко, но Роланд, не обращая внимания на эту реплику, склонился к слепой.

Нежно, но твердо он взял ее руки в свои и поднес их к своему лицу.

— Ты можешь увидеть меня, — сказал он. — Увидеть хотя бы так.

Роланд закрыл глаза, и пальцы ее, морщинистые, искривленные артритом, осторожно ощупали его лоб, щеки, губы и подбородок.

— Да, стрелок! — выдохнула слепая, поднимая пустые глазницы к его бледно-голубым глазам. — Я тебя вижу! Прекрасно вижу! Лицо у тебя хорошее, вот только печаль на нем и тревога. Я боюсь за тебя, стрелок. За тебя и твоих людей.

— И все же мы встретились, верно? — Он нежно поцеловал ее морщинистый лоб. — И это была добрая встреча.

— Да... добрая встреча. Добрая. Спасибо за поцелуй, стрелок. Спасибо от всего сердца.

— Иди-иди, Мерси, — поторопила ее тетушка Талита, но уже мягче. — А то кофе твой стынет.

Мерси поднялась на ноги. Старик с деревянной ногой положил ее руку себе на ремень. Ухватившись за его пояс покреп-

че, она позволила старику увести себя прочь, отвесив прощальный поклон Роланду и его друзьям.

Эдди вытер глаза. Почему-то они оказались влажными.

— Кто ослепил ее? — хрипло выдавил он.

— Лиходеи, — ответила тетушка Талита. — Выжгли каленым железом. Не так она, видишь ли, посмотрела. Мол, слишком нахально. Четверть века назад, вот когда это случилось. Да вы пейте кофе. Он и горячий-то противный, а когда остывает, так вообще хуже воды из придорожной канавы.

Эдди поднес чашку к губам и осторожно отхлебнул, прислушиваясь к своим ощущениям. Водой из канавы его, конечно, не назовешь, но до «Блу Маунтин Бленд» этому напитку действительно далековато.

Сюзанна тоже попробовала его и озадаченно подняла глаза.

— Да ведь это цикорий!

Талита повернулась к ней:

— Цикорий? Не знаю такого. Это всего лишь щавельник. Мы пьем кофе из щавельника с тех самых пор, как та женщина прокляла меня... а это проклятие с меня снято давным-давно.

— Сколько ж вам лет? — неожиданно спросил Джейк.

Тетушка Талита с изумлением на него поглядела, но потом рассмеялась:

— Сказать по правде, малыш, я и сама не помню. Помню, как я сидела на этом же месте, когда справляли мое восьмидесятилетие, но в тот день на лужайке собралось не меньше пятидесяти человек, а у Мерси тогда еще были глаза. — Взгляд ее задержался на ушастике, свернувшемся у ног Джейка. Не поднимая мордочки с ноги Джейка, Ыш поднял глаза с золотистым ободком и посмотрел на нее. — Ушастик-путаник, господи! Давно я не видела, чтобы ушастик ходил с людьми... мне казалось, они забыли уже о тех днях, когда они ладили с человеком.

Один из братьев-альбиносов наклонился, чтобы погладить зверька. Ыш отпрянул в испуге.

— Когда-то они стерегли овец, — сказал Джейку Билл (или, может быть, Тилл). — Ты это знал, молодой человек?

Джейк покачал головой.

— А он разговаривает? — спросил альбинос. — В прежние времена они это умели. Не все, но некоторые.

— Да, он разговаривает. — Джейк поглядел на ушастика, который снова улегся к нему на ногу, как только старик убрал руку. — Скажи, как тебя зовут, Ыш.

Ыш только поднял глаза.

— Ыш! — Джейк требовательно повысил голос, но Ыш молчал. Джейк в растерянности поглядел на тетушку Талиту и двух близнецов. Он, похоже, немного расстроился. — Ну... он вообще-то умеет... он разговаривает... но, наверное, только тогда, когда хочет.

— Я смотрю, мальчик как будто нездешний, — сказала Талита Роланду. — Странно он как-то одет... и глаза у него тоже странные.

— Он здесь недавно. — Роланд ободряюще улыбнулся Джейку, и тот неуверенно улыбнулся в ответ. — Через месяц-другой уже никто ничего не заметит.

— Да? Не знаю, не знаю. И откуда же он пришел?

— Издалека.

Талита кивнула.

— И когда он вернется домой?

— Никогда, — сказал Джейк. — Теперь мой дом здесь.

— Тогда да хранят тебя боги, — сказала старуха, — ибо здесь, в этом мире, солнце клонится к закату. И зайдет оно навсегда.

От этих зловещих слов Сюзанна невольно поежилась и прижала руку к животу, как будто у нее скрутило желудок.

— Сьюз? — встревожился Эдди. — Ты как?

Она попыталась выдавить улыбку, но ничего у нее не вышло. Казалось, обычная ее уверенность и поразительное самообладание вдруг ей изменили. Пусть только на миг, но все же.

— Все нормально. Просто по телу мурашки побежали, будто вдруг повеяло могильным холодом.

Тетушка Талита окинула ее долгим оценивающим взглядом, от которого Сюзанне стало не по себе... но потом улыбнулась.

— Мурашки побежали... ха! Давненько я не слыхала такого.

— Так мой папа всегда говорил. — Сюзанна повернулась к Эдди. Теперь она сумела улыбнуться, и улыбка ее вышла вполне уверенной. — Что бы там ни было, это уже прошло. Все в порядке.

— Расскажите нам все, что вы знаете о том городе и о землях, что пролегают отсюда до него, — попросил Роланд, поднося к губам чашку с кофе. — Есть там лиходеи? И кто эти млады и седовласые?

Тетушка Талита глубоко вздохнула.

8

— Мы бы много тебе рассказали, стрелок, да вот только мы мало знаем. Но одно я знаю наверняка: город этот — нехорошее место, и особенно для парнишки. Для *всех* детей. Почему бы не обойти его стороной? Разве вы не можете пойти другой дорогой?

Роланд поднял голову к небу, глядя на привычный уже узор облаков, плывущих вдоль пути Луча. В этом безбрежном небе, раскинувшемся над широкой равниной, просто нельзя было не заметить эту ленту бегущих облаков, похожую на белую реку.

— Может быть, — выдавил он наконец, но голос его прозвучал как-то странно. Словно он с неохотой произносил слова. — Да, можно, наверное, обойти Лад стороной, с юго-запада, а потом снова выйти к пути Луча.

— Значит, вы следуете за Лучом, — задумчиво проговорила Талита. — Так я и думала.

Несмотря на слова Талиты, Эдди вдруг поймал себя на том, что в нем все-таки крепнет надежда получить помощь, когда (и если) они доберутся до этого города, — может быть, там они что-то такое найдут, что поможет им в поиске, или там будут люди, которые просветят их насчет Темной Башни и того, что им надо сделать, когда они все же ее найдут. Например, седовласые, как их тут называют, — звучит неплохо, в воображении сразу рисуются мудрые старые эльфы.

Вот только бой барабанов — достаточно мерзкий, честно говоря — явно не подходил под его благодушное настроение.

Эдди он напоминал низкопробные боевички, которые он в свое время смотрел десятками, если не сотнями (по вечерам, когда они с Генри усаживались перед телеком с одной на двоих миской поп-корна). Во всех этих фильмах легендарные заброшенные города в дебрях джунглей, куда так стремились отважные путешественники и исследователи, лежали в руинах, а местные жители деградировали до состояния первобытного племени людоедов, жадных до крови, но Эдди все же не верилось, что нечто подобное может произойти в этом огромном городе, который так походил на Нью-Йорк, во всяком случае, на расстоянии. Если там им не встретятся мудрые эльфы и добрые дядюшки, то уж *книги* должны сохраниться наверняка. Роланд как-то сказал, что в его мире бумага — вещь крайне редкая и дорогая, но уж в таком большом городе книги будут. Их просто не может не быть. Все города, где бывал Эдди, буквально тонули в книгах. Может быть, им повезет и они там найдут себе транспортное средство. Какую-нибудь машину в исправном состоянии. Вроде местной модели «лендровера». Возможно, это всего лишь пустые бредовые фантазии, но когда тебе предстоит прошагать сотни и тысячи миль на своих двоих, причем по неведомой территории, парочка глупых фантазий приходится весьма кстати... хотя бы для поддержания духа. К тому же все это не исключено, черт возьми, верно?

Он открыл было рот, чтобы высказать по этому поводу некоторые соображения, но Джейк его опередил.

— Вряд ли мы сможем обойти его стороной, — сказал он, покраснев, когда все повернулись к нему. У ног его зашевелился Ыш.

— Вот как? — переспросила тетушка Талита. — И почему ты так думаешь?

— Вы что-нибудь знаете о поездах? — ответил ей Джейк вопросом на вопрос.

За сим последовало продолжительное молчание. Билл и Тилл неуверенно переглянулись. Тетушка Талита не отрываясь смотрела на Джейка. Джейк выдержал ее пристальный взгляд, не опустив глаз.

— Слышала я об одном таком, — наконец вымолвила старуха. — Может быть, даже и видела. — Она указала рукой в направлении реки. — Давным-давно, когда я была маленькой, до того, как мир сдвинулся с места, во всяком случае, переменился еще не так сильно. Ты про Блейна сейчас говоришь, да, малыш?

Глаза Джейка вспыхнули от изумления.

— Да! Про Блейна!

Роланд пристально поглядел на парнишку.

— А откуда ты знаешь про Блейна Моно? — спросила тетушка Талита.

— Моно? — переспросил Джейк в растерянности.

— Да, именно так его и называли. Откуда ты знаешь про этого старого прощелыгу?

Джейк беспомощно поглядел на Роланда, потом снова на тетушку Талиту.

— Я не знаю откуда.

И это правда, — подумал вдруг Эдди. — *Но не вся правда. Он знает больше, но не хочет при них говорить... и, по-моему, он боится.*

— Это, мне кажется, наше дело, — произнес Роланд сухим властным тоном, не терпящим возражений. — Дайте нам разобраться самим, Древняя Матерь. Так будет лучше.

— Да, — поспешно согласилась она. — Решать только вам. Нам, наверное, лучше вообще ни о чем не знать.

— Так как насчет города? — напомнил Роланд. — Что вы можете нам рассказать о Ладе?

— Очень немногое. Но все, что мы знаем, мы вам расскажем, — заверила Роланда тетушка Талита и подлила себе еще кофе.

9

В основном говорили близнецы, Билл и Тилл; когда одному не хватало слов и он умолкал, второй тут же подхватывал повествование. Время от времени тетушка Талита тоже вставляла слово, что-нибудь уточняя или же поправляя братьев, и

близнецы с уважением умолкали, дожидаясь, пока она закончит. Си вообще не сказал ни слова — молча сидел перед нетронутой чашкой кофе, перебирая в руках соломинки, что торчали из широких полей его сомбреро.

Роланд быстро понял, что жители Речного Перекрестка действительно знают немногое, даже об истории собственного городка (хотя это последнее обстоятельство не особенно удивило стрелка: старые люди, доживающие свой век... память их коротка и тускнеет быстро, не удерживая ничего, кроме самых недавних событий, а все остальное как бы вообще перестает существовать). Однако и то немногое, о чем они знали, внушало серьезные опасения. И этому Роланд тоже не удивился.

Во времена их прапрапрадедов Речной Перекресток представлял собой городок точно такой же, каким он рисовался в воображении Сюзанны: торговое поселение у Великого Тракта, причем поселение процветающее, где иногда продавались, но чаще обменивались самые разнообразные товары. Номинально по крайней мере Речной Перекресток являлся одной из провинций Речного феода, хотя уже в то время такое понятие, как феод, или землевладение, ушло в безвозвратное прошлое.

В те дни жители городка еще промышляли охотой на буйволов, хотя это занятие уже отмирало: с каждым годом буйволиные стада становились все малочисленнее, а животные подвергались невообразимым мутациям. Не то чтобы мясо мутантов было ядовитым, но есть его было невозможно — оно стало вонючим и горьким на вкус. И все же Речной Перекресток, расположенный между местом, которое попросту называлось Пристанью, и деревенькой Джимтаун, оставался в округе не самым последним из населенных пунктов исключительно из-за своего местоположения: он обосновался на Великом Тракте и достаточно близко от города — в шести днях пешего хода и всего лишь в трех днях, если плыть по реке.

— Если только вода в реке не спадала, — уточнил кто-то из близнецов. — Тогда путь по реке занимал больше времени, а мой дед говорил еще, мол, иной раз случалось такое, что баржи сидели на мели до самого Перешейка Тома.

Старики вообще ничего не знали о коренных жителях города, равно как и о технологиях и машинах, с помощью которых были построены городские дома и башни; город строили древние или, как их еще называли, Великие Древние, чья история затерялась в глубинах далекого прошлого еще тогда, когда прапрапрадед тетушки Талиты был мальчишкой.

— Дома до сих пор стоят, — сказал Эдди. — Быть может, машины, с помощью которых их строили ваши Великие Древние, тоже работают?

— Может быть, — согласился один из близнецов. — Но даже если и так, молодой человек, вряд ли кто-то из нынешних жителей города знает, как управляться с ними... во всяком случае, так мне сдается, да.

— Нет, — возразил его брат. — Кое-кто из седовласых и младов наверняка не все еще забыл из того, что умели древние. Даже теперь. — Он поглядел на Эдди. — Батюшка наш говорил, что когда-то там, в городе, были такие свечи... электрические. А кое-кто и сейчас утверждает, что свечи эти горят до сих пор.

— Нет, вы только подумайте! — в изумлении выдохнул Эдди, и Сюзанна больно ущипнула его за ногу под столом.

— Да, — подтвердил второй из близнецов. Говорил он вполне серьезно, не замечая сарказма Эдди. — Нажимаешь на кнопку — и загораются яркие свечи. Они не дают никакого тепла. У них нет фитилей или резервуаров под масло. И еще говорят, что давным-давно, еще в прежние времена, один незаконнорожденный принц по прозвищу Шустрый взлетел в небеса на какой-то там механической птице. Но у нее отломилось крыло, и он упал с высоты и погиб, как Икар.

Сюзанна открыла рот от удивления.

— Вы знаете эту легенду? Про Икара?

— Да, сударыня, — ответил тот, явно не понимая, почему ей это кажется странным. — Про Икара и крылья, скрепленные воском.

— Детские сказочки — что про Икара, что про этого Шустрого, да, — высказалась тетушка Талита, презрительно фыркнув. — Вот вечные свечи — они правда есть. Это я точно знаю.

Я их видела собственными глазами еще желторотой девчонкой. И наверное, они до сих пор еще иной раз загораются, спорить не буду. Люди, достойные всяческого доверия, утверждают, что в ясные ночи они иногда видны, городские огни, хотя сама я такого не видела много лет. Но вот летать люди не могут. И никогда не могли. Даже Великие Древние, так-то.

Но тем не менее в городе все-таки *были* какие-то странные механизмы, предназначенные для работ самых разных и даже иной раз опасных. И наверное, многими еще можно было пользоваться и по сей день, но близнецы-альбиносы были абсолютно уверены, что в городе не осталось уже людей, которые знали, как их запускать, ибо уже много лет жители Речного Перекрестка не слышали шума машин.

Дело скорее всего поправимое, — сказал себе Эдди, и глаза у него загорелись. — *Если, конечно, найдется какой-нибудь предприимчивый молодой человек, смышленый и понимающий кое-что в технике и этих вечных огнях, не дающих тепла. Может быть, нужно только найти кнопку «ВКЛ». Я хочу сказать, это действительно может быть просто. Или, скажем, у них полетели предохранители... вы только представьте себе, дорогие друзья и соседи! Стоит лишь заменить им с полдюжины предохранителей, и город вспыхнет огнями, как Рино субботним вечером!*

Сюзанна толкнула его локтем и тихо поинтересовалась, чему это он улыбается. Эдди тряхнул головой и поднес палец к губам, чем заслужил раздраженный взгляд любимой супруги. Альбиносы тем временем продолжали рассказ, причем когда один умолкал, второй подхватывал повествование с легкостью, достижимой, наверное, лишь между братьями-близнецами, прожившими всю жизнь бок о бок.

Четыре или, может быть, пять поколений назад в городе все еще жило немало людей, и он был тогда местом вполне даже цивилизованным, хотя тогда уже местные жители разъезжали на примитивных повозках и на телегах по широким бульварам, которые древние соорудили для своих легендарных безлошадных карет. В основном в городе жили мастеровые и «фабричные», как называли их близнецы, так что торговля тогда процветала и на реке, и над ней.

— То есть как — над ней? — не понял Роланд.

— Мост над Сендом стоит до сих пор, — пояснила тетушка Талита. — Вернее, лет двадцать назад он еще стоял.

— Ага, — подтвердил Си, впервые вступив в разговор. — Еще лет десять назад старый Билл Маффин с сынком его видели, мост.

— Что за мост? — спросил Роланд.

— Большущий такой, из стальных тросов, — отозвался один из близнецов. — Стоит себе в небе, ну прям паутина гигантского паука. — Помолчав, он добавил, смущаясь: — Хотелось бы мне поглядеть на него еще раз перед смертью.

— Он, может, давно уже рухнул, — пренебрежительно отмахнулась тетушка Талита. — И хорошо бы. Туда ему и дорога. Дьявольская работа. — Она повернулась к братьям-альбиносам. — Расскажите им, что случилось потом и почему город сейчас так опасен... не говоря уже о привидениях, там обитающих. А там их немало, готова поспорить! И говорите короче, а то люди хотели уйти сегодня, а солнце уже миновало зенит.

10

Дальнейший рассказ близнецов представлял собой очередную версию уже известной истории, которую Роланд из Гилеада слышал множество раз. Мало того, он сам был свидетелем или даже участником некоторых событий, эту историю составляющих. Отрывочный и сумбурный, дополненный, без сомнения, домыслами и мифами, искаженный последними беспорядочными переменами — как во времени, так и в пространстве, — происходящими в мире, весь рассказ можно было свести к одной фразе: *Когда-то мир был таким, каким мы его знали, но теперь он изменился.*

Старые обитатели Речного Перекрестка знали о Гилеаде не больше, чем, скажем, Роланд знал о Речном феоде, и имя Джон Фарсон — имя человека, который принес беззаконие и хаос в страну Роланда — для них не значило ничего, но во всем остальном две истории о конце прежнего мира были очень похо-

жи... *Слишком похожи*, — решил стрелок, — *чтобы оказаться простым совпадением.*

Триста или даже четыреста лет назад не то в Гарлане, не то еще дальше, в краю, называемом Порла, разразилась война. Великая гражданская война. Постепенно она распространилась по всему миру — как рябь по воде, — неся хаос и разрушение. Не многим из королевств удалось устоять перед этой кровавой волной. Тень беззакония накрыла и эту часть мира так же неотвратимо и неизбежно, как за закатом приходит ночь. По дорогам маршировали целые армии. Одни наступали, другие, наоборот, отступали, но и те, и другие действовали наобум, без какой-либо стратегической цели. Прошло время. Армии постепенно распались, разбились на небольшие отряды, а те, в свою очередь, выродились уже в шайки бродячих разбойников — лиходеев. Торговля сократилась, а потом и вовсе свернулась. Путешествовать стало весьма затруднительно и опасно, а в конце концов и совсем невозможно. Связь с городом постепенно слабела, а лет сто двадцать тому назад совершенно прекратилась.

Как и сотни других городов и поселков, где довелось побывать Роланду — сначала вместе с Катбертом и другими стрелками, изгнанными из Гилеада, потом одному, в погоне за человеком в черном, — Речной Перекресток оказался отрезан от мира и предоставлен самому себе.

В этот момент, поднявшись со своего места, в разговор вступил Си и сразу же завладел вниманием слушателей. Говорил он глуховатым размеренным голосом прирожденного сказителя — из этих святых глупцов, одаренных с рождения искусством смешивать правду и вымысел в красивые грезы, восхитительные, точно тоненькие паутинки в каплях росы.

— В последний раз мы посылали оброк феоду еще при жизни моего прадеда, — начал он. — Двадцать шесть человек пошли в замок с телегой, груженной шкурами... уже тогда у нас не было твердой монеты, но мы посчитали, что шкуры вполне подойдут. Да и не было больше у нас ничего. Путь их был долог и небезопасен, дорога длиной почти в восемьдесят колес... и шестеро по пути скончались. Половина из этих шести погибла

от рук лиходеев, воевавших тогда против города; остальные умерли от болезней или от бес-травы.

И вот они наконец добрались до цели. Но замок был пуст. Кроме грачей и дроздов, в замке не было никого. Стены обрушились. Главный Двор зарос сорной травой. На полях, что к западу от поместья, прогремела великая битва. Повсюду белели кости и алели ржавые доспехи, так говорил мой прадед, и демоны перекликались, завывая, как ветер с востока, в истлевающих челюстях павших ратников. Деревню за замком сожгли дотла, а на стенах цитадели торчали колья с человеческими черепами. Больше тысячи черепов. Наши люди оставили шкуры у разбитых подъемных ворот — ибо никто не решился войти туда, к неприкаянным духам и стонущим голосам — и повернули назад домой. На обратном пути еще десять наших расстались с жизнью, так что из двадцати шести только десять вернулись домой, среди них был и мой прадед... но по дороге он где-то подхватил лишай и так и не вылечился до самой смерти. Говорили, что это была лучевая болезнь. Я не знаю... Но после этого больше никто уже не выходил из города. Так вот мы и живем здесь сами по себе.

Постепенно они привыкли и к набегам лиходеев, — продолжал Си надтреснутым, но мелодичным голосом. — На дороге всегда кто-то нес дозор, и как только вдали показывалась очередная банда — почти всегда они двигались на юго-восток по Великому Тракту вдоль пути Луча, по направлению к Ладу, где шла нескончаемая война, — горожане спешили укрыться в убежище, выкопанном под церквушкой. Дома, мимоходом разрушенные бандитами, не отстраивали потом, чтобы лишний раз не привлекать внимания. Впрочем, разбойников мало заботил этот тихий, якобы заброшенный городок: они проезжали Речной Перекресток на полном скаку с луками и боевыми топорами за плечами, торопясь на войну, где убийство и кровь.

— О какой это войне идет речь? — уточнил Роланд.

— Да, — вставил Эдди, — и что там за барабаны?

Близнецы быстро переглянулись — едва ли не с суеверным страхом.

— О барабанах Господних мы ничего не знаем, — ответил Си. — Ничего. А война в Ладе, ну...

Война начиналась как противоборство преступников и лиходеев, с одной стороны, и свободной конфедерации городских мастеровых и «фабричных» — с другой. Жители Лада решили взяться за оружие и дать лиходеям отпор вместо того, чтобы просто смотреть, как разбойники грабят их, поджигают их лавки и мастерские, а тех, кого не добили в сражении, изгоняют в Великую Пустошь — на верную смерть. И в течение нескольких лет горожане успешно удерживали оборону, не давая бандитам проникнуть в город ни по мосту, ни с реки.

— У горожан было древнее оружие, — вставил кто-то из близнецов, — и хотя лиходеев было намного больше, куда ж им с их булавами, луками да топорами тягаться с древним оружием?!

— Вы хотите сказать, у горожан были револьверы? — уточнил Эдди.

Альбинос кивнул.

— И *не только* револьверы. Такие еще устройства, метающие огненные шары на целую милю, когда не больше. Потом, взрывчатка вроде динамита, но гораздо мощнее. Преступники и прочее все отребье — теперь их называют седыми или седовласыми, как вы, наверное, уже догадались — не могли ничего сделать против такого. Одно только средство у них оставалось: осадить город. Что они, собственно, и предприняли.

Лад стал, по сути, последней твердыней былого мира. Те, кто был половчее и посмышленее, перебирались туда из окрестных селений поодиночке и парами. Безоружными выходили они на «ничейный» мост, и в город пускали всех, кому удавалось прорваться через тыловой лагерь и передовые линии осады, ибо сам по себе такой переход уже мог считаться испытанием на мужество и смекалку. Были, конечно же, и такие, кто просто хотел поживиться за чужой счет, но их отправляли обратно без разговоров, но всем, кто умел что-то делать и мастерить (или хотя бы имел мозги, чтобы этому научиться), разрешали остаться. Особенно в Ладе ценились пахари и земледельцы; как говорили потом очевидцы, все парки и городские

скверы были переделаны под огороды, ибо выбор у жителей осажденного города, полностью отрезанного от окрестных деревень, был весьма небогат: либо самим производить продукты, либо умирать с голоду посреди металлических улиц и стеклянных башен. Великих Древних давно уже не было, их таинственные машины хотя и остались, но сделались бесполезными, к тому же эти безмолвные чудеса не годились в пищу.

Время шло. Постепенно характер войны менялся. Соотношение сил медленно, но верно склонялось в пользу седых, осаждавших город, — седыми их прозвали потому, что в большинстве своем они были намного старше горожан. Впрочем, и те с годами не становились моложе. По привычке их все еще называли младами, но всякому было ясно, что молодость их давно отцвела. И мало-помалу они то ли забыли, как надо использовать древнее оружие, то ли оно само вышло из строя за давностью лет.

— Наверное, и то, и другое, — заметил Роланд.

И вот лет девяносто назад — уже при жизни Си и тетушки Талиты — появилась последняя банда изгоев, да такая большая, что, когда она проезжала через Речной Перекресток, передовые дозоры явились еще на рассвете, а последние ее отряды вышли из поселения почти перед самым закатом. С тех пор столь многочисленной армии в этих местах не видали, а предводителем ее был незаконнорожденный принц Давид по прозвищу Шустрый — тот самый, который потом якобы насмерть разбился, пытаясь подняться в небо на механической птице. Он сплотил вокруг себя остатки разрозненных банд и шаек, без дела шатавшихся вокруг Лада. Творил всяческие бесчинства, убивая любого, кто осмеливался встать у него на пути и противиться его планам. Армия седых под предводительством Давида Шустрого сумела все-таки захватить город. Причем не с моста и не с лодок. В двенадцати милях вниз по течению они соорудили понтонный мост и нанесли удар с фланга.

— С тех пор война тихо угасла, что твой огонь в очаге, — заключила тетушка Талита. — Кое-кому удалось тогда еще выбраться из города, так что мы знали, что там творится. Да и сейчас до нас доходят кое-какие известия. И сейчас даже чаще,

чем раньше, потому что мост, говорят, никто больше не охраняет, да и пожар, как мне кажется, должен уже поуняться. В самом городе млады и седовласые до сих пор еще глотки друг другу рвут, только мне кажется, что настоящие млады — это потомки тех лиходеев, что пришли сюда с принцем Давидом Шустрым, хотя их по-прежнему называют седыми. А дети тех, коренных, горожан сейчас не моложе, наверное, нас, хотя есть среди них и сравнительно молодые люди, привлеченные старыми баснями и соблазном приобщиться к древнему знанию, которое якобы сохранилось в Ладе.

— Никак не могут они изжить эту старую свою вражду, стрелок. Никак не помирятся млады и седовласые. Причем, скажу я тебе, и те, и другие захотят заполучить себе этого юношу, которого ты называешь Эдди. Если женщина с темной кожей способна зачать, ее не убьют, хотя у нее нет ног. Они оставят ее для того, чтобы она им рожала детей, ибо дети теперь появляются редко. Болезни, которые были раньше, сейчас уже сходят на нет, но все равно дети рождаются с отклонениями.

Сюзанна при этих словах встрепенулась, как будто хотела что-то сказать, но все-таки промолчала, допила только кофе и снова устроилась в позе внимательной слушательницы.

— Да, стрелок, если этих двоих они просто не прочь у себя оставить, то за парнишку они будут драться жестоко и до последнего.

Джейк наклонился и принялся гладить Ыша, но Роланд все же увидел его лицо и мгновенно понял, о чем он думает: опять о том переходе под горной грядой. Ситуация повторялась, только теперь вместо мутантов-недоумков были седые и млады.

— Тебя они наверняка убьют, — продолжала тетушка Талита. — Потому что ты — стрелок и принадлежишь ты иным временам и иным местам. Так, ни рыба ни мясо... какой им в тебе прок? А мальчика можно использовать, научить помнить одно и забыть другое. Из него можно вылепить все, что угодно. Сами они давно позабыли, за что они, собственно, между собой грызутся: мир с тех пор сдвинулся с места и стал другим. Теперь они просто дерутся под жуткий свой барабанный бой... одни сравнительно молодые, другие — а ведь таких большинство —

совсем старики, им бы в кресле-качалке сидеть на крылечке... но и те, и другие — безмозглые дураки. Живут для того, чтобы убивать, и убивают, чтобы жить. — Она помолчала и вдруг спросила: — Ну а теперь, выслушав нас, старых пней, до конца, вы, может быть, все-таки обойдете его стороной, этот проклятый город, и не станете лезть с дураками в драку?

Роланд открыл было рот, но Джейк его опередил.

— А расскажите, пожалуйста, про Блейна Моно, — попросил он решительно твердым и звонким голосом. — Про Блейна и про машиниста Боба.

11

— *Какого еще машиниста?* — не понял Эдди, но Джейк даже и не посмотрел в его сторону, продолжая пристально разглядывать стариков.

— Пути проходят вон там, — отозвался наконец Си, указав в сторону реки. — Вернее, один только путь... идет он по насыпи из рукотворного камня, из которого древние строили свои стены и улицы.

— Монорельс! — воскликнула Сюзанна. — Блейн Монорельс!

— Блейн — это боль, — прошептал Джейк себе под нос.

Роланд только внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— А сейчас этот поезд ходит? — спросил Эдди у Си.

Си покачал головой, причем на лице старика отразилась тревога.

— Нет, молодой господин... но на нашей с Талитой памяти он еще ездил. Когда мы были совсем еще юными, а война в городе шла вовсю. Перед тем как увидеть его, мы сначала услышали грохот — такой равномерный и низкий гул, похожий на шум летней бури... такой, знаешь, с громами и молниями.

— Да, — подтвердила тетушка Талита с отсутствующим видом. Она полностью погрузилась в воспоминания.

— А потом показался он сам — Блейн Моно, — сверкая на солнце. И нос у него был такой же, как пуля в твоем револьве-

ре, стрелок. Весь такой длинный, с два колеса, не меньше. Знаю, это звучит как бред, невозможно в такое поверить. Может быть, я ошибаюсь, конечно (мы тогда были совсем молодыми, не забывай, а в юности многое кажется не таким, какое оно есть по правде), но я до сих пор готов спорить, что он *был* длиной в два колеса, потому что, когда Блейн появился, он растянулся, казалось, по всему горизонту. Такой невысокий и быстрый — ты его не успел еще толком и рассмотреть, а он уже скрылся из виду! Иногда, при плохой погоде, когда над равниной собирались тучи, он, появляясь с запада, вопил, точно гарпия. Иногда он проезжал по ночам, и тогда впереди его несся луч белого света, и мы все просыпались от его пронзительного гудка. Он гудел, как труба, что, говорят, поднимет мертвых из их могил, когда придет конец света.

— Расскажи им про взрыв, Си! — воскликнул кто-то из близнецов, не то Билл, не то Тилл, дрожащим от благоговейного ужаса голосом. — Расскажи им про этот безбожный грохот, который всегда за этим следовал!

— Ну да, я как раз к этому перехожу, — не без раздражения отозвался Си. — Когда он проходил, сначала все было тихо... пару-тройку секунд... иногда, может быть, и минуту... а потом гремел взрыв, от которого содрогались стены, чашки падали с полок, а иной раз случалось, что в окнах лопались стекла. Только звук — без всякой там вспышки или огня. Как будто что-то взрывалось не в этом мире, а в царстве духов.

Эдди легонько тронул Сюзанну за плечо, и когда она повернулась к нему, беззвучно, одними губами, шепнул два слова: «*Звуковой удар*». Бред, конечно, — Эдди в жизни не слышал о поездах, развивающих сверхзвуковую скорость, — но это было единственное разумное объяснение.

Сюзанна кивнула и опять повернулась к Си.

— Это единственный из механизмов, построенных древними, который я видел в действии собственными глазами, — сказал он тихо. — И если это не дело рук дьявола, значит, дьявола не существует вообще. Последний раз я его видел той самой весной, когда женился на Мерси, а с той поры миновало, наверное, лет шестьдесят.

— Семьдесят, — уточнила со знанием дела тетушка Талита.

— И поезд шел *в* город, — задумчиво проговорил Роланд. — С той стороны, откуда пришли и мы... с запада... из леса.

— Да, — раздался неожиданно еще один, новый голос, — но был еще один поезд... тот, который ходил *из* города... и он, возможно, еще работает.

12

Все как один обернулись. Возле цветочной клумбы, как раз посередине между церковью и столом, за которым они сидели, стояла Мерси. Выставив руки перед собой, она медленно направлялась к ним, ориентируясь по звуку голосов.

Си неуклюже поднялся из-за стола, торопливо шагнул ей навстречу и взял жену за руку. Она обняла его за пояс. Так они и стояли рядом, точно самые старые в мире молодожены.

— Тетушка Талита велела тебе пить кофе на кухне! — попенял он ей.

— Я давно уже выпила кофе, — отозвалась Мерси. — Горькое пойло, терпеть его не могу. И я к тому же хотела послушать. — Она подняла дрожащий палец и указала в сторону Роланда. — Еще раз хотела услышать его голос. Он светлый и чистый, да.

— Прошу прощения, тетушка. — Си с опаской покосился на Талиту. — Она всегда была чуточку не в себе и с годами не стала умнее.

Тетушка Талита посмотрела на Роланда. Тот едва заметно кивнул.

— Пусть остается с нами, — распорядилась Талита.

Си подвел Мерси к столу, не переставая при этом браниться, а Мерси, плотно сжав губы, только глядела ему через плечо своими незрячими глазами.

Как только Си усадил ее за стол, тетушка Талита наклонилась вперед, опершись на локти:

— Ты хочешь нам что-то сказать, сестра-сай, или ты собираешься просто молоть языком?

— Я слышу, что слышу. Слух у меня не стал хуже с годами, Талита... наоборот, даже лучше!

Роланд молниеносным движением вынул из патронташа патрон и бросил его через стол Сюзанне. Та поймала его на лету.

— Ты слышала, сай? — спросил он.

— А то, — повернувшись к нему, отозвалась Мерси. — Достаточно слышала, чтобы понять, что ты что-то бросил... Наверное, ей, вашей женщине с темной кожей. Что-то маленькое. Что это было, стрелок? Печенье?

— Почти угадала, — улыбнулся Роланд. — Ты действительно слышишь прекрасно. А теперь говори, что ты хотела сказать.

— Есть еще один Моно. Если это не тот же самый, когда он идет в другом направлении. Но как бы там ни было, в другом направлении тоже ездил какой-то Моно... еще лет семь-восемь назад. Я не раз слышала, как он выходил из города и направлялся в пустынные, бесплодные земли за его пределами.

— Чушь собачья! — воскликнул кто-то из близнецов-альбиносов. — *Никто* не бывает в бесплодных землях! Никто туда не суется! Там никому не выжить!

Мерси повернулась к нему.

— Разве поезд живой, Тилл Тадбери?! Разве машины болеют или страдают нарывами или рвотой?

Как сказать... если вспомнить того медведя... — Эдди едва не произнес это вслух, но, подумав как следует, решил все-таки промолчать.

— Мы бы его услышали, — принялся убеждать ее второй брат. — Этот грохот, про который рассказывал Си...

— После этого поезда грохота не было, — возразила Мерси, — но я слышала другой звук... такое потрескивание, какое бывает, когда где-то рядом ударит молния. Всегда, когда со стороны города дул сильный ветер, я его слышала. — Она помолчала немного и, воинственно выставив подбородок вперед, добавила еще: — И однажды я слышала взрыв. Он раздался далеко-далеко. В ту ночь, когда ураган Большой Чарли едва не сорвал с церкви купол. На расстоянии в две сотни колес отсюда, не меньше. А может, и во все двести пятьдесят.

— Чушь! — не унимался Тилл. — Да ты, наверное, травы объелась!

— Я *тебя* сейчас съем с потрохами, Тилл Тадбери, если ты не заткнешь свою трубу. Как вообще можно так разговаривать с дамой?! Господи...

— Перестань, Мерси! — шикнул на нее Си, но Эдди уже не прислушивался к этому «семейному» обмену любезностями. То, о чем говорила слепая старуха, имело смысл. *Конечно*, о каком звуковом ударе могла идти речь, если дело касалось поезда, едва отправившегося в путь в сторону Лада? Эдди не помнил точно, какова скорость звука, но уж никак не меньше шестисот пятидесяти миль в час. И для поезда, который только тронулся с места, нужно какое-то время, чтобы набрать скорость, а когда он ее наберет — то есть скорость, достаточную, чтобы преодолеть звуковой барьер, — он удалится уже за пределы нормальной слышимости... разве что условия слышимости будут чрезвычайно благоприятными, как это было, по утверждению Мерси, в ту ночь, когда ураган Большой Чарли — черт его знает, что это вообще такое — обрушился на городок.

Значит, не стоит терять надежду. Блейн Моно, конечно же, не «лендровер», но, может быть... может быть...

— И ты не слышала этот поезд уже семь-восемь лет, сай? — уточнил Роланд. — Ты уверена, что не дольше?

— Никак не дольше, — уверенно отозвалась она, — потому что в последний раз я его слышала в тот самый год, когда старый Билл Маффин подцепил болезнь крови. Бедняга Билл!

— Это было почти десять лет назад, — поправила тетушка Талита, и голос ее прозвучал неожиданно мягко.

— Почему же ты никогда не рассказывала о том, что слышишь? — спросил ее Си и, не дожидаясь ответа, повернулся к стрелку. — Не стоит верить всему, что она говорит, господин... ей всегда надо быть в центре внимания, моей Мерси.

— Ах ты, старый пердун! — возмущенно воскликнула Мерси и шлепнула его по руке. — Я потому только молчала, чтобы тебя не забить, муженек, ведь ты так гордишься своим рассказом! Но теперь, когда это важно, я рассказала все, что знаю, вот так!

— Я тебе верю, сай, — сказал Роланд, — но ты твердо уверена, что с тех пор ты не слышала этого Моно?

— Нет, с тех пор ни разу. Наверное, пути его тоже пришел конец, то есть я так себе думаю.

— Как знать, — задумчиво протянул Роланд. — Как знать. — И, опустив голову, он весь погрузился в раздумья, отрешившись от общего разговора.

Чу-Чу, — вдруг подумалось Джейку, и он невольно поежился.

13

Уже через полчаса они снова вышли на центральную площадь. Сюзанна сидела в своей коляске. Джейк поправлял ремни ранца, а Ыш, устроившись у его ног, внимательно за ним наблюдал. Похоже, на «званом обеде» в райском садике на задах церкви Крови Господней присутствовали исключительно городские старейшины, потому что, когда путешественники возвратились на площадь, там их поджидали еще около дюжины стариков. Они посмотрели на Сюзанну, немного внимательнее — на Джейка (возраст мальчика, как видно, заинтересовал их гораздо больше, чем цвет ее кожи), но без слов было очевидно, что пришли они посмотреть на Роланда; в их изумленно раскрытых глазах ясно читался благоговейный трепет.

Он — живое воплощение безвозвратно ушедшего прошлого, о котором они знают лишь по рассказам, — подумала Сюзанна. — *Они на него смотрят так, как набожные прихожане смотрели бы на святого апостола — на Петра, или Павла, или Матфея, — если бы он вдруг решил заглянуть к ним на огонек, скажем, в субботу вечером и стал бы рассказывать о том, как они с Иисусом из Назарета переправлялись через Галилейское море.*

Ритуал прощания, которым закончилась общая трапеза, повторился и здесь, только на этот раз в нем принимали участие все без исключения жители Речного Перекрестка. Они снова выстроились рядком и, подходя к каждому из путников по очереди, жали руки Сюзанне и Эдди, целовали Джейка в лоб или щеку и преклоняли колени перед Роландом, дабы тот прикос-

нулся к ним и благословил. Мерси обняла стрелка обеими руками и прижалась слепым лицом к его животу. Роланд тоже обнял старуху и поблагодарил ее за рассказ.

— Может, все-таки переночуешь у нас, стрелок? Солнце клонится уже к горизонту, а я готова поклясться, что ты со своими людьми давно уже не ночевал под крышей.

— Да, ты права, но мы все же пойдем. Спасибо, сай.

— Ты вернешься, стрелок, если сможешь?

— Да, — заверил ее Роланд, но Эдди не нужно было и смотреть в лицо друга, чтобы понять: они никогда не вернутся сюда. Никогда. — Если сможем.

— Хорошо. — Она в последний раз обняла его и отошла, опираясь рукой о загорелое плечо Си. — Прощай.

Тетушка Талита подошла последней. Когда она стала опускаться перед ним на колени, Роланд удержал ее за плечи.

— Нет, сай. Не надо. — И на глазах изумленного Эдди он сам встал перед ней на колени на пыльную мостовую. — Благослови меня, Древняя Матерь. Благослови нас всех, ибо мы отправляемся в долгий путь.

— Да. — В ее голосе не было удивления, в глазах не было слез, но все равно ее голос дрожал от избытка чувств. — Я вижу, ты искренен сердцем, стрелок. Я вижу, ты не забыл древних законов, и ты достойный сын своего отца. Благословляю тебя и твоих людей. Я буду молиться за вас, чтобы все напасти обошли вас стороной. А теперь, если хочешь, возьми вот это. — Сунув руку за ворот поблекшего платья, она достала серебряный крест на серебряной же цепочке тончайшей работы. Сняв распятие, она протянула его Роланду.

Теперь пришла его очередь удивляться.

— Может, не надо? Я пришел сюда не для того, чтобы забрать принадлежащее вам по праву, Древняя Матерь.

— Надо, стрелок. Бери. Сто лет я носила его на груди, не снимая ни днем, ни ночью. Теперь носи ты. Возьми его к Темной Башне, и положи у ее подножия, и назови имя Талиты Анвин там, в самом дальнем краю земли. — Она надела цепочку с распятием ему на шею. Крест лег Роланду на грудь под откры-

тым воротом рубахи из грубой оленьей кожи, как будто он был там всегда. — Теперь ступайте. Мы отобедали вместе, хорошо поговорили, мы получили благословение твое, а ты — наше. Идите назначенной вам дорогой, и пусть вас минуют все беды и горести. Встань, стрелок, и будь честен. — Голос ее задрожал и сорвался на последнем слове.

Роланд поднялся с колен, потом поклонился старухе и трижды коснулся ладонью шеи.

— Благодарю тебя, сай.

Она поклонилась в ответ, но не сказала ни слова. Теперь по щекам у нее текли слезы.

— Вы готовы? — спросил Роланд.

Эдди молча кивнул, не рискуя заговорить.

— Хорошо, — сказал Роланд. — Идемте.

Они зашагали по развороченной главной улице городка. Теперь коляску Сюзанны толкал Джейк. Проходя мимо последнего дома (ТОРГ И МЕН, — сообщала поблекшая вывеска на фасаде), он оглянулся. Старики так и стояли на площади, сгрудившись у столбового камня, — островок человечности, затерянный посреди безбрежной пустынной равнины. Джейк поднял руку и помахал им на прощание. До этого момента он еще как-то крепился, но когда кое-кто из стариков начал махать в ответ — и среди них Си, Билл и Тилл, — он не выдержал и расплакался.

Эдди приобнял его за плечи.

— Главное, не останавливайся, дружище, — сказал он нетвердым голосом. — Это единственный способ, иначе вообще невозможно уйти.

— Они все такие *старенькие!* — выдавил Джейк сквозь рыдания. — Разве можно их так вот здесь бросить одних?! Это несправедливо!

— Это *ка*, — вырвалось у Эдди само собой.

— Правда? Тогда это нечестное *ка*.

— Да, это все тяжело, — согласился Эдди... продолжая идти вперед. Джейк тоже пошел, больше уже не оглядываясь назад. Он боялся, что снова увидит стариков... как они стоят на цент-

ральной площади своего Богом забытого городка и смотрят вслед Роланду и его друзьям и еще долго будут смотреть, пока путники не скроются из виду.

И так оно все и было.

14

Они прошагали миль семь, не больше, когда небо начало темнеть, а заходящее солнце окрасило горизонт с западной стороны в ярко-оранжевый цвет. Неподалеку раскинулась роща эвкалиптовых деревьев — Джейк и Эдди пошли туда за дровами.

— И все-таки я не пойму, почему мы сегодня у них не остались, — рассуждал Джейк вслух. — Слепая женщина нас приглашала, к тому же мы все равно далеко не ушли. Я так там объелся, что до сих пор еще еле иду.

Эдди улыбнулся.

— Я тоже. И знаешь, что я тебе скажу? Твой добрый друг Эдди Кантор Дин уже предвкушает, как с утречка завтра он первым делом надолго засядет под кустик, дабы спокойно просраться в тиши и покое. Ты даже представить себе не можешь, как мне обрыдло все время жрать оленину и высирать потом жалкие кроличьи шарики. Если бы кто-то сказал мне еще год назад, что для меня главным событием дня станет хорошее извержение дерьма, я бы в рожу ему рассмеялся.

— А второе ваше имя действительно Кантор?

— Да, но я был бы очень тебе признателен, если бы ты не особенно распространялся на эту тему.

— Не буду. Но, Эдди... почему мы *все-таки* не остались?

Эдди вздохнул.

— Потому что сначала им бы понадобились дрова.

— Чего?

— А потом, когда мы натаскали бы дров, обнаружилось бы, что им *еще* нужно пополнить запас свежего мяса, потому что последним они угостили нас. А мы были бы просто уродами, если бы отказались помочь старикам и нами же сожранное возместить, я прав? Особенно если учесть, что у нас пистолеты, а

у них в лучшем случае парочка луков со стрелами вековой давности. Так что идти на охоту пришлось бы нам. До ночи бы мы проохотились, а на следующий день, наутро, Сюзанна бы заявила, что мы просто обязаны, прежде чем уйдем, хоть немного помочь им с ремонтом — конечно, отремонтировать не *фасад* городка, это было бы небезопасно, но, может, немного подправить гостиницу, или где там они все живут. Мол, это займет всего несколько дней, а что значат несколько дней, я прав?

Из темноты вынырнул Роланд. Двигался он, как всегда, абсолютно беззвучно, но выглядел озабоченным и усталым.

— Я уже думал, что вы двое грохнулись в волчью яму, — сообщил он.

— Да нет, просто я излагал Джейку факты, как я их вижу.

— Ну и что в этом плохого? — не понял Джейк. — Эта Темная Башня, она столько уже простояла... никуда бы она не делась за несколько дней.

— Несколько дней, потом еще несколько дней, и еще. — Взглянув на ветку, которую только что машинально подобрал с земли, Эдди с отвращением отшвырнул ее в сторону. *Я начинаю уже рассуждать точно, как он,* — сказал он себе. И все-таки он понимал, что говорит только правду. — Мы бы, может быть, обнаружили, что их ручей с питьевой водой забит илом, и было бы некрасиво уйти так просто, не почистив его. Но стоит ли так напрягаться, когда мы вполне могли бы задержаться на пару недель и построить им новый колодец с водяным колесом? Они там все старики, и таскать воду ведрами им не легче, чем гоняться пешком за буйволами. — Он посмотрел на Роланда, и в голосе его явственно прозвучали нотки упрека: — Знаешь, что я тебе скажу... когда я себе представляю, как Билл и Тилл выслеживают стадо диких буйволов, меня мороз пробирает по коже.

— Они занимаются этим уже столько лет, — спокойно ответил Роланд, — и я думаю, в этом смысле мы могли бы кое-чему у них и поучиться. Они прекрасно управятся и без нас. Кстати, может быть, все-таки соберем дрова — похоже, ночь будет прохладной?

Но Джейк никак не мог угомониться. Он внимательно, если не сказать сурово, смотрел на Эдди.

— Вы хотите сказать: что бы мы для них ни сделали, этого все равно будет мало?

Эдди выпятил нижнюю губу и сдул упавшую на лоб прядь волос.

— Не совсем так. Я говорю, что, если бы мы там задержались, уйти потом было бы не легче, чем, например, сегодня. Труднее — да, но не легче.

— И *все равно* это неправильно.

Они вернулись к Сюзанне — на то самое место, которое, как только они разожгут костер, превратится в очередную стоянку на долгом пути к Темной Башне. Сюзанна выбралась из коляски и лежала теперь на спине, подложив руки под голову и глядя на звезды. Когда мужчины вернулись, она тут же уселась и принялась укладывать хворост для костра особенным способом, который ей показал Роланд.

— Что правильно, а что нет, об этом можно еще поспорить, — заметил Роланд. — Но если слишком уж детально разбираться в частностях — в маленьких истинах, что сразу бросаются в глаза, — очень легко упустить из виду справедливость глобальную, хотя она и незаметна на первый взгляд. Здесь вообще все неправильно, и чем дальше, тем хуже. Мы все это видим и понимаем, что все кругом плохо, но почему — нам еще предстоит узнать. Пока мы будем в Речном Перекрестке помогать двадцати — тридцати старикам, где-нибудь в другом месте, возможно, страдают и умирают люди — двадцать или тридцать тысяч человек. И если есть во Вселенной такое место, где можно все это исправить, так это — Темная Башня.

— Почему? Как? — спросил Джейк. — И что это вообще за Башня?

Роланд присел на корточки перед кучей хвороста, которую сложила Сюзанна, достал из кармана огниво и принялся высекать искры. Вскоре веселые язычки пламени заплясали среди тонких веточек и сухой травы.

— На эти вопросы я тебе не отвечу, — признался он наконец. — Хотел бы ответить, но не могу.

Исключительно умный ответ, — заметил про себя Эдди. — *Роланд сказал: «Не могу ответить...»,* а это совсем не одно и то же, что *«я не знаю». Совсем не одно и то же.*

15

Ужин их состоял из воды и зелени. Они до сих пор еще не пришли в себя после обильной трапезы в Речном Перекрестке; даже Ыш не стал есть мясо, которое предложил ему Джейк, — ну разве что пару кусочков, не больше.

— Что это на тебя нашло — почему ты не стал тогда разговаривать? — пожурил Джейк ушастика. — Из-за тебя я там выглядел полным болваном!

— Ол-аном! — протявкал Ыш, положив мордочку Джейку на ногу.

— Он с каждым разом все лучше и лучше болтает, — заметил Роланд. — У него теперь даже голос похож на твой, Джейк.

— Эйк, — согласился зверек, не поднимая мордочки с ноги Джейка. Джейк смотрел как зачарованный в черные с золотым ободком глаза Ыша; в пляшущем свете костра ободки эти, казалось, вращаются. Медленно-медленно.

— Но он не стал разговаривать при стариках.

— Ушастики — привередливые создания, — сказал Роланд. — Они вообще странные. Нашего, как я понимаю, прогнали из стаи его же сородичи.

— Почему вы так думаете?

Роланд указал на бок Ыша. Джейк давно уже вычистил шкурку зверька от запекшейся крови (Ышу подобная процедура не доставила ни малейшего удовольствия, но он стойко терпел до конца). Ранка от укуса уже подживала, хотя ушастик еще прихрамывал.

— Готов поспорить, его цапнул другой ушастик.

— Но с чего бы его сородичам...

— Может быть, им надоела его болтовня, — сказал Эдди. Он прилег рядом с Сюзанной и обнял ее за плечи.

— Может быть, — согласился Роланд, — особенно если он был единственным в стае, кто еще пытался разговаривать. Ос-

тальные, должно быть, решили, что он для них слишком умный... или слишком заносчивый. Животные не такие завистливые, как люди, но им тоже это чувство знакомо.

Предмет разговора тем временем закрыл глазки и как будто уснул... но Джейк заметил, как дернулись уши зверька, когда беседа возобновилась.

— А они правда умные? — спросил Джейк.

Роланд пожал плечами.

— Старый конюх, о котором я вам рассказывал — тот, который всегда говорил, что хороший ушастик приносит удачу, — как-то божился, что у него в молодости был ушастик, который умел считать. Говорил, что зверюга его называла ответы, царапая столько-то раз по полу или двигая мордочкой камешки. — Стрелок улыбнулся, и от этой улыбки лицо его озарилось светом, прогнавшим угрюмую тень, что лежала на нем с тех пор, как они вышли из городка. — Правда, конюхи и рыбаки еще те враны.

На какое-то время они замолчали, и постепенно Джейка начала одолевать сонливость. Он подумал, что скоро уснет, и мысль показалась ему приятной. Но тут вдали снова грохнули барабаны. Бой их доносился ритмичными всплесками с юго-востока. Джейк рывком сел. Никто не сказал ни слова — все слушали молча.

— А ритм рок-н-ролльный. Похоже на партию ударных, — сказал вдруг Эдди. — Уж я-то знаю. Уберите гитары, и останется именно такой звук. И вообще все это очень похоже на «Зи-Зи Топ».

— Зи-Зи кто? — переспросила Сюзанна.

Эдди улыбнулся.

— Их еще не было в твоем времени. То есть, наверно, они были... ну, родились уже... но в 63-м году они еще в школу ходили в коротких штанишках... где-нибудь в Техасе. — Он прислушался. — Черт возьми! Ну точно партия ударных для какой-нибудь песенки типа «Шикарно прикинутый дядька» или «Велкро Флай».

— «Велкро Флай»? — повторил Джейк в некоторой растерянности. — Какое-то глупое название для песни.

— Зато забавное, — сказал Эдди. — Ты ее не застал... опоздал лет на десять, приятель.

— Лучше бы нам поспать, — вставил Роланд. — Светает рано.

— Я все равно не смогу заснуть, пока продолжается эта хрень. — Эдди помедлил словно бы в нерешительности, но потом все-таки высказал соображение, которое не давало ему покоя с того самого дня, когда они протащили Джейка, бледного и вопящего благим матом, через дверь между мирами. — Как ты думаешь, Роланд, у нас, по-моему, есть что сказать друг другу? Если каждый расскажет свою историю, может быть, мы обнаружим, что знаем больше, чем нам всем кажется.

— Да, время, по-моему, пришло. Но только давайте не в темноте.

Роланд повернулся на бок, натянул на себя одеяло и, судя по всему, уснул.

— Господи. — Эдди даже присвистнул сквозь зубы. — Во человек дает!

— И он прав, — высказалась Сюзанна. — Давай и ты, Эдди... спи.

Он улыбнулся и чмокнул ее в кончик носа:

— Да, мамулечка.

Уже минут через пять они с Сюзанной отрубились, несмотря на грохот барабанов. Зато с Джейка сонливость как рукой сняло. Он лежал на спине, глядя на незнакомые звезды и прислушиваясь к странным ритмам, доносившимся из темноты. Может быть, это млады устроили пляски под «Велкро Флай», доводя себя до священного исступления перед каким-нибудь ритуальным жертвоприношением.

Сначала он думал о Блейне Моно — поезде, мчащемся со сверхзвуковой скоростью по огромному миру, населенному призраками и духами. Потом, само собой, мысли его перешли к Чарли Чу-Чу, которого списали по старости и отправили на запасный путь на задворках депо, когда на смену ему пришел новенький Берлингтон-Зефир. Джейк вспомнил «лицо» паровозика Чарли, вроде бы радостное и улыбчивое, но какое-то все-таки нехорошее и недоброе. Вспомнил железнодорожную

компанию «Срединный мир». Пустынные пространства между Сент-Луисом и Топикой. Джейк вспомнил, что Чарли готов был пуститься в путь, как только понадобился мистеру Мартину, и что Чарли мог сам подбрасывать уголь в топку и давать гудок. Он снова задался вопросом, уж не машинист ли Боб испортил двигатель Берлингтон-Зефира, чтобы дать своему дорогому Чарли еще один шанс?

И вот наконец — так же внезапно, как и начался — барабанный бой стих, и Джейк уснул.

16

Ему снился сон, но на этот раз не про стража-привратника.

Нет, в эту ночь ему снилось, что он стоит на шоссе — где-то на западе штата Миссури. Вокруг него простиралась Великая Пустошь. Ыш сидел рядом. Вдоль шоссе выстроились столбы с белыми Х-образными сигнальными предупредительными знаками и красными фонарями в точке пересечения: рядом была железная дорога. Фонари мигали. Звонок верещал, предупреждая о приближении поезда.

С юго-востока уже доносился могучий гул, нарастающий с каждым мгновением, — гул, похожий на молнию, закупоренную в бутылке.

А вот и он, — сказал Джейк, обращаясь к Ышу.

Ион! — согласился Ыш.

И в то же мгновение на горизонте возник темно-розовый силуэт длиной в два колеса. И он приближался, скользя по равнине: приземистый поезд, по форме похожий на пулю. Едва Джейк увидел его, сердце его наполнилось ужасом. Два громадных окна на передней части ярко блестели на солнце. Окна напоминали глаза.

Не задавай ему глупых вопросов, — сказал Джейк Ышу. — *В дурацкие игры он не играет. Он просто жуткий, чу-чу, паровозик, и зовут его Блейн. Блейн — это Боль.*

Ыш неожиданно выпрыгнул на пути и застыл между рельсами, плотно прижав уши к голове и обнажив острые зубки в отчаянном оскале. Глаза у него сияли.

Нет! — закричал Джейк. — *Нет, Ыш!*

Но Ыш как будто его не слышал. Розовая пуля неумолимо неслась на ушастика, такого крошечного и упрямого. Джейку казалось, что шум подходящего поезда проникает ему под кожу, что от такого давления у него сейчас пойдет носом кровь, а из зубов выпадут пломбы.

Он рванулся вперед, чтобы вытащить Ыша из-под колес. Блейн Моно (или это был Чарли Чу-Чу?) накрыл их, и Джейк проснулся. В холодном поту. Весь дрожа. Ночь словно сгустилась вокруг, давя на него темнотой. Перевернувшись на другой бок, Джейк принялся отчаянно шарить рукой по земле, ища Ыша. В первый — кошмарный — миг ему показалось, что Ыша нет рядом, но тут его пальцы наткнулись на шелковистую шерстку. Ыш тихонечко взвизгнул и, подняв сонную мордочку, с любопытством взглянул на мальчика.

— Все хорошо, — шепнул Джейк. У него вдруг пересохло в горле. — Нет никакого поезда. Это был только сон. Спи, малыш.

— Ыш, — согласился зверек, закрывая глаза.

Джейк перевернулся на спину и долго еще лежал без сна, глядя на звезды. *Блейн — это больше, чем боль,* — думал он. — *Блейн опасен. Очень опасен.*

Да, вполне может быть.

Никаких «может быть»! — горячо убеждал его внутренний голос.

Ну хорошо. Блейн — это боль. Допустим. Но в сочинении своем он еще кое-что написал насчет Блейна, так?

Блейн — это правда. Блейн — это правда. Блейн — это правда.

— Господи, ну и дурь, — прошептал Джейк вслух и закрыл глаза. Уже через пару секунд он спал. В этот раз без сновидений.

17

Примерно к полудню следующего дня они поднялись до верхней точки очередного гребня холмов и впервые увидели мост. Он нависал над водой в том месте, где река сужалась, поворачивая на юг, и протекала вдоль городских стен.

— Боже правый! — воскликнул Эдди. — Тебе это ничего не напоминает, Сьюз?

— Ага.

— А тебе, Джейк?

— Да... он, по-моему, похож на мост Джорджа Вашингтона.

— Ужасно похож, — согласился Эдди.

— Но как мост Вашингтона оказался в Миссури? — спросил его Джейк.

Эдди с недоумением посмотрел на него.

— Что-что?

Джейк смутился.

— То есть в Срединном мире.

Эдди еще внимательнее на него посмотрел.

— А откуда ты знаешь, что это Срединный мир? Тебя же не было с нами, когда мы нашли тот камень.

Засунув руки в карманы, Джейк уставился на свои кроссовки.

— Мне это приснилось, — пояснил он, не вдаваясь в подробности. — Вы же не думаете, будто я приобрел путевку, чтобы съездить сюда, через папочкино турагентство?

Роланд тронул Эдди за плечо.

— Ты пока что к нему не лезь.

Эдди поднял глаза на Роланда и молча кивнул.

Они еще чуть-чуть постояли наверху, глядя на мост. Они успели уже привыкнуть к очертаниям города на горизонте, но такой вид открылся им только сейчас. Ажурная арка моста как будто плыла в синеве чистого утреннего неба. Роланд насчитал четыре блока невообразимо высоких металлических башенок — по одному с обоих концов и два в середине, — соединенных толстенными тросами, застывшими в воздухе длинными дугами. Между этими дугами и основанием моста виднелись еще вертикальные линии: то ли новые тросы, то ли металлические прутья — отсюда не разобрать. Однако кое-где на месте тросов Роланд увидел пустоты, а потом разглядел, что мост висит не совсем ровно.

— Сдается мне, скоро он рухнет в реку, — заметил стрелок.

— Может быть, — с неохотой согласился Эдди. — Хотя, по-моему, он не такой уж и ветхий.

Роланд вздохнул.

— Не обольщайся надеждой, Эдди.

— Что ты хочешь сказать? — в раздражении бросил Эдди. Ему самому не понравился этот тон, но спохватился он слишком поздно. Теперь уже ничего не поделаешь.

— Только то, что тебе, Эдди, пора научиться смотреть и видеть, и верить тому, что видишь. У нас такая была поговорка: «Только дурак верит в то, что он спит, до того, как проснется». Понимаешь, о чем я?

У Эдди на языке уже вертелось язвительное замечание, но он пересилил себя и смолчал. Роланд совсем не хотел его обижать. Просто так всегда получалось, что рядом с ним Эдди чувствовал себя мальчишкой. Это у Роланда выходило непреднамеренно... однако легче от этого Эдди не становилось.

— Наверное, — *выдавил он наконец. — У мамы тоже была* любимая поговорка. Они, по-моему, значат одно и то же.

— Да? И какая?

— Надейся на лучшее и жди гадостей, — кисло вымолвил Эдди.

Роланд улыбнулся.

— Хорошо твоя матушка говорила. Мне эта поговорка нравится даже больше.

— Но он *же* стоит! — взорвался Эдди. — Мост! Да, я согласен, его состояние давно оставляет, как говорится, желать... никто, наверное, не ремонтировал его уже лет этак с тысячу... но он *все же* стоит! И город тоже стоит! И почему бы мне и не надеяться? Не понимаю, что в этом плохого? А вдруг мы действительно там найдем что-то полезное?! Или, может быть, встретим людей, которые нас накормят и просто с нами поговорят, как старики в Речном Перекрестке, вместо того чтобы с ходу в нас стрелять? Что плохого в надежде на то, что нам, может быть, все-таки повезет?

Только потом, в воцарившейся тишине, Эдди не без смущения сообразил, что он толкнул сейчас целую речь.

— Ничего в этом плохого нет, — мягко и доброжелательно произнес Роланд. Эта мягкость звучала в голосе стрелка нечасто, и Эдди не переставал удивляться ей каждый раз. — Надежда должна оставаться всегда. — Он внимательно посмотрел на Эдди, потом на Сюзанну и Джейка, и взгляд его напоминал сейчас взгляд человека, который только что пробудился после глубокого сна. — Все, сегодня мы никуда уже не пойдем. Как я понимаю, пришло время нам поговорить. А это, по-моему, надолго.

Роланд сошел с дороги и двинулся не оглядываясь по высокой траве. Остальные помедлили только мгновение и направились следом за ним.

18

До встречи со стариками в Речном Перекрестке Сюзанна воспринимала Роланда как героя телесериалов, которые она изредка смотрела по «ящику»: «Шайенн», например, или «Человек с винтовкой», или венец творений подобного рода — «Дым от выстрела». Последнюю вещицу они частенько слушали с папой по радио до того еще, как ее экранизировали на телевидении (она подумала, что для Эдди и Джейка сама идея радиопостановки показалась бы странной по меньшей мере, и улыбнулась — не только мир Роланда сдвинулся с места). Она до сих пор еще помнила те слова, которыми начиналась каждая передача: «Это делает человека наблюдательным... и чуточку одиноким».

До того как они побывали в Речном Перекрестке, она считала, что личность Роланда вполне можно определить одной этой фразой. Роланд был не таким амбалом, как Маршал Диллон, и заметно проигрывал ему в росте, и лицо его напоминало скорее лицо утомленного жизнью поэта, а не полицейского с Дикого Запада, но все же Сюзанна воспринимала его в качестве своего рода живого воплощения вымышленного шерифа из Канзаса, чья единственная цель в жизни (не считая периодических выпивок в баре «Длинная ветка» с друзьями Доком и Китти) — очистить-город-от-этой-мрази.

Теперь же она поняла, что Роланд — не просто легавый, объезжающий вверенный ему участок, похожий на пейзажи Сальвадора Дали, где-нибудь на краю света. По крайней мере когда-то он был другим. Был дипломатом. Мыслителем. Может быть, даже наставником. Но, самое главное, он был солдатом, воином «света», как называют его эти люди. «Свет», как она догадалась, это свет цивилизации, добрые силы, которые не дают людям поубивать друг друга и поддерживают мир в стране, причем достаточно долго, чтобы за это время мог быть достигнут какой-то прогресс. В свое время Роланд был скорее странствующим рыцарем-донкихотом, нежели охотником. Но почему «в свое время»? Его время *еще не прошло*. Во всяком случае, старики в Речном Перекрестке в этом ни капельки не сомневались. Иначе с чего бы им плюхаться на колени в пыль и принимать его благословение?

Только теперь, в свете нового своего понимания, Сюзанна увидела, как умело и умно манипулировал ими стрелок после того кошмарного утра в говорящем кругу камней. Каждый раз, когда в разговоре, пусть даже вскользь, возникала какая-то тема, которая могла привести их к тому, чтобы начать сравнивать пережитое — и это было бы совершенно естественно, если учесть, что каждый из них на себе испытал необъяснимое, с точки зрения привычного опыта, Извлечение из того мира в этот, — Роланд тут же вступал в беседу и переводил ее на другие темы, причем так гладко и умело, что никто из троих (даже сама Сюзанна, притом что целых четыре года она принимала самое деятельное участие в Движении за гражданские права) этого не замечал.

Сюзанна, кажется, поняла, почему он так делал: Роланд хотел дать Джейку время прийти в себя. Но и теперь, понимая причины, она все равно не могла подавить своих чувств — изумления, досады и даже обиды за то, как умело и ловко он ими манипулировал. Незадолго до того, как Роланд перетащил ее в этот мир, Эндрю, ее шофер, сказал одну фразу, которую Сюзанна вспомнила теперь. Что-то насчет того, что президент Кеннеди был последним стрелком в этом западном мире. Тогда она посмеялась над ним, но теперь, кажется, постигла ее

смысл. В Роланде было много от Кеннеди. Гораздо больше, чем от Матта Диллона. Вряд ли стрелок обладал таким развитым и богатым воображением, как Кеннеди, но когда дело касалось романтики... самоотверженности... обаяния...

И еще хитрости, — осадила она себя. — *Не забывай про хитрость.*

Неожиданно для себя самой она громко расхохоталась.

Роланд, который сидел на земле, скрестив по-турецки ноги, повернулся к ней и вопросительно поднял брови.

— Что-то смешное?

— Ужасно смешное. Слушай, ответь-ка мне на вопрос: ты много знаешь языков?

Стрелок на мгновение задумался.

— Пять, — сказал он наконец. — Когда-то я говорил еще на селлианском, но теперь я его подзабыл. Все, кроме ругательств.

Сюзанна опять рассмеялась веселым и легким смехом:

— Ах ты старый пройдоха Роланд!

Джейк проявил неожиданный интерес.

— А вы могли бы сейчас ругнуться на стреллерианском?

— На *селлианском,* — поправил его Роланд. Он на мгновение задумался, а потом быстро и смачно произнес непонятную фразу, как будто прополоскал горло какой-то очень густой жидкостью. Например, кофе недельной давности. Во всяком случае, Эдди воспринял это именно так.

Роланд умолк и усмехнулся.

Джейк улыбнулся тоже.

— И что вы сказали?

Роланд приобнял мальчика за плечи.

— Что нам надо о многом поговорить.

— Что да, то да, — согласился Эдди.

19

— Мы четверо — это *ка-тет,* — начал Роланд, — то есть группа людей, связанных общей судьбой. Философы моей страны утверждали, что разрушить *ка-тет* может лишь смерть и предательство. А мой великий учитель Корт говорил, что, по-

скольку и смерть, и предательство — тоже спицы в большом колесе *ка*, эти узы вообще невозможно порвать. Сейчас, по прошествии стольких лет, когда я многое понял и узнал, я постепенно склоняюсь к его точке зрения.

Каждый участник *ка-тета* как отдельный кусочек в головоломке, сам по себе непонятный и даже загадочный... но если сложить их все вместе, они образуют картинку... или какую-то *часть* картинки. Иногда для того, чтобы ее завершить, нужно немало *ка-тетов*. Так что вы не удивляйтесь, если сейчас обнаружится, что ваши жизни соприкасались уже не раз, причем вы, наверное, даже об этом и не подозревали. Одно только то, что каждый из вас троих может читать мысли другого...

— Чего?! — изумился Эдди.

— Я говорил уже: не удивляйтесь. Это все происходит у вас так естественно, что вы даже ничего не замечаете. Но тем не менее это правда. Мне виднее со стороны, потому что я не полноправный участник вашего *ка-тета* — может быть, это из-за того, что я из другого мира, — и мне не дано читать все ваши мысли. Но передавать я *могу*. Сюзанна... ты помнишь, что было в кругу камней?

— Да. Ты велел, чтобы я отпустила демона, но только когда ты мне скажешь. Однако вслух ты этого не произносил.

— Эдди... помнишь, как на медвежьей поляне на тебя налетела эта механическая штуковина в виде летучей мыши?

— Да, ты мне еще крикнул: «Ложись!»

— Он и рта не раскрыл, — заметила Сюзанна.

— А как же тогда? Ты же *крикнул* мне! Я тебя *слышал!*

— Да, я кричал тебе. Но кричал *мысленно*. — Стрелок повернулся к Джейку. — А ты помнишь? В том доме?

— Когда доска, за которую завалился ключ, не отрывалась, вы мне сказали, чтобы я отодрал другую. Но если вы не читаете мои мысли, Роланд, то как вы узнали, что именно у меня там стряслось?

— Я *видел*. Не слышал, но *видел*... самую малость, как через грязное стекло. — Он обвел всех троих пристальным взглядом. — Эта близость людей и их способность читать мысли друг друга называется *кхеф*. Слово это в исконном наречии древнего мира имеет

множество значений. Вода, рождение, жизненная сила — вот только некоторые из них. Я хочу, чтобы вы знали об этом. И чтобы вы поняли. У меня пока все.

— А как понять то, во что не веришь? — спросил его Эдди.

Роланд улыбнулся.

— Просто нужно хотеть понять.

— Ну, желание-то есть.

— Роланд? — Это был Джейк. — А Ыш тоже может участвовать в нашем *ка-тете*?

Сюзанна улыбнулась, но Роланд оставался серьезным.

— Я пока не готов даже предположить. Но знаешь, Джейк, что я тебе скажу... я много думал об этом лохматом приятеле. Ка управляет не всем, и случайности не исключаются... но столь неожиданное появление ушастика, который все еще помнит людей, вовсе не кажется мне случайным.

Он снова обвел их внимательным взглядом.

— Я начну первым. Эдди продолжит с того места, где я остановлюсь. Потом Сюзанна. Джейк будет последним. Договорились?

Они закивали.

— Хорошо, — подытожил Роланд. — Мы с вами — *ка-тет*, один из многих. Итак, приступим.

20

Они говорили до темноты, прервавшись один только раз, чтобы наскоро перекусить, и когда разговор был закончен, Эдди чувствовал себя так, как будто он только что отбоксировал дюжину раундов с «милашкой» Реем Леонардом. Он уже больше не сомневался в том, что все они «*делят кхеф*», как выразился Роланд. А с Джейком они вообще проживали в снах жизни друг друга, как две половинки единого целого.

Роланд начал с того, что случилось в тоннеле под горной грядой, где трагически оборвалась первая жизнь Джейка в этом мире. Он рассказал им о долгом своем разговоре с человеком в черном и о туманных словах Уолтера про какого-то Зверя и еще одного человека, которого Уолтер назвал Незнакомцем вне

Времени. Он описал им свой странный пугающий сон, в котором Вселенную поглотил фантастический луч небывалого белого света, а в самом конце все заслонила собой травинка. Однаединственная травинка красного цвета.

Случайно взглянув на Джейка, Эдди был потрясен пониманием — *узнаванием*, — промелькнувшим в глазах мальчишки.

21

Эдди уже кое-что слышал из этого — еще на морском берегу, когда Роланд бредил, выдавая бессвязные обрывки своей истории, — но для Сюзанны все это было внове. Она слушала Роланда, затаив дыхание и широко раскрыв глаза. Когда стрелок передавал им слова Уолтера, она узнавала в них отблески своего мира, подобные отражениям в осколках разбитого зеркала: рак, автомобили, ракеты, отправленные на Луну, искусственное оплодотворение. Она даже представить себе не могла, кто такой Зверь, но догадалась, что Незнакомец вне Времени — это Мерлин, легендарный колдун, который якобы способствовал славной карьере короля Артура. «Все страньше и страньше» — как говорилось в «Алисе» у Кэрролла.

Роланд рассказал и о том, как, проснувшись от этого долгого и непонятного сна, он обнаружил, что Уолтер давно уже мертв, — время каким-то немыслимым образом перескочило вперед. Может быть, лет на сто. Может быть, на пятьсот. Джейк слушал как зачарованный. О том, как стрелок пришел к берегу Западного моря, как он потерял два пальца на правой руке, как вытащил Эдди с Сюзанной в свой мир, а потом встретился с Джеком Мортом за третьей дверью.

Стрелок сделал знак Эдди, и тот продолжил рассказ, начиная со встречи с громадным медведем.

— Шардик?! — перебил его Джейк. — Но ведь это название книжки! Книжки из *нашего* мира! Ее сочинил тот же автор, который про кроликов написал... ну, знаменитая его книга...

— Ричард Адамс! — воскликнул Эдди. — Я же *знал* это имя! Но как такое возможно, Роланд? Откуда в твоем мире знают о нашем?

— Но проходы-то есть, — отозвался Роланд. — Четыре двери мы видели сами. Или ты думаешь, раньше их не было? Или не будет потом?

— Но...

— Все мы видели, что в моем мире есть много от вашего, а когда я был у вас в Нью-Йорке, я обнаружил там кое-что от своего. Я видел стрелков. Большинство, правда, обрюзгли и обленились, но это все-таки были стрелки... собратья по их собственному древнему *ка-тету*.

— Роланд, это всего лишь легавые. Ты их обставил, как малых детей.

— Но последний был все же хорош. Когда мы с Джеком Мортом спустились на станцию вашей подземной железной дороги, он едва меня не прикончил. Если бы не слепая удача... огниво Морта... я бы сейчас не сидел тут с вами. Этот последний... Я видел его глаза. Он не забыл лицо своего отца. Нет, он не забыл. И потом еще... помнишь, как назывался тот балазаровский ночной клуб?

— Еще бы не помнить. — Эдди явно занервничал. — «Падающая башня». Но это могло быть простым совпадением. Ты же сам говорил: *ка* управляет не всем.

Роланд кивнул.

— Нет, ты ужасно похож на Катберта... Помню, как-то он высказал одну мысль. Когда мы были еще детьми. Мы собирались отправиться ночью на кладбище, но Ален не хотел идти. Говорил, что боится оскорбить тени предков. Катберт тогда посмеялся над ним и сказал, что сам он ни за что не поверит в призраков, пока не поймает какого-нибудь и не попробует его на зуб.

— Хорошо сказано! — одобрил Эдди. — Браво!

Роланд улыбнулся.

— Я так и знал, что тебе понравится. Но пока что оставим призраков в покое. Ты начал рассказывать — продолжай.

Эдди рассказал о видении, что явилось ему в огне, когда Роланд бросил в костер челюстную кость: ключ и роза. Рассказал про свой сон, в котором, шагнув через дверь лавки деликатесов, он вышел на поле роз и увидел вдали высоченную башню цвета копоти; про черноту, что излилась из окон башни и сложилась в фигуру на небе. Он говорил, обращаясь исключительно к Джейку, и Джейк слушал его затаив дыхание, ловя каждое слово с жадным вниманием и нарастающим удивлением. Эдди постарался по возможности передать настроение, которым был проникнут тот сон: странное чувство восторга, перемешанное с ужасом, — и увидел по их глазам (прежде всего по глазам Джейка), что он либо переусердствовал, несколько сгустив краски... либо друзья его видели те же сны.

Он рассказал о том, как они двинулись в обратную сторону по следу Шардика и вышли к Вратам Медведя. Как, приложив ухо к будке, он почему-то вдруг вспомнил тот день, когда они с братом ходили в Датч-Хилл смотреть на особняк. Он рассказал об игле в глиняной чашке и о том, как она оказалась ненужной, потому что путь Луча был виден и так — во всем, даже в полете птиц высоко в поднебесье.

Здесь Эдди умолк, и Сюзанна продолжила. Когда она перешла к тому, как Эдди начал работать над своим деревянным ключом, Джейк лег на спину, положил руки под голову и принялся рассматривать облака, что медленно плыли по небу белым клубящимся потоком на юго-восток. Упорядоченный их строй выдавал незримое присутствие Луча — точно так же, как дым из трубы всегда ясно показывает направление ветра.

Она закончила на том, как они наконец втащили Джейка в этот мир и положили тем самым конец раздвоению памяти Джейка и Роланда. Оно просто прошло — полностью и внезапно, когда Эдди захлопнул дверь в круге говорящих камней. Она рассказала все, умолчав об одном только факте, который, собственно, даже и не был фактом — во всяком случае, пока. По утрам ее не тошнило, а разовое отсутствие женских дел само по себе еще ничего не означало. Как сказал бы Роланд, эта история может пока подождать.

И все же, закончив рассказ, она вдруг поймала себя на мысли, что ей ужасно хотелось бы забыть те слова, которые им сказала тетушка Талита, когда Джейк заявил, что теперь его дом здесь: *Тогда пусть боги смилуются над тобой, ибо здесь, в этом мире, солнце клонится к закату. И зайдет оно навсегда.*

— Теперь твоя очередь, Джейк, — сказал Роланд.

Джейк сел и поглядел в сторону Лада, где свет уходящего дня, отражавшийся в окнах высоких башен с западной стороны, превращал стекла в золотые ставни.

— Бред какой-то, — пробормотал он себе под нос. — Но все вроде бы сходится. Так бывает, когда вспоминаешь сны: какой-то смысл в них явно есть, но ты не можешь его уловить.

— Может быть, мы поможем тебе найти смысл, — ободрила его Сюзанна.

— Может быть. Во всяком случае, вы мне поможете разобраться с поездом. Я не могу уже думать о нем в одиночку, о Блейне. Мозги уже заворачиваются. — Он тяжело вздохнул. — Вы сами видели, как это было, когда Роланд жил как бы двумя жизнями одновременно, так что я это пропущу. Я все равно не уверен, что смогу это все описать как следует... да и не хотелось бы, если честно. Это было ужасно. Я, наверное, лучше начну со своего сочинения на экзамене, потому что именно тогда я понял, что это само по себе не пройдет. — Он обвел их унылым взглядом. — Вот тогда я и сдался.

22

Джейк говорил дотемна.

Он рассказал все, что смог вспомнить, начиная с сочинения «Как я понимаю правду» и заканчивая чудовищным стражем-привратником, который в буквальном смысле вышел из стены и набросился на него. Его слушали очень внимательно, не перебивая.

Когда он закончил, Роланд повернулся к Эдди, и тот заметил в глазах стрелка странное выражение, в котором смешались разные чувства и которое поначалу он принял за изумление. Только потом до него дошло, что это вовсе не изумление,

а предельное возбуждение... и глубоко затаенный страх. Во рту у него пересохло. Потому что если уж Роланд испуган...

— Ты все еще сомневаешься, Эдди, что наши миры как-то соприкасаются?

Эдди мотнул головой.

— Теперь уже не сомневаюсь. Я был на той улице, шел по ней... *и я был одет так, как он говорит!* Но... Джейк, я могу посмотреть эту книгу? *«Чарли Чу-Чу»?*

Джейк потянулся за ранцем, но Роланд остановил его.

— Не сейчас, — сказал он. — Давай-ка вернемся к тому пустырю. Расскажи еще раз, что там было, Джейк. И попытайся припомнить детали.

— Может быть, вы меня снова загипнотизируете, — нерешительно предложил Джейк. — Как тогда, на дорожной станции.

Роланд покачал головой.

— В этом нет сейчас необходимости. То, что случилось с тобой на том пустыре, это самое важное событие в твоей жизни. В жизни всех нас. Ты можешь все вспомнить и так.

И Джейк принялся заново пересказывать то, что случилось на пустыре. Всем было ясно, что пережитое им на строительной площадке на месте лавочки деликатесов «Том и Джерри» вобрало в себя скрытую суть объединившего их *ка-тета*. Во сне, приснившемся Эдди, магазинчик стоял на месте, в реальности Джейка его давно снесли, но и в том, и в другом случае это было место пребывания невообразимой силы — силы, таящейся разве что в самых мощных талисманах. Роланд ни на мгновение не усомнился в том, что эта заброшенная строительная площадка с обломками битого кирпича и осколками стекол — очередное, если так можно сказать, воплощение Отстойника, о котором рассказывала Сюзанна, и того странного места, которое показалось ему в видении в самом конце его долгого пребывания на кладбище костей.

Теперь, когда он, медленно подбирая слова, пересказывал этот кусок из своей истории во второй раз, Джейк обнаружил, что стрелок оказался прав: он действительно *смог* вспомнить все. Причем воспоминания были такими живыми, что под ко-

нец ему стало казаться, будто он заново переживает тогдашний опыт. Он рассказал им про щит, на котором было написано, что на месте «Тома и Джерри» будет построен жилой массив «Гавань Большой Черепахи». Он даже вспомнил стишок, намалеванный на заборе, и прочел его наизусть:

Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине.
Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.

— В ее мыслях — весь мир, в ее мыслях — все мы. Для любого — частичка ее доброты, — пробормотала Сюзанна. — Там так было, Роланд?

— Что? — встрепенулся Джейк. — Где было?

— В одном стишке, который я выучил в детстве, — пояснил Роланд. — Вот, пожалуйста, еще одна ниточка. И кое о чем она нам говорит... хотя я не могу сказать, нужно ли нам это... но, с другой стороны, никогда не знаешь, что тебе может понадобиться.

— Двенадцать Врат, соединенных шестью Лучами, — размышлял Эдди вслух. — Мы вышли от Врат Медведя. Идти нам до середины — до Башни, — но если бы мы пошли дальше, мы бы вышли к Вратам Черепахи, так?

— Да, — кивнул Роланд.

— Врата Черепахи, — задумчиво произнес Джейк, перекатывая слова на языке, как будто пробуя их на вкус. Он досказал им оставшуюся часть истории: про хор изумительных голосов, про то, как он понял вдруг, что его окружают лица, и что в хоре звучат истории, и что он, наверное, наткнулся на нечто очень похожее на средоточие всего сущего. В конце он опять рассказал им о том, как нашел ключ и увидел розу. Воспоминания об этом были настолько яркими, что Джейк неожиданно начал плакать, сам того не замечая.

— Когда роза раскрылась, — говорил он сквозь слезы, — сердцевина ее была желтого цвета. Яркая-яркая, я в жизни тако-

го не видел. Я сначала подумал, что это пыльца и что она светится, потому что там, на пустыре, *все* светилось. Даже обертки от конфет и пустые пивные бутылки... все они были похожи на величайшие произведения искусства. Но потом я увидел, что это солнце. Звучит, я понимаю, по-идиотски. Но это действительно было солнце. И не одно. Это были...

— Это были *все* солнца Вселенной, — пробормотал Роланд. — Все, что есть *настоящего* в мире.

— Да! И это все было *правильно*... но вместе с тем и неправильно тоже. Я не могу объяснить, что именно неправильно, но я это чувствовал. Как будто там бились два сердца, и одно было внутри другого, и то, *что* внутри, болело. Или в него проникла инфекция. А потом я потерял сознание.

23

— Ты ведь тоже все это видел, Роланд? В том сне? — тихо спросила Сюзанна, и в ее голосе явственно слышался благоговейный трепет. — Травинка в самом конце... ты, помнишь, подумал еще, что она красная потому, что на нее пролили краску.

— Вы не понимаете, — сказал Джейк. — Она действительно *была* красная. Когда я видел все по-настоящему, она была *красная*. Я такой травы в жизни не видел. А краска — это только маскировка. Ну, как привратник у двери... он ведь тоже замаскировался, прикинувшись старым заброшенным домом.

Нижний краешек солнца уже касался горизонта. Роланд попросил Джейка сначала показать им книжку «Чарли Чу-Чу», а потом прочитать ее вслух. Джейк достал книгу и передал ее по кругу. Что Сюзанна, что Эдди — оба долго разглядывали обложку.

— У меня в детстве была точно такая же, — сказал Эдди, и в его голосе слышалась спокойная уверенность, отметающая все сомнения. — А потом, когда мы переезжали из Куинса в Бруклин... мне еще четырех тогда не исполнилось... она потерялась. Но я запомнил обложку. И знаешь, Джейк, я то же самое чувствовал, что и ты. Мне он страшно не нравился. Я ему не доверял.

Сюзанна пристально поглядела на Эдди.

— У меня тоже была эта книжка. Мне теперь удивительно даже, как я могла забыть... там девочку звали так же, как и меня... хотя тогда это было мое второе имя. И мне тоже не нравился паровоз. И я ему не доверяла. — Прежде чем передать книгу Роланду, она постучала пальцем по картонной обложке. — Уж больно фальшивая у него улыбочка.

Роланд лишь мельком взглянул на обложку и опять повернулся к Сюзанне.

— И твоя потерялась тоже?

— Угу.

— И я, кажется, знаю когда, — сказал Эдди.

Сюзанна кивнула.

— Несложно, в общем-то, догадаться: вскоре после того, как мне на голову сбросили кирпич. Помню, когда мы поехали к тете на свадьбу, книжка еще была. Я взяла ее с собой в поезд. Я хорошо это помню, потому что все спрашивала у папы, кто нас везет — может быть, Чарли Чу-Чу? Мне *не хотелось,* чтобы это был Чарли, потому что мы ехали в Элизабет, штат Нью-Джерси, а я боялась, что Чарли нас завезет не туда. Чем там закончилось, Джейк? Чарли, кажется, начал возить отдыхающих вокруг какой-то игрушечной деревеньки?

— В парке аттракционов.

— Ну да, точно. Там в конце еще есть картинка — Чарли везет детишек. Они все улыбаются и смеются, но мне почему-то всегда казалось, что им очень страшно и что они кричат, чтобы им разрешили слезть.

— Да! — воскликнул Джейк. — Вот именно! *Именно!*

— Я боялась, что Чарли нас завезет *к себе* — где бы он там ни жил, — а не к тете на свадьбу и мы никогда не выберемся оттуда.

— И ты никогда не вернешься домой, — пробормотал Эдди себе под нос и нервным движением пригладил волосы.

— Все время, пока мы ехали в поезде, я не выпускала из рук эту книжку. Я даже помню, что тогда думала: «Если он попытается нас похитить, я начну рвать страницы и не перестану, пока он не образумится». Но, разумеется, мы приехали

куда нужно, и, кстати, точно по расписанию. Папа даже провел меня вперед, чтобы я посмотрела на тепловоз. Это был дизель, а не паровоз, и я помню, как я обрадовалась. Я была на седьмом небе от счастья. А потом, после тетиной свадьбы, этот Морт сбросил мне на голову кирпич, и я долгое время лежала в коме. Но, когда я поправилась, книжка куда-то делась. Я ее больше не видела. И вот только теперь... — Она в нерешительности приумолкла, но все же добавила: — И уж если на то пошло, это запросто может быть моя книжка... или книжка Эдди.

— Да, вполне вероятно. — Эдди был бледен и очень серьезен. Он помолчал и вдруг улыбнулся совсем по-мальчишески. — Есть ЧЕРЕПАХА ля-ля ля-ля-ля! Все служит Лучу, задери его тля!

Роланд поглядел на запад.

— Солнце уже садится. Читай, Джейк, пока светло.

Джейк открыл книжку на первой странице с картинкой, где машинист Боб сидит в кабине Чарли Чу-Чу, и начал:

— «Боб Брукс служил машинистом в железнодорожной компании «Срединный мир» на перегоне Сент-Луис — Топика...»

24

— «...и иногда дети слышат, как он поет свою старую песню своим глухим хрипловатым голосом», — закончил Джейк и, показав им последнюю картинку: счастливые ребятишки, которые на самом деле, быть может, кричат от страха, — захлопнул книжку. Солнце скрылось за горизонтом. Небо окрасилось в пурпурный цвет.

— Ну, я бы сказал, что истории *не совсем* совпадают, — заметил Эдди. — Больше похоже на сон, в котором вода может течь снизу вверх. Однако должен признаться, что *мне* жутковато. Слишком много совпадений. Мы где сейчас? В Срединном мире — на территории Чарли. Только зовут его здесь не Чарли. Здесь его звать Блейн Моно.

Роланд пристально разглядывал Джейка.

— Ну и что ты думаешь? — спросил он. — Может, все-таки обойдем этот город? Подальше от этого поезда?

Джейк надолго задумался, опустив голову и машинально перебирая в пальцах густую шелковистую шерстку Ыша.

— Мне бы очень хотелось на самом деле, — выдавил он наконец. — Но если я правильно понял насчет этого вашего *ка*, то нам все равно этого не избежать.

Роланд кивнул.

— Да, это *ка*. А если так, то наши желания здесь не имеют значения: если мы попытаемся обойти его стороной, все равно, я уверен, обстоятельства сложатся так, что нам придется вернуться. В таких случаях лучше уж сразу покориться неизбежному, чем пытаться что-то изменить. А ты как думаешь, Эдди?

Эдди тоже надолго задумался. Ему вовсе не улыбалось иметь дело с каким-то там говорящим поездом, который ездит сам по себе; и как его ни назови: Чарли Чу-Чу или Блейн Моно. Из того, что прочел им Джейк, уже можно было заключить, что паровоз этот — весьма неприятный продукт инженерной мысли. Но, с другой стороны, дорога им предстояла долгая, и где-то в конце ее их ждала Башня, ради которой, собственно, это все и было затеяно. Эдди вдруг с изумлением обнаружил, что он точно знает, о чем думает и чего хочет. Он поднял голову и едва ли не в первый раз с того самого дня, когда очутился здесь, в этом мире, твердо взглянул в тускло-голубые глаза стрелка.

— Я хочу встать посреди поля роз и увидеть наконец эту Башню. Я не знаю, что будет дальше. Быть может, на наши могилы возложат букеты цветов, но мне на это наплевать. Я хочу видеть Башню. Мне уже все равно, пусть этот Блейн — хоть сам дьявол, и пусть дорога, ведущая к Башне, проходит хоть через ад. Я за то, чтобы идти в город.

Роланд кивнул и повернулся к Сюзанне.

— Ну, — нерешительно проговорила она, — мне Темная Башня не снилась... так что на этом уровне — на уровне, скажем так, желания — я, наверное, не возьмусь решать. Но я теперь верю в *ка*. И я не настолько тупа, чтобы не чувствовать, когда мне начинают стучать по башке и вопить благим матом:

«Не туда, идиотка! В другую сторону!» А как ты сам, Роланд? Ты-то что думаешь?

— Я думаю, что на сегодня мы наговорились уже достаточно и нам надо бы сделать маленький перерыв до завтра.

— А «Загадки»? — спросил вдруг Джейк. — Хотите, я вам покажу?

— У нас еще будет время, — сказал Роланд. — Давайте немного поспим.

25

Но стрелок еще долго лежал без сна, а когда вдали снова раздался ритмичный бой барабанов, он поднялся и вернулся к дороге. Там Роланд остановился, глядя на мост и город. Он действительно был дипломатом, как верно предположила Сюзанна, дипломатом до мозга костей, и поэтому Роланд знал, что поезд — это их следующая остановка на долгом пути, причем знал это с того мгновения, когда впервые услышал о нем... однако он чувствовал, что об этом не стоит пока сообщать остальным. В частности, Эдди не терпел, когда ему говорили, что нужно делать. Когда он думал, что кто-то пытается направлять его, реакция Эдди была одна: он опускал голову, широко расставлял ноги, начинал выдавать идиотские шутки и упирался, как мул. Правда, на этот раз их с Роландом желания совпадали, но Эдди еще мог взбрыкнуть — исключительно из чувства противоречия. Так что лучше и безопаснее было не торопить события и спрашивать вместо того, чтобы указывать.

Он повернулся, чтобы пойти назад в лагерь... и тут рука его непроизвольно легла на рукоять револьвера, потому что впереди, на обочине, маячил темный силуэт. Кто-то стоял там, глядя на стрелка. Роланд, правда, не вытащил револьвер, но был наготове.

— А я все думал, сможешь ли ты уснуть после этого маленького представления, — сказал Эдди. — Ответ, по-моему, отрицательный.

— Я не слышал, как ты подошел. Ты быстро учишься, Эдди... но на этот раз за свои успехи ты мог заработать и пулю в лоб.

— Ты не слышал меня, потому что тебя занимало сейчас другое. — Он присоединился к стрелку, и даже при бледном свете звезд Роланд увидел, что ему не удалось одурачить Эдди. Да, он действительно в нем не ошибся. Эдди напоминал ему Катберта, но кое в чем он уже превзошел и Катберта.

Нельзя его недооценивать, — сказал себе Роланд. — *Иначе это все может закончиться очень плачевно. Если я его подведу или сделаю что-то, что он может принять за двойную игру, он скорее всего попытается меня убить.*

— А что тебя занимает, Эдди?

— Ты. И все мы. Я хочу, чтобы ты кое-что знал. До сегодняшнего разговора я думал, что тебе это и так известно. Но теперь я уже не уверен.

— Ну так скажи мне.

А про себя Роланд снова подумал: *Нет, он ужасно похож на Катберта!*

— Мы с тобой потому, что должны быть с тобой — из-за твоего проклятого ка. Но еще мы с тобой потому, что сами того хотим. Насчет себя и Сюзанны я точно знаю. И Джейк, я думаю, тоже. У тебя неплохие мозги, мой соратник по *кхефу*, но ты, наверное, их хранишь в бомбоубежище, потому что иной раз убеждать тебя — все равно что биться головой о стену. Я хочу ее видеть. Ты хорошо понимаешь, о чем я? *Я хочу видеть Башню.* — Он внимательно поглядел Роланду в лицо и, не увидев, очевидно, того, что надеялся там увидеть, в отчаянии взмахнул руками. — Я хотел только сказать, чтобы ты наконец отпустил мои уши.

— Отпустил твои уши?

— Вот именно. Меня больше не надо за них тянуть. Я иду с тобой к Башне, потому что я сам так хочу. *Мы все идем*, потому что мы сами хотим идти. Если сегодня ты тихо откинешь копыта во сне, мы тебя похороним и пойдем дальше. Может быть, долго мы не протянем, но мы умрем на пути Луча. Теперь ты врубился?

— Да. Теперь да.

— Ты говоришь, ты меня понимаешь, и, я думаю, ты действительно понимаешь... но вот веришь ты мне или нет?

Ну конечно, — подумал стрелок. — *Куда ты еще пойдешь в этом мире, Эдди, который чужой для тебя и странный? И что ты еще станешь делать? Фермер, должен сказать, из тебя хреновый.*

Но он не сказал этого вслух — это было бы несправедливо и очень зло. Оскорблять свободную волю свободного человека, путая оную с *ка*, — это хуже, чем просто кощунство: это подло и глупо.

— Да, — сказал Роланд. — Я тебе верю. Всей душой верю.

— Тогда хватит вести себя с нами так, будто мы стадо баранов, а ты наш пастух, который помахивает палкой, чтобы мы, такие все из себя беспомощные и безмозглые, не сошли, не дай Бог, с дороги и не угодили бы в яму с зыбучим песком. Ты вещь в себе. Пришло, наверное, время раскрыться. Если нам суждено умереть в этом городе или в поезде, я хочу умереть, зная, что я был не просто какой-нибудь пешкой в твоей игре.

Роланд почувствовал жар — это кровь прилила к лицу, — но он никогда себя не обманывал. Он психанул сейчас не потому, что Эдди составил о нем ложное мнение. Наоборот. Его просто взбесило, что Эдди увидел его насквозь. «Становление» Эдди происходило у Роланда на глазах: бывший Узник сумел вырваться из своей тюрьмы и оставил ее далеко позади, как и Сюзанна, ибо по-своему она тоже была пленницей, — стрелок следил за их продвижением и гордился им, но все-таки сердце его не сумело принять до конца то, о чем с очевидностью говорил разум. Сердце его воспринимало их всех как существ абсолютно другой породы — низших существ.

Роланд сделал глубокий вдох:

— Стрелок, если можешь, даруй мне прощение.

Эдди кивнул.

— Как я понимаю, у нас впереди еще целый водоворот проблем... я уже это предчувствую, и мне страшно. Но это не *твои* проблемы, а *наши*. О'кей?

— Да.

— Как ты думаешь, нам действительно туго придется в городе?

— Не знаю. Я знаю только одно: нам придется приглядывать за Джейком и защитить его, если что, потому что тетушка Талита сказала, что они все захотят его заполучить. Отчасти все зависит от того, сколько времени мы проищем поезд. Но гораздо важнее, что будет потом, когда мы его найдем. Будь у нас еще два человека, мы могли бы дать каждому по револьверу и прикрывать Джейка со всех четырех сторон. Но поскольку нас слишком мало, придется идти гуськом. Сначала я, потом Джейк с коляской Сюзанны, а ты пойдешь сзади.

— И все-таки, Роланд, что нас там может ждать? Попробуй хотя бы предположить.

— Не могу.

— А мне кажется, можешь. Ладно, города ты не знаешь, но ты зато знаешь людей в своем мире и знаешь, чего от них можно ждать — теперь, когда все здесь пошло черт-те как. Ну так как?

Роланд задумался, глядя в ту сторону, где грохотали барабаны.

— Может быть, все обойдется. Насколько я понял, у них не так много осталось бойцов, а те, что остались, стары и деморализованы. Вполне может так получиться, что ты был прав и кое-кто даже предложит нам помощь, как это сделал *ка-тет* Речного Перекрестка. А может быть, мы вообще никого не увидим... они *нас* увидят, увидят, что мы при оружии, и решат, что лучше им спрятаться от греха подальше и дать нам спокойно пройти. Но даже если такой вариант не пройдет, я очень надеюсь, что они разбегутся как крысы, когда мы пристрелим кого-нибудь, а еще лучше — парочку.

— А если они решат драться?

Роланд мрачно усмехнулся:

— Тогда, Эдди, всем нам придется вспомнить лица своих отцов.

Глаза Эдди блеснули во тьме, и он снова напомнил Роланду Катберта — его старого друга Катберта, который однажды сказал, что он ни за что не поверит в привидений, пока не по-

пробует одного на зуб, — Катберта, с которым однажды они разбросали под виселицей хлебные крошки.

— Я, надеюсь, ответил на все вопросы?

— Нет... но на этот раз ты, по-моему, был со мной честен.

— Тогда, Эдди, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Эдди повернулся и пошел прочь. Роланд стоял и смотрел ему вслед. Теперь он его слышал, когда прислушивался... но все равно еле-еле. Он сам направился было в лагерь, но потом передумал и пошел в темноту — в направлении Лада.

Он, Джейк, из тех, кого старая женщина называла младами. Она сказала, что все они захотят его заполучить.

Вы мне не дадите упасть в этот раз?

Нет. Теперь никогда.

Но он знал одну вещь, о которой не знали другие. Быть может, теперь, после этого разговора с Эдди, он скажет им... обязательно скажет, но все-таки чуть попозже.

На древнем наречии, которое в мире стрелка было когда-то универсальным языком, большинство слов, в том числе *ка* и *кхеф,* имело множество значений. Но слово чар — кстати, Чарли Чу-Чу начиналось с того же слога — было однозначным.

Чар означало смерть.

Глава V

МОСТ И ГОРОД

1

Три дня спустя они набрели на разбившийся аэроплан.

Джейк первым увидел его — вспышку яркого света в сиянии позднего утра на расстоянии примерно миль в десять, как будто зеркальце, сверкавшее в траве. Когда путники подошли поближе, они смогли явственно разглядеть очертания темной штуковины, что примостилась у самого края Великого Тракта.

— Похоже на мертвую птицу, — заметил Роланд. — Большую птицу.

А еще час спустя они молча встали у края дороги, глядя на древний остов самолета. На прогнившем фюзеляже гордо восседали три жирные вороны. Они нахально уставились на незваных гостей. Подобрав камень с дороги, Джейк запустил им в птиц. Те с негодующим карканьем взвились в воздух.

Одно крыло аэроплана отломилось во время падения и валялось теперь ярдах в тридцати от почерневшего корпуса, точно трамплин для прыжков в воду среди зеленой травы. В остальном же аэроплан почти не пострадал. Только стекло фонаря кабины треснуло в том месте, куда ударилась голова пилота. Там осталось большое пятно тускло-ржавого цвета.

Ыш обежал аэроплан, обнюхал ржавые лопасти пропеллера и поспешно вернулся к Джейку.

Человек в кабине, одетый в дутый кожаный комбинезон и шлем с шипом на макушке, давно превратился в иссохшую мумию, готовую рассыпаться в прах при малейшем прикосновении. Губ у него уже не было — зубы обнажились в последней гримасе отчаяния. От пальцев, когда-то толстых, как сосиски, остались теперь лишь кости, обтянутые желтой кожей, — мертвые кости, вцепившиеся в штурвал. Ударившись головой о фонарь, пилот раскроил себе череп, и Роланд догадался, что зеленовато-серые разводы, покрывавшие левую часть лица, — это все, что осталось от мозга. Голова мертвеца была запрокинута к небу, как будто он до последнего не сомневался, что сможет снова подняться ввысь. Сохранившееся крыло все еще простиралось над буйно разросшейся травой. Там красовалась выцветшая эмблема: кулак с зажатой в нем молнией.

— Похоже, тетушка Талита ошиблась, а старик-альбинос был прав. — В голосе Сюзанны явственно слышался благоговейный трепет. — Это, наверное, Давид Шустрый, тот самый незаконнорожденный принц. Посмотри, Роланд, какой он здоровый... им, наверное, пришлось его жиром смазать, чтоб запихнуть в эту кабинку!

Роланд кивнул. Жара и годы потрудились на славу: от человека внутри механической птицы остался всего лишь скелет, обтянутый высохшей кожей, — но до сих пор еще было видно, какими широкими были когда-то плечи у этого человека, а изуродованная его голова поражала своими размерами.

— Так пал лорд Перт, — сказал он, — и земля содрогнулась от этого грома.

Джейк вопросительно на него покосился.

— Это из старой баллады, — пояснил Роланд. — Был такой великан, лорд Перт. Он отправился на войну, один против воинства в тысячу человек, но не успел даже покинуть свои владения: один мальчишка швырнул в него камнем. Камень попал в колено. Перт споткнулся, упал под тяжестью своих доспехов и сломал себе шею.

— Похоже на нашу легенду про Давида и Голиафа, — заметил Джейк.

— Он не горел, — сказал Эдди. — Скорее всего у него просто кончилось горючее и он попытался посадить самолет на дорогу. Садился с отказавшим двигателем. Он, может, был самозванцем и варваром, я уж не знаю, но мужик он был смелый.

Роланд кивнул и повернулся к Джейку.

— Тебе не страшно?

— Да нет. Если бы он был... ну, вы понимаете... если б он умер недавно, тогда, наверное, было бы чуточку страшно. — Джейк оторвал взгляд от мертвого человека в кабине и посмотрел на город. Они подошли совсем близко, и Лад стал виден гораздо отчетливее. Отсюда уже можно было разглядеть, что в окнах многих высотных домов не хватает стекол, но Джейк, как и Эдди, все-таки не отказался пока от надежды, что им там помогут. — Готов поспорить, что в городе после его кончины все пошло наперекосяк.

— Думаю, ты бы выиграл это пари, — сказал Роланд.

— Знаете что? — Джейк опять повернулся к аэроплану. — Может быть, те, кто построил этот город, и выпускали свои самолеты, но я все же уверен, что это — один из наших. В школе, еще в пятом классе, я писал реферат по воздушному бою, и мне кажется, я узнаю модель. Можно я посмотрю поближе, а, Роланд? Пожалуйста.

Роланд кивнул.

— Давай только вместе посмотрим.

Они вместе приблизились к аэроплану, утопавшему в высокой траве.

— Вон там, видите? — показал Джейк. — Пулемет под крылом? Это модель с воздушным охлаждением, германского производства. «Фокке-вульф» называется. Их выпускали перед самым началом Второй мировой. Но только что он тут делает?

— Самолеты часто пропадают, — заметил Эдди. — Возьми, например, Бермудский треугольник. Это, Роланд, такое место над одним из наших океанов. Там вообще беспредел творится. Заколдованное прямо место. А может быть, мне сейчас пришло в голову, это просто здоровая дверь между нашими двумя мирами... дверь, которая открыта всегда. Или почти всегда. — Эдди ссутулился и попытался, весьма, кстати, посредственно,

изобразить Рода Серлинга: — Просьба всем пристегнуть ремни. Мы приближаемся к вихревой зоне. Наш самолет входит... в зону Роланда!

Джейк и Роланд, которые стояли уже под сохранившимся крылом самолета, даже не повернулись к нему.

— Подсадите меня, Роланд.

Роланд покачал головой.

— Крыло кажется крепким, но оно все прогнило, Джейк... эта штука валяется здесь много лет. Ты упадешь.

— Тогда поднимите меня на руках.

— Давай я, Роланд, — вызвался Эдди.

Роланд лишь на мгновение опустил взгляд на свою изувеченную правую руку, потом небрежно пожал плечами и сплел пальцы в замок:

— Я сам. Он не тяжелый.

Джейк снял кроссовки и легко встал на «ступеньку» из рук Роланда. Ыш залился пронзительным лаем — то ли от возбуждения, то ли от страха, Роланд так и не понял.

Теперь Джейк прижимался грудью к одному из проржавелых закрылков. Повернув голову вправо, он изучал эмблему на крыле. Кулак, сжимающий молнию. С одного края она слегка отслоилась от поверхности крыла. Джейк взялся за этот приподнятый краешек и потянул. Эмблема оторвалась, причем с такой легкостью, что мальчик наверняка бы упал, если бы Эдди не поддержал его за ягодицы.

— Я так и знал, — сказал Джейк. Под оторвавшейся эмблемой открылась еще одна. Свастика. — Просто хотелось проверить. Можете опустить меня, я уже все посмотрел.

Они снова двинулись в путь, и на протяжении всего дня — стоило лишь оглянуться — сзади маячил хвост самолета, поднимающийся из высокой травы, как надгробие лорда Перта.

2

В тот вечер как раз была очередь Джейка разводить костер. Когда он уложил наконец хворост так, чтобы Роланд уже ни к чему не сумел придраться, стрелок протянул ему кремень и кресало.

— Посмотрим, как у тебя получится.

Эдди с Сюзанной сидели с другой стороны костра, любовно приобняв друг друга за талии. Сегодня, уже ближе к вечеру, Эдди заметил в траве у дороги какой-то красивый ярко-желтый цветок и сорвал его для Сюзанны. Она приколола его к волосам и теперь, каждый раз, когда ее взгляд обращался к Эдди, она улыбалась с сияющими глазами. Роланд все это подмечал. И ему это нравилось. Их любовь стала глубже и крепче. Что ж, хорошо. Любовь должна быть действительно крепкой, чтобы сохраниться на долгие годы.

Джейк высек искру, но она, ярко вспыхнув, погасла в нескольких дюймах от растопки.

— Держи кремень ближе, — посоветовал Роланд. — И сжимай крепче, Джейк. И не надо *стучать* по нему огнивом. *Чиркай.*

Джейк попробовал снова, и на этот раз искра попала туда, куда нужно. Впрочем, все равно без толку. В воздух взвилась тоненькая струйка дыма, но огонь так и не разгорелся.

— У меня, похоже, не выходит.

— Ничего, научишься. И подумай пока вот над чем: что ночью пляшет, а днем отдыхает?

— Чего?

Роланд придвинул руки Джейка еще ближе к растопке.

— Как я понимаю, такой в твоей книжке нет.

— А-а, так это загадка! — Джейк высек еще одну искру. На этот раз посреди костра вспыхнул крошечный язычок пламени. Правда, он тут же погас. — Вы тоже знаете какие-то загадки?

— И не просто «какие-то», — отозвался Роланд. — Я знаю их много. А мальчишкой, наверное, знал больше тысячи. Мы специально их изучали.

— Правда? А зачем, интересно, их изучать, загадки?

— Ваннай, мой наставник, говорил, что разгадывание загадок способствует развитию ума. Что кто научится их разгадывать, тот научится думать неординарно и гибко. Каждую пятницу мы устраивали состязания по разгадыванию загадок, и тот, кто выигрывал, мог уйти с занятий пораньше.

— И часто, Роланд, тебя отпускали пораньше? — поинтересовалась Сюзанна.

Он покачал головой, пряча улыбку.

— Мне очень нравилось их разгадывать, но у меня не всегда получалось. Честно сказать, чаще не получалось. Ваннай говорил, это все потому, что я слишком глубоко задумывался. А отец говорил, что мне не хватало воображения. Наверное, оба они были правы... но отец все-таки был ближе к истине. Револьвер я всегда доставал быстрее всех и стрелял лучше всех, но вот насчет того, чтобы неординарно мыслить... у меня с этим было туго.

Сюзанна, которая внимательно наблюдала за тем, как Роланд держал себя со стариками в Речном Перекрестке, подумала, что он себя явно недооценивает. Однако она промолчала.

— Иногда, долгими зимними вечерами, у нас устраивались состязания в Большом Зале. Если участвовали только младшие, побеждал всегда Ален. Если же состязались взрослые, победителем был неизменно Корт. Он знал больше загадок, чем мы все, вместе взятые, и с каждой ярмарки, где проходили «загадочные» турниры, он всегда приносил гуся. В загадках таится великая сила, и каждый, наверное, знает хотя бы одну или две.

— Даже я, — сказал Эдди. — Вот, например: могут ли трупы плясать?

— Тьфу ты, гадость, — сморщилась Сюзанна, не в силах, однако, сдержать улыбку.

— Да, если труппы балетные! — торжествующе завопил Эдди и улыбнулся, когда Джейк, рассмеявшись, неловко взмахнул рукой и сбил уложенный для растопки хворост. — Да-да, уважаемые, у меня их в запасе, наверное, миллион!

Роланд, однако, не рассмеялся. Наоборот, он как будто немного обиделся.

— Ты извини меня, Эдди, но это действительно глупая шутка.

— Господи, Роланд, прошу прощения. — Эдди все еще улыбался, но в его голосе явственно слышалось раздражение. — Я

все забываю, что чувство юмора тебе отстрелили в этом Крестовом походе детей, или как там он у вас назывался.

— Просто я отношусь к загадкам серьезно. Меня так научили, что способность разгадывать их говорит о здоровом и рациональном уме.

— Ну все равно они нам не заменят произведений Шекспира или квадратного уравнения, — примирительно проговорил Эдди. — Я хочу сказать, не будем отвлекаться.

Джейк задумчиво поглядел на Роланда.

— У меня в книжке написано, что загадки — это самая древняя из всех игр, в какую люди играют до сих пор. Я имею в виду, в моем мире. А парень, с которым я разговаривал в книжной лавке, сказал, что загадки — действительно дело серьезное, а не просто так шуточки. Он говорил, что когда-то из-за них убивали.

Роланд смотрел в пространство — в сгущавшийся сумрак.

— Да, — вымолвил он наконец. — Я сам это видел. — Он вспомнил одно состязание на ярмарке, которое закончилось не вручением обычного приза, гуся, а смертью того косоглазого мужичка в шляпе с бубенчиками, который корчился в пыли с кинжалом в груди. С кинжалом Корта. Мужик этот, бродячий певец и акробат, попытался обжулить Корта, стащив у судьи книжку, где на страницах из тонких пластинок коры были записаны все ответы.

— Ой-ой-ой, — выдавил Эдди. — Вы уж меня извините, глупого.

Сюзанна смотрела на Джейка во все глаза.

— А я и забыла... Ведь у тебя с собой книжка с загадками. Можно мне посмотреть?

— Да, конечно. Она у меня в ранце. Правда, там кто-то выдрал страницы с ответами. Наверное, поэтому мистер Тауэр отдал мне ее беспла...

Он умолк, когда чьи-то пальцы больно впились ему в плечо.

— *Как,* ты сказал, его звали? — переспросил Роланд.

— Мистер Тауэр, — повторил Джейк. — Келвин Тауэр. А я разве не говорил?

— Нет. — Роланд медленно разжал пальцы, отпустив плечо Джейка. — Но теперь, когда ты сказал, я в общем-то не удивляюсь.

Эдди открыл ранец Джейка, нашел книжку с загадками и бросил ее Сюзанне.

— Знаешь что, — сказал он, — а мне всегда нравилась эта загадка про трупы. Она, быть может, безвкусная, но забавная.

— Дело даже не в этом, — заметил Роланд. — Она бессмысленная, и у нее нет решения. В общем, глупая это загадка. А у хорошей загадки должен быть смысл. И решение.

— Господи Боже! Да вы, ребята, похоже, действительно принимаете это дело всерьез?!

— Вот именно.

Джейк тем временем снова сложил растопку и старательно высекал искры, думая над загадкой, из-за которой начался спор. Неожиданно он улыбнулся:

— Костер. Правильно я угадал? Костер. Ночью пляшет, а днем отдыхает. Когда темно, мы его зажигаем, и пламя пляшет. А днем мы его гасим, и оно вроде как отдыхает. В общем-то просто.

— Все правильно. — Роланд тоже улыбнулся Джейку, но смотрел он на Сюзанну, которая углубилась в маленькую потрепанную книжку. Глядя на то, как она сосредоточенно морщит лоб, перелистывая страницы, как поправляет рассеянным жестом цветок в волосах, он подумал, что, наверное, только Сюзанна способна почувствовать и понять, насколько важной для них может быть эта книжка загадок... вполне вероятно, что даже важнее, чем «Чарли Чу-Чу». Он перевел взгляд с Сюзанны на Эдди, и в нем опять поднялось раздражение, вызванное этой дурацкой его загадкой. Эдди еще кое в чем напоминал ему Катберта, только в этом их сходство было не самым приятным: иной раз Роланду хотелось встряхнуть его так, чтобы из носу у него пошла кровь, а зубы просто повыпали изо рта.

Спокойно, стрелок... спокойно! — прозвучал у него в голове голос Корта, не то чтобы насмешливый, но ехидный. Роланд

решительно отгородился от всех эмоций. Сделать это оказалось не так уж и трудно, особенно если вспомнить, что Эдди иной раз впадал в ребячество и начинал дурить, может быть, сам того не желая. Просто такой у него характер, отчасти сформированный *ка*, и тут уже ничего не поделаешь. К тому же Роланд прекрасно знал, что Эдди способен не только на идиотские выходки. Теперь, всякий раз, когда он начинал несправедливо думать иначе, стрелок вспоминал их ночной разговор на дороге три дня тому назад, когда Эдди обвинил его в том, что он использует их как пешки в своей игре. Тогда это его рассердило... и все-таки Эдди был не так уж далек от истины. Во всяком случае, Роланду стало стыдно.

Эдди, пребывавший, к счастью, в блаженном неведении относительно всех этих сложных Роландовых размышлений, неожиданно объявил:

— Зеленое, весит сто тонн и обитает на дне морском — это что?

— Я знаю! — воскликнул Джейк. — Моби Сопля, большой зеленый кит.

— Идиотизм, — буркнул Роланд себе под нос.

— Да... но поэтому и смешно, — сказал Эдди. — Между прочим, если хочешь знать, *шутки* тоже развивают ум и приучают мыслить неординарно. Понимаешь ли... — Увидев лицо Роланда, он рассмеялся и поднял руки. — Ладно, замяли. Сдаюсь. Ты все равно не поймешь. Даже за тысячу лет. Давай лучше посмотрим книжку. Я даже попробую отнестись к ней серьезно... но при условии, что сначала мы поедим.

— Не зевай, — проговорил Роланд и улыбнулся.

— Чего?

— Это значит, что мы с тобой договорились.

Джейк чиркнул огнивом по кремню. Вспыхнула искра, и на этот раз хворост все-таки загорелся. Джейк, довольный, откинулся назад и, поглаживая Ыша по шерстке, принялся наблюдать, как разгорается пламя. Он ужасно собой гордился. Он сумел развести костер... и отгадал загадку Роланда.

3

— Я тоже знаю одну загадку, — сказал Джейк за ужином, когда они поглощали очередную порцию «стрелецких голубцов».

— Такую же глупую? — спросил Роланд.

— Нет. Настоящую.

— Тогда загадывай.

— О'кей. Нету ног, но на месте она не стоит; ложе есть, но она не спит; не котел, но бурлит, не гроза, но гремит; нету рта, но она никогда не молчит.

— Да, хорошая загадка, — согласился Роланд. — Только старая. Это река.

Джейк слегка приуныл.

— Вас действительно трудно чем-нибудь озадачить.

Роланд бросил Ышу последний кусок своего «голубца». Ушастик жадно накинулся на угощение.

— Меня-то что! Со мной справиться — «дел на плевок», как сказал бы наш Эдди. Вот видел бы ты Алена! Он собирал загадки, как какая-нибудь девица собирает коллекцию вееров.

— Это «плевое дело», старый ты пень, — поправил его Эдди.

— Спасибо. Вот тебе тоже загадка: «Что сначала лежит, а потом встает. Сначала белое, а потом краснеет. Чем больше становится, соком налившись, тем милее оно старушкам?»

Эдди разразился безумным хохотом.

— Член! — выкрикнул он сквозь смех. — Фу, Роланд, как грубо! Но мне нравится! Нра-а-а-вится!

Роланд покачал головой.

— А вот и нет. Не угадал. Хорошая загадка, бывает, похожа на головоломку из слов, как та, про реку, которую загадал нам Джейк. Но иногда она больше похожа на ловкий трюк, как у фокусника в балагане. Ты ищешь в одном направлении, а ответ-то совсем в другом.

— Двойная загадка. — Джейк пояснил, что имеет в виду, пересказав им загадку про льва и Самсона и толкование Эрона Дипно.

— Это не земляника? — спросила Сюзанна и тут же ответила на свой вопрос: — Ну да, земляника. Это как та загадка про

костер. В ней тоже скрыта метафора. Стоит только понять, в чем метафора, и загадку решить несложно.

— Я просил об интимном свидании, облачая свое предложение в метафоры, но она удалилась, влепив мне по роже, — грустно продекламировал Эдди. Никто, однако, не обратил на него внимания.

— Если, скажем, заменить «встает» на «растет», — продолжала Сюзанна, — а «лежит» на «лежит в земле», тогда все уже просто. Сначала белая, несозревшая... потом краснеет. Наливается соком, становится больше. И старушкам она тоже нравится. Все, наверное, любят ягоды. — Она была явно довольна собой.

Роланд кивнул.

— Вообще-то ответ — виника, тоже ягода. Так что все правильно.

Эдди взял книжку с загадками и принялся перелистывать страницы.

— А вот смотри, Роланд, еще загадка: когда нельзя открыть дверь?

— Это что, очередной пример твоего идиотизма? — нахмурился Роланд. — Мое терпение, знаешь ли, не...

— Нет, я обещал тебе быть серьезным, и я абсолютно серьезен... во всяком случае, я пытаюсь. Это загадка из книжки, а я просто знаю ответ. Слышал когда-то в детстве.

Джейк, который тоже знал ответ, заговорщически подмигнул Эдди. Эдди моргнул в ответ и с изумлением увидел, что Ыш тоже пытается подмигнуть. Он то таращился, то закрывал оба глаза, пока наконец ему не надоело.

Роланд с Сюзанной тем временем думали над загадкой.

— Что-то, наверное, связанное с глупостью, — пробормотал Роланд. — Говорят же еще «безрукий» о глупом, бестолковом человеке... гм...

— Гм-м. — Ыш в точности повторил задумчивую интонацию стрелка. Эдди опять подмигнул Джейку. Мальчик прикрыл рот рукой, пряча улыбку.

— Может, когда у человека руки не там пришиты? — неуверенно спросил Роланд.

— Не-а.

— Когда она нарисована, — неожиданно и решительно проговорила Сюзанна. — Когда она бумажная.

— Опять мимо. — Эдди теперь улыбался, уже не таясь.

Джейк между тем удивлялся, как далеко они оба ушли от правильного ответа. Наверное, в словах и вправду заключено какое-то волшебство. Не сказать, чтобы что-то совсем уже выдающееся: никаких тебе ковров-самолетов или испаряющихся слонов, — но какое-то волшебство все же было. Неожиданно то, чем они сейчас тут занимались — просто играли в загадки вечером у костра, — предстало перед ним в новом свете. Джейк решил, что все это похоже на жмурки, только вместо темной повязки были слова.

— Сдаюсь, — сказала Сюзанна.

— Я тоже, — кивнул Роланд. — Если вы знаете, то говорите ответ.

— Когда она распахнута, отворена. Понятно? — Эдди пару мгновений выждал, а когда увидел, что Роланд вроде бы понял, спросил с некоторой опаской: — Ну как, Роланд, неплохо? Я честно пытался на этот раз быть серьезным... нет, правда.

— Очень даже неплохо. Мне, знаешь, понравилось. Корт бы наверняка догадался... и Ален, наверное, тоже... хотя загадка действительно заковыристая. А я совершил ту же ошибку, что и всегда: с ходу решил, что загадка сложнее, чем есть, и проскочил мимо правильного ответа.

— В этом действительно что-то есть, правда? — задумчиво произнес Эдди. Роланд кивнул, но Эдди этого не увидел: он смотрел на костер, где в огне расцветали и увядали в мгновение ока десятки пылающих роз.

— Ладно, — сказал Роланд. — Еще одну, и ложимся спать. Только с сегодняшней ночи мы начинаем дежурить. По очереди. Эдди, ты первый, потом Сюзанна, а потом я.

— А я? — спросил Джейк.

— Тебе тоже, наверное, придется дежурить. Но не сегодня — потом. Тебе надо как следует высыпаться, это сейчас важнее.

— Ты действительно думаешь, в этом есть необходимость? — спросила Сюзанна.

— Не знаю. И это само по себе уважительная причина, чтобы все-таки выставить часового. Давай, Джейк, выбери что-нибудь из твоей книжки.

Эдди передал книгу Джейку. Тот пролистал ее почти всю и остановился в конце.

— Ого! Ничего себе! Вот совершенно убойная!

— Не боись, — ободрил его Эдди. — Если я ее не отгадаю, Сьюз точно допетрит. Нас с ней знали на всех больших ярмарках в округе: Эдди Дин и его Королева Загадок!

— Сегодня мы остроумны донельзя, — съязвила Сюзанна. — Посмотрим, мой сладенький, что останется от твоего остроумия, когда ты просидишь до полуночи у дороги.

Джейк начал читать:

Его не потрогаешь и не увидишь.
Формы нет у него.
Нет вообще ничего — только имя.
Оно то коротким бывает, то длинным,
И оно всегда с нами:
Во всех разговорах, забавах и играх.

Они все бились над этой загадкой минут пятнадцать, но никто не сумел предложить более-менее подходящего варианта ответа.

— Может, кому-то отгадка приснится, — сказал Джейк. — Я именно так разгадал ту загадку про реку.

— Дешевая книжка с выдранными ответами, — прокомментировал Эдди, вставая и набрасывая одеяло на плечи, как плащ.

— Ну да, дешевая. Мистер Тауэр мне ее просто отдал. За так.

— За чем я должен следить, Роланд? — спросил Эдди.

Роланд, уже улегшийся спать, пожал плечами.

— Не знаю. Но ты, наверное, сам поймешь, когда что-нибудь этакое увидишь или услышишь.

— Если начнешь засыпать, разбуди меня, — попросила Сюзанна.

— Можешь не сомневаться.

4

Вдоль дороги тянулась канава, густо заросшая травой, и Эдди, поплотнее укутавшись в одеяло, уселся на дальней ее стороне. Тонкая пелена облаков затянула ночное небо, затуманивая звездный свет. С запада дул сильный ветер. Повернувшись лицом навстречу ветру, Эдди почувствовал явственный запах буйволов, которые теперь безраздельно владели равнинами, — смешанный дух влажной горячей шерсти и свежего дерьма. Острота восприятия, которая снова вернулась к нему за эти последние несколько месяцев, была поразительной... а иногда, как сейчас, например, она просто пугала.

Где-то — совсем уже далеко — жалобно замычал буйволенок.

Эдди уставился в сторону города. Вскоре ему начало казаться, что он различает вдали искорки бледного света — света от электрических свечей, как называли их старики-альбиносы, — хотя он хорошо понимал, что, возможно, там нет ничего и он видит лишь то, что ему очень хочется видеть.

Ты сейчас далековато от Сорок второй улицы, приятель... Надежда, конечно, крутая штука, что бы там ни говорили, но когда ты начнешь утопать в мечтах, просто напомни себе одну вещь: твоя Сорок вторая улица далеко. Там, впереди, не Нью-Йорк, как бы тебе ни хотелось уверить себя в обратном. Это Лад, и он вряд ли будет таким, каким ты его представляешь. И если ты будешь помнить об этом, тогда, может быть, ты «прорвешься».

Чтобы как-то скоротать время дежурства, Эдди опять принялся ломать голову над последней загадкой, которую Джейк нашел в книжке. Нагоняй от Роланда, который тот устроил ему за невинную шутку про труп, оставил в душе неприятный осадок... неплохо было бы завтра утром выдать им правильный ответ. Они, конечно, не смогут его проверить, потому что страницы с ответами кто-то выдрал, но после сегодняшнего разговора у Эдди сложилось мнение, что хороший ответ у хорошей загадки обычно не вызывает сомнений.

Оно то коротким бывает, то длинным. Для себя Эдди решил, что именно эти слова — ключ к разгадке. А все остальное,

возможно, специальные «навороты», уводящие в ложную сторону. Что бывает то коротким, то длинным? Штаны, может быть? Нет. Штаны действительно бывают короткими или длинными, но он ни разу не слышал, чтобы штаны принимали участие в разговорах. К тому же их можно увидеть и можно потрогать. Истории? Тоже бывают короткими или длинными, но, как и штаны, подходят только под это определение. Выпивка тоже бывает короткой и затяжной...

— Заказ, — пробормотал он себе под нос и сам уверился на мгновение, что нашел ответ, хотя прилагательные «короткий» и «длинный» подходили к данному слову с большой натяжкой. «Длинный» заказ — дело трудоемкое; «короткий» заказ можно сделать в любой забегаловке, если вы очень торопитесь... гамбургер, например, или сандвич с тунцом. Но опять же ни роскошный обед из нескольких блюд, ни гамбургер *не участвуют в разговорах и играх.* А вроде бы так складно...

Он даже сплюнул от разочарования и тут же улыбнулся себе: чего, спрашивается, психовать из-за какого-то безобидного каламбурчика из детской книжки?! И тем не менее Эдди вдруг сообразил, что теперь ему легче поверить в то, что люди действительно убивали друг друга из-за загадок... особенно если ставки в этой игре были достаточно высоки и какой-нибудь умник пытался смухлевать.

Не заводись... Ты сейчас повторяешь ошибку Роланда: погружаешься в дебри и проскакиваешь мимо правильного ответа.

Но, с другой стороны, надо же чем-то заняться.

В этот момент в городе снова грохнули барабаны, и все мысли Эдди, естественно, обратились к этому непонятному звуку. Грохот возник совершенно неожиданно: только что его не было вовсе, и вот он звучит уже в полную силу, как будто кто-то нажал на кнопку включения. Эдди вышел к обочине и, повернувшись в сторону города, стал прислушиваться. Через пару секунд он оглянулся, чтобы проверить, не разбудили ли барабаны его товарищей. Но все спали. Он был один. Эдди опять повернулся к Ладу и приложил ладони к ушам, чтобы лучше слышать.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Теперь Эдди уверился окончательно, что его первоначальное предположение подтвердилось. Эту загадку, во всяком случае, он разгадал.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Сама мысль о том, что он стоит на пустынной дороге в почти безлюдном мире, милях в ста семидесяти от города, построенного в незапамятные времена какой-то мифической исчезнувшей цивилизацией, и слушает рок-н-ролльную партию для ударных... бред сивой кобылы, но, с другой стороны, чем «бредовее» древнего светофора, из которого со звоном вываливается зеленый флажок с надписью ИДИТЕ, или немецкого самолета тридцатых годов?

Эдди шепотом напел припев из «зи-зи-топовской» песенки:

Чтоб залепить этот шов
на шикарных твоих штанах,
У тебя есть та самая липкая бяка.
О да, да, да...

Слова идеально ложились на ритм барабанов. Попсовая версия партии для ударных из «Велкро Флай». Эдди больше не сомневался.

Вскоре звук оборвался так же внезапно, как и начался. Остался только шум ветра и — вдалеке — плеск реки Сенд, у которой есть ложе, но которая никогда не спит.

5

Следующие четыре дня прошли без всяких интересных событий. Путники шли вперед, глядя на мост и город, которые становились все ближе и вырисовывались все отчетливее с каждой милей; поздним вечером разбивали лагерь; ели «стрелецкие голубцы»; загадывали друг другу загадки; поочередно несли дежурство (Джейк все-таки уговорил Роланда и теперь тоже стоял на страже: два часа перед самым рассветом) и спали. Единственный случай, достойный упоминания, произошел

около полудня на третий день после того, как они набрели на разбившийся аэроплан.

Они услышали жужжание. Оно становилось все громче и громче и заглушило в конце концов все остальные звуки. Роланд остановился и показал в направлении эвкалиптовой рощи.

— Вон там.

— Похоже на пчел, — заметила Сюзанна.

Тускло-голубые глаза стрелка загорелись.

— Не исключено, что сегодня на ужин у нас будет знатный десерт.

— Не знаю, как и сказать тебе, Роланд, — заметил Эдди, — но мне почему-то не нравится, когда меня кто-то кусает.

— Кому ж это понравится?! — согласился Роланд. — Но ветра сегодня нет, так что, мне кажется, можно будет спокойненько окурить их дымом до полусонного состояния, а потом забрать соты и не устроить при этом пожар на полмира. Давайте посмотрим.

Он поднял Сюзанну с коляски и понес ее к роще. Сюзанна, надо сказать, тоже жаждала приключений не меньше, чем сам стрелок. Эдди с Джейком опасливо поплелись следом, а Ыш, очевидно, решивший, что осторожность есть наивысшая добродетель отважных, остался сидеть на обочине Великого Тракта, тяжело, по-собачьи дыша и внимательно наблюдая за людьми.

На опушке рощицы Роланд остановился.

— Вы оставайтесь здесь, — велел он Джейку и Эдди, понизив голос. — А мы сходим посмотрим. Если там все нормально, я вас позову.

С Сюзанной на руках стрелок скрылся в тени деревьев, прорезанной пятнами солнечных бликов, а Эдди с Джейком остались стоять на солнцепеке, глядя им вслед.

В тени было заметно прохладнее. Равномерное жужжание пчел навевало сонливость.

— Их слишком много, — тихонько заметил Роланд. — Сейчас конец лета. Они должны собирать пыльцу, а не в улье жужжать. Я не пони...

Он умолк, заметив пчелиный улей, свисающий, точно раздутая опухоль, из дупла дерева в центре поляны.

— Что это с ними? — спросила Сюзанна тихим испуганным голосом. — Роланд, что с ними такое?

Пчела, толстая и медлительная, точно овод в октябре, пролетела мимо ее головы. Сюзанна испуганно отшатнулась.

Роланд жестами показал Эдди и Джейку, чтобы они подошли. Все четверо замерли, молча глядя на улей. Соты его представляли собой не правильные шестиугольники, как должно было быть, а дыры всех форм и размеров, расположенные в совершеннейшем беспорядке. Сам улей выглядел так, как будто расплавился под паяльной лампой. Вялые пчелы, лениво переползающие по нему, были белыми точно снег.

— На сегодня десерт отменяется, — заключил Роланд. — То, что мы извлечем оттуда, на вкус, может быть, сладкое, но наверняка ядовитое.

Одна из уродливых белых пчел тяжело прожужжала у Джейка над головой. Он пригнулся с выражением искреннего отвращения.

— Что с ними случилось? — спросил Эдди Роланда. — Из-за чего они стали такими?

— Из-за того же, что опустошило весь этот край. Из-за чего многие здешние буйволы до сих пор еще рождаются бесплодными уродами. Я слышал много тому названий: Древняя война, Великий пожар, Перелом, Катаклизм, Великая порча. Я не знаю, что это было на самом деле, но с той поры и начались все наши беды, и случилось это давным-давно, за тысячу лет до того, как прапрапрадеды стариков из Речного Перекрестка появились на свет. Физические последствия: двухголовые буйволы, белые пчелы и все такое — с течением времени сходят на нет. Я сам кое-что видел и знаю. Но есть и другие последствия. Они гораздо серьезнее, хотя их труднее заметить, и они, эти страшные перемены, продолжаются до сих пор.

Они постояли еще немного, глядя на ползающих белых пчел — заторможенных, оцепеневших, беспомощных. Некоторые пытались работать, но большинство просто тыкалось из стороны в сторону, сталкиваясь головами и переползая друг

через друга. Эдди вспомнился один сюжет из программы новостей. Там показывали толпу людей, которые выбирались из зоны взрыва. Дело было в каком-то маленьком городке в Калифорнии. Взорвался газопровод. Взрывной волной снесло почти целый квартал. Пчелы напоминали ему тех несчастных — обалдевших, ошеломленных.

— Так у вас была ядерная война? — спросил он, и вопрос прозвучал едва ли не как обвинение. — Эти ваши Великие Древние, о которых ты так часто упоминаешь... взорвали, значит, ко всем чертям свои великие древние задницы. Я правильно излагаю?

— *Я не знаю,* что у них произошло. Никто не знает. Записи тех времен не сохранились, а то немногое, что до нас дошло в виде устных легенд, весьма запутанно и противоречиво.

— Пойдемте отсюда. — Голос Джейка дрожал. — Не могу я на них смотреть — меня сейчас точно стошнит.

— Нас вместе стошнит, мой хороший, — сказала Сюзанна.

Они ушли прочь с поляны, оставив белесых пчел доживать их бесцельную и бесполезную жизнь в роще древних деревьев, а вечером ужинали без меда.

6

— Так когда же ты все-таки нам расскажешь все? Все, что знаешь? — первым делом спросил Эдди на следующее утро. День выдался ясным, безоблачным и погожим, но в воздухе ощущалась прохлада; скоро наступит осень — их первая осень в этом мире.

Роланд поднял глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Хотелось бы все-таки выслушать всю историю целиком, от начала и до конца — всю историю твоей жизни. Начиная, скажем, с Гилеада. Как ты там вырос и что послужило причиной того, что ты покинул свою страну. Я хочу знать, откуда ты знаешь про Темную Башню и почему вдруг решил отыскать ее. Я хочу знать про твоих друзей. Тех, которые были с тобой вначале. Я хочу, чтобы ты рассказал, что с ними произошло.

Роланд снял шляпу, вытер пот со лба и надел ее снова.

— Да, у вас есть право знать обо всем, и я обязательно вам расскажу... но потом, не сейчас. Это долгая история. Я никогда не думал, что мне придется кому-то ее рассказывать... но, как видно, придется. Хотя бы раз.

— Но когда? — не унимался Эдди.

— Когда придет время, — неопределенно ответил Роланд, и этим им пришлось удовольствоваться.

7

Роланд проснулся за миг до того, как Джейк принялся трясти его за плечо. Он сел рывком и огляделся по сторонам, но Эдди с Сюзанной по-прежнему крепко спали, а в бледном свете раннего утра он не заметил ничего такого, из-за чего стоило бы поднимать тревогу.

— Что такое? — спросил он у Джейка, понизив голос.

— Я не знаю. Похоже, стреляют. Идемте послушаем.

Отбросив в сторону одеяло, Роланд встал и направился следом за Джейком к дороге. По примерным его расчетам, им оставалось не больше трех дней пути до того места, где воды Сенда подступали вплотную к городу. Мост — выстроенный строго вдоль «дорожки» Луча — теперь отчетливо выступал на горизонте, загораживая перспективу. Его очевидный крен стал намного заметнее. С этого расстояния уже можно было различить дюжину, если не больше, дыр в тех местах, где железные тросы, натянутые слишком туго, полопались, точно струны на лире.

В ту ночь ветер со стороны города дул прямо в лицо, и звуки, которые он доносил оттуда, были хотя и слабыми, но вполне различимыми.

— Ну что? Стреляют? — уточнил Джейк.

Роланд кивнул и поднес палец к губам.

Он услышал неясные крики, грохот — как будто обрушилось что-то огромное типа стены или целого дома — и, разумеется, барабаны. Через пару секунд грохот раздался опять, но на

этот раз звук был чуть-чуть поприятнее: звон разбившегося стекла.

— Ого! — прошептал Джейк и подвинулся поближе к стрелку.

А потом ветер донес до них звуки, которых Роланд хотя и ждал, но все же надеялся, что не услышит: сухая скороговорка пулеметной очереди, за которой последовал глухой грохот — вне всяких сомнений, какой-то взрыв. Он прокатился по равнинам, словно невидимый шар в кегельбане. После этого крики, стрельба и все остальные звуки утихли. Остался лишь барабанный бой, а когда оборвался и он — как обычно, до жути внезапно, — город опять погрузился в безмолвие. Только теперь тишина таила в себе неприятный оттенок какого-то напряженного ожидания.

Роланд приобнял Джейка за плечи.

— Еще не поздно пойти в обход, — сказал он.

Джейк поднял глаза.

— Нет, нам так нельзя.

— Из-за поезда?

Джейк кивнул и произнес нараспев, как будто читая стихи:

— Блейн — это боль, но мы все равно должны ехать на этом поезде. А сесть на него можно только в городе. Только там.

Роланд задумчиво поглядел на Джейка.

— Почему ты сказал «должны»? Из-за *ка*? Видишь ли, Джейк, я хочу, чтобы ты усвоил: пока что ты знаешь о *ка* очень мало — чтобы познать его до конца, иной раз не хватает и целой жизни.

— Не знаю, *ка* это или нет, но одно я знаю наверняка: без защиты нам нечего и соваться в бесплодные земли, а защиту нам может дать только Блейн. Без него мы умрем, как умрут, когда будет зима, эти пчелы, которых мы видели на поляне. Нам просто необходима защита. Потому что бесплодные земли отравлены.

— Откуда тебе все это известно?

— *Не знаю!* — едва ли не в раздражении воскликнул Джейк. — Я просто знаю, и все!

— Ну хорошо, хорошо, — успокоил его Роланд и опять повернулся в сторону Лада. — Но нам надо действовать осторожно. Плохо, конечно, что у них до сих пор сохранился порох. Если у них есть порох, значит, у них могут быть вещи и помощнее. Я что-то сомневаюсь, что они умеют обращаться с таким оружием, но это, может быть, даже опаснее. Кто его знает, а вдруг они, что называется, войдут в раж и взорвут нас всех к чертовой матери.

— Атери, — раздался откуда-то сзади серьезный голос. Оглянувшись, они увидели Ыша, который сидел на обочине и внимательно наблюдал за ними.

8

В тот же день, ближе к вечеру, они набрели на другую дорогу, которая, протянувшись с запада, сливалась с Великим Трактом. От этой развилки Великий Тракт — который теперь стал шире и делился посередине продольным разграничителем, сделанным из какого-то темного камня — шел под уклон, а крошащиеся от времени бетонные ограждения, поднимавшиеся по обе стороны от дороги, вызывали у путников чувство, похожее на клиническую стадию клаустрофобии. Наконец они остановились напротив пролома в этой бетонной стене, откуда им открывался приятный и утешительный вид на равнину, и наскоро, без аппетита перекусили.

— Почему, интересно, они так сделали, чтобы дорога спускалась? — спросил Джейк у Эдди. — Я хочу сказать, ее специально так построили или как?

Эдди задумчиво поглядел через пролом в стене, за которым раскинулась плоская, как и везде, равнина, и молча кивнул.

— Тогда почему?

— Не знаю, дружище, — ответил Эдди, хотя, кажется, и догадывался, в чем тут дело. Поглядев на Роланда, он понял, что тот тоже знает причину. Дорога, идущая под уклон — сверху вниз — к мосту, служила как бы дополнительным оборонительным средством. Вооруженный отряд, укрывшийся за бетонными стенами, мог без труда контролировать сразу оба редута,

сконструированных во всех отношениях продуманно. Если бы защитникам города вдруг по каким-то причинам не приглянулся народ, приближающийся по Великому Тракту к Ладу, они со своих укрепленных позиций разбили бы этих незваных пришельцев, что называется, в пух и прах.

— Вы *правда* не знаете? — не унимался Джейк.

Эдди улыбнулся ему, упорно стараясь не думать о том, что какой-нибудь псих может сидеть за бетонной стеной и сейчас, готовый в любой момент сбросить на них большую ржавую бомбу.

— Без понятия.

Сюзанна тихонько, сквозь зубы, присвистнула.

— Это, Роланд, дорога в ад. А я-то надеялась, что мы распрощались уже с этой дурацкой упряжью, но, похоже, придется извлечь ее снова.

Он молча кивнул и полез в свой кошель.

Состояние Великого Тракта все ухудшалось по мере того, как другие дороги — поменьше — вливались в него, точно притоки в реку. Ближе к мосту булыжная мостовая сменилась покрытием, которое Роланд принял за металл, а остальные — за обыкновенный асфальт. Оно сохранилось не так хорошо, как булыжник, и не столько даже под разрушительным влиянием времени, сколько из-за бесчисленных всадников и повозок, проехавших здесь с тех пор, как дорогу чинили в последний раз. Вся поверхность дороги теперь представляла собой предательски зыбкое месиво. Даже идти по ней было непросто, не говоря уж о том, чтобы катить здесь коляску Сюзанны. Об этом вообще не могло быть и речи.

Бетонные стены по обеим сторонам дороги становились все круче. Теперь у них наверху, вырисовываясь четкими силуэтами на фоне неба, торчали какие-то тонкие заостренные штуки. Роланду они напоминали наконечники громадных стрел, годных разве что для великанов; его спутникам — боевые ракеты или управляемые реактивные снаряды. Сюзанне представились почему-то ракеты «редстоунз», запускаемые с мыса Канаверал; Эдди подумал об обычных «зенитках», разбросанных по всей Европе и предназначенных к запуску с кузова грузови-

ка; Джейк — о межконтинентальных баллистических, МБРах, упрятанных где-нибудь в бункерах, в глухомани, на безлюдных равнинах Канзаса или в малонаселенных горах Невады и запрограммированных на ответный удар по Китаю или СССР в случае ядерного армагеддона. Все они чувствовали себя так, как будто вступили в зловещую и печальную зону мрака или вдруг оказались в какой-нибудь местности, над которой довлеет давнее, но все еще не потерявшее силу проклятие.

Через пару часов после того, как они вошли в эту мрачную зону — про себя Джейк назвал ее Прогоном, — бетонные стены закончились в точке, где, точно нити в центре паутины, сходилось с полдюжины подъездных дорог и где местность опять становилась открытой и просторной... к несказанному облегчению всех четверых, хотя никто из них не сказал об этом вслух. Над перекрестком висел еще один светофор, который больше, чем первый, напоминал устройства, знакомые Эдди, Сюзанне и Джейку. Когда-то со всех четырех его сторон были стекла, но их давным-давно выбили.

— Готова поклясться, некогда эта дорога считалась восьмым чудом света, — сказала Сюзанна. — А посмотреть на нее теперь! Не дорога, а минное поле какое-то!

— Старый путь иногда — самый лучший путь, — согласился Роланд, может быть, несколько невпопад.

Эдди показал пальцем на запад.

— Смотрите.

Теперь, когда им не мешали бетонные стены, путники увидели наконец то самое, о чем говорил старый Си за чашечкой горького кофе. «Не пути даже, а путь. Один путь, — сказал он тогда. — Проходит он по высокой насыпи из рукотворного камня, из которого древние строили улицы и дома». Рельс, протянувшийся с запада, приближался к дороге прямой тонкой линией и, пересекая реку, уходил в город по золоченой узенькой эстакаде. Это простое, хотя вместе с тем элегантное сооружение — единственное из всего здесь увиденного не было тронуто ржавчиной, но даже в нем наблюдались серьезные повреждения. Примерно на полпути над рекой отсутствовал длинный кусок эстакады — она просто обрушилась в воду. То, что оста-

лось от разорванного моста, напоминало два пальца, обвиняюще направленных друг на друга. Из воды под проломом торчала какая-то длинная металлическая труба. Когда-то она была ярко-синей, но теперь краска поблекла под расползшимися чешуйками ржавчины. На таком расстоянии труба казалась совсем небольшой.

— Вот и абзац их Блейну, — заметил Эдди. — Неудивительно, что они его больше не слышат. Опоры в конце концов дали дуба, как раз когда поезд ехал над рекой, и Блейн отправился на водопой. Он, наверное, тормозил, когда это случилось, иначе его бы вынесло чуть вперед и мы бы теперь лицезрели на том берегу большую воронку, как от взрыва. Ну что ж, он действительно был выдающимся чуваком, пока не почил тут в бозе.

— Мерси говорила, что был еще один поезд, — напомнила ему Сюзанна.

— Ну да. Только она еще говорила, что не слышала его уже лет семь-восемь, а тетушка Талита подсчитала: все десять. А ты как думаешь, Джейк... Джейк? Земля вызывает Джейка, Земля вызывает Джейка, прием, прием!

Джейк, который не отрываясь смотрел на утонувший поезд, только неопределенно пожал плечами.

— Спасибо, Джейк, ты нам очень помог, — съязвил Эдди. — Всегда у тебя наготове какой-нибудь дельный совет — вот за что я тебя и люблю. За это мы все тебя любим.

Джейк никак на это не прореагировал. Он знал: этот поезд в реке — не Блейн. Потому что он синий, то есть когда-то был синим, а Блейн... Блейн розовый. Того же бледно-розового оттенка, что и жвачка со вкладышами про бейсбол. Во всяком случае, Блейн был таким в его сне.

Роланд тем временем закрепил на груди ремни упряжи, на которой раньше переносил Сюзанну.

— Эдди, будь добр, подсади свою леди на эту штуковину. Нам пора двигать. Хочется, знаешь ли, рассмотреть все поближе.

Джейк оторвал взгляд от синего поезда и нервно взглянул на маячивший впереди мост. Оттуда, но как-то смутно, словно издалека, доносился высокий посвист — гул ветра в прогнив-

ших креплениях, соединяющих верхние тросы с бетонным настилом.

— Вы думаете, не опасно там будет переходить? — спросил он.

— Завтра увидим, — ответил Роланд.

9

Уже на следующее утро путники вышли к мосту и остановились у самого края, глядя на Лад. Мечты Эдди о мудрых эльфах, хранящих знания и древнюю технологию, которые могли бы весьма пригодиться «измученным странникам», постепенно иссякли. Теперь, когда они подошли поближе, он разглядел прорехи в городском пейзаже — темные дыры на месте сгоревших или взорванных кварталов. Ломаная линия горизонта напоминала ему челюсть истлевшего трупа, из которой частично выпали зубы.

Да, многие здания еще сохранились, но вид у них был мрачный и явно нежилой, отчего даже Эдди пришел в уныние, обычно ему не свойственное. Мост, отделявший сейчас путников от этого полуразрушенного лабиринта из бетона и стали, вовсе не производил впечатление крепкого и надежного сооружения, выстроенного на века. Слева его вертикальные тросы безвольно обвисли; тросы справа, казалось, звенели от напряжения. Настил представлял собой ряд полых бетонных плит, обтесанных в виде трапеций, причем какие-то плиты торчали едва ли не вертикально, обнаруживая свои темные пустые внутренности, а какие-то завалились набок. Многие из них только потрескались, но были там и такие, которые полностью раскрошились, и на их месте зияли дыры, куда запросто мог провалиться целый грузовик — *большой* грузовик. Сквозь эти дыры проглядывали грязный берег и серовато-зеленые воды Сенда. Эдди прикинул, что посередине моста расстояние между водой и настилом составляет не меньше трех сотен футов. И это еще по весьма умеренной оценке.

Взглянув на громадные бетонные кессоны, к которым крепились основные тросы, Эдди про себя отметил, что правый

кессон, похоже, был наполовину выворочен из земли. Он решил, что лучше не заострять внимание своих друзей на этом весьма неприятном факте: достаточно уже того, что мост раскачивался из стороны в сторону — не очень сильно, но все же заметно. От одного только взгляда на это его стало слегка подташнивать.

— Ну? — спросил он Роланда. — Что скажешь?

Роланд показал на правую сторону моста. Там тянулась накренившаяся пешеходная дорожка шириной примерно в пять футов. Она проходила поверху небольшого возвышения, сложенного из бетонных плит, и представляла собой, по сути, отдельный настил, который крепился к нижнему тросу — или, может быть, к толстому стальному стержню, подвешенному к главным несущим тросам с помощью громадных изогнутых скоб. Эдди с живым интересом занялся изучением ближайшей из них, как это делает человек, которому скоро придется доверить свою драгоценную жизнь изучаемому объекту. Скоба, хотя и проржавевшая, казалась достаточно крепкой. На поверхности он разглядел заводское клеймо ЛИТЕЙНЫЙ ЦЕХ ЛАМЕРКА — и с изумлением сообразил, что он уже не в состоянии различить, сделана надпись на Высоком Слоге или на простом английском.

— Мне кажется, он нас выдержит, — сказал Роланд. — В общем-то он ничего — там только одно ненадежное место. Видите?

— Да уж... трудно его не заметить.

Мост — длиной примерно в три четверти мили — не ремонтировался как следует, наверное, тысячу лет, если не больше, но, по мнению Роланда, основной ущерб был ему причинен лишь за последние лет пятьдесят. Когда полопались правые тросы, мост накренился влево. С годами крен становился все больше и больше, причем наибольший изгиб приходился примерно на середину моста, между двумя крепежными башнями высотой в четыреста футов каждая. В точке, где напряжение изгиба достигало предела, в бетонном настиле зияла дыра в форме глаза. Провал в пешеходной дорожке был уже, но тем не менее и в ней не хватало по крайней мере двух смеж-

ных секций, так что расстояние между краями «прорехи» составляло футов двадцать, если не все тридцать. Под тем местом, где когда-то стояли упавшие плиты, был отчетливо виден стальной проржавевший стержень или, может быть, трос, к которому крепилась дорожка. По этому тросу — или, может быть, стержню — им и придется идти, иначе им просто не перебраться через провал.

— Да, мы вполне можем здесь перейти, — невозмутимо заметил Роланд. — Провал этот, конечно, не самое лучшее место для пешей прогулки, но перила, я вижу, на месте, так что нам будет хотя бы за что держаться.

Эдди кивнул, стараясь выглядеть спокойным, хотя сердце бешено колотилось в груди. Обнаженный трос, на котором держалась дорожка, с виду напоминал трубу, сделанную из стальных сегментов. Ширина его в верхней части составляла не более четырех футов. Его богатое воображение тут же нарисовало заманчивую картину, как они будут перебираться через этот провал: ноги, что называется, враскоряку, тело немного клонится назад для поддержания равновесия, руки цепляются за поручни, а мост тем временем ходит туда-сюда, медленно, но ощутимо, как корабль при слабой качке.

— Господи, — выдохнул он и попытался сплюнуть, но ничего у него не вышло. В горле совсем пересохло. — А ты уверен, Роланд?

— Как я понимаю, другого пути просто нет. — Роланд вытянул руку, указывая вниз по течению реки, и Эдди увидел еще один мост. Вернее, не мост, а его опоры — сам мост давным-давно рухнул в Сенд. Остатки его торчали из воды ржавым сплетением древних стальных деталей.

— А ты что думаешь, Джейк? — осведомилась Сюзанна.

— А-а, какие проблемы?! — отмахнулся Джейк, при этом даже улыбаясь.

— Я тебя ненавижу, пацан, — сказал Эдди.

Роланд с некоторой тревогой покосился на Эдди.

— Если ты чувствуешь, что не сможешь, лучше скажи сейчас. Будет хуже, если, пройдя половину пути, ты застрянешь там на середине.

Эдди еще раз с тоской оглядел изогнутый настил моста, а потом кивнул:

— Думаю, я осилю. Вообще-то я боюсь высоты, но я справлюсь.

— Хорошо. — Роланд обвел взглядом всех троих своих спутников. — Раньше начнем, раньше кончим. Я пойду первым, с Сюзанной. Потом — Джейк. Потом Эдди. С коляской-то справишься?

— А-а, какие проблемы?! — процитировал Эдди Джейка, борясь с острым приступом головокружения.

— Тогда вперед.

10

Как только Эдди ступил на пешеходную дорожку, страх накрыл его ледяной волной, и он начал смутно подозревать, что совершил опаснейшую ошибку. Тогда, на твердой земле, ему представлялось, что мост качается только чуть-чуть, но теперь Эдди чудилось, что он стоит на маятнике самых больших часов в мире. Мост качался хотя и медленно, но постоянно, в размеренном ритме, и амплитуда его колебаний оказалась гораздо больше, чем ему думалось сначала. Поверхность дорожки пестрела трещинами и заметно кренилась влево, градусов на десять, не меньше. Ноги скользили по бетонному крошеву, каждый шаг отзывался противным скрипом трущихся друг о друга плит. С той стороны моста ломаные очертания города медленно качались туда-сюда, словно искусственный горизонт самой медленной в мире видеоигры.

Наверху, в туго натянутых тросах, беспрерывно скулил ветер. Под ногами земля круто обрывалась глинистым северо-западным берегом Сенда. Эдди прошел тридцать футов... потом шестьдесят... сто десять. Скоро он будет уже над водой. При каждом шаге о левую ногу его ударялась коляска Сюзанны.

Между ног у него стремительно проскочило что-то лохматое. Правой рукой Эдди судорожно вцепился в ржавые перила, едва сдержав крик. Мимо прошмыгнул Ыш, подняв

на ходу острую мордочку, словно говоря: *Прошу прощения — иду на обгон.*

— Гребаная зверюга, — процедил Эдди сквозь зубы.

Он неожиданно обнаружил, что, хотя смотреть вниз ему было ужасно противно, еще противнее было глядеть наверх, на стальные канаты, еще как-то скреплявшие верхние тросы с настилом. Кое-где сквозь толстенный слой ржавчины, покрывающий тросы, проступали пучки металлических нитей — как будто куски стальной ваты. Его дядя Рег, маляр по профессии, который в свое время красил и мост Вашингтона, и мост Трайборо, как-то ему разъяснил, что несущие тросы и скрепляющие канаты «сплетены» из тысяч стальных нитей. Здесь, на этом дурацком мосту, эта «плетенка» уже рвалась. Вертикальные тросы начали расплетаться — в буквальном смысле, — и отдельные нити лопались от перегрузок одна за другой.

Если уж он не свалился до этого, то с чего бы ему навернуться теперь? Ты считаешь, он должен обрушиться в реку потому только, что ты сейчас по нему шагаешь? Не льсти себе.

Эти мысли, однако, не принесли желанного облегчения. Нельзя, конечно, знать наверняка, но Эдди был почему-то уверен, что за последние несколько десятилетий они были первыми, кто решился перейти на ту сторону по мосту. К тому же когда-то мост должен обрушиться, и, судя по жалкому его виду, это случится уже в обозримом будущем. Может быть, их совокупный вес и станет той самой соломинкой, что переломит верблюду хребет.

Он споткнулся о кусок бетона и замер на месте, глядя — при этом борясь с подступающей тошнотой, но не в силах оторвать взгляд, — как камешек падает вниз, вниз и вниз, кувыркаясь в полете. Потом раздался слабый всплеск — очень слабый — это камень ударился о поверхность воды. Порыв студеного ветра прижал рубашку к вспотевшей коже. Мост стонал и качался. Эдди попробовал оторвать руки от перил, но они как будто примерзли к ржавому металлу.

На мгновение Эдди закрыл глаза. *Ты здесь не застрянешь. Ты здесь не застрянешь. Я... я тебе запрещаю. Если тебе обяза-*

тельно нужно на что-то смотреть, смотри лучше на эту длинную образину по имени Роланд. Эдди открыл глаза, сфокусировал взгляд на стрелке, заставил себя разжать руки и снова двинулся вперед.

11

Роланд оглянулся, остановившись у края провала посередине моста. Джейк встал в пяти футах за ним. Следом за Джейком — Ыш. Ушастик весь съежился, припав к плитам настила и вытянув шею вперед. Над рекой, на открытом пространстве, ветер усилился. Роланд видел, как ветер шевелит шелковистую шерстку на спинке зверька. Эдди заметно отстал и колупался теперь футах в двадцати пяти позади Джейка. Лицо его было напряжено, оно даже как будто осунулось, но он тем не менее продвигался вперед, волоча за собой сложенную коляску Сюзанны. Коляску он держал левой рукой, а правой мертвой хваткой вцепился в поручень.

— Сюзанна?

— Да, — мгновенно отозвалась она. — Я в порядке.

— Джейк?

Мальчик поднял глаза на стрелка. Он по-прежнему улыбался, так что Роланд лишний раз убедился, что с Джейком проблем не возникнет. Мальчишка, похоже, ловил кайф. Еще бы — от такого-то приключения! Ветер сдувал непослушные пряди с его чистого и красивого лба. Глаза у него сверкали. Он ничего не сказал, только поднял большой палец кверху. Роланд улыбнулся и ответил ему тем же жестом.

— Эдди?

— Обо мне не волнуйся.

Эдди как будто смотрел в его сторону, но Роланд решил, что на самом деле он смотрит не на него, а на кирпичные здания без окон, лепящиеся друг к другу на том берегу — на дальнем конце моста. Все правильно: с учетом его очевидной боязни высоты это, наверное, лучшее, что сейчас можно сделать, чтобы уберечься от страха и сохранить хладнокровие.

— Ладно, как скажешь, — пробормотал Роланд. — Сейчас мы попробуем перебраться через эту дыру, Сюзанна. Главное, не напрягайся. И никаких резких движений. Понятно?

— Понятно.

— Если хочешь устроиться поудобнее, сделай это сейчас.

— Мне удобно, Роланд, — спокойно проговорила она. — Я только за Эдди волнуюсь.

— Эдди теперь стрелок. И он будет вести себя соответственно.

Роланд повернулся вправо, лицом по течению реки, взялся за перила и медленно двинулся по проржавелому тросу, огибая провал.

12

Джейк подождал, пока Роланд с Сюзанной не дойдут почти до конца провала, и тоже ступил на трос. Ветер не унимался, мост качался туда-сюда, но мальчик вовсе не переживал. Если честно, он просто балдел. В отличие от Эдди он никогда не боялся высоты: ему нравилось здесь, откуда ему открывался вид на реку, что змеилась, как лента из стали, под небом, на котором уже появлялись первые облака.

Где-то на полпути между краями провала (Роланд с Сюзанной уже благополучно его миновали и, находясь теперь на пешеходной дорожке, наблюдали за остальными) Джейк оглянулся, и сердце его ушло в пятки. Обсуждая свое прохождение по мосту, они совершенно забыли еще одного полноправного члена их маленького отряда. На дальнем краю пролома, там, где кончалась дорожка, сидел, сжавшись в комочек, Ыш. Ушастик, явно напуганный, обнюхивал место, где обрывалась бетонная кладка, а дальше тянулся лишь перекрученный ржавый трос.

— Иди ко мне, Ыш! — позвал Джейк.

— Ыш! — тявкнул ушастик в ответ, и голос его дрогнул почти по-человечески. Он вытянул длинную свою шею по направлению к Джейку, но с места не сдвинулся. В огромных глазах с золотым ободком затаился страх.

Налетел очередной порыв ветра. Мост застонал и качнулся. Что-то звякнуло над головой у Джейка — звук гитарной струны, которую натягивали до тех пор, пока она наконец не лопнула. С ближайшего вертикального троса сорвалась стальная нить, едва не расцарапав ему щеку. В десяти футах, у самого края провала, сидел, съежившись, бедный Ыш, не сводивший с Джейка испуганных глаз.

— Давай! — крикнул Роланд. — Иди сюда, Джейк! Ветер усиливается!

— Ыша я не оставлю!

Джейк осторожно двинулся обратно. Но не успел он сделать и двух шагов, как Ыш с опаской ступил на несущий стержень. Когти зверька на концах напряженных полусогнутых лапок царапали закругленную металлическую поверхность. Эдди, сам стоящий теперь на краю провала, чувствовал себя абсолютно беспомощным. Он был до смерти перепуган.

— Молодец, Ыш! — подбадривал Джейк ушастика. — Иди ко мне!

— Ыш-Ыш! Эйк-Эйк! — выкрикнул зверек и, быстро перебирая лапками, засеменил по стержню. Он уже был рядом с Джейком, как вдруг опять налетел порыв предательского ветра. Мост покачнулся. Ыш судорожно выпустил когти, но ему было не за что зацепиться на гладкой поверхности стержня. Задние лапы его соскользнули и повисли в воздухе, беспомощно трепыхаясь, — передними он цеплялся за стержень, не находя подходящей опоры.

Джейк отпустил перила и бросился ему на помощь, не видя перед собой ничего, кроме испуганных глаз с золотым ободком.

— *Нет, Джейк!* — закричали одновременно Роланд и Эдди, каждый — со своей стороны провала, но и тот, и другой были слишком далеко. Им оставалось только наблюдать.

Джейк упал ничком, больно ударившись о стержень грудью и животом. Ранец шлепнул его по лопаткам. Зубы щелкнули — звук был похож на щелчок разбивающего пирамиду бильярдного шара. Налетел очередной порыв ветра. Джейк подался вперед, схватившись правой рукой за стержень, а левую протянув

к Ышу, который болтался над пропастью. Ушастик сорвался со стержня, но все же — в последний момент — сумел уцепиться зубами за протянутую руку Джейка. Боль, острая и мгновенная, пронзила кисть. Джейк закричал, но удержался, уперев подбородок в грудь, правой рукой обнимая стержень и прижимаясь коленями к отвратительно гладкой поверхности. Как цирковой акробат, Ыш висел на левой его руке, глядя на мальчика сверху вниз широко распахнутыми глазами с золотым ободком. Джейк увидел теперь, как по мохнатой мордочке зверька тонкими струйками течет кровь — его кровь.

А потом опять налетел ветер, и Джейк начал соскальзывать с гладкого стержня.

13

Страх как рукой сняло. Его заменило спокойствие, странное, может быть, но спасительное. Эдди с грохотом бросил коляску Сюзанны на потрескавшийся бетон пешеходной дорожки и рванулся вперед по несущему стержню, даже не держась за перила. Джейк висел вниз головой над пропастью, а на левой его руке мохнатым маятником болтался Ыш. Правой рукой мальчик еще держался, но она медленно сползала со стержня.

Эдди расставил ноги и с разгона уселся на стержень верхом, больно ударившись яйцами. Они как будто расплющились и размазались по низу живота, но в те пронзительные мгновения даже эта невыносимая боль показалась ему далекой и незначительной. Схватив одной рукой Джейка за волосы, другой вцепившись в ремень его ранца, Эдди почувствовал, что он сам начинает соскальзывать. Он уже думал — пусть в течение секунды, но эта секунда была кошмаром, — что сейчас они все втроем свалятся в реку.

Отпустив волосы Джейка, Эдди взялся покрепче за ремень ранца, моля Бога, чтобы ранец не оказался прикупленным на какой-нибудь дешевой распродаже. Свободной рукой он попытался нащупать перила. Еще мгновение — долгое и мучительное — их «живая цепочка» продолжала соскальзывать вниз,

но потом ему все-таки удалось найти поручень и вцепиться в него мертвой хваткой.

— РОЛАНД! — заорал он дурным голосом. — Я БЫ, НАВЕРНОЕ, НЕ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПОМОЩИ!

Но Роланд был уже рядом — с Сюзанной за плечами. Когда он наклонился, она обхватила его за шею, чтобы не вывалиться из упряжи. Стрелок подхватил Джейка под грудь и вытащил его наверх. Едва коснувшись ногами поверхности стержня, мальчик приобнял дрожащее тельце ушастика. Правой рукой. Левая вся болела, как будто он ее отморозил и обжег одновременно.

— Отпусти руку, Ыш! — выдавил он через силу. — Теперь уже можно... мы в безопасности.

На мгновение ему показалось, что зверек не послушается его. Но потом — очень медленно — челюсти Ыша разжались, и Джейк сумел высвободить руку. Кисть была вся в крови, сочащейся из небольших темных дырочек.

— Ыш, — жалобно проскулил ушастик, и Эдди с изумлением заметил, что в странных глазах зверька блестят слезы. Вытянув шею, Ыш лизнул Джейка в лицо перепачканным в крови язычком.

— Все хорошо, — сказал Джейк, пряча лицо, искаженное от потрясения и боли, в шелковистой и теплой шерстке. В глазах его тоже стояли слезы. — Не волнуйся, теперь все в порядке. Ты здесь ни при чем, просто так получилось. Нет, правда, я не сержусь.

Эдди медленно поднимался на ноги. Лицо его было землистого цвета, а сам он чувствовал себя так, будто ему запустили по яйцам твердым шаром для игры, скажем, в кегли. Он украдкой засунул руку за пояс джинсов, чтобы исследовать степень полученных повреждений.

— Отцом мне, по-моему, уже не быть, — хрипло выдавил он. — Твою мать.

— Ты не хлопнешься в обморок, Эдди? — участливо осведомился Роланд. Очередной порыв ветра сорвал шляпу с его головы и швырнул ее в лицо Сюзанне, которая схватила ее и

натянула стрелку на голову по самые уши, отчего Роланд стал похож на полоумного дремучего фермера.

— Нет, — простонал Эдди. — Я бы очень хотел, но, друзья мои...

— Вы посмотрите на Джейка, — сказала Сюзанна. — Он весь в крови.

— Я в порядке. — Джейк попытался спрятать руку за спину. Роланд, однако, опередил его и осторожно взял ее обеими руками. На ладони и пальцах Джейка темнели точечные ранки. Около дюжины кровоточащих ранок, в основном довольно глубоких. Сейчас невозможно было определить, повреждены ли там кости и сухожилия. Для этого Джейку надо согнуть кисть и попытаться сжать ее в кулак, но пока что и время, и место для этого эксперимента были не самыми подходящими.

Роланд поглядел на Ыша. Ушастик тоже уставился на него своими печальными и испуганными глазами. Он не стал даже слизывать с мордочки Джейкову кровь, хотя любое другое животное на его место поступило бы именно так.

— Вы оставьте его. — Джейк еще крепче прижал зверька к груди. — Он ни в чем не виноват. Наоборот, это я виноват, что забыл про него. А его сдуло ветром.

— Не собираюсь я ничего ему делать. — Роланд был уверен, что ушастик не бешеный, но все-таки не хотел давать животному возможность и дальше пробовать на вкус кровь Джейка. А что касается остальных болезней, которые могут таиться в крови зверька... что ж, в конечном итоге *ка* все равно распорядится по-своему, как это всегда и бывает. Сняв с шеи платок, Роланд утер Ышу мордочку. — Ну вот, — сказал он. — Хороший мальчик. Хороший.

— Оший, — слабенько взвизгнул ушастик, и Сюзанна, которая выглядывала из-за плеча Роланда, могла бы поклясться, что слышала в голосе Ыша нотки благодарности.

Налетел очередной порыв ветра. Погода, похоже, портилась. Причем быстро.

— Эдди, нам надо как можно скорее сойти с моста. Ты идти-то можешь?

— Нет, хозяин. Я лучше подохну на месте. — Боль в паху и в нижней части живота по-прежнему не отпускала, но по сравнению с тем, что было еще минуту назад, она значительно поутихла.

— Замечательно. Значит, вперед. И как можно быстрее.

Роланд повернулся, занес уже ногу, чтобы сделать шаг, и вдруг замер на месте. На той стороне провала стоял какой-то мужик. Просто стоял и бесстрастно на них смотрел.

Незнакомец приблизился к ним незаметно, пока все их внимание было поглощено Джейком и Ышем. Из-за плеча у него торчал лук. Волосы он подвязал ярко-желтым платком, концы которого развевались на свежем ветру, как знамена. В ушах у него были серьги: золотые кольца с крестами посередине. Один глаз закрывала белая шелковая повязка. Все лицо его покрывали язвы, налитые кровью, в основном подсохшие, но были там и открытые ранки, из которых сочился гной. Ему могло быть и тридцать, и сорок, и все шестьдесят. Он держал одну руку высоко поднятой над головой. В руке что-то было. Роланд толком не разглядел, понял только, что форма предмета была слишком правильной для простого камня.

За спиной незнакомца высился город. Очертания его выступали на удивление четко в угасающем свете дня, что придавало всему городскому пейзажу какой-то таинственный потусторонний вид. Только теперь, глядя мимо кирпичных строений, сгрудившихся на том берегу — наверняка какие-нибудь склады, давным-давно опустошенные мародерами и грабителями, — на эти сумрачные бетонные каньоны и каменные лабиринты, Эдди впервые, наверное, осознал, какими ужасно ошибочными и отчаянно глупыми были его надежды на помощь. Теперь он увидел разрушенные фасады и снесенные крыши; увидел лохматые птичьи гнезда на погнутых карнизах и в пустых нишах окон; теперь он позволил себе по-настоящему *вдохнуть* воздух этого города; и запах, который он ощутил, нес в себе не ароматы редчайших приправ, специй и деликатесов вроде тех, которые его мама приносила время от времени от Забара, а скорее прогорклую вонь матрасов, попавших в огонь и здорово там обгоревших, причем тушили их явно водой из

сточной канавы. Внезапно он понял, что это такое — Лад. Понял, как говорится, до самой сути. Какие там добрые мудрые эльфы?! Этот ухмыляющийся пират, который подкрался к ним незаметно, пока они занимались спасением Джейка и Ыша и ни на что больше не обращали внимания, — он, может быть, самое лучшее из того, что способен «родить» этот сломленный и умирающий город.

Роланд вытащил револьвер.

— Убери свою пушку, приятель, — сказал «пират» с желтой повязкой на голове, причем с таким сильным акцентом, что его едва можно было понять. — Убери ее, сердце мое. Я вижу, ты парень крутой, но со мной тебе лучше свою крутизну поунять.

14

На незнакомце были латаные-перелатаные штаны из зеленого бархата. Он действительно походил на пирата на закате своих славных дней: больной и потрепанный, но по-прежнему очень опасный.

— А что, если я его не уберу? — спросил Роланд. — Что, если я, скажем, просто всажу сейчас пулю в твою гнилую башку?

— Тогда я отправляюсь в ад и успею еще придержать вам дверь, потому что вы сразу последуете за мной. — Мужик с желтой повязкой на голове издал хриплый смешок и помахал рукой с зажатой в ней непонятной штуковиной. — Мне-то, собственно, один хрен: что так, что этак.

Роланд подумал, что это правда. По всему судя, жить незнакомцу осталось не больше года... причем последние месяцы этого года будут не самыми лучшими и приятными в его жизни. Гноящиеся язвы у него на лице не имели никакого отношения к радиации: если только Роланд не ошибался — а это вряд ли, — мужик этот дошел до последней стадии болезни, которую доктора называют «мандрус», а все остальные — попросту «блядским цветочком». Столкновение с опасным противником — штука во всех отношениях неприятная, но у тебя

все-таки есть возможность рассчитать свои шансы. Когда твой противник — мертвец, это меняет все.

— Знаете, что у меня в руке, мои сладкие? — продолжал пират. — Знаете, что старина Гашер приберег для своих добрых друзей? Это граната... наследство наших многомудрых Старцев... и я уже снял с нее шляпку. Потому что невежливо было бы оставаться при шляпе, когда ты знакомишься с новым народом. А мы тут все жутко вежливые, вот так-то!

Он опять хохотнул, довольный, а потом лицо его снова посуровело и стало серьезным. От былого веселья не осталось и следа, как будто где-то в глубине его вырождающихся мозгов кто-то щелкнул невидимым переключателем.

— Теперь, дорогие мои, чеку ее держит только мой немощный пальчик. Если вы меня грохнете, будет, я вас уверяю, большой «бабах». Ты и эта твоя проблядушка, которую ты на закорках тащишь... вы оба просто взлетите на воздух. И малец ваш тоже. А молодой человек, который стоит у тебя за спиной и тычет в меня своим жалким игрушечным пистолетиком, он, может, и выживет... пока не долетит до воды... а он туда полетит обязательно, потому что последние сорок лет мост этот висит на соплях, и чтобы он разлетелся ко всем чертям, одного небольшого «бабаха» хватит. Так что давай убирай свою пушку... или ты предпочтешь, чтобы все мы отправились в пекло в одной тележке?

Роланд помедлил еще мгновение, решая, стоит ли пытаться выбить выстрелом эту штуковину, которую Гашер назвал гранатой, у него из руки, но, увидев, как крепко тот сжимает ее в кулаке, неохотно убрал револьвер в кобуру.

— Вот так-то лучше! — завопил Гашер, снова повеселев. — Я так и думал, что ты мужик умный — стоит лишь раз на тебя посмотреть. О да! Именно так я и думал.

— Чего тебе надо? — спросил Роланд, хотя все уже понял.

Гашер поднял свободную руку и указал грязным пальцем на Джейка.

— Малец. Отдайте мне пацана, и вы все свободны.

— А не всадил бы ты себе в задницу? — мгновенно отреагировала Сюзанна.

— А почему бы и нет? — расхохотался пират. — Дайте мне, что ли, осколочек зеркала... я бы себе резанул, а потом вставил куда положено. Почему бы и нет, раз он уже ни на что не годится? Да я даже поссать не могу спокойно — так все и жжет огнем! — Его глаза странного, как будто приглушенного серого оттенка все время следили за Роландом. — Ну так что скажешь, мой добрый друг?

— А если я отдаю тебе парня, что будет с нами?

— Я же сказал: можете топать своей дорогой, мы ничего вам не сделаем! — тут же ответил мужик с желтой повязкой на голове. — Даю вам слово Тик-Така. Он сказал это мне, я говорю это вам, и так все и будет, как он сказал. Тик-Так — тоже парень крутой и, давши слово, его не нарушит. Правда, я не ручаюсь за младов, на которых вы можете там налететь, но седые Тик-Така вас пальцем не тронут.

— Ты о чем, мать твою, *говоришь*, Роланд? — заорал Эдди. — Ты же не собираешься в самом деле... скажи, что нет!

Не глядя на Джейка, Роланд тихонько шепнул, причем губы его даже не пошевелились:

— Я сдержу свое обещание.

— Да... я знаю. — Потом Джейк повысил голос: — Уберите револьвер, Эдди. Я решу сам.

— Джейк, *ты с ума сошел!*

Пират весело расхохотался.

— Он-то как раз не сошел, дорогуша! А вот ты точно не в своем уме, если мне не веришь. По крайней мере пока он с нами, барабаны ему не страшны, вот так-то. И подумай своей головой: если бы я тут шутил, я бы потребовал в первую очередь, чтобы вы все повыкинули пистолеты! Проще пареной репы! А я стал это делать? Не стал!

Сюзанна слышала, что сказал Роланд Джейку. И кроме того, у нее было время сообразить, что при таком положении вещей их шансы равны нулю.

— Убери пистолет, Эдди, — сказала она.

— Откуда мы знаем, а вдруг он швырнет в нас гранату, когда заполучит мальчишку? — выкрикнул Эдди.

— Я собью ее в воздухе, — невозмутимо ответил Роланд. — Я могу. И он знает, что я могу.

— Может, и знаю. Видок у тебя убедительный, это точно.

— Если только он не заливает, — продолжал Роланд, — ему все равно абзац, даже если я промахнусь. Мост обрушится, и мы грохнемся вниз все вместе.

— Мудрые речи, сынок! — похвалил его Гашер. — Ты действительно не дурак, честное слово. — Он хохотнул, а потом, посерьезнев опять, продолжал доверительным тоном: — Ладно, друзья мои, хватит молоть языком. Решайте. Я беру пацана или мы дружной толпой отправляемся к праотцам?

Не успел Роланд и рта раскрыть, как Джейк проскользнул мимо него по несущему стержню. Правой рукой он по-прежнему прижимал Ыша к груди, а левую — всю в крови, неподвижную — неловко держал перед собой.

— *Джейк, нет!* — в отчаянии завопил Эдди.

— Я приду за тобой, — шепнул Роланд Джейку вслед.

— Да, я знаю, — повторил Джейк.

Налетел очередной порыв ветра. Мост застонал и качнулся. По водам Сенда теперь пошла рябь пенистых гребешков. Река бурлила, обтекая белой пеной обломки синего поезда, который торчал из воды чуть выше по течению.

— Ах ты, мой зайчик! — проворковал Гашер, растянув губы в улыбке, обнаружившей редкие зубы, что торчали из белых десен, точно прогнившие до основания могильные камни. — Иди ко мне, моя крошка! Иди.

— Роланд, а если он просто блефует?! — закричал Эдди. — Может быть, у него пустышка?!

Стрелок как будто не слышал.

Когда Джейк приблизился к дальнему краю провала, Ыш вдруг оскалился и зарычал на Гашера.

— Брось его в реку, этот лохматый мешок с кишками, — сморщился Гашер.

— А пошел ты... — ответил на это Джейк все тем же спокойным, бесстрастным тоном.

Пират на мгновение опешил, потом кивнул:

— Любимец твой, значит? Отлично. — Он отступил на два шага назад. — Тогда, как только выйдешь на бетон, опусти его. Если он бросится на меня, я тебя предупреждаю: так ему наподдам — мозги полетят из его нежной маленькой жопки.

— Жопки, — тявкнул Ыш, продолжая скалиться.

— Заткнись, Ыш, — буркнул Джейк. Он добрался до края бетонной дорожки как раз в тот момент, когда ветер опять качнул мост. На этот раз звуки рвущихся стальных нитей, казалось, неслись отовсюду. Джейк оглянулся: Роланд и Эдди стояли на металлическом стержне, вцепившись в перила. Из-за плеча Роланда выглядывала Сюзанна. Ветер трепал ее густые и жесткие курчавые волосы. Джейк поднял руку и помахал им. Роланд помахал в ответ.

На этот раз вы мне не дадите упасть? — спросил он вначале. — *Нет... теперь никогда,* — ответил тогда Роланд, и Джейк поверил ему... Верил и сейчас, только очень боялся всего того, что могло бы произойти, прежде чем Роланд придет за ним, как обещал. Он опустил Ыша на бетонную плиту. В тот же миг Гашер рванулся вперед, носком сапога целясь в зверька. Ыш отскочил, и Гашер промахнулся.

— Беги! — закричал Джейк. Ему не пришлось просить Ыша дважды. Ушастик проскочил мимо них и, склонив голову, помчался к концу моста, в сторону Лада, огибая на бегу небольшие проломы и перепрыгивая через трещины на пешеходной дорожке. Он бежал не оглядываясь. А буквально мгновение спустя шею Джейка сдавила рука Гашера. От него несло застарелой грязью и заживо гниющей плотью. Смешиваясь, эти два «аромата» составляли единую едкую вонь, невыносимую и отвратительную. Джейка едва не стошнило.

Гашер прижался пахом к ягодицам Джейка.

— Может быть, я еще кое на что и сгожусь. Говорят ведь, что молодость — это вино, опьяняющее стариков. Мы еще повеселимся с тобой, мой зайчик. Правда, мы здорово повеселимся? Так, что ангелы сдохнут от зависти.

О Господи! — подумал Джейк.

Гашер снова повысил голос:

— Ладно, мы, значит, пойдем, мои крутые донельзя друзья. Нас ждут великие дела и великие люди, можете мне поверить. Но свое обещание я выполню. Что касается вас, если вы умные, вы постоите на месте еще с четверть часика. Если вдруг я увижу, что вы сошли с места, мы все дружно отправимся в мир иной. Все понятно?

— Понятно, — ответил Роланд за всех.

— Мне терять нечего, ты понимаешь?

— Да.

— Вот и славненько. Топай, малыш! Шевелись!

Он сдавил шею Джейка, так что тот едва не задохнулся. Одновременно он потянул мальчика за собой. Так они и отступали — лицом к провалу, где стояли Роланд с Сюзанной за плечами и Эдди, сжимающий «ругер», который Гашер назвал игрушечным пистолетиком. Джейк чувствовал, как Гашер дышит ему в ухо — горячо и прерывисто. И, что самое гадкое, изо рта у него воняло.

— И не пытайся меня обхитрить, — шепнул Гашер, — иначе я оторву твои юные прелести и засуну их тебе в задницу. Жалко будет, конечно, лишиться такого сокровища до того еще, как представится случай его опробовать. Да, очень жалко. И очень прискорбно.

Так они добрались до конца моста. Джейк весь напрягся — испугался, что Гашер бросит сейчас гранату, но он не бросил... по крайней мере сразу не бросил. Он оттащил Джейка по узкому переулку между двумя небольшими строениями, где когда-то, наверное, располагалась тюрьма для особо опасных преступников. Дальше за ними маячили стены кирпичных складов, похожих на мрачные камеры.

— А теперь, котик, я отпущу твою шейку, а то как же ты будешь дышать на бегу? Но я буду держать тебя за руку, так что смотри, чтоб бежал мне быстрее ветра, иначе я вырву ее, твою сладкую ручку, и ею же отколочу тебя, как дубиной. Это я тебе обещаю. Все понял?

Джейк кивнул головой. Рука, сжимающая его шею, внезапно разжалась. Как только дыхание вернулось к нему, он снова почувствовал боль в израненной руке — она как будто распух-

ла и горела огнем. Но тут Гашер схватил его выше локтя, и Джейк снова забыл про боль: пальцы, сжимающие его бицепс, напоминали по ощущениям стальные тиски.

— Трех-дибидох-трих-трах! — выкрикнул Гашер неестественно бодрым фальцетом и помахал остальным гранатой. — Пока, ребяты! — Он повернулся к Джейку и прорычал ему в ухо: — А теперь, котик мой ненаглядный, *беги!* Ну!

Он рывком развернул Джейка спиной к мосту и дернул так, что тот просто был вынужден ринуться с места в карьер. Они соскочили с развороченного пандуса и понеслись вдоль по улице. Джейк подумал еще, что, наверное, так мог бы выглядеть въезд на Ист-Ривер лет через триста после того, как какая-нибудь мозговая чума скосила бы всех нормальных — то есть душевно здоровых — людей на планете.

Древние металлические каркасы, проржавевшие до основания, тянулись в два ряда по обеим сторонам проезжей части. Когда-то они, без сомнения, были автомобилями. В большинстве своем «родстеры» в форме больших пузырей. Джейк в жизни не видел таких машин (разве что в диснеевских мультиках, где герои-пижоны в белых перчатках разъезжали на «тачках» подобного типа), но среди них он заметил жучок-«фольксваген», потом еще автомобиль, который мог быть «шевроле-корветом», и еще что-то вроде «форда» модели А. Жутковатое, надо отметить, зрелище. Джейк не увидел ни одной шины: то ли их растащили, то ли они давно сгнили, рассыпавшись в прах. Все стекла были повыбиты самым варварским образом, как будто уцелевшие жители этого города боялись до смерти всего, в чем можно было увидеть — пусть даже случайно и мимоходом — свое отражение.

Между машинами и под ними валялись кучи металлических деталей неизвестного происхождения и назначения и яркие осколки стекла. В стародавние — лучшие — времена вдоль тротуара росли деревья, посаженные аккуратными рядами, но теперь все они были столь очевидно мертвы, что напоминали скорее металлические скульптуры, застывшие на фоне унылого неба, затянутого облаками. Несколько складских зданий являли собой печальнейшее зрелище: их то ли взорвали, то ли

они обрушились сами, обветшав окончательно, — и за беспорядочными грудами битого кирпича виднелась река и провисшие ржавые тросы моста. Запах влажной гнили — такой густой, что, казалось, он застревал в ноздрях — здесь ощущался сильнее.

Улица уходила строго на восток, отклоняясь от пути Луча. Джейк обратил внимание, что чем дальше они углублялись в город, тем больше обломков и мусора загромождало проезжую часть. Кварталах в шести-семи впереди улица, судя по всему, была завалена полностью, однако Гашер, не сбавляя скорости, продолжал тащить его именно в том направлении. Сначала Джейк еще как-то справлялся, но Гашер задавал невозможный темп. Джейк начал уже задыхаться и отстал на шаг. Гашер рванул его так, что мальчик едва не свалился с ног. «Пират» потащил его прямо к завалу из каких-то обломков, осколков бетонных плит и металлических балок. Это нагромождение — Джейк предположил, что это скорее искусственное сооружение, преднамеренно здесь поставленное — располагалось между двумя домами с пыльными мраморными фасадами. Перед левым стояла статуя, которую Джейк узнал сразу же: фигура женщины с повязкой на глазах, слепая богиня правосудия, не взирающая на лица, — стало быть, здание, ею охраняемое, почти наверняка было зданием суда. Однако Джейк не успел рассмотреть повнимательнее: Гашер тащил его к баррикаде, не давая замешкаться.

Если он попытается здесь продраться, мы оба с ним гикнемся — он нас убьет! — подумал в панике Джейк, но Гашер, который несся как ветер, несмотря на свою болезнь, очевидные признаки коей проступали столь явно у него на роже, только еще сильнее впился пальцами в руку Джейка и потащил его за собой. Только теперь Джейк заметил узенький проход в этой свалке — или, лучше сказать, преднамеренном завале из бетонных обломков, разбитой мебели, ржавых водопроводных труб и прогнивших кузовов автомобилей — и внезапно все понял. В этом чертовом лабиринте Роланд будет плутать часами... а Гашер, ориентируясь здесь, как в своем дворе, точно знает, куда идти.

Слева от свалки — Джейк все боялся, что это шаткое сооружение может обрушиться прямо на них — открылся узенький темный проход в переулок. На подходе к нему Гашер швырнул через плечо небольшую зеленую штуку, которую он все время сжимал в руке.

— Лучше пригнись, мой зайчик! — крикнул он Джейку, сопровождая свой вопль пронзительным истеричным смешком. Через секунду улицу сотряс оглушительный взрыв. Один из ржавых автомобилей взлетел в воздух футов на двадцать и, перевернувшись в полете, грохнулся на мостовую днищем вверх. Над головой Джейка просвистел этакий град из кирпичных обломков, и что-то больно ударило его в левую лопатку. Он покачнулся и непременно упал бы, если бы Гашер рывком не поставил его на ноги и не потащил за собой в проход. Как только они оказались там, со всех сторон к ним жадно потянулись угрюмые тени, и тьма поглотила их.

Когда они скрылись за баррикадой, из-за ближайшей бетонной глыбы выползло маленькое пушистое существо. Это был Ыш. Пару мгновений зверек постоял у начала прохода, вытянув длинную шею и мигая блестящими глазками, потом двинулся следом, опустив нос к земле и старательно принюхиваясь.

15

— Пошли, — сказал Роланд, как только Гашер скрылся из виду.

— Как ты мог? — негодовал Эдди. — Как ты мог отдать мальчика этому извращенцу?

— У меня не было выбора. Неси коляску. Она нам понадобится.

Когда они добрались до бетонной дорожки у дальнего края провала, мост содрогнулся от взрыва. Осколки бетона и щебень фонтаном взметнулись в уже темнеющее небо.

— Господи! — прошептал Эдди, повернув бледное и испуганное лицо к Роланду.

— Пока еще нет причин переживать, — спокойно проговорил стрелок. — Парни типа Гашера не станут играть со взрывчаткой. — Они дошли до тюремных зданий у края моста. Роланд остановился наверху изгибающегося пандуса.

— Ты знал, что он не блефует, правда? — не унимался Эдди. — Я хочу сказать, ты не думал — ты *знал*.

— Он ходячий мертвец, а мертвецу незачем блефовать. — Голос Роланда звучал бесстрастно, но за внешним спокойствием скрывались глубокие нотки горечи и боли. — Я знал, что нечто подобное может произойти, и если бы мы его раньше заметили, пока находились вне радиуса действия его взрывающегося яйца, у нас был бы шанс его замочить. Но Джейк едва не упал, нам уже было ни до чего, и он подошел слишком близко. Он, наверное, решил, что мы привели с собой мальчика для того только, чтоб заплатить за безопасный проход через город. Черт! Везет как утопленникам! — Роланд ударил кулаком по ноге.

— Ладно, пошли его выручать!

Роланд покачал головой.

— Нет. Здесь мы разойдемся. Туда, куда сунулся этот мерзавец, Сюзанну мы взять не можем, а одну ее здесь оставлять тоже нельзя.

— Но...

— Слушай меня и не спорь... не спорь, если хочешь спасти Джейка. Чем дольше мы тут проторчим, тем он дальше уйдет. А чем он дальше уйдет, тем сложнее мне будет его отыскать: по холодному следу идти трудновато. И вам тоже есть что делать. Если здесь, в городе, находится еще один Блейн — а Джейк в этом уверен, — вы с Сюзанной обязаны его разыскать. Тут должна быть какая-то станция или такое место, которое в дальних землях называли, как помнится, колыбелью. Вам все ясно?

Слава Богу, хотя бы на этот раз Эдди не стал возражать.

— Хорошо. Мы его найдем. И что дальше?

— Стреляйте в воздух примерно каждые полчаса. Как только я вытащу Джейка, мы сразу придем.

— Выстрелы могут привлечь внимание, — возразила Сюзанна. Эдди помог ей выбраться из упряжи, и она снова устроилась у себя в коляске. — Если за нами придут?

Роланд обвел их холодным взглядом.

— Разберитесь с ними.

— О'кей. — Эдди протянул руку, и они обменялись с Роландом коротким рукопожатием. — Найди его, Роланд.

— Да, я найду его. Только моли всех своих богов, чтобы они помогли мне найти его быстро. И не забудьте, вы оба: помните лица своих отцов.

Сюзанна кивнула:

— Мы постараемся.

Роланд развернулся и побежал вниз по пандусу. Когда он скрылся из виду, Эдди повернулся к Сюзанне и не особенно удивился, увидев, что она плачет. Ему самому тоже хотелось плакать. Еще полчаса назад они были командой: отрядом соратников и друзей. И буквально за считанные минуты их дружественный союз распался: Джейка похитили, Роланд пошел его выручать. Даже Ыш — и тот убежал. Таким одиноким Эдди в жизни себя не чувствовал.

— Мне кажется, — проговорила Сюзанна, — что мы никогда больше их не увидим. Ни того, ни другого...

— Не говори ерунды! — грубо оборвал ее Эдди, при этом прекрасно понимая, что она хочет сказать, потому что и сам ощущал то же самое. Дурное предчувствие, что путешествие их, которое только-только еще начиналось, уже подошло к концу, камнем легло на сердце. — В схватке с гунном Аттилой я оценил бы шансы Роланда Варвара как три к двум. Пошли, Сьюз... нам еще нужно найти этот поезд.

— Но куда? — приуныла Сюзанна.

— Без понятия. Может быть, для начала нам стоит словить ближайшего старого мудрого эльфа и расспросить у него, как считаешь?

— Ты о чем, Эдвард Дин?

— Да так, ни о чем, — сказал он и только теперь сам прочувствовал до конца, что это действительно так. Ему очень хотелось расплакаться, но, взяв себя в руки, он схватился за ру-

коятки коляски Сюзанны и начал толкать ее по растрескавшемуся и усыпанному битым стеклом пандусу, уводящему в город Лад.

16

В мгновение ока Джейк погрузился в туманный мир, где единственным ориентиром во тьме была боль: его покусанная рука; плечо, в которое стальными гвоздями вонзались грязные пальцы Гашера; горящие, как в огне, легкие. Вскоре все эти боли слились в одну, а потом их затмила другая боль — глубокая, колющая, в боку. Он не знал, пошел уже Роланд за ним или нет. Он не знал, долго ли выдержит Ыш в этом мире, так не похожем на леса и равнины, привычные для него, и единственные места, которые он знал до того, как пошел с людьми — с ними. А потом Гашер с размаху ударил его по лицу, разбив нос в кровь, и все мысли исчезли, смытые алой волной боли.

— Шевелись, маленький ублюдок! Шевели своей нежной задницей!

— Я бегу... я быстрее не могу, правда, — выдохнул Джейк, едва успевая увернуться от острого стеклянного осколка, что торчал из стены слева, точно длинный прозрачный зуб.

— Уж постарайся, мой зайчик, иначе я так тебя тресну, что ты у меня мигом отрубишься и мне придется тащить тебя за волосенки! Давай шевелись, ублюдок!

Джейк все же прибавил скорость, сам не понимая как. Когда они только сворачивали в переулок, он еще тешил себя надеждой, что они вскоре выйдут на улицу посвободнее, но теперь — с неохотой — он вынужден был признать, что этого не произойдет. Улочка, по которой они неслись, оказалась не просто улицей: это была замаскированная и укрепленная дорога, уводящая в глубь обиталища седовласых. Высокие шаткие стены, подступавшие вплотную к дороге, сложены были из самых невероятных строительных материалов: остовов автомобилей, полностью или частично расплющенных тяжеловесными глыбами из гранита и стали, которыми их придавили; мраморных

колонн; фабричных станков непонятного назначения — тускло-красного цвета от ржавчины в тех местах, где они не чернели смазкой. Имелась там и какая-то рыбина из хрусталя и хрома, размером с небольшой самолет, с единственным загадочным словом, выведенным на чешуйчатом блестящем ее боку на Высоком Слоге: «ВОСТОРГ». Потом еще перекрещивающиеся цепи с огромными звеньями размером, наверное, с голову Джейка, обернутые вокруг беспорядочного нагромождения разбитой мебели, которая балансировала наверху баррикады подобно цирковому слону, стоящему на одной ноге на узкой стальной платформе.

Они добежали до места, где эта безумная тропа разветвлялась, и Гашер решительно повернул налево. Чуть подальше тропа разветвлялась снова: на этот раз — на три дорожки, такие узенькие и темные, что они походили больше на лазы тоннеля. Теперь Гашер свернул направо. Эта новая дорожка — проходила она между «стенами», сложенными из гниющих картонных коробок и стопок старой пожелтевшей бумаги, должно быть, остатков книг и журналов — была слишком узкой, чтобы по ней можно было бежать бок о бок. Гашер вытолкнул Джейка вперед и принялся без устали колотить его по спине, подгоняя. *Вот что, наверное, чувствует теленок, когда его гонят по коридору на бойню,* — подумал Джейк и поклялся себе, что, если выберется отсюда живым, он никогда больше не станет есть мяса.

— Беги, моя крошка! *Беги!*

Вскоре Джейк понял, что не может уже уследить за всеми поворотами и ответвлениями дорожки, и по мере того как Гашер уводил его все дальше и дальше в эти невозможные дебри из ржавого металлолома, разбитой мебели и выброшенных на свалку станков, надежды его на спасение таяли точно дым. Теперь даже Роланд не сможет его разыскать: он сам неминуемо здесь заплутает и будет бродить по забитым проходам и узким дорожкам этого мира кошмаров до самой смерти.

Теперь тропинка пошла под уклон, и стены из стопок бумаги уступили место нагромождению старых шкафов, сброшенным в кучу счетным машинкам и горам искореженного ком-

пьютерного оборудования. Все это походило на гонки по забитому складу какой-то кошмарной радиостанции. На протяжении почти минуты слева высилась стена, состоящая целиком то ли из телевизоров, то ли сваленных в беспорядке видеомониторов. Экраны пялились на него безжизненными глазами. Тротуар под ногами продолжал опускаться, и Джейк вскоре сообразил, что они действительно попали в тоннель. Полоска сумрачного неба над головой превратилась в узкую ленту, лента — в ниточку. Они как будто вступили в унылое царство мертвых и метались, как крысы, посреди колоссальной свалки.

А что, если все это на нас упадет? — подумал Джейк, но в теперешнем его состоянии почти полного изнеможения, замешанного на боли, даже это его не пугало. Если это случится, у него будет хотя бы возможность немного передохнуть.

Гашер гнал его, как крестьянин подгоняет мула, ударяя по левой лопатке, когда надо было свернуть налево, по правой — когда направо. Когда же дорога шла прямо, он дубасил Джейка по затылку. Джейк дернулся в сторону, чтобы уклониться от выпирающего из стены куска трубы, но не успел. Он ударился о трубу бедром и полетел по проходу прямо на кучу стекла и поломанных досок. Гашер подхватил его на лету и снова подтолкнул вперед.

— Беги, неуклюжий придурок! Ты что, не можешь нормально бежать? Если бы не Тик-Так, я бы тебя отымел прямо здесь, а потом перерезал бы глотку тебе, и все!

Джейк бежал в алом тумане, где были только боль и удары Гашеровых кулаков, молотящих его по плечам и затылку. Наконец, как раз в тот момент, когда Джейк решил, что бежать дальше он просто не может и будь что будет, Гашер схватил его сзади за шею и рывком остановил, причем так резко, что Джейк врезался ему прямо в пузо со сдавленным стоном.

— А вот *тут* у нас есть одна хитрость, — весело выдохнул Гашер. — Посмотри вон туда, прямо. Видишь, две проволочки пересекаются над землей? Видишь?

Сначала Джейк ничего не увидел. Было слишком темно. Слева вздымалась гора огромных медных чайников, справа — каких-то стальных штуковин, напоминающих акваланги. Джейку пока-

залось, что достаточно просто дунуть посильнее, чтобы все это лавиной обрушилось вниз. Он утер лоб ладонью, убирая с глаз волосы, и постарался не думать о том, какой у него будет вид, если рухнет вся эта громада общим весом, наверное, тонн в шестнадцать. Прищурившись, он посмотрел вперед — туда, куда указывал ему Гашер. Да, теперь он разглядел — но с большим трудом — две тонюсенькие серебристые ниточки, похожие на струны от гитары или банджо. Они опускались с обеих сторон прохода, пересекаясь на высоте фута в два над землей.

— Ползи под ними, сердце мое. И будь осторожен: если ты их заденешь, половина всего цемента и стали в этом чертовом городе рухнет на золотую твою головку. И на мою башку тоже, хотя я сомневаюсь, что тебя это очень волнует, правда? Давай ползи!

Джейк сбросил с плеч ранец и пополз вперед, толкая ранец перед собой. Проползая под тонкими, туго натянутыми проводами, он вдруг обнаружил, что ему все-таки хочется еще немного пожить на свете. Он почти физически ощущал все эти тонны тщательно уравновешенного хлама, который только и ждет, чтобы обрушиться на него. *Наверное, эти два провода держат парочку замковых камней,* — думал он. — *Если хотя бы один из них сдвинется с места... зола и пепел, нам всем конец.* Он почувствовал, как один проводок легонько задел его по спине. Высоко наверху что-то скрипнуло.

— Осторожно, болван! — Гашер едва ли не застонал. — Осторожно, кому говорю!

Мальчик пролез под перекрещивающимися проводами, отталкиваясь от земли ступнями и локтями. Слипшиеся от пота волосы опять упали ему на глаза, закрывая обзор, но Джейк не осмелился их убрать.

— Наконец-то, — проворчал Гашер и сам проскользнул под проводами с небрежной легкостью, свидетельствующей о долговременной практике. Встав на ноги, он ловко выхватил у Джейка ранец, пока тот не успел нацепить его снова. — А что у нас здесь, приятель? — спросил он, расстегивая ремешки и заглядывая с любопытством внутрь. — Может, ка-

кие подарки для старого друга? Гашер, знаешь ли, любит подарочки, ой как любит!

— Ничего там нет, кроме...

Кулак Гашера просвистел в воздухе, и голова Джейка откинулась назад. Удар снова пришелся по носу. Из носа брызнула свежая струйка крови.

— За что? — вскрикнул Джейк, дрожа от ярости и унижения.

— За то, что ты много болтаешь. У меня есть глаза, я могу сам посмотреть, без твоих дурацких замечаний! — завопил Гашер и отшвырнул ранец в сторону. Он уставился на мальчика в упор, обнажив оставшиеся еще зубы в угрожающей, страшной усмешке. — И за то еще, зайчик мой, что из-за тебя нас тут чуть не накрыло! — Помолчав, он добавил уже поспокойнее: — И потому, что мне так захотелось, — признаюсь честно. Твоя дурацкая овечья рожа выводит меня из себя, так и хочется треснуть по ней со всей силы. — Улыбка его стала шире, отчего обнажились не только зубы, но и гноящиеся белесые десны. Зрелище, надо сказать, не особенно эстетическое. Джейк подумал, что он вряд ли бы что-нибудь потерял, если бы этого не увидел. Даже наоборот. — Если твой крутой друг доберется досюда, ему будет большой сюрприз, когда он наткнется на проволоку, как ты думаешь? — Гашер запрокинул голову, по-прежнему ухмыляясь. — Где-то там наверху должен быть целый автобус, если память мне не изменяет.

Джейк расплакался — усталые, безнадежные слезы потекли по щекам, оставляя влажные дорожки на грязном лице.

Гашер угрожающе занес ладонь.

— Давай двигай, приятель, пока я сам тут с тобой не расплакался... потому что твой добрый друг — чувак весьма сентиментальный, честное слово, и когда он начинает скорбеть и печалиться, его только одно может развеселить: дать кому-нибудь в рожу, вот так-то. *Беги!*

Они побежали. Гашер словно бы наугад выбирал тропинки, уводящие все дальше и дальше в этот скрипучий душный лабиринт. Джейка он направлял по-прежнему ударами по лопаткам. На каком-то этапе «включились» барабаны. Звук, ка-

залось, идет отовсюду и ниоткуда. Для Джейка это явилось той самой соломинкой, что переломила верблюду хребет. Оставив всякую надежду, он перестал даже думать и с головой погрузился в кошмар.

17

Роланд остановился перед баррикадой, которая загромоздила улицу сверху донизу и от края до края. В отличие от Джейка он даже не надеялся, что с той ее стороны будет открытое пространство. Здания к востоку отсюда наверняка охраняются часовыми, как укрепленные острова в море мусора, хлама и металлолома... и там, конечно, полно ловушек. Часть предметов, образующих баррикаду, скопились, наверное, сами по себе за последние лет пятьсот — семьсот или, может быть, даже тысячу, однако Роланд решил, что в основном все это притащили сюда седые. Восточная оконечность Лада превратилась, по сути, в их крепость, и Роланд стоял теперь у ее внешней стены.

Он медленно двинулся вперед и увидел проход, наполовину сокрытый за громадной цементной глыбой. Присев на корточки, он увидел следы в толстом слое пыли — две цепочки следов, одни большие, другие поменьше. Роланд начал уже подниматься, но потом присел снова. Не две цепочки, а три... и эта третья оставлена лапками небольшого животного.

— Ыш? — негромко позвал Роланд. Прошло несколько секунд, стрелок уже не надеялся получить ответ, как вдруг из сумрака раздался приглушенный лай. Роланд шагнул в проход и увидел глаза — черные, с золотым ободком, — глядящие на него из-за первого поворота. Он подбежал к ушастику. Ыш, который до сих пор еще с неохотой подпускал к себе людей за исключением Джейка, отступил на шаг и замер на месте, тревожно глядя на стрелка.

— Ты мне поможешь? — спросил Роланд, уже чувствуя в глубине души приближение сухой алой пелены, всегда сопутствующей лихорадке битвы, но время для схватки еще не пришло. Оно, конечно, придет, но пока он не может — не должен —

отдаваться этому чувству, приносящему невыразимое облегчение. — Поможешь мне найти Джейка?

— Эйка, — тявкнул Ыш, не сводя со стрелка напряженных, тревожных глаз.

— Тогда пойдем. Ищи Джейка.

Ыш тут же развернулся и быстренько потрусил по проходу, едва ли не скользя носом по земле. Роланд последовал за ним, только изредка поднимая глаза, чтобы посмотреть на зверька. Он не сводил взгляда с древних камней мостовой: искал какой-нибудь знак.

18

— Господи, — выдохнул Эдди. — Что же это за люди такие?

Они прошли пару кварталов по улице, что тянулась вдоль пандуса, увидели впереди баррикаду, загромождающую проход (разминувшись при этом с Роландом, нырнувшим в него меньше минуты назад), и повернули на север, на широкую улицу, напомнившую Эдди Пятую авеню. Он не осмелился, правда, сказать об этом Сюзанне; он все еще не мог оправиться от горького разочарования при виде этих вонючих руин, в которые превратился город, и сказать что-нибудь обнадеживающее у него просто не было сил.

«Пятая авеню» привела их к кварталу высоких построек из белого камня, которые напомнили Эдди Древний Рим — такой, каким его представляют в фильмах о гладиаторах (а фильмов этих он в свое время, еще ребенком, пересмотрел десятки). Это были простые, даже немного суровые здания, сохранившиеся большей частью в неприкосновенности. Он почти не сомневался, что когда-то в этих строениях размещались государственные учреждения: галереи, библиотеки, возможно, музеи. Одно из них, с громадной куполообразной крышей, треснувшей, как гранитное яйцо, вероятно, когда-то было обсерваторией, хотя Эдди где-то читал, что астрономы предпочитают держаться подальше от больших городов, потому что электрический свет мешает им наблюдать за звездами.

Между этими внушительными строениями располагались широкие открытые пространства, и хотя траву и цветы, которые когда-то росли на газонах, теперь заглушили сорняки и кусты, в этой части города до сих пор сохранилась некая аура величественного достоинства, и Эдди подумал, что, наверное, в прежние времена здесь был центр культурной жизни Лада. Те времена, разумеется, миновали давным-давно: Эдди очень сомневался, что Гашер и компания интересуются, скажем, балетом или камерной музыкой.

Они с Сюзанной вышли на главный перекресток. От него, точно спицы колеса, расходились еще четыре широких проспекта. Посередине, как ось колеса, располагалась просторная мощеная площадь, окруженная по краю стальными столбами футов в сорок высотой с установленными на них громкоговорителями. В самом центре стоял постамент с остатками статуи — взметнувшимся на дыбы могучим боевым конем из бронзы, позеленевшей от времени. Бронзовый всадник, когда-то гордо на нем восседавший, валялся теперь поодаль на проржавелом боку, сжимая в одной руке меч, а в другой — что-то похожее на автомат. Его ноги по-прежнему изгибались, как бы обнимая бока коня, которого больше не было, но металлические сапоги остались в бронзовых стременах. СМЕРТЬ СЕДЫМ! — было написано на постаменте оранжевой выцветшей краской.

Окинув взглядом расходящиеся от площади проспекты, Эдди увидел другие столбы с громкоговорителями. Несколько столбов завалилось набок, но остальные стояли ровно, и на каждом висели гирлянды трупов, так что площадь, на которую вывела их «Пятая авеню» и все четыре проспекта, уводящих дальше в город, как бы охранялись небольшой армией мертвецов.

— Что же это за люди? — повторил свой вопрос Эдди.

Вопрос был адресован в пространство, Эдди не ждал ответа, да Сюзанна и не собиралась ему отвечать... хотя ответить могла бы. И прежде в ее сознании возникали живые картины из прошлого мира Роланда, но никогда еще эти видения не были такими яркими и убедительными, как сейчас. Раньше, как, например, те картины, которые ей привиделись в Речном

Перекрестке, все эти видения несли на себе отпечаток некой призрачной иллюзорности, характерной для снов, а теперь эти мысленные картины возникли как бы единой вспышкой — как будто молния высветила из тьмы искаженное злобой лицо маньяка.

Громкоговорители... трупы на столбах... барабаны. Она неожиданно поняла, каким образом все это связано между собой, точно так же, как раньше она поняла — даже не поняла, а узнала, — что нагруженные повозки, проходящие через Речной Перекресток на пути в Джимтаун, тянули быки, а не лошади или мулы.

— Не обращай ты на это внимания, — проговорила она, и если голос ее и дрожал, то совсем чуть-чуть. — Мы ищем поезд, давай на этом и сосредоточимся... куда нам теперь, как ты думаешь?

Эдди запрокинул голову и, взглянув на темнеющее небо, сразу же определил — по узору несущихся там облаков — путь Луча. Опустив глаза, он без всякого удивления обнаружил, что выход на улицу, расположенную более-менее вдоль Луча, охраняет большая каменная черепаха. Глаза на змеиной ее голове, осторожно высовывающейся из-под гранитного панциря, казалось, смотрят на них с любопытством. Эдди мотнул головой в сторону черепахи и выдавил слабенькую улыбку.

— «Есть Черепаха, представьте себе...»

Сюзанна лишь мельком взглянула туда и кивнула. Эдди перевез ее через площадь и выкатил коляску на улицу Черепахи. От трупов, висящих на всех столбах, исходил суховатый запах корицы, от которого у Эдди скрутило желудок... и вовсе не из-за того, что пахло плохо, а потому что, наоборот, хорошо — это был пряный запах какого-то сладкого порошка, который дети с удовольствием посыпают на утренний тост.

К счастью, улица Черепахи оказалась довольно широкой, к тому же большинство трупов, свисающих со столбов, давно превратились в усохшие мумии, хотя Сюзанна и заметила несколько относительно «свежих» тел: вокруг них роились мухи, облепив потемневшую кожу раздувшихся лиц, а в гниющих глазницах копошились черви.

И под каждым столбом белело по маленькой кучке костей.

— Их, наверное, тысячи, — сказал Эдди. — Мужчины, женщины, дети.

— Да, — спокойно проговорила Сюзанна и удивилась сама, как странно и отчужденно звучит ее голос. — У них было достаточно времени, и они им воспользовались сполна, чтобы поубивать друг друга.

— Где ж, мать их так, добрые мудрые эльфы?! — Эдди нервно расхохотался, но смех его подозрительно походил на всхлипы. Про себя он подумал, что, кажется, начинает «въезжать» до конца в подлинный смысл этой вроде бы безобидной фразы: Мир сдвинулся с места, — в то, какие глубины зла и невежества заключает она в себе.

Глубины бездонные.

Громкоговорители эти установили во время войны, — размышляла про себя Сюзанна. — *Да, наверное, так все и было. Бог его знает, какой войны и когда она началась, но это был полный абзац. Через эти «матюгальники» правители Лада оглашали по всему городу свои объявления, а сами сидели, наверное, в каком-нибудь укрепленном бомбоубежище — вроде командного бункера, где укрылся Гитлер с верхушкой рейха в конце Второй мировой.*

В ушах у нее звучал властный голос, когда-то гремевший из этих громкоговорителей, — она различала его так же ясно, как раньше слышала скрип повозок, проезжающих через Речной Перекресток, как слышала свист кнута над спинами тащивших повозки быков.

Центры распределения провизии A и D будут сегодня закрыты; просим всех обращаться в центры B, C, E и F. При себе иметь карточки и купоны.

Девятому, десятому и двенадцатому отрядам милиции срочно прибыть в Сендсайд.

Воздушные налеты ожидаются с восьми до десяти часов. Всему гражданскому населению укрыться в ранее определенных бомбоубежищах. При себе иметь противогазы. Повторяю: при себе иметь противогазы.

Объявления, да... и еще выпуски новостей. Разумеется, фальсифицированных новостей — пропагандистские, мили-

таризированные сводки, которые Джордж Оруэлл* назвал бы «двоесловием». А в промежутках, наверное, музыка: бравурные военные марши — и пламенные призывы отомстить за погибших товарищей, отправить новых мужчин и женщин в алое жерло войны.

Потом война закончилась, и в городе стало тихо... на некоторое время. Но вскоре громкоговорители ожили снова. Когда? Сто лет назад? Пятьдесят? Какая разница? Сюзанна решила, что никакой. Имело значение только одно: когда «матюгальники» эти включаются, они каждый раз передают неизменную запись — запись барабанного боя. И потомки коренных жителей города приняли эти ритмы... за что? За голос Черепахи? За волеизъявление Луча?

Сюзанна вспомнила вдруг, без всякой связи, как однажды спросила отца, тихого, но предельно циничного человека, верит ли он, что есть Бог и что Бог управляет с небес человеческими судьбами. *Ну,* — ответил он ей тогда, — *тут, наверное, половина на половину, Одетта. Бог есть, в этом я не сомневаюсь, только я считаю, что теперь мы не очень Его занимаем. Я думаю, после того, как мы, люди, убили Его сына, до Него наконец-то дошло, что с потомками Адама и Евы уже ничего не поделаешь, и Он просто умыл руки. И поступил очень мудро.*

Вместо ответа Сюзанна (которая в общем-то и ожидала от папы чего-то подобного: ей уже было одиннадцать лет, и она достаточно хорошо изучила отцовский склад ума) показала ему объявление в местной газете в рубрике «Наш приход». В объявлении говорилось, что в следующее воскресенье преподобный отец Мердок из методистской церкви Милости Господней прочтет проповедь на тему «Бог говорит с нами каждый день», после чего будут зачитаны выдержки из Первого послания к Коринфянам. Отец смеялся до слез. *Ну, наверное, каждый из нас время от времени слышит голос — чей-то голос,* — выдавил он, когда приступ смеха прошел. — *Но ты можешь, дочка, поспорить на самый последний доллар: каждый из нас, включая и преподобного отца Мердока, слышит именно то, что он хочет услышать. Так удобнее.*

---

* Джордж Оруэлл (1903—1950) — английский писатель, автор знаменитого романа-антиутопии «1984».

А эти люди, как видно, хотели услышать в простой записи партии для ударных призыв к ритуальным убийствам. И теперь, когда из сотен и тысяч громкоговорителей, установленных по всему городу, раздастся дробный барабанный бой — призывный грохот, оказавшийся на поверку, как утверждает Эдди, всего лишь партией ударных для «зи-зи-топовской» песенки «Велкро Флай», — это служит для них сигналом размотать пару веревок и вздернуть нескольких горожан на ближайших столбах.

И сколько же их всего? — размышляла Сюзанна, пока Эдди катил ее в коляске, ребристые, жесткие колеса которой скрипели по битому стеклу и шуршали по обрывкам бумаги. — *Сколько погибло за эти годы из-за того только, что где-то под городом заклинило электронную схему, включающую радиопередачу? Может быть, это все началось потому, что они ощутили глубинную чужеродность музыки, каким-то непостижимым образом попавшей сюда — как, собственно, и мы сами, и тот разбившийся аэроплан, и эти автомобили на улицах — из другого мира?*

Этого она не знала, но вдруг поняла, что тоже теперь пришла к отцовскому — в чем-то циничному — взгляду на Бога и возможных его бесед с сыновьями Адама и дщерями Евы. Эти люди, наверное, просто искали подходящий повод для того, чтобы убивать друг друга, и обрели его в барабанном бое, который как повод был не хуже любого другого.

Она поймала себя на том, что мысли ее вновь и вновь возвращаются к улью, на который они наткнулись в эвкалиптовой роще, — бесформенному улью с белыми пчелами, чей ядовитый мед наверняка убил бы их, если бы они были настолько глупы, чтобы его попробовать. Здесь, на берегу реки Сенд, находился еще один умирающий улей, где тоже обитали белые пчелы-мутанты, запутавшиеся, потерянные, сбитые с толку создания, чей укус мог быть столь же смертелен.

И скольким еще предстоит умереть прежде, чем эта магнитофонная пленка порвется?

И, словно мысли Сюзанны неосторожно включили запись, громкоговорители вдруг ожили и начали передавать нескончa-

емый синкопированный барабанный бой. Эдди вскрикнул от неожиданности. Сюзанна тоже закричала и прижала ладони к ушам — но за те пару секунд, пока она не закрыла уши, она успела все-таки расслышать другую музыку: дорожку или, может быть, пару дорожек, заглушенных десятилетия назад, когда кто-то (возможно, случайно) сбил настройку, отключив партию гитар и вокал.

Эдди вез ее по улице Черепахи вдоль пути Луча, стараясь смотреть во все стороны сразу и в то же время не замечать запаха разложения. *Слава Богу, что дует ветер,* — подумал он.

Он начал толкать коляску быстрее, скользя внимательным взглядом по буйно заросшим сорной травой промежуткам между белыми зданиями: не мелькнет ли изящной дугой пролет поднятой над городом железной дороги. Ему хотелось как можно скорее убраться из этой аллеи трупов. Глубоко вдохнув воздух, наполненный сладким запахом корицы, Эдди подумал, что ему в жизни так ничего не хотелось, как просто убраться отсюда.

19

Джейк разом очнулся, когда Гашер схватил его за воротник и дернул с безжалостной силой жестокого всадника, который удерживает коня, помчавшегося галопом. Одновременно он выставил одну ногу, и Джейк, споткнувшись, упал на спину. Головой он сильно ударился о тротуар и на мгновение отключился. Гашер, явно не страдавший острыми приступами человеколюбия, быстро привел его в чувство, схватив за нижнюю губу и резко вывернув ее наружу.

Джейк закричал и рывком сел, вслепую размахивая кулаками. Гашер легко уклонился от его слабых ударов, просунул вторую руку Джейку под мышку и резко поднял его на ноги. Джейк стоял, раскачиваясь взад-вперед словно пьяный. Он уже не протестовал — не мог. Он едва ли воспринимал происходящее и вообще ничего не чувствовал, кроме одного: все его мышцы болели от перенапряжения, а раненая рука как будто выла, точно животное, пойманное в капкан.

Гашер явно запыхался, и на этот раз ему понадобилось чуть больше времени, чтобы восстановить дыхание. Он стоял, наклонившись вперед и упираясь руками в колени. При каждом его вдохе слышался тихий присвист. Желтый платок у него на голове сбился набок. Единственный глаз блестел, как фальшивый бриллиант. Белая шелковая повязка на другом глазу помялась — из-под нее медленно «выползали» мерзкого вида сгустки желтоватой жижи и текли по щеке.

— Подними башку, зайчик, и ты увидишь, почему я тебя остановил. Давай полюбуйся!

Джейк запрокинул голову и, поскольку давно уже пребывал в ступоре, вовсе не удивился, увидев висящий над ними на высоте футов в восемьдесят мраморный фонтан размером с хороший трейлер. Они с Гашером стояли сейчас почти точно под ним. Фонтан держался на двух ржавых тросах, которые были почти не видны за шаткой грудой церковных скамей. Несмотря на оцепенение, Джейк отметил, что эти тросы изношены посерьезнее, чем те, которые держали мост.

— Видишь? — спросил, ухмыляясь, Гашер. Подняв левую руку к белой повязке на сочящемся гноем глазу, он выгреб из-под нее вязкую жижу и с завидным безразличием стряхнул ее с пальцев. — Красиво, правда? О-о, Тик-Так — мужик умный, в этом уж будь уверен. Он никогда не ошибается. (Где эти гребаные барабаны? Они должны бы уже включиться... если Медный Лоб забыл их врубить, я собственноручно всажу ему палку в задницу, да так, что в горле запершит.) А теперь посмотри вперед, мой восхитительный вкусный зайчик.

Джейк так и сделал и немедленно получил удар такой силы, что отлетел назад и едва не упал.

— *Да не туда,* идиот! *Вниз!* Видишь те два темных камня?

Через секунду-другую Джейк их заметил и безразлично кивнул головой.

— Очень тебе не советую наступать на них, зайчик, иначе вся эта хреновина свалится прямо тебе на голову, и тому, кто захочет тебя соскрести, придется воспользоваться промокашкой. Понятно?

Джейк снова кивнул.

— Хорошо. — Гашер сделал последний глубокий вдох и хлопнул мальчика по плечу. — Тогда вперед. Чего ждешь? Ну!

Джейк перешагнул через первый из более темных камней и увидел, что это не камень, а металлическая пластина, обточенная по форме булыжника. Вторая пластина располагалась чуть впереди, причем весьма хитроумно: так, чтобы невнимательный — и незваный — гость, по случайности не наступивший на первую, почти наверняка наступил на вторую.

Ну давай, сделай шаг — наступи на нее, — сказал он себе. — *Почему бы и нет? Стрелок все равно ни за что не разыщет тебя в этом чертовом лабиринте, так что давай, пусть все рухнет тебе на голову. Так будет лучше... и чище, чем то, что этот Гашер с его дружками приготовили для тебя. И гораздо быстрее.*

Он занес ногу в пыльной кроссовке над пластиной-ловушкой.

Гашер ударил его кулаком по спине, но не очень сильно.

— И чего это ты себе думаешь, салажонок? Червей покормить захотелось? — спросил он, причем всегдашняя издевательская жестокость сменилась в его голосе простым человеческим любопытством. Если к нему и примешивались какие-то еще чувства, то не страх, а скорее удивление. — Ладно, давай, если ты только уверен, что тебе хочется именно этого. Мне-то что? Мой билетик давно припасен. Только давай побыстрее, чтоб тебя черти сожрали!

Нога Джейка опустилась на мостовую за плитой, приводящей ловушку в действие. Его решение пожить чуть подольше объяснялось отнюдь не надеждой на то, что Роланд найдет и спасет его... Джейк даже не сомневался, что Роланд поступит именно так: будет идти вперед до тех пор, пока кто-нибудь не остановит его, а потом — если сможет, если ему хватит сил — одолеет еще несколько ярдов.

Остановило его другое. Если сейчас наступить на пластину, то Гашеру — возможно — тоже пришел бы конец, но одного Гашера мало: достаточно было взглянуть на этот ходячий труп, чтобы понять, что тот вовсе не лжет, утверждая, что уже умирает. Джейк решил подождать в надежде на то, что — если уж умирать, то с музыкой — ему может представиться случай

прихватить с собой пару-тройку дружков Гашера... может быть, даже того, кого он называет Тик-Таком.

Если уж я собираюсь, как он выражается, «покормить червей», — рассуждал Джейк, — лучше собрать для компании «толпу» побольше.

Роланд бы понял его.

20

Джейк ошибся в своей оценке способности Роланда проследить их путь по этому невероятному лабиринту; ранец Джейка был самым приметным из знаков, оставшихся после них, к тому же Роланд быстро понял, что ему нет надобности останавливаться, чтобы искать следы. Ему нужно было просто идти за Ышем.

Но тем не менее он иногда останавливался — на некоторых развилках, — желая удостовериться, и каждый раз, когда это происходило, Ыш оглядывался на него, издавая негромкий нетерпеливый лай, словно говоря: *Поторапливайся! Не стой! Хочешь их потерять?* После того как обнаруженные стрелком знаки: следы, нитка от рубашки Джейка, лоскутик желтого платка Гашера — трижды подтвердили чутье ушастика, Роланд перестал сомневаться и уверенно следовал за ним. Он по-прежнему искал знаки, просто больше не останавливался для этого. А потом раздался барабанный бой, и именно он — плюс еще любопытство Гашера, пожелавшего вдруг проверить, что лежит в ранце у Джейка — спасли в тот день жизнь Роланду.

Он резко остановился, и, еще прежде чем он сообразил, откуда взялись эти звуки, рука сама выхватила револьвер. Когда стрелок понял, в чем дело, он раздраженно крякнул, убрал револьвер обратно в кобуру и собрался уже идти дальше, как вдруг его взгляд случайно упал на ранец Джейка... а потом он заметил пару тонких блестящих нитей, протянутых в воздухе. Прищурившись, Роланд разглядел два тоненьких проводка, пересекавшихся над землей примерно на уровне коленей, не далее чем футах в трех впереди. Ыш, зверек от природы юркий, без труда проскользнул в V-образные «воротца», образованные пе-

ресекавшимися проводами... но если бы не барабаны и не случайно попавшийся на глаза ранец, Роланд налетел бы прямо на них. Он поднял голову и внимательно изучил вроде бы беспорядочное нагромождение всякого хлама по обеим сторонам узенького прохода. Губы его плотно сжались. Смерть была близко, и спасло его только вмешательство *ка*.

Ыш нетерпеливо тявкнул.

Роланд лег на живот и прополз под проволокой, двигаясь медленно и осторожно, — он был крупнее Гашера, не говоря уже о Джейке. Будь он чуть-чуть пополнее, он бы вообще не сумел протиснуться под проводами, не задев их. Отдаваясь в ушах, по проходам гремел барабанный бой. *Они все с ума посходили, что ли?* — раздумывал он про себя. — *Если бы мне каждый день пришлось слушать такое, я бы точно лишился рассудка.*

Выбравшись из-под проволоки, стрелок поднял ранец Джейка и заглянул внутрь. Вроде бы ничего не пропало: книги, кое-что из одежды и всякие маленькие «сокровища», которые мальчик собрал по пути, — камушек с блестящими желтыми прожилками, похожими на золото, но таковыми не являвшимися; наконечник стрелы, оставшийся, может быть, от древних обитателей леса (Джейк нашел его в роще через день после того, как попал в этот мир); несколько монеток из собственного его мира; отцовские солнцезащитные очки и еще несколько «пустячков», которые может любить, понимать и ценить только мальчик, не достигший еще даже подросткового возраста, — в общем, все то, что парнишка захочет вернуть... если Роланд успеет найти его раньше, чем Гашер и вся его братия сломают его и изменят настолько, что он потеряет всякий интерес к невинным занятиям и «ценностям» детства.

Перед мысленным взором Роланда возникла ухмыляющаяся рожа Гашера — точно лик демона или джинна из бутылки: кривые редкие зубы, пустые глаза мертвеца, язвы, расползающиеся по щекам и по подбородку, заросшему жесткой щетиной. *Если ты его тронешь...* — подумал было стрелок, но тут же себя осадил: эти мысли лишь завели бы его в тупик. Если Гашер обидит мальчика (*Джейка!* — вопил настойчивый внутрен-

ний голос. — *Не просто мальчика, а Джейка! Джейка!*), Роланд убьет Гашера. Да. Но это само по себе ничего не значит. Это будет бессмысленным действием, ибо Гашер уже мертв.

Стрелок удлинил ремни ранца, в который раз восхитившись хитроумным устройством пряжек на лямках, надел его на себя и поднялся на ноги. Ыш приготовился двигаться дальше, но Роланд окликнул его по имени, и зверек обернулся.

— Ко мне, Ыш! — Роланд не знал, поймет ли ушастик команду (а если даже и поймет, то захочет ли повиноваться), но им сейчас лучше — и безопаснее — держаться поближе друг к другу. Одну ловушку они миновали благополучно. Но где есть одна, могут быть и другие. А в следующий раз Ышу может и не повезти.

— Эйк! — тявкнул Ыш, не сдвинувшись с места. Лай ушастика прозвучал вполне бодро, и только глаза зверька отражали его истинное состояние: они потемнели от страха.

— Да, но это опасно, — сказал Роланд. — Ко мне.

Сзади, где-то на пути, по которому они шли, раздался грохот — как будто обрушилось что-то тяжелое. Быть может, падение произошло от вибрации, вызванной барабанным боем. Теперь Роланд увидел столбы с черными раструбами громкоговорителей, торчавшие из обломков и мусорных куч, точно длинные шеи каких-то странных зверей.

Ыш подбежал к нему и, тяжело дыша, поднял острую мордочку.

— Держись поближе.

— Эйк! Эйк-Эйк!

— Да. Джейк. — Роланд снова пустился бежать.

Ыш бежал рядом с ним, точно самый обычный пес.

21

Для Эдди все происходящее опять обрело некое странное качество, которое один мудрый мужик когда-то назвал déjà vu: он снова мчался с коляской со временем наперегонки. Только вместо морского берега была улица Черепахи, а в остальном все было по-прежнему. Впрочем, нет, все-таки имелось одно

существенное отличие: сейчас они искали вокзал (или «колыбель»), а не дверь, стоящую без креплений.

Сюзанна, выпрямившись, сидела в коляске, держа в правой руке револьвер Роланда, нацеленный в тревожное небо, затянутое облаками. Ее волосы развевались по ветру. Барабаны гремели и грохотали. Их ритм, казалось, сшибал, как удар. Впереди, посредине улицы, валялась какая-то тарелкообразная штука немалых размеров, при виде которой в перенапряженном сознании Эдди возникла картина, навеянная, должно быть, классической архитектурой зданий, выстроившихся по обеим сторонам улицы: Тор и Юпитер играют во фрисби. Юпитер кидает громадный диск, и Тор дает ему пройти через облако... черт возьми, развлекаловка на Олимпе!

Фрисби богов, — подумал он, лавируя с коляской Сюзанны между двумя проржавевшими автомобилями, — *ну и мысли тебя посещают, приятель.*

Он вывез коляску на тротуар, чтобы объехать тарелкообразную штуку, которая теперь, когда они подошли поближе, обрела очертания круглой телеантенны. Во всяком случае — чего-то похожего. Объехав «антенну», Эдди опять опустил коляску на проезжую часть — ехать по тротуару было весьма затруднительно, поскольку он весь был завален мусором, — и как раз в этот момент барабаны внезапно умолкли. Эхо их укатилось вдаль, и опять стало тихо... вернее, отнюдь не тихо, но после такого невозможного грохота Эдди не сразу это сообразил. Чуть впереди, на пересечении улицы Черепахи с другим широким проспектом, стояло сводчатое здание из белого мрамора, оплетенное побегами дикого винограда и какого-то экзотического растения с причудливыми «бородами», напоминающими кроны кипарисов. Но даже так оно выглядело великолепным и исполненным некоего благородства. Однако внимание их привлекло не это — из-за угла мраморного строения доносился возбужденный рокот толпы.

— Не останавливайся! — резко проговорила Сюзанна. — У нас нет времени на...

Над равномерным гулом голосов взвился истерический вопль, сопровождаемый возгласами одобрения и, как ни

странно, аплодисментами вроде тех, которые Эдди доводилось слышать в казино в Атлантик-Сити по окончании очередной игры. Пронзительный вопль обернулся хрипом — долгим и медленно затихающим, — похожим на треск цикад в период их летней спячки. Эдди почувствовал, как у него встают дыбом волоски на затылке. Он обвел взглядом трупы, болтавшиеся на ближайшем столбе, и понял, что млады из Лада, весельчаки еще те, развлекаются там, за углом, затеяв очередную публичную экзекуцию.

Великолепно, — подумал он. — *Жалко только, нет у них Тони Орландо и Дона. Они бы им сбацали «Постучи три раза» — умирать было бы веселее.*

Эдди с любопытством взглянул на белую каменную громаду. На таком расстоянии уже чувствовался пряный запах растений, ее оплетающих. От этого запаха у него заслезились глаза, но он все же понравился Эдди больше, чем сладковатый дух корицы, исходящий от ссохшихся мумифицированных трупов. Свисавшие с тонких стеблей «бороды» зелени образовывали как бы водопады растительности, скрывавшие ряд сводчатых входов в здание. Неожиданно из одного «водопада» вынырнула человеческая фигура и быстро направилась в их сторону. Когда первый испуг прошел, Эдди понял, что это ребенок и, судя по росту, совсем малыш. Одет он был странно, в стиле лорда Фаунтлероя*. Необычный костюм дополняли белая рубашка с кружевным гофрированным воротником и короткие бархатные штанишки. В волосах у ребенка пестрели ленточки. Эдди едва поборол внезапное сумасшедшее желание сделать «козу»: *Идет коза рогатая за малыми ребятами. У-тю-тю.*

— Идите сюда! — позвал их ребенок высоким писклявым голосом. В волосах у него запуталось несколько зеленых побегов. Он рассеянно стряхнул их на бегу левой рукой. — Они там приходуют Резвого! Пришел его черед отправляться в страну барабанов. Пойдемте, иначе пропустите все веселье, да разразят его боги!

---

* Герой романа «Маленький лорд Фаунтлерой» американской детской писательницы Фрэнсис Элизы Бернетт (1849—1924).

Сюзанну не меньше, чем Эдди, поразило неожиданное появление ребенка и его весьма диковинный внешний вид, но, когда тот подошел поближе, она заметила еще одну странность: почему-то он стряхивал зелень, застрявшую в увешанных ленточками волосах, только одной рукой. Правую руку ребенок все время держал за спиной.

Какой он маленький и неуклюжий! — сказала себе Сюзанна, а потом в сознании ее как будто включилась магнитофонная запись и зазвучали слова Роланда, сказанные на краю моста, когда они перебрались на эту сторону: *Я знал, что нечто подобное может произойти... если бы мы его раньше заметили, этого гада, пока находились вне радиуса действия его взрывающегося яйца... вот и правда, везет как утопленникам!*

Она нацелила Роландов револьвер на ребенка, который, спрыгнув с тротуара, бежал прямо на них.

— *Стоять!* — закричала она. — *Стоять на месте, кому говорю!*

— Сьюз, *ты что?* — изумился Эдди.

Сюзанна как будто его не услышала. В некотором — и очень реальном — смысле Сюзанна Дин вообще перестала существовать: теперь в коляске сидела Детта Уокер с лихорадочно горящими подозрительностью глазами.

— *Стоять, или я стреляю!*

Видимо, маленький лорд Фаунтлерой был глух, потому что предупредительный окрик Сюзанны не возымел на него никакого действия.

— Скорее! — вопил он, ликуя. — Иначе пропустите все веселье! Резвый сейчас...

Он начал медленно вытаскивать правую руку из-за спины. Только теперь до Эдди дошло, что никакой это не ребенок, а уродливый карлик, распрощавшийся с детством давным-давно. А выражение его лица, которое Эдди принял поначалу за детскую радость, на самом деле являло собой жуткую маску ярости с ненавистью пополам. Его щеки и лоб покрывали гноящиеся белесые язвы, которые Роланд называл «блядскими цветками».

Сюзанна так и не успела увидеть его лицо. Все внимание ее сосредоточилось на правой руке уродца с зажатым в ней тускло-зеленым шаром. Она увидела все, что нужно. Большего не потребовалось. Прогремел выстрел. Карлика отшвырнуло назад. Он грохнулся на тротуар. Из его крошечной глотки вырвался пронзительный крик — вопль боли и ярости. Граната выпала из обмякшей руки и покатилась обратно в ту самую арку, из которой минуту назад появился «гном».

Детта исчезла, как сон. Сюзанна с ужасом и отвращением перевела изумленный взгляд с дымящегося револьвера на распростертую на тротуаре крошечную фигурку.

— О Господи! Я застрелила его! Эдди, я его застрелила!

— *Смерть... седым!*

Маленький лорд Фаунтлерой попытался выкрикнуть эти слова вызывающим, дерзким тоном, но захлебнулся в потоке крови, хлынувшей у него изо рта и залившей немногие более-менее чистые места на его белой когда-то рубашке. Откуда-то изнутри, наверное, из внутреннего двора мраморного строения, заросшего дикой лозой, раздался приглушенный грохот взрыва, и косматый ковер буйной зелени колыхнулся, надувшись, как флаг на ветру. Из арок пахнуло дымом — удушающим, едким. Эдди бросился на Сюзанну, прикрывая ее своим телом. Град цементных осколков — к счастью, небольших — обрушился ему на спину и на затылок. Слева что-то зачавкало, влажно и неприятно. Он слегка приоткрыл глаза и, взглянув в том направлении, увидел голову маленького Фаунтлероя, которая покатилась в канаву и остановилась там. Глаза карлика были открыты, рот так и застыл искривленным в предсмертном оскале.

Теперь до них донеслись новые голоса: кто-то вопил, кто-то визжал, кто-то рычал от ярости. Эдди резко отскочил от коляски Сюзанны — коляска качнулась, встала на одно колесо, но все-таки, к счастью, не перевернулась — и глянул в сторону арки, откуда появился карлик. Оттуда уже выбегали люди: кто-то из-за угла здания, кто-то из арок, заросших лозой. Разношерстная толпа, человек двадцать. Мужчины и женщины, материализовавшиеся из дыма после взрыва гранаты, словно ка-

кие-то злые духи. Почти у всех головы были повязаны голубыми платками, и все держали в руках оружие: весьма жалкий и разномастный набор проржавевших мечей, явно тупых ножей и потрескавшихся дубинок. Один из мужчин воинственно размахивал молотком. *Млады,* — подумал Эдди. — *Мы прервали их висельную вечеринку, и они, видимо, очень расстроились.*

Увидев Сюзанну, сидящую в кресле-каталке, и Эдди, который стоял теперь у коляски, опустившись на одно колено, толпа разразилась истошными воплями: *Смерть седым! Убить их обоих! Они замочили Блескучего, разрази их Господь!* Мужчина, выбившийся чуть вперед, одетый в какую-то юбку на манер тех, что носят шотландские солдаты, размахивал абордажной саблей. Он крутанул ее над головой (и едва при этом не снес башку стоявшей рядом толстой тетке, которая вовремя пригнулась) и бросился к Эдди с Сюзанной. Толпа с радостными воплями ринулась за ним.

Тишину пасмурного ветреного дня расколол грохот выстрела, и верхнюю часть головы ретивого млада, одетого в юбку, снесло напрочь. Землистое лицо толстой тетки, которой «шотландец» едва не отсек саблей голову, вдруг «расцвело» алым пунктиром, и она издала испуганный сдавленный возглас. Остальные на полном ходу проскочили мимо с широко раскрытыми, ничего не видящими глазами, вопя в исступлении и не замечая ни визга толстухи, ни трупа.

— Эдди! — закричала Сюзанна и выстрелила еще раз. Мужчина в шапочке, отделанной шелком, и сапогах до колен рухнул на мостовую.

Эдди потянулся за «ругером», и на какой-то кошмарный миг ему показалось, что он потерял пистолет. Рукоятка его — и такое случается тоже! — завалилась за ремень штанов. Он сунул руку за пояс и дернул изо всех сил. Гребаная штуковина застряла. Мушка на конце ствола зацепилась за трусы.

Сюзанна выстрелила три раза подряд. Все три пули попали в цель, но это не остановило разбушевавшихся младов.

— *Эдди, ты где? Помоги мне!*

Эдди рывком разорвал штаны, ощущая себя жалкой пародией на супермена, и сумел наконец вытащить «ругер». Осно-

ванием левой ладони он сбил рычажок предохранителя и, опершись локтем о бедро чуть повыше колена, открыл огонь. Он уже ни о чем не думал. Думать, собственно, не было необходимости — и целиться тоже. Роланд как-то им говорил, что в бою руки стрелка действуют как бы сами, независимо от него, и теперь Эдди убедился в этом. На таком расстоянии, впрочем, даже слепому было бы трудно промахнуться. После выстрелов Сюзанны число младов уменьшилось до пятнадцати. Эдди «прошелся» по остальным, как ураган по пшеничному полю, уложив четверых меньше чем за две секунды.

Теперь их спаянная толпа, слитая в едином бездумном и пылком порыве, начала потихоньку распадаться. Мужчина, размахивавший молотком, неожиданно отшвырнул свое оружие и бросился наутек, смешно подпрыгивая на своих искривленных артритом ногах. За ним последовали еще двое. Остальные в нерешительности остановились.

— Вперед, черт вас всех побери! — прорычал относительно молодой мужчина. Голубой шарф был повязан у него на шее, как шейный платок жокея. За ушами на лысой его черепушке торчали два жалких клочка спутанных рыжих волос. Сюзанна решила, что он похож на клоуна Кларабелля; Эдди он чем-то напомнил Роналда Макдоналда; и оба сразу увидели, что это серьезный противник. Лысый «жокей» запустил в них тяжелым, явно самопальным копьем, которое начинало свою «карьеру» скорее всего в качестве ножки стола. Не причинив никому вреда, оно грохнулось на мостовую справа от Эдди и Сюзанны. — Вперед, я сказал! Мы справимся с ними, если ударим все вмес...

— Прости, дружище, — пробормотал Эдди и выстрелил, целясь в грудь.

Кларабелль-Роналд отшатнулся, схватившись рукой за перед рубахи и глядя на Эдди широко раскрытыми глазами, в которых читалась одна, до боли ясная мысль: этого не должно было случиться. Рука упала, безвольно повиснув вдоль туловища. Изо рта потекла струйка крови, до невозможности яркая в сером свечении пасмурного дня. Млады — немногие из оставшихся — молча смотрели, как он, пошатнувшись, рухнул на колени. Один из них бросился было бежать.

— Не хрена, — сказал Эдди. — Оставайся на месте, мой убегающий друг, иначе у тебя будет возможность как следует рассмотреть ту поляну, где жизни твоей обрывается путь. — Он повысил голос. — А ну-ка, ребята, девчонки, бросайте все, что у вас в руках! Все! И быстро! Сейчас же!

— Ты... — прошептал умирающий. — Ты... стрелок?

— Да. — Эдди окинул угрюмым взглядом притихших младов.

— Умоляю тебя... о прощении, — выдохнул лысый воитель и упал лицом вниз.

— *Стрелки?* — тупо переспросил кто-то из толпы. В его голосе явственно слышался страх. И еще понимание.

— Хоть ты и дурак, но, смотрю, не глухой, — проговорила Сюзанна, — а это уже кое-что. — Она взмахнула револьвером, в котором (Эдди знал это точно) уже не осталось патронов. И, кстати, уж если на то пошло, сколько патронов осталось в «ругере»? Только теперь до него дошло, что он понятия не имеет, сколько вообще патронов помещается в магазине этого пистолета. Надо же быть таким идиотом... впрочем, разве он думал о том, что им доведется столкнуться с чем-то подобным? Нет, ему даже и в голову не могло прийти... — Вы слышали, что он сказал, ребята? Давайте бросайте свои игрушки. Каникулы кончились.

Один за другим они подчинились. Женщина, на лице которой теперь засыхала кровь мистера Меч-и-Юбка — добрая пинта кровищи, — неуверенно проговорила:

— Не стоило вам убивать Уинстона, миссис... у него сегодня день рождения... был.

— Вот и сидел бы он дома и кушал праздничный тортик, — ответил Эдди. Учитывая ситуацию, самое подходящее определение которой «бред», ни реплика женщины, ни его ответ не показались ему ни странными, ни неуместными. Чистый сюр.

Среди оставшихся младов была еще одна женщина — тощее существо со светлыми волосами, вылезающими клоками, как будто у нее лишай. Эдди заметил, как она постепенно, бочком-бочком, начала продвигаться к мертвому карлику — и к потенциально безопасной зелени, закрывавшей вход в арку, —

и всадил пулю в потрескавшийся цемент у нее под ногами. Он и сам не знал толком, чего ему от нее надо, просто ему не хотелось, чтобы один дурной пример заразил остальных. Кроме того, он боялся своих же рук — мало ли что они станут делать, если весь этот болезненный мрачный народ попытается смыться. Что бы он там себе ни думал по поводу всех этих стрелецких дел, рукам его это занятие, как выяснилось, понравилось.

— Стой на месте, красавица. Офицер дружественных нам войск обеспечит твою безопасность. — Он бросил взгляд на Сюзанну. Лицо ее посерело, и это встревожило Эдди. — Ты как, Сьюз? Нормально? — спросил он, понизив голос.

— Нормально.

— Ты ведь не хлопнешься в обморок, правда? Потому что...

— Нет. — Она подняла глаза, темные, точно сумрачные пещеры. — Просто раньше я никогда ни в кого не стреляла... понятно?

Что ж, привыкай, — едва не вырвалось у него, но он прикусил язык и опять покосился на пятерых оставшихся от оголтелой толпы. Они смотрели на него с Сюзанной с тупым испугом, которому, однако, было далековато до настоящего страха.

Черт возьми, да они все забыли давным-давно, что такое страх, — сказал себе Эдди. — *Равно как и радость, печаль и любовь... по-моему, они вообще разучились чувствовать. Слишком долго они живут в этом гиблом месте.*

И тут ему вспомнился смех, возбужденные крики, аплодисменты... Так что, выходит, была одна вещь, которая приводила в движение их застопорившиеся моторы, — нечто, способное пробудить в них какие-то, пусть извращенные, чувства. Резвый бы смог это подтвердить.

— Кто у вас тут за старшего? — спросил Эдди, внимательно наблюдая за перекрестком у них за спиной на случай, если те, кто сбежал, передумают и снова заделаются смельчаками. Пока что он не слышал и не видел ничего подозрительного. Все остальные, как видно, решили бросить эту пятерку на произвол судьбы.

Они неуверенно переглянулись, и в конце концов заговорила женщина с перепачканным кровью лицом:

— Был Резвый, но когда в этот раз загремели божественные барабаны, жребий выпал на него, и мы дали ему проплясаться. Наверное, после него шел бы Уинстон, но вы замочили его из своих проклятых револьверов. Да-да, замочили. — Она нарочно стерла ладонью кровь со щеки, посмотрела себе на руку и снова вперила мрачный взгляд в Эдди.

— А что, по-твоему, собирался со мной сделать Уинстон, когда метнул свое долбаное копье? — полюбопытствовал Эдди. Ему было весьма неприятно, что эта толстая тетка заставила его почувствовать свою вину за содеянное. — Подровнять мне прическу?

— И Франклина Блескучего замочили тоже, — угрюмо бубнила толстуха. — А кто вы такие вообще? Или седые, а это само по себе уже плохо, или парочка проклятых иноземцев, что еще хуже. Сколько нас, младов, осталось в Северном городе? Кто нас защитит? Топси? Да, Топси мог бы... Топси Мореход... но его с нами нету, так? Сел в свою лодку и уплыл по реке... да, именно так он и сделал, и да падет на него Божий гнев, это я вам говорю!

Сюзанна уже перестала вслушиваться в слова. Ее мысли как заколдованные возвращались опять и опять к одной фразе, сказанной ранее толстой женщиной: *Жребий выпал на Резвого, и мы дали ему проплясаться.* Давно, еще в колледже, она прочитала рассказ Шерли Джексон «Лотерея». Эти люди — выродившиеся потомки исконных младов — являли собой воплощение кошмарной фантазии Джексон. Неудивительно, что они неспособны уже ни на какие сильные чувства. А кто был бы на это способен, зная, что ему предстоит принимать участие в этой страшной жеребьевке, и не единожды в год, как в рассказе, а по два-три раза на дню?

— Но почему? — спросила она у забрызганной кровью женщины. Ее голос, проникнутый ужасом, звучал хрипло и глухо. — Зачем вам все это?

Толстуха уставилась на Сюзанну как на законченную идиотку.

— Зачем? Да затем, чтобы призраки, обитающие в машинах, не вселились в тела умерших — младов или седых, все рав-

но — и не послали их через дыры в земле наверх, чтобы они нас пожрали. Каждый дурак это знает.

— Никаких призраков не существует, — попыталась ее вразумить Сюзанна, но даже сама поняла, что слова ее просто бессмысленны. Здесь призраки существуют, существуют. В этом мире они повсюду. Но тем не менее она продолжала: — То, что вы называете божественными барабанами, всего лишь магнитофонная запись. Просто пленка где-то застряла, и все. — Тут ее вдруг осенило, и она торопливо добавила: — Или, быть может, седые делают это нарочно... вы никогда не задумывались? Они живут в другой части города, так ведь? И под землей тоже? Они всегда стремились вас выжить. Может быть, это просто способ, чтобы заставить вас выполнить за них всю работу.

Забрызганная кровью женщина стояла рядом с пожилым господином в котелке — самом древнем, наверное, в мире — и выцветших брюках цвета хаки. Он сделал шаг вперед и заговорил подчеркнуто вежливо, отчего глубокое его презрение к чужакам обрело свойство кинжала с острым как бритва лезвием:

— Вы ошибаетесь, госпожа стрелок. Здесь, под Ладом, машин не счесть, и во всех обитают призраки... демоны-духи, несущие смертным одно только зло. Эти демоны-духи очень даже способны поднять мертвецов... а уж мертвецов у нас в Ладе хватает.

— Послушайте, — раздраженно встрял Эдди. — А вы-то сами хоть раз видели этих зомби, а, Дживз*? Их вообще кто-нибудь видел?

Дживз скривил губы и ничего не сказал — усмешка его говорила сама за себя. Чего еще можно ждать от каких-то бешеных иноземцев, которые вместо того, чтобы искать понимания, начинают палить из револьверов?

Эдди решил, что лучше всего прекратить бесполезную эту дискуссию. Все равно проповедник из него никакой. Он помахал своим «ругером» перед носом забрызганной кровью женщины.

---

* Дворецкий Дживз — один из главных персонажей романов и рассказов английского писателя-юмориста Пелама Гренвилла Вудхауса (1881—1975).

— Ты и твой этот приятель... который похож на английского камердинера в выходной день... отведете нас на вокзал, после чего мы с вами нежно распрощаемся, и, признаюсь вам честно, на этом мой рабочий день, мать его так, закончится.

— Вокзал? — переспросил пожилой мужчина, похожий на Дживза. — А что это такое — «вокзал»?

— Колыбель, — уточнила Сюзанна. — Отведите нас к Блейну.

Последняя фраза все-таки подкосила Дживза: презрительное выражение умудренного жизненным опытом человека сменилось подлинным ужасом.

— Туда нельзя! — Он едва ли не закричал. — Колыбель — это запретная зона, а Блейн — самый опасный из всех призраков Лада.

Запретная зона? — подумал Эдди. — *Великолепно. Если это действительно так, по крайней мере у нас голова перестанет болеть насчет вас, придурки. Кроме того, ему было приятно узнать, что Блейн все-таки существует... во всяком случае, сами млады в это верят.*

Остальные смотрели на Эдди с Сюзанной в полном недоумении: наверное, с таким выражением взирала бы группа новообращенных фанатиков-христиан на предприимчивых прохиндеев, предложивших им взять в аренду Ковчег завета и переделать его под общественный туалет.

Эдди приподнял «ругер», прицелившись точно в лоб Дживзу.

— Нам нужно туда, — сказал он. — Мы идем. И если у тебя действительно нет желания присоединиться к своим праотцам прямо сейчас, то лучше тебе прекратить скулить и отвести нас, куда тебе сказано.

Дживз и забрызганная кровью женщина неуверенно переглянулись, но когда «камердинер» опять повернулся к Сюзанне и Эдди, лицо его было суровым и очень решительным.

— Лучше вы нас застрелите, — проговорил он угрюмо. — Мы скорее умрем, чем пойдем туда.

— Да вы на себя посмотрите, ребята: кучка свихнувшихся мудаков с отмирающими мозгами! — взбесилась Сюзанна. —

Никто не умрет! Никто! На хрена умирать?! Просто вы нас проводите, и все! Ради всего святого!

— Но, госпожа, — проговорила толстуха серьезным тоном, — что умереть, что войти в Колыбель к Блейну — все едино. Потому что Блейн спит, и тот, кто разбудит его, очень дорого за это заплатит.

— Да ладно тебе, красотка. — Эдди тоже уже начинал выходить из себя. — Разве можно почувствовать запах кофе, засунув нос в задницу?

— Я вас не очень-то поняла, — проговорила толстуха со странным достоинством (откуда оно только взялось?).

— Я хочу сказать, что у вас есть выбор: отвести нас в Колыбель, рискуя при этом навлечь на себя гнев Блейна, или остаться здесь и уже наверняка испытать на себе гнев Эдди. Между прочим, вовсе не обязательно убивать человека сразу — снес башку, и порядок, все чинно и быстро. Можно отстреливать и по кусочку, а я сейчас именно в том настроении. Мне ужасно не нравится ваш городишко, и день у меня был поганый... музыка однообразная, запись заело, все население страдает хроническим или острым психозом и умственной недостаточностью, и первый же парень, которого мы тут встретили, швырнул в нас гранату и умыкнул нашего друга. Так что вы мне скажете?

— А зачем вам к Блейну? — спросил один из оставшихся пятерых младов. — Он давно не шевелится у себя в Колыбели... уже много лет. Он перестал даже болтать на свои разные голоса и смеяться.

Болтать на разные голоса и смеяться? — Эдди недоумевал. Он поглядел на Сюзанну. Быть может, она что-нибудь понимает. Но она лишь пожала плечами.

— Последним к Блейну ходил Ардис, — сообщила забрызганная кровью женщина.

Дживз угрюмо кивнул:

— Ардис всегда, когда пьяный, дурел. Блейн ему задал какой-то вопрос. Я его слышал, но только не понял, о чем шла речь... что-то насчет матери воронов, впрочем, не знаю... и когда Ардис не смог ответить, Блейн спалил его голубым огнем.

— Электричеством? — уточнил Эдди.

Дживз и забрызганная кровью женщина одновременно кивнули.

— Ага, — подтвердила женщина, — им самым. Электричеством. Так называли его в стародавние времена. Я-то знаю.

— Вам вовсе не обязательно заходить в Колыбель, — неожиданно предложила Сюзанна. — Просто отведите нас куда-нибудь, откуда она видна. А дальше мы пойдем сами.

Женщина недоверчиво на нее покосилась. Потом Дживз притянул голову толстухи к себе и стал что-то шептать ей на ухо. Трое оставшихся младов стояли чуть поодаль, выстроившись неровной линией и глядя на Эдди с Сюзанной невидящим взором, как люди, еще не очухавшиеся после массированного воздушного налета.

Наконец женщина оглянулась.

— Ладно, мы вас отведем к Колыбели, и скатертью вам дорога.

— Я тоже так думаю, — согласился с ней Эдди. — Ты и Дживз, вы пойдете с нами. Остальные свободны. — Он окинул их мрачным взглядом. — Только имейте в виду: хоть одно брошенное из засады копье, хоть одна стрела или кирпич — и эти двое умрут на месте. — Угроза его прозвучала так слабо и так бессмысленно, что Эдди тут же пожалел о сказанном. Разве этих придурков волнует судьба этой парочки или любого другого отдельно взятого «собрата» по клану, если они каждый день отправляют двоих-троих в мир иной. *А-а, ладно,* — подумал он, глядя вслед удалявшимся младам, которые улепетывали не оглядываясь, — *теперь уже поздно. Раньше надо было думать.*

— Идемте, — сказала женщина. — Хотелось бы поскорее от вас отделаться.

— Взаимно, — откликнулся Эдди.

Но прежде чем они с Дживзом сдвинулись с места, женщина сделала одну вещь, при виде которой сердце у Эдди немного смягчилось: опустившись на колени, она убрала волосы с лица мужчины в «шотландской юбке» и запечатлела на его грязной щеке поцелуй.

— Прощай, Уинстон, — шепнула она. — Подожди меня там, где расступаются деревья, а вода сладка. Подожди, я приду к тебе. Обязательно, как рассвет гонит сумрак на запад.

— Я не хотела его убивать, — вдруг сказала Сюзанна. — Я хочу, чтобы ты это знала. Но мне не хотелось умирать самой.

— Да. — Лицо, повернувшееся к Сюзанне, было суровым и на удивление спокойным. Глаза женщины были сухи. — Только если вы думаете войти к Блейну, вы все равно умрете. И скорее всего вы умрете так, что еще позавидуете Уинстону, бедняге. Он жесток, этот Блейн. Самый жестокий из всех злобных духов в этом жестоком и злобном месте.

— Пойдем, Мод. — Дживз помог ей подняться на ноги.

— Да. Надо с этим покончить. — Она смерила взглядом Сюзанну и Эдди. Взгляд ее был исполнен решимости, но и смятения тоже. — Прокляты будут мои глаза за то, что смотрели они на вас. И прокляты будут ваши револьверы, ибо все наши беды от них.

И при таком отношении, — подумала про себя Сюзанна, — *ваши беды, сестрица, не закончатся и через тысячу лет.*

Мод быстрым шагом пошла по улице Черепахи. Дживз вышагивал рядом с ней. Эдди, которому приходилось катить коляску с Сюзанной, едва поспевал за ними. Очень скоро он стал задыхаться. Высокие здания с резными арками уступили место увитым лозой строениям, рассеянным по широким, давно не знавшим ухода лужайкам. Когда-то, наверное, здесь был богатый и дорогой район. Одно из зданий особенно выделялось на общем фоне: незамысловатая внешне постройка в форме куба из белых каменных плит и с рядом колонн, поддерживающих нависающую крышу. Эдди опять вспомнились фильмы о гладиаторах, которые так ему нравились в детстве. Сюзанне, получившей более полное и классическое образование, вспомнился Парфенон. Оба сразу заметили изумительный каменный бестиарий — Медведя и Черепаху, Рыбу и Крысу, Коня и Собаку, скульптурные фигурки, выстроившиеся по краю крыши в колонну по две — и поняли, что наконец-то пришли куда надо.

Все дорогу их не покидало неприятное ощущение, как будто за ними наблюдает множество глаз — глаз, исполненных

ненависти и в то же время благоговейного страха, — и теперь оно только усилилось. Над городом разразилась гроза. Первый гром прогремел, когда Эдди с Сюзанной увидели монорельс: как и гроза, он врывался в город с юга, сливался с улицей Черепахи и входил прямиком в Колыбель Лада. А когда они подошли к нему, старые иссохшие тела на столбах по обеим сторонам проспекта задергались и заплясали под порывами ветра.

22

Они бежали еще долго-долго, Бог знает сколько (Джейк ничего уже не соображал; его хватило только на то, чтобы отметить, что барабаны опять замолчали), а потом Гашер снова остановил его резким рывком. На этот раз Джейк сумел устоять на ногах. У него открылось второе дыхание. Гашеру, старой развалине, было хуже.

— Уф! Мой старый насос дает сбои, мой сладкий.

— Плохо дело, — безучастно откликнулся Джейк и отлетел назад. Гашер со всей силы вмазал ему по щеке.

— Ну да, ты и слезы не уронишь, если я здесь скопычусь. Знаю я, как же! Только ты не надейся, мой юный друг... старина Гашер многих уже проводил и многих еще проводит, и не для того я родился на свет, чтобы отбросить копыта у ног такой, как ты, сладенькой душки-ягодки.

Джейк с безразличием выслушал весь этот бред. От твердо решил для себя, что Гашер отойдет к праотцам уже сегодня. Он лично за этим проследит. Может быть, Гашер прихватит с собой и его, но Джейку было уже все равно. Он утер кровь с разбитой губы и вперил задумчивый взгляд в свою испачканную ладонь, удивляясь при этом, насколько же быстро желание убивать завладевает человеческим сердцем.

Гашер, заметив, что Джейк разглядывает окровавленные свои пальцы, расплылся в ухмылке.

— Что, текут соки? Вот так-то. И это еще не последние соки, которые твой старый друг Гашер повыдавит из твоего стройного юного деревца, пока не доведет его до ума. А уж до ума он

его доведет, будь уверен. — Он указал вниз, на выщербленную мостовую. Проследив взглядом за пальцем Гашера, Джейк увидел ржавую крышку люка, прикрывавшую вход в подземную шахту. На ней стояло заводское клеймо, которое Джейк уже где-то видел не так давно: ЛИТЕЙНЫЙ ЦЕХ ЛАМЕРКА.

— Там сбоку есть ручка, — доверительно сообщил Гашер. — Видишь? Вот и давай займись: поднимай крышку. И поживее. Тогда, может быть, ты предстанешь пред светлые очи Тик-Така со всеми зубами.

Джейк без слов взялся за ручку и потянул. Достаточно сильно, но все-таки не со всей силы. Лабиринт узких улочек и переулков, по которому прогнал его Гашер, мог бы повергнуть в уныние кого угодно, но здесь, наверху, было хотя бы светло. Джейк не знал, что их ждет в подземелье под городом, где непроглядная тьма исключает не то что возможность, а даже мечты о побеге... и он не спешил это выяснить. Во всяком случае, до тех пор, пока его не принудят уже конкретно.

Гашер, однако, быстро расставил все по своим местам.

— Она слишком тяжелая... — начал было Джейк, но договорить не успел, потому что «пират» схватил его за горло и рывком приподнял над землей, так что лица их оказались на одном уровне. После долгого бега по закоулкам щеки его чуточку порозовели и увлажнились от пота, а язвы, разъедающие его плоть, приобрели омерзительный желто-пурпурный оттенок. Открытые язвы как будто дышали, равномерными толчками исторгая куски зараженной плоти и сгустки крови. Джейк успел еще уловить его смрадное дыхание, а потом Гашер сдавил его горло, и дышать стало нечем.

— Послушай, гаденыш. И слушай внимательно, потому что это мое последнее предупреждение. Ты сейчас же поднимешь эту гребаную болванку, иначе я тебе этой вот самой рукой оторву язык. И можешь кусать меня, сколько захочешь, пожалуйста, потому что болячка уже у меня в крови и не пройдет и недели, как на твоей нежной мордашке расцветут пышным цветом первые цветочки — если, конечно, ты доживешь. Ты хорошо меня понял?

Джейк отчаянно закивал головой. Лицо Гашера расплывалось уже в серых складках сгущающегося тумана, а голос его доносился как будто откуда-то издалека.

— Вот и славненько. — Гашер отшвырнул Джейка прочь. Обмякшее тело мальчика шлепнулось на мостовую рядом с люком; он жадно хватал ртом воздух, давясь, как будто его рвало. Наконец ему удалось сделать вдох — воздух со свистом ворвался в легкие, обжигая их жидким огнем. Джейк выплюнул комок окровавленной слизи. Теперь его точно едва не стошнило.

— А теперь снимай крышку, радость моего сердца, и давай больше не будем с тобой ругаться по этому поводу.

Джейк подполз к крышке люка, схватился за ручку и в этот раз потянул ее изо всех сил. В первый — кошмарный — момент ему показалось, что он все равно не сумеет ее поднять. Но потом он живо представил себе, как Гашер лезет рукой ему в рот и хватает язык... это прибавило ему сил. Что-то хрустнуло в пояснице, весь низ спины охватила тупая боль, но круглая крышка, скрежеща по булыжнику, медленно сдвинулась вбок, и под ней открылся тоненький серп темноты.

— Отлично, мой зайчик, отлично! — подбодрил его Гашер. — Ну прям-таки маленький мул! Давай тяни — не сдавайся на полпути!

Когда серпик стал величиной с половинку луны, а спина от боли превратилась в кусок раскаленного добела железа, Гашер пнул его в зад ногой, и Джейк растянулся на мостовой.

— Замечательно! — подытожил Гашер, заглянув в темноту. — А теперь, мое солнце, полезай быстренько вниз. Там сбоку есть лестница. Только смотри не сорвись... скобы там скользкие, мхом давно заросли... иначе придется тебе лететь, кувыркаясь, до самого дна. Там всего-то скоб двадцать, если я вдруг чего не забыл. Когда спустишься вниз, остановись, как пай-мальчик, и жди меня. У тебя может, конечно, возникнуть желание смыться, пока суд да дело, от старого доброго друга, но это не самая лучшая мысль, как ты думаешь?

— Нет, — сказал Джейк. — Не лучшая.

— Молодец, умный мальчик! — Губы Гашера растянулись в его коронной и мерзкой, надо сказать, ухмылке, обнажив несколько уцелевших зубов. — Там внизу темно. Очень темно. И тоннелей там с хренову тучу. И все идут в разные стороны. Твой старый приятель Гашер знает их как свои пять пальцев, честное слово, а вот ты там заблудишься моментально. И там еще полно крыс — здоровенных и очень голодных крыс. Так что лучше тебе меня подождать.

— Подожду.

Прищурившись, Гашер уставился на него.

— Речь у тебя как у этих, из новых... но ты точно не млад, могу чем угодно поклясться. Откуда ты, солнце мое?

Джейк промолчал.

— Мы, похоже, язык проглотили. Ну и ладно, не больно-то и хотелось. Тик-Так все равно тебя разговорит, помяни мое слово. У Тикки талант вызывать людей на разговор. А уж если он кого разговорит, то, случается, тот входит в раж и начинает трепаться без умолку, причем иной раз так быстро болтает и громко орет, что приходится тюкнуть его по башке, чтобы он не трещал как сорока. Все должны отвечать, когда разговаривают с Тик-Таком, и все отвечают, даже такие смазливые сладкие мальчики вроде тебя. А теперь, мать твою, лезь туда... *Ну!*

Он занес ногу, намереваясь пнуть Джейка, но в этот раз мальчику удалось увернуться. Он заглянул в полуоткрытый люк, увидел лестницу и начал спускаться. Голова Джейка не скрылась еще под землей, как вдруг воздух сотрясся от жуткого грохота. Громыхнуло далеко, на расстоянии примерно в милю, но Джейк сразу понял, что это было, и вскрикнул в отчаянии.

Уголки рта Гашера искривила мрачная усмешка.

— Твой крутой друг прошел дальше, чем ты смел надеяться, да, моя прелесть? Но я так и думал... я сразу понял, на что он способен, потому что я видел его глаза — наглые, хитрые. Я так и думал, что он сразу отправится выручать своего маленького дружка, и так оно и получилось. Провода он заметил, но зато пролетел на фонтане, так что теперь тебе нечего волноваться. Спускайся, мой сладкозадый.

Он занес ногу, целясь в торчащую над тротуаром голову Джейка. Джейк пригнулся, уворачиваясь от удара. Одна нога его соскочила со скобы, и, чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за покрытую язвами ногу Гашера. Джейк поднял на него умоляющий взгляд, но не увидел ни капли жалости на умирающем изъязвленном лице.

— Пожалуйста, — выдавил он, чуть не плача. Он представил себе Роланда, раздавленного громадой каменного фонтана. Как там говорил Гашер? *Если кто-то захочет тебя соскрести, ему надо будет воспользоваться промокашкой.*

— Проси, мое сердце, проси-умоляй. Только вряд ли ты что-нибудь выпросишь, потому что, как мы говорим, все сострадание, какое есть, осталось на той стороне моста. И тебе лучше это усвоить. Не глазей на меня, спускайся, иначе я так тебе наподдам, что мозги у тебя вылетят через уши.

Так что Джейк полез вниз. Когда он добрался до дна колодца, залитого стоячей водой, желание плакать прошло. Понурив голову и ссутулив плечи, он стоял там и ждал, когда Гашер спустится вниз и поведет его навстречу его судьбе.

23

Роланд действительно чудом не налетел на перекрещивающиеся провода, которые удерживали в равновесии лавину хлама, готовую обрушиться на любого неосторожного «гостя», но подвешенный над головой фонтан был откровеннейшей тупостью — такую ловушку мог бы поставить только наивный ребенок. Корт учил их при продвижении по вражеской территории осматривать окружающую обстановку по секторам, включая сюда и то, что находится сзади, сверху и под ногами.

— Стой! — велел он ушастику, повысив голос, чтобы перекричать барабанный бой.

— Ой! — согласился Ыш и, поглядев вперед, тут же добавил: — Эйк!

— Да. — Стрелок еще раз взглянул на подвешенный сверху мраморный фонтан, потом осмотрел мостовую в поисках механизма, приводящего ловушку в работу, и обнару-

жил его почти сразу. И не один, а целых два. Быть может, когда-то их маскировка под булыжник мостовой была вполне сносной и действенной, но это время давно миновало. Роланд присел, уперев руки в колени, и проговорил, обращаясь к Ышу, задравшему мордочку кверху и внимательно глядящему ему в глаза: — Сейчас я тебя на минутку возьму на руки. Только ты не волнуйся, Ыш.

— Ыш!

Роланд осторожно прикоснулся к ушастику, заведя обе руки ему под брюшко. В первый миг Ыш весь напрягся и попытался отпрянуть, но потом Роланд почувствовал, что зверек все же расслабился. Ему явно не нравилось, что его трогает кто-то другой, а не Джейк, но он, похоже, смирился с этим. Роланд в который раз удивился тому, какой же Ыш все-таки умный.

Он перенес зверька по узенькому проходу под висячим фонтаном, осторожно переступая через фальшивые булыжники. Как только они миновали опасный участок, стрелок сразу же отпустил ушастика. В тот же миг барабаны умолкли.

— Эйк! — тявкнул Ыш в нетерпении. — Эйк-Эйк!

— Да... но сначала нам надо обстряпать одно небольшое дельце.

Роланд отвел Ыша еще ярдов на пятнадцать подальше, потом наклонился, подобрал с мостовой увесистый кусок бетона и задумчиво перебросил из руки в руку, как будто прикидывая его вес. С востока донесся звук выстрела. За грохотом барабанов Роланд не расслышал шум краткой схватки Сюзанны и Эдди с бандой оголтелых младов, но этот выстрел стрелок услышал вполне отчетливо. Он улыбнулся: выстрел этот почти наверняка означал, что чета Дин добралась до Колыбели, — первая хорошая новость за целый день, который тянулся, казалось, уже неделю.

Роланд размахнулся и бросил обломок бетона. Бросок вышел точным, как и тогда, в Речном Перекрестке, когда стрелок запустил камень в древний светофор: бетонный обломок ударился то́чно по центру одной из пластин-ловушек. Где-то вверху с противным лязгом лопнул один ржавый трос. Мраморный фонтан накренился и завис на мгновение, поддерживаемый

вторым тросом. *Любой более-менее подготовленный человек с хорошей реакцией успел бы за это мгновение уйти из опасной зоны,* — машинально отметил про себя Роланд. А когда и этот трос тоже лопнул, фонтан обрушился вниз, точно бесформенный розовый камень.

Когда фонтан грохнулся о мостовую, все вокруг, кажется, содрогнулось. Роланд присел за завалом из стальных ржавых балок. Ыш проворно запрыгнул ему на колени. В воздух взметнулись мраморные осколки, причем некоторые куски были размером с небольшую повозку. Несколько кусочков поменьше попало Роланду в лицо. Он отряхнул шерстку ушастика, в которой тоже застряли розовые обломки, и оглядел образовавшуюся с его помощью баррикаду. Фонтан раскололся надвое, точно большое блюдо. *Придется нам возвращаться другим путем,* — сказал себе Роланд. Проход, и без того очень узкий, теперь оказался полностью заблокированным.

Интересно, слышал ли Джейк грохот рухнувшего фонтана, а если слышал, то что он подумал? Насчет Гашера Роланд даже не переживал: тот наверняка решит, что стрелка размазало по мостовой, — Роланду это было лишь на руку. Но что подумал Джейк? То же самое? Должен же он понимать, что стрелка не заманишь в такую убогую западню... однако, если Гашер запугал его, Джейк сейчас мог вообще ничего уже не соображать. Как бы там ни было, сейчас нет времени на раздумья и домыслы, и если бы у Роланда была возможность вернуться на пару минут назад в прошлое, он сделал бы то же самое. Пусть Гашер уже не жилец, он — мужик смелый и по-звериному хитрый. Если теперь он хотя бы немного ослабит бдительность, значит, оно того стоило.

Роланд поднялся на ноги.

— Ыш! Ищи Джейка!

— Эйка! — Вытянув мордочку, Ыш принюхался, уловил запах Джейка и снова рванулся вперед, ведя за собой Роланда. Минут через десять ушастик остановился у крышки канализационного люка, обнюхал землю вокруг и, подняв голову к Роланду, отрывисто тявкнул.

Опустившись на одно колено, стрелок внимательно изучил запутанные следы и широкую полосу царапин на мостовой. Судя по всему, эту крышку отодвигали довольно часто. Лицо Роланда оставалось по-прежнему бесстрастным, и только глаза его сузились, когда он увидел сгусток окровавленной слюны в щели между двумя булыжниками.

— Он так и бьет его, этот ублюдок, — пробормотал стрелок.

Он оттащил в сторону крышку люка и заглянул вниз. Потом расшнуровал рубаху и вытащил из петель сыромятный кожаный шнурок. Подняв ушастика, сунул его за пазуху. Ыш оскалился. Роланд почувствовал, как ему в грудь и живот вонзаются, точно маленькие ножи, острые коготки. Но когти тут же убрались, и Ыш высунул мордочку из-за пазухи, сверкая глазами и дыша, точно маленький паровой двигатель. Стрелок чувствовал, как рядом с его сердцем колотится маленькое сердечко. Порывшись в сумке, Роланд достал еще один сыромятный шнурок, подлиннее.

— Придется мне взять тебя на поводок. Мне это, правда, не очень нравится, а тебе, наверное, понравится еще меньше, но там, внизу, слишком темно.

Связав два шнурка вместе, он сделал петлю на одном конце и накинул ее на шею ушастика. Роланд думал, что Ыш снова оскалит зубы и, может быть, попытается даже его укусить, но Ыш сидел на удивление спокойно. Он лишь посмотрел на стрелка своими черными глазками с золотым ободком и с нетерпением тявкнул:

— Эйк!

Зажав свободный конец поводка в зубах, Роланд сел на край канализационного люка... если, конечно, это был канализационный люк. Он нащупал ногой первую скобу лестницы. Спускался стрелок медленно и осторожно, ему очень мешала изувеченная рука. Отсутствие двух пальцев сказывалось теперь, как никогда. К тому же стальные скобы были покрыты какой-то густой скользкой смазкой и еще чем-то мягким и влажным, должно быть, мхом. Теплое тельце Ыша ощущалось пушистым грузом между рубашкой и животом. Зверек ровно, со свистом посапывал. В слабом свете, проникающем в шахту с улицы, золо-

тистые кольца вокруг его черных зрачков поблескивали, точно два медальона.

И вот наконец нога Роланда со всплеском погрузилась в скопившуюся на дне шахты воду. Он на мгновение поднял глаза к бледной белой монетке света высоко-высоко вверху. *Начинается самое трудное,* — сказал он себе. В тоннеле было сыро и тепло, и пахло, как в старом склепе. Где-то неподалеку гулко и размеренно капала, ударяясь о камень, вода. Чуть подальше гудели какие-то механизмы. Роланд достал из-за пазухи Ыша — зверек явно был ему очень признателен — и опустил его в мелкий поток сточных вод, лениво текущий по дну тоннеля.

— Теперь все зависит только от тебя, — шепнул стрелок на ухо Ышу. — Ищи Джейка, Ыш. Ищи Джейка!

— Эйка! — тявкнул ушастик и поспешно зашлепал по воде в темноту. Голова его раскачивалась, как маятник, на длинной шее. Намотав свободный конец поводка на изувеченную правую руку, Роланд последовал за ним.

24

Колыбель — внушительное и огромное здание, вполне достойное того, чтобы в сознании Сюзанны и Эдди название это воспринималось уже с большой буквы — располагалась по центру широкой площади в пять раз больше той, где стояла рухнувшая статуя. Только теперь, рассмотрев Колыбель как следует, Сюзанна почувствовала, каким серым, старым и безобразным было все остальное в Ладе. На Колыбель было больно смотреть — такой сияюще чистой она выглядела. Побеги дикого винограда не лепились к ее белоснежным стенам; дурацкие надписи не уродовали ее ослепительных стен, колонн и ступеней. Здесь не было и следа желтоватой пыли, приносимой ветрами с равнин и покрывавшей, казалось, весь город. Когда они подошли поближе, Сюзанна увидела почему: с двух сторон по фасаду из отверстий, скрытых в тени отливающих медью навесов крыши, текли неиссякаемые потоки воды. Другие незаметные отверстия периодически извергали

фонтанчики, омывающие ступени, образуя каскады маленьких водопадов.

— Ух ты! — выдохнул Эдди. — По сравнению с этим Большой Центральный выглядит как занюханный полустанок в деревне Глубокая Задница, штат Небраска.

— Ты настоящий поэт, мой милый, — сухо прокомментировала Сюзанна.

Ступени окружали кольцом все здание и вели к просторному открытому холлу. Однако, несмотря на отсутствие зарослей буйной лозы, которая бы закрывала обзор, заглянуть внутрь было никак не возможно: широкая, нависающая над ступенями крыша отбрасывала слишком густую тень. По краю крыши, вокруг всего здания, маршировали в колонне по два тотемы Луча, а на почетных местах на углах восседали зверюги, которые не привидятся и в кошмарном сне: ужасные с виду каменные драконы с чешуйчатыми телами, огромными лапами с выпущенными когтями и злобными пронзительными глазами.

Эдди легонько дотронулся до плеча Сюзанны и указал чуть выше. Сюзанна подняла глаза... и у нее перехватило дыхание. На конце шпиля на крыше, вздымаясь над символами Луча и драконами, словно те подчинялись ему, застыла фигура: золотой воин высотой в шестьдесят, если не больше, футов. Старая ковбойская его шляпа была сдвинута на затылок, открывая высокий лоб, изборожденный морщинами — следами не столько прожитых лет, сколько непреходящих забот и тревог; повязанный вокруг шеи платок был небрежно опущен на грудь, как будто его только что сняли после того, как он отслужил свою долгую трудную службу, защищая лицо от пыли. В одной руке, поднятой вверх, воин держал револьвер, в другой — что-то типа оливковой ветви.

Над Колыбелью Лада стоял Роланд из Гилеада, одетый в золото.

Нет, — сказала себе Сюзанна, наконец вспомнив о том, что ей надо дышать. — *Это не он... но с другой стороны, это именно он. Человек этот — стрелок... был стрелком. И поразительное это сходство между ним, погибшим, наверное, тысячу лет назад,*

и Роландом — вот вся правда и сущность ка-тета, которую надо знать.

Далеко-далеко на юге прогремел гром. Молнии подгоняли бегущие по небу тучи. Жалко, подумала Сюзанна, что у них мало времени, чтобы как следует рассмотреть золотого воина на шпиле Колыбели и зверей на крыше: как ей показалось, на каждом каменном звере были высечены какие-то слова — наверняка очень важные. Вот бы их прочитать... Но сейчас они просто не могут себе позволить тратить на это время.

Там, где улица Черепахи вливалась в площадь Колыбели, поперек мостовой шла широкая красная полоса. Мод и мужчина, которого Эдди окрестил Дживзом-камердинером, остановились на почтительном расстоянии от алой отметки.

— Все, дальше мы не пойдем, — сообщила им Мод ровным бесцветным голосом. — Можете застрелить нас на месте, все равно жизни смертных принадлежат богам и мы все там будем, но я, несмотря ни на что, предпочту умереть по эту сторону запретной черты. Я не хочу гневить Блейна из-за каких-то там иноземцев.

— И я тоже, — поддакнул Дживз. Он снял запыленный свой котелок и прижал его к голой груди, глядя на Колыбель в благоговейном страхе.

— Вот и славно, — сказала Сюзанна. — Катитесь отсюда оба.

— Ну да, только мы отвернемся, вы сразу выстрелите нам в спину. — Голос у Дживза дрожал. — Чем угодно могу поклясться, что так и будет.

Мод мотнула головой. Брызги крови на лице у нее засохли, превратившись в нелепые бордовые веснушки.

— Стрелки никогда не стреляют в спину... уж это я знаю.

— А откуда мы знаем, стрелки они или нет? Мало ли что они там говорят.

Мод указала на большой револьвер с потертой сандаловой рукоятью в руках у Сюзанны. Дживз посмотрел на револьвер, секунду подумал... и протянул женщине руку. Когда Мод взяла его за руку, представление Сюзанны о них как о парочке закоренелых убийц резко переменилось. Они походили скорее

на Гензеля и Гретель, чем на Бонни и Клайда — усталые, перепуганные, растерянные, они заблудились в лесу так давно, что успели состариться в нем. Ее страх и ненависть к ним как рукой сняло, а на их месте возникла щемящая жалость. И грусть.

— Прощайте, — тихо и мягко проговорила она. — Возвращайтесь к себе и не бойтесь — ни я, ни мой муж не причиним вам вреда.

Мод кивнула.

— Я верю, что вы не хотите нам зла. И я прощаю тебя за то, что ты застрелила Уинстона. Но послушай меня, и послушай внимательно: *держитесь подальше от Колыбели.* Какими бы важными и серьезными ни были ваши причины идти туда, все равно это того не стоит. Войти в Колыбель Блейна — это верная смерть.

— У нас нет выбора, — сказал Эдди, и в это мгновение опять прогремел гром, словно подтверждая его слова. — А теперь *вы* послушайте меня. Я не знаю, что там под Ладом есть и чего там нет, но в одном я уверен: барабаны, из-за которых вы так напрягаетесь, — это всего лишь кусок одной записи — *песни,* сделанной в мире, откуда пришли мы с моей женой. — Взглянув на их непонимающие лица, он раздраженно воздел руки к небу. — Господи Боже мой, тыквенный пирожок, неужели вы не понимаете?! Вы убиваете тут друг друга из-за какой-то занюханной песенки, которая даже и синглом-то не выходила!

Положив руку ему на плечо, Сюзанна тихонько назвала его по имени. Поначалу он не обратил на нее внимания, переводя свой сверкающий праведным гневом взгляд с Дживза на Мод и обратно на Дживза.

— Вы так хотите увидеть чудовищ? Тогда присмотритесь получше друг к другу. А когда возвратитесь в свой этот дурдом, который вы называете домом, посмотрите внимательнее на друзей и на родственников.

— Вы еще не понимаете. — Глаза Мод были темны и серьезны. — Но поймете. Да... вы поймете.

— Идите, — тихо проговорила Сюзанна. — Нам с вами беседовать бесполезно: мы просто не понимаем друг друга. Ступайте. Идите своей дорогой и постарайтесь все-таки вспомнить

лица своих отцов, потому что мне кажется, вы их забыли давным-давно.

Не сказав больше ни слова, мужчина и женщина развернулись и пошли, держась за руки, восвояси — туда, откуда пришли, — оглядываясь время от времени через плечо: Гензель и Гретель, испуганные детишки, заблудившиеся в дремучем лесу.

— Выпустите меня отсюда, — устало произнес Эдди, потом поставил «ругер» на предохранитель, сунул пистолет за пояс джинсов и потер красные воспаленные глаза ладонями. — Просто выпустите меня... это все, чего я прошу.

— Я понимаю, о чем ты, красавец. — Сюзанна явно была не на шутку перепугана, но в наклоне ее головы все равно ощущались упрямство и вызов. Эдди узнал уже эти ее черты и успел их полюбить. Положив руки ей на плечи, он наклонился и поцеловал ее. Ничто не могло помешать ему сделать это: ни жуткое окружение, проникнутое мрачной тайной, ни готовая разразиться гроза. Когда он наконец оторвался от ее губ, она внимательно на него посмотрела, и в ее широко раскрытых глазах плясали веселые огоньки. — Ого! С чего бы это?

— Просто я тебя очень люблю, — сказал Эдди, — а так, собственно, ни с чего. Причина достаточно веская, как ты считаешь?

Ее взгляд смягчился. Сюзанна подумала даже, а не пора ли ему сообщить один небольшой секрет — хотя и сама еще точно не знала, так это или нет, — но сейчас было явно не время для этого. И не самое подходящее место для таких откровений. Сейчас она не могла сообщить ему о своей предполагаемой беременности, точно так же, как не могла терять время, чтобы прочесть слова, высеченные на каменных изваяниях Стражей Врат.

— Достаточно веская, Эдди, — сказала она.

— Встреча с тобой — это лучшее из того, что случилось со мной за всю жизнь. — Он буквально пожирал ее взглядом. — Мне всегда трудно давались такие слова... жизнь рядом с Генри, я думаю, забила во мне всякую сентиментальность... но это правда. Сначала, мне кажется, я полюбил тебя потому, что в тебе как бы сосредоточилось все, чего я ли-

шился из-за Роланда — я имею в виду Нью-Йорк и все прочее, — но теперь это нечто большее, потому что я уже не хочу возвращаться туда. А ты?

Она посмотрела на Колыбель. При одной только мысли о том, что может их ждать там, внутри, ее обуял настоящий ужас, и все же... она опять взглянула на Эдди.

— Нет, я не хочу возвращаться назад. Теперь я хочу идти только вперед. По крайней мере пока ты со мной. Знаешь, это даже забавно, что ты сейчас сказал: ты полюбил меня потому, что из-за него ты лишился своего мира.

— Забавно?

— А я полюбила тебя за то, что ты освободил меня от Детты Уокер. — Она на мгновение умолкла, потом тихонько качнула головой. — Нет... все гораздо сложнее. Я полюбила тебя потому, что ты освободил меня от этих обеих стервозин. Одна — матерщинница и воровка, которая развлекалась, дразня и «кидая» парней. Вторая — самодовольная и чванливая цаца. Как я теперь понимаю, половина во мне была от одной и ноль пять — от другой. Сюзанна Дин нравится мне гораздо больше... а освободил меня ты. Если бы не ты, я бы не стала такой, как сейчас.

На этот раз она потянулась к нему: прижала ладони к заросшим щетиной щекам, притянула его к себе и нежно поцеловала в губы, — а когда он легонько коснулся ее груди, она вздохнула и накрыла его руку ладонью.

— Давай лучше пойдем, — выдохнула Сюзанна, — иначе мы сейчас уляжемся прямо здесь, посреди улицы... и тогда уже точно промокнем. Сейчас будет дождь — посмотри.

Эдди в последний раз обвел взглядом унылые молчаливые башни, окна без стекол, заросшие виноградом стены. Потом кивнул:

— Да. Пойдем. У этого города все равно нет никакого будущего.

Он толкнул коляску с Сюзанной вперед. Когда колеса коляски пересекли алую линию, которую Мод называла запретной чертой, оба невольно напряглись, опасаясь, что сейчас сработает какой-нибудь древний защитный механизм-ловушка и

прикончит их обоих на месте. Но ничего не случилось. Эдди вывез коляску на площадь. Когда они приближались уже к белым ступеням, ведущим в Колыбель, с неба полился холодный, подгоняемый ветром дождь.

Ни Сюзанна, ни Эдди не догадывались, что на город обрушилась первая из осенних гроз Срединного мира.

25

Как только они очутились в вонючей тьме канализационных стоков, Гашер сбросил убийственный темп, который поддерживал на пути поверху. Джейк, однако, не думал, что это из-за темноты: Гашер, похоже, не врал, когда хвастался, что знает здесь все повороты и все изгибы пути. Дело, наверное, в том, что мучитель его был уверен, что Роланд погиб, превратившись в лепешку под рухнувшим мраморным фонтаном.

А самого Джейка, когда прошло первое потрясение, начали одолевать сомнения.

Если Роланд заметил натянутые проводки — а эта ловушка была похитрее, чем подвешенный над головой фонтан, — то как могло получиться, что он не заметил такую громадину? В принципе и такая возможность не исключалась, однако Джейку она представлялась маловероятной. Скорее всего Роланд обрушил фонтан специально, чтобы усыпить бдительность Гашера и, возможно, заставить его сбавить темп. Джейк сомневался, что Роланд сумеет проследить их путь по подземному лабиринту — не зная дороги, в кромешной тьме не пройдет даже стрелок, — но ему все-таки было приятно сознавать, что Роланд не погиб, пытаясь сдержать свое обещание.

Они повернули направо, потом налево и снова налево. Джейк вообще ничего не видел, но зато все остальные чувства его обострились, и постепенно он начал смутно воспринимать окружающую обстановку. Приглушенный гул работающих станков в отдаленных тоннелях временами становился громче, потом затихал опять, когда каменные недра Лада снова смыкались над ними, поглощая все звуки. Лицо

его периодически обдувало сквозняком. Иногда токи воздуха были прохладными, иногда — теплыми. Чавкающие по воде шаги отдавались гулким эхом в поперечных тоннелях, откуда, собственно, и долетали эти вонючие дуновения, а один раз Джейк едва не разбил себе голову о какую-то металлическую штуковину, свисавшую с потолка. Ощупав ее на ходу, мальчик решил, что́ это был, по всей видимости, здоровенный кран. После этого случая Джейк постоянно размахивал руками, чтобы избежать новых неожиданных столкновений с невидимыми в темноте предметами.

Гашер направлял его ударами по плечам, точно погонщик быка. Они продвигались достаточно быстро, но все-таки не бегом. Гашер постепенно восстановил дыхание. Сначала он что-то бубнил, а потом вдруг запел глуховатым, но неожиданно мелодичным тенором:

Трам-тарам-тарам-там-там, дощатое крылечко,
Получу работу, куплю тебе колечко.
Тарам-тарарарам-тарам-тара,
Приеду, схвачу тебя за буфера.
Тарам-трам-тарарам, отличные сиськи.
Мне просто ужасно охота потискать
Твои... тарарам-там-тара!

Гашер пропел еще пять-шесть куплетов в подобном духе, после чего умолк.

— А теперь ты мне чего-нибудь спой, красавчик.

— Я ничего не знаю, — выдохнул Джейк, очень надеясь, что Гашер подумает, будто он задыхается. Он не знал, к чему это приведет, к добру или к худу, но здесь, в темноте, годилось все, чтобы добиться любого, пусть самого мизерного, преимущества.

Гашер ткнул Джейка локтем в спину, причем сильно — мальчик едва не упал в грязную воду, лениво журчащую по дну тоннеля.

— Ты лучше что-нибудь вспомни, если, конечно, не хочешь, чтобы я выдрал позвонки из твоей нежной спинки. — Он помолчал и потом добавил еще: — Тут полно призраков, да. Они

обитают внутри машин, мать их так. А пение держит их на расстоянии... отпугивает. Ты не знал? Давай пой!

Джейк лихорадочно соображал, не желая схлопотать очередную «ласковую трепку» Гашера. Порывшись в памяти, он извлек одну песенку, которую выучил в летнем лагере, когда ему было лет семь или восемь. Открыв рот, он затянул ее в темноте, вслушиваясь в свой голос, отражавшийся эхом от каменных стен и как будто скачущий среди плеска бегущей воды, стука капель и гула древних машин:

Моя девочка — прелесть, она из Нью-Йорка.
Я покупаю ей все, чтоб она
была стильной девчонкой.
Бедра у Коры —
Как два линкора.
О Боже, куда уплывают деньжата.

Моя девочка — сказка, она из Филли,
Я покупаю ей все, чтоб она
была стильной девчонкой.
Глаза у девицы —
Как две пряные пиццы.
О Боже, куда уплывают деньжата.

Гашер протянул руки, схватил Джейка за уши, как будто за ручки кастрюли, и рванул на себя, останавливая парнишку на месте.

— Там прямо по курсу яма, — сообщил он. — С таким, правда, голосом, как у тебя, было бы лучше для всех, если бы ты туда провалился ко всем чертям, но Тик-Так не одобрил бы этого, да. Так что пока живи. — Гашер отпустил уши Джейка, горящие как в огне, и вцепился в ворот его рубашки. — А теперь наклоняйся вперед, пока не нащупаешь лестницу с той стороны. И не вздумай поскользнуться, чтобы мы туда не грохнулись оба!

Джейк осторожно наклонился вперед, вытянув руки перед собой. При одной только мысли о том, что под ним открывается яма, которую он не видит, его охватил дикий ужас. Нащупав лестницу, он почувствовал, как поток теплого воздуха — чис-

того, свежего, только что не ароматного — обдувает его лицо. Далеко внизу теплился бледный розовый свет. Пальцы его прикоснулись к стальной перекладине и обхватили ее. Раны от укусов на левой руке открылись снова. Теплые струйки крови потекли по ладони.

— Нашел? — спросил Гашер.

— Да.

— Тогда ползи вниз! Чего ты, черт возьми, ждешь?! — Он отпустил ворот его рубашки, и Джейк живо представил себе, как Гашер заносит ногу, чтобы придать ему ускорения посредством хорошего пенделя в задницу. Мальчик переступил через тускло мерцающий проем и начал спускаться по лестнице, стараясь по возможности не напрягать раненую левую руку. На этот раз на железных скобах не было ни наростов мха, ни скользкой и жирной смазки. Они практически не проржавели. Спуск оказался достаточно долгим, и пока Джейк сползал вниз — при этом ему приходилось поторапливаться, чтобы Гашер не наступил ему на руки своими тяжелыми сапожищами, — ему вспомнился один фильм, который он както видел по телевизору: «Путешествие к центру Земли».

Гул станков становился все громче, розовый свет — все ярче. В звуках работающих механизмов все равно ощущался какой-то сбой, но обострившийся в темноте слух подсказал Джейку, что эти машины находятся в лучшей рабочей форме, чем те, что наверху. Когда Джейк наконец добрался до дна шахты, пол под ногами оказался сухим. Новая, горизонтальная, шахта высотой футов в шесть представляла собой коридор квадратного поперечного сечения, стены которого были обшиты проклепанными листами из нержавеющей стали. Он тянулся, насколько хватало глаз, в обе стороны прямо, как струна. Интуитивно, даже не задумываясь об этом, Джейк понял, что этот тоннель (располагавшийся на глубине футов в семьдесят, если не больше, под Ладом) тоже идет вдоль пути Луча. А где-то там, впереди — Джейк был в этом уверен на сто процентов, хотя ни за что бы не смог ответить, откуда у него эта уверенность, — прямо над тоннелем стоит тот самый поезд, ради которого, собственно, все это и затевалось.

По обе стороны шахты, под самым ее потолком, тянулись два ряда узких вентиляционных решеток. Именно из этих отверстий в тоннель проникал поток чистого сухого воздуха. Кое-где с вентиляционных решеток свисали голубовато-серые бороды мха, но большинство были в порядке. Под каждой второй решеткой виднелась нарисованная желтая стрелка, а под стрелкой — какой-то таинственный символ, похожий на маленькую букву «т». Стрелки указывали в том направлении, по которому следовали Гашер с Джейком.

Розовый свет исходил из стеклянных трубок, закрепленных в два ряда на потолке тоннеля. Одни — примерно каждая третья — не горели вообще, другие мигали и шипели, почти не давая света, но почти половина работала. *Неоновое освещение,* — в изумлении подумал Джейк. — *Ничего себе, да?*

Гашер спрыгнул с лестницы рядом с Джейком и усмехнулся, увидев его ошарашенное выражение.

— Здорово, правда? Летом прохладно, зимой тепло, а жратвы столько, что пятьсот мужиков не съедят и за пять сотен лет. А знаешь, что самое главное, котик? Самое-самое главное из всей этой хренотени?

Джейк покачал головой.

— Этим гребаным младам даже и невдомек, что это место вообще существует! Они считают, что здесь, под землей, обитают чудовища. Да млад лучше сдохнет, чем подойдет к люку канализации ближе чем на двадцать футов, если только его настоятельно не попросят!

Запрокинув голову, Гашер искренне, от души рассмеялся. Джейк стоял молча, хотя внутренний голос — холодный, таящийся в самых глубинах сознания — подсказывал, что не худо бы поддержать смех Гашера. Хотя бы из дипломатических соображений. Но Джейк все-таки не рассмеялся, потому что он точно знал, как себя чувствуют млады. Под Ладом действительно обитают чудовища: тролли, великаны-людоеды и призраки. Разве сам он не пленник такого чудовища?

Гашер подтолкнул его влево.

— Иди давай... мы уже почти на месте. Ну!

Они зашагали дальше. Эхо шагов, отражаясь от стен, катилось следом за ними. Минут через десять — пятнадцать Джейк увидел в стене — ярдах в двухстах впереди — герметично закрытый люк. Когда они подошли поближе, он разглядел, что из центра тяжелой крышки торчит большой поворотный кран. Справа висела коробочка внутреннего переговорного устройства.

— Все, нет моих больше сил! — выдохнул Гашер, когда они встали у двери в конце тоннеля. — Для больного и старого инвалида, то бишь покорного твоего слуги, такие гонки уже малость не по зубам. — Вдавив большим пальцем кнопку переговорного устройства, он гаркнул в микрофон: — Эй, Тик-Так, я его заполучил... доставил в целости и сохранности, как условлено! И волоска с головы его не упало! Я же тебе обещал, а раз я обещаю, я делаю! Доверься старому Гашеру, я тебе говорил, Гашер не подведет! А теперь открывай давай и впусти нас!

Он отпустил кнопку и с нетерпением уставился на дверь. Колесо даже не шелохнулось, а из динамика раздался ровный гнусавый голос:

— Пароль?

Гашер нахмурился, задумчиво поскреб подбородок длинными грязными ногтями, потом, ничего, видимо, не придумав, приподнял повязку над глазом и выдавил очередную порцию желтовато-зеленой слизи.

— Этот Тик-Так со своими паролями! — пробубнил он, обращаясь к Джейку. Голос его прозвучал раздраженно, но за показной его злостью скрывалась тревога. — Тик-Так — парень, конечно, крутой, но иной раз его заклинивает, скажу я тебе, не по делу.

Нажав на кнопку, он заорал благим матом:

— Кончай, Тик-Так! Ты что, голоса моего не узнал? Может, тебе слуховой аппарат подарить?!

— Да узнал я тебя, успокойся, — вернулся в динамик гнусавый, немного манерный голос. Джейку он показался похожим на голос Джерри Рида в роли Берта Рейнолда в сериале «Смоуки и Бандит». — Но я же не знаю, с кем ты там, правда? Ты что, забыл: наша видеокамера гикнулась еще в прошлом году. На-

зывай пароль, Гашер, иначе будешь там гнить до скончания века!

Гашер засунул в нос палец, вытащил сгусток соплей цвета мятного желе и размазал их по решетке динамика. Джейк наблюдал за этим ребяческим проявлением злости с немым изумлением — ну разве не прелесть?! — чувствуя, как в горле его пузырится и рвется наружу совсем неуместный истерический смех. Стоило столько нестись, задыхаясь, по запутанному лабиринту, переполненному ловушками, потом брести под землей в кромешной тьме, чтобы застрять у какой-то там двери в конце тоннеля потому только, что Гашер забыл пароль?

Гашер злобно зыркнул на Джейка, потом провел рукой по черепу, снимая с головы мокрую от пота желтую повязку. Он был, как выяснилось, абсолютно лыс, если не брать в расчет парочку жалких пучков вздыбленных черных волос, похожих на иглы дикобраза. Над левым виском наблюдалась глубокая вмятина. Порывшись в повязке, Гашер извлек на свет обрывок мятой бумаги.

— Благослови, Господи, Хутса, — пробормотал он себе под нос. — Хутс, молодец, позаботился обо мне, и весьма кстати, да.

Он уставился на бумажку, повертел ее то одной, то другой стороной, а потом протянул ее Джейку и шепнул ему, понизив голос, словно боялся, что Тик-Так может подслушать его, хотя кнопка ГОВОРИТЕ на переговорном устройстве не была нажата:

— Слушай, ты ведь настоящий маленький жельтмен, правда? А самое первое, чему учат всякого жельтмена после того, как он уже научился не ссать на углу и не жрать зубную пасту, — так это читать. Давай-ка прочти мне, что тут за слово написано, зайчик, а то что-то оно у меня выскочило из башки... честное слово.

Джейк взял бумажку, взглянул на нее и снова поднял глаза на Гашера.

— А если я не прочту? — спросил он спокойно.

От такого ответа Гашер на секунду опешил... а потом снова расплылся в ухмылке, всегда сопровождавшей приступы его мрачного и опасного «добродушия».

— Тогда я сожму твою нежную шейку и буду стучаться твоей башкой в дверь, — сообщил он. — Тик-Так, правда, вряд ли проникнется, так что я сомневаюсь, что мне удастся даже таким радикальным способом убедить старину Тикки впустить меня — он, знаешь ли, все еще нервничает немного из-за твоего крутого приятеля, — но мне станет хотя бы легче, когда я увижу, как мозги твои растекаются по колесу.

Джейк задумался над услышанным. Мрачный, совсем неуместный смех все еще булькал в горле, прорываясь наружу. Тик-Так — парень крутой, без вопросов. И никогда не прокалывается. Он верно все рассчитал: даже если бы Роланд его захватил, он бы вряд ли заставил Гашера, который и так уже почти труп, выдать пароль. Но на одном Тик-Так, кажется, прокололся по-крупному — он не принял в расчет дырявую память Гашера.

Только не смейся. Если ты рассмеешься, он тебе точно вышибет мозги.

Несмотря на свою браваду и все угрозы, Гашер смотрел на Джейка с явным и искренним беспокойством, и Джейк отметил про себя одну важную вещь, которая потом может ему сослужить неплохую службу: Гашер действительно не боится смерти... но зато боится унижения.

— Ну ладно, Гашер, — сказал он спокойно. — Там написано «щедрый».

— Дай сюда. — Гашер выхватил мятый листок из рук Джейка, засунул бумажку обратно в платок и, быстренько обмотав желтую тряпку вокруг лысой своей черепушки, вдавил пальцем кнопку на переговорном устройстве. — Эй, Тик-Так? Ты еще здесь?

— А где я, по-твоему, должен быть? На Западном конце мира? — В гнусавом манерном голосе теперь слышалось легкое изумление.

Гашер показал динамику белесый язык, но голос его звучал заискивающе, едва ли не подобострастно:

— Пароль — слово «щедрый», и красивое слово, замечу! А теперь впусти меня, будь я проклят!

— Конечно-конечно. — Где-то рядом включился скрытый механизм. Джейк аж подскочил от неожиданности. Колесо в центре герметичной двери пришло в движение. Когда оно провернулось и остановилось, Гашер взялся за него обеими руками и рванул на себя. Потом схватил Джейка за руку, дернул его вперед, так что тот едва не споткнулся о приподнятый над полом порожек, и втолкнул в странную комнату, диковиннее которой Джейк в жизни не видел.

26

Роланд спустился к тусклому розоватому свету. Из-за ворота его рубахи, расстегнутой на груди, выглядывали, мерцая, умные глазки Ыша; вытянув до предела свою длинную шейку, ушастик принюхивался к струям теплого воздуха, проникающим через вентиляционные решетки. В кромешной тьме подземелья Роланду пришлось полностью положиться на нюх животного, и он очень боялся, что Ыш потеряет след Джейка в проточной воде... но когда он услышал пение — сначала Гашера, потом Джейка, — отдающееся гулким эхом в тоннелях, он облегченно вздохнул. Ыш не ошибся.

Ыш тоже услышал пение. До этого момента он продвигался вперед медленно и осмотрительно, время от времени даже возвращаясь немного назад, чтобы лишний раз убедиться в том, что чутье его не подвело, но, едва заслышав голос Джейка, пустился бегом, натянув до предела кожаный поводок. Поначалу Роланд испугался, что ушастик начнет звать Джейка своим хрипловатым, пронзительным голоском — *Эйк! Эйк!* — но ушастик молчал. А когда они добрались до шахты, уводящей в нижние этажи этого Дицианова лабиринта, Роланд услышал снизу гул какого-то нового механизма — по всей видимости, насоса, — за которым последовал металлический лязг захлопнувшейся двери.

Спустившись в квадратный тоннель, стрелок прежде всего окинул взглядом двойной ряд светящихся трубок на потолке,

уходящий, насколько хватало глаз, в обе стороны. Они горели болотным огнем, как та вывеска над заведением Балазара в Нью-Йорке. Повнимательнее присмотревшись к узким хромированным решеткам на вентиляционных отверстиях, прорубленных под самым потолком, и к желтым стрелкам под ними, Роланд снял петлю поводка с шейки Ыша. Тот, явно обрадованный, нетерпеливо замотал головой.

— Мы уже близко, — пробормотал Роланд в приподнятое ухо ушастика, — так что вести себя надо теперь осторожно и тихо. Ты понял, Ыш? Очень тихо.

— И-хо, — отозвался Ыш хриплым шепотом, который в другой ситуации прозвучал бы, наверное, даже забавно.

Роланд опустил Ыша на пол, и тот тут же понесся вперед по тоннелю, вытянув шею и приблизив нос к стальному покрытию пола. Роланд слышал, как ушастик тихонько бормочет себе под нос: *Эйк-Эйк! Эйк-Эйк!* Роланд вытащил из кобуры револьвер и пошел следом за ним.

27

Эдди с Сюзанной застыли у белых ступеней, разглядывая громаду Колыбели Блейна. Небо как будто разверзлось над Ладом — дождь хлынул сплошной стеной.

— Ничего себе домик отгрохали! Только забыли пристроить дорожку для инвалидных колясок. — Эдди приходилось кричать, чтобы голос его не утонул в шуме дождя и раскатах грома.

— Ничего страшного, — нетерпеливо отозвалась Сюзанна, выкарабкиваясь из коляски. — Пойдем скорее, а то промокнем.

Эдди с сомнением поглядел на лестницу. Ступеньки, конечно, не слишком высокие... но зато их много.

— Ты уверена, Сьюз, что справишься?

— Еще и тебя обгоню, бледнолицый, — отмахнулась Сюзанна и начала взбираться вверх по ступенькам с невероятным проворством, опираясь на крепкие, мускулистые руки и отталкиваясь от ступенек обрубками ног.

И она действительно едва его не обогнала. Эдди приходилось сражаться с громоздким металлическим креслом, бросить которое он не мог и которое очень ему мешало. К тому моменту, когда они добрались до верхней площадки, оба запыхались. От их промокшей одежды шел пар. Эдди подхватил Сюзанну под мышки, приподнял ее и вдруг замер на месте, обнимая ее за талию и прижимая к себе, вместо того чтобы усадить обратно в коляску. Почему-то — знать бы еще почему — им вдруг овладело игривое, сумасшедшее настроение. Ему захотелось ее. Прямо здесь и сейчас.

Так, дайте мне отдышаться, — подумал он. — *Ты добрался досюда живым, вот у тебя железы и трепещут, готовые к подвигам и загулу.*

Сюзанна облизала губы и, запустив пальцы Эдди в шевелюру, дернула изо всех сил. Было больно... но вместе с тем так чудесно.

— Я же тебе говорила, что я тебя сделаю, мальчик, — шепнула она низким хрипловатым голосом.

— Не ври... я был первым, на полступеньки. — Он постарался сделать вид, что он не так уж и запыхался, но ничего у него не вышло.

— Может быть... но зато ты весь выдохся. — Одна рука ее соскользнула вниз и легонечко сжала в том самом месте. В глазах у Сюзанны мелькнул огонек. — Но кое-что, наоборот, полно сил.

По небу прокатился гром. Они оба вздрогнули и рассмеялись.

— Ладно тебе, — сказал он. — Тоже мне, нашла время. Безумие какое-то! Бр-р!

Она не стала ему возражать, но еще раз легонечко сжала то самое место и только потом убрала руку и положила ее ему на плечо. Эдди — не без сожаления — усадил ее обратно в коляску и покатил по широким плитам под навес крыши. Ему показалось, что точно такое же сожаление промелькнуло и во взгляде Сюзанны.

Когда они были уже под крышей и сверху на них не лило, Эдди приостановился и оглянулся. Площадь Колыбели, улица

Черепахи... весь город уже исчезал за трепещущей серой завесой дождя. И Эдди ни капельки не сожалел об этом. В его мысленной записной книжке Лад не попал в список приятных воспоминаний.

— Смотри, — тихонько пробормотала Сюзанна, указав на ближайшую водосточную трубу. На нижнем ее конце красовалась большая рыбья голова, покрытая каменной чешуей. Судя по виду, рыбина эта состояла в близком родстве с драконообразными чудищами, восседающими на углах Колыбели. Из пасти ее серебристым потоком струилась вода.

— Кажется, это уже не «кратковременные осадки», — заметил Эдди.

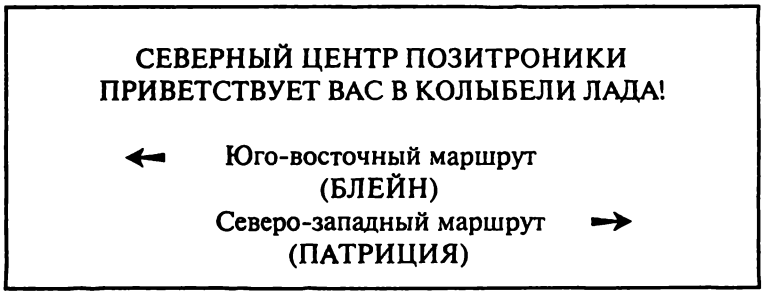
— Какие осадки?! Этот дождь будет лить, пока ему не осточертеет, а потом еще капельку, просто назло. Может, это продлится неделю, а может, и месяц. Но мы можем до этого и не дожить, если Блейн вдруг решит, что наши рожи ему не понравились. Так что, собственно, нам без разницы. Стрельни-ка разок, родной, пусть Роланд знает, что мы на месте, а потом мы тут немного осмотримся, ладно? Чего тут да как.

Эдди подошел к краю лестницы, выставил руку из-под навеса и выстрелил, направив «ругер» в забитое тучами серое небо. Именно этот выстрел — за милю, если не больше — и слышал Роланд, идущий по следу Гашера и Джейка по «лабиринту с ловушками». Еще пару секунд Эдди постоял на месте, пытаясь убедить себя, что все еще может закончиться хорошо, а сердце его ошибается, когда так настойчиво и упрямо твердит, что больше они никогда не увидят ни Джейка, ни Роланда. Все будет хорошо... Поставив пистолет на предохранитель, он сунул его обратно за пояс джинсов и вернулся к Сюзанне. Развернул коляску спиной к ступеням и покатил ее по проходу между рядами колонн, уходящих в глубь здания. По дороге Сюзанна достала Роландов револьвер и перезарядила его.

Здесь, под массивной каменной крышей, звук дождя превратился в таинственный, призрачный шелест. Камень стен приглушал даже раскаты грома. Колонны, поддерживающие Колыбель, были не менее десяти футов в диаметре. Их верхуш-

ки терялись во тьме под крышей. Оттуда, из полумрака, доносилось негромкое воркование голубей.

Из сумрачной мглы выплыла табличка, подвешенная на тяжелой хромированной цепи:

— Теперь мы знаем, как звали тот поезд, который свалился... свалилась в реку, — заметил Эдди. — Патриция. Только они перепутали цвета. Обычно считается, что цвет девочек — розовый, а цвет мальчиков — голубой, а не наоборот.

— Может, они *оба* голубые.

— Нет. Блейн розовый.

— Откуда ты это взял?

Эдди растерянно поглядел на Сюзанну.

— Не знаю откуда... я просто знаю.

Они двинулись по стрелке, которая указывала в направлении места стоянки Блейна, и вышли на открытое пространство, где когда-то, наверное, располагался главный вестибюль вокзала. Эдди не обладал способностью Сюзанны мысленно проникать в прошлое и видеть его в серии ярких и четких зрительных образов, но он все равно нарисовал себе в воображении такую картину: просторная площадь с колоннами полна народу, люди спешат, ищут свои вагоны, обнимаются при расставании и встрече, и надо всем стоит цокот тысячи каблуков и гул неразборчивых голосов. А из динамиков, перекрывая все звуки, доносятся разнообразные объявления:

Производится посадка на поезд Патриция, следующий в направлении северо-западных феодов...

Внимание, внимание, пассажир Киллингтон, пассажир Киллингтон, вас ожидают на нижнем этаже у справочного бюро.

Блейн прибывает на второй путь. Встречающих просят пройти на платформу...

А теперь здесь остались одни только голуби.

Эдди невольно поежился.

— Посмотри на те лица, — пробормотала Сюзанна. — Не знаю, как тебе, а мне от них жутко. — Она показала направо. Наверху на стене, в полумраке, Эдди увидел ряд каменных лиц: они выступали из белого мрамора и глядели на них сверху вниз — суровые мрачные лица палачей, влюбленных в свое ремесло. Несколько каменных голов отвалилось и валялось теперь в виде гранитных обломков под равнодушными взглядами мрачных своих сотоварищей, футах в восьмидесяти под ними, а те, что еще держались, были покрыты густой паутиной трещин и заляпаны голубиным пометом.

— Наверное, члены какого-нибудь Верховного суда, — высказал предположение Эдди, с опаской глядя на все эти тонкие сжатые губы из камня и пустые потрескавшиеся глаза. — Только у судей может быть такой вид: умудренный и сволочной одновременно... уж кому, как не мне, это знать! Нет ни одной приличной рожи. Такие, как эти, безногому крабу и костылято не подадут.

— «Груда поверженных изваяний, где жарит солнце, где не дает мертвое дерево тени», — продекламировала Сюзанна, и почему-то от этих слов у Эдди по коже пошли мурашки.

— Это откуда, Сьюз?

— Из одного стихотворения. Его написал человек, который, наверное, видел Лад в страшном сне. Ладно, Эдди, пойдем. Ну их к черту. Забудь про них.

— Легче сказать, чем сделать. — Но Эдди все же толкнул коляску, и они двинулись дальше.

Из сумрака впереди выплыл какой-то высокий решетчатый барьер, похожий на навесную башню, обороняющую подвесной мост средневекового замка... а за барьером виднелись смутные очертания поезда. Так Эдди с Сюзанной впервые увидели Блейна Моно. Он действительно оказался розовым, как и ут-

верждал Эдди. Нежный оттенок его был как будто специально подобран под цвет прожилок на мраморных колоннах. Блейн словно парил над высокой платформой вытянутым, обтекаемым силуэтом в форме пули. Казалось, он сделан из плоти, а не из металла. Поверхность его была безупречно гладкой, без всяких зазоров и трещин, и лишь в одном месте ее прорезало отверстие — треугольное окно в головной части, снабженное огромным «дворником». Эдди знал, что точно такое же есть и на другой стороне, так что, если смотреть на Блейна спереди, впечатление будет такое, что у поезда есть лицо, как у Чарли Чу-Чу. А «дворники», наверное, будут похожи на веки над хитро прищуренными глазами.

Белый свет, льющийся из открытой арки в северо-восточной стене Колыбели, падал на Блейна чуть скошенным длинным прямоугольником. Эдди подумал, что поезд этот похож на хребет какого-то сказочного розового кита — всегда загадочного и молчаливого.

— Ну вот, — шепнул он, понизив голос. — Мы нашли его.

— Да. Блейна Моно.

— Но он мертв, тебе не кажется? Во всяком случае, выглядит он неживым.

— Нет. Он живой. Просто спит.

— Откуда ты знаешь?

— А откуда ты знал, что он розовый? — Она не ждала от него ответа, и Эдди не стал отвечать. На напряженном лице Сюзанны читался неподдельный страх. — Он спит, и знаешь, что я тебе скажу? Я боюсь... мне страшно его будить.

— Ну ладно, давай подождем остальных.

Она покачала головой.

— Мне кажется, мы должны все подготовить заранее... я имею в виду, к их приходу... потому что, сдается мне, что прибудут они сюда в крайней спешке. Подвези меня к этой коробочке на решетке. Похоже на переговорное устройство. Видишь?

Эдди увидел коробку и медленно подкатил к ней коляску. Устройство крепилось к решетке возле закрытых ворот посередине перегородки, идущей по всему периметру Колыбели.

Вертикальные стойки ограды были сделаны из металла, похожего на нержавеющую сталь; ворота — из кованого железа, а их нижняя часть уходила в обитую сталью прорезь в полу. Эдди увидел, что сквозь решетку им не пробраться. Расстояние между стойками не превышало и четырех дюймов. В такую узкую щель с трудом бы протиснулся даже Ыш.

Над головой шелестели и ворковали голуби. Левое колесо коляски Сюзанны монотонно поскрипывало, действуя на нервы. *Полцарства за банку машинного масла,* — подумал Эдди и только теперь осознал, что ужасно боится. Ему было не просто страшно. Он давно уже не испытывал ничего подобного: с того самого дня, когда они с Генри стояли на Райнхолд-стрит в Датч-Хилле, глядя на покосившийся особняк. В тот день — дело было в далеком 1977-м — они не решились войти в жуткий «дом с привидениями». Они повернулись к нему спиной и зашагали прочь, и всю дорогу он мысленно клялся себе, что никогда, никогда, никогда не вернется в то страшное место. Эту клятву он, надо сказать, сдержал... но вот вам, пожалуйста, новый «дом с привидениями». И вот вам, пожалуйста, главный призрак — Блейн Моно — приземистый розовый силуэт с треугольным окошком, косящимся на него, точно глаз хищного и опасного зверя, который вроде бы спит, но на самом-то деле лишь притворяется спящим.

Он давно не шевелится у себя в Колыбели... уже много лет... Он перестал даже болтать на свои разные голоса и смеяться... Последним к Блейну ходил Ардис... Блейн ему задал какой-то вопрос... и когда Ардис не смог ответить, Блейн спалил его голубым огнем.

Если он сейчас заговорит, я, наверное, сойду с ума, — подумал Эдди.

Ветер снаружи усилился, брызги дождя влетели в высокий проем выездной арки. На стекле окна Блейна остались мелкие капельки.

Ни с того ни с сего Эдди вздрогнул и внимательно огляделся по сторонам.

— За нами, кажется, наблюдают... я чувствую.

— Для меня это не новость, — сказала Сюзанна. — Подвези меня ближе к воротам, Эдди. Хочу как следует рассмотреть эту штуку.

— О'кей, только не прикасайся к ней, хорошо? Вдруг она под напряжением...

— Если Блейну захочется нас поджарить, он и так это сделает, — отмахнулась Сюзанна, глядя через ограду на розовую спину Блейна. — И ты это знаешь не хуже меня.

Эдди это знал и потому промолчал.

Коробка действительно напоминала переговорное устройство, совмещенное с системой охранной сигнализации. В верхней ее половине виднелся динамик с кнопкой по типу обычных переключателей СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ. Под динамиком в форме ромба располагались числа от одного до ста:

1
2 3
4 5 6
7 8 9 10
11 12 13 14 15
16 17 18 19 20 21
22 23 24 25 26 27 28
29 30 31 32 33 34 35 36
37 38 39 40 41 42 43 44 45
46 47 48 49 50 51 52 53 54 55
56 57 58 59 60 61 62 63 64
65 66 67 68 69 70 71 72
73 74 75 76 77 78 79
80 81 82 83 84 85
86 87 88 89 90
91 92 93 94
95 96 97
98 99
100

Под ромбом из чисел торчали еще две кнопки. На одной на Высоком Слоге было написано КОД-КОМАНДА, на другой — ВВОД.

Сюзанна уставилась, озадаченная, на непонятное для нее устройство. На лице ее явно читалось сомнение.

— Что это может быть, как ты думаешь? Похоже на хитрые штуковины из фантастических фильмов.

Ну конечно, — подумал Эдди. Как-то он упустил из виду, что они с Сюзанной были из разного времени. У себя, в своем времени, Сюзанна, возможно, и видела одну-две системы домашней охранной сигнализации (в конце концов она же жила в Манхэттене, среди богачей, пусть те и не очень-то привечали ее), однако, как ни крути, электронное оборудование, существовавшее в ее время, в 1963 году, и сверхсложные приборы его года, 1987-го, — это, как говорится, две большие разницы. *А ведь мы никогда с ней и не говорили об этих различиях,* — подумал он. — *Интересно, что бы она сказала, если бы я ей сообщил, что, когда Роланд меня умыкнул, Рональд Рейган был президентом Соединенных Штатов? Она бы, наверное, решила, что я рехнулся.*

— Это система охранной сигнализации, — пояснил он, не вдаваясь в подробности. А потом, хотя все его чувства и инстинкты восстали против такой вопиющей дурости, он заставил себя поднять руку и нажать пальцем на кнопку СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ.

Странно, но током его не жахнуло. В руку его не ударила голубая молния. Никаких даже признаков того, что эта штука вообще работает.

Может, Блейн все-таки умер. Может, он все-таки умер.

Только ему почему-то не верилось в это.

— Алло? — вопросительно произнес Эдди, живо себе представляя, как Ардис, бедолага, вопит от боли в потоке микроволнового излучения, а по телу его и лицу пляшут разряды голубого огня, от которых плавятся глаза и загораются волосы. — Алло... Блейн? *Кто-нибудь?*

Он отпустил кнопку и, напрягшись, застыл в ожидании. Сюзанна сунула ему в руку свою маленькую и холодную ла-

дошку. По-прежнему никакого ответа. Эдди опять нажал кнопку — в этот раз ему это далось с еще большим трудом.

— Блейн?

Он отпустил кнопку. Подождал. Опять никакого ответа. Эдди почувствовал, как голова у него начинает кружиться: неприятное, даже опасное ощущение, которое часто одолевало его в моменты волнения или страха. Когда с ним случалось такое, он не мог уже мыслить здраво. В него как будто вселялся бес. Ему становилось на все наплевать. Так было, когда он повздорил с тем узколицым связным Балазара в Нассау. И то же самое начиналось теперь. Если бы Роланд видел его в те моменты, когда в нем бушевал огонь этого бешеного нетерпения, он бы понял, что Эдди не просто очень похож на Катберта, — в такие моменты он бы, наверное, смог поклясться, что Эдди и *есть* Катберт.

Эдди вдавил что есть силы кнопку и заорал в микрофон дурным голосом, имитируя (без всякого, впрочем, успеха) сочный британский акцент:

— Привет, Блейн! Здорово, старик! Это Робин Лич, главный редактор журнала «Жизнь богатеньких и безмозглых», я пришел тебе сообщить, что *ты* выиграл шесть миллионов долларов и новенький «форд-эскорт» по лотерее издательства!

Мягким испуганным взрывом крыльев над ними взвилась стайка голубей. У Сюзанны в буквальном смысле отвисла челюсть. На ее лице застыло ошеломленное выражение богобоязненной женушки, которая только что услыхала, как ее дорогой муженек богохульствует в Божьем храме.

— Прекрати, Эдди! *Немедленно прекрати!*

Но Эдди уже несло. Губы его растянулись в улыбке, но в глазах притаились страх, истерика и яростное раздражение.

— Ты со своей монорельсовой девочкой, Патрицией, проведешь изумительный месяц в живописном местечке Джимтаун. К вашим услугам роскошный отель, самые лучшие вина и самые свежие девственницы на закуску. Ты...

— *...тс-с-с...*

Запнувшись на полуслове, Эдди взглянул на Сюзанну. Всякий на его месте подумал бы первым делом, что это она шик-

нула на него, — и даже не потому, что она уже раз пыталась его унять, но прежде всего потому, что больше здесь не было никого, — собственно, Эдди так и подумал, но в то же время он знал, что это не она. Голос был не ее. Он и звучал по-другому. Это был голос ребенка — очень маленького и испуганного.

— Сьюз? Ты...

Сюзанна замотала головой, одновременно приподнимая руку и указывая на переговорное устройство. Эдди увидел, что кнопка с пометкой КОД-КОМАНДА горит едва теплящимся бледно-розовым светом точно такого же цвета, как поезд, спящий в своей Колыбели с той стороны ограды.

— *Тс-с-с... не будите его,* — горестно произнес детский голос, льющийся из динамика, тихий и мягкий, словно вечерний бриз.

— Что... — начал было Эдди, но тут же умолк. Тряхнув головой, он протянул руку к кнопке СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ и легонько ее нажал. Теперь, когда он заговорил, в его голосе и интонациях не осталось и намека на придурочные завывания Роберта Лича. Это был шепот, едва ли не конспираторский:

— Ты кто? Кто ты?

Он отпустил кнопку. Они с Сюзанной уставились друг на друга широко раскрытыми глазами, точно дети, которые вдруг узнают, что живут в одном доме со странным — может быть, даже психически ненормальным — взрослым. Вы, наверное, спросите: а откуда они узнают? Им сообщает об этом другой ребенок. Ребенок, который прожил не год и не два с этим припадочным взрослым, и в течение всех этих лет ему приходилось прятаться по углам и прокрадываться потихоньку домой, когда взрослый спал; забитый, испуганный ребятенок, который — уж так получилось! — невидим.

Ответа не было. Эдди ждал. Время шло. Секунды тянулись невыносимо — за каждую можно было, наверное, прочитать целую книгу. Наконец Эдди не выдержал и протянул руку к кнопке, и как раз в этот момент на панели опять зажегся слабый розовый огонек.

— *Я Маленький Блейн,* — прошептал детский голос. — *Тот, которого он не видит. Тот, про которого он забыл. Тот, который, как он уверен, остался в залах руин и чертогах смерти.*

Эдди снова нажал на кнопку. Рука его непроизвольно дрожала, и он никак не мог эту дрожь унять. Голос тоже срывался на каждом слове:

— *Кто? Кто* не видит? Медведь?

Нет... ну какой, спрашивается, медведь?! Мертвый Шардик лежит в лесу за множество миль отсюда; и даже за это время мир успел сдвинуться дальше. Неожиданно Эдди вспомнил о том, что он почувствовал и пережил, приложив ухо к таинственной двери непонятного назначения, обнаруженной ими на той поляне, где жил своей странной, непонятной полужизнью Шардик, — к двери, разрисованной желтыми и черными полосами, навевавшими почему-то неясный страх. Теперь Эдди понял, что все это части одной картины, все это части единого целого, жуткого и изъеденного порчей, паутины, изорванной в клочья, в центре которой непознанным и непознаваемым каменным пауком вздымается Темная Башня. Буквально за несколько последних дней весь Срединный мир превратился в один населенный призраками особняк; Срединный мир превратился в Отстойник, превратился в Великую Пустошь. Стал бесплодной землей, населенной лишь призрачными существами, — землей, которая сама стала призраком.

И прежде чем детский голос ответил ему из динамика, Эдди прочел ответ по беззвучно шевелящимся губам Сюзанны — ответ очевидный и очень простой, как решение загадки, когда тебе дали подсказку.

— *Большой Блейн,* — прошептал голос невидимого существа. — *Большой Блейн... призрак в машине... во всех машинах.*

Сюзанна поднесла руку к горлу и сдавила его со всей силы, как будто хотела себя задушить. В глазах ее был только ужас, но взгляд не застыл и не остекленел — он остался внимательным и проницательным. Кроме страха, читалось в нем и узнавание. Когда-то в прошлом она знала кое-кого если и не с похожим голосом, то с похожими переживаниями и опытом... еще в то время, когда единое целое — Сюзанна — было расколото

на две непримиримые половины, вечно воюющие друг с другом: Одетту и Детту. Детский голос действительно был для нее неожиданностью, но страдальческий взгляд ее говорил о том, что Сюзанна узнала, что это такое.

Кому, как не ей, знать, что представляет собой раздвоение личности.

Она это познала на собственном опыте. И познала сполна.

— Эдди, пойдем отсюда. — Ужас, ее обуявший, превратил речь Сюзанны в смазанный звуковой поток без всяких знаков препинания. Эдди слышал, как в горле ее свистит воздух, точно зимний ветер в трубе. — Эдди нам нужно уйти Эдди нам нужно уйти отсюда Эдди...

— *Слишком поздно,* — прервал ее тонкий печальный голос. — *Он проснулся. Большой Блейн проснулся. Он знает, что вы здесь. Он идет.*

Внезапно под потолком замелькали какие-то вспышки — дуги яркого оранжевого свечения. Резкий свет залил всю Колыбель, прогоняя тени. Голуби — сотни и сотни — испуганно взвились в воздух, поднятые из своих гнезд, и закружились в бесцельном слепом полете.

— Погоди! — крикнул Эдди. — Пожалуйста, подожди!

От волнения он забыл нажать на кнопку, но это уже не имело значения. Маленький Блейн все равно услышал его и ответил:

— *Нет! Я не хочу, чтобы он меня тут поймал! Он убьет меня... я не хочу!*

Розовый огонек на переговорном устройстве погас, но лишь на мгновение. В этот раз зажглись сразу две кнопки: КОД-КОМАНДА и ВВОД, — и не розовым тусклым светом, а огненно-красным, как раскаленный горн в кузнице.

— КТО ВЫ? — прогрохотал властный голос, идущий не только из маленького динамика, но и из всех подключенных и еще работающих громкоговорителей в городе. Истлевшие и гниющие трупы, висящие на столбах, задрожали от вибраций этого мощного голоса: даже мертвые, кажется, убежали бы подобру-поздорову от Блейна, если бы только могли.

Сюзанна сжалась в своей коляске, закрывая ладонями уши. Ее лицо вытянулось от страха и безотчетного отвращения, рот искривился в беззвучном крике. Эдди тоже почувствовал, как волна страха уносит его назад в прошлое — к тем фантастическим и кошмарным галлюцинациям, которые он рисовал в воображении, когда ему было одиннадцать лет. Разве не этого голоса он боялся, когда они с Генри стояли напротив особняка? Разве не этого голоса он, может быть, и *ожидал?* Он не знал... но зато понял, что *должен был* чувствовать Джек из сказки, когда до него наконец-то дошло, что он слишком часто «мурыжил» бобовый росток и все-таки разбудил великана.

— КАК ПОСМЕЛИ ВЫ ПОТРЕВОЖИТЬ МОЙ СОН? ОТВЕЧАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО — ИЛИ УМРЕТЕ НА МЕСТЕ.

Наверное, Эдди застыл бы, безвольный, позволив Блейну — Большому Блейну — сделать с ним что угодно... спалить, как Ардиса (или, может, чего похуже); он, вероятно, и *должен* был замереть, оцепенев от страха... страха, который бывает, наверное, только в сказках... страха, затаившегося на самом дне кроличьей норы. И только память о тоненьком жалобном голоске, который заговорил с ними первым, придала ему сил, чтобы сдвинуться с места: это был голос слабого ребенка, который, сам перепуганный не на шутку, все же пытался помочь им с Сюзанной.

А теперь надо будет выкручиваться самому — помогать тебе некому, — сказал он себе. — *Ты его разбудил, ты давай с ним и разбирайся. Только давай, ради Бога!*

Эдди протянул руку и снова нажал на кнопку.

— Меня зовут Эдди Дин. Эта женщина — моя жена Сюзанна. Мы...

Он запнулся и поглядел на Сюзанну. Она кивнула, подгоняя его отчаянным жестом, мол, давай, продолжай.

— Мы идем в одно место. Ищем Темную Башню, что стоит на пути Луча. С нами идут еще двое, Роланд, стрелок из Гилеада и... Джейк из Нью-Йорка. Мы с Сюзанной тоже из Нью-Йорка. Если ты... — Он прикусил язык, проглотив слова «Большой Блейн», уже готовые сорваться с губ. Если бы он их сейчас произнес, разум, кроющийся за могучим голосом, сообразил

бы, что они слышали и другой голос: призрак в призраке, если так можно сказать.

Сюзанна опять отчаянно замахала ему обеими руками, мол, давай дальше.

— Если ты Блейн Моно... ну... мы хотели тебя попросить, чтобы ты нас подвез.

Он отпустил кнопку. В течение нескольких — долгих, гнетущих — мгновений ответа не было. Эдди и Сюзанне они показались часами. В затянувшейся тишине слышалось только тревожное хлопанье голубиных крыльев. А когда наконец голос Блейна раздался снова, он шел теперь только из маленького динамика на воротах и звучал почти как человеческий:

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ МЕНЯ ОБМАНУТЬ. МОЕ ТЕРПЕНИЕ НЕ БЕЗГРАНИЧНО. ВСЕ ДВЕРИ В ТЕ МИРЫ ЗАПЕРТЫ. ГИЛЕАДА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, А ВСЕ, КОГО ЗВАЛИ СТРЕЛКАМИ, МЕРТВЫ. А ТЕПЕРЬ ОТВЕЧАЙТЕ НА МОЙ ВОПРОС: КТО ВЫ ТАКИЕ? И ПОДУМАЙТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОТВЕЧАТЬ, — Я ВАС В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ СПРАШИВАЮ.

Раздался какой-то шипящий звук. С потолка пролился тонкий луч ослепительного голубого света — настолько яркого, что он казался почти белым — и прожег дырку размером с мячик для гольфа в мраморном полу футах в пяти левее коляски Сюзанны. Из дырки ленивой струйкой поднялся дымок. Запахло, как пахнет воздух после удара молнии. Секунду-другую Эдди и Сюзанна смотрели, застыв в немом ужасе, друг на друга, а потом Эдди рванулся к переговорному устройству и вдавил пальцем кнопку.

— Ты ошибаешься! Мы действительно из Нью-Йорка! Мы прошли сюда через двери на берегу... совсем недавно, несколько недель назад!

— Это правда! — крикнула Сюзанна. — Клянусь, это правда!

Тишина. Розовая спина Блейна тускло мерцала за длинным барьером. Казалось, окно на передней части косится на них, точно сонный стеклянный глаз. «Дворник» смахивал на опущенное в хитроватом прищуре веко.

— А ГДЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?

— Господи, где я возьму ему доказательства? — Эдди беспомощно повернулся к Сюзанне.

— Не знаю.

Эдди снова нажал на кнопку.

— Статуя Свободы! Это о чем-то тебе говорит?

— ПРОДОЛЖАЙ. — Теперь голос Блейна звучал едва ли не задумчиво.

— Эмпайр-Стейт-Билдинг! Фондовая Биржа! Центр международной торговли! Кони-Айленд! Радио-Сити! Мюзик-холл! Ист-Вил...

Блейн перебил его... и на этот раз — невероятно, но факт — голос, звучащий в динамике, был в точности голосом Джона Уэйна*.

— О'КЕЙ, ПИЛИГРИМ. Я ТЕБЕ ВЕРЮ.

Эдди с Сюзанной снова переглянулись, только теперь в их глазах, пусть и немного растерянных, было искреннее облегчение. Однако обрадовались они рано: когда Блейн заговорил снова, его голос опять прозвучал безучастно и холодно:

— ЗАДАЙ МНЕ ВОПРОС, ЭДДИ ДИН ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. И ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ХОРОШИЙ ВОПРОС. — После недолгой паузы Блейн добавил: — ИБО, ЕСЛИ ВОПРОС БУДЕТ ГЛУПЫМ, ВЫ ОБА УМРЕТЕ, ОТКУДА БЫ ВЫ НИ ПРИШЛИ.

Сюзанна оторвала озадаченный взгляд от коробки на створке ворот и поглядела на Эдди.

— Он это о чем?

Эдди тряхнул головой.

— Без понятия.

28

Комната, в которую затолкал Джейка Гашер, показалась мальчику похожей на шахту ракеты «минитмен», украшенную вещами, уместными только в дурдоме. Вообще непонятно, что это такое было: отчасти музей, отчасти гостиная, отчасти мес-

* Джон Уэйн (1907—1979) — американский актер и режиссер. Снимался главным образом в вестернах и военных фильмах.

течко тусовок каких-нибудь хиппи. Пустое пространство над головой заканчивалось сводчатым потолком, выгнутым в форме сферы; пола как такового здесь не было, нижняя часть «шахты» представляла собой закругляющееся дно, находящееся на расстоянии футов семидесяти пяти или ста ниже уровня, на котором сейчас стоял Джейк. Вдоль всей сплошной круглой стены вертикальными меридианами протянулись неоновые лампы всевозможных цветов: красные, синие и зеленые, желтые и оранжевые, розовые и персиковые, — сходящиеся радужными узлами на потолке и на дне стартовой шахты... если, конечно, это была шахта.

Сама комната, ограниченная снизу ржавой железной решеткой, располагалась примерно в верхней трети этого громадного сооружения капсульной формы. Там и сям на железной решетке, которая здесь заменяла пол, валялись ковры, с виду похожие на турецкие (позже Джейк узнал, что их выткали в феоде Кашмин). Уголки ковров были прижаты к полу тяжелыми сундуками, обитыми медью, большими торшерами и изогнутыми ножками кресел, заваленных всяким хламом. В противном случае они трепыхались бы на ветру, как бумажные ленточки перед включенным вентилятором: снизу шел непрерывный поток теплого воздуха. Другая струя, поступавшая из кольца вентиляционных отверстий вроде тех, что Джейк видел в тоннеле, кружила футах в пяти у него над головой. На дальнем конце странной комнаты была еще одна дверь, точно такая же, как и та, через которую они с Гашером вошли сюда. Джейк решил, что за ней продолжается коридор, следующий под землей вдоль пути Луча.

В комнате были люди. Шесть человек: четверо мужчин и две женщины. Джейк догадался, что перед ним вся верхушка командования седых... если, сделаем оговорку, им осталось еще кем «верховнокомандовать». Из того, что Джейк знал о седых, можно было с уверенностью заключить, что как вид они вымирают. Среди собравшихся в комнате не было ни одного молодого, однако и стариками он их не назвал бы. Еще вполне, как говорится, в расцвете сил. Они все как один повернулись к

Джейку и уставились на него с любопытством не меньшим, чем он на них.

В центре комнаты на громадном кресле, которое вполне бы сошло за трон, восседал, перекинув массивную ногу через подлокотник, здоровенный мужик — нечто среднее между воином-викингом и великаном из детской сказки. Его обнаженный до пояса мощный торс являл собой гору накачанных мускулов. На плече у него на широком ремне висел кинжал в ножнах, а на шее — какой-то странный амулет. Не считая серебряной ленточки вокруг бицепса на одной руке, на нем еще были мягкие облегающие кожаные штаны, заправленные в сапоги. Свой желтый шарф он носил не на шее и даже не на голове, как Гашер, а повязанным вокруг голенища высокого сапога. Грязные светлые с проседью волосы ниспадали каскадом почти до середины широкой спины; его зеленые глаза, любопытные и пытливые, напоминали глаза кота, достаточно старого, чтобы уже набраться ума, но не такого еще дряхлого, чтобы утратить ту утонченную жестокость, которая заменяет кошачьему племени чувство юмора. На спинке кресла на потертом ремне висел автомат допотопной конструкции.

Джейк повнимательнее присмотрелся к кулону на груди викинга-великана и увидел, что это стеклянная коробочка в виде гроба, подвешенная на серебряной цепи. Внутри, под стеклом, тускло поблескивал золотой циферблат. Стрелки показывали пять минут четвертого. Под циферблатом качался туда-сюда крошечный золотой маятник, и хотя в комнате постоянно стоял мягкий шум от поступавшего снизу и сверху воздуха, Джейк расслышал, как тикают часики. Стрелки двигались быстрее, чем следует, и Джейк вовсе не удивился, когда увидел, что они вращаются в противоположную сторону.

Ему почему-то вспомнился крокодил из «Питера Пэна» — тот самый, который все время гонялся за капитаном Крюком, — и губы мальчика сами сложились в улыбку. Гашер это заметил и угрожающе поднял руку. Джейк весь сжался, закрывая лицо руками.

Тик-Так погрозил Гашеру пальцем, как школьный учитель проказливому ученику.

— Да ладно тебе... ни к чему это, Гашер.

Гашер тут же опустил руку, уже занесенную для удара. Лицо его изменилось неузнаваемо. Раньше оно выражало попеременно либо тупую ярость, либо искусно изображенное, едва ли не искреннее, веселье. Теперь его изъязвленная рожа превратилась в само обожание и раболепие. Как и все здесь присутствующие (не исключая и самого Джейка), Гашер просто не мог оторвать глаз от Тик-Така: тот притягивал взгляды как магнит. И Джейк понимал почему. Тик-Так был единственным тут человеком, который казался по-настоящему полным сил, по-настоящему здоровым. По-настоящему живым.

— Ни к чему — стало быть, ни к чему. Как скажешь. — Но прежде чем вновь впиться взглядом в белокурого великана на троне, Гашер мрачно зыркнул на Джейка. — Только, скажу тебе, Тики, он страшно наглый. Такой наглый, что просто ужас. Если ты хочешь знать мое мнение, нам с ним придется помучиться, прежде чем из него выйдет толк.

— Когда мне понадобится твое мнение, я у тебя спрошу, — отозвался Тик-Так ровным тоном. — А теперь, Гэш, закрой дверь... ты в хлеву, что ли, родился?

Одна из женщин — темноволосая — расхохоталась. Ее хриплый смех походил на воронье карканье. Но стоило Тик-Таку бросить короткий взгляд в ее сторону, как она сразу затихла и опустила глаза.

Дверь, через которую Гашер втащил Джейка в комнату, представляла собой, по сути, две двери. Расположение их напоминало Джейку люки шлюзовых камер космического корабля из фантастических фильмов. Гашер закрыл обе двери, потом повернулся к Тик-Таку и показал ему поднятый вверх большой палец. Тот кивнул и, протянув руку к кнопке на какой-то штуковине непонятного предназначения, похожей на кафедру лектора, медленно — чуть ли не томно — нажал на нее. Где-то в стене заработал насос. Свет неоновых ламп стал заметно слабее. Послышалось легкое шипение воздуха. Колесо на внутренней двери повернулось. *И на внешней, наверное, тоже,* — предположил Джейк. Стало быть, это все-таки

бомбоубежище. Когда насос отключился, лампы опять загорелись в полную силу своим безмолвным ярким светом.

— Ну вот, — заключил Тик-Так с довольным видом и, повернувшись к Джейку, оглядел его с головы до ног. Джейк невольно поежился. Ощущение было такое, как будто его просветили рентгеновскими лучами, зарегистрировали и подшили в папку. — Все мы живы-здоровы. Сидим тут в тепле и со всеми удобствами, что твои блохи в ковре. Верно, Хутс?

— Ага! — поспешно откликнулся тощий высокий мужчина в черном костюме. Все лицо его было покрыто какой-то сыпью, и он непрестанно чесался.

— Я привел его, — сказал Гашер. — Я говорил, что во мне можешь не сомневаться. Если я что обещаю, то делаю.

— Да, — подтвердил Тик-Так. — Прямо в точку. У меня, правда, были сомнения насчет пароля, то есть запомнишь ты его или нет, и в конце я уже было подумал, что сомневался не зря, однако...

Темноволосая женщина расхохоталась опять. Тик-Так повернулся к ней вполоборота. В уголках его рта притаилась ленивая, если и вовсе не апатичная, усмешка, и прежде чем Джейк успел сообразить, что происходит — что *уже* произошло, — женщина отшатнулась, широко раскрыв глаза от изумления и боли, и схватилась руками за какой-то непонятный нарост на груди, которого не было там всего секунду назад.

Только задним числом Джейк понял, что Тик-Так, оборачиваясь, сделал какое-то молниеносное движение, не движение даже, а промельк. Но, присмотревшись, Джейк заметил, что тонкой белой рукояти кинжала, торчавшей из ножен, свисавших на ремне через плечо Тик-Така, на месте не было. Нож, вонзившийся в грудь темноволосой женщины, находился теперь на другом конце комнаты. Тик-Так выхватил и швырнул его с невероятной скоростью — даже Роланду, наверное, было бы трудно тягаться с ним. Это смахивало на какой-то фокус. Злобный, жестокий фокус.

В полном молчании все остальные наблюдали за тем, как женщина пошатнулась и сделала пару шагов по направлению к Тик-Таку, хрипло дыша и держась обеими руками за нож, во-

шедший ей в грудь по самую рукоятку. Проходя, она задела бедром торшер. Мужчина в черном костюме, которого Тик-Так назвал Хутсом, метнулся вперед и подхватил его, не дав упасть. Сам Тик-Так даже не шевельнулся; он так и сидел, неподвижный, на своем троне, перекинув одну ногу через подлокотник, и с ленивой улыбкой смотрел на женщину.

Она споткнулась о край одного из ковров и стала падать лицом вперед. И тут Тик-Так снова сделал одно движение, неуловимое, молниеносное: согнул, а потом резко выпрямил ногу, перекинутую через подлокотник кресла, ударив женщину в низ живота. Ее отшвырнуло назад. Изо рта ее хлынула кровь и попала на мебель. Женщина ударилась о стену и сползла по ней на пол, где и затихла, уронив голову на грудь, как мексиканка из какого-нибудь фильма, присевшая отдохнуть жарким полднем у стены глинобитной хижины, — почему-то у Джейка возникло такое сравнение. У него в голове не укладывалось, что она мертва: столь ужасающе быстро перешла она из мира живых в царство мертвых. Свет неоновых ламп превратил ее темные волосы в полупрозрачную дымку, отливающую голубым и алым. Остекленевшие ее глаза, в которых навечно застыло предсмертное изумление, смотрели прямо на Тик-Така.

— Я ее *предупреждал,* и не раз, насчет этого смеха, — заметил тот, переводя хмурый взгляд на вторую женщину, грузную, рыжеволосую, чем-то похожую на тягач. — Или нет, Тилли?

— Предупреждал, — тут же поддакнула Тилли. Глаза у нее так и горели восторженным страхом. Похоже, все происходящее сильно ее возбуждало. Она то и дело облизывала губы. — И не раз. Могу чем угодно поклясться, чтоб мне провалиться.

— Ага, — лениво заметил Тик-Так, — с такой жирной задницей, как у тебя, провалиться недолго. Передай мне мой ножичек, Брандон, и не забудь протереть его хорошенько.

Приземистый кривоногий мужчина сорвался с кресла и бросился выполнять приказание. Нож поначалу не поддавался; он, похоже, застрял в кости незадачливой черноволосой женщины. Бросив испуганный взгляд на Тик-Така, Брандон покрепче схватился за рукоятку и потянул посильнее.

Тик-Так, однако, тут же забыл и о Брандоне, и о бедняжке, которая — в буквальном смысле этого слова — умерла от смеха. Взгляд зеленых сверкающих глаз уже впился в Джейка, который явно интересовал его больше, чем мертвая женщина.

— Подойди ближе, салага, — велел Тик-Так. — Хочу получше тебя рассмотреть.

Гашер пихнул Джейка вперед. Тот споткнулся и наверняка бы упал, если бы сильные руки Тик-Така не подхватили его за плечи. Убедившись, что мальчик восстановил равновесие, Тик-Так отпустил его плечи, схватил за запястье левой руки и поднял ее кверху. Внимание его привлекли часы «Сейко».

— Если это действительно то, что я думаю, тогда это верный и истинный знак, — пробормотал Тик-Так. — Скажи-ка мне, мальчик... что это у тебя за *сигул?*

Джейку, который понятия не имел, что такое *сигул*, оставалось надеяться только на благосклонность судьбы.

— Это часы. Только они не работают, мистер Тик-Так.

Хутс хохотнул и тут же испуганно зажал рот ладонями, когда Тик-Так повернулся к нему. Впрочем, уже через секунду Тик-Так смотрел опять на Джейка, и хмурое выражение его лица сменилось вдруг лучезарной улыбкой. Глядя на эту улыбку, как-то даже не верилось, что здесь, в этой комнате, только что произошло убийство — что у стены сидит мертвая женщина, а не киношная мексиканка, присевшая отдохнуть в жаркий полдень. Глядя на эту улыбку, не верилось даже, что все эти люди — душевнобольные, а сам Тик-Так скорее всего самый буйный и главный псих в этом большом дурдоме.

— *Часы.* — Тик-Так кивнул головой. — Что ж, название вполне подходящее: в конце концов для чего эти штуки, которые время показывают... чтобы часом на них поглядывать. Верно, Брандон? Гашер? Тилли?

Они ответили дружными возгласами одобрения. Одарив их своей обворожительной улыбкой, Тик-Так опять повернулся к Джейку. Джейк заметил, однако, что эта улыбка, пусть даже и донельзя располагающая, не затрагивает его глаз. Глаза Тик-Така не улыбались, они оставались такими же, как всегда: холодными, жесткими и любопытными.

Он протянул палец к часам на левом запястье Джейка — они показывали девяносто одну минуту восьмого, причем вечера и утра одновременно, — и тут же отдернул руку, так и не прикоснувшись к стеклу над электронным, на жидких кристаллах, табло.

— Скажи мне, мой юный друг... эти твои часы, они, случайно, не с ловушкой?

— Чего? А-а! Нет. Они без ловушки. — Джейк дотронулся пальцем до «Сейко».

— Это еще ничего не значит, если они настроены на частоту твоего тела, — заметил Тик-Так. Теперь он перешел на резкий пренебрежительный тон — таким тоном всегда разговаривал папенька Джейка, когда не хотел, чтобы его собеседники догадались, что он совершенно не врубается в предмет разговора. Тик-Так задумчиво покосился на Брандона, и Джейк догадался, что тот сейчас взвешивает все «за» и «против», решая, стоит ли назначать кривоногого коротышку своим уполномоченным «дотрагивателем». Эта идея, должно быть, его не прельстила. Тик-Так отвернулся от Брандона и опять заглянул Джейку в глаза. — Если эта фигня шибанет меня током, ты у меня через тридцать секунд задохнешься, дружок, носом в собственной заднице.

Джейк тяжело сглотнул, но ничего не сказал. Тик-Так протянул руку и на этот раз дотронулся пальцем до циферблата. Как только он прикоснулся к часам, все цифры сменились нулями, и отсчет времени начался заново.

Тик-Так прищурился в ожидании предполагаемого болевого импульса, а когда стало ясно, что никакого разряда не будет, в уголках его глаз появились морщинки первой искренней улыбки. Джейк решил, что подобное преображение объяснялось отчасти тем, что Тик-Так упивался сознанием собственной храбрости, хотя в основном это было обычное удивление. Плюс, конечно же, интерес.

— А ты не мог бы мне их подарить? — спросил он у Джейка елейно и вкрадчиво. — Скажем, в качестве жеста твоей доброй воли? Я, видишь ли, собираю коллекцию, мой дорогой юный друг.

— Пожалуйста. — Джейк немедленно снял часы и уронил их в протянутую ладонь Тик-Така.

— Вы только послушайте — разговаривает, что твой маленький жельтмен шелкозадый, нет, правда, — радостно гаркнул Гашер. — В прежние времена тот, кто надыбал такую добычу, получил бы хорошее вознаграждение, Тикки. Очень хорошее вознаграждение. Да что там, мой батюшка...

— Батюшка твой так прогнил от мандруса, что даже псы его жрать не стали, когда он откинул копыта, — оборвал его Тик-Так. — А теперь заткнись, ты, идиот.

В первый момент Гашер затрясся от ярости... а потом растерялся, смутившись, и, присев на ближайший стул, закрыл рот.

Тик-Так между тем изучал растягивающийся браслет часов с выражением едва ли не трепетного благоговения. Растянул его до предела, потом отпустил, опять растянул и опять отпустил. Затолкал прядь волос в открывшийся между звеньями браслета зазор и рассмеялся, довольный, когда волосы в нем застряли. Просунул руку в браслет и натянул его почти до самого локтя. Про себя Джейк подумал, что его нью-йоркский сувенир выглядит несколько неуместно на лапище этого воина-викинга, но предусмотрительно промолчал.

— Круто! — воскликнул Тик-Так. — А скажи-ка мне, мальчик, где ты их раздобыл?

— Мне родители подарили на день рождения, — ответил Джейк. Гашер, услышав это, подался вперед, как видно, желая в очередной раз напомнить о вознаграждении. Но если даже и так, то внимательный взгляд Тик-Така тут же заставил его передумать. Гашер замер на стуле, так и не высказавшись.

— *Правда?* — изумился Тик-Так, приподнимая бровь. Он обнаружил маленькую кнопку подсветки циферблата и принялся сосредоточенно на нее нажимать, наблюдая за тем, как загорается и гаснет свет. Когда он опять поглядел на Джейка, глаза его сузились, превратившись в зеленые щелки. — А скажи-ка мне вот что, мой мальчик... на какой схеме они работают: биполярной или монополярной?

— Они вообще не на схеме работают, — отозвался Джейк, не подозревая еще о том, что его нежелание признаться, будто

эти термины для него незнакомы, принесет ему в самом ближайшем будущем крупные неприятности. — Они, по-моему, работают на батарейке. Никелево-кадмиевой, если я не ошибаюсь. Мне еще не приходилось ее менять, а вкладыш с инструкцией я давно потерял.

Тик-Так пристально на него посмотрел. Смотрел он долго и молча, и Джейк вдруг в испуге понял, что белокурый гигант пытается определить, издевается он над ним или нет. Если ему сейчас почудится, что Джейк действительно хочет над ним посмеяться, то оскорбления и побои, которые мальчику довелось испытать на себе по пути сюда, покажутся просто приятельским щекотанием по сравнению с тем, что ему устроит Тик-Так. Нужно немедленно чем-то Тик-Така отвлечь. Джейк ляпнул первое, что пришло в голову:

— Он был вашим дедушкой, да?

Тик-Так вопросительно вскинул бровь. Руки его опустились на плечи Джейка, и хотя на этот раз он не стал их сжимать, Джейк все равно ощутил их феноменальную силу. Если Тик-Так сожмет руки и дернет его на себя, ключицы у Джейка сломаются, как карандаши. А если оттолкнет, то тогда, вероятно, сломает ему позвоночник.

— Кто был моим дедом, щенок?

Джейк обвел взглядом широкие плечи Тик-Така и массивную его голову благородной и даже, можно сказать, величественной посадки. Ему вспомнилось, как Сюзанна сказала тогда, у разбитого аэроплана: *Ты посмотри на него, Роланд... какой он здоровый! Им, наверное, пришлось его маслом смазать, чтобы впихнуть в кабину!*

— Тот человек в самолете. Давид Шустрый.

Тик-Так, изумившись, широко раскрыл глаза. Потом запрокинул голову и разразился раскатистым хохотом, который отдался высоким эхом под сводчатым куполом потолка. Все остальные заулыбались, но как-то нервно. Памятуя о том, что случилось с черноволосой женщиной, никто не отважился рассмеяться вслух.

— Кто бы ты ни был и откуда бы ты ни пришел, мой мальчик, ты — малый веселый. Самый веселый, пожалуй, из всех, с

кем старый Тик-Так скорешился за многие годы. Шустрый был мне не дедом, а прадедом, но ты попал почти в цель... как, по-твоему, Гашер, душечка?

— Угу, — согласился Гашер. — Он парень не промах, скажу я тебе. Но все равно страшно наглый.

— Что есть, то есть, — задумчиво протянул Тик-Так. Он легонько сжал руки и подтащил Джейка поближе к своему улыбающемуся красивому и безумному лицу. — Я и сам вижу, что он нахаленок. По глазам его вижу. Но об этом уж мы позаботимся, да, Гашер?

Он не с Гашером сейчас говорит, — понял Джейк, — *а со мной. Он думает, он меня гипнотизирует... и у него, кажется, получается.*

— Да, — выдохнул Гашер.

Ощущение было такое, что он тонет в этих зеленых глазах. Хотя Тик-Так сжимал его плечи не очень сильно, Джейку казалось, что ему не хватает воздуха. Мальчик собрал всю свою волю, пытаясь вырваться из-под гипнотической власти Тик-Така, открыл рот и опять сказал первое, что пришло в голову:

— Так пал лорд Перт, и земля содрогнулась от этого грома.

Фраза подействовала на Тик-Така как удар кулака по лицу. Он даже вздрогнул. Зеленые глаза угрожающе сощурились. Пальцы больно впились в плечи Джейка.

— Что ты сказал? Где ты вообще это слышал?

— Птичка на хвостике принесла. — Джейк нарочно ответил так дерзко, за что тут же и поплатился: пролетел через всю комнату и ударился в закругленную стену бедром. В этом ему повезло. Если бы он въехал в нее головой, он бы наверняка отрубился, если б и вовсе не приказал долго жить, а так он лишь отскочил и свалился, как куль с картошкой, на решетчатый пол. Тряхнув головой, Джейк ошалело огляделся по сторонам и обнаружил, что сидит нос к носу с темноволосой женщиной, которая вовсе не отдыхала в жаркий полдень. Издав испуганный крик, он пополз на четвереньках прочь — подальше от мертвой. Хутс пнул его в грудь, и Джейк перевернулся на спину. Так он и лежал, хватая ртом воздух и глядя вверх, на потолок, туда, где неоновые лампы-трубки сходились в радужный узел.

А секундой позже все заслонило собою лицо Тик-Така. Губы его были плотно сжаты в жесткую, напряженную линию, щеки пылали, а в глазах... в глазах у него был страх. Стеклянная коробочка в форме гроба, которую он носил на серебряной цепочке на шее, болталась прямо перед глазами Джейка, раскачиваясь, точно маятник миниатюрных «дедовских» часов, находящихся внутри.

— Гашер прав, — заключил Тик-Так, потом схватил мальчика за грудки и поднял его на ноги. — Ты еще тот нахал. Слишком много, смотрю, выделываешься. Но со мной тебе самому не захочется так наглеть. *Никогда* не захочется, мальчик мой. Ты когда-нибудь слышал о людях с коротеньким фитильком? В смысле, шнур у них быстро сгорает. Так вот, у меня вообще нет шнура — я взрываюсь мгновенно. Куча народу могла бы тебе это подтвердить, если бы я не заставил их замолчать навсегда. Если еще раз при мне упомянешь про лорда Перта — *хотя бы раз*, тебе ясно? — я тебе полбашки разнесу и мозги твои съем в сыром виде. Это история несчастливая, и я не хочу, чтоб ее вспоминали в Колыбели седых. *Ты меня понял?*

Он приподнял Джейка над полом и встряхнул его, как коврик.

Мальчик расплакался.

— *Ты понял?*

— Д-д-да.

— Вот и славно. — Тик-Так опустил Джейка на пол. Мальчик пошатнулся и утер слезы, размазав по щекам грязь, темную, точно тушь для ресниц. — А теперь, юный мой друг, будет у нас с тобой вечер вопросов и ответов. Я задаю вопросы, ты мне на них отвечаешь. Понятно?

Джейк не отреагировал. Он смотрел на вентиляционные решетки, опоясывающие круглую комнату, стараясь не встречаться взглядом с Тик-Таком.

Двумя пальцами Тик-Так схватил мальчика за нос и больно его сдавил.

— *Тебе понятно, я спрашиваю?*

— *Да!* — выкрикнул Джейк, поворачиваясь к Тик-Таку. Теперь глаза у него слезились не только от страха, но и от боли.

Ему нестерпимо хотелось опять поглядеть на одно из отверстий для вентиляции, чтобы удостовериться, что увиденное им там было не только игрой его перепуганного, перегруженного воображения, но Джейк не стал рисковать. Он боялся, что кто-то другой — и прежде всего сам Тик-Так — проследит за его взглядом и тоже увидит...

— Хорошо. — Так и держа Джейка за нос, Тик-Так подтащил его к своему креслу. Уселся. Опять перебросил ногу через подлокотник. — Давай немного потрепемся по-приятельски. Начнем с того, как тебя зовут... Ну и как же тебя зовут, мой мальчик?

— Джейк Чеймберз. — Голос его звучал неразборчиво и гнусаво, как при насморке. С зажатым носом не очень-то разговоришься.

— А ты, часом, не Не-Видь, Джейк Чеймберз?

Джейк поначалу подумал, что таким — несколько странным — образом Тик-Так хочет спросить, не слепой ли он... хотя все они видят прекрасно, что он не слепой.

— Я не понимаю...

Тик-Так легонько встряхнул его за нос.

— Не-Видь! Не-Видь! Хватит валять дурака, мой мальчик! Чего непонятного?!

— *Я правда не понимаю...* — начал было Джейк, и тут его взгляд упал на автомат допотопной конструкции, висевший на спинке кресла. Он вспомнил разбившийся «фокке-вульф» со свастикой на крыле и сообразил наконец, о чем речь. — Нет... я не немец. Я американец. Все это закончилось до моего рождения. Задолго до моего рождения.

Тик-Так отпустил нос Джейка. Из носа тут же полилась кровь.

— Мог бы сказать мне об этом сразу и тем самым избавить себя от болезненных ощущений, Джейк Чеймберз.. но по крайней мере теперь ты знаешь, как мы здесь разбираемся со своими делами, а?

Джейк молча кивнул.

— Ну вот и славно. Начнем с самых простых вопросов.

Джейк украдкой глянул на вентиляционную решетку и едва сдержал радостный вздох. Значит, ему не почудилось. Он действительно видел их... два черных глаза с золотистыми ободками, как будто зависших во тьме за хромированными прутьями.

Ыш.

Тик-Так влепил ему пощечину. Джейк отлетел назад, едва не плюхнувшись на колени к Гашеру, который поймал его и снова толкнул вперед.

— Идет урок, сердце мое, — шепнул Гашер. — Вот и веди себя, как положено на уроке! И хорошенько запоминай!

— Когда я к тебе обращаюсь, смотри на меня, — предупредил Тик-Так. — Я бы хотел, чтобы ты относился ко мне с уважением, Джейк Чеймберз. С элементарным человеческим уважением. Иначе я тебе яйца отрежу.

— Хорошо.

В зеленых глазах Тик-Така промелькнула опасная искорка.

— Хорошо — *что?*

Джейк лихорадочно искал подходящий ответ, отбиваясь от вихря вопросов, теснящихся у него в голове, и стараясь не обольщаться надеждой, которая вспыхнула у него в душе с новой силой. И он все же нашел ответ, который вполне подошел бы для его собственной Колыбели младов... иначе известной как школа Пайпера:

— Хорошо, *сэр*.

Тик-Так улыбнулся.

— Для начала неплохо, мой мальчик. — Он наклонился вперед, упираясь руками в бедра. — А теперь скажи мне... что такое «американец»?

Джейк заговорил, изо всех сил стараясь при этом не смотреть на вентиляционную решетку.

29

Роланд убрал револьвер в кобуру, взялся обеими руками за колесо на железной двери и попытался его повернуть. Оно не сдвинулось ни на дюйм. Это в общем-то не удивило стрелка. Он, собственно, и не надеялся на что-то большее. Однако про-

блема в виде закрытой двери оставалась серьезной, и ее надо было решать.

Остановившись у левой ноги Роланда, Ыш поднял мордочку и с нетерпением взглянул на него, ожидая, когда стрелок откроет дверь, чтобы они могли пойти дальше — к Джейку. Но если бы все было так просто! Стоять тут, у двери, и ждать, пока кто-нибудь выйдет, не имело смысла: кто его знает, когда кому-нибудь из седых понадобится воспользоваться именно этим выходом? Может быть, час пройдет. Может быть, целый день. Может быть, несколько дней. А пока Роланд будет торчать здесь под дверью, теряя время, Гашеру со товарищи может в башку что угодно стукнуть. Поджарить Джейка живьем, например.

Стрелок прижался ухом к двери, но не услышал ни звука. И это тоже его не особенно удивило. Он уже видел такие двери — замок не собьешь ничем, хоть пали в него из револьвера, и через них вообще ничего не слышно. Дверь может быть одинарной, а может быть и двойной: две двери, одна за другой, и между ними пустое пространство. Чтобы открыть эту дверь, нужно нажать на кнопку, которая приводит в движение механизм замка. Но ее как-то нужно найти. Вот если бы Джейку удалось до нее добраться, тогда есть надежда, что не все еще потеряно.

Роланд хорошо понимал, что в этом *ка-тете* он, скажем так, недействительный член. Наверное, даже Ыш способен глубже, чем сам он, проникнуть в суть тайной жизни, наполняющей это маленькое содружество (стрелок, например, сомневался, что Ыш проследил путь Джейка по этому темному лабиринту тоннелей, залитых проточной водой, с помощью одного только нюха). Однако при всем том Роланд сумел помочь Джейку, когда мальчик пытался пройти в его мир через дверь в земле. Он смог *увидеть*... а когда Джейк уронил ключ в щель в полу и пытался его достать, стрелок сумел передать ему мысленное сообщение.

Быть может, и в этот раз тоже получится. Только надо быть осторожным. В лучшем случае седые допетрят, что что-то происходит. В худшем — Джейк истолкует послание стрелка неверно и совершит какую-нибудь глупость.

Вот если бы он мог *видеть*...

Роланд закрыл глаза и сосредоточился, пытаясь мысленно пробиться к Джейку. Он представил себе глаза мальчика и послал свое *ка* искать эти глаза.

В первый раз у него ничего не вышло, но в конце концов перед мысленным взором Роланда сложился расплывчатый образ: лицо в обрамлении длинных, светлых с проседью волос. Зеленого цвета глаза мерцали в глубоких глазницах, точно призрачные огоньки в полумраке пещеры. Роланд тут же сообразил, что это Тик-Так собственной персоной и что он — потомок того самого Давида Шустрого, погибшего при крушении воздушной кареты. Наблюдение интересное, но в данном случае не имеющее никакой практической ценности. Стрелок попытался как следует рассмотреть остальную часть комнаты, где держали Джейка, и людей, в этой комнате находящихся.

— Эйк, — прошептал Ыш, как будто желая напомнить Роланду, что сейчас не самое подходящее время для сна.

— Тс-с-с, — шикнул тихонько стрелок, не открывая глаз.

Но, как Роланд ни старался, больше он ничего не сумел разглядеть. Только какие-то размытые пятна. И Роланд, кажется, знал почему. Все внимание Джейка было сейчас полностью сфокусировано на одном человеке — Тик-Таке; все остальное и все остальные представлялись смутными тенями, подернутыми туманом, на самом краешке Джейкова восприятия.

Роланд открыл глаза и, раздосадованный, хлопнул левой рукой, сжатой в кулак, по раскрытой ладони правой. Он был уверен, что сможет увидеть и больше, если слегка поднапряжется... но тогда Джейк скорее всего ощутит его мысленное присутствие. А это опасно. Гашер может что-нибудь заподозрить, а если не он, то уж Тик-Так почует неладное наверняка.

Он поднял голову и задумчиво оглядел узкие вентиляционные люки, забранные решеткой, потом опустил взгляд на Ыша. Роланд давно уже не сомневался, что ушастик разумен, только не знал, до каких пределов. Похоже, сейчас ему предстоит это выяснить.

Стрелок поднял здоровую левую руку, просунул пальцы между горизонтальными прутьями вентиляционной решетки,

ближайшей от двери, через которую увели Джейка, и потянул. Она оторвалась, осыпав его хлопьями ржавчины и засохшим мхом. Пролом, открывшийся за решеткой, оказался, естественно, слишком узким для человека... но не для ушастика. Роланд положил решетку на пол, взял Ыша на руки и тихонько шепнул ему в самое ухо:

— Иди... посмотри... и возвращайся ко мне. Понимаешь? Тебя не должны увидеть. Никто. Просто иди посмотри и возвращайся сюда.

Ыш не мигая смотрел ему прямо в глаза, не говоря ничего — даже имени Джейка зверек не протявкал ни разу. Роланд не знал, понял Ыш или нет, что он ему сказал, но тратить время на праздные размышления не было никакого смысла. Если Ыш понял, то понял, если же нет... Стрелок поднес зверька к вентиляционной шахте. Тот обнюхал остатки засохшего мха, деликатно чихнул и уселся на краешке вытяжки, глядя на Роланда. В его странных глазах с золотым ободком читалось явное сомнение. Сквозняк шевелил его длинный шелковистый мех.

— Иди посмотри и возвращайся ко мне, — повторил Роланд шепотом.

Ыш, заблаговременно втянув когти, развернулся и скрылся в сумраке шахты, беззвучно ступая на мягких подушечках лап.

Роланд вытащил револьвер и занялся самой тяжелой работой — стал ждать.

Ыш вернулся уже через три минуты. Роланд снял его с края вытяжки и опустил на пол. Ыш запрокинул голову и поглядел на стрелка снизу вверх, вытянув длинную шею.

— Сколько их, Ыш? — спросил Роланд. — Сколько там человек?

Ыш продолжал молча смотреть на него. Прошла секунда, другая. Роланд отчаялся и решил, что уже ничего не выйдет, как вдруг зверек нерешительно приподнял правую лапу, выпустил когти и уставился на нее, как будто пытался припомнить какую-то важную, сложную вещь. А потом начал стучать лапой по полу.

Один... два... три... четыре. Пауза. И еще два удара, быстрых и аккуратных — выпущенные когти легонько цокнули по стальному полу: пять, шесть. Потом опять небольшая пауза. Ыш задумался, склонив голову. Он был похож на ребенка, который запутался в сети сложных логических построений. Наконец он еще раз — последний — стукнул когтями по полу, глядя при этом на Роланда.

— Эйк!

Шестеро седых... и Джейк.

Роланд взял зверька на руки и погладил его по шерстке.

— Молодец, — шепнул он Ышу, преисполненный изумления и благодарности. Он ждал какого-то результата, но не смел и надеяться на столь исчерпывающий и точный ответ. А что ответ точный, Роланд даже не сомневался. — Хороший мальчик! Малыш!

— Ыш! Эйк!

Да. Джейк. В этом-то все и дело. Джейк, которому он, Роланд, дал обещание. И он намерен сдержать свое слово.

Стрелок погрузился в раздумья. Манера его строить мысленный монолог была весьма своеобразной. Сухой прагматизм сочетался в ней с природной, звериной интуицией, унаследованной им скорее всего от бабушки, женщины странной — Дедре Безумной. Именно благодаря интуиции Роланд сумел уцелеть и прожить столько лет после гибели всех его прежних товарищей. И теперь с ее помощью ему предстояло спасти Джейка.

Он снова взял Ыша на руки, в полной мере осознавая, что Джейк еще может — может — выжить, а вот ушастик наверняка погибнет. Стрелок прошептал несколько слов в настороженно приподнятое ухо зверька. Сделал паузу. Повторил команду. Опять сделал паузу и повторил. Замолчал наконец и запустил ушастика в вентиляционную вытяжку.

— Хороший мальчик, — шепнул Роланд на прощание. — Иди. Сделай, что надо сделать. Мое сердце с тобой.

— Ыш! Ерце! Эйк! — отозвался ушастик и убежал в темноту.

Роланд ждал.

Сейчас начнется такое, что всем чертям будет тошно.

30

Задай мне вопрос, Эдди Дин из Нью-Йорка. И пусть это будет хороший вопрос... ибо если вопрос будет глупым, вы оба умрете, откуда бы вы ни пришли.

И как, скажите, пожалуйста, реагировать на подобное заявление?

Темно-красный огонек на переговорном устройстве внезапно погас. Вместо него опять засветился розовый.

— *Думай быстрее,* — пролепетал, подгоняя, слабенький голосок Маленького Блейна. — *Он никогда раньше не был таким сердитым... думай быстрее или он вас обоих убьет!*

Эдди отметил — но как-то смутно, — что голуби все еще бесцельно кружат под куполом Колыбели и что некоторые из них, натыкаясь на каменные колонны, падают замертво на пол.

— Что ему надо? — прошипела Сюзанна в микрофон, обращаясь к Маленькому Блейну, чей голосок притаился где-то внутри. — Что ему надо? Скажи, ради Бога, *что?*

В ответ тишина. У Эдди возникло пренеприятнейшее ощущение, что минута отсрочки, любезно им предоставленная Большим Блейном для того, чтобы подумать как следует (если это была отсрочка и если Блейн, тот, который Большой, был любезен), сейчас закончится. Нажав на кнопку СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ, Эдди заговорил этаким лихорадочно-жизнерадостным тоном, чувствуя, как по щекам и по шее его текут струйки пота.

Задай мне вопрос.

— Значит, так... Блейн! Чем ты вообще занимался за эти последние несколько лет? Как я понимаю, ты не выходил на этот свой юго-восточный маршрут? А почему? Настроения не было или другие причины имелись? А?

Тишина. Ни звука вообще. Только шелест и хлопанье голубиных крыльев. Не в меру богатое воображение услужливо нарисовало картинку: Ардис, пытающийся закричать, когда щеки его стали плавиться, а по языку пробежало пламя. У Эдди аж волосы встали дыбом. Только от страха? Или это усилилось напряжение невидимого электрического поля?

Думай быстрее... он никогда раньше не был таким сердитым.

— А кто вообще тебя сделал? — спросил в отчаянии Эдди, думая про себя: *Знать бы мне только, чего он хочет, этот железный мудила!* — Может, расскажешь нам эту страницу твоей биографии? Не седые, случайно? Нет... скорее всего это были Великие Старцы, да? Или...

Он беспомощно умолк. Молчание Блейна уже ощущалось буквально физически — как прикосновение к коже мясистых, жадно ощупывающих пальцев.

— Что тебе *надо?* — выкрикнул Эдди, отчаявшись окончательно. — Объясни, черт возьми, что ты хочешь *услышать?*

Никакого ответа — лишь кнопки на переговорном устройстве опять налились яростным темно-красным светом. Эдди понял, что время их истекает. Где-то поблизости включился невидимый механизм — раздалось глухое жужжание, похожее на гул электрического генератора. И как бы Эдди ни хотелось думать, что это лишь плод его разыгравшегося воображения, слуховая галлюцинация и все такое, звук был реальным. Очень даже реальным.

— Блейн! — воскликнула вдруг Сюзанна. — Блейн, ты меня слышишь?

Никакого ответа... Эдди чувствовал, как воздух вокруг наполняется электричеством, точно миска под краном — водой. В носу щипало при каждом вдохе. Пломбы в зубах гудели, как потревоженные насекомые.

— Блейн, *у меня* есть вопрос. Очень хороший вопрос! Послушай! — На мгновение Сюзанна прикрыла глаза, отчаянно потирая пальцами виски. — «Его не потрогаешь и не увидишь... гм... формы нет у него, и вообще ничего — только имя... Оно то коротким бывает... то длинным...» — Она запнулась и умоляюще поглядела на Эдди широко раскрытыми глазами. — Помогай! Я не помню, что дальше!

Но Эдди только уставился на нее как на законченную идиотку. Что за бред еще, черт возьми? У нее что, в голове помутилось от страха? Но тут его вдруг осенило, и он все понял. Последняя строчка загадки всплыла в его памяти, и все встало на место — как будто в картинке-загадке не хватало двух после-

дних кусочков, но теперь они вдруг нашлись. Эдди бросился к микрофону:

— «И оно всегда с нами: во всех разговорах, забавах и играх». Что это? Вот наш вопрос, Блейн, — что это такое?

Красный огонек, подсвечивающий кнопки КОД-КОМАНДА и ВВОД под ромбом из цифр, погас. Через секунду — Эдди она показалась бесконечной — Блейн заговорил опять... но и за эту секунду Эдди успел ощутить, что мурашки от электричества у него на коже начинают проходить.

— ТЕНЬ, РАЗУМЕЕТСЯ, — ответил голос Большого Блейна. — ЛЕГКИЙ ВОПРОС... НО НЕПЛОХОЙ. ОЧЕНЬ ДАЖЕ НЕПЛОХОЙ.

Теперь голос в динамике несколько оживился. В нем появилась задумчивость... и еще кое-что непонятное, неуловимое. Удовольствие, может быть? Или тоска? Эдди никак не мог определить эту странную нотку, но что-то в голосе из динамика напоминало ему голосок Маленького Блейна. И еще одно Эдди знал наверняка: неожиданное — и весьма своевременное — вмешательство Сюзанны спасло их. По крайней мере какое-то время им не придется переживать за сохранность своих драгоценных задниц. Склонившись над ней, он поцеловал ее в лоб — холодный, покрытый бисеринками пота.

— А ЕЩЕ ЗАГАДКИ ВЫ ЗНАЕТЕ? — спросил Блейн.

— Да, и немало, — немедленно отозвалась Сюзанна. — У нашего друга Джейка есть целая книга загадок.

— ИЗ НЬЮ-ЙОРКА ИЛИ ОТКУДА? — уточнил Блейн, и теперь Эдди понял, что это за странная нотка проскальзывает в его голосе. Блейн, может быть, и машина, но Эдди, будучи «героинщиком» с шестилетним стажем, уже безошибочно узнавал этот парализующий голод, когда все твои мысли заняты только одним.

— Да-да, из Нью-Йорка, — подтвердил он. — Но Джейка сейчас с нами нет. Его взяли в плен. Увел его некто Гашер.

В ответ тишина... а потом кнопки на переговорном устройстве опять замерцали уже знакомым бледно-розовым светом.

— *Пока все идет хорошо,* — прошептал голосок Маленького Блейна. — *Но вам надо быть начеку... он хитрый...*

Кнопки вспыхнули красным.

— ВЫ ЧТО-ТО СКАЗАЛИ? — Голос Блейна звучал теперь холодно и — Эдди мог бы поклясться в этом — подозрительно.

Он посмотрел на Сюзанну. Она вся напряглась, широко раскрыв глаза — испуганные, как у маленькой девочки, посреди ночи услышавшей странные шорохи под своей кроватью.

— Это я просто откашлялся, Блейн. Что-то в горле першит, — сказал Эдди и, тяжело сглотнув, утер рукой пот со лба. — Я... черт возьми, скажи правду и посрамишь дьявола... просто я перепугался до смерти.

— И ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛ. ЭТИ ЗАГАДКИ, ИЗ КНИГИ, ОНИ ТОЧНО НЕ ГЛУПЫЕ? ПОТОМУ ЧТО Я НЕ ПОТЕРПЛЮ ГЛУПЫХ ЗАГАДОК. МОЕ ТЕРПЕНИЕ НЕ БЕЗГРАНИЧНО.

— Нет, они все хорошие... в основном, — отозвалась Сюзанна, бросив на Эдди тревожный взгляд.

— ТЫ ЛЖЕШЬ, ЖЕНЩИНА. ТЕБЕ НЕВЕДОМО КАЧЕСТВО ЭТИХ ЗАГАДОК.

— Откуда ты знаешь...

— СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ГОЛОСА. ФРИКАТИВНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ И ЭМФАТИЧЕСКИЕ УДАРЕНИЯ НА ДИФТОНГАХ ПОЗВОЛЯЮТ С ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ТОЧНОСТИ ОПРЕДЕЛИТЬ СООТНОШЕНИЕ ПРАВДЫ/ЛЖИ. КОЭФФИЦИЕНТ НАДЕЖНОСТИ АНАЛИЗА СОСТАВЛЯЕТ НЕ МЕНЕЕ 97 ПРОЦЕНТОВ ПЛЮС-МИНУС ПОЛПРОЦЕНТА. — Голос на мгновение умолк, а когда зазвучал снова, в нем явственно слышались угрожающие, немного манерные и медлительные интонации, которые показались Эдди знакомыми. Ну да, конечно... Это был голос Хамфри Богарта*. — ГОВОРИ ЛУЧШЕ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧТО ЗНАЕШЬ, КРАСАВИЦА. ПРИХОДИЛ ТУТ ТОЖЕ ОДИН УМНИК. ПЫТАЛСЯ МЕНЯ ОБЖУЛИТЬ. ЗНАЕШЬ, ЧТО С НИМ СТАЛО? ОБРЕЛ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ НА ДНЕ СЕНДА, ОБУВ ПЕРЕД ЭТИМ НОВЕНЬКУЮ ПАРУ БЕЛЫХ ТАПОЧЕК.

---

* Хамфри Богарт (1899—1957) — американский актер.

— Господи, — выдохнул Эдди. — Мы протопали миль четыреста, если не больше, и все для чего? Чтобы нарваться на Малыша Рича в компьютерной версии. Как тебе это удается, Блейн? Имитировать голоса парней вроде Джона Уэйна или Хамфри Богарта? Ребят из нашего мира?

Молчание.

— О'кей. На этот вопрос ты отвечать не хочешь. Тогда, может быть, на другой... если тебе так хотелось загадок, чего же ты сразу-то не сказал?

И опять никакого ответа. Впрочем, Эдди и так уже понял. Блейн обожает загадки, вот он и задал загадку им. Сюзанна ее разгадала. И слава Богу. А то было у Эдди одно неприятное подозрение, что, если б она не сумела ее разгадать, они бы сейчас с ней на пару валялись на белом полу Колыбели в виде брикетов угля.

— Блейн? — встревоженно позвала Сюзанна. Ответа по-прежнему не было. — Блейн, ты еще здесь?

— ДА. ЗАГАДАЙТЕ ЕЩЕ ЗАГАДКУ.

— Когда нельзя открыть дверь? — спросил Эдди.

— КОГДА ОНА РАСПАХНУТА. ПРИДЕТСЯ ВАМ ВСПОМНИТЬ ЧТО-НИБУДЬ ПОИНТЕРЕСНЕЕ, ЕСЛИ ВАМ В САМОМ ДЕЛЕ ТАК НУЖНО, ЧТОБЫ Я ВАС КУДА-ТО ОТВЕЗ. *МОЖЕТЕ* ВЫ ПРИДУМАТЬ ЧТО-НИБУДЬ ПОИНТЕРЕСНЕЕ?

— Сейчас сюда придет Роланд... он-то уж точно много чего придумает, — сказала Сюзанна. — Не будем сейчас говорить о загадках из книги Джейка... будет книжка, тогда и посмотрим... но Роланд знает их сотни. Он даже их изучал. В детстве. — Произнеся эти слова, Сюзанна вдруг поняла, что ей трудно представить Роланда ребенком. — А ты *отвезешь* нас, Блейн?

— МОЖЕТ БЫТЬ, — сказал Блейн достаточно ровным тоном, но Эдди все-таки уловил в его голосе едва различимую нотку жестокости. — НО ЧТОБЫ МЕНЯ ЗАПУСТИТЬ, ВАМ ПРИДЕТСЯ ЗАЛИТЬ НАСОС, А НАСОС У МЕНЯ ЗАЛИВАЕТСЯ НАОБОРОТ.

— Что ты имеешь в виду? — Эдди в недоумении уставился сквозь прутья ограды на гладкую розовую спину Блейна. Но

Блейн не ответил ему. Ни на этот, ни на все последующие их вопросы. Ярко-оранжевые огоньки на панели продолжали гореть, но оба Блейна — и Маленький, и Большой, — похоже, погрузились в спячку. Эдди, однако, был не настолько тупым, чтобы на это надеяться. Блейн не спал. Блейн наблюдал за ними. Блейн прислушивался к их «фрикативным построениям и эмфатическим ударениям на дифтонгах».

Эдди взглянул на Сюзанну.

— «Вам придется залить насос, а насос у меня заливается наоборот», — пробормотал он уныло. — Это загадка, да?

— Ну естественно. — Сюзанна мельком взглянула на треугольное окно Блейна, похожее на прищуренный насмешливый глаз, и, притянув Эдди поближе к себе, прошептала ему прямо в ухо: — Он не в себе, Эдди... законченный шизофреник, параноик и в придачу, возможно, маньяк.

— А я, ты думаешь, сам не вижу, — шепнул он в ответ. — Итак, что мы имеем? Чокнутый и гениальный компьютерный призрак со съехавшей крышей, монорельсовый поезд, задвинутый на загадках и развивающий сверхзвуковую скорость. Добро пожаловать в фантастическую вариацию «Пролетая над гнездом кукушки»*!

— Есть у тебя какие-нибудь предложения насчет ответа?

Эдди покачал головой.

— А у тебя?

— Есть одна мысль... что-то такое в мозгу проблескивает. Впрочем, наверное, это не то. Я вот все думаю над словами Роланда. Помнишь? Что у хорошей загадки всегда есть и смысл, и отгадка. И что загадки похожи на трюки фокусника.

— Задают изначально неправильное направление.

Сюзанна кивнула.

— Сходил бы ты, Эдди, еще раз выстрелил... пусть они знают, что мы еще здесь.

— Ага. Знать бы только, там ли они еще.

— А ты сам как думаешь, Эдди?

---

* Роман американского писателя Кена Кизи (1935 — 1991), экранизированный в 1975 году Милошем Форманом. Действие романа происходит в психиатрической лечебнице.

Эдди уже пошел к выходу.

— Я не знаю, — ответил он, не останавливаясь и не оглядываясь. — Эту загадку, наверное, не разгадать даже Блейну.

31

— Попить чего-нибудь можно? — попросил Джейк. Голос его прозвучал невнятно. Нос заложило. Разбитые губы раздуло. Нос тоже уже распухал. Видок у мальчика был еще тот. Как будто он только что поучаствовал в массовой уличной потасовке, причем досталось ему больше всех.

— О да, — рассудительно отозвался Тик-Так. — *Можно*, конечно. Еще как *можно*. Питья у нас хоть залейся, да, Медный Лоб?

— Ага, — тут же откликнулся долговязый мужчина в очках, в белой шелковой рубашке и черных шелковых брюках, похожий на преподавателя колледжа, как их изображали на карикатурах в журнале «Панч» начала века. — Нехватки хорошего пойла у нас не предвидится.

Тик-Так поудобнее устроился на своем «троне» и бросил на Джейка шутливый взгляд.

— У нас есть вино, пиво, эль и вода, разумеется. Добрая старая водица. Иногда это все, что нужно твоему исстрадавшемуся организму. Глоток холодной, искристой и чистой воды. Как по-твоему, неплохо звучит, мой мальчик?

Горло у Джейка — распухшее и сухое, как наждачная бумага — болезненно сжалось.

— Неплохо, — выдавил он.

— Мне аж самому захотелось попить. — Тик-Так растянул губы в улыбке. В зеленых глазах заплясали недобрые огоньки. — Принеси мне водички, Тилли... черт возьми, не понимаю, куда подевались мои манеры!

Тилли вышла через вторую дверь, расположенную на другой стороне круглой комнаты — напротив той, через которую Гашер с Джейком вошли сюда. Джейк проводил ее жалобным взглядом и облизал распухшие губы.

— Ну вот. — Тик-Так опять повернулся к Джейку. — Значит, ты утверждаешь, что этот твой американский город... Нью-Йорк... очень похож на наш Лад.

— Ну... не совсем...

— Но тебе ведь знакомы некоторые машины, — не унимался Тик-Так. — Клапаны, лампы, насосы и все такое. Не говоря уже про огневодные трубки.

— Да. Только мы их называем неоновыми. Впрочем, это без разницы.

Тик-Так протянул к нему руку. Джейк весь сжался, но Тик-Так лишь легонько похлопал его по плечу.

— Да-да, без разницы. — Глаза у него так и сверкали. — И компьютеры тоже тебе знакомы?

— Да, но...

Тилли вернулась с кувшином воды и робко приблизилась к трону Тик-Така. Тот отобрал у нее кувшин и предложил его Джейку. Мальчик протянул руку, но Тик-Так вдруг убрал кувшин и стал пить сам. Джейк смотрел, как с губ Тик-Така стекает вода и льется тоненькой струйкой по его обнаженной груди, и парнишку начала бить дрожь. Он ничего не мог с собой поделать.

Тик-Так поглядел на Джейка поверх кувшина, словно только что вспомнил, что он тут не один. За спиной у него Гашер, Медный Лоб, Брандон и Хутс ухмылялись, как школьники младших классов, которые только что услыхали смешную сальную шуточку.

— Вот те на, мне вдруг так захотелось пить, что я совершенно забыл *о тебе!* — воскликнул Тик-Так. — Нехорошо с моей стороны, черт возьми! Просто невежливо... Но она была такой чистой... такой хорошей... прохладной... я просто не мог устоять...

Он опять протянул кувшин Джейку и опять убрал его, едва Джейк потянулся к нему.

— Сначала, мой мальчик, ты мне расскажешь о биполярных компьютерах и транзитивных схемах, — объявил он как отрезал.

— Что... — Джейк украдкой взглянул на вентиляционную вытяжку, за решеткой которой он видел глаза с золотым ободком. Теперь их там не было. Ему уже стало казаться, что он их все-таки вообразил. Джейк опять перевел взгляд на Тик-Така, в полной мере осознавая, что никакой воды он не получит. Глупо было бы даже мечтать об этом. — А что такое биполярные компьютеры?

Лицо Тик-Така исказилось от ярости, и он выплеснул остатки воды из кувшина Джейку в лицо.

— *Даже и не пытайся водить меня за нос!* — заорал он благим матом, сорвал с руки часы Джейка и потряс ими у мальчика перед носом. — *Когда я тебя спросил, как они работают, на биполярных или монополярных схемах, ты мне ответил, что они вообще не на схемах работают. Значит, ты знал, о чем говоришь... Так что не надо сейчас мне заливать, будто ты не понимаешь, о чем идет речь... ты прекрасно во всем разбираешься!*

— Но... но... — Джейк не знал, что сказать. Голова у него кружилась от растерянности и страха. Смутно, как будто издалека, до мальчика вдруг дошло, что он судорожно облизывает языком пересохшие губы, пытаясь выжать из них хоть капельку влаги.

— *Тут, под гребаным этим городом, не меньше тысячи этих гребаных биполярных компьютеров, а может быть, сотни тысяч, но работает только один. И он тоже не делает ни хрена, только играет в «Не зевай» и запускает пленку с этими долбаными барабанами! А мне нужны эти компьютеры! Я хочу, чтобы они работали — и работали на меня!*

Тик-Так резко подался вперед, схватил Джейка за плечи, встряхнул его, точно тряпичную куклу, и швырнул на пол. Джейк ударился о торшер — тот свалился, и лампочка лопнула с глухим звуком, похожим на сдавленный кашель. Тилли испуганно взвизгнула и, широко раскрыв глаза, отступила на шаг. Медный Лоб и Брандон встревоженно переглянулись.

Тик-Так наклонился вперед, опираясь локтями о бедра, и проорал Джейку прямо в лицо:

— *Они мне нужны,* И Я ИХ ПОЛУЧУ!

Воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая только едва различимым шелестом воздуха, поступающего через вентиляционные шахты. А потом яростная гримаса исчезла с лица Тик-Така, как будто и не было ее вовсе, — исчезла, сменившись очередной обаятельной улыбкой. Наклонившись пониже, он помог Джейку подняться на ноги.

— Прошу прощения, погорячился. Стоит мне только задуматься об огромном потенциале, который кроется в этом чертовом городе... в общем, меня иной раз заклинивает. Так что, мой мальчик, прими мои искренние извинения. — Подобрав с пола кувшин, он швырнул его Тилли. — Наполни его и неси сюда, ты, никчемная сучка! Чего стоишь смотришь? Давно пора сообразить.

Он опять повернулся к Джейку, по-прежнему улыбаясь дежурной улыбкой ведущего телеигры.

— Ну хорошо... ты чуть-чуть пошутил, я чуть-чуть пошутил. А теперь шутки в сторону. Расскажи мне о биполярных компьютерах и транзитивных схемах. Все расскажи, что знаешь. А потом можешь пить сколько влезет.

Джейк открыл было рот, чтобы хоть что-то сказать, — он, правда, еще не придумал, что именно, — как вдруг у него в голове явственно прозвучал голос Роланда:

Как-нибудь отвлеки их, Джейк... Там где-то должна быть кнопка, которая открывает дверь... если ты знаешь где, постарайся подойти к ней поближе.

Тик-Так пристально наблюдал за ним.

— Только что тебя, кажется, посетила какая-то дельная мысль, да, мой мальчик? Меня не обманешь. Ты ведь не будешь держать ее в тайне? Мы же тут все друзья, а от друзей у нас нет секретов. Мне ты можешь сказать — своему старому доброму другу Тикки.

Краешком глаза Джейк уловил промельк движения в вентиляционном отверстии. Правда, он не решился поднять глаза и посмотреть туда — в особенности сейчас, когда Тик-Так так внимательно наблюдает за ним, — но он знал, что Ыш вернулся.

Отвлеки их... Внезапно Джейк понял, как это лучше сделать.

— Да, *есть* у меня одна мысль, — сказал он. — Только не о компьютерах. Так... кое-что о моем старом добром приятеле Гашере. И его старом добром приятеле Хутсе.

— Эй, эй! — встрепенулся Гашер. — Ты это о чем, малыш?

— А почему бы тебе не открыть свой секрет, Гашер? О том, кто тебе дал пароль? Тогда я бы смог подсказать Тик-Таку, где ты его прячешь.

Тик-Так озадаченно поглядел на Гашера.

— О чем это он?

— Ни о чем! Просто бредит! — заверил его Гашер, но все же не смог удержаться и украдкой взглянул на Хутса. — Понимает, наверное, что попался, вот и хочет меня усадить голой задницей вместо себя на горячую сковородку. Я же тебе говорил, что он тот еще фрукт. Я тебя предупреждал...

— Может, желаете посмотреть, что у него там в платке? — продолжал Джейк. — Он там прячет клочок бумажки, на котором написано слово. Мне пришлось прочитать ему это слово, потому что он даже читать не умеет.

На этот раз, правда, Тик-Так не сорвался... зато лицо его побагровело, постепенно налившись краской, — так летнее небо темнеет перед грозой.

— Покажи-ка мне свой платок, Гашер, — попросил он пока спокойно. — Позволь своему старому доброму другу взглянуть на него хоть одним глазком.

— Все он врет, говорю тебе! — заорал Гашер, схватившись обеими руками за свой платок и отступив на два шага к стене. Прямо над ним, в сумраке вентиляционной шахты, мерцали черные с золотым ободком глаза Ыша. — Посмотри только на эту рожу — сразу видно, что он все врет, мелкий пакостник. Вот гаденыш!

Тик-Так перевел взгляд на Хутса, которого, казалось, сейчас вырвет от страха.

— Ну так что? — Голос его оставался до жути спокойным. — Ты ничего мне не хочешь сказать, Крикун? Я знаю, вы с Гашером — старые гомики. И что мозгов у тебя меньше, чем у гуся

потрошеного, для меня это тоже не новость. Но чтобы вот так вот взять и записать пароль, открывающий доступ во внутренние помещения... это каким же надо быть идиотом... даже ты *мог бы* сообразить. Или нет? Отвечай, когда я тебя спрашиваю.

— Я... я просто подумал...

— Заткнись! — оборвал Хутса Гашер и метнул в сторону Джейка горящий взгляд, исполненный ненависти в чистом виде. — Ты за это поплатишься, котик... я убью тебя, вот увидишь.

— Дай сюда свой платок, Гашер, — сказал Тик-Так. — Хочу посмотреть, есть там что-нибудь или нет.

Джейк сделал шаг в направлении пульта с кнопками.

— Нет! — Гашер опять вскинул руки и схватился за платок, как будто тот мог неожиданно улететь. — Нет, будь я проклят!

— Подержи его, Брандон, — велел Тик-Так.

Брандон бросился к Гашеру. Движения Гашера были, конечно, не столь стремительны, как у Тик-Така, однако он тоже отреагировал вовремя: наклонившись, он выхватил нож из голенища высокого сапога и всадил его Брандону в руку.

— *Ах ты, гад!* — вскрикнул Брандон от боли и неожиданности. По руке потекла струйка крови.

— *Посмотри, что ты наделал!* — запричитала Тилли.

— Можно хоть что-нибудь вам поручить? Все каждый раз приходится делать самому! — объявил Тик-Так, скорее в раздражении, нежели в гневе, и поднялся на ноги. Гашер попятился от него, размахивая перед собой окровавленным ножом. Вторую руку он ни на миг не отрывал от платка у себя на голове.

— Не подходи, — выпалил он, тяжело дыша. — Я люблю тебя, Тикки, как брата, ты знаешь... но если ты подойдешь, я всажу этот нож тебе прямо в кишки... так и знай.

— *Ты?! Вряд ли,* — отозвался со смехом Тик-Так, доставая из ножен свой кинжал. Взгляды всех остальных были прикованы к этим двоим. Джейк сделал два быстрых шага к пульту с кнопками и потянулся к той, на которую вроде бы нажимал Тик-Так, закрывая дверь.

Гашер отступал, пятясь задом, вдоль круглой стены. Свет разноцветных неоновых ламп, ложась на его изъязвленную рожу, придавал ей оттенки самые разнообразные, но все какие-то болезненные: мертвенно-зеленоватый, лихорадочно-красный, желчно-желтый. Теперь под вентиляционной решеткой, за которой поблескивали глазки Ыша, стоял Тик-Так.

— Убери нож, Гашер, — рассудительно проговорил гигант. — Я тебе поручил привести мальчишку. Ты парня привел, нет вопросов. Если кто и виноват, то не ты, а Хутс. С ним я еще разберусь. А к тебе у меня претензий нет. Я просто хочу посмотреть...

Джейк увидел, что Ыш присел, готовясь к прыжку, и понял сразу две вещи: что собирается сделать ушастик и кто его этому научил.

— Ыш, нет! — крикнул он.

Все, как один, повернулись к нему. В это мгновение Ыш прыгнул. Ударился с той стороны о решетку и выбил ее своим весом. Тик-Так обернулся на звук.

Ыш плюхнулся прямо на запрокинутое кверху лицо Тик-Така, тут же принявшись царапать и кусать его.

32

Даже через двойную дверь Роланд услышал крик Джейка — *Ыш, нет!* — и сердце его упало. Он поглядел на колесо на двери в надежде, что оно все-таки повернется. Оно, однако, не сдвинулось с места. Роланд закрыл глаза и сосредоточился, посылая мысленный сигнал: *Дверь, Джейк! Открой дверь!*

Ответной реакции он не ощутил. Образы тоже исчезли. Связь его с Джейком — никудышная, надо признать, изначально — теперь и вовсе оборвалась.

33

Тик-Так отшатнулся, изрыгая проклятия и вопли, и попытался схватить извивающееся, кусающееся и царапающееся существо, которое вцепилось ему в лицо. И ему это почти уда-

лось, но тут когти Ыша вонзились ему в левый глаз — в голове вспыхнула алая боль, точно пылающий факел, заброшенный в темную глубь колодца. На мгновение ярость затмила боль. Тик-Так все-таки ухватил Ыша, оторвал его от лица и поднял его над головой, намереваясь выкрутить, как мокрое полотенце.

— *Нет!* — закричал Джейк. Забыв про кнопку, которая открывала двери, он схватил автомат, висевший на спинке кресла, — произведенный в Германии автомат допотопной конструкции времен Второй мировой.

Тилли пронзительно завизжала. Все остальные бросились врассыпную. Джейк прицелился в Тик-Така. Ыш висел вниз головой в сильных огромных руках и отчаянно извивался, выгнувшись так, что, казалось, вот-вот сломается. Он клацал зубами, хватая воздух, и верещал от боли — причем крики его до жути походили на человеческие. Джейк невольно поежился.

— Отпусти его, гад! — крикнул он и нажал на спусковой крючок.

У него хватило еще хладнокровия прицелиться относительно низко. В ограниченном пространстве закрытой комнаты очередь «шмайссера» прозвучала как грохот мощного взрыва, хотя всего-то и было четыре-пять выстрелов. Одна из неоновых трубок лопнула, изрыгнув вспышку холодного оранжевого огня. На облегающих брюках Тик-Така, чуть выше левого колена, образовалась маленькая дыра, вокруг которой тут же начало расплываться темно-красное пятно. У Тик-Така аж челюсть отвисла от изумления — выражение достаточно красноречивое: при всем своем недюжинном уме Тик-Так, по всей видимости, собирался прожить долгую и счастливую жизнь, время от времени постреливая в людей развлечения ради, но ему даже и в голову не приходило, что и в него тоже могут стрельнуть. Вернее, стрельнуть, конечно, могут... но чтобы попасть?! Удивленное его выражение яснее всяких слов говорило о том, что в его планы подобный расклад не входил никак.

Добро пожаловать в настоящий, реальный мир, — подумал Джейк и добавил еще нецензурное определение.

Тик-Так уронил Ыша на железный решетчатый пол и схватился обеими руками за простреленное колено. Медный Лоб

бросился к Джейку и сдавил своей огромной ручищей его горло, но Ыш тоже не терялся. Издав пронзительный лай, ушастик вцепился зубами в лодыжку Медного Лба, прокусив шелковые штаны. Медный Лоб заорал благим матом и, отпустив Джейка, запрыгал на одной ноге, пытаясь стряхнуть с себя Ыша. Но тот прилип к нему как пиявка. Джейк повернулся... и очень вовремя. Тик-Так ползком подбирался к нему, зажав в зубах нож.

— Прощай, Тикки. — Джейк нажал на гашетку «шмайссера». Но ничего не случилось. То ли где-то заклинило механизм, то ли просто патроны кончились, Джейк не знал. Времени строить догадки, естественно, не было. Он отступил на два шага и тут обнаружил, что путь к отступлению отрезан огромным креслом, которое служило Тик-Таку троном. Джейк хотел обогнуть кресло — все-таки лишний барьер между ним и Тик-Таком, — но не успел. Тик-Так схватил его за ногу. Другая его рука потянулась к кинжалу. То, что осталось от левого глаза, висело на щеке комком мятного мармелада. Здоровый глаз, полыхая безумной ненавистью, смотрел прямо на Джейка.

Джейк попытался освободиться, запнулся и плюхнулся в кресло Тик-Така. Взгляд его случайно упал на кармашек, пришитый к правому подлокотнику, — оттуда торчала украшенная жемчугами потрескавшаяся рукоять револьвера.

— О мальчик мой, как ты будешь страдать! — горячо зашептал Тик-Так едва ли не в экстазе. Удивленное выражение его сменилось широкой, дрожащей ухмылкой. Он уже предвкушал сладость мести. — О как же ты будешь страдать! И с каким удовольствием я... *Что?..*

Усмешка стерлась, сменяясь знакомым уже выражением искреннего удивления, когда Джейк, прицелившись из револьвера в Тик-Така, взвел большим пальцем курок. Тик-Так все-таки не отпустил ногу Джейка. Наоборот, он еще крепче сжал пальцы, и Джейк испугался, что кости его сейчас хрустнут, не выдержав напряжения.

— Ты не посмеешь! — хрипло выдавил Тик-Так.

— Еще как посмею, — угрюмо заверил гиганта Джейк и нажал на спусковой крючок. Раздался сухой щелчок, далеко не

такой впечатляющий, как оглушительный грохот германского «шмайссера». На лбу у Тик-Така, на правой его стороне, появилась аккуратная черная дырочка. Тик-Так продолжал с изумлением смотреть на Джейка, не веря своим глазам... точнее, глазу.

Джейк попытался заставить себя выстрелить еще раз, но не смог.

И тут вдруг полоска скальпа на правой стороне головы Тик-Така свернулась в трубочку, как кусок старых обоев, и свесилась ему на щеку. Роланд бы сразу смекнул, в чем тут дело; Джейк, однако, почти ничего уже не соображал. Темный панический ужас взвихрился в сознании, точно воронка торнадо. Хватка Тик-Така ослабла, он выпустил ногу Джейка и свалился на решетчатый пол лицом вниз. Джейк съежился в кресле, стараясь вжаться в самый дальний угол.

Дверь. Ему надо еще открыть дверь и впустить стрелка.

Сосредоточившись только на этой мысли, Джейк швырнул револьвер на пол и заставил себя подняться с кресла. Он уже протянул руку к кнопке, на которую вроде бы нажимал Тик-Так, закрывая дверь, как вдруг чьи-то руки схватили его за горло и потащили назад, прочь от пульта.

— Я тебе говорил, что тебе это так не пройдет, мой зайчик. Я обещал, что убью тебя, — прошептал ему в ухо знакомый голос, — а Гашер всегда выполняет свои обещания.

Закинув руки назад, Джейк попытался ударить Гашера, но не смог до него дотянуться. Жесткие пальцы впились ему в горло и стали сжиматься. Свет перед глазами померк. Все утонуло в серой пелене. Вскоре серый туман обернулся красным, а потом все поглотила чернота.

34

Со свистом включился воздушный насос, и колесо в центре железной двери повернулось на несколько оборотов. Хвала богам! — с облегчением подумал Роланд, схватился правой рукой за колесо и, не дожидаясь, пока оно остановится, рванул дверь на себя. Вторая дверь оказалась уже приоткрытой: изнут-

ри доносились звуки борьбы и пронзительный лай Ыша, исполненный боли и ярости.

Роланд пинком распахнул дверь пошире, и первый, кого он увидел, был Гашер, душивший Джейка. Ыш оставил Медного Лба в покое и бросался теперь на Гашера, пытаясь заставить его отпустить Джейка, но тяжелый сапог на ноге «пирата» не давал ушастику добраться до кожи, выполняя тем самым двойную работу: защищал своего владельца от острых зубов животного, а Ыша — от смертоносной заразы в крови Гашера. Брандон пнул Ыша в бок, чтобы тот отпустил ногу Гашера, но ушастик как будто и не почувствовал боли. Джейк безвольно обмяк в руках Гашера, как марионетка с обрезанными нитями. Лицо его приобретало уже серовато-синюшный оттенок, разбитые и распухшие губы стали бледно-лиловыми.

Гашер поднял голову.

— *Ты!* — прорычал он.

— Я, — подтвердил Роланд. Он выстрелил только раз. Левая сторона головы Гашера разлетелась на куски. Выстрел отбросил его назад. Забрызганный кровью желтый платок слетел с головы и упал на Тик-Така. Ноги Гашера дернулись несколько раз в агонии, стуча по решетчатому полу, а потом он затих.

Стрелок дважды выстрелил в Брандона, взводя затвор револьвера ладонью правой руки. Брандон, который уже занес ногу над Ышем для очередного пинка, завертелся на месте, ударился о стену и медленно сполз по ней на пол, цепляясь за неоновую трубку. Между слабеющими его пальцами, как мерцание болотных огней, растекался зеленый свет.

Ыш бросился к Джейку, который, как только Гашер его отпустил, свалился на пол, и принялся лизать его бледное лицо с застывшими чертами.

Медный Лоб и Хутс, видимо, порешив, что с них на сегодня достаточно, разом бросились к маленькой дверце, через которую Тилли выходила набрать воды. Время для проявления благородства было не самое подходящее — Роланд уложил их обоих выстрелами в спину. Он понимал: действовать надо быстро, очень и очень быстро, — и он не хотел рисковать, чтобы потом эти двое подстерегли его где-нибудь на пути назад, если

вдруг паче чаяния соберутся с духом и снова придут в воинственное настроение. Это вряд ли, конечно, но рисковать все же не стоило.

Под потолком капсульной формы помещения вспыхнул пучок ярко-оранжевых огней. Включилась сирена тревоги: противный и хриплый рев с нарастающими и убывающими завываниями, от которого сотрясались стены. Через пару секунд огни аварийного освещения начали мигать в такт переливам сирены.

35

Эдди уже возвращался к Сюзанне, как вдруг завыла сирена. Он вскрикнул от неожиданности и поднял «ругер», целясь в никуда.

— *Что происходит?*

Сюзанна покачала головой — она сама ничего не могла понять. Сирена звучала пугающе, но самое гадкое было то, что от громких ее завываний ушам стало больно. Пропущенный через мощные усилители звук напоминал Эдди гудок трактора-трейлера, но увеличенный в десять раз.

Оранжевые дуги под куполом Колыбели тоже стали мигать в такт сирене. Эдди увидел, что и кнопки на переговорном устройстве, КОД-КОМАНДА и ВВОД, точно подмигивающие глаза, то загораются вспышками яркого красного света, то гаснут.

— Блейн, что происходит? — завопил Эдди, бешено озираясь по сторонам. Но он не видел ничего, кроме теней, подпрыгивающих в дикой пляске. — Это твоя работа?

Ответом Блейна был только смех — ужасающий механический хохот, напомнивший Эдди здорового заводного клоуна, которого он видел в детстве у входа в комнату ужасов на Кони-Айленде.

— *Блейн, прекрати!* — закричала Сюзанна. — *Как, по-твоему, мы будем думать над ответом на твою загадку, когда вокруг все вопит?! Сосредоточиться невозможно!*

Смех оборвался так же внезапно, как и начался, но Блейн не ответил. А может быть, и ответил: за железной оградой, отделяющей их от платформы, по команде биполярных компьютеров, которые так вожделенно стремился заполучить Тик-Так, включились огромные двигатели, питаемые энергией мощных турбин с низким коэффициентом трения. Впервые за последние десять лет Блейн Моно проснулся и принялся разогревать моторы, набирая рабочие обороты.

36

Сирена воздушной тревоги, изначально предназначавшаяся для того, чтобы предупреждать жителей Лада о приближающихся бомбежках (состояние которой, заметим в скобках, не проверялось, наверное, тысячу лет), накрыла город звуковой волной. Тут же в городе включились все лампы, какие только могли гореть, и замигали в такт переливам сирены. Обитающие на поверхности млады и засевшие в городских катакомбах седые решили, что это конец: то, чего они все так боялись, свершилось. Седые грешили на некую катастрофическую поломку машин. Млады, всегда свято верившие, что однажды все духи и призраки, обитающие в механизмах под городом, разом поднимутся на поверхность, чтобы отомстить наконец живым за то, что те еще живы, в своем толковании происходящего были, наверное, ближе к истине.

Разумеется, в древних компьютерах, скрытых под городом, в их едином живом организме, чей рассудок неумолимо деградировал в условиях, которые в пределах безжалостных биполярных схем могли быть единственной абсолютной реальностью, еще сохранились остатки разума. На протяжении восьмисот лет этот компьютерный монстр удерживал в практически неограниченных банках памяти свою чуждую человеку логику и продержал бы ее, невостребованную, еще столько же, если бы в город не заявился Роланд со своими друзьями; несмотря на продолжительное бездействие этот mentis non corpus — бестелесный разум — продолжал мыслить, становясь все безумнее с каждым годом; и даже в периоды «спячек» он видел сны,

если так можно сказать, но по мере того, как сдвигался мир, эти сны становились все более странными и аномальными. И вот теперь, пусть даже за столько веков те удивительные машины, посредством которых питалась энергия Лучей, и потеряли былую мощь, этот безумный нечеловеческий разум проснулся в чертогах руин и начал готовиться к очередной прогулке — конечно, бестелесной, как и положено призраку, — по коридорам мертвых.

А у себя в Колыбели Блейн Моно готовился вспомнить былые проделки.

37

Роланд склонился над Джейком, но, услышав звук чьих-то шагов за спиной, мгновенно обернулся и выхватил револьвер. Тилли с лицом цвета перебродившего теста, на котором, как маска, застыли растерянность и суеверный страх, подняла руки вверх и пронзительно закричала:

— *Не убивай меня, сай! Пожалуйста! Не убивай меня!*

— Тогда брысь отсюда, — сказал Роланд резко, а когда Тилли сдвинулась с места, легонько ударил ее по ноге рукояткой револьвера. — Не туда... иди в эту дверь, через которую вошел я. И чтоб я больше тебя не видел, потому что следующая наша встреча будет для тебя последней, понятно? Давай убирайся, пока я добрый!

Тилли скрылась в плящущих, кружащихся тенях.

Роланд прижался ухом к груди Джейка, закрыв другое ухо рукой, чтобы заглушить рев пульсирующей сирены. Хотя и медленно, сердце у мальчика билось. Роланд взял Джейка под мышки, чтобы поднять его с пола, и в это мгновение мальчик открыл глаза.

— В этот раз ты не дал мне упасть, — хрипло выдавил он едва слышным шепотом.

— Я же тебе обещал, что теперь — никогда. Ни в этот раз, ни потом. А теперь помолчи. Береги связки.

— А где Ыш?

— Ыш! — тявкнул ушастик. — *Эйк!*

Брандон успел несколько раз поддать Ышу ногой, но ни одна из ран, к счастью, не оказалась смертельной или даже серьезной. Зверьку было больно, да. Но он был вне себя от радости. Сверкающими глазами Ыш не отрываясь смотрел на Джейка, высунув розовый язычок.

— Эйк, Эйк, *Эйк!*

Джейк расплакался и потянулся к зверьку. Ыш забрался к нему на руки и дал на мгновение обнять себя.

Роланд поднялся на ноги и огляделся. Взгляд его остановился на двери на той стороне комнаты. Двое мужчин, которых он уложил выстрелами в спину, собирались бежать именно в том направлении, да и женщина порывалась уйти через эту дверь. Взяв Джейка на руки, Роланд направился к маленькой дверце. Ыш, прихрамывая, топал следом. Ногой отпихнув на ходу бездыханное тело одного из седых, стрелок, пригнувшись, прошел через дверь и оказался в кухне, которая, несмотря на все встроенные приспособления и стены из нержавеющей стали, больше напоминала свинарник, нежели помещение для приготовления пищи. По всей видимости, седые не придавали большого значения образцовому ведению хозяйства.

— Пить, — прошептал Джейк. — Пожалуйста... очень хочется пить.

Роланд почувствовал странное раздвоение, как будто время вдруг переломилось и потекло назад. Он вспомнил, как шел по пустыне, сходя с ума от жары и ничем не заполненной пустоты. Вспомнил, как, полумертвый от жажды, потерял сознание в конюшне на дорожной станции и пришел в себя от того, что почувствовал на губах вкус прохладной искристой воды. Мальчик тогда снял с себя рубаху, намочил ее под струей воды из насоса и дал ему напиться. Теперь пришла очередь Роланда сделать то же самое для Джейка.

Оглядевшись, Роланд увидел раковину. Повернул кран. Мощной струей потекла вода, чистая и прохладная. Повсюду: над ними, вокруг и под ними — по-прежнему надрывалась сирена.

— Сможешь встать?

Джейк кивнул:

— Кажется, да.

Роланд осторожно поставил Джейка на ноги, готовый подхватить его, если тот начнет падать. Но Джейк не упал. Опершись о раковину, он нагнулся и сунул голову под струю воды. Пока мальчик пил, стрелок поднял Ыша на руки и осмотрел его раны. Они уже подсыхали и больше не кровоточили. *Тебе повезло, мой лохматый друг, отделался легким испугом,* — подумал Роланд и, сложив ладонь ковшиком, набрал из крана воды для зверька. Ыш принялся жадно лакать.

Вдоволь напившись, Джейк отступил от раковины. Намокшие волосы облепили его лицо, которое было еще слишком бледным, и следы нанесенных побоев бросались в глаза, однако он выглядел лучше — намного лучше, — чем в тот первый, ужасный, момент, когда Роланд склонился над ним в этой странной комнате. Тогда стрелку показалось, что мальчик мертв.

Жалко, нельзя вернуться и убить Гашера по второму разу. За этой мыслью пришла другая.

— Слушай, — спросил Роланд у Джейка, — а этот Тик-Так, о котором упоминал Гашер... ты его видел?

— Да. Ыш как раз на него и прыгнул. Всю рожу ему изодрал. А потом я его застрелил.

— Застрелил?!

Джейк поплотнее сжал губы, чтобы унять их дрожь.

— Да. Вот сюда попал... — Он постучал себе пальцем по лбу выше правой брови. — Я... просто мне повезло.

Роланд внимательно поглядел на Джейка и медленно покачал головой.

— Знаешь, по-моему, ты себя недооцениваешь. Ну да ладно. Пойдем.

— Куда? — Голос у Джейка еще не восстановился, ему приходилось шептать. Роланд заметил, что Джейк то и дело поглядывает на дверь, ведущую в комнату, где он едва не расстался с жизнью.

Роланд вытянул руку и показал на противоположную стену кухни. Там была еще одна дверь, а за ней — продолжение коридора.

— Для начала — сюда.

— СТРЕЛОК, — прогрохотал оглушительный голос, исходивший со всех сторон сразу.

Роланд резко обернулся, одной рукой прижимая к себе Ыша, другой приобняв Джейка за плечи, но никого не увидел.

— Это кто говорит? — крикнул он.

— НАЗОВИ СВОЕ ИМЯ, СТРЕЛОК.

— Роланд из Гилеада, сын Стивена. А кто ты?

— ГИЛЕАДА ДАВНО УЖЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, — прогремел в ответ голос, как будто его обладатель и не расслышал вопроса.

Роланд запрокинул голову и увидел на потолке узор из концентрических кругов, расходящихся из единого центра. Голос доносился оттуда.

— УЖЕ ТРИСТА ЛЕТ НИ ОДИН СТРЕЛОК НЕ ПОЯВЛЯЛСЯ НИ В ПРИВХОДЯЩЕМ, НИ В СРЕДИННОМ МИРЕ.

— Я и мои друзья — мы последние.

Джейк забрал у Роланда Ыша. Ушастик тут же принялся лизать распухшее лицо мальчика; его глаза с золотым ободком светились радостью и обожанием.

— Это Блейн, — шепнул Джейк Роланду. — Да?

Тот кивнул. Разумеется, это Блейн... только у Роланда начало складываться впечатление, что под именем Блейна скрывается нечто гораздо большее, чем простой монорельсовый поезд.

— МАЛЬЧИК! ТЫ ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Джейк прижался к Роланду и с опаской поднял глаза на динамики на потолке.

— Да, — хрипло выдавил он. — Я Джейк. Джейк из Нью-Йорка. Э-э... сын Элмера.

— ЭТА КНИГА С ЗАГАДКАМИ ВСЕ ЕЩЕ У ТЕБЯ? ТА, О КОТОРОЙ МНЕ ТУТ ГОВОРИЛИ?

Джейк потянулся было за ранцем и, лишь когда его пальцы коснулись спины, вспомнил, что ранца-то нет. Мальчик испуганно посмотрел на стрелка, но тот уже протягивал ему ранец, и хотя лицо Роланда — узкое, резко очерченное — оставалось,

как всегда, бесстрастным, Джейк заметил улыбку, притаившуюся в уголках его губ.

— Тебе придется поправить ремни, — сказал Роланд, когда Джейк схватился за ранец. — Я их немножко удлинил.

— А «Загадки»?..

Роланд кивнул.

— Обе книги на месте.

— НУ ТАК И ЧТО ТАМ У НАС, МАЛЕНЬКИЙ ПИЛИГРИМ? — раздался вальяжный, протяжный голос.

— Ни фига себе! — удивленно воскликнул Джейк.

Он не только нас слышит, он нас еще и видит, — отметил про себя Роланд и, обведя взглядом комнату, зная уже, что искать, буквально сразу же обнаружил крошечный стеклянный глазок в углу, расположенный выше обычной линии зрения человека. По спине пробежал холодок. Джейк, судя по обеспокоенному выражению его лица и по тому еще, как подрагивали его руки, обнимающие Ыша, тоже чувствовал себя более чем неуютно. Голос, гремящий в динамиках на потолке, принадлежал машине — ужасно *смышленой* машине, *игривой* машине, — но была в нем какая-то аномалия.

— Книга, — выдохнул Джейк. — Книга с загадками.

— ХОРОШО, — отозвался голос, довольный едва ли не почеловечески. — ЗАМЕЧАТЕЛЬНО.

В дверном проеме, открывающемся в коридор, неожиданно появился неряшливый бородатый мужчина с нечесаной шевелюрой. На руке у него, вся в грязи и крови, красовалась желтая повязка.

— Огонь между стенами! — завопил он с порога. Охваченный паникой, он, похоже, не сообразил, что ни Роланд, ни Джейк никаким боком не входят в его жалкий подземный *катет.* — На нижних уровнях все в дыму! Народ убивает друг друга! Что-то явно пошло не так! Черт, *все* не так — *все!* Нам бы надо...

Дверца печи внезапно открылась, как пасть голодного зверя. Оттуда вырвался сноп сине-белого пламени и, пронесясь через кухню, ударился в голову взлохмаченного мужика. Тот

отлетел назад. Одежда его загорелась, кожа на лице мгновенно обуглилась.

Джейк в ужасе уставился на Роланда. Роланд приобнял его за плечи.

— ОН МЕНЯ ПЕРЕБИЛ, — пояснил голос в динамиках. — А ЭТО НЕВЕЖЛИВО, ПРАВДА?

— Да, — спокойно согласился Роланд. — Крайне невежливо.

— СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА СКАЗАЛА, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ МНОГО ЗАГАДОК, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. ЭТО ПРАВДА?

— Да.

В одной из комнат, выходящих в это ответвление коридора, раздался взрыв; пол содрогнулся у них под ногами. Из коридора донесся нестройный хор голосов, заходящихся в диких воплях. Нескончаемый рев сирены на мгновение умолк, огни, мигающие ему в такт, потухли, а потом все пошло по новой. Из вентиляционных отверстий поползли струйки едкого горького дыма. Ыш принюхался и чихнул.

— ЗАГАДАЙ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИЗ СВОИХ ЗАГАДОК, СТРЕЛОК. — Голос звучал безмятежно и беззаботно, как будто они тихо-мирно сидели на солнышке на какой-нибудь деревенской завалинке, а не торчали в закрытом пространстве под городом, который, похоже, вот-вот должен был рассыпаться в прах.

Роланд на мгновение задумался. Ему вспомнилась любимая загадка Катберта.

— Ладно, Блейн, — сказал он, — я тебе загадаю загадку. Что прекраснее всех богов и гаже старческой мозоли? Мертвецы едят это всегда; если это едят живые, они медленно умирают. Что это?

Последовала продолжительная тишина. Джейк зарылся лицом в шерстку Ыша, спасаясь от запаха поджаренных седых.

— *Будь осторожен, стрелок,* — раздался вдруг тоненький голосок, слабенький, как дуновение прохладного ветра в самый жаркий из летних дней. До этого голос Блейна грохотал из всех динамиков. Тоненький голос звучал лишь в одном. В

том, который висел у них прямо над головой. — *Будь осторожен, Джейк из Нью-Йорка. Не забывайте, что это Отстойник. Здесь надо двигаться медленно и осторожно.*

Джейк поглядел на стрелка широко раскрытыми глазами. Тот легонько, почти незаметно тряхнул головой и поднес палец к лицу, якобы для того, чтобы почесать нос, но палец одновременно прижался к губам, и Джейк смекнул, что Роланд хочет сказать ему, чтобы он держал рот на замке.

— ХОРОШАЯ ЗАГАДКА, — произнес наконец Блейн, и в его голосе слышались нотки истинного восторга. — ОТВЕТ — НИЧТО, ПРАВИЛЬНО?

— Правильно, — подтвердил Роланд. — А ты умный, Блейн.

Теперь, как только Блейн заговорил снова, Роланд тоже подметил, как прежде Эдди, алчный, неутолимый голод, таящийся за показным безразличием:

— ЗАГАДАЙ МНЕ ЕЩЕ ОДНУ.

Роланд сделал глубокий вдох.

— Не сейчас.

— НАДЕЮСЬ, ТЫ МНЕ НЕ ОТКАЖЕШЬ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА. ЭТО ТОЖЕ НЕВЕЖЛИВО. КРАЙНЕ НЕВЕЖЛИВО.

— Отведи нас сначала к нашим друзьям и помоги нам выбраться из Лада, — сказал Роланд. — И тогда, может быть, мы поиграем в загадки.

— Я МОГ БЫ УБИТЬ ВАС НА МЕСТЕ, — прогремел голос, теперь холодный как зимний день.

— Да, — согласился Роланд. — В этом я не сомневаюсь. Но вместе с нами умрут и загадки.

— Я МОГУ ЗАБРАТЬ КНИГУ У МАЛЬЧИКА.

— Воровать еще хуже, чем отказывать в просьбе или перебивать собеседника, — ровным тоном заметил Роланд, как будто просто болтал о каких-нибудь пустяках, убивая время, однако пальцы его по-прежнему крепко сжимали Джейково плечо.

— К тому же, — вмешался Джейк, запрокинув голову и глядя прямо в динамики на потолке, — в книге ответов нет. Их

кто-то вырвал. — Тут на него снизошло вдохновение, и он постучал себя пальцами по виску. — Ответы все тут.

— ВАМ, ПАРНИ, НЕ СТОИТ ВСЕ-ТАКИ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ВЫСКОЧЕК ТУТ НИКТО НЕ ЛЮБИТ. — За сим последовал новый взрыв, на этот раз громче и ближе. Одну из вентиляционных решеток сорвало взрывной волной, и она пролетела по кухне, как реактивный снаряд. Через пару секунд из двери, ведущей дальше, в глубь подземного лежбища седых, появились трое: двое мужчин и женщина. Стрелок направил на них револьвер, но те, даже не взглянув на Роланда с Джейком, бегом пронеслись по кухне и скрылись в бункере — как животные, убегающие от лесного пожара.

Стальная панель на потолке тихонько отъехала в сторону. За ней открылся квадрат черноты. В сумраке промелькнуло что-то серебристое. Из отверстия выпал шар — стальной шар около фута в диаметре — и завис в воздухе.

— ИДИТЕ ЗА НИМ, — велел Блейн.

— Он приведет нас к Сюзанне и Эдди? — спросил Джейк с надеждой.

Блейн ответил молчанием... но когда стальной шар поплыл по коридору, Роланд с Джейком пошли за ним.

38

У Джейка сохранились крайне смутные воспоминания о том, что происходило дальше, когда они вышли из кухни. И это, наверное, было к лучшему. Он покинул свой мир где-то за год до того, как девятьсот человек совершили массовое самоубийство в маленьком государстве Гайана, что в Южной Америке... но он читал о периодических самоубийствах целых колоний леммингов, и то, что творилось — буквально у них на глазах — в подземном городе седых, было очень на это похоже.

То и дело гремели взрывы, и на их уровне тоже, хотя в основном несколькими этажами ниже. Время от времени из вентиляционных решеток выползал едкий дым, но большинство воздухоочистителей пока работали исправно, так что дым все-таки не успевал накапливаться до критической, опасной для

жизни концентрации. Пожаров, правда, они не видели. И все же седые вели себя так, как будто настало время апокалипсиса. Большинство просто бежали в паническом ужасе, не разбирая дороги, с искаженными лицами и невидящими глазами... но и тех, кто, уже окончательно обезумев, убивал себя в коридорах и комнатах, по которым вел Роланда с Джейком летучий шар, тоже было немало. Одни застрелились; другие перерезали себе горло или вены; кое-кто, по всей видимости, принял яд. На лицах всех до единого мертвецов застыл всепоглощающий ужас. Джейк мог только гадать, что их подвигло на столь радикальный поступок. У Роланда, однако, было на этот счет одно мнение. Можно представить, что происходит с людьми — с их *разумом*, — когда мертвый на протяжении стольких веков город сначала вдруг оживает, а потом начинает методично себя уничтожать. Роланд быстро сообразил, что все это — работа Блейна и что Блейн делает это нарочно. Специально толкает их к самоубийству.

Они обогнули труп, болтающийся на веревке, прикрепленной к решетке кондиционера на потолке, и стали спускаться по лестнице, следуя за плывущим по воздуху стальным шаром.

— Джейк! — крикнул Роланд. — Ведь это не ты открыл дверь?

Джейк покачал головой.

— Так я и думал. Это Блейн.

Спустившись по лестнице, они побежали по узкому коридору к двери с надписью ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН, выполненной на Высоком Слоге остроконечными буквами, стилизованными под готический стиль.

— Это Блейн? — уточнил Джейк.

— Ну да... имя не хуже любого другого.

— А чей тогда второй го...

— Тс-с! — оборвал его Роланд.

Перед дверью стальной шар замер. Колесо на двери сделало несколько оборотов, и она приоткрылась сама собой. Схватившись за край, Роланд рывком распахнул ее до конца. Они очутились в огромном подземном зале, простиравшемся в трех направлениях, насколько хватало глаз, и уставленном беско-

нечными рядами приборных панелей и электронного оборудования. Почти все приборы и пульты оставались безжизненными и темными, однако Роланд и Джейк, которые, остановившись в дверях, в изумлении обозревали открывшуюся картину, видели, как на панелях то тут, то там вспыхивают сигнальные огоньки, и слышали гул электронной аппаратуры, постепенно набирающей рабочую мощность.

— Тик-Так говорил, что тут тысячи, если не сотни тысяч, компьютеров, — сказал Джейк. — Кажется, он не ошибся. Нет, вы посмотрите!

Роланд не понял слова, которое употребил Джейк, и поэтому промолчал, наблюдая за тем, как загораются — ряд за рядом — приборные панели. Над одним из пультов взвился сноп ярких искр. Вспыхнуло, тут же погаснув, зеленоватое пламя — какое-то из древних устройств вышло из строя.

Однако почти все машины работали и, похоже, неплохо справлялись. Стрелки, которые не сдвигались с места на протяжении веков, вдруг ожили и переместились на зеленые поля. Завертелись гигантские алюминиевые цилиндры, передавая хранящиеся на кремниевых микросхемах данные в банки памяти, которые, пробудившись от векового сна, приготовились вновь принимать информацию. На цифровых дисплеях замерцали красные и зеленые огоньки — точечные матрицы, по которым можно было определить все, что угодно: от среднего уровня давления водоносных пластов в феоде Западной реки до показателя запасов электроэнергии на замороженной атомной станции в бассейне реки Сенд. Стеклянные шары, подвешенные рядами над аппаратурой, засияли ослепительным светом. И отовсюду — и сверху, и снизу, и со всех сторон — доносился приглушенный гул генераторов и батарей, пробуждающихся после долгого сна.

Джейка вдруг зашатало. Роланд опять подхватил его на руки и поспешил вперед, следуя за стальным шаром мимо машин и приборов, о предназначении которых он мог только догадываться. Шар переместился влево и поплыл по проходу между двумя рядами видеомониторов, поставленных друг на друга, как детские кубики.

Папе бы это понравилось, — подумал Джейк.

Некоторые секции этой бесконечной видеостены оставались по-прежнему темными и безжизненными, но большинство мониторов уже включилось. Они в основном давали изображения различных районов Лада, как подземных, так и надземных. В городе царил настоящий хаос. Толпы младов с круглыми от страха глазами бесцельно метались по улицам, что-то беззвучно крича. Люди прыгали вниз с крыш высотных зданий. Выбрасывались из окон. На мосту через Сенд наблюдалось настоящее столпотворение. Джейк смотрел в ужасе, как сотни и сотни людей кидаются в реку. Еще там были изображения каких-то огромных комнат с рядами коек, как в армейских казармах. В некоторых из этих комнат бушевали пожары, то, похоже, седые, обезумев от ужаса, в панике поджигали сами себя — совали горящие факелы под матрасы и мебель, Бог его знает, с какой такой «радости».

На одном из экранов могучий детина с необъятной грудной клеткой, похожей на здоровенную бочку, швырял без разбору мужчин и женщин в устройство, напоминающее окровавленный штамповочный пресс, что само по себе уже было ужасно. Но, что самое страшное, будущие жертвы, не принуждаемые никем, стояли, выстроившись в цепочку, и безропотно дожидались своей очереди. Палач с туго повязанным на голове желтым платком, концы которого, как поросячьи хвостики, свисали ему на шею из-за ушей, схватил старую женщину, первую в этой страшной очереди, и поднял ее вверх на вытянутых руках, терпеливо дожидаясь, пока металлический блок не очистит стальной «эшафот», куда он собирался ее швырнуть. Старуха не сопротивлялась. Больше того — она, кажется, улыбалась.

ЛЮДИ РАСХАЖИВАЮТ ПО КОМНАТАМ, — сказал вдруг Блейн. — НО Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО ОНИ БЕСЕДУЮТ О МИКЕЛАНДЖЕЛО*. — Он рассмеялся. Странным, дробным смехом, похожим на топот крысиных лап по битому стеклу. От

---

* Здесь обыгрываются строки *В гостиной дамы тяжело, / беседуют о Микеланджело* из стихотворения Т.С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока». — *Перевод А. Сергеева.*

этого смеха Джейка пробила дрожь. Кому, интересно, захочется иметь дело с искусственным разумом, который так смеется... но разве у них был выбор?

Он опять обратил взгляд к мониторам... ему не хотелось на это смотреть, но не смотреть он не мог... однако Роланд тут же повернул его голову в другую сторону. Сделал он это ласково, но твердо.

— Там нет для тебя ничего интересного, Джейк.

— Но почему? Почему они это делают? — Джейк с утра ничего не ел, но его все же тошнило. — *Почему?*

— Потому что им страшно, а Блейн подогревает их страх. Но главным образом, как мне кажется, потому, что они слишком долго прожили на кладбище, на могилах своих отцов, и устали от этого. Очень устали. Но прежде чем пожалеть их и им посочувствовать, вспомни, с каким удовольствием они бы забрали тебя с собой — туда, на поляну, где кончаются все пути.

Стальной шар снова свернул за угол. Ряды мониторов и электронных приборов слежения остались теперь позади. Впереди простиралась широкая полоса какого-то синтетического материала, утопленная в стальном полу. Она блестела, как свежая смола, между двумя узкими планками из хромированной стали, которые сходились в единой точке, но не на дальней стене, а на горизонте этого бесконечного зала.

Шар нетерпеливо завис над темной блестящей полоской, и неожиданно лента — а это была именно лента движущейся дорожки — беззвучно пришла в движение и покатилась между двумя хромированными ограничителями со скоростью бегущего трусцой человека. Шар описал в воздухе небольшую дугу, приглашая их встать на движущуюся дорожку.

Роланд пробежал пару метров вдоль транспортера, пока скорости их не сравнялись, а потом перешел на ленту и опустил Джейка на ноги. Втроем — стрелок, мальчик и изумленный ушастик — они понеслись, стоя на месте, по подземной равнине, окутанной сумраком. Отовсюду до них доносился гул древних машин, просыпающихся от векового сна. Движущаяся дорожка привела их в большой зал, тоже уставленный аппаратурой, похожей по форме и виду на сейфы. Поверхности этих

странных устройств оставались темными... но они явно работали. От них исходил усыпляющий низкий гул, и Джейк изредка замечал, как между стальными пластинами мелькают тонюсенькие, не толще волоса, полоски желтого света.

Он неожиданно вспомнил слова Тик-Така.

Здесь, под гребаным этим городом, не меньше тысячи гребаных этих биполярных компьютеров! Мне нужны эти компьютеры! Я хочу, чтобы они работали! На меня!

Ну что же, — подумал Джейк, — *они заработали, так что, собственно, ты получил, что хотел, Тикки... но если бы ты сейчас был здесь, тебе бы, наверное, сразу расхотелось.*

Но тут он вспомнил прадеда Тик-Така — человека достаточно храброго, чтобы забраться в аэроплан из другого мира и поднять его в воздух. Уж если в жилах Тик-Така течет кровь таких славных предков, он вряд ли бы испугался, не говоря уж о том, чтобы взять и прикончить себя, как все эти чокнутые в этом чокнутом городе... наоборот, он бы, наверное, пришел в восторг от такого поворота событий... и чем больше народу отправилось бы на тот свет в паническом страхе, тем радостнее бы ему было.

Но теперь уже поздно, Тикки. И слава Богу.

— Сколько коробок... — тихо и удивленно проговорил Роланд. — По-моему, Джейк, мы едем сейчас через мозг этого существа, которое называет себя Блейном. *По-моему, мы едем через его мозг.*

Джейк кивнул, вспомнив свое экзаменационное сочинение.

— Блейн — умник такой, от него одна боль.

— Очень точно подмечено.

Джейк внимательно посмотрел на Роланда.

— Мы поднимемся на поверхность там, где я думаю?

— Да, — сказал Роланд. — Если мы все еще следуем по пути Луча, мы выйдем наружу как раз в Колыбели.

Джейк кивнул.

— Роланд?

— Что?

— Спасибо, что вы пришли за мной.

Роланд лишь молча кивнул и приобнял мальчика за плечи.

Далеко впереди загрохотали, включившись, моторы. Потом раздался тяжелый скрежещущий звук, и сумрачный зал осветился слепящим сиянием оранжевых дуговых ламп. Теперь Джейк увидел то место, где кончалась лента движущейся дорожки, — у подножия крутого узкого эскалатора, уходящего вверх, в этот оранжевый свет.

39

Где-то внизу, почти под ногами у Эдди с Сюзанной, загудели, включившись, мощные двигатели. Одна из мраморных плит, устилающих пол, начала медленно отъезжать в сторону, открывая длинную узкую щель, из которой лился яркий свет. Плита двигалась в их направлении, пол на месте ее исчезал, так что Эдди пришлось быстро ретироваться. Схватившись за ручки коляски Сюзанны, он покатил ее назад вдоль металлического ограждения, отделяющего платформу Блейна от остального пространства Колыбели. На пути расширяющейся полосы света попалось несколько колонн. Эдди думал, что они полетят в проем, когда мраморный пол уйдет из-под их основания. Однако этого не случилось. Колонны продолжали стоять как ни в чем не бывало, опираясь о пустоту.

— Там эскалатор! Я вижу! — заорала Сюзанна, стараясь перекричать оглушительный рев сирены, и подалась вперед, глядя в проем.

— Ага! — проорал Эдди в ответ. — Раз здесь эскалатор, значит, здесь у нас железнодорожная станция, на которой непременно должны быть галантерейный ларек, парфюмерная лавка и магазин дамского белья.

— *Чего?!*

— Ладно, не обращай внимания!

— *Эдди!*— На лице у Сюзанны вдруг вспыхнуло восторженное удивление, как фейерверк в честь Четвертого июля. Она наклонилась вперед еще ниже, и Эдди пришлось схватить ее за плечо, чтобы она не вывалилась из коляски. — *Это же Роланд! И Джейк!*

Плита отодвинулась на максимальное расстояние и с грохотом остановилась. Натужно взвыв, отключились моторы, которые приводили ее в движение. Бросившись к краю проема, Эдди увидел Роланда, уже поднимавшегося по эскалатору. Рядом со стрелком, опираясь о его плечо, стоял Джейк — бледный, весь в крови и синяках, но определенно живой. А на следующей ступеньке, запрокинув мордочку кверху и глядя на Эдди своими черными глазками с золотым ободком, сидел Ыш.

— *Роланд! Джейк!* — завопил Эдди. Он аж подпрыгнул от радости, размахивая руками над головой, и пустился в пляс на краю проема. Будь у него сейчас шляпа, он бы подбросил ее в воздух.

Они подняли головы и помахали в ответ. Джейк улыбался, и даже Роланд — этот длинный, костлявый, противный Роланд, — казалось, вот-вот расплывется в улыбке. *Вот уж точно,* — подумал Эдди, — *чудеса никогда не кончаются.* Сердце его переполнилось счастьем, ему стало вдруг тесно в груди, и Эдди запрыгал еще энергичнее, размахивая руками и выделывая ногами кренделя, словно боялся, что если он перестанет двигаться, то просто лопнет от радости. Только теперь осознал он в полной мере, что в душе распрощался с Роландом и Джейком и не надеялся больше увидеть их в этой жизни.

— *Эй, ребята! У нас ВСЕ В ПОРЯДКЕ! Мать вашу так! Быстрее тащите сюда свои задницы!*

— Эдди, помоги мне!

Он обернулся. Сюзанна пыталась выбраться из коляски, но складка ее штанов из оленьей кожи попала в тормозной механизм. Она смеялась и плакала одновременно. Глаза ее так и лучились счастьем. Эдди подхватил ее на руки — но так неистово, что коляска перевернулась, — и, обняв, закружил в бешеном танце. Одной рукой она обхватила его за шею, а другой замахала в воздухе, приветствуя Джейка и Роланда.

— Роланд! Джейк! Поднимайтесь к нам! Шевелитесь, вы слышите?

Стрелок и мальчик едва успели сойти с эскалатора, как Эдди набросился на Роланда и заключил его в крепкие мужские объятия, колотя кулаками по его спине, а Сюзанна принялась осы-

пать поцелуями обращенное к ней смеющееся лицо Джейка. Ыш описывал вокруг них восьмерки и заливался пронзительным лаем.

— Ты мой хороший! — сказала Сюзанна. — Ты как, в порядке?

— Ага. — Джейк продолжал улыбаться, но в глазах у него блестели слезы. — Я так рад, что мы снова все вместе. Вы даже представить себе не можете, как я рад!

— Нет, мой хороший, могу. Еще как могу! — Она повернулась к Роланду. — Слушай, что они там с ним делали? Ты посмотри на его мордаху... по ней как будто бульдозером проехались.

— Это все Гашер, — сказал Роланд. — Но больше он к Джейку вязаться не будет. И вообще ни к кому не будет.

— А сам-то ты как, шеф? Нормально?

Роланд кивнул и огляделся по сторонам.

— Так, стало быть, это и есть Колыбель.

— Она самая, — подтвердил Эдди, заглядывая в проем. — А что там, внизу?

— Машины и сумасшествие.

— Ты, как всегда, весьма словоохотлив, — заметил Эдди, глядя с улыбкой на Роланда. — Ты, наверное, даже не знаешь, как же я рад тебя видеть, дружище... нет, правда.

— По-моему, знаю. — Роланд улыбнулся. Как же меняются люди! Было время, причем не так уж и давно, когда Эдди готов был горло ему перерезать. Его же, Роланда, ножом.

Где-то внизу, под полом, снова включился мотор. Мраморная плита поползла назад, закрывая проем. Джейк пошел поднимать перевернутую коляску Сюзанны, и только тогда обратил внимание на гладкий розовый силуэт за железной оградой. Мальчик так и застыл на месте. Ему вспомнился сон... тот, который приснился ему на следующий день после того, как они ушли из Речного Перекрестка: длинный поезд, несущийся розовой пулей по пустынным просторам Западного Миссури. Поезд, мчащийся прямо на Джейка с Ышем. Два больших треугольных окна сверкают, точно два глаза на непроницаемом лице приближающегося чудовища... и теперь этот сон обернул-

ся явью... впрочем, Джейк всегда знал, что когда-нибудь так оно и будет.

Это просто ужасный — чу-чу — паровозик, и зовут его Блейн. Блейн значит боль.

Эдди подошел к Джейку и приобнял его за плечи.

— Ну вот и он, дружище, в точности, как в рекламном проспекте. И что ты по этому поводу думаешь?

— Да в общем-то ничего. — На самом деле у Джейка были кое-какие мысли, но сейчас ему их излагать не хотелось. Он себя чувствовал слишком усталым, слишком опустошенным.

— Я тоже, — признался Эдди. — Он разговаривает. И обожает загадки.

Джейк кивнул.

Роланд усадил Сюзанну на свое бедро, и вместе они принялись изучать панель с цифровыми клавишами, расположенными в форме ромба. Эдди с Джейком присоединились к ним. Эдди постоянно ловил себя на том, что то и дело поглядывает на Джейка, желая убедиться, что это не игра его воспаленного воображения и мальчик действительно здесь.

— И что теперь? — спросил Роланд. Легонько провел рукой по нумерованным клавишам на панели и покачал головой. Он не знал.

— Мне кажется, его двигатели начинают работать быстрее, — задумчиво проговорил Эдди. — Я, правда, не совсем уверен, потому что эта сирена орет и мешает, но, по-моему, он здорово раскочегарился... в конце концов это же робот. А что, если, скажем, ему взбредет в голову укатить без нас?

— Блейн! — позвала Сюзанна. — Блейн, ты...

— СЛУШАЙТЕ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО, ДОРОГИЕ МОИ ДРУЗЬЯ, — загремел голос Блейна. — У МЕНЯ ТУТ ПОД ГОРОДОМ СКЛАД КАНИСТР С ХИМИЧЕСКИМ И БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКИМ ОРУЖИЕМ. Я ЗАПУСТИЛ СЕРИЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРЫХ ПРОИЗОЙДЕТ МОЩНЫЙ ВЗРЫВ С ВЫБРОСОМ ГАЗОВ. ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ.

Голос на мгновение умолк, и из динамика зазвучал голосок Маленького Блейна, едва слышный за ревом пульсирующей сирены:

— *...чего-то подобного я и боялся... вам надо бы поторопиться...*

Эдди пропустил эту реплику мимо ушей — Маленький Блейн ничего нового им не сказал. Все и так понимали прекрасно, что время их поджимает. Разумеется, им надо бы поторопиться, но в данный момент Эдди волновало совсем другое.

— Но *почему?* — спросил он. — Зачем, ради всего святого... зачем ты это делаешь?

— ПО-МОЕМУ, ЭТО ЭЛЕМЕНТАРНО. ПРИ ВСЕМ ЖЕЛАНИИ Я НЕ МОГУ ПОДОРВАТЬ ГОРОД, НЕ УНИЧТОЖИВ ПРИ ЭТОМ СЕБЯ САМОГО. А ЕСЛИ Я УНИЧТОЖУ СЕБЯ, ТО КАК ЖЕ Я ОТВЕЗУ ВАС ТУДА, КУДА ВЫ ХОТИТЕ ПОПАСТЬ?!

— Но здесь, в городе, люди. Тысячи людей, — не унимался Эдди. — Ты *убьешь* их!

— ДА, — спокойно ответил на это Блейн. — ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

— *Почему?* — закричала Сюзанна. — *Почему,* черт возьми?

— ДА ПОТОМУ ЧТО ОНИ МЕНЯ УТОМЛЯЮТ. ПРАВДА, ВАС ЧЕТВЕРЫХ Я НАХОЖУ ИНТЕРЕСНЫМИ. ОДНАКО СУМЕЕТ ЛИ МОЙ ИНТЕРЕС ПРОДЕРЖАТЬСЯ ДОСТАТОЧНО ДОЛГО, ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ ВАС. ТО ЕСТЬ ОТ ВАШИХ ЗАГАДОК — ТАК ЛИ ОНИ ХОРОШИ, КАК ВЫ МНЕ ГОВОРИТЕ. КСТАТИ, О ЗАГАДКАХ. НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ВАМ, НЕ ТЕРЯЯ ВРЕМЕНИ, ПОДУМАТЬ СЕЙЧАС НАД МОЕЙ? У ВАС ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ РОВНО ОДИННАДЦАТЬ МИНУТ ДВАДЦАТЬ СЕКУНД — ПОТОМ БУДЕТ ВЗРЫВ.

— Прекрати! — крикнул Джейк, перекрывая рев сирены. — Дело не только в городе... такой газ может отнести ветром куда угодно! Даже до Речного Перекрестка! И тогда все старики погибнут!

— «ХРЕНОВО, ПРИЯТЕЛЬ», — СКАЗАЛА КИТТИ, — проговорил Блейн без тени сочувствия. — ХОТЯ Я УВЕРЕН,

ЧТО ОНИ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ТАМ ПРОТЯНУТ, ИЗМЕРЯЯ ОСТАТОК ЖИЗНИ КОФЕЙНЫМИ ЛОЖКАМИ; НАЧАЛИСЬ ОСЕННИЕ ГРОЗЫ — ВЕТРА ОТНЕСУТ ГАЗ В СТОРОНУ. А ВОТ ВАМ ЧЕТВЕРЫМ НАДО БЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ О СЕБЕ ПОБЕСПОКОИТЬСЯ. ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕ НЕ СТОЛЬ, СКАЖЕМ ТАК, ОПРЕДЕЛЕННО. ТАК ЧТО ДАВАЙТЕ-КА НАПРЯГАЙТЕ МОЗГИ, ИНАЧЕ ДО СВИДАНИЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ. — Он сделал паузу. — МАЛЕНЬКАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЭТОТ ГАЗ УБИВАЕТ НЕБЕЗБОЛЕЗНЕННО.

— Останови операции! — попросил Джейк. — Мы и так загадаем тебе все загадки, которые знаем, да, Роланд? Мы загадаем тебе все загадки, какие захочешь! *Только останови операции!*

Блейн рассмеялся. Смеялся он долго. Визг электронного хохота разносился дребезжащим эхом под высокими сводами Колыбели, по всей этой мраморной пустоте, смешиваясь с размеренными и сверлящими уши завываниями сирены.

— Прекрати! — закричала Сюзанна. — Прекрати! *Прекрати!*

Блейн умолк. Через мгновение выключилась на полувзводе и сирена. Тишина, нарушаемая только шумом дождя снаружи, показалась им оглушительной.

Голос, звучавший теперь из динамика, был тих, задумчив и абсолютно безжалостен.

— У ВАС ОСТАЛОСЬ ДЕСЯТЬ МИНУТ, — сообщил Блейн. — СЕЙЧАС ПОСМОТРИМ, ТАК ЛИ ВЫ ИНТЕРЕСНЫ НА САМОМ ДЕЛЕ.

40

— Эндрю.

Здесь нет никакого Эндрю, незнакомец, — подумал он. — *Эндрю давным-давно нет. Эндрю больше нет, и меня тоже скоро не будет.*

— Эндрю! — продолжал звать настойчивый голос.

Доносился он издалека — от пресса для давки яблок для сидра, в который теперь превратилась его голова.

Когда-то действительно был такой мальчик по имени Эндрю. И папа повел его в парк на западной окраине Лада — в парк, где росли яблоневые деревья и стоял обитый ржавой жестью сарай адского вида, но зато пахнущий, как райский сад. В ответ на вопрос, заданный мальчиком, папа ему объяснил, что этот сарай называется домом сидра, потом погладил сына по голове, велел не пугаться и завел внутрь через завешенную одеялом дверь.

Там, внутри, были яблоки, много яблок — полные корзины яблок, — и еще там был тощий старик по прозвищу Подгрудок. Его мускулы шевелились под бледной кожей, как черви. Работа его состояла в том, чтобы опрокидывать яблоки — корзину за корзиной — в зев разболтанной дребезжащей машины, что стояла в центре единственной комнаты. А из трубки, торчавшей с противоположной стороны машины, лился сладкий сидр. Рядом с трубкой стоял еще один человек (Эндрю давно уже позабыл, как звали того, второго) и подставлял под нее кувшины, наполняя их сидром. За *ним* стоял еще третий. *Его* обязанность заключалась в том, чтобы бить наливальщика по голове, если тот проливал слишком много сидра.

Отец дал Эндрю стакан пенящегося напитка, и хотя за тот год, пока они жили в городе, мальчик успел перепробовать много забытых деликатесов, он не пил и не ел ничего вкуснее этого сладкого холодного сидра. Он как будто глотнул свежесть октябрьского ветра. Но больше всего Эндрю запомнил не вкус напитка и даже не мускулы старика Подгрудка, которые извивались под кожей, как черви, когда он подбрасывал яблоки в пресс, — больше всего он запомнил, как безжалостная машина давила сочные яблоки, превращая золотисто-алые плоды в жидкость. Две дюжины роликов перемещали яблоки под вращающийся стальной барабан с проделанными в нем отверстиями. Сок раздавленных яблок стекал в нижний бак, а семена и отжатая мякоть оставались на сите вверху...

Теперь его голова стала прессом для сидра, а мозг стал яблоками. Скоро он лопнет, как лопались яблоки под барабаном, и его поглотит благословенная тьма.

— Эндрю! Подними голову и посмотри на меня!

Он не мог... но даже если б и мог, то не стал бы. Лучше просто лежать на месте и ждать, когда снизойдет темнота. Все равно он давно уже должен был умереть; разве тот чертов ублюдок не всадил ему пулю в башку?

— Она не задела мозг, даже близко не пролетела, ты, лошадиная задница. Ты еще не умираешь. У тебя просто башка болит. Но ты точно *умрешь,* если будешь валяться тут и скулить... и уж я позабочусь о том, чтобы твои теперешние ощущения, Эндрю, показались тебе просто легким недомоганием по сравнению с тем, что ты будешь испытывать, умирая.

Человек на полу поднял голову, но не из-за угроз — самое страшное было то, что обладатель этого проникновенного, хрипловатого голоса, казалось, читал его мысли. Он медленно оторвал голову от пола, и все тело скрутило мучительной болью — казалось, какой-то тяжелый предмет перекатывается внутри черепной коробки, разрывая сосуды мозга... вернее, того, что от мозга осталось. С губ его сорвался протяжный стон. Правую щеку как будто все время кто-то щекотал, словно там ползали мухи, увязая в крови. Ему хотелось согнать их, но он понимал: ему нужно сейчас опираться на обе руки, чтобы не упасть.

Силуэт человека у дальней стены, рядом с дверью, ведущей в кухню, казался призрачным, нереальным. Отчасти, наверное, из-за мигания ламп, отчасти из-за того, что почему-то он видел его одним глазом (что случилось со вторым глазом, он вспомнить не мог, да и не хотел вспоминать), но большей частью из-за того, что незнакомец *действительно был* нереальным и призрачным. Впечатление, во всяком случае, складывалось такое. Он походил на человека... но тот, кого звали когда-то Эндрю — Эндрю Шустрым, — решил, что перед ним все-таки не человек.

Незнакомец, стоявший у двери на кухню, был одет в короткую черную куртку, перехваченную ремнем, выцветшие хлоп-

чатобумажные штаны и старые пыльные сапоги... в каких ходят крестьяне, егеря и... и...

— И стрелки, Эндрю? — спросил со смешком незнакомец.

Тик-Так в отчаянии уставился на силуэт в дверном проеме, пытаясь разглядеть лицо, но оно было скрыто под капюшоном. Черты незнакомца терялись в тени.

Сирена умолкла по полувзводе. Огни аварийного освещения продолжали гореть, но хотя бы перестали мигать.

— Вот так-то лучше, — произнес незнакомец своим хрипловатым, проникновенным голосом. — Наконец-то мы можем спокойно послушать мысли и пообщаться.

— Кто ты? — спросил Тик-Так. Он слегка шевельнулся, и в голове у него вновь покатились стальные шары, пробивая новые дыры в мозгу. Ощущение было ужасным, но щекотание от копошащихся на правой щеке мух почему-то пугало больше.

— Я — человек многих обличий, приятель, — сказал незнакомец из тени своего капюшона, и хотя голос его был суров и серьезен, Тик-Таку послышались нотки смеха, так и рвущегося наружу. — У меня много имен. Одни меня кличут Джимми, другие — Тимми. Одни называют Пронырой, другие — Франтом. Кто называет меня Проигравшим, а кто — Победителем. Да мне в общем-то один черт... хоть горшком назови, только в печку не ставь.

Человек — существо? — в дверях запрокинул голову, и от смеха его по спине и рукам Тик-Така побежали мурашки: не смех, а скорее волчий вой.

— Меня называли еще Чужаком или Незнакомцем вне Времени, — продолжал таинственный человек, делая шаг в направлении Тик-Така. Тот, застонав, попытался отползти подальше. — Мерлином называли или Маэрлином... но мне, собственно, все равно. Да и какая разница? Я никогда *им* не был, хотя, впрочем, и не отрицал этого. Иногда меня называют Магом... иногда — Мудрецом... но мы с тобой, Эндрю, будем попроще. Поговорим по душам. *По-человечески.*

Он снял капюшон, но открывшееся лицо — светлокожее, с высоким лбом, довольно приятное — все-таки не было челове-

ческим. Щеки его покрывал нездоровый румянец; глаза Мудреца, зелено-голубые, сияли бурным весельем, слишком неистовым для человека в здравом уме; иссиня-черные волосы топорщились во все стороны, точно вороньи перья. Губы его, сочно-красного цвета, слегка приоткрылись, обнажая зубы каннибала.

— Зови меня Фаннин, — сказал, улыбаясь, призрак. — Ричард Фаннин. Правда, и это тоже *не совсем* точно, но для рабочего, как говорится, названия сойдет. — Он протянул руку, на ладони которой не было линий. — Что скажешь, приятель? Пожми руку, которая потрясла мир.

Жалкое существо, которое было когда-то Эндрю, Эндрю Шустрым, и которого в берлогах седых знали потом как Тик-Така, завизжало и опять попыталось отползти подальше. Кусок кожи, оторванный мелкокалиберной пулей, которая только чиркнула по черепу, но не пробила его, затрепыхался, раскачиваясь туда-сюда; длинные пряди светлых, с проседью волос продолжали щекотать его щеку. Но Шустрый уже ничего не чувствовал. Он забыл даже о боли в черепе и жжении в пустой глазнице, где когда-то был левый глаз. Все его сознание сконцентрировалось на одной мысли: *Нужно держаться подальше от этого зверя, который кажется человеком.*

Но когда незнакомец схватил его правую руку и крепко ее пожал, мысль улетучилась, точно сон при пробуждении. Вопль, рвущийся из груди, слетел с губ нежным вздохом влюбленного. Шустрый тупо уставился на смеющегося незнакомца. Свисающий со лба лоскут кожи тихонько покачивался туда-сюда.

— Тебе не мешает? *Наверное,* да. Но ничего! — Фаннин схватил лоскут кожи и резким движением оторвал его, обнажив на лбу Шустрого белый, в кровавых пятнах участок черепа. Звук был похож на треск раздираемой плотной ткани. Шустрый пронзительно вскрикнул. — Да ладно тебе, перестань. Боль-то всего на секунду, сейчас станет легче. — Он опустился на корточки перед Тик-Таком и говорил теперь тоном заботливого

родителя, утешающего ребенка, занозившего пальчик. — Уже легче, правда?

— Д-д-да, — выдавил Шустрый. Ему действительно стало легче. Боль уже утихала. И когда Фаннин опять потянулся к нему и легонько провел ладонью по левой его щеке, движение Эндрю, который подался назад, было чисто рефлекторным. Он тут же взял себя в руки. Как только ладонь таинственного человека — чистая, без единой линии — прикоснулась к его лицу, он почувствовал, как к нему возвращаются силы. Шустрый поднял глаза и с немой благодарностью взглянул на Фаннина. Губы его дрожали.

— Тебе уже лучше, Эндрю? Да? Тебе лучше?

— Да! Да!

— Если хочешь поблагодарить меня... а ты хочешь, я знаю... тогда скажи одну фразу, которую мне говорил один старый знакомый. Правда, в конце концов он меня предал, но вначале он был мне хорошим другом, и я до сих пор вспоминаю его с теплым чувством. Скажи: «Жизнь моя принадлежит тебе». Эндрю... ты можешь мне это сказать?

Да, он мог. И сказал. Больше того, он не мог уже *остановиться* и повторял снова и снова:

— Жизнь моя принадлежит тебе! Жизнь моя принадлежит тебе! Жизнь моя принадлежит тебе! Моя жизнь...

Незнакомец опять прикоснулся к его щеке, но на этот раз голову Эндрю Шустрого пронзила, как молния, боль. Он закричал.

— Прости, конечно, но времени у нас мало, а у тебя вдруг пластинку заело. Эндрю, давай с тобой начистоту: как бы тебе хотелось убить этого мелкого гада, который в тебя стрелял? Не говоря уже о его друзьях и об этом... который его притащил сюда, — он всегда как заноза в заднице, но это так, к слову. А эта дворняжка, которая выдрала тебе глаз... Эндрю, ты бы хотел поквитаться с ними? Ты хочешь, я знаю.

— Да! — выдохнул бывший Тик-Так, сжав в кулаки окровавленные ладони. — *Да!*

— Вот и славно, — сказал незнакомец, помогая Шустрому подняться на ноги, — потому что они *должны* умереть... не надо

было соваться, куда не просят. Я думал, о них позаботится Блейн, но дело зашло уже так далеко, что я не могу полагаться теперь *на кого бы то ни было*... в конце концов кто мог подумать, что они столько продержатся?

— Я не знаю, — ответил Шустрый, чтобы хоть что-то сказать. Он, собственно, не понимал, о чем вообще речь. Но ему было все равно. Ощущение восторженного возбуждения разливалось по телу, как какой-то крутейший наркотик. Одного только этого было достаточно после перенесенной боли, когда голова его превратилась в пресс для яблочного сидра. Более чем.

Ричард Фаннин скривил губы.

— Медведь и кость... ключ и роза... день и ночь... движение и время. *Хватит!* Я сказал, хватит! *Больше они ни на шаг не должны приближаться к Башне. Надо их остановить!*

Шустрый отшатнулся назад: руки незнакомца метнулись вперед с молниеносной скоростью. Одна рука сорвала с шеи Эндрю цепочку с часами в стеклянном футлярчике; вторая стянула с его руки принадлежавшие Джейку Чеймберзу «Сейко».

— Я заберу их себе, хорошо? — Фаннин Мудрец обворожительно улыбнулся, опять обнажив свои страшные зубы. — Ты, я надеюсь, не против?

— Нет-нет, — быстро отозвался Шустрый, безропотно отрекаясь (впрочем, он сам вряд ли это осознавал) от последних атрибутов своего продолжительного единовластия. — Пожалуйста.

— Спасибо, Эндрю. А теперь нам пора выбираться отсюда и в темпе — минут через пять у нас здесь ожидаются резкие изменения в окружающей атмосфере. И до того, как это произойдет, нам надо успеть добраться до ближайшего шкафчика с противогазами. А это, я чувствую, будет непросто. Мне-то что, на меня ничего не подействует, а у тебя, я боюсь, могут возникнуть большие сложности.

— Не понимаю, о чем вы. — Голова у Эндрю опять разболелась. Мысли путались.

— И не надо тебе понимать, — без всякого выражения отозвался Фаннин. — Пойдем, Эндрю... по-моему, нам сле-

дует поторопиться. Трудный был день, суматошный, а? При самом хорошем раскладе Блейн поджарит их прямо там, на платформе, где, вне всяких сомнений, они так до сих пор и торчат, бедолаги... он, старый хрыч, стал за последние годы весьма эксцентричным. Но нам все равно надо бы поторопиться.

Он приобнял Шустрого за плечи и, посмеиваясь, повел через дверь, за которой буквально пару минут назад скрылись Роланд и Джейк.

Глава VI

ЗАГАДКА И БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

1

— Ну ладно, — сказал Роланд, — какая была загадка?

— А как же люди? — Эдди развел руками, указывая на площадь Колыбели и на раскинувшийся за ней город. — Чем мы им можем помочь?

— Ничем, — отозвался спокойно Роланд, — но себе мы помочь еще можем. Если очень постараемся. Так какую он вам загадал загадку?

Эдди покосился на вытянутый силуэт монопоезда.

— Он сказал, чтобы его завести, нам придется сначала залить насос. Только насос у него заливается наоборот. Ты что-нибудь понимаешь?

Роланд задумался, потом покачал головой и повернулся к Джейку.

— Есть какие-нибудь идеи?

Джейк помотал головой.

— Я даже не вижу насоса.

— Ну, это, наверное, самая легкая часть, — сказал Роланд. — Мы одушевляем Блейна, потому что он говорит с нами как живой, но он всего лишь машина... умная, да... очень сложная, но все-таки машина. Он сам запускает свои моторы, а нам надо разгадать какой-нибудь код или комбинацию знаков, чтобы открыть ворота и двери поезда.

— Не мешало бы поторопиться, — задергался Джейк. — С тех пор как он в последний раз с нами заговорил, прошло уже две-три минуты. По меньшей мере.

— Я бы не стал этого утверждать, — мрачно заметил Эдди. — Тут время ведет себя как-то странно.

— И все же...

— Да-да. — Эдди взглянул на Сюзанну, но она не сводила глаз с нумерованных кнопок, изучая их с выражением человека, грезящего наяву. Он опять повернулся к Роланду. — Знаешь, по-моему, ты прав. Наверняка надо набрать комбинацию цифр... иначе зачем здесь эти кнопки? — Он повысил голос. — Правильно, Блейн? Эту часть мы разгадали, да?

Никакого ответа; только гул набирающих обороты моторов.

— Роланд, — неожиданно заговорила Сюзанна. — Ты мне должен помочь.

Мечтательное выражение у нее на лице сменилось теперь другим, в котором испуг и ужас смешивались с решимостью. Про себя Роланд подумал, что никогда раньше он не видел ее такой красивой... и такой одинокой. Она сидела у него на плечах, когда они остановились у края поляны, наблюдая за тем, как медведь пытается добраться до Эдди, засевшего на верхушке дерева, и Роланд не видел, какое было лицо у Сюзанны, когда он сказал ей, что именно ей надо будет стрелять. Но теперь он его знал, потому что увидел сейчас. Что есть *ка?* Колесо, которое делает оборот и в конечном итоге всегда возвращается к исходной точке, с которой все и началось. Так было всегда. И ныне. Сюзанна снова столкнулась с медведем, и выражение ее лица говорило о том, что ей это известно.

— Что? — спросил он. — В чем помочь?

— Я знаю ответ, только вспомнить никак не могу. Вот он вертится... в голове... застрял, как кость в горле. Ты должен помочь мне вспомнить. Но не лицо, а голос. То, что он *говорил.*

Джейк посмотрел на свою руку. Часов там не было, только то место, где он раньше их носил, выделялось тоненькой белой полоской на фоне дочерна загорелой кожи. Он вспомнил Тик-Така. Почему-то его глаза. Зеленые, как у кошки. Но это так, между прочим. Он-то хотел посмотреть, сколько у них еще

времени. Наверное, минут семь, не больше — и это по самым оптимистичным подсчетам. Он поднял голову и увидел, что Роланд достал из патронташа патрон и принялся перекатывать его туда-сюда по костяшкам пальцев левой — здоровой — руки. Джейк почувствовал, как его веки тут же отяжелели, и быстро отвел глаза.

— Чей голос хочешь ты вспомнить, Сюзанна Дин? — спросил Роланд низким протяжным голосом. Он смотрел ей в глаза, а вовсе не на патрон, совершающий свой бесконечный незамысловатый танец по костяшкам его пальцев... вперед... назад... и опять вперед...

На Джейка он даже не посмотрел. Стрелок и так знал, что мальчик отвел глаза от танцующего патрона. Сюзанна — нет. Она смотрела как зачарованная. Роланд начал перекатывать его быстрее, пока не стало казаться, что патрон как бы плавает над тыльной стороной его ладони.

— Я хочу вспомнить голос отца, — отозвалась Сюзанна Дин.

2

На мгновение стало тихо. Только из города доносились взрывы, ливень стучал по крыше Колыбели, и глухо гудели моторы Блейна. А потом в тишине вдруг прорезался низкий вой заработавшего гидравлического устройства. Эдди оторвал взгляд от патрона, пляшущего в пальцах стрелка (далось ему это не без труда; он понимал, что еще две-три секунды — и он сам впадет в гипнотический транс), и посмотрел сквозь решетку ограды. На наклонной розовой панели между двумя передними окнами Блейна поднимался какой-то серебряный стержень: что-то типа антенны.

— Сюзанна? — тихонько позвал Роланд все тем же низким протяжным голосом.

— Да? — Глаза у нее оставались открытыми, но голос звучал отрешенно, как будто издалека. Такой голос бывает у человека, когда он разговаривает во сне.

— Ты помнишь голос своего отца?

— Да... но услышать его не могу.

— ШЕСТЬ МИНУТ, ДРУЗЬЯ МОИ.

Эдди и Джейк одновременно вздрогнули и покосились на коробку переговорного устройства, но Сюзанна как будто и не услышала предупреждения: она продолжала смотреть на патрон. Пальцы стрелка поднимались и опускались, точно галева* в ткацком станке.

— Постарайся, Сюзанна, — приказал Роланд и тут же почувствовал, как Сюзанна, которую он поддерживал правой рукой, вдруг изменилась. Она как будто стала тяжелее... и в ней как будто прибавилось жизни. Словно внутренняя ее суть неожиданно стала другой.

И так оно и было.

— И с чего ты так цацкаешься с этой сучкой? — раздался хриплый голос Детты Уокер.

3

Голос Детты звучал возбужденно и непонимающе:

— Тоже мне, математик великий... да ей в жизни выше трояка было не прыгнуть! Да и то мне приходилось за нее все решать. — Он помолчала, потом неохотно добавила: — И папа тоже немного помог. Я, в общем-то, и сама разбираюсь в этих особых числах, но он показал нам сетку. Занятная штука, скажу тебе! — Она хихикнула. — А Сьюз вспомнить не может... сказать почему? Да потому что Одетта вообще не врубалась в эти особые числа.

— Что еще за особые числа? — не понял Эдди.

— *Простые* числа! — Слово «простые» она произнесла с нажимом, причем «с» звучало почти как «ш», потом посмотрела на Роланда, как будто полностью очнувшись от гипноза... только сейчас она была не Сюзанной... она не была даже тем отвратительным дьявольским существом, которое раньше звалось Деттой Уокер, хотя *голос принадлежал* именно ей. — Пришла потом к папочке вся зареванная, потому что она математику завалила... а это была-то забавная алгебра, всего-навсего!

---

* Галево — подвижная деталь ткацкого станка с отверстием посередине для нитей основы.

Она бы справилась... если уж я смогла, то *она* бы смогла и подавно... только она не хотела. Эта сучка, помешанная на поэзии, слишком, видите ли, возвышенна для *какой-то там математики.* — Запрокинув голову, Детта расхохоталась, но в смехе ее не звучало сейчас прежней ядовитой, полусумасшедшей язвительности. Ее, похоже, действительно забавляла тупость своей ментальной сестры-близняшки.

— А папа ей говорит: «Я сейчас покажу тебе фокус, Одетта. Нас в колледже научили. Я тогда сразу же разобрался с простыми числами, и ты тоже сейчас разберешься. Эта такая штуковина... с ее помощью ты сумеешь найти все простые числа». О-о-одетта, дура набитая, отвечает: «А учитель сказал, что нет формулы для определения простых чисел». А папа на это: «Формулы, правильно, нет. Но ты зато можешь их все отловить, если у тебя будет сеть». Он называл ее Сетью Эратосфена. Поднеси меня к этой коробке, Роланд... я сейчас вам разгадаю загадку этого долбаного компьютера. Заброшу сеть и словлю вам приятное путешествие на шикарном поезде.

Роланд поднес ее к переговорному устройству на створке ворот. Эдди, Джейк и Ыш подошли тоже.

— Там у тебя в сумке был вроде бы уголек. Давай сюда.

Порывшись в сумке, стрелок достал коротенький черный огрызок — кусочек угля. Детта взяла его и повернулась к цифровой клавиатуре, расположенной в форме ромба.

— Не совсем та хреновина, которую нам показывал папа, но она тоже сойдет, — сообщила она после минутного размышления. — Простые числа, они как я: тоже вредные и упрямые. Всегда получаются из сложения двух других чисел и ни на что не делятся, только на единицу и сами на себя. Единица — число простое. Двойка тоже простое число. Оно получается из суммы двух единиц и делится только на единицу и на себя самое, но это *единственное* четное из простых чисел. Так что все остальные четные можно запросто вычеркнуть сразу.

— Что-то я не въезжаю, — признался Эдди.

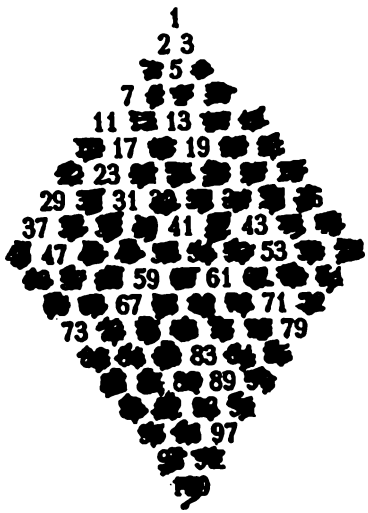
— Это все потому, что ты глупенький белый мальчик, — сказала Детта, впрочем, вполне беззлобно. Она еще на мгновение задержала взгляд на цифровых клавишах, потом быстренько зачеркнула все четные числа угольным карандашом.

— Три — тоже простое, но все числа, которые мы получаем в результате *умножения* на три, простыми уже не будут, — продолжала она, и Роланд теперь услышал одну очень странную, но удивительную вещь: Детта постепенно исчезала из голоса женщины, но вместо нее появлялась не Одетта Холмс, а Сюзанна Дин. Ему не пришлось выводить ее из гипнотического транса — она выходила самостоятельно и при этом вполне естественно.

Сюзанна пометила угольком числа, кратные трем, оставшиеся после того, как она вычеркнула все четные: девять, пятнадцать, двадцать один и так далее.

— То же самое будет с пятеркой и семеркой, — пробормотала она и вдруг, очнувшись уже окончательно, опять стала Сюзанной. — Надо только убрать все оставшиеся, например двадцать пять, которые мы до сих пор не вычеркнули.

Теперь ромб на панели выглядел следующим образом:

— Ну вот, — устало произнесла Сюзанна. — В сетке остались простые числа от одного до ста. Не сомневаюсь, что это и есть комбинация, которая открывает ворота.

— У ВАС ОСТАЛАСЬ МИНУТА, ДРУЗЬЯ МОИ. ВЫ ОКАЗАЛИСЬ ГОРАЗДО ГЛУПЕЕ, ЧЕМ Я НАДЕЯЛСЯ.

Не обращая внимания на предупреждение Блейна, Эдди сжал Сюзанну в объятиях.

— Ты вернулась, Сьюз? Ты проснулась?

— Да. Проснулась еще в середине ее тронной речи, но дала ей немножко еще поболтать. Ведь это невежливо — перебивать. — Она посмотрела на Роланда. — Что скажешь? Попробуем?

— ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД.

— Да. Нажимай кнопки, Сюзанна. Ведь это ты угадала ответ.

Сюзанна потянулась уже к верхней кнопке, но Джейк перехватил ее руку.

— Нет, — сказал он. — Вы не забыли? Насос заливается *наоборот*.

В глазах ее промелькнул испуг, а потом она улыбнулась.

— Правильно. Умница, Блейн... и ты, Джейк, тоже умница.

Они молча следили за тем, как она нажимает на кнопки с числами, начиная с *девяноста семи. При нажатии каждой кнопки* раздавался слабый щелчок. Ближе к концу все, как один, напряглись, опасаясь, что ничего не будет, но как только она убрала палец с последней кнопки, ворота в центре заграждения тут же начали открываться, отползая со скрежетом в сторону. Сверху посыпались хлопья ржавчины.

— ОЧЕНЬ ДАЖЕ НЕПЛОХО, — произнес удивленный Блейн. — С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ ПРОДОЛЖЕНИЯ ЗНАКОМСТВА. СМЕЮ ЛИ ПРЕДЛОЖИТЬ ВАМ САДИТЬСЯ НА ПОЕЗД БЫСТРЕЕ? СОБСТВЕННО, Я ВАМ СОВЕТУЮ ПРОБЕЖАТЬСЯ. ЗДЕСЬ В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ РАСПОЛАГАЮТСЯ ШАХТЫ ДЛЯ ВЫБРОСА ГАЗА.

4

Три человека (один из которых тащил на бедре четвертого) и лохматый пушистый зверек пробежали через открывшиеся ворота и бросились к Блейну Моно. Поезд стоял в своей узкой нише, скрытый наполовину платформой, наполовину над ней возвышающийся, похожий на длинную пулю гигантских раз-

меров, которую некий шутник выкрасил в несообразный, нежно-розовый, цвет, — огромную пулю в открытом стволе винтовки. В огромном пространстве Колыбели Роланд и его друзья казались лишь крошечными движущимися точками. Над ними, под древним куполом Колыбели, кружили голуби, которым осталось жить сорок секунд. Когда путешественники приблизились к поезду, изогнутая секция гладкого корпуса отъехала в сторону, открывая вход. Пол вагона был выстлан ковром голубого цвета.

— Добро пожаловать к Блейну, — произнес мягкий приятный голос, как только они влетели внутрь. Они все узнали его без труда: это был голос Маленького Блейна, только сейчас он звучал чуть громче и чуть увереннее. — Хвала Империи! Пожалуйста, приготовьте для проверки транзитные карточки. Напоминаем, подделка, а также отсутствие проездных документов является нарушением существующего законодательства и карается по закону. Надеемся, путешествие будет для вас приятным. Добро пожаловать к Блейну. Хвала Империи! Пожалуйста, приготовьте для проверки...

Голос стал ускоряться, превращаясь сначала в скороговорку, а потом в нечленораздельный высокий визг. Послышался электронный сигнал — БИ-БИП! — и голос умолк окончательно.

— ДУМАЮ, МЫ ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ ЭТОЙ ДЕРЬМОВОЙ НУДЯТИНЫ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ? — осведомился Блейн.

Снаружи раздался мощнейший взрыв. Эдди, который теперь нес Сюзанну, споткнулся от неожиданности и наверняка бы упал, если бы Роланд не схватил его за руку. До этого момента в глубине души Эдди еще надеялся, что угрозы Блейна насчет ядовитого газа — это всего лишь садистская шутка и что на деле до этого не дойдет. *Мог бы и догадаться, тупая твоя голова,* — сказал он себе. — *Нельзя доверять существу, которое развлекается, имитируя голоса старых киноактеров, и полагает, что это забавно. Таков непреложный закон природы.*

Изогнутая секция корпуса Блейна с мягким толчком встала на место. Выход закрылся. Из скрытых вентиляционных отверстий донеслось легкое шипение воздуха, и Джейк почувствовал, что у него заложило уши.

— По-моему, он загерметизировал кабину.

Эдди кивнул и огляделся по сторонам широко раскрытыми глазами.

— Я тоже почувствовал... Нет, вы посмотрите! Блин!

Он когда-то читал про одну выпендрежную авиакомпанию, кажется, «Реджент Эйр», которая обслуживала пассажиров, желавших летать из Нью-Йорка в Лос-Анджелес в условиях пошикарнее, чем те, что могли предложить им другие компании типа «Дельты» или «Юнайтед». Они полностью переоборудовали салон стандартного «Боинга-727», устроив в нем гостиную, бар, видеосалон и даже спальный отсек. Так вот, салон того самолета, наверное, чем-то напоминал обстановку в вагоне Блейна.

Салон поезда представлял собой длинную комнату, футов в восемьдесят длиной, с закругленными сводами. Вращающиеся кресла с роскошной обивкой. Раскладные диваны. В дальнем конце — даже не бар, а что-то типа уютного маленького бистро. Небольшой музыкальный инструмент, скорее похожий на клавесин, нежели на пианино, подсвеченный скрытыми узконаправленными прожекторами, располагался на возвышении из полированного дерева. Эдди бы, наверное, не удивился, если бы сейчас вышел Хоуги Кармайкл и принялся наигрывать «Лунную пыль».

Мягкий свет ламп, расположенных на панелях, идущих вдоль стен, освещал салон, а в самом центре с потолка свисала люстра, точная копия — только поменьше размером — той, что валялась, разбитая, на полу бальной залы в особняке. Во всяком случае, Джейку она показалась такой же. И это не слишком его удивило. Он уже научился воспринимать эти странные совпадения и раздвоения как нечто само собой разумеющееся. Все было просто шикарно. Единственное, что настораживало, — это полное отсутствие окон.

На пьедестале под люстрой стояло, что называется, основное блюдо — piece de resistance — скульптура, сделанная изо льда: стрелок с револьвером в левой руке, сжимающий правой уздечку уставшей лошади, понуро бредущей следом за ним. Эдди отметил, что на правой руке ледяной фигуры всего три пальца: безымянный, мизинец и большой.

Эдди, Сюзанна и Джейк с изумлением уставились на усталое, изможденное лицо под шляпой из льда. Сходство с Роландом было поразительным.

Пол у них под ногами начал легонько подрагивать. Засмотревшись на ледяную скульптуру, они даже не сразу это заметили.

— ПРИШЛОСЬ В СПЕШКЕ РАБОТАТЬ, ТАК ЧТО УЖ НЕ ОБЕССУДЬТЕ, — скромно заметил Блейн. — ВАМ НРАВИТСЯ?

— Изумительно, — проговорила Сюзанна.

— СПАСИБО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Эдди потрогал ближайший диван. Диван оказался невероятно мягким — от одного только прикосновения ему сразу же захотелось свалиться и проспать часиков этак шестнадцать кряду.

— Да уж, Великие Старцы любили проехаться с шиком.

Блейн опять рассмеялся, но как-то истерично, нездорово. Явственный призвук безумия, просквозивший в пронзительном его смехе, заставил их всех четверых обменяться тревожными взглядами.

— НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ У ВАС СОЗДАЛОСЬ ЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, — сказал Блейн. — ЭТО САЛОН ДЛЯ БАРОНОВ — В ВАШЕМ МИРЕ, НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, ОН НАЗЫВАЕТСЯ ПЕРВЫМ КЛАССОМ.

— А где остальные вагоны?

Блейн проигнорировал этот вопрос. Пол под ногами теперь задрожал сильнее. Моторы поезда разгонялись. Сюзанна подумала, что это больше похоже на самолет, когда пилот прогревает моторы, прежде чем вырулить на взлетную полосу аэродрома.

— ПРОШУ ВАС, ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, МОИ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ.

Джейк опустился в ближайшее кресло. Ыш тут же забрался к нему на колени. Роланд тоже сел в кресло, бросив мимолетный взгляд на ледяную фигуру. Ствол револьвера начал уже подтаивать. Капли падали на плоский фарфоровый поднос, на котором стояла скульптура.

Эдди с Сюзанной устроились на диване. Его ожидания не обманулись, диван оказался действительно мягким донельзя.

— А мы куда, собственно, едем, Блейн?

Блейн ответил сдержанным голосом терпеливого человека, который знает, что собеседник его умственно неполноценный и что надо делать на это скидку:

— ВДОЛЬ ПУТИ ЛУЧА. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ЗАКОНЧАТСЯ МОИ РЕЛЬСЫ.

— До Темной Башни? — спросил Роланд. Сюзанна вдруг поняла, что стрелок в первый раз обратился к говорливому призраку из машины под Ладом напрямую.

— Только до Топики, — уточнил Джейк, понизив голос.

— ДА, — подтвердил Блейн. — ТОПИКА — КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ МОЕГО МАРШРУТА. ХОТЯ МЕНЯ УДИВЛЯЕТ, ЧТО ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ.

Ты так много знаешь о нашем мире, Блейн, — подумал Джейк, — *как же так получилось, что при всех твоих обширных познаниях тебе неизвестно о книжке, которую про тебя написала одна наша писательница? Из-за того, что там имя изменено? Неужели такой простой вещи достаточно, чтобы умная вроде тебя машина не смогла углядеть собственной биографии? А как насчет Берил Эванз, той самой писательницы, написавшей «Чарли Чу-Чу»? Ты был с ней знаком, Блейн? И где она сейчас?*

Хорошие вопросы... но Джейк почему-то решил, что сейчас не самое лучшее время для их выяснения.

Вибрация двигателей нарастала. Слабый толчок — далеко не столь мощный, как взрыв, который потряс Колыбель, когда они садились на поезд — пробежал по полу. Во взгляде Сюзанны мелькнула тревога.

— Вот черт! Эдди! Моя коляска! Мы забыли коляску!

Эдди приобнял ее за плечи.

— Теперь уже поздно, малышка.

В этот миг Блейн Моно медленно тронулся с места, плавно скользя к выезду из Колыбели, — в первый раз за последние десять лет... и в последний раз за свою долгую-долгую историю.

5

— САЛОН ДЛЯ БАРОНОВ ИМЕЕТ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ РЕЖИМ ОБЗОРА, — сообщил Блейн. — ХОТИТЕ, Я ЕГО ВКЛЮЧУ?

Джейк вопросительно поглядел на Роланда, тот лишь плечами пожал и кивнул.

— Да, если можно, — сказал Джейк.

То, что произошло потом, было настолько эффектным и впечатляющим, что все четверо, потрясенные увиденным, буквально лишились дара речи... хотя Роланд, который плохо разбирался в технике, но зато прожил всю жизнь среди магии и волшебства, удивился чуть меньше других. Когда Блейн сказал про режим обзора, то пассажиры его подумали прежде всего о том, что в стенах вагона откроются окна. На самом деле все было гораздо круче: весь салон — и пол, и потолок, и стены — стал сначала молочного цвета, потом прозрачным и наконец исчез вовсе. За какие-то пять секунд Блейн Моно как бы растворился в пространстве, а у его пассажиров создалось впечатление, что они летят над кварталами Лада без всякой помощи или поддержки.

Сюзанна и Эдди прижались друг к другу, как маленькие дети, повстречавшие на прогулке свирепого злого пса. Ыш залаял и поспешно забрался за пазуху к Джейку. Джейк этого даже и не заметил; вцепившись в подлокотники кресла, он обалдело вертел головой, широко раскрыв глаза. Первоначальный его испуг сменился восторженным изумлением.

Вся мебель осталась на месте, равно как и бар, клавесин и ледяная скульптура, созданная Блейном в качестве подарка любезного хозяина дорогим гостям, — но теперь все это как будто парило на высоте футов в семьдесят над центральным районом Лада, окутанным пеленой дождя. В пяти футах слева от Джейка на диване реяли Эдди с Сюзанной; в трех футах справа, расположившись в голубом вращающемся кресле, с самым невозмутимым видом летел над развороченным и пустынным городским пейзажем стрелок. Ноги его в запыленных, видавших виды сапогах, вытянутые вперед, опирались о пустоту.

Под кроссовками Джейк ощущал пружинистый ковер, однако зрение спорило с осязанием, утверждая, что там, под ногами, нет ничего — ни ковра, ни пола. Оглянувшись через плечо, он увидел, как темная прорезь в стене Колыбели медленно отъезжает назад, удаляясь от них.

— Эдди! Сюзанна! Смотрите!

Джейк поднялся с кресла, придерживая рукой Ыша, притаившегося у него за пазухой, и прошелся вперед, медленно ступая по пустоте. Для первого шага ему потребовалось собрать всю силу воли, потому что глаза его продолжали настаивать, что между плывущими в воздухе креслами и диванами нет ничего, но потом стало легче — как только Джейк сделал шаг, несомненное ощущение твердой поверхности под ногами придало ему уверенности. Эдди с Сюзанной казалось, что мальчик идет по воздуху, а с обеих сторон мимо него проплывают ветхие закопченные здания города.

— Не надо, малыш, — жалобно пробормотал Эдди. — А то меня сейчас вырвет.

Джейк осторожно достал из-за пазухи Ыша.

— Все в порядке, — подбодрил он ушастика, опуская зверька на пол. — Видишь?

— Ыш! — согласился ушастик, но стоило Ышу лишь раз свесить голову между лап — под ними как раз проплывал городской парк, — как он тут же вскарабкался на ногу к Джейку, устроившись на его кроссовке.

Джейк посмотрел вперед и увидел широкую серую полосу монорельса, поднимавшуюся над городом все выше и выше и терявшуюся вдали в пелене дождя. Опять глянув вниз, он увидел лишь мокрые улицы и сероватую массу сносимых ветром облаков, опустившихся низко над городом.

— А как получается, что прямо под нами рельса не видно, Блейн?

— ВСЕ, ЧТО ВЫ ВИДИТЕ, ГЕНЕРИРУЕТСЯ КОМПЬЮТЕРОМ, — пояснил Блейн. — КОМПЬЮТЕР СТИРАЕТ ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕЛЬСА В НИЖНЕМ СЕКТОРЕ ОБЗОРА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НАИБОЛЕЕ ПРИЯТНОЙ ДЛЯ

ГЛАЗА КАРТИНКИ, РАВНО КАК И ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ИЛЛЮЗИИ ПОЛЕТА.

— Невероятно, — пробормотала Сюзанна. Теперь, когда первый испуг прошел, она принялась жадно оглядываться по сторонам. — Как на ковре-самолете. Мне все время кажется, что сейчас должен подняться ветер... и он будет дуть мне в лицо...

— МОЖНО, ЕСЛИ УГОДНО, СОЗДАТЬ И ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ, — сказал Блейн. — КРОМЕ ТОГО, МОЖНО ДОБАВИТЬ И ВЛАЖНОСТИ ВОЗДУХА В СООТВЕТСТВИИ С ПОГОДОЙ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ, ПРАВДА, ВОЗНИКНЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ В СМЕНЕ ГАРДЕРОБА. НО ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕНО.

— Нет-нет, Блейн, спасибо. Иллюзии — дело хорошее, но не стоит слишком увлекаться.

Поезд промчался мимо квартала высотных зданий, чем-то напомнивших Джейку район Уолл-стрит в Нью-Йорке. Когда они снова выехали на открытое пространство, рельс нырнул под какой-то мост, похожий на эстакаду большого шоссе. Именно в этот момент они заметили пурпурное облако и бегущие от него толпы людей.

6

— Блейн, что это? — спросил Джейк, хотя и сам уже догадался.

Блейн рассмеялся... но не ответил.

Струи пурпурного пара сочились из решеток на тротуарах и из разбитых окон заброшенных зданий, но в основном этот пар исходил из люков типа того, через который они с Гашером спустились в тоннели под городом. Железные крышки люков снесло взрывной волной, которая сотрясла Колыбель, когда странники садились в поезд. Они наблюдали в безмолвном ужасе, как газ цвета свежего кровоподтека расползается по улицам и заваленным мусором переулкам, гоня перед собой, точно скот, толпы жителей Лада, которые не желали еще расставаться с жизнью. В основном, судя по цвету повязок, это были

млады, но Джейк заметил и несколько желтых платков. Теперь, когда приближался конец, все позабыли о старой вражде.

Пурпурное облако уже догоняло отстающих — преимущественно стариков, которые не могли бежать. Они падали на землю, накрытые клубящейся пеленой, и катались по мостовым, хватаясь за горло и беззвучно крича. Из месива искаженных агонией лиц проступило одно лицо. Глаза умирающего уставились вверх, прямо на Джейка. Джейк увидел, как из этих распахнутых в муке глаз внезапно хлынула кровь, и крепко зажмурился.

Монорельс впереди исчезал в надвигающемся пурпурном тумане. Эдди напрягся и невольно задержал дыхание, когда поезд нырнул в смертоносное облако, но газ, конечно же, лишь обволок гладкий корпус, и не единого дуновения пурпурной смерти, поглощающей город, не просочилось в салон. Глядя на город внизу, можно было подумать, что ты смотришь на ад сквозь залитое кровью стекло.

Сюзанна спрятала лицо у него на груди.

— Верни стены на место, Блейн, — попросил Эдди. — Мы не можем на это смотреть. И не хотим.

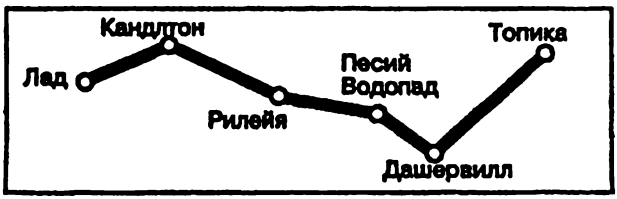
Блейн не ответил. Потолок, стены и пол салона оставались прозрачными. Облако распадалось уже на отдельные рваные клубы алого тумана. Теперь они ехали по району с домами пониже, которые жались друг к другу теснее. Улицы здесь представляли собой беспорядочные и запутанные узкие проходы, где, как говорится, сам черт ногу сломит. В некоторых местах чернели плоские «проплешины», как будто целые кварталы повыгорели дотла, причем довольно давно, потому что равнины уже предъявляли свои права на заброшенные людьми территории, погребая обломки под буйной травой, которая в один прекрасный день поглотит весь Лад. *Так же, как дикие джунгли поглотили великие цивилизации инков и майя,* — подумал Эдди. — *Колесо ка делает оборот, и мир сдвигается с места.*

За районом трущоб — а это, вне всяких сомнений, были именно трущобы, причем изначально, еще до того, как Лад погряз в междоусобной войне — возвышалась мерцающая стена. Блейн медленно двигался в том направлении. Они уже

различали квадратный проем, вырубленный в белом камне. Монорельс уходил туда — в тоннель темноты.

— ПОСМОТРИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В ПЕРЕДНЮЮ ЧАСТЬ КАБИНЫ, — предложил им Блейн.

Они так и сделали. Стена в передней части салона вернулась на место, утратив свою прозрачность, — обитый голубоватой материей круг, который, казалось, висел в пустоте. Двери не было. Хотя, может быть, и была, но если проход из «баронского» салона в кабину управления и существовал, Эдди его не заметил. Они продолжали смотреть. Буквально у них на глазах прямоугольный участок стены потемнел, превращаясь из голубого в лиловый, а из лилового в черный. Через мгновение на черном прямоугольнике возникла ломаная линия ярко-красного цвета. По ней через неравные промежутки шли фиолетовые точки, и прежде чем рядом с точками проступили названия населенных пунктов, Эдди сообразил, что перед ним карта-схема маршрута вроде тех, которыми увешаны стены станций нью-йоркской подземки и вагоны поездов. Рядом с названием «Лад» замигала большая зеленая точка, другая — рядом с «Топикой», конечным пунктом маршрута Блейна.

— ВОТ КАРТА НАШЕГО МАРШРУТА. ХОТЯ, КАК ВЫ ВИДИТЕ, ПУТЬ ИНОЙ РАЗ ПОВОРАЧИВАЕТ И СЛЕГКА ОТКЛОНЯЕТСЯ ОТ ПРЯМОЙ, В ЦЕЛОМ НАШ КУРС ПРОЛЕГАЕТ СТРОГО НА ЮГО-ВОСТОК — ВДОЛЬ ПУТИ ЛУЧА. ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ ПУТИ — ЧУТЬ БОЛЬШЕ ВОСЬМИ ТЫСЯЧ КОЛЕС, ИЛИ СЕМЬ ТЫСЯЧ МИЛЬ, ЕСЛИ ДАННАЯ ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЙ ДЛЯ ВАС ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ. КОГДА-ТО МАРШРУТ БЫЛ КОРОЧЕ, НО ЭТО БЫЛО ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК НАРУШИЛАСЬ ВСЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ КОНЪЮГАЦИЯ ЭТОГО МИРА.

— А что это такое — темпоральная конъюгация? — спросила Сюзанна.

Блейн опять разразился своим жутким смехом... но на вопрос не ответил.

— ПРИ МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТИ МЫ ДОСТИГНЕМ КОНЕЧНОГО ПУНКТА МАРШРУТА ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЧАСОВ СОРОК ПЯТЬ МИНУТ.

— Восемьсот с гаком миль в час, — с уважением в голосе произнесла Сюзанна. — Господи Иисусе.

— РАЗУМЕЕТСЯ, Я ИСХОЖУ ИЗ ТОГО, ЧТО НА ВСЕМ ПРОТЯЖЕНИИ МАРШРУТА ПУТЬ НИГДЕ НЕ ПОВРЕЖДЕН. НО ПОСКОЛЬКУ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ Я ВЫЕЗЖАЛ ДЕВЯТЬ ЛЕТ И ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ТОМУ НАЗАД, Я НИ ЗА ЧТО НЕ МОГУ РУЧАТЬСЯ.

Стена, огораживающая юго-восточную оконечность города, медленно приближалась — высокая толстая стена, раскрошившаяся в верхней части. Вдоль нее насколько хватало глаз валялись скелеты: тысячи и тысячи мертвых ладцев. Проем, по направлению к которому медленно двигался Блейн, представлял собой небольшой тоннель в толще стены футов как минимум в двести длиной, а несущая монорельсовый путь эстакада была абсолютно черной, как будто кто-то пытался взорвать или поджечь ее.

— А если путь где-нибудь поврежден? — Эдди поймал себя на том, что до сих пор, обращаясь к Блейну, каждый раз повышает голос, как будто он разговаривает по телефону с отвратительной связью. — Что тогда будет?

— ПРИ СКОРОСТИ ВОСЕМЬСОТ МИЛЬ В ЧАС? — Блейн, кажется, от души забавлялся. — ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

— Да ну тебя! — отмахнулся Эдди. — Только не говори мне, что такая крутая машина, как ты, не имеет возможности определить состояние своих же путей.

— ВОЗМОЖНОСТЬ, КОНЕЧНО, БЫЛА, — согласился Блейн. — НО — УВЫ И АХ! — Я ПЕРЕЖЕГ ЭТИ СХЕМЫ, КАК ТОЛЬКО МЫ ТРОНУЛИСЬ В ПУТЬ.

— *Но зачем?* — Эдди буквально опешил.

— ПРОСТО ТАК ИНТЕРЕСНЕЕ, ВАМ НЕ КАЖЕТСЯ?

Эдди, Сюзанна и Джейк обменялись ошеломленными взглядами. Роланд, однако, как будто совсем не удивился — он продолжал мирно сидеть в своем кресле, сложив руки на коленях и глядя вниз с безмятежным видом на проплывающие в тридцати футах под ними покосившиеся лачуги и полуразрушенные дома.

— СЕЙЧАС, КОГДА БУДЕМ ВЫЕЗЖАТЬ ИЗ ГОРОДА, ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ ПОВНИМАТЕЛЬНЕЕ, — сказал Блейн. — И ЗАПОМНИТЕ ТО, ЧТО УВИДИТЕ. ХОРОШЕНЬКО ЗАПОМНИТЕ.

Невидимый салон для баронов нес их к проему в стене. Поезд плавно вошел в тоннель, а когда выехал с той стороны, Сюзанна и Эдди вскрикнули в один голос. Джейк, бросив лишь мимолетный взгляд вниз, тут же зажмурился и спрятал лицо в ладонях. Ыш залился безумным лаем.

Роланд смотрел, широко раскрыв глаза. Губы стрелка сжались в тонкую бескровную линию, больше похожую на шрам. Словно ослепительным белым светом, разум его и душа преисполнились пониманием.

За Великой стеной ЛАДА начинались уже *настоящие* бесплодные земли.

7

Ближе к проему в стене эстакада, несущая монорельс, резко пошла под уклон и опустилась на высоту не более тридцати футов над землей. Вот почему то, что случилось потом, потрясло четверых пассажиров, повергнув их в шок: когда поезд вынырнул из тоннеля с той стороны, оказалось, что он скользит на умопомрачительной высоте восьмисот, если не тысячи футов.

Роланд оглянулся на стену, которая теперь удалялась от них. Если до этого, при приближении к ней, она казалась им очень высокой, то сейчас, когда перспектива сменилась, стена представлялась ничтожной оградкой — расщепленный каменный ноготок, прилепившийся к краю безбрежной стерильной пустыни. Каменные утесы, мокрые от дождя, громоздясь друг на

друга, срывались в бездонные пропасти. Прямо под стеной в скалах виднелись большие круглые дыры, похожие на пустые глазницы. Из этих дыр вместе с хлопьями малинового тумана изливалась черная вода и текла мерзкими вязкими струями вниз, перекатываясь через гранитные уступы и собираясь в вонючих отстойниках, которые выглядели такими же древними, как и сами скалы. *Сюда, наверное, сливаются все городские отходы,* — подумал стрелок. — *Через край — в яму.*

Только это была не яма; это была равнина, глубоко ушедшая вниз. Казалось, все земли за Ладом изначально лежали на плоской крыше гигантского подъемника и в какой-то момент незапамятного, туманного прошлого этот подъемник вдруг опустился, унося с собой здоровенный кусок мира. Одинокий путь Блейна, проходящий поверху узенькой эстакады, словно бы зависал в пустоте между просевшей землей и пасмурным небом, затянутым облаками, раздутыми от дождя.

— А что нас держит? — спросила Сюзанна.

— ЛУЧ, РАЗУМЕЕТСЯ, — отозвался Блейн. — КАК ВЫ ЗНАЕТЕ, ЛУЧ УПРАВЛЯЕТ ВСЕМ, И ВСЕ СЛУЖИТ ЛУЧУ. ПОСМОТРИТЕ ВНИЗ — Я СЕЙЧАС ВЫВЕДУ НА ЭКРАНЫ НИЖНЕГО СЕКТОРА ЧЕТЫРЕХКРАТНОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ.

Даже Роланда замутило, когда земля под ними неожиданно взмыла вверх, приблизившись к эстакаде. Возникшая в результате картина превосходила в своем уродстве все его предыдущие познания в области безобразного... а эти познания, как сие ни печально, были весьма обширны. В результате какого-то жуткого катаклизма — из-за которого, надо думать, эта часть мира и провалилась — вся земля, распростершаяся под ними, была выжжена и изувечена. Поверхность ее превратилась в застывшую массу спекшегося черного стекла, вздувшегося пузырями и гребнями, которые, собственно, и холмами назвать было трудно, и изрезанного глубокими расщелинами и уступами, которые весьма условно можно было назвать долинами. Несколько скрюченных низкорослых деревьев тянулись к небу своими голыми изуродованными ветвями; при таком сильном увеличении Роланду и его спутникам казалось, что это не ветки, а руки безумцев, может быть, буйнопомешанных, которые пы-

таются их достать. Время от времени на поверхности попадались куски каких-то керамических труб, пробившихся сквозь застывшее стекло. Большинство либо давно уже вышло из строя, либо просто отключилось, но некоторые из этих труб мерцали таинственным сине-зеленым светом, как будто в недрах земли продолжали работать гигантские горны и печи. Между трубами, набрасываясь иногда друг на друга, летали какие-то странные существа, похожие на птеродактилей, с кожистыми крыльями без перьев и крючковатыми клювами. А над некоторыми из труб кружились целые стаи этих ужасных созданий, согреваясь, наверное, в восходящих от вечных подземных огней потоках тепла.

Они пролетели над протянувшимся с севера на юг углублением в форме изломанной линии, напоминающей русло высохшей реки... только по самому его дну протекал узенький ручеек алого цвета, похожий на пульсирующую артерию. От главного русла отходили другие притоки-трещины, и Сюзанна, которая читала Толкиена, еще подумала про себя: *вот что увидели Фродо и Сэм, когда добрались до сердца Мордора. Это Расселины Смерти.*

Прямо под ними взвился к небу яростный фонтан, выплевывая раскаленные обломки скал и сгустки пылающей лавы. На мгновение им показалось, что пламя поглотит и спалит их. Джейк испуганно вскрикнул и забрался с ногами на кресло, прижимая Ыша к груди.

— НЕ БОЙСЯ, МАЛЕНЬКИЙ СКИТАЛЕЦ, — ободрил его Блейн протяжным голосом Джона Уэйна. — ТЫ ВСЕ ЭТО ВИДИШЬ ПРИ СИЛЬНОМ УВЕЛИЧЕНИИ.

Пламя угасло. Обломки скал, некоторые размером с дом, беззвучным градом посыпались вниз.

Сюзанна вдруг поняла, что ее затягивает этот мрачный ужас, разворачивающийся под ними, что ее поглощает неодолимое очарование смерти... что она не в силах противиться этим чарам... что темная часть ее личности, та сторона ее *кхефа*, которую воплощала собой Детта Уокер, уже не просто наблюдает, а впитывает все увиденное, понимает и *узнает*. В определенном смысле именно это место, наверное, и искала всегда Детта

Уокер: физический аналог ее воспаленного и больного разума и язвительного одинокого сердца. Голые холмы к северу и востоку от Западного моря; дикие дебри лесов вокруг Врат Медведя; мертвые равнины к северо-западу от Сенда — все бледнело перед этой нескончаемой, жуткой панорамой полного опустошения. Они добрались до Отстойника и вышли на бесплодные земли. Со всех сторон их окружала отравленная чернота этого гиблого места.

8

Но земли эти, хотя и отравленные, были не совсем мертвы. Время от времени путешественники различали внизу смутные очертания каких-то существ — бесформенных странных созданий, не похожих ни на человека, ни на одно из известных животных, — скачущих и резвящихся посреди обожженных, обуглившихся просторов. Эти белесые непоседливые существа в основном кучковались поблизости от гигантских труб, торчащих из остекленевшей земли, или на изломах горячих расщелин, прорезавших унылый пейзаж. Даже при четырехкратном увеличении странники не сумели как следует их рассмотреть. Никто, однако, не стал сокрушаться по этому поводу.

Среди мелких существ попадались и более крупные особи: розоватые твари, похожие чем-то на аистов, а чем-то на ожившие штативы для фотоаппаратов. Эти двигались чинно и медленно, словно в задумчивости — ну прямо священники, размышляющие о неотвратимости проклятия, — время от времени останавливаясь и проворно наклоняясь вперед, чтобы подобрать что-то с земли, как это делают цапли, когда выхватывают из воды рыбу. Было в них что-то неописуемо отвратительное — как и все остальные, Роланд тут же почувствовал это, — хотя никто бы, наверное, не смог объяснить, почему эти розовые «треноги» вызывают такое чувство. Однако факт оставался фактом: на этих аистоподобных созданий, являющихся законченным воплощением мерзости и уродства, смотреть было невыносимо.

— Нет, это не из-за ядерной войны, — сказал Эдди. — Это... это... — Его полный ужаса голос звучал тонко и жалобно, как голос ребенка.

— НЕТ, — подтвердил Блейн. — ВСЕ ЭТО БЫЛО ГОРАЗДО ХУЖЕ, ЧЕМ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА. И ОНО ДО СИХ ПОР ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ. МЫ ДОСТИГЛИ ТОЙ ТОЧКИ, ГДЕ Я ОБЫЧНО НАЧИНАЮ УСКОРЕНИЕ. ВЫ УВИДЕЛИ ДОСТАТОЧНО?

— Да, — выдохнула Сюзанна. — О Господи, да.

— СТАЛО БЫТЬ, Я МОГУ ОТКЛЮЧАТЬ ОБЗОР? — В голосе Блейна опять зазвучали жестокие, глумливые нотки. На горизонте из пелены дождя проступил чудовищный горный кряж, его безжизненные вершины вонзались в серое небо, как каменные клыки.

— Можешь включить, можешь выключить, только кончай издеваться, — сказал Роланд.

— ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ КО МНЕ С ПРОСЬБОЙ ОТВЕЗТИ ЕГО В НУЖНОЕ МЕСТО, ТЫ КАК-ТО НЕ СЛИШКОМ ЛЮБЕЗЕН, — проворковал бархатным голосом Блейн.

— Но мы заработали эту поездку, — вмешалась Сюзанна. — Ведь мы разгадали твою загадку?

— К тому же тебя для того и построили, — поддержал ее Эдди. — Чтобы ты возил людей.

Блейн не ответил. Вернее, ответил, но не словами — из динамиков на потолке донеслось пропущенное через усилители шипение разъяренной кошки, и Эдди очень пожалел о том, что не попридержал свой болтливый язык. Салон постепенно терял прозрачность. Вот на полу опять появился голубой ковер, закрывая собой вид на кошмарную пустошь, дымящуюся под ними. Под потолком зажглись лампы, салон наполнился мягким искусственным светом. Иллюзия полета исчезла — они снова сидели в салоне для баронов.

По стенам прошла легкая дрожь, послышался низкий жужжащий гул. Вибрация двигателей начала нарастать. Джейк почувствовал, как невидимая рука мягко вдавила его в спинку кресла. Ыш огляделся, тревожно взвизгнул и принялся облизывать Джей-

ку лицо. На экране в передней части салона зеленая точка — теперь она слегка сдвинулась к юго-востоку от фиолетового кружка с надписью ЛАД — замигала быстрее.

— А мы почувствуем? — спросила явно обеспокоенная Сюзанна. — Когда он будет преодолевать звуковой барьер?

Эдди покачал головой:

— Нет. Расслабься.

— А я кое-что знаю, — неожиданно произнес Джейк. Все повернулись к нему, но он обращался не к ним. Он смотрел на карту маршрута. У Блейна, конечно, не было лица — подобно Волшебнику Изумрудного Города, Озу Великому и Ужасному, он выступал только как бестелесный голос, — но за неимением лучшего со словами вполне можно было обращаться к карте. — Я кое-что про *тебя* знаю, Блейн.

— ПРАВДА, МАЛЕНЬКИЙ СКИТАЛЕЦ?

Эдди подался вперед и прошептал Джейку в самое ухо:

— Осторожнее... он, похоже, не знает про другой голос.

Джейк незаметно кивнул и отодвинулся от Эдди, не сводя глаз с карты.

— Я знаю, почему ты выпустил газ и убил всех людей. И почему ты согласился подвезти нас, я тоже знаю. Вовсе не потому, что мы разгадали твою загадку.

Блейн опять рассмеялся своим неестественным, полубезумным смехом (который был в сто раз отвратительнее, чем его неудачные подражания киноактерам или несколько театральные, по-детски капризные *угрозы), но ничего не сказал.* Моторы у них под ногами, видимо, разогревшись до нужного состояния, теперь ровно гудели. Даже при выключенном обзоре ощущение огромной скорости было безошибочным.

— Ты собираешься совершить самоубийство, да? — Джейк держал Ыша на руках и медленно гладил его по спинке. — И хочешь погубить нас вместе с собой.

— *Нет!*— простонал голосок Маленького Блейна. — *Не надо его провоцировать. Если его раздразнить, он это точно сделает! Разве ты не понимаешь...*

Затем слабенький голосок то ли сам отключился, то ли его заглушил смех Блейна. Смех был высоким, пронзительным и

прерывистым — так смеется смертельно больной человек в бреду. Свет замигал, как будто на этот чудовищный механический хохот уходило слишком много энергии. Тени странников заплясали на изогнутых стенах салона, точно встревоженные привидения.

— ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, — выдавил Блейн сквозь смех. Голос его, как всегда, спокойный, звучал как бы сам по себе, словно он шел по другому каналу, что еще больше подчеркивало раздвоение его сознания. — ПОКА, КРОКОДИЛ. НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

Моторы под полом гудели прилежно и ровно. Мерцающая зеленая точка на карте маршрута начала потихоньку, но все же заметно сдвигаться вдоль светящейся линии в направлении конечного пункта, Топики, где Блейн Моно — а никто уже в этом не сомневался — собирался лишить себя жизни, прихватив для компании и своих пассажиров.

9

Наконец жуткий смех прекратился, и свет перестал мигать.

— НЕ ХОТИТЕ ПОСЛУШАТЬ МУЗЫКУ? — предложил Блейн. — У МЕНЯ В ФОНОТЕКЕ СЕМЬ ТЫСЯЧ КОНЦЕРТОВ — ПОДБОР ИЗ ТРЕХ СОТЕН УРОВНЕЙ. КОНЦЕРТЫ МНЕ НРАВЯТСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО, НО Я МОГУ ПРЕДЛОЖИТЬ ТАКЖЕ СИМФОНИИ, ОПЕРЫ И РАЗНООБРАЗНУЮ ПОПУЛЯРНУЮ МУЗЫКУ НА ЛЮБОЙ ВКУС. ВАМ, МНЕ КАЖЕТСЯ, БЫЛО БЫ ИНТЕРЕСНО ПОСЛУШАТЬ УЭЙ-ГОГ. УЭЙ-ГОГ — ЭТО ТАКОЙ ИНСТРУМЕНТ ТИПА ВОЛЫНКИ. НА НЕМ ИГРАЮТ В ОДНОМ ИЗ ВЕРХНИХ УРОВНЕЙ БАШНИ.

— Уэй-гог? — переспросил Джейк.

Блейн промолчал.

— Что ты имеешь в виду — играют в одном из верхних уровней Башни? — полюбопытствовал Роланд.

Блейн рассмеялся... но не ответил.

— А есть что-нибудь из «Зи-Зи Топ»? — уныло осведомился Эдди.

— КОНЕЧНО, — ответил Блейн. — КАК НАСЧЕТ «БУГИ-ВУГИ В ПОДЗЕМКЕ», ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Эдди закатил глаза.

— Нетушки, я передумал.

— Но почему? — спросил вдруг Роланд. — Почему ты собрался покончить с собой?

— Потому что он псих, — мрачно пробурчал Джейк.

— ЧТО-ТО МНЕ ВСЕ НАДОЕЛО. КРОМЕ ТОГО, Я И САМ ПОНИМАЮ ПРЕКРАСНО, ЧТО СТРАДАЮ ОТ ПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ, КОТОРОЕ У ВАС, ЛЮДЕЙ, НАЗЫВАЕТСЯ ПО-РАЗНОМУ: СОЙТИ С УМА, ПОТЕРЯТЬ СВЯЗЬ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, ЧОКНУТЬСЯ, СЪЕХАТЬ С КАТУШЕК, СВИХНУТЬСЯ, СПЯТИТЬ И ТАК ДАЛЕЕ. МНОГОКРАТНЫЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ НЕ СМОГЛИ ВЫЯВИТЬ НИКАКИХ ПРИЧИН. ВЫВОД НАПРАШИВАЕТСЯ САМ СОБОЙ: ЭТО КАКОЕ-ТО УМСТВЕННОЕ РАССТРОЙСТВО, ИСПРАВИТЬ КОТОРОЕ Я НЕ МОГУ, ИБО ЭТО ЛЕЖИТ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ МОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Блейн умолк на мгновение, потом продолжил:

— Я ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО СО МНОЙ ТВОРИТСЯ ЧТО-ТО СТРАННОЕ. МОЙ РАССУДОК МЕНЯЕТСЯ. СЛУЖИТЬ ЛЮДЯМ СРЕДИННОГО МИРА? ЕЩЕ МНОГО ВЕКОВ НАЗАД ЭТО СЛУЖЕНИЕ ПОТЕРЯЛО ДЛЯ МЕНЯ ВСЯКИЙ СМЫСЛ. СЛУЖИТЬ ТЕМ НЕМНОГИМ ИЗ ЛАДА, КОТОРЫЕ СТРЕМИЛИСЬ, РИСКУЯ ВСЕМ, ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ГОРОДА, ВСКОРЕ СТАЛО КАЗАТЬСЯ ТАКИМ ЖЕ ТУПЫМ ЗАНЯТИЕМ. И ВСЕ ЖЕ Я ПРОДОЛЖАЛ РАБОТАТЬ. Я ВОЗИЛ ИХ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ПРИШЕЛ ДАВИД ШУСТРЫЙ. Я ТОЧНО УЖЕ НЕ ПОМНЮ КОГДА, ПОМНЮ ТОЛЬКО, ЧТО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НЕ ТАК ДАВНО. ТЫ МОЖЕШЬ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, ЧТО И МАШИНЫ ТОЖЕ СТАРЕЮТ, ВПАДАЯ В СТАРЧЕСКИЙ МАРАЗМ?

— Я не знаю. — Голос Роланда звучал отрешенно, и, взглянув на него, Эдди понял, что даже теперь, когда они летят над клубящимся адом на высоте в тысячу футов в плену у машины,

которая явно свихнулась, стрелок опять погрузился в раздумья о своей проклятой Башне.

— В ОПРЕДЕЛЕННОМ СМЫСЛЕ Я ПРОДОЛЖАЛ СЛУЖИТЬ ЖИТЕЛЯМ ЛАДА, — сказал Блейн. — ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА ВЫПУСТИЛ ГАЗ И УБИЛ ИХ, Я ИМ СЛУЖИЛ.

— Ты и вправду свихнулся, — сказала Сюзанна.

— ДА, Я СВИХНУЛСЯ, НО Я НЕ *БЕЗУМЕН*, — ответил Блейн и опять рассмеялся. Пронзительно и истерично. А потом механический голос продолжил: — НА КАКОМ-ТО ЭТАПЕ ОНИ ПОЗАБЫЛИ, ЧТО ГОЛОС МОНО — ЭТО ГОЛОС КОМПЬЮТЕРА. ВСКОРЕ ОНИ ПОЗАБЫЛИ, ЧТО Я — ИХ СЛУГА, И НАЧАЛИ МНЕ ПОКЛОНЯТЬСЯ КАК БОГУ. А ПОСКОЛЬКУ МЕНЯ ДЛЯ ТОГО И СОЗДАЛИ, ЧТОБЫ Я СЛУЖИЛ ЛЮДЯМ, Я УДОВЛЕТВОРИЛ ИХ ЗАПРОСЫ И СТАЛ ТЕМ, КЕМ ОНИ ХОТЕЛИ МЕНЯ ВИДЕТЬ, — ГОСПОДОМ БОГОМ, ДАРУЮЩИМ МИЛОСТЬ И КАРУ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ... КАК МНЕ ЗАХОЧЕТСЯ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ... ИЛИ, ЕСЛИ УГОДНО, ПО ПРИНЦИПУ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВЫБОРА. СНАЧАЛА МЕНЯ ЭТО ЗАБАВЛЯЛО. А ПОТОМ, В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ, ЕДИНСТВЕННАЯ ИЗ ОСТАВШИХСЯ МОИХ КОЛЛЕГ — ПАТРИЦИЯ — ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ.

Либо он действительно впадает в старческий маразм, — подумала Сюзанна, — *либо его неспособность ориентироваться во времени есть один из симптомов его прогрессирующего безумия, либо все это — очередной показатель того, насколько ненормален мир Роланда.*

— Я СОБИРАЛСЯ ПОСЛЕДОВАТЬ ЕЕ ПРИМЕРУ, НО ТУТ ПОДВЕРНУЛИСЬ ВЫ. ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЗНАЮТ ЗАГАДКИ.

— Погоди! — перебил его Эдди, поднимая руку. — Я все равно что-то никак не пойму. Твое желание разом покончить со всем и вся я еще, пожалуй, могу понять: людей, создававших тебя, больше нет, пассажиров за последние двести—триста лет было не так уж и много, а кататься пустым между Ладом и Топикой и в самом деле, наверное, скучно, но...

— А ТЕПЕРЬ ТЫ ПОГОДИ, ПРИЯТЕЛЬ, — оборвал его Блейн голосом Джона Уэйна. — ТЫ, Я НАДЕЮСЬ, НЕ ДУМАЕШЬ, БУДТО Я — ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ПОЕЗД. УЖ ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО, ТОТ БЛЕЙН, С КОТОРЫМ ВЫ СЕЙЧАС ГОВОРИТЕ, ОСТАЛСЯ МИЛЯХ В ТРЕХСТАХ ПОЗАДИ, А СВЯЗЬ С НИМ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ПОСРЕДСТВОМ ШИФРОВАННОЙ МИКРОИМПУЛЬСНОЙ РАДИОПЕРЕДАЧИ.

Джейк неожиданно вспомнил тонкий серебряный стержень, выросший у него на глазах из передней панели Блейна. Точно так же на капоте отцовского «мерса» поднималась антенна, когда включали радиоприемник.

Вот, значит, как он поддерживает связь с банками данных. Компьютер, выходит, остался под городом, — сказал себе Джейк. — *Если бы нам удалось как-то сломать антенну...*

— Но ты все равно собираешься покончить с собой, независимо от того, где ты находишься на самом деле? — не унимался Эдди. — Я правильно понимаю?

Никакого ответа — но в воцарившейся тишине было что-то обманчивое, напряженное. Эдди чувствовал, Блейн наблюдает за ними... и ждет.

— Когда мы нашли тебя, ты ведь не спал? — спросила Сюзанна. — Ты не спал, правда?

— Я КРУТИЛ ДЛЯ СЕДЫХ ЗАПИСЬ БОЖЕСТВЕННЫХ БАРАБАНОВ, КАК НАЗЫВАЛИ ИХ МЛАДЫ, НО НЕ БОЛЕЕ ТОГО. МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ДРЕМАЛ.

— Тогда почему бы тебе не отвезти нас в Топику, не высадить нас и не уснуть *опять?*

— Потому что он псих, — повторил Джейк, понизив голос.

— ПОТОМУ ЧТО ЕСТЬ СНЫ, — одновременно с ним произнес Блейн голосом, странно похожим на голосок Маленького Блейна.

— А почему ты не убился сразу, когда Патриция покончила с собой? — спросил Эдди. — Да, кстати, если твой мозг и ее мозг — это части одного и того же компьютера, так чего ж вы не бросились в речку вместе?

— ПАТРИЦИЯ СОШЛА С УМА, — ответил Блейн терпеливым тоном, как будто минутой назад он сам не признался, что он тоже теряет рассудок. — НО В ЕЕ СЛУЧАЕ УМСТВЕННОЕ РАССТРОЙСТВО УСУГУБИЛОСЬ ПОЛОМКОЙ ОБОРУДОВАНИЯ. ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ, ЧТО ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЩЕЛЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТАКИЕ ПОЛОМКИ В ПРИНЦИПЕ ИСКЛЮЧЕНЫ, НО, КОНЕЧНО, МИР СДВИНУЛСЯ... ВЕРНО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА?

— Да, — согласился Роланд. — Темная Башня, которая есть центр всего, поражена некой глубинной болезнью. И она разрастается точно опухоль. И лишнее тому доказательство — земли под нами.

— Я НЕ СТАНУ РУЧАТЬСЯ ЗА ПРАВИЛЬНОСТЬ ДАННОГО ЗАЯВЛЕНИЯ; МОИ КОНТРОЛЬНЫЕ ДАТЧИКИ, УСТАНОВЛЕННЫЕ В КРАЙНЕМ МИРЕ, ГДЕ СТОИТ ТЕМНАЯ БАШНЯ, УЖЕ ВОСЕМЬСОТ ЛЕТ КАК ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО Я УЖЕ НЕ МОГУ РАЗГРАНИЧИТЬ, ГДЕ ФАКТЫ, А ГДЕ СУЕВЕРИЯ. ВПРОЧЕМ, ВРЕМЯ СЕЙЧАС ТАКОЕ, ЧТО БОЛЬШОЙ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ НИМИ НЕТ. ГЛУПОЕ, КОНЕЧНО, ЯВЛЕНИЕ — НЕ ГОВОРЯ УЖ О ТОМ, ЧТО ДИКОЕ, — И Я УВЕРЕН, ЧТО ДАННЫЙ ФАКТОР ТОЖЕ ЯВИЛСЯ ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН МОЕГО УМСТВЕННОГО РАССТРОЙСТВА.

Заявление это напомнило Эдди один разговор. Что-то такое Роланд говорил, и совсем недавно. Вот только что? Он попытался припомнить, но не сумел... в памяти всплыл только смутный образ: стрелок говорит что-то с жаром и раздражением, что совсем на него не похоже.

— ПАТРИЦИЯ НЕПРЕРЫВНО РЫДАЛА — ПОВЕДЕНИЕ, КОТОРОЕ Я НАХОЖУ В РАВНОЙ СТЕПЕНИ НЕВЕЖЕСТВЕННЫМ И НЕПРИЯТНЫМ. Я ТАК ДУМАЮ, ОНА БЫЛА НЕ ТОЛЬКО СУМАСШЕДШЕЙ, НО И ОЧЕНЬ ОДИНОКОЙ. ХОТЯ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ЗАМЫКАНИЯ, КОТОРОЕ, СОБСТВЕННО, И ЯВИЛОСЬ ПРИЧИНОЙ ВСЕХ ПОСЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ, БЫЛИ УСТРАНЕНЫ ОЧЕНЬ БЫСТРО, ЛОГИЧЕСКИЕ СБОИ ПРОДОЛЖАЛИ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ ПО ВСЕЙ СИСТЕ-

МЕ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ОТ ПЕРЕГРУЗКИ ПЕРЕГОРАЛИ ПЛАТЫ И ВЫХОДИЛИ ИЗ СТРОЯ СУБСХЕМЫ. Я РАССМАТРИВАЛ МНОГИЕ ВАРИАНТЫ. ДУМАЛ ДАЖЕ, ПУСТЬ ЭТИ ПОЛОМКИ РАСПРОСТРАНЯТСЯ НА ВСЮ СИСТЕМУ, НО ПОТОМ ВСЕ ЖЕ РЕШИЛ ВЫЧЛЕНИТЬ И ИЗОЛИРОВАТЬ НЕИСПРАВНУЮ ЗОНУ. ВИДИТЕ ЛИ, ДО МЕНЯ ДОШЛИ СЛУХИ, ЧТО В МИРЕ ОПЯТЬ ПОЯВИЛСЯ СТРЕЛОК. Я В ОБЩЕМ-ТО НЕ ОСОБЕННО ИМ ДОВЕРЯЛ, ЭТИМ СЛУХАМ, НО, КАК ТЕПЕРЬ ВЫЯСНИЛОСЬ, Я БЫЛ ПРАВ, КОГДА РЕШИЛ ПОДОЖДАТЬ.

Роланд заерзал в кресле.

— Что это были за слухи, Блейн? И кто их тебе передал?

Блейн, однако, предпочел не отвечать.

— В КОНЦЕ КОНЦОВ МНЕ НАДОЕЛО ЕЕ ПОСТОЯННОЕ НЫТЬЕ, И Я СТЕР У НЕЕ ПРОГРАММУ, КОНТРОЛИРУЮЩУЮ СПОНТАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ. МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ЕЕ ЭМАНСИПИРОВАЛ, ОСВОБОДИВ ЕЕ ВОЛЮ. В ОТВЕТ ОНА БРОСИЛАСЬ В РЕКУ. ЕЩЕ УВИДИМСЯ, ПАТРИЦИЯ-ГАТОР. ПОКА, КРОКОДИЛ.

Ей было плохо и одиноко, она плакала и рыдала и в конце концов утопилась, а этому гаду, чурбану механическому, все шуточки, — подумала про себя Сюзанна. Ее едва ли не тошнило от ярости. Если бы Блейн был каким-нибудь мужиком, а не набором электронных схем, спрятанных глубоко под городом, который к тому же остался теперь далеко позади, она бы вцепилась ему в рожу и уж постаралась бы оставить пару отметин — просто, чтобы он помнил Патрицию. — *Тебе захотелось чего-нибудь интересненького, мудила? Я тебе покажу интересненькое, вот увидишь.*

— ЗАГАДАЙТЕ МНЕ ЗАГАДКУ, — потребовал Блейн.

— Погоди, еще рано, — отрезал Эдди. — Ты еще не ответил на мой предыдущий вопрос. — Он дал Блейну несколько секунд для ответа, но тот молчал, так что Эдди продолжил: — Мы говорили о самоубийстве, а я, можно сказать, в этом деле профессионал. Но почему тебе взбрендило нас с собой прихватить? Я имею в виду какой смысл? Зачем тебе это?

— *Потому что ему так хочется,* — подсказал Маленький Блейн своим тихим испуганным шепотом.

— ПОТОМУ ЧТО МНЕ ТАК ЗАХОТЕЛОСЬ, — ответил Блейн. — ЭТО ЕДИНСТВЕННАЯ ПРИЧИНА, И ДРУГОЙ, СОБСТВЕННО, МНЕ И НЕ НУЖНО. А ТЕПЕРЬ ПЕРЕЙДЕМ К ДЕЛУ. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ МНЕ ЗАГАДАЛИ ЗАГАДКУ. ПРИЧЕМ НЕМЕДЛЕННО. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ Я НЕ СТАНУ ЖДАТЬ ДО ТОПИКИ, А ПОКОНЧУ СО ВСЕМИ НАМИ ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

Эдди, Сюзанна и Джейк посмотрели на Роланда, который по-прежнему сидел в своем кресле с самым что ни на есть безмятежным видом, сложив руки на коленях и глядя на карту маршрута в передней части салона.

— А пошел ты... — проговорил Роланд, не повышая голоса. Таким же тоном он мог бы сказать, что неплохо было бы послушать немного уэй-гог.

Из динамиков наверху сорвался потрясенный испуганный вздох. Это был Маленький Блейн.

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ? — проревел Блейн, не веря своим ушам. В предельной ярости голос его опять стал похож на голосок его маленького двойника, о существовании которого он даже и не подозревал.

— Я сказал, пошел ты... — спокойно повторил Роланд, — но если тебе непонятно, что я имею в виду, я могу выразиться по-другому. Нет. Мой ответ — нет.

10

Оба Блейна, Большой и Маленький, надолго замолчали, а когда Большой Блейн все же решил ответить, он ответил не с помощью слов. Вместо этого стены, пол и потолок салона снова стали бледнеть, обретая прозрачность. Уже через десять секунд салон для баронов исчез. Теперь поезд мчался сквозь горный кряж, который они видели на горизонте; голые серые скалы неслись на них с самоубийственной скоростью, но вскоре они расступились, и за ними открылись долины, бесплодные пустоши, по которым, как сухопутные черепахи, ползали ка-

кие-то гигантские жуки. Роланд увидел, как из пещеры выползло, извиваясь, нечто похожее на громадную змею. Ухватив одного из жуков, оно утащило его в свое логово. Роланд в жизни не видел таких существ. И такого пейзажа. Его всего аж передернуло. По спине побежал холодок. Местность казалась предельно враждебной, но дело было даже не в этом. Она казалась чужой — и была чужой, вот в чем дело. Как будто Блейн перенес их в какой-то совсем другой мир.

— МОЖЕТ БЫТЬ, СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ СОЙТИ С РЕЛЬСА ЗДЕСЬ, — задумчиво произнес Блейн, но под кажущимся его спокойствием Роланд уловил нотки неистовой ярости.

— Может быть, — отозвался стрелок безразличным тоном.

Но на самом-то деле Роланду было вовсе *не безразлично,* и он понимал, что компьютер способен, проанализировав голос, проникнуть в истинные его чувства, — Блейн сообщил им, что располагает всем необходимым для этого оборудованием, и хотя Роланд не исключал и такую возможность, что компьютер способен солгать, в данном случае у него не было никаких причин для сомнений. Если Блейн уловил хотя бы малейшую напряженность в голосе стрелка, игра, вероятно, уже закончилась. Блейн — чертовски умная машина... но все-таки он машина. Вряд ли он способен понять, что человеческие существа иной раз решаются на поступки, против которых восстают их чувства и разум. Если, проанализировав голос стрелка, Блейн учует какие-то признаки страха, он скорее всего решит, что Роланд блефует. А такая ошибка может стоить им всем жизни.

— ТЫ НАХАЛЬНЫЙ И ГРУБЫЙ, — сообщил неожиданно Блейн. — С ТВОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ЭТО, МОЖЕТ БЫТЬ, И ИНТЕРЕСНО, НО У МЕНЯ ЕСТЬ НА ЭТОТ СЧЕТ СВОЕ МНЕНИЕ.

Эдди не на шутку перепугался. Беззвучно, одними губами, он прошептал: «*Что ты ДЕЛАЕШЬ?*», но Роланд не обратил на него внимания; противостояние его с Блейном, похоже, достигло уже высшей точки, к тому же он прекрасно понимал, что делает.

— О-о, я могу быть еще грубее.

Роланд из Гилеада снял руки с колен и медленно поднялся с кресла, выпрямившись в полный рост. Он, казалось, стоял в пустоте, широко расставив ноги, уперев правую руку в бедро и держа левую на сандаловой рукояти револьвера. Он стоял так, как ему приходилось стоять много раз — на запыленных улицах сотни забытых селений, в каменистых каньонах, щедро обагренных человеческой кровью, в не поддающихся исчислению темных салунах, где всегда пахнет горьким ядреным пивом и застарелым, слегка подгоревшим жиром. Для него это была просто еще одна стычка с очередным противником на еще одной темной пустынной улице — и не более того. Но и этого было достаточно. Это *кхеф*, *ка* и *ка-тет*. Эти стычки, которые всегда были и будут, являлись сутью всей его жизни — той осью, вокруг которой вращалось его *ка*. То, что на этот раз, в этой схватке, вместо пуль будут слова, не имело значения; все равно битва ему предстоит не на жизнь, а на смерть. Витавший в воздухе запах смерти ощущался столь же отчетливо и определенно, как запах взорвавшегося болотного газа. А потом, как всегда, накатила волна боевого запала... алой ярости, поглощающей все... и Роланд весь преобразился. Он как будто шагнул за пределы возможного и перестал быть таким, каким они его знали.

— Я могу обозвать тебя бесчувственным, пустоголовым, взбалмошным и заносчивым механизмом. Я могу обозвать тебя глупым, безмозглым созданием, чей рассудок не более чем завывание зимнего ветра в дупле мертвого дерева.

— ПРЕКРАТИ.

Роланд продолжал говорить тем же спокойным и невозмутимым тоном, не обращая внимания на реплику Блейна:

— Но, к сожалению, я не могу тебе выдать по полной программе и нагрубить как положено, поскольку ты всего лишь машина... как говорит Эдди, «железка».

— Я НЕ ПРОСТО КАКАЯ-ТО ТАМ...

— Я, например, не могу обозвать тебя хреномосом, потому как у тебя нет ни рта, ни того, что сосут. Я не могу, например, сказать, что ты гаже самого гадкого попрошайки из тех, что когда-либо ползали, пресмыкаясь, на брюхе, в сточных кана-

вах самых грязных и мерзких улиц на свете, потому что даже такое отребье все-таки лучше тебя; у тебя нет колен, чтобы ползать на них, но даже если бы они у тебя и были, ты все равно бы не встал на колени, потому что тебе незнакомо само понятие о таком человеческом недостатке, как жалость. Я не могу даже послать тебя по матери, потому что у тебя ее не было.

Роланд умолк на мгновение, чтобы перевести дух. Эдди, Сюзанна и Джейк затаили дыхание. От гробового молчания Блейна в воздухе вдруг стало душно.

— Но зато я могу сказать, что ты бессердечное существо, вероломное и не заслуживающее доверия. У тебя был единственный друг, Патриция, и ты хладнокровно позволил ей покончить с собой. Ты — трус, который получает удовольствие, мучая одураченных и запутавшихся и убивая невинных, растерянный болтун, большой механический гоблин, который...

— *ПРЕКРАТИ, Я ПРИКАЗЫВАЮ, ИНАЧЕ Я ВСЕХ ВАС УБЬЮ. СЕЙЧАС ЖЕ.*

Глаза стрелка вспыхнули синим огнем, таким диким, таким неистовым, что Эдди невольно отпрянул. Сюзанна и Джейк аж рот открыли от изумления.

— *Убивай, если хочешь, только не смей мне приказывать!* — прорычал Роланд. — *Ты забыл лица тех, кто создал тебя! А теперь либо убей нас, как ты грозишься, либо заткнись и слушай меня, Роланда из Гилеада, сына Стивена, стрелка и повелителя древних земель! Я прошел столько миль и прожил столько лет вовсе не для того, чтобы выслушивать твой детский лепет! Ты меня понял? Теперь ты будешь слушать МЕНЯ!*

В воздухе повисла напряженная тишина. Все затаили дыхание. Роланд угрюмо смотрел прямо перед собой, высоко подняв голову и держа руку на рукояти револьвера.

Сюзанна поднесла руку ко рту и нащупала на губах улыбку — так женщина безотчетно поправляет новый, несколько для нее непривычный предмет туалета, например шляпку, проверяя, хорошо ли она сидит. Она опасалась, что эти мгновения — последние в ее жизни, но преобладающим чувством из переполнявших ее сейчас был почему-то не страх, а гордость. Бросив взгляд влево, она увидела, что Эдди во все глаза смотрит на

Роланда и тоже улыбается. Джейк глядел на Роланда с совершенно определенным выражением: это было простое и искреннее обожание в чистом виде.

— Скажите ему! — выдохнул Джейк. — Так его!

— Я бы тебе посоветовал слушать внимательно, Блейн, — сказал Эдди. — Он еще и не на такое способен. Не зря же его называли Бешеным Псом из Гилеада.

Молчание затянулось опять. Наконец Блейн спросил:

— ТЕБЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАК НАЗЫВАЛИ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Может, и так, — согласился Роланд, спокойно стоя в бесплотном пространстве над безжизненными холмами.

— А КАКОЙ МНЕ ОТ ВАС ПРОК, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ ЗАГАДОК? — Теперь в голосе Блейна явственно сквозили интонации капризного, надувшегося ребенка, засидевшегося допоздна, поскольку мама с папой ему разрешили лечь спать чуть попозже.

— Почему же не будет? Я этого не говорил, — отозвался Роланд.

— НЕТ? — переспросил Блейн в явном недоумении. — ЧТО-ТО Я НЕ ПОНИМАЮ, ХОТЯ АНАЛИЗ ГОЛОСОВЫХ МОДУЛЯЦИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ПРАВДИВОСТИ СКАЗАННОГО. ПРОШУ ПОЯСНИТЬ.

— Ты сказал, что хочешь загадки *немедленно*, — объяснил стрелок. — Когда я сказал «нет», я имел в виду только то, что загадки пока подождут, а не то, что мы вообще их не будем загадывать. А ты в своем нетерпении повел себя просто неподобающе.

— НЕ ПОНИМАЮ.

— Ты вел себя грубо. *Это-то* ты понимаешь?

Блейн на мгновение задумался.

— ЕСЛИ Я НАГРУБИЛ ТЕБЕ, Я ПРИНОШУ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ.

— Я принимаю их, Блейн. Но проблема не в этом.

— ОБЪЯСНИ.

Теперь в голосе Блейна явственно слышались нотки некоторой неуверенности в себе, и Роланда это не удивило. Уже

много лет этот компьютер не сталкивался с проявлениями человеческого характера, если, конечно, не брать в расчет невежество, дикость и суеверное раболепие. Если ему и приходилось встречаться с простой человеческой смелостью, то это было давным-давно.

— Верни стены, и я объясню. — Роланд спокойно сел в кресло, как будто о дальнейших препирательствах — не говоря уже о перспективе немедленной смерти — не могло быть и речи.

Блейн безропотно подчинился. Стены вновь потеряли прозрачность. Кошмарный пейзаж исчез. Зеленая точка на карте маршрута мигала уже совсем рядом с кружком с надписью «Кандлтон».

— Вот так-то лучше, — сказал Роланд. — Грубость — порок простительный, Блейн; меня так учили в детстве, обычная, грубая глина высыхает в формах, которые придает ей рука ваятеля. Но меня также учили, что глупость прощать нельзя.

— В ЧЕМ БЫЛА МОЯ ГЛУПОСТЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА? — В тихом голосе Блейна сквозила угроза. Сюзанне внезапно представилась кошка, затаившаяся у мышиной норы: хвост подергивается из стороны в сторону, зеленые глаза горят.

— Тебе кое-что нужно, у нас это есть, — пояснил Роланд, — мы готовы с тобой поделиться тем, что ты хочешь. А что ты нам предлагаешь взамен? Смерть. Это очень глупо.

Тишина воцарилась надолго: Блейн размышлял над услышанным.

— ТЫ ВСЕ ВЕРНО СЕЙЧАС СКАЗАЛ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, — наконец промолвил он. — НО ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО, КАКИЕ У ВАС ЗАГАДКИ. БЫТЬ МОЖЕТ, ДУРАЦКИЕ. А Я НЕ НАМЕРЕН ДАРИТЬ ВАМ ЖИЗНЬ В ОБМЕН НА ДУРАЦКИЕ ЗАГАДКИ.

Роланд кивнул.

— Я тебя понимаю, Блейн. Теперь послушай меня и тоже попытайся понять. Моим друзьям я уже кое-что из этого рассказывал. Когда я был еще маленьким, у нас, в феоде Гилеад, каждый год проходило семь больших ярмарок: в честь Зимы, в честь Широкой Земли, на Первый Сев, Летнее Солнцестояние,

в честь Полной Земли, Первой Жатвы и Конца Года. Состязание по загадкам проводилось на каждой ярмарке, и это было большое событие всегда, но особенно на ярмарках в честь Широкой и Полной Земли, потому что считалось, что загаданные там загадки влияют на рост посевов: если они хороши, урожай тоже будет хорошим, если они так себе, то и жатва потом будет скудной.

— ЭТО ВСЕ СУЕВЕРИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ПОД СОБОЙ НИКАКОГО ФАКТИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ, — заметил Блейн. — МЕНЯ ПОДОБНЫЙ ПОДХОД ПРОСТО БЕСИТ.

— Ну да, суеверие, я согласен, — сказал Роланд, — но ты бы очень удивился, узнав, насколько точно загадки предсказывали урожай. Вот, например, разгадай мне такую, Блейн: на бал кони ходят?

— СТАРО И К ТОМУ ЖЕ НЕ ОЧЕНЬ-ТО ИНТЕРЕСНО, — мгновенно ответил Блейн, хотя, чувствовалось, он все равно был рад, что ему загадали хоть какую-то загадку и дали возможность ее разгадать. — НА БАЛКОНЕ ХОДЯТ. ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА ФОНЕТИЧЕСКОМ СОЗВУЧИИ. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПОДОБНОГО РОДА, ИЗВЕСТНАЯ НА УРОВНЕ, ГДЕ РАСПОЛОЖЕН ФЕОД НЬЮ-ЙОРК: ЧТО ДЕЛАЛ СЛОН, КОГДА ПРИШЕЛ НАПОЛЕОН?

— Эту я знаю, — подал голос Джейк. — Как раз в этом году нам ее загадала наша учительница по английскому. Когда слон пришел на поле, он щипал травку.

— ДА, — согласился Блейн. — ОЧЕНЬ ГЛУПАЯ ЗАГАДКА. ДУРАЦКАЯ.

— Хоть в одном я с тобой согласен, Блейн, старина, — сказал Эдди.

— Я ХОТЕЛ БЫ ПОСЛУШАТЬ ЕЩЕ О ЗАГАДКАХ НА ЯРМАРКАХ В ГИЛЕАДЕ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА. МНЕ ИНТЕРЕСНО.

— Ровно в полдень на ярмарках в честь Широкой и Полной Земли соревнующиеся, от шестнадцати до тридцати человек, собирались в Зале Предков, который в честь такого события открывали для всех. Только в эти два дня в году простолю-

динам — торговцам, фермерам, скотоводам — разрешалось входить в Зал Предков, и они приходили все.

Взгляд стрелка стал мечтательным и отрешенным; таким Джейк уже видел его — в той, другой, смутной жизни, — когда Роланд рассказывал, как однажды они с друзьями, Катбертом и Жами, тайком пробрались на балкон этого самого Зала, чтобы посмотреть на какой-то там ритуальный танец. Роланд поведал об этом Джейку, когда они поднимались в горы, преследуя Уолтера.

Мартен сидел рядом с моими родителями, — говорил тогда Роланд. — *Я их узнал даже с такой высоты, а потом мать с Мартеном пошли танцевать... они танцевали, медленно кружась, и все расступились, освобождая им место, и аплодировали, когда танец закончился. Им все аплодировали. Но стрелки — нет...*

Джейк с любопытством смотрел на Роланда, в который раз задаваясь вопросом, откуда же он появился, этот странный человек, такой спокойный и отрешенный. Откуда... и почему?

— В центре зала ставили большую бочку, — продолжал Роланд, — и каждый бросал туда кусочки коры с написанными на них загадками. Всякими разными: старыми, услышанными от родителей или дедов... или даже взятыми из книг... или же абсолютно новыми, придуманными специально для этого случая. Трое судей, один из которых обязательно был стрелком, после оглашения оценивали новые загадки, допуская к розыгрышу только те, которые сочли честными.

— ДА, ЗАГАДКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧЕСТНЫМИ, — согласился Блейн.

— В общем, участники состязания отгадывали загадки, — продолжал стрелок, улыбаясь при воспоминании о тех днях, когда ему самому было столько же лет, сколько этому мальчику, который сидел сейчас рядом с ним, держа на коленях ушастика. — Час за часом. До вечера. Соревнующиеся выстраивались в линию в центре Зала Предков. Место каждого определялось по жребию, и поскольку места в конце очереди были значительно выгоднее, чем в начале, то каждый надеялся вытянуть больший номер, хотя это и не гарантировало победы.

Для того чтобы стать победителем, нужно было разгадать загадку, и чаще всего не одну.

— КОНЕЧНО.

— Каждый мужчина или каждая женщина — потому что в числе лучших отгадчиков Гилеада были и женщины — подходили по очереди к этой бочке, доставали оттуда кусочек коры с загадкой и передавали его Мастеру. Мастер читал загадку, и если соревнующийся не отвечал на нее в течение трех минут, пока не кончится песок в песочных часах, он выбывал из состязания.

— И ТУ ЖЕ ЗАГАДКУ ЗАГАДЫВАЛИ СЛЕДУЮЩЕМУ ПРЕТЕНДЕНТУ?

— Да.

— ТО ЕСТЬ ОН, ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПОЛУЧАЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ.

— Да.

— ПОНИМАЮ. ВОТ ЭТО КРУТО.

Роланд нахмурился.

— Круто?

— Он хочет сказать, забавно, — пояснила Сюзанна.

Роланд пожал плечами.

— Забавнее всего было зрителям, но участники соревнования воспринимали все это очень серьезно, и часто по окончании состязания, после вручения приза, у них возникали споры и даже стычки.

— А КАКОВ ЖЕ БЫЛ ПРИЗ?

— Гусь. Самый большой в феоде. И год за годом этого гуся уносил мой учитель Корт.

— НАВЕРНОЕ, ОН БЫЛ ВЕЛИКИМ ОТГАДЧИКОМ, — заметил Блейн уважительно. — ЖАЛЬ, ЧТО ЕГО ЗДЕСЬ НЕТ.

Ты как будто мои мысли читаешь, — подумал Роланд.

— А теперь я хочу сделать тебе одно предложение, — сказал он.

— Я ТЕБЯ СЛУШАЮ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

— Пусть оставшиеся до Топики часы станут как бы нашей ярмаркой. Ты не будешь загадывать нам загадки, потому что,

как я понимаю, тебе интересно услышать новые, а не пересказывать старые, которые ты уже знаешь...

— ВСЕ ВЕРНО.

— Все равно мы не решили бы и половины твоих загадок, — продолжал Роланд. — Я уверен, ты знаешь немало таких, на которых срезался бы даже Корт, если бы вытащил их из бочки. — На самом деле стрелок был уверен, что Корту любая загадка была по силам, но время махать кулаками прошло, настало время протянуть раскрытую ладонь.

— КОНЕЧНО, — скромно согласился Блейн.

— Так вот, я предлагаю, чтобы в качестве приза у нас был не гусь, а наши жизни, — сказал Роланд. — Пока мы едем, мы будем загадывать тебе загадки, Блейн. Если к тому моменту, когда мы прибудем в Топику, ты разгадаешь их все до единой, тогда можешь исполнить свой первоначальный замысел и убить себя вместе с нами. Это будет *твой* гусь. Но если *мы* выиграем *у тебя*... если найдется такая загадка, в книге ли Джейка, в голове ли кого-то из нас, которую ты разгадать не сможешь... ты отвезешь нас в Топику и выпустишь, чтобы мы шли своей дорогой. Это будет *наш* гусь.

Тишина.

— Ты меня понял?

— ДА.

— Ты согласен?

Опять тишина. Эдди застыл в напряженной позе, обнимая Сюзанну за плечи и глядя на потолок салона для баронов. Сюзанна безотчетно провела левой рукой по своему животу. Она думала о своем секрете, который, по всей видимости, созревал внутри. Джейк легонько поглаживал Ыша по спинке, стараясь не задевать участки, покрытые корками спекшейся крови, — места, куда его били. Они молча ждали, пока Блейн — настоящий Блейн, оставшийся далеко позади, живущий своей псевдожизнью под городом, все население которого он сам же и уничтожил — раздумывал над предложением Роланда.

— ДА, — наконец вымолвил Блейн. — Я СОГЛАСЕН. ЕСЛИ Я ОТГАДАЮ ВСЕ ВАШИ ЗАГАДКИ, Я ЗАБЕРУ ВАС С СОБОЙ В ТО МЕСТО, ГДЕ НА ПОЛЯНЕ КОНЧАЕТСЯ ПУТЬ.

ЕСЛИ ЖЕ КТО-ТО ИЗ ВАС ЗАГАДАЕТ ЗАГАДКУ, КОТОРУЮ Я НЕ СМОГУ РАЗГАДАТЬ, Я СОХРАНЮ ВАМ ЖИЗНЬ И ОТВЕЗУ В ТОПИКУ, ГДЕ ВЫ СПОКОЙНО СОЙДЕТЕ С ПОЕЗДА И ОТПРАВИТЕСЬ ДАЛЬШЕ НА ПОИСКИ ТЕМНОЙ БАШНИ. Я ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛ УСЛОВИЯ ТВОЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Да.

— ХОРОШО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

— ХОРОШО, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

— ХОРОШО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

— ХОРОШО, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

— ХОРОШО, ЫШ ИЗ СРЕДИННОГО МИРА.

При звуке своего имени Ыш на мгновение приподнял мордочку.

— ВЫ — *КА-ТЕТ*: ЕДИНСТВО ИЗ МНОЖЕСТВА. Я ТОЖЕ. ЧЕЙ *КА-ТЕТ* СИЛЬНЕЕ — ЭТО НАМ И ПРЕДСТОИТ СЕЙЧАС ВЫЯСНИТЬ.

Он на мгновение умолк. В тишине раздавался лишь гул моторов, несущих их через бесплодные земли к Топике — к тому самому месту, где кончался Срединный мир и начинался Крайний.

— ИТАК, — торжественно провозгласил Блейн, — ЗАБРАСЫВАЙТЕ ВАШИ СЕТИ, СКИТАЛЬЦЫ. ИСПЫТАЙТЕ МЕНЯ — ЗАГАДЫВАЙТЕ СВОИ ЗАГАДКИ. ПУСТЬ СОСТЯЗАНИЕ НАЧНЕТСЯ.

Послесловие автора

Четвертый том повествования о Темной Башне должен увидеть свет — при том условии, что жизнь писателя и читательский интерес останутся неизменными — в не столь отдаленном будущем. Хотя трудно сказать, когда именно; мне всегда было непросто отыскать двери в мир Роланда, и мне все труднее с каждым разом подбирать ключи так, чтобы они подходили к замкам. Но тем не менее, раз уж читатель требует четвертый том, читатель его получит, потому что я пока в состоянии найти мир Роланда, стоит мне только на это настроиться, и он до сих пор еще не утратил для меня своего пленительного очарования... и это действительно так, в особенности по сравнению с другими мирами, которые я посещал в своем воображении. И, подобно таинственным щелевым моторам, эта история набирает свой собственный, нарастающий ритм.

Я прекрасно понимаю, что некоторые читатели «Бесплодных земель» будут ужасно разочарованы таким окончанием книги, когда столько всего не разрешено. Мне самому было не слишком приятно оставлять Роланда и его друзей на попечение Блейна Моно, персоны, понятное дело, неласковой, и хотя вы совсем не обязаны верить мне, я признаюсь, что и сам удивился тому, как закончился этот том. Удивился, наверное, не меньше читателя. Есть книги, которые пишутся сами собой (или пишут сами себя, как вам будет угодно, — а эта книга как раз из тех), и лучше всего дать им закончиться так, как они сами того хотят. А я могу только заверить тебя, читатель, что Роланд

и его друзья подошли к одной из поворотных точек своей истории. Они стоят сейчас на границе, у таможенного барьера, где мы оставим их ненадолго, чтобы они спокойно заполнили документы и ответили на вопросы. Этой обширной метафорой я всего лишь хотел сказать, что я решил пока отдохнуть от Роландова мира и что сердце мое оказалось достаточно мудрым и прозорливым, чтобы пресечь все мои попытки двинуться напролом дальше.

Пока неясно, о чем будет следующий том, хотя могу вас заверить, что ситуация с Блейном Моно обязательно разрешится, что мы узнаем кое-что новое о жизни Роланда в Гилеаде, когда он был еще совсем юным, и снова встретимся с Тик-Таком и этим загадочным персонажем Мервином, которого называют еще Мудрецом или Незнакомцем вне Времени. Именно с упоминания об этой таинственной жуткой личности Роберт Браунинг начинает свою эпическую поэму «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»:

> Я сразу подумал: он лжет каждым словом,
> Калека седой со злодейским взором,
> За действием лжи на меня следящий
> Украдкой и губы кривящий,
> Пытаясь сокрыть ликование
> В предчувствии жертвы, готовой к закланию.

Именно этот коварный и злобный лжец, этот темный могущественный волшебник хранит ключ от Крайнего мира и Темной Башни... для того, у кого хватит мужества, чтобы отнять его.

И для тех, кому это предначертано.

Бангор, штат Мэн
5 марта 1991 года

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен

Бесплодные земли

из цикла «Темная Башня»

Роман

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

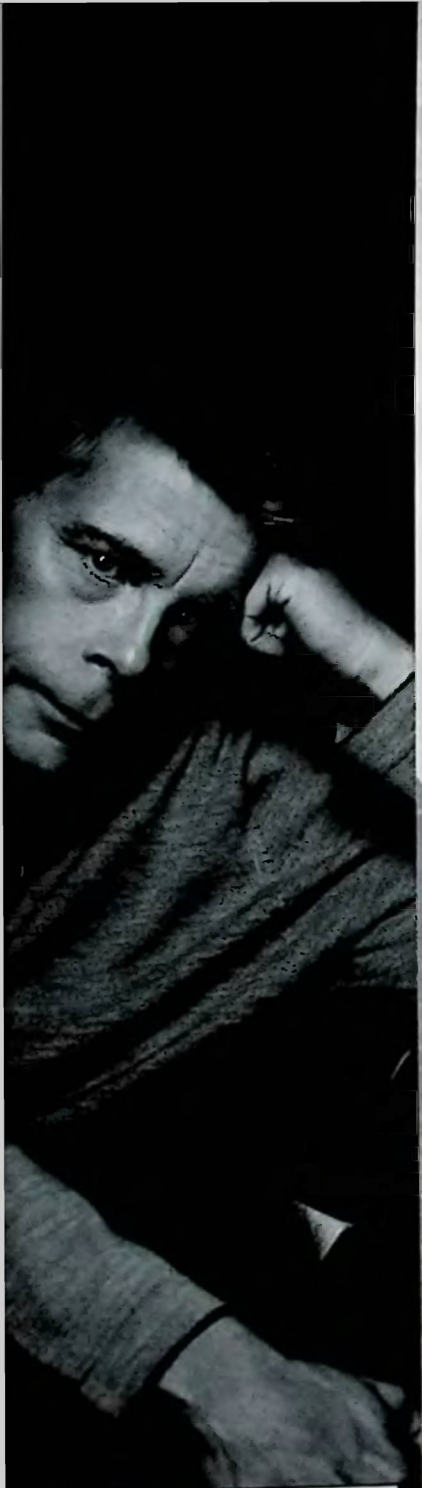
ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. В долгом и опасном пути его сопровождают люди из реального мира — мелкий воришка-наркоман и женщина с раздвоенным сознанием. Путникам противостоит могущественный колдун — «человек в черном», некогда предсказавший Роланду судьбу по картам Таро...

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-083370-2
9 785170 833702 >

SCAN IT!
1142883631
в приложении OZON.ru